



Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>



This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>



CONFER TO THE LIBRARY.



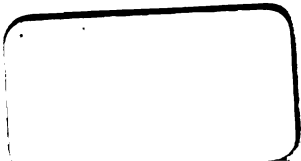
1900



CONSIGNO TO THE LIBRARY.



1880



СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА,

Ж У Р Н А Л Ъ

ЛИТЕРАТУРЫ, ПОЛИТИКИ

И

СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИИ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

Николаемъ Гречемъ

и

Фаддеемъ Булгаринимъ.

ЧАСТЬ СТО ОДИННАДЦАТАЯ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,

ВЪ ТИПОГРАФІИ Н. ГРЕЧА.

1827.



ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи, до выпуска изъ типогра-
фіи, представлены были въ Цензурный Комитетъ семь
экземпляровъ сей книги, для препровожденія куда слѣ-
дуетъ, на основаніи узаконеній. Санктпетербургъ, Декабря
15 дня 1826 года.

*Цензоръ Коллежскій Ассессоръ и Кавалеръ
Константинъ Сербиковъ.*

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА.

1827. № I.

I.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

КАРТИНЫ.

(*Повѣсть, соч. Лудвига Тика*) (*).

„Войдите пока сюда, въ картинную галерею“ — сказалъ слуга, впуская молодца Эдуарда: „Баринъ сей часъ къ вамъ выйдетъ.“

Съ грустною душою вошелъ молодой человекъ въ дверь. „Не таковы были мои вѣшва,“ думалъ онъ про себя: „когда я ходилъ по этимъ комнатамъ съ почтеннымъ оцемъ родителемъ. Въ первый разъ я сдалъ на такое дѣло, но это будетъ и послѣдній разъ. Да, должно быть послѣднимъ! Пора уже мнѣ иначе думать о свѣтѣ и о себѣ самомъ.“

(*) Пропуски были необходимы въ сей повѣсти, и если не совсѣмъ они сглажены — вполю тому журнальная шоропливость. *Перев.*

Приславивъ къ сѣбѣ обернушую холстомъ картину, пошелъ онъ далѣе по залѣ. „Не понимаю, какъ могушь люди дорожить этими бездушными изображеніями, до того, что единственно для нихъ и въ нихъ полько существуютъ!“ Таково было продолженіе безмолвныхъ его разсужденій. „Они энтузіасны, право, какъ будто закапывающся въ какой нибудь заколдованный край! Для нихъ Искусство есть окно, черезъ которое смотрятъ они на природу и свѣтъ, и полько то знакомо имъ въ послѣднихъ, чему есть подражанія. И башюшка мой привелъ въ подобныхъ же мечтахъ въкъ свой; нибѣ не касалось собранія картинъ его, но было для него ни чуть не важнѣе какого нибѣ происшествія подъ полюсомъ. Чудно, какъ всякій энтузіазмъ ведетъ насъ къ ограниченію нашего бытія и чувствъ нашихъ.“

Между тѣмъ поднялъ онъ глаза, и былъ ослѣпленъ или испуганъ картиною, которая у потолка высокой залы висѣла безъ рамы и украшеній. Голова блондуры дѣвушки, въ перепушанныхъ красивыхъ кудряхъ, съ насмѣшливой улыбкой, смотрѣла внизъ; легонькое платьѣе оставляло одно плечо не совсѣмъ прикрытымъ и выказывало всю полношу его, близину и свѣжестъ; въ длинныхъ красивыхъ пальчикахъ держала дѣвушка

едва распусшившуюся розу, поднося ее къ своимъ ярко-опшвеннымъ усшамъ. „Ай да Рубенсъ!“ вскричалъ Эдуардъ: „Должна бышь его картина, и если шочно его, то нѣшь масшера, подобнаго ему въ такихъ предметахъ! Тушь все живо, все дышишь! Эта роза споришь о свѣжести съ усшами! Краска обшихъ сливаешся въ одно, и за всѣмъ швь шакъ вѣрно опдѣлена! Эши полныя плечи — какой блескъ! Эши набросанныя въ безпорядкѣ кудри — какъ милы! Чудакъ старикъ Вальшеръ, правъ, что лучшую свою картину повѣсилъ шакъ высоко и безъ рѣмы, когда весь эшопъ прочій сбродъ шакъ у него разукрашенъ.“

Онъ поднялъ опяшь глаза, и тушь уже шшалъ постигать, какое сильное впечатлѣнiе дѣлаешъ Искусство Живописи; картина казалась ему часъ ошъ часу живѣе. „Нѣшь, эши глаза!“ говорилъ онъ, смощря и забывался въ смощрѣнiѣ: „Неужли эшо дѣло кисти и красокъ? Не дышишь ли грудь эша? не движушся ли круглая рука и хорошенькiе пальчики?“

Такъ шочно и было, пошому что въ эшо мгновение, прелестная картина поднялась и съ выраженiемъ плашовашой насмѣшливости, бросила розу — въ лице молодого

му человеку. Тушь не спало каршины, и маленькое окно со скрипомъ зашворилось.

Эдуардъ — испуганный и приспешенный — поднялъ въ безмолвіи розу. Тушь вспомнилъ онъ только объ узенькомъ коридорѣ, кошпый, сзади стѣны, у потолка этой залы, вель въ верхній комнаты дома; прочіи маленькіи окна были завѣшены каршинами — только одно оставлено для свѣшу, и часто самъ хозяинъ хаживалъ смошрѣшь изъ него на приходящихъ въ его галерею. „Возмож-но ли“ — думалъ Эдуардъ, сообразивъ все это: „чтобы крошкая Софія въ чепыре года успѣла шакъ вырости и похорошѣшь?“ — Въ странной разсѣянности, безъ мыслей, прѣжалъ онъ розу къ уснамъ своимъ, присло-нился къ стѣнѣ и шюалъ съ усшремленны-ми въ полъ, неподвижными взорами, совсѣмъ не примѣчая, что между шѣмъ шарый Валь-шеръ вошелъ и уже нѣсколько секундъ смо-ирѣлъ на него. Наконецъ послѣдній друже-ски хлопнулъ его по плечу и пробудилъ изъ мечшательности. „Гдѣ были вы, моло-дой человекъ?“ спросилъ Вальшеръ, смѣю-чись: „вы спонше, какъ будто поражены какимъ видѣніемъ.“

— „Оно шакъ и есть,“ сказалъ Эдуардъ: „извините, что я шременю васъ своимъ пошщениемъ.“

„Къ чему шакъ чуждашься, мой милый? возразилъ шарикъ искренно: „вѣдь ужъ болѣ чепырехъ лѣшь, какъ вы не заглядывали въ домъ мой. Развѣ хорошо забывашь шакъ друга вашего опца, бывшего нѣкогда вашимъ опекуномъ и всегда васъ любившаго не смолря на маленькiя размолвки?“

Эдуардъ покраснѣлъ и не вдругъ нашелся, чшбъ ему опвѣчать. „Я никакъ не подгаля,“ сказала онъ наконецъ, запинаясь: „шобъ вы желали меня видѣшь. Конечно многое, все было бы иначе, но заблужденiя мноши —“

— „Оспавимъ эшо!“ вскричалъ старикъ съ веселымъ видомъ: „чшбъ мѣшаешь намъ возобловить прежнее знакомшво и дружескiя опношенiя наши? Желаю знать, чшбъ привело васъ ко мнѣ?“

Эдуардъ пошупилъ глаза, попомъ бросилъ на спараго друга бѣглый робкiй взглядъ, помѣшкалъ еще, и наконецъ пошелъ медлительнымъ шагомъ къ сполбу, гдѣ спомла картина. „Посмотрите,“ сказала онъ, развершывая холстъ: „вошь чшо я нашель, совсѣмъ неожиданно, въ одномъ спаромъ книжномъ шкапу, оспавшемся мнѣ послѣ покойнаго бапюшки. Знашоки увѣряюшь меня, что это превосходѣйшiй Сальваторъ Роза.“

„Точно шакъ!“ вскричалъ старый Вальшеръ, и глаза его засверкали воспоргомъ. „Да, это славная находка! Счастье, что такая прекрасная вещь не заперялась! О, у моего покойнаго друга были сокровища въ домъ, и онъ самъ не зналъ всего, что имѣлъ.“

Онъ пославилъ картину въ настоящій свѣтъ, размашривалъ ее блистающими глазами, подходилъ и отходилъ, вникалъ, какъ знашокъ, въ соразмѣрность линий, пошомъ сказалъ: „не успушите ли вы мнѣ этой картины? Назначьте цѣну, и если не слишкомъ дорога, то я беру ее.“

Между шѣмъ приблизился шупъ незнакомецъ, кошорый сидѣлъ прежде въ другомъ отдѣленіи галереи и срисовывалъ картину Юлія Романо. „Сальваторъ?“ спросилъ онъ нѣсколько рѣзкимъ шомомъ: „и вы увѣряете, что нашли его заброшеннымъ въ шаромъ шкапу?“

— „Точно шакъ!“ сказалъ Эдуардъ, посмошрѣвъ гордо на незнакомца, кошораго, судя по сюршуку, довольно поношенному, и по прошой наружности, надобно было принять за какого нибудь спраншвующаго аршиста.

„Такъ вы сами обманушы“ — ошвѣчалъ незнакомецъ гордымъ, суровымъ шомомъ, —

если не было вашего намеренія обманывать другихъ; явно, что эта картина не деревянная, можетъ быть даже вовсе новая; по крайней мѣрѣ ей не болѣе десяти лѣтъ; подражаніе знаменишному мастеру довольно хорошее для перваго взгляда, такъ, что можете ввести на минушу въ заблужденіе, но знашоку спойшъ всмошрѣшься, чтобъ судить, какъ далека она отъ настоящаго Сальватора!“

— „Вошь что называется судить рѣшительно!“ вскричалъ Эдуардъ совершенно въ себя. „У отца моего были все отличныя картины и все оригинальныя; онъ и г. Вальшеръ всегда считались лучшими знашоками въ городѣ. Да чего? загляните въ лавку перваго здѣсь продавца картинъ, нашего Эриха: у него найдете вы панданъ къ этому Сальватору, за кошорый на сихъ дняхъ какой-то путешественникъ давалъ ему превеликую сумму денегъ. Спойшъ взяшь бѣ и сравните: потчасъ увидите, что онъ одного мастера и принадлежатъ одна къ другой!“

„Право?“ сказалъ незнакомецъ просяжно: „такъ вы знаете и того Сальватора? Точно, нѣтъ никакого сомнѣнія, что и вошь руки одного съ этимъ мастеромъ. Здѣсь въ городѣ оригиналы Сальватора очень рѣ-

ки, и ни у Эриха, ни у г-на Вальшера нѣтъ ни одного; но мнѣ очень знакома кисть эшого великаго Художника, и увѣряю васъ моимъ словомъ, что онъ не допрогивался пальцемъ до обѣихъ картинъ, а что это произведеніе какого нибудь нашего современника, вздумавшаго обманывать несвѣдущихъ любителей.“

— „Вашимъ словомъ?“ вскричалъ Эдуардъ съ плавающимъ лицомъ: „вашимъ словомъ! Я думалъ бы, что мое цѣнишься здѣсь сполько же, если не больше!“

„Вѣрно нѣтъ,“ сказалъ незнакомецъ: „а припомъ я сожалею, что самая ваша горячность измѣняетъ вамъ. Такъ вы, спало бытъ, знаете о поддѣлкѣ эшой картины, и знаете не совсѣмъ неискускаго подражателя?“

— „Нѣтъ!“ вскричалъ Эдуардъ еще съ большимъ жаромъ: „вы должны мнѣ доказать эшо поруганіе, государь мой! Такія дерзости, такія несправедливости и такой грубый тонъ выказываютъ характеръ вашъ съ самой дурной стороны.“

Тайный Совѣтникъ Вальшеръ былъ между цѣмъ приведенъ въ большое замѣшательство шакою ссорой, случившеюся въ его домѣ. Онъ все смотрѣлъ на картину, и убѣдился уже, что эшо новѣйшее, но пре-

восходное подражаніе знаменитому маешеру, въ кошоромъ и опытный глазъ могъ ошибиться. Его чрезвычайно огорчало, что Эдуардъ впушался въ шакое непріятное дѣло; но входить въ посредничество было уже поздно, потому что обѣ стороны слишкомъ разгорячились.

„Сказанное вами, государь мой“ вскричалъ незнакомецъ, шожѣ возвыся голосъ: — „какъ и вы сами — недоспойны моего гнѣва; радуюсь шолько шому, что случай завелъ меня въ эту галерею, и что я могъ предостеречь почтеннаго человѣка отъ обмана.“

Въ Эдуардѣ кипѣло бѣшенство. „Ну, обманывашь шуть вѣрно не думали!“ — сказалъ шарикъ Вальшеръ, съ желаніемъ прекративъ ссору.

„Навѣрное думали“ — продолжалъ незнакомецъ. „Эшо старинная уловка, при кошорой не пошрудились даже выдумашь хоть что шбудь новое. Я видѣлъ въ лавкѣ шого мнимаго Сальватора Розу; продавецъ считалъ его настоящимъ, и еще болѣе въ шомъ ушвердился, когда одинъ путешественникъ, кошорый, по плашью, казался человѣкомъ знашнымъ, спалъ предлагашь за каршину большую цѣну; онъ обѣщашь завѣшть на обратномъ пути, и условился съ

продавцемъ, чшобъ эшопъ, по крайней мѣрѣ съ мѣсяць, не выпускалъ картины изъ рукъ своихъ. — Спрашивается, кто жь былъ эшопъ знашнй баринъ? прогнаннй камердинеръ Графа Альшена, живущаго въ Вьнѣ. Не явно ли, что эшой уловкой разспавляли съши вамъ, г. Вальшеръ, и вашему другу Эриху?“

Эдуардъ завернулъ уже картину, дрожащими руками, опяшь въ холстъ; онъ скрежесалъ зубами — шопалъ ногой, кричалъ: „самъ чоршь понесъ меня!“ и въ изступленн бросился въ дверь, не примѣчая, что дѣвушка опяшь смотрѣла изъ окна, къ кошорому привлекъ ее шумъ, происходившй въ залѣ.

„Вы немножко погорячились, почтеннй мой госдь!“ сказалъ Вальшеръ незнакомцу: „эшопъ молодой человекъ, съ кошорымъ обошлись вы шакъ опрометчиво — онъ легкомыслень, даже распушенъ, однако шакихъ дурныхъ дѣлъ за нимъ не водилось — по крайней мѣрѣ я ни объ одномъ не слышалъ.“

— „Не водилось прежде, шакъ завелось шеперь“ — ошвѣчалъ незнакомецъ съ холодною колкостію: „нустъ же на эшопъ разъ будешь ему наука: или возвратишся онъ вспяль, или понаучишся зашѣвывать ум-

ивѣ подобныя дѣла, и ни въ какомъ случаѣ не перьяшь присущствія духа.“

„Вѣрно его самого обманули,“ сказала шарикъ: „а можешь бышь и дѣйствитель-но нашель онъ картину, какъ сказываешь; опець его былъ большой знашокъ; вѣрояшно пошому и опложилъ онъ ее въ спорону, что она не настоящая.“

— „Вамъ хочешся все перевершывашь къ лучшему, добрый мой хозяинъ, но въ такомъ случаѣ къ чему бы молодому чело-вѣку шакъ нехшати горячиться? Скажи-те, кто онъ шакъ?“

„Опець его,“ началъ рассказывать Валь-шеръ: „былъ чело-вѣкъ богатый и съ-шакую шпастью къ Искусшвамъ, къ какой спо-собны конечно очень немногіе. Большую часшь доходовъ своихъ обращалъ онъ на приобрѣшеніе картинъ, и его галлерей была дѣйствитель-но безподобна. Но заботясь о шомъ, онъ слишкомъ небрегъ воспитаніемъ единственнаго сына; а пошому-шо, какъ скоро умеръ шарикъ, молодой чело-вѣкъ пу-сшился въ мышаршво; завель у себя спо-лы, банкешы, экипажи; шпаль водишься съ разными безпушниками, объѣдалами, преле-стницами. Когда сдѣлался онъ совершенно-лѣшнимъ, надобно было плашшь несмѣш-ныя суммы долговъ росшовщикамъ; но ужь

опъ пустился и стоялъ на помъ, чшобъ промытарить все до конца. Въ каршинахъ не знаешь онъ вовсе шолку, почему и не задумался пустишь ихъ въ продажу: я взялъ у него многое за сходную цѣну. Теперь, изъ оставшагося послѣ опца огромнаго имѣнія, нѣшь у него ничего, кромъ прекраснаго дома, который, думаю, шакже пойдетъ, за долги, съ молошка. Хорошихъ свѣдѣній не могъ онъ приобрѣсть ни въ чемъ; занятіе для него нестерпимо; и шакъ, нельзя не пожалѣшь, какими скорыми шагами ведетъ онъ себя къ гибели.“

— „Эшо испорія многихъ людей,“ замѣнилъ незнакомецъ: „и обыкновенный пупъ жалкой суешности, которая, изъ вихря забавъ, бросаетъ челоуѣка въ объятія презрительности.“

„Но какъ вы приобрѣли такой вѣрный глазъ?“ спросилъ Совѣтникъ: „меня и шѣ удивляетъ, что вы шакъ хорошо копируете Юлія, не бывъ аршистомъ, какъ говорите сами.“

„Я давно уже занимаюсь Искусствами, опвѣчалъ незнакомецъ; видѣлъ все важнѣйшія галлерей въ Европѣ, и не безъ пользы; глазъ мой оспръ и вѣренъ опъ природы; упражненіе образовало и укрѣпило его еще болѣе, такъ что — могу похвасташься —

не легко меня обманушь, по крайней мѣрѣ въ любимцахъ моихъ.“

Тутъ незнакомецъ раскланялся, давъ общаніе хозяину прійти завтра къ нему обѣдать; въ умѣ шарика Вальшера пріобрѣлъ онъ уже большое къ себѣ уваженіе своими познаніями.

Въ величайшей досадѣ пошелъ Эдуардъ домой. Какъ бѣшеный, вбѣжалъ онъ въ домъ свой, съ шумомъ и громомъ бросалъ за собою двери, и пройдя всѣ большія комнаты, явился наконецъ въ маленькомъ кабинетѣ, гдѣ ждалъ его, за спаканомъ крѣпкаго вина, шарикъ Эйленбекъ. „Вошь шебъ“ закричалъ Эдуардъ: — „вошь шебъ, шарый, кривоносый, пьяный мошенникъ! возьми назадъ свое пачканье! продай — авось пригодится кому нибудь на вывѣску!“

— „На вывѣску жаль такой хорошей каршинки“ — сказалъ шарый Живописецъ, съ величайшимъ хладнокровіемъ наливая слова спаканъ свой. „Что, дружище, видно погорячился? Что жъ, Вальшеръ не хочешь купишь?“

„Бездѣльникъ!“ закричалъ Эдуардъ, опбрасывая съ сердцемъ каршину: „и для шеба сдѣлаю я самъ бездѣльникомъ! Разогор-

чень, поруганъ! Ахъ, и какъ горько при-
спыженъ въ собственныхъ глазахъ, за шо,
чшо, изъ любви къ шебъ, рѣшился на ша-
кую низкую ложь.“

„Ни мало не ложь, мой милый!“ ска-
зала Живописецъ, развертывая картину;
это настоящій Сальвадоръ Роза; въ пер-
вый разъ удалось мнѣ написать шакогъ.
Вѣдь ты не видалъ меня за работою, сдѣ-
спвенно и знашь не можешь, чья она соб-
спвенно. Ныпъ, мой любезный, ты неудач-
ливъ; напрасно я ввѣрилъ шебъ это дѣло.“

„Хочу бышь честнымъ“ — закричала
Эдуардъ и шреснула кулакомъ по шолу:
„хочу сдѣлаться порядочнымъ человекомъ,
чшобъ опянь имѣли ко мнѣ уваженіе — и
другіе и самъ я. Буду совсѣмъ не шощъ,
начну другой образъ жизни.“

— „Къ чему жъ шущъ бѣсишься?“ ска-
зала старикъ, прихлебывая изъ спакана:
„Я шебъ не помѣшаю; еще порадуюсь оль
души, когда это сбудешся. Не я ли всегда
шебя уговаривалъ? Не я ли спарался при-
учишь шебя къ заняшямъ — гошовишь
лакъ, перешъ краски? Ну, право, я шебъ
много добраго совѣшовалъ.“

„Ахъ ты разбеспіа!“ закричала Эдуардъ:
чшобъ я сдѣлался швоимъ мальчишкой, шво-
нимъ прислужникомъ! — Однако, правда,

сегодня униженъ я еще больше, потому что даю на мошенническое дѣло въ услугу мошеннику.“

— „Какія все нѣжныя выраженія у этого молодца!“ сказала Живописецъ, ушкнувши въ спякапъ свое ослабленное лицо: „Если бь мнѣ вздумалось принять къ сердцу, такъ у насъ вышла бы или драка, или злѣйшая вражда. Но его ли доброй душой живешь злая мысль? Въ немъ есть что-то благородное, и, правду сказать, бышь поргашемъ картинъ ему совсѣмъ не годится.“

Эдуардъ прилегъ на споль головою, и Живописецъ шоропливо сперь луку пролитшаго вина, чтобы шопъ не попалъ въ нее рукавомъ. „Да, да!“ сказала потомъ Эйлсбекъ въ раздумь: „вѣдь и добрый, любезный Сальвашоръ велъ не самую похвальную жизнь; онъ, какъ говорятъ, былъ бандитомъ. Не совсѣмъ-то праведенъ былъ и Рембрандшъ: при жизни, выдалъ себя за умершаго, чтобы шолько возвысить цѣну своей работы — хоть, правда, черезъ нѣсколько лѣтъ онъ шочно умеръ; сльдшневно разница въ шомъ, что обчелся не много въ годахъ. Посуди же шеперь, если я рисую шакую картинку съ полнымъ радушиемъ и смиреніемъ, если я вкрадчиво и глубоко вдизаюсь въ древняго мастера и во весь его

милыя особеннoсти, такъ, что наконецъ мнѣ самому кажется, будто рукой моею и кистью водишь душа покойника; и пусть, когда каршинка гошова, и улыбається мнѣ радостно за мастерство древяго искусника, который не все могъ сработать и не вѣчно могъ жить — и когда я попомъ, пропустивъ спаканчикъ винца, смотрю, глядяюсь и вполне увѣряюсь, что точно не моя работа, а того опившаго въкъ свой старичка; и когда передаю ее другому такому же любилелю покойнаго, прося очень умереннаго воздаянiя за то, что далъ водишь своею рукою, и что скрылъ поржество собственнаго своего генiя — посуди, мой любезный, неужели это въ самомъ дѣлѣ такой, къ небу вопiющiй грѣхъ, когда я самъ собою жертвую споль невиннымъ, ребяческимъ образомъ? “

Онъ приподнял голову лежащаго, и вдругъ изъ расширеннаго усмѣшкой лица его сдѣлалось длинное и пошное, когда онъ увидѣлъ, что щеки юноши омочены слезами, спремиющимся горячимъ, непрерывнымъ испочникомъ изъ глазъ его. „О, моя пощрянная юность!“ воскликнулъ Эдуардъ, рыдая: „о вы, злые дни, недѣли и годы! какъ безлупно распочались вы — въ полномъ забвенiи того, что въ вашихъ лешу-

чихъ часахъ кроешся зародышь добродѣтели, чести и счастія; что разъ ускользнувши, не придетъ драгоценнѣйшее время жизни! Мою жизнь, бальзамъ сердца моего, выплеснулъ я, какъ спаканъ застоившейся воды. Ахъ! какая зря счастія для меня занималась, — счастія мнѣ и другимъ, если бы только злой духъ не ослѣпилъ меня. Благословенныя деревья росли и бросали пѣнь надо мною и вокругъ меня; подъ ними другъ, супруга, угнетенные нашли бы приюсть, пособіе, опраду и покой; и я, безумный, въ слѣпомъ высокомеріи, я наложилъ шопоръ на эту рощу, и принужденъ теперь переносить спужу, зной и бурю!“

Эйленбекъ не зналъ, какъ успроишь лице свое; не зналъ и подавно, что шущъ говоришь: въ шакомъ расположеніи духа, съ такими чувстввами, никогда не видалъ онъ своего молодого друга; но порадовался и успокоился, видя, что шощъ совсѣмъ его не замѣчаешь, и что ему, пришаившись, можно преспокойно кончить не совсѣмъ еще опорожненную бушыаку.

„Такъ ты хочешь сдѣлашься добродѣтельнымъ, сынъ мой?“ сказалъ онъ наконецъ: „И то не дурно. Правду говоря, не много люди такъ склонны къ добродѣтели, какъ я самъ; изволишь видѣшь, нужна боль-

•

така прозорливость и на то, чтобы только знаешь, что такое добродѣтель. Скрыжничать, щечиться на счетъ людей, лгать передъ собою и передъ Господомъ Богомъ — это конечно не шѣмъ пахнешь. Но кто имѣешь истинный талантъ, тошъ найдешся и въ этомъ. Если и человекъ благоразумному, подспорю хорошенькаго Сальвадора или Юлія Романо своей фабрики, и онъ тому порадуешся, все еще я сдѣлаю лучше, нежели какому нибудь болвану продамъ настоящаго Рафаэля, — потому что глупецъ не сумѣешь цѣнить, и вѣрно въ глубинѣ души больше бы обрадовался какому нибудь также напачканному факъ-деръ-Верфшу. Вижу, что моего большаго Юлія Романо придется мнѣ продать самому — въ шебъ для подобныхъ вещей нѣтъ ни удалства, ни удачи.“

— „Эти жалкіе софизмы уже не могутъ на меня дѣйствовать,“ сказала Эдуардъ: „прошло время, и — берегись, чтобы и тебя не поймали: просняковъ ты еще можешь проводить, но не такихъ знашюковъ, какъ старый Вальшеръ.“

„Не говори, пожалуйста, миленькій,“ сказала Живописецъ: „знашюковъ-то и обманываешь, а съ неопытными не хочу я и связываться. Твой Вальшеръ! старый прозорамъ“

вый Вальшеръ! Не видалъ ли ты прекраснаго Галленбрейгеля (*), который виситъ у шрестьяго сполба, между абрисомъ Рубенса и поршрешомъ фанъ-Дейка? Эшо мой. Прихожу я къ добряку съ картиной: не хошише ли сдѣлать славную покупочку? — Чшо! закричалъ онъ: эшошь вздоръ, глупосши? Нѣшь мнѣ ихъ не надобно! Покажише однако. Ну, я никогда не беру къ себѣ подобныхъ неслѣпосшей, но какъ въ эшомъ рисункѣ все таки, мнѣ кажется, поболѣе шолку и пріятносши, шо я на сей разъ сдѣлаю исключеніе. Словомъ, онъ удержалъ картину за собою, и показываешъ ее теперь добрымъ людямъ, на хвасшовство своего многообразнаго вкуса.“

Тутъ сказалъ Эдуардъ: „но не вздумашъ ли и ты наконецъ сдѣлаться порядочнымъ человекомъ? Можешъ бышь, еще шора не прошла.“

— „Э, э! молодой увѣщашель!“ вскричалъ шарикъ: „я ужъ давно шаковъ. Ты, брашь, не разумвешъ эшого дѣла; пришомъ

(*) Собственно Адскій Брейгель. Такое прозвище дано было пошому, что сей Живописецъ любилъ рисовать мрачные предметы; также для ошличія ошь ошда и браша, кошорые равнымъ образомъ были Живописцы. *Прим. Перев.*

же ты еще шеперь съ-горяча. Дойди-ка до цѣли, и когда счастливо минуешь всѣ скады, мели и маяки — тогда помани меня хорошенько: авось и я поплыву вслѣдъ за тобою. Пока же, оставь меня въ покоѣ.“

„И шакъ“ — сказала Эдуардъ, смотря на него опять дружески: — „мы пойдемъ уже разными пушами; я многого лишился, но еще не всего; у меня остается часъ имѣнія — эшопъ домъ. Здѣсь устроюсь я по-просу; попышаюсь выпросить у Принца, кошорый чрезъ нѣсколько дней долженъ сюда прѣхать, мѣсто Секретаря или Библиошекаря; можешь бышь, опшправлюсь пушешешивовашъ съ нимъ; можешь бышь, гдѣ нибудъ, въ другомъ мѣстѣ мнѣ посчастливишся — если жъ не шо, останусь и здѣсь, ограничу себя, сыщу себѣ работу и заняшіе на своей родинѣ.“

— „Когда жъ пушишъся ты на это добродѣтельное жишье?“ спросилъ шарикъ со злобною усмѣшкою.

„Все равно“ — отвѣчалъ юноша: — „завтра, сегодня, въ эшу минушу.“

— „Глупости!“ сказала шарикъ, покачивая сѣдою своею головою: „ко всему доброму надобно собрашъся съ духомъ, съ временемъ, пригошовишъся, взяшь направленіе; шарый періодъ кончишь шорже-

спивенно, и почто также начашь новый. Прекрасный былъ шопъ обычай, когда, въ нѣкошорыхъ краяхъ, предки наши, провожая карнаваль, веселились въ волю, шакъ, чшо наконецъ едва не надрывались опъ разныхъ пошѣхъ и удовольствій; а все, чшобы послѣ безъ помѣхи и безъ всякаго зазрѣнїя совѣспи начашь смиренничашь. Эшому почтенному обычаю, право, надобно слѣдовать; и вошъ, мой миленькій, кспашпи — я шебя шакъ любилъ — дай намъ и себѣ еще разъ молодецкую попойку, шакую, знаешь, самую опличную, чшобы намъ, особенно мнѣ, было чѣмъ шебя вспомнишь; дай намъ, за самымъ лучшимъ виномъ, пображничашь у шебя до глубокой ночи; а шамъ спупай себѣ вправо къ добродѣтели и умѣренности, а мы побредемъ влѣво, своимъ проложеннымъ пушемъ.“

„Ты насшоящїй бражникъ!“ сказала Эдуардъ, улыбаясь: „шолько бѣ нашелся предлогъ нахлюсташься, а шо шебѣ все ладно. Впрочемъ, шакъ и бышь, я утощу васъ наканунѣ Крещенья.“

— „Ждашь чешыре дня!“ пробормотала шарикъ со вздохомъ, — дошянулъ послѣднїя капли изъ спшкана, и пошомъ удаллся, молча.

„У насъ будешь сегодня обѣдашь небольшое общество,“ сказала Совѣшникъ Вальшеръ своей дочери.“

— „Право? и Эдуардъ то же будешь?“ спросила Софія.

„Нѣтъ,“ отвѣчала ошець. „Что онъ прищель шебъ въ голову?“

— „Я думала, не захошине ли вы, можешъ бышь, приглашеніемъ его сколько нибудь вознаградишь за ту непріятную встрѣчу, какую имѣлъ онъ въ вашемъ домѣ безъ вашей воли.“

„Сегодня было бы эшо вовсе некешаши, пошому что обѣдаешъ у насъ именно шонъ человекъ, который оскорбилъ Эдуарда.“

— „Право? шонъ?“ сказала прошаяща Софія.

„Мнѣ кажешся, онъ шебъ не по праву.“

— „И очень, пошому что во-первыхъ: я не люблю никого, о комъ нельзя узнать, кто онъ шаконъ; всякій хочешъ принимаешъ на себя эшо инкогнишо, чшобъ въ чужомъ краю прослышь Богъ знаетъ за какое диво, шогда какъ ни за нимъ, ни передъ нимъ ничего нѣтъ; шочнехонько шакъ и съ эшимъ незнакомцемъ: посмошрѣшь на него, шакъ вѣрно сочшешъ не больше, какъ ошешавнымъ учитедемъ или секретаремъ, а шуда же важничаетъ, и вчера у васъ въ галлерей

шакъ вышупалъ, какъ будто главный Директоръ всѣхъ миссіонерспивъ.“

„Ты сказала: во-первыхъ!“ спросила опець съ улыбкою: „ну же, во-вторыхъ?“

— „Во-вторыхъ, онъ неуклюжъ;“ сказала дочь, смѣючись: — „въ-третьихъ, онъ несносенъ, и въ-четвертыхъ, я ненавижу его отъ всего сердца.“

„Эпо у васъ всегда первое и послѣднее,“ сказала спарикъ. „Еще жду я къ себѣ друга своего Эриха и молодого Живописца Дирриха, а также и чудака Эйленбека.“

— „Вотъ и всѣ возрасшы вмѣстѣ,“ воскричала Софія: „всѣ роды въ-совѣ и правиль! Не придетъ ли еще молодчикъ фонъ-Эйзенманнхъ, чшобъ ужъ вполнѣ оправить мнѣ нынѣшній день.“

Опець спалъ грозилъ пальцемъ, но это ни мало не смутило бойкой дѣвушки; скоро и съ досадою продолжала она: „вѣдь право нѣчѣмъ порадовашься мнѣ въ такомъ обществѣ: наращущъ глаза и болшающъ, хощающъ любезничашъ и агущъ, и шакъ во всемъ неспернимы, чшовмѣсто эшихъ обидовъ, лучше бы я шри дня проголодала. Эпошъ влюбленный народъ шакъ мнѣ проливень, какъ неспѣлая смородина! Отъ каждаго слова ихъ олизывается мнѣ еще съ жедзю горечью, и поршишъ, какъ отъ ос-

томины, вкусъ для всего хорошаго. Еще помнѣ кривоносый, бронзовый грѣшникъ лучшенькій изъ всѣхъ, потому что, по крайней мѣрѣ, у него нѣтъ на умѣ пріобщить меня къ домашней своей мебели.“

— „Эпо-шо мнѣ въ тебѣ и не нравишься“ — сказала опець: — „даже спрахъ, какъ меня огорчаешь; все еще не вижу, когда ты покинешь глупое свое упрямство. Ты вѣдь знаешь мысли мои на счетъ супружества и такъ называемой любви; знаешь, что сдѣлала бы меня счастливымъ, если бы перелюмила себя.“ —

— „Изгнине, мнѣ надобно въ кухню,“ прервала вдругъ Софія: „вѣдь придется же васъ угощать; не забудьте дать приказъ о хорошихъ винахъ, чтобы красный Эйленбекъ не расхулилъ вашего погреба.“ Тушь убѣжала она, не дожидаясь отвѣта.

Старикъ пошелъ по своимъ дѣламъ, а дочь между тѣмъ хозяйничала. Она съ умысломъ прервала разговоръ, предугадывая, къ чему поведетъ онъ: опець, котораго она очень хорошо знала, зашѣвалъ женишь на ней друга своего Эриха, еще не такъ опжившаго вѣкъ свой, чтобы подобныя зашѣвки могли показаться слишкомъ смѣшными. Эрихъ нажилъ себѣ, шоргомъ своимъ, порядочное имѣнье; въ это время скопилось

у него много прекраснѣйшихъ картинъ Италіанской школы, и мысли Вальшера были шаковы, что если удастся ему уговорить дочь къ этой свадьбѣ, его будущій зять долженъ прекратить торгъ: тогда собраніе картинъ Эриха присовокупилось бы къ его галереѣ, и составила бы одна, очень значительная, кошорая сохранилась бы и по смерти его. Спарикъ ужасался при одной мысли о томъ, что его собраніе со временемъ разсѣется, будетъ продано за безцѣнокъ, попадетъ, можешь бышь, въ руки людей несвѣдущихъ, у копорыхъ пропадутъ за ничто всѣ картины. Спрась его къ Живописи была шакъ сильна, что вѣрно купилъ бы онъ, во что бъ ни стало, картины своего друга, если бъ не издержался передъ шѣмъ на покупку значительнаго имѣнія и сада, копорые захошѣлось ему оставишь въ наследство дочери. Вертѣлся на умъ его и молодой Живописецъ Динрихъ, красивый, блонкурый юноша; и хотя не по немъ была манера его упражняшь въ искусствѣ, не по немъ и манера одѣвашься, но все могъ онъ бышь увѣренъ, что молодой человекъ свято сохранишь его завѣщаніе о картинахъ. Спарый Живописецъ Эйленбекъ не могъ прійти ему въ голову для его плановъ; но за то со вчерашняго дня смощръдъ

онъ самыми опеческими глазами на прѣзжаго знашока въ Искусствахъ, и шѣмъ чувствительнѣе былъ для него презрительный опзывъ дочери. Хотя онъ и не признавался въ самомъ себѣ, но смотря въ будущее, шочно забошлся болѣе о благѣ своей коллекціи, нежели о счасіи своего дѣшннца. Даже молодой фонъ-Эйзеншлихтъ, сынъ рощовщика, былъ бы не прошивень ему къ выбору въ зяшья, пошому что довольно понашерся около образованныхъ людей въ путешествіяхъ, и при качествахъ опца своего, подавалъ надежду, что не выпуститъ изъ рукъ шакого драгоценнаго собранія картинъ.

Насупало время обѣда, и госши, одинъ по одному, собирались. Прежде всѣхъ явился юнѣшій, Диприхъ, въ шакъ называемомъ древне-Германскомъ нарядѣ, съ распущенными по плечамъ волосами и съ русою бородкою, копорая не поршила его было-румянаго личика. Онъ не пропустилъ случая освѣдомиться о дочкѣ; пришла и она, въ зеленой шелковой одеждѣ, копорая опмѣнно возвышала блескъ лица и плечь ея. Юпоша, полу-смущенный, полу-опважный, завелъ шощасъ разговоръ съ Софіей, и спарался какъ можно расплошавъ его, но шѣмъ еще замѣшнѣе спановлиансь въ

мень сухость и принужденіе. Прерваны и ушѣшены были оба появленіемъ сшараго Эйленбека, кошораго пунцовое лице пресшранно выглядывало изъ - за свѣшлосзеленаго камзола и сѣраго фрака: наравнѣ со многими, самыми опшврашительными людьми, любилъ и онъ наряжашься въ яркіе цвѣша. Молодые люди едва могли удерживашься опъ смѣха, смощря, какъ онъ неловко вошелъ, съ какими ужимками и кривляньемъ спшалъ раскланивашься, и въ какихъ чудныхъ положеніяхъ предспавлялись пришомъ его свернушое на спорону лице, его искривленый носъ и маленькіе бѣглые глаза. Незнакомецъ заспавилъ себя пождашь, и уже Софія начала опяшь посмѣивашься надъ шакимъ важничаньемъ, какъ наконецъ онъ явился, довольно въ скудномъ нарядѣ, и шущъ все общеспво опсправилошь въ споловую, гдѣ Эрихъ уже посшавилъ въ надлежащемъ свѣшъ одну каршину, о кошорой хошѣлось ему слышашъ сужденіе незнакомца и другихъ Живописцевъ.

Какъ ни спарался Дишрихъ попасшь за споломъ въ сосѣди Софіи, но ему не удалось: она свла между Эрихомъ и незнакомцемъ. Эйленбекъ, на все замѣчашельный и большой ошонникъ язвншъ изъ-подшипка, прикрывашь личиною добродушія, пожалъ

руку молодого человека и, какъ бы съ сердечнымъ умиленіемъ, благодарилъ его, что онъ шакъ долго кружилъ около стола, чтобы сѣсть подлѣ шаричка, котораго хотѣя любишь Искусство и занимается имъ, но при ослабѣвающихъ силахъ, уже конечно не можешь гнашься за почетомъ новѣйшей школы, а только энтузіазмомъ ея зажигаешь въ себѣ попухающія искры и согреваешь свою хладѣющую жизненность. Диприхъ, котораго, по молодости, принялъ все это за чистыя деньги, спалъ разсыпаться въ благодарности, и не зналъ, какъ найши въ себѣ довольно смущенія въ замѣнѣ шакой униженности. Старый плутъ, радуясь удачѣ своего прищворства, не переславалъ развѣживашъ добродушнаго юношу — и до того вскружилъ ему голову, что шощъ, мечтающая уже бытъ учитедемъ простенькаго шаричка, расчищывала шолько въ умѣ своемъ, какъ упошребилъ къ высокимъ своимъ цѣлямъ его практическія свѣдѣнія, и не далъ замѣнитъ ему, что новый учитель естъ вмѣстѣ его ученикъ.

Между шѣмъ, какъ они спарались провесити другъ друга, у незнакомца и хозяина завязался, опчассти случайно, опчассти же по смѣшливому расчесу послѣдняго, разговоръ о супружествѣ: шощъ предмешъ все-

гда вернѣлся на умъ шарика Вальшера, ж онъ не пропускалъ случая полковашъ о-
 мемъ. „Не могу никакъ согласиться, ока-
 залъ онъ, съ шѣмъ повѣрьемъ, которое уже
 лѣтъ съ пятьдесятъ обрапилось во всеобщую
 моду. Называю его модою, пошому чшо-
 кошъ и самъ былъ молодъ, не могъ я ни-
 когда убѣдиться, чшобъ шому было какое-
 шибудь основаніе въ природѣ. Можно ли опъ-
 вергать, чшо нѣкошорые люди, время опъ-
 времени, бывающъ подвергаемы спрасшамъ
 и заблужденіямъ? Очень часто видимъ дур-
 нныя послѣдствія гнѣва, пьяншва, ревности
 или ненависти. Точно также нельзя опшвер-
 гать, чшо множество бѣдъ и спранныхъ
 случаевъ рождаешъ опъ шѣхъ взволнованныхъ
 чувствъ, кошорыя называющъ любовью. Но-
 дѣло въ шомъ, чшо люди, спараясь избѣ-
 гать всѣхъ прочихъ заблужденій и опущать
 себя опъ внезапнаго напора спрасшей, по
 какой-шо спранный превращенности, вдругъ
 вздумали, съ нѣкошораго времени, хвасташь-
 ся, чшо они испытали въ свой вѣкъ любовь
 со всѣми ея нешповспшвами — вздумали да-
 же считашь ее необходимою принадлежно-
 стію жизни.“

Незнакомецъ приспально смопрѣлъ на
 хозяина, и на слова его кивалъ одобришель-

но, почему старикъ, возвысивъ голосъ, продолжалъ :

„Будемъ судить еще безприспращиве: — положимъ, что всѣ эти воспорги такъ называемыхъ влюбленныхъ, въ кошорыхъ, какъ они увѣряють, весь міръ кажется имъ въ прелестнѣйшемъ видѣ, всѣ душевныя силы ихъ напрягаются, дѣлаются возвышеннѣе (хотя въ этихъ грѣзахъ они всегда почто, какъ сонныя и неспособны ни къ какой работѣ) — положимъ, что все это естественно: спрашиваю теперь, нужно ли оно, хотя бы взяло и самый счастливый оборотъ, нужно ли къ тому, чтобы вступить въ благоразумное супружество? Нѣтъ, если бы мнѣ послалъ Богъ несчастье, замѣтивъ подобныя сумасбродства въ моей дочери, никогда не далъ бы я своего согласія.“

Софія улыбнулась; Диррихъ, смотря на нее, покраснѣлъ, а Эйленбекъ, въ раздольѣ, попягивалъ изъ спакана. Хозяинъ же, увѣренный въ своемъ дѣлѣ и видя, что незнакомецъ внимательно его слушаетъ, шѣмъ съ бѣльшимъ усердіемъ и жаромъ продолжалъ: „Нѣтъ! хвала мужчине, кошорый, совсѣмъ не зная этой превратной спраши, предпринимаешь благоразумную рѣшимость вступить въ супружеское званіе! хвала дѣвицѣ, кошорая благонаравно сниски-

ваешь себя супруга, не разыгравъ напередъ нѣсколькихъ сценъ подобнаго безумства и безстыдства! Тогда - то ниспопелся имъ довольство, спокойствіе и благодать, какими съ избыткомъ надѣлены были предки наши и кошорыми гнушаешь нынѣшній свѣтъ. Въ сихъ - то бракахъ, заключенныхъ по зрѣломъ размышленіи, въ чистотѣ и смиреніи сердца, находили тогда люди, безпрерывно возрастающею довѣрчивостью, усугубленіемъ нѣжности и взаимною снисходительностью, но счастье, кошорое нынѣшнему горделивому поколѣнію кажется незначительнымъ. Пошому-то садъ жизни его и устьянъ шерніями, каковы нужда и бѣдность, досада и несогласіе, раздоръ и ненависть. Рано приучась къ упоенію спраши, ищущъ шого же и въ бракъ, и гнушаясь необходимостями вседневной жизни, возобновляющъ справа и слѣва, въ разнообразныхъ и все въ болѣе и болѣе ничтожныхъ измѣненіяхъ, зашѣи своего любовнаго ремесла, и шакимъ образомъ погибающъ въ свѣтахъ собшвеннаго обольщенія.“

— „Жестоко, но справедливо!“ — сказалъ незнакомецъ съ видомъ размышленія.

„Такъ и вы согласны со мною,“ подхватила старый Вальшеръ: „что счастливымъ бышь можешь шолько бракъ по разсудку?“

Я самъ никакъ не затруднюсь отдать единственную и не бѣдную дочь свою, за человека — изъ какого бы званія ни былъ — лишь бы характеромъ основательнаго, съ твердыми познаніями, особенно въ Искусствахъ; тогда могъ бы я надѣяться, что и внуки мои пожнутъ плоды моего трудолюбія, а не развѣюшъ по вѣпру и не пусятъ по рукамъ невѣждъ того, что собрано долговременными пожертвованіями и неунынными трудами въ этомъ жилищѣ.“

Онъ посматрѣлъ на гостя самымъ привѣтливымъ взглядомъ; но незнакомецъ, до сихъ поръ ласково съ нимъ разсуждавшій, вдругъ принялъ на себя почти угрюмый видъ, и помолчавъ немного, сказалъ: „собираемая частными людьми коллекція никакъ не можетъ существовать долго; кто любитъ Искусство, долженъ уступать собранныя сокровища за сходную цѣну владельческимъ особамъ, или оставяя ихъ въ наследство какимъ нибудь большимъ галлереемъ. По этому не могу я одобрить и намѣреній вашихъ въ разсужденіи вашей дочери, хотя впрочемъ съ понятіями вашими о супружествѣ я совершенно согласенъ. Вообще каждое супружество не безъ оглядокъ. Если бъ я не былъ помолвленъ и тысяча разныхъ причинъ не принуждала меня сдер-

жашь слово, шо гораздо охопнѣе оспался бы на цѣлый вѣкъ неженатымъ.“

Спарикъ покраснѣлъ и пошупилъ глаза въ шарелку; пошомъ, не безъ смущенія, завель онъ съ сосѣдомъ своимъ другой разговоръ. „Послѣдній аукціонъ эспамповъ былъ совсѣмъ не шакъ удаченъ,“ сказалъ карпинный продавецъ: „какъ ожидали хозяева.“ — „Эшо часшо случается съ аукціонами,“ замѣшила, съ лукавымъ видомъ, Софія: „худодѣлающъ, чшо и пускающъ на удачу, кому пѣшь крайности.“

Диприхъ, не понимая насюющей связи разговора, со свойспвеннымъ молодости добродушіемъ и пылкостью, пущился въ проспранныя разсужденія о варварскомъ обычаѣ, продавашь изящныя произведенія съ молотка, говоря, чшо при шомъ и повреждающъ они хвашаньемъ изъ рукъ въ руки, и оскорбляешся какъ слава опличныхъ мастеровъ, шакъ и чувствво испинныхъ цѣнишелей. Такими рѣчами пріобрѣлъ онъ хорошее о себѣ мнѣніе хозяина, кошораго сумрачное лице вдругъ ослабилося и обрашилося къ нему съ миною одобренія. Софія, боясь, чшобъ не началось опншь новое свашовство, споль же сокровенными пущими, какъ и прежнее, вдругъ спросила молодого Живописца: кошорый изъ рисунковъ своихъ

*

кончишь онъ прежде, Машеръ Божію, или Сняшіе со креста?

Тутъ незнакомецъ вспушилъ съ Дишрихомъ въ разговоръ, а потомъ и въ споръ о преимуществвахъ старой и новой школы. Юный Живописецъ, подспрекаемый важничаньемъ прошивника, занесся далеко въ похвалахъ собратамъ своимъ и въ униженіи шариковъ, ихъ учителей.

„Молодой человекъ!“ сказалъ наконецъ незнакомецъ съ извнщельнымъ хладнокровіемъ: „надобно бышь или мнѣ помоложе годами десятью, или вамъ нѣсколько постарше, чшобъ я пуспился съ вами въ споръ о такомъ важномъ предметѣ. Нельзя опвергать, что какой-шо фаншаспическій сонъ господспвуешь въ Искусствахъ нашего вѣка; если шъ, кошорые заслужили сполько опъ васъ хулы, спшкомъ сухи, шо нынѣшніе, хваленые, находящяся въ какомъ-шо болѣзненномъ упоеніи, спчно будшо несовсѣмъ крѣпкій напитокъ бросяся имъ въ голову.“

— „Вы не хошѣли спорить,“ закричала молодой Живописецъ: „а пускаешься дальше, спшанившись обидчивы. Я знаю по крайней мѣрѣ шо, что въ спспраши нельзя бышь спспособнымъ къ здравому сужденію.“

Софія, въ ободреніе юности, спопрѣля на него плушовавшимъ, злорадспнымъ взо-

рожь; отецъ ея уже шрусилъ; но Эрихъ, къ счастью, вслушалъ въ разговоръ съ благо- разумною рѣчью. „Когда возраждающія силь- ныя прошиворѣчія,“ сказалъ онъ: — „это знакъ, что ешь въ срединѣ нѣчто суще- ственное, заслуживающее, чтобы о немъ спорилъ, и чтобы всикій доискивался его, не желая бытъ приспраснымъ. Давно уже Искусство вышло за предѣлы насшной жи- зни и сдѣлалось шолько предметомъ роско- ши; пошому-шо и забыли, что оно имѣло шѣсную связь съ дѣлами Церкви и свѣта, съ благочесшiemъ и вдохновенiemъ; пошому- шо и родилось хладнокровное умничанье зна- шокоевъ, приспрасшie къ мелочному, пусшое исканie ешественности, а шакже и нашану- шый энтузіазмъ. Еще я помню время, когда въ галлерейхъ прекраснѣйшія произведенія какого нибудь Леонардо показывались, какъ достопримѣчательные и спранные аншики, даже Рафаэлю удивлялись не безъ пошлой хришки, а смопря на древнѣйшихъ масте- ровъ, пожимали плечами; на Живопись же прежнихъ Нѣмцевъ и Нидерландцевъ не мо- гли взглянуть безъ смѣху. Это варваршво шеперь уже миновалось.“

— „Хорошо было бы, если бы за шо не родилось новое и худшее!“ вскричалъ Эйленбекъ, пылая багрецомъ ошъ напшкоевъ,

и бросая взоры горячаго учаспія къ незна-
комцу. „Мнѣ всегда больно, что въ наше
время, рѣчь цспиннаго знашока не бываешъ
выслушана; эншузіазмъ заглушаешъ рассу-
дшельность, а право, ничшо не можешъ
бышъ шакъ поучшельно для Художника,
какъ разговоръ съ насшоющимъ любшпелѣмъ
Искусшвъ: имъ возвышаешся душа, и на
цѣлые годы оспашешся воспоминаніе живѣй-
шаго наслажденія, шѣмъ болѣе, что шакшхъ
любшпелей рѣдко всшрѣчаешъ.“

Незнакомецъ, кошорый казался уже раз-
спроеннымъ и раздраженнымъ, вдругъ, послѣ
сшхъ словъ, сдѣлался веселъ и пршвѣшлшвъ.
„Художникамъ и любшпелѣмъ Искусшвъ,“
ошвѣчалъ онъ: „надлежало бы искашъ другъ
друга, и безпрешанно зашмшвовашься свѣ-
дѣніями. Такъ было въ прѣжнее время, и эшо
пршнадлежшшъ шакже къ числу пршчинъ, по
кошорымъ процвѣшала Живопись. Воображе-
ніе каждаго шворящаго бываешъ пршшупле-
но и упомлено, если ничѣмъ не освѣжаешся
и не обогащаешся оно извнѣ, а эшо можно
сдѣлашъ шолько благоразумною, дружескою
совѣщашельностью; не говоря уже о шомъ,
какъ много вышгрываюшъ чрезъ шо пра-
вильность, пріятность ршсунка и выборъ
предмешовъ.“

— „Вы избрали себя любимцемъ,“ сказалъ старый Живописецъ: „шакого масте-ра, кошораго и я, нѣкопорымъ образомъ, предпочитаю всѣмъ.“

„Признаюсь,“ ошвѣчалъ незнакомецъ: „что я какъ-шо особенно къ нему' примѣнился. Еще въ раннихъ лѣтахъ удалось мнѣ познакомиться съ опличнѣйшими произведеніями Юлія Романо, и шакъ, что я спалъ понимаешь ихъ; во время пушешествій своихъ, въ Маншувъ, нашелъ я случай изучаешь его, и съ шѣхъ поръ могу дашь опчешъ въ причинахъ своего къ нему приспращія.“

— „Ваше пребываніе шамъ,“ продолжалъ старикъ: „навѣрное причислеше вы къ лучшимъ эпохамъ своей жизни. Съ какою внутреннею досадою принужденъ я бывалъ слушаешь, въ новѣйшее время, разныя хулы и вшому великому генію — особливо въ шомъ отношеніи, что онъ не съ надлежащею легкостію обрабошывалъ предметы духовные. Не каждому даешся все. Но за шо ему предосшавлено было выраженіе свѣжей чувственней жизни, предешъ рѣзвой веселости, игра живѣйшей фаншазіи. И если кто либо изъ юныхъ поклонниковъ не совсѣмъ еще проникнушь лучезарностію сего блистательнаго генія, пусть иदेशъ въ Маншуу — шамъ раскрошся предъ нимъ бо-

гашства изобрѣшательности и шворчештва, кошорыми долженъ онъ ослаѣпнѣть.“

Диприхъ давно уже шарацилъ глаза на своего оппавшаго почишателя; онъ совсѣмъ не могъ постигнушь, съ чего послѣдовало оппавденіе, и вознамѣрился, въ минушу искренности, поговорить о томъ со шаричкомъ: пускай бы еще распочалъ онъ неумѣренныя похвалы свои Юлію Романо, шолько зачѣмъ же первую половиною своей рѣчи проповѣдывалъ именно прошивное шому, чшо самъ говорилъ за полчаса времени? Но Эйленбекъ совсѣмъ не обращалъ вниманія на подобныя мелочи; онъ, за одно съ прѣзжимъ любилелемъ Искусшвъ, пускался часъ опъ часу въ сильнѣйшіе восшорги, шакъ, чшо долгое время они никого не слушали и никому не давали говорить.

Эрихъ поймалъ какъ-шо свободную минушу и замѣшилъ въ незнакомцѣ сходшво съ однимъ изъ родшвенниковъ Вальшера. Тушъ завелся разговоръ о подобіяхъ, и о томъ, какъ спранно, чшо въ семейшвахъ, часшо до оппдаленнѣйшихъ поколѣній, нѣкошорыя формы повшоряющся весьма явшвенно. „И шо удивительшо,“ сказалъ хозяйнѣ: „чшо Природа послунаешъ часшо, какъ Искусшво. Если бѣ Нидерландецъ и Ишпаніанецъ прешняго времени спали рисо-

вашъ одинъ и шопъ же поршреть, шо сходство поймали бы оба, но каждый придалъ бы свою особенностъ и подобіе совсѣмъ не шакое, какъ у другаго. Такъ шочно въ юности моей зналъ я одно семейство, сосшоявшее изъ множества дѣшей, кошорыя всѣ имѣли физиономію родителей и одну главную форму, но съ различными опшѣнками, шоль явшвенными, какъ будшо бы изображали они поршреты одного и шого же лица, рисованные разными великими Живописцами. Сшаршая дочь, какъ будшо была изображеніе кисти Корреджіо, съ его колоритомъ и нѣжностію формъ; у вшорой — шо же лице, но болѣе, полнѣе, какъ бы изъ Флорентинской школы; шрешія имѣла видъ, какъ будшо Рубенсъ рисовалъ шопъ же поршреть въ своемъ родѣ; чешвершая — какъ бы картина Альбрехша Дюрера; слѣдующая какъ бы изъ Французской школы — блиссашельна, полна, но безъ швердаго очерка; а младшая — какъ бы набросанный бѣгло рисупокъ Леонарда.“

— „Помните ли вы шопъ удивительный поршреть,“ спросилъ Эрихъ: „кошорый находился въ коллекціи вашего шараго друга, и шакъ чудно пропалъ вмѣстѣ съ другими прекраснѣйшими картинами?“

„Да!“ вскричалъ Вальшеръ: „если это не было произведеніе Рафаэля, какъ нѣкошорые увѣряли, то навѣрное какого нибудь опшличнѣйшаго маспера, кошорый по образцу шого, счасшливо изучалъ Искусшво. Нѣкошорые изъ новѣйшихъ говорили о поршрешномъ Искусшвѣ, какъ о дѣлѣ мелочномъ или унижающемъ Живописца, но чшобъ ихъ присшдышь, и подведь бы ихъ шолько къ вшой удивительной каршинѣ.“

— „Какъ?“ сказалъ незнакомецъ съ живосшю спарому Совѣшнику: „вы говорите, чшю, кромѣ вшой превосходной вещи, много другихъ каршинъ пошеряно? Какимъ же образомъ?“

„Пошеряно ли, шого еще нельзя сказать ушвердительно,“ опшвѣчалъ Вальшеръ: „но вдругъ исчезли онѣ — можешъ бышь, шроданы куда нибудь далеко за границу. Мой другъ, г. фонъ-Эссенъ, опецъ шого молодаго человекъ, кошораго недавно вспрѣшили вы въ моей залѣ, сдѣлался на спарыхъ лѣшахъ своихъ спраненъ и причудливъ. Любовь къ Искусшву произвела дружескую связь нашу, и я могу сказать, чшю пользовался совершенною его довѣренностью. Мы ушвѣщались своими галереями, но его была шогда гораздо превосходнѣе моей, кошорую послѣ уже, небреженіемъ сына его, сдѣлалъ

я споль значительною. Когда намъ вздумался, бывало, хорошенько себя угоспишь, мы засядемъ въ его кабинетъ, въ кошоромъ собралъ онъ ошличнѣйшее изъ всего, чшо имѣлъ. Эши избранныя каршины были украшены превосходными рамами, и уславлены съ большимъ искусствомъ, шакъ, чшо каждой данъ былъ надлежащій свѣтъ. Кромъ того поршреша, былъ шумъ превосходнѣйшій ландшафтъ Николая Пуссеня, кошорому подобнаго никогда не случалось мнѣ видѣшь. При крошкѣ блескъ луны, вхаль водою Спасишель съ учениками Своими. Прелеснь отраженія въ водѣ домовъ и деревъ, ясность воздуха, прозрачность волнь, благородный видъ Спасишеля и чудесное спокойствіе, кошорое распространялось въ цѣломъ и возбуждало въ насъ какое-шо уныніе, какое-шо сладостное самозабвеніе — все въ этой каршинѣ было несравненно. Подлѣ, висѣло изображение Хрисша въ шерновомъ вѣнцѣ, работы Гвидо Рени, споль ошличной, по выразишельности, чшо я шже не видалъ никогда ей подобной. Спарый, своенравный пріатель мой не шакъ-шо впрочемъ жаловалъ Гвидо, но эта каршина всегда приводила его въ восхищеніе, и двѣшпельно, какъ ни часто, бывало, видишь ее, все кажешся, будшо въ первый разъ, съ

шою только разницею, что близкое съ нею знакомство возвышало наслаждение и побуждало къ открытію новыхъ, еще пончайшихъ красоть. Тутъ не было той напряженной снрастности (*gesteigerte Leidenschaftlichkeit*), какую замѣчаютъ въ другихъ подобныхъ рисункахъ Гвидо, и кошорая, при ошличной ошработкѣ самаго предмета, скорѣ насъ ошшалкиваетъ, чѣмъ привлекаетъ; но все въ этой картинѣ возбуждало восшоргъ и умиленіе. Изъ каждой части лица сквозило сшраданіе, съ такою выразительностью, какой ни съ чѣмъ сравнить нельзя. Насупрошивъ посшавлена была Лукреція того же мастера: крѣпкою, полною рукою ударяла она кинжаломъ въ грудь свою. Въ этой картинѣ выраженіе было чрезвычайно сильно, а краски несравненны. Еще одна, для кошорой никакое ошсаніе также не можешь быть досшашочно: Мать снимаешь плашокъ съ голога шѣла спящаго Дишяши, а Іосифъ и Іоаннь смопряшь на соннаго; фигуры во весь ростъ, и удивительно, какъ прелесшны; это какого-то древняго Римскаго мастера. Но вопшь ужъ напрасно сшаль бы я шрашивать слова, если бъ захошьль дать хоть самое слабое поняшіе объ единственномъ Ванъ-Эйкѣ: его Благовѣщенъе было, какъ мнѣ кажется, ввн-

цель всей галлерей. Если краска была когда либо величаема посланницею небесъ, если душа игрою свѣта и шѣни могла быть когда либо приводима въ благороднѣйшее умиленіе, если прелестъ, вдохновеніе, поэзія, истина и благородство, облеченныя въ фигуры и колоритъ, могли быть когда либо положены на холстъ, то все это осуществялось этою картиною, которая была что-то больше, нежели живопись — больше, нежели волшебство. Перестану говорить, чтобы самому не забыться. Эти картины были отличнѣйшія; но стоило бы еще упомянуть объ одномъ Гемлингѣ, одномъ превосходномъ Аннибалѣ Каррачи, объ одной Венерѣ, вѣроятно Тиціановой; впрочемъ не было картины во всемъ кабинетѣ, которая бы не осчастливила любителя. И подумайте, предсавыше себѣ спраннысть этого шарика: незадолго до его смерти, всѣ эти сокровища пропали, пропали безъ малѣйшаго слѣда. Продалъ ли онъ ихъ? Никогда не освѣчалъ онъ на этошъ вопросъ, и въ книгахъ его, послѣ смерти, ничего о томъ не найдено. Подарилъ ли? но кому?... Я боюсь — одна мысль о томъ раздраешъ мое сердце — не впалъ ли онъ передъ смертію въ родъ болзненнаго унынія или помѣшательства, жалѣи, можешъ быть, ошдашъ

свои драгоценности въ чьи бы то ни было руки, и не испребилъ ли онъ ихъ. Испребилъ? Боже мой! если мое подозрѣніе основательно, предскажете себѣ, поспѣжимо ли уму чловѣка такая необъянная пошеря!“

(*Продолженіе впрѣдъ.*)

II.

ИСТОРИЯ XVIII СТОЛѢТІЯ.

Отрывки изъ записокъ Гр. Сегюра, бывшаго
Посланникомъ при Дворѣ Императрицы
Екатерины II.

Ничего любопытнаго не случилось со мной до самой Риги, города крѣпкаго, многлюднаго, торговаго и походящаго болѣе на городъ Нѣмецкій или Шведскій, нежели на Русскій; я остановился тамъ на нѣсколько часовъ, и весьма скоро проѣхалъ двѣсти льѣ, отдѣляющихъ Ригу отъ Пешербурга.

Прекрасная дорога пролегала чрезъ небольшіе красивые города и многочисленныя деревни; вездѣ были хорошо успроенныя станціи и покойныя гостиницы. Подъ небомъ суровымъ, не смотря на спужу, проспиривающуюся до двадцати пяти градусовъ,

вездѣ видны были знаки силы, могущества, и слѣды генія Петра Великаго. Счастливая его предприимчивость, преобразивъ сіи холодныя сѣпраны въ богатыя провинціи и воспоржешвовавъ надъ природою, разлила на сіи вѣчныя льды благошворную теплоту просвѣщенія.

Наконецъ я съ большимъ удовольствіемъ, и съ меньшимъ удивленіемъ увидѣлъ въ мѣсцахъ, гдѣ прежде простирались обширныя, бесплодныя и зловонныя болота, благородныя зданія города, основаннаго Петромъ I, и сдѣлавшагося, менѣе нежели въ сто лѣтъ, одною изъ богатѣйшихъ и блистательнѣйшихъ столицъ Европы.

10 Марша 1785 года пріѣхалъ я въ домъ, нанятый для меня Г. де ла-Колиньеромъ, и немедленно, вмѣстѣ съ нимъ, началъ стараться о приближеніи минушы, когда увижу ту необыкновенную жену, ту славную Екатерину, кошорую Принцъ де-Линшакъ остроумно и оригинально называлъ: *Екатерина Великій* (Catherine le Grand).

(Здѣсь Сочинитель говоритъ о препяшсвіяхъ, опдалявшихъ желанную минушу аудіенціи; о причинахъ недоброжелательства Русскаго Двора къ Французскому; попомъ, бросивъ бѣглый взглядъ на Исторію Русскихъ Государей отъ Іоанна IV до Екате-

рины II, говоришь о восшествіи на престолъ сей Императрицы, и продолжаешь слѣдующимъ образомъ (*).

Новая Императрица скоро доказала подданнымъ своимъ, что Она была выше боязни — вѣрное средство избѣжать опасности. Правленіе Ея было крошечко и тихо, какъ бы рожденная на Россійскомъ престоу, Она спокойно наслаждала корону.

Одно только возмущеніе нарушило на малое время внутреннее спокойствіе Россіи: Пугачевъ, Донскій Казакъ, дерзкій разбойникъ, назвался Пешромъ III, взялся за оружіе, обольщилъ слѣпую толпу крестьянъ, повѣсилъ множество помещиковъ, былъ аштакванъ, разбитъ, преслѣдованъ и выданъ собственными его сообщниками Генераламъ Екатерины. Съ трудомъ убѣдили Императрицу осудить его на смерть, ибо смертная казнь была въ Россіи уничтожена.

Она не была ни слаба, ни недовѣрчива; въ Ея царствованіе, всякій спокойно сохранялъ свою должность и званіе, и поному

(*) Вообще мы долгомъ считаемъ предувѣдомить читателей, что статья сія переведена со многими пропусками, неизбежными въ статьѣ журнальной.
Прим. Перев.

пронскій не имѣли при Дворѣ Ея ни цѣли, ни дѣятельности. Посему Она спокойно могла заниматьсь вѣдѣнною Полишикою и исполненіемъ обширныхъ намѣреній Ея генія, спраснаго къ славы.

Скоро опияла Она у Саксонцевъ (Польскаго Двора) право избирать Курляндскаго Герцога. Владѣя искусствомъ связывать честолюбіе другихъ Государей съ Ея собственнымъ, Императрица, даровавъ Польшѣ Короля, и видя, что онъ не имѣетъ довольно силы, чтобы защищаться, какъ должно Монарху, и не довольно покоренъ, чтобы безпрекословно повиноваться Ея волѣ, раздѣлила сіе Государство со Своими союзниками, и распроспранила такимъ образомъ Свои владѣнія. Съ другой стороны, иди со славою по пути, указанному Петромъ Великимъ, Она побѣдила Опшомановъ, народъ варварскій, бывший прежде страхомъ Европы, и коего неизбежное паденіе ошсрочивалось тогда только плачевнымъ соперничествомъ Европейскихъ Государей. Пятьсотъ тысячъ Турокъ напали на Россійскія области: Екатерина испребила половину ихъ кровопролитными побѣдами, въ копорыхъ прославился знаменитый Румянцовъ.

Въ глазахъ изумленнаго свѣта, Русскіе флоты распустили паруса свои на Океанъ,

звидились въ Средиземномъ морѣ, воспламенили пепель Спаршы, возвѣспили Грекамъ о наспупающемъ пробужденіи древней ихъ независимости, и сожгли морскую силу Турокъ въ заливѣ Чесменскомъ; наконецъ Румянцовъ окружилъ Великаго Визиря въ Шумлу, и пѣнь Петра Великаго была ошмщена.

Побѣжденный Султанъ, принужденный заключить миръ посыдней, уступилъ Русскимъ Новую Сербію, Азовъ, Таганрогъ, согласился на свободное плаваніе по Черному морю, и призналъ независимость Крыма. Въ послѣдствіи, Екатерина пріобрѣла сей полуостровъ ошъ Хана Сагимъ-Гирея, и завоевала всю Кубань и островъ Тамань.

Сшремясь къ симъ завоеваніямъ, Русскія войска проникли въ землю Запорожцевъ, народа, обивавшаго по островамъ и берегамъ Борисеена; сія республика Казаковъ промышляла грабительствомъ и кормилась добычами, ошнышми, шо у Турокъ, шо у Поляковъ, или Ташарь. Казаки сіи грабили иногда и Русскихъ, хошя наружно признавали власшь Царскую, и современи возшанія Мазепы, пагубнаго союзника Карла XII, принуждены были повиноваться Гешману, избираемому Русскими Государями.

Въ сей необыкновенной и воинственней республикѣ не было женщинъ; чуждыя не-

вольницы, захваченныя въ набѣгахъ и хранимыя въ лагеряхъ за границами, не смѣли перейти за черту и всступишь въ землю Запорожскую. Когда несчастныя сіи жершвы раждали дѣшей, мальчики переселялись на оспрова съ опцами, дѣвочки съ машерами были презришельно изгоняемы. Легче было уничиожить, нежели покоришь шаковую республику. Русскіе испребили часшь сихъ дикихъ воиновъ, увели шесшьдесять тысячъ и размѣспили по берегамъ Чернаго моря. Ихъ записали въ машросы и послали на эскадры, созданныя Екатериною въ Поншь Эвксинскомъ.

Таковы были счастливыя войны и возрасшающія побѣды Императрицы, когда я прибылъ ко Двору Ея. Въ послѣдніе годы Своего царшвованія, сражаясь снова съ Турками, Она сожгла флотъ ихъ въ ушь Борисеена, опняла у нихъ Очаковъ, завоевала Грузію, овладѣла Хошиномъ, покорила Молдавію, взяла Бендеры, Измаиль, и одержала многія побѣды, въ кошорыхъ погибло болѣе сорока тысячъ Турокъ.

Миръ, заключенный въ 1791 году въ Яссахъ; положилъ Днѣспрь предѣломъ Россіи, и доставилъ ей спокойное обладаніе Кавказомъ. Владѣя Грузією, Екатерина

распространила владѣнія свои до границъ Персїи.

Польша, вѣпорично раздѣленная, лишилась имени и независимости. Курляндія сдѣлалась провинціею Россїи.

Между шѣмъ, какъ Военачальники Екаторины распространяли Ея славу и предѣлы Имперїи, Она сама дѣятельно занималась исполненіемъ плановъ, составленныхъ Ею для преобразованія внутренняго управленія и для ускоренія въ Россїи успѣховъ просвѣщенія, сколько то могли позволить нравы и обычаи ея народовъ.

Законы въ Россїи составляли истинный хаосъ; каждый Государь издавалъ новые, не уничтожая прежнихъ; всѣ одни другимъ противорѣчили; Судьи, не находя себѣ въ руководство и въ опору ни правилъ, ни постановленій, должны были произносить приговоры произвольные. Екатерина, стараясь разобрать сей хаосъ, установила правильные Суды и вводила вездѣ одинаковое судопроизводство.

По великодушному побужденію благородной души, Императрица повелѣла собраться въ Москвѣ Денушатамъ всѣхъ народовъ обширной Ея Имперїи, чѣшобы разсмотрѣть вмѣстѣ съ ними законы, кошыры Она хотѣла дать имъ.

Передъ симъ собраніемъ прочтенъ былъ Наказъ, для сочиненія предполагаемаго Уложенія, писанный самою Государынею. Знаменитое швореніе сіе было переведено на Русскій языкъ; но оригиналъ начертанъ на Французскомъ рукою Екатерины: я видѣлъ его въ Пешербургской Библіотекѣ (*).

Сіе столь новое и столь неожиданное собраніе Государственныхъ Чиновъ не исполнило того, чего оныя него ожидали: рѣчь, въ кошорой объявлено было намѣреніе Императрицы, приняли съ единодушными восклицаніями, но послѣдовавшіе пруды Депуташовъ не соопвѣтствовали началу.

Вскорѣ увидѣли невозможность соспавить сими способами новое Уложеніе. Собраніе было распущено, и Государыня принуждена была одна соспавлять законы.

Она издала многіе законы касательно судопроизводства и внутренняго управленія; но не могла совершить шѣхъ великихъ преобразованій, для успѣха коихъ нужны благопріятная почва, нравы, соопвѣтствующіе видамъ законодателя и рѣдкое спеченіе счастливыхъ обстоятельствъ.

(*). Нынѣ хранится оный въ Императорской Академіи Наукъ.

Императрица воздвигла на одной изъ Петербургскихъ площадей, монументъ Петру Великому: пьедесталь сего изваянія, сдѣланнаго Фальконешомъ, есть огромная гранишная скала.

Государыня сія, Кошорой дѣяшельность была безпредѣльна, создала въ Пешербургѣ Академію Россійскаго языка, и учредила Банки, не только въ столицѣ, но и въ Сибири. Россія обязана Ей спальными фабриками, кожевенными и лишейными заводами, множествомъ мануфактуръ и разведеніемъ въ Украинѣ шелковыхъ червей.

Подавая народамъ Своимъ примѣръ мужества и благоразумія, Она заставила принять прививаніе оспы, и первая оному подверглась.

По Ея повелѣнію, заключены торговые договоры со всеми Европейскими Государствами. Въ Ея царствованіе, на краю Сибири, городъ Кяхта сдѣлался рынкомъ, на кошоромъ собирались Русскіе и Китайцы.

Военные и морской Кадетскіе корпуса, заведенные въ Пешербургѣ, образовали въ Военныхъ Наукахъ благородное юношество. Корпусъ, основанный для Грековъ, показывалъ довольно ясно намѣренія и надежды Императрицы.

Она дала убѣжище въ Россіи Іезуитамъ, копорые тогда были изгнаны изъ всего Христіанскаго міра. Государыня надѣялась, посредствомъ ихъ, скорѣе распространить просвѣщеніе въ Бѣлоруссіи; орденъ сей не могъ бытъ шамъ опасенъ, попому, что Она въ то же время успановила величайшую щерпимость всѣхъ исповѣданій.

Берега Сѣвернаго и Тихаго морей въ Азіи и Америкѣ были осмопрѣны и описаны Ея мореплавателями.

Желая пріобрѣтенія всѣхъ родовъ славы, она хотѣла сорвать пальму и на Парнассѣ, и во время Своихъ досуговъ написала нѣсколько Комедій и другихъ мелкихъ сочиненій.

Аббатъ Шаппъ, въ своемъ *Путешествіи въ Сибирь*, жестоко злословилъ нравы Русскаго народа и Правленіе Екатерины. Она написала возраженіе, копорое назвала *Апидотомъ* (прошивудіемъ).

Кшо не читала съ удовольствіемъ остроумныхъ писемъ Ея къ Принцу де Линь и Вольшеру?

Современники съ сугубымъ удивленіемъ видѣли, что Императрица, уважая Философію, вызывала д'Аламберта въ Россію, и что Философъ не воспользовался симъ случаемъ.

Дидеро, напрошивъ, съ гордостію пріѣхалъ ко Двору Екатерины: Она удивлялась уму его, но опвергла его ученіе, которое въ теоріи казалось превосходнымъ, но въ практикѣ было невозможно.

Императрица, надзирая Сама за воспитаніемъ Внуковъ Своихъ, Александра и Константина, сочинила для нихъ *Правдоучительныя сказки* и *Сокращеніе Исторіи первыхъ временъ Россіи*. Последнее пвореніе скоро будешъ извѣсно во Франціи: сынъ мой, Генераль Филиппъ Сегюръ, перевелъ оное и помѣстилъ въ сочиненіи, которое скоро издасъ онъ, и въ которомъ изобразилъ сіи опдаленныя эпохи Русскихъ бышописаній.

Екатерина, предъ концемъ Своего царствованія, преобразовала въ города болѣе шрехъ сотъ селеній, и довершила правительственное и судебное образованіе сорока провинцій.

До Нся, Пешербургъ, въ своемъ льдяномъ горизонтѣ, былъ совсѣмъ почти непримѣненъ и, казалось, болѣе принадлежалъ къ Азій; въ Ея царствованіе Россія сдѣлалась Государствомъ Европейскимъ: Пешербургъ возблисталъ между столицами образованнаго міра, и пронъ Царей сталъ въ первомъ ряду

проноровъ самыхъ могущесшвенныхъ и наиболѣе уважаемыхъ въ мірѣ.

Такова была знаменишая *Монархія*, къ Двору Коей я былъ посланъ: по сему крашкому изображенію легко вообразишь, съ какимъ водненіемъ ожидалъ я дня, когда буду предспавленъ Государынѣ столь необыкновенной, и Женѣ столь знаменишой.

(За сими слѣдующи подробноспи незамашельныя для нашихъ чипашедей: переходимъ къ описанію первой аудіенціи.)

(Продолженіе впередъ.)

III.

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

П И С Ъ М А Н А К А В К А З Ъ

О Л И Т Е Р А Т У Р Ъ , Н А У К А Х Ъ И И С К У С Т В А Х Ъ .

П и с ь м о п е р с о е .

Давно я не писалъ къ тебѣ, любезный другъ, не пошому, чшобъ я усшрашилса господъ Московскихъ Кришпиковъ, Сашириковъ и Эпиграмматииковъ, возспавшихъ пого-

ловнымъ ополченіемъ на Кавказскія письма, но пошому, что обшояпельсшва опвлекли меня ошъ заняшій Липерашурою. Да и ошомъ ли было думашъ? — Правда, никакія обшояпельсшва не могли опвлечь Московскаго Телеграфа ошъ продолженія войны съ Сьверною Пчелою, Сыномъ Опечесшва и Сьвернымъ Архивомъ, и, какъ въ концъ 1825, шакъ равно и въ началъ 1826 года, раздавались въ Москвѣ выспрѣлы холосшными липерашурными зарядами. Чесшъ и слава наспойчивосши! а Издашели Пешербургскихъ Журналовъ не могушъ эшимъ похвалишья: они замолчали для наблюденія приличій и въ угожденіе публикѣ, копорая была заняша важными собышїями, а между шѣмъ ихъ все пощипывали въ продолженіе почти полушора года. Не знаю, очнушся ли Пешербургскіе Журналы, и спанушъ ли опровергашъ нападенія (*). Но мнѣ дѣла нѣшъ до Гг. Журналисповъ и до ихъ чернильной войны. Я обшчался бесѣдовашъ съ шобою о Словесносши, Наукахъ, Художесшвахъ, и спану продолжашъ мою переписку, не взирая на прошивносшъ мнѣнїй нѣкопорыхъ привилегированныхъ Словесниковъ.

(*) Очнулись! *Изд.*

Словесность въ народѣ есть по же, что даръ слова въ человѣкѣ. По рѣчамъ мы оцѣниваемъ образованнаго человѣка ошъ невѣды; по Словесности опредѣляемъ степень просвѣщенія народа. Но въ обоихъ случаяхъ легко можно ошибаться. Иногда самый умный человѣкъ молчишъ нехотѣши; иногда, узякаясь обшояшельствами, разспроисвоимъ нравственной и физической своей природы или спрашями, говоришъ не то, что бы говоришъ надлежало. То же самое случается и съ цѣлыми народами. У насъ, напримѣръ, безъ сомнѣнія, есть весьма много умныхъ, образованныхъ и даже ученыхъ людей. И при этомъ весьма мало сочиненій, достойныхъ вниманія — въ сравненіи съ числомъ людей просвѣщенныхъ. Ошъ чего это происходитъ? Ошъ того именно, что мы по бѣльшей части образуемъ по иноспраннымъ книгамъ. Для насъ пишушъ Англичане, Французы, Нѣмцы, а мы сами полагаемъ, что намъ пишашъ не для кого, потому, что просвѣщенные люди въ нашемъ опечесствѣ читаюшъ на иноспранныхъ языкахъ, а иноспранцы не спанушъ понимашъ насъ по - Русски. — Мнѣнїе ложное и вредное для успѣховъ народнаго просвѣщенія. Спѣнемъ пишашъ дѣльно по - Русски, и иноспранцы будушъ учишъся нашему языку. Уже и

теперь познаніе Русскаго языка въ Германіи, Франціи и Англіи цѣнился весьма высоко и доставляешь господамъ переводчикамъ лишерашурную славу и большіе доходы. Публика иноспранная съ жадносцію чашаешь все переведенное съ Русскаго, все, гдѣ шолько говорится о Россіи. Гг. Геро и Шопень, жившіе въ Россіи, и научившіеся по-Русски, сдѣлались необходимыми людьми для Издашелей Французскихъ Журналовъ, сообщая спашьи о Россійской Словесности, преимущественно въ *Revue Encyclopédique* и въ *Bulletin Universel*, издаваемомъ г. Ферюссаккомъ. Г. Клапропъ, переводя спарья, забышыя у насъ спашьи географическія и историческія, возбуждаешь вниманіе и любопытство всего образованнаго міра. Прекращеніе *С. Петербургскаго Журнала*, издававшася на Нѣмецкомъ языкѣ почтеннымъ и шрудололюбивымъ Г. Ольдекопомъ, ревнишелемъ Русской славы, лишило Нѣмецкіе Журналы обильной жашвы. Спашьи, кошорья у насъ едва обращали на себя вниманіе чашашелей, были перепечашываемы по нѣскольку разъ, и, по сознанию самихъ Гг. Издашелей, служили украшеніемъ ихъ Журналамъ. *Русская Антологія*, изданная на Англійскомъ языкѣ Г. Боурингомъ, приняша быда съ воспоргомъ. И шакъ, есда

вниманіе просвѣщенной Европы обращено на ходъ нашей образованности и Словесности, намъ должно спарашься войти въ рядъ народовъ, гордящихся своею Словесностью, должно спарашься писать по-Руски. Если намъ невозможно сравняшься съ другими числомъ выходящихъ у насъ сочиненій, спараемся сравняшься качествомъ, и между швѣмъ, какъ другіе народы, особенно Французы, сворачивающъ съ истиннаго пути Словесности и блуждающъ по проселочнымъ степямъ полиптики, имѣющей только мѣстную и временную занимательность, мы должны воспользоваться эпитимъ промежуткомъ времени, эпитимъ опшпуденіемъ другихъ народовъ опъ настоящаго литературнаго поприща, и догнашь ихъ въ отношеніи къ Исторіи, Статистикѣ и Литературѣ.

Величайшее препятствіе къ тому нахожу я въ двухъ обстоятельствѣхъ. Первое, что у насъ нѣтъ особеннаго сословія Литераторовъ. Всѣ пишутъ у насъ на досугъ, какъ будто опъ бездѣлья, опъ того по большей части и выходяшь однѣ только бездѣлки. Если бъ покойный Исторіографъ нашъ, Н. М. Карамзинъ, не посвятилъ цѣлой жизни и всего своего времени ученію и трудамъ литературнымъ, то не соста-

вилъ бы шворенія, перваго въ Россіи, въ липературномъ отношеніи. Карамзинъ первый подалъ у насъ примѣръ геройскаго самоопроверженія въ пользу и во славу опеченной Словесности. Вперивъ умъ свой въ изученіе языка и событій Россіи, возвысаясь душою въ горніе предѣлы народной славы, онъ не думалъ о мелкихъ расчешахъ земнаго честолюбія; онъ шрудился, и Слава съ почешьями сама пришла къ нему, подобно Форшуну, въ Сказкѣ И. И. Дмишрѣева, въ кошорой онъ говоритъ о Философѣ:

Онъ спитъ — а у него Форшуна въ головахъ.

Напрошивъ шого, бѣльшая часть нашихъ Словесниковъ смошривъ на Липерашуру, не какъ на *цѣль*, но какъ на *средства* къ достиженію цѣли, вовсе чуждой славы народной и пользы общей. Блеснувъ въ Журналъ спашейкою (передѣланною и исправленною въ словахъ и выраженіяхъ шерпѣливымъ Журналистомъ), молодой человекъ уже пріобрѣшаетъ *въ своемъ кругу* славу Липерашора и даже *ученсго*, и спарается упошребить это наименованіе для выгодъ по службѣ. Начальникъ, судя по *печатному* и не видя *черновой работы* господина Липерашора, даетъ ему мѣсто, и послѣ удивляется, что канцелярская работа не ошвѣчаетъ журнальной по чистотѣ

ощдѣлки, по знанію языка и красотѣ слога; удивляешся и молчишь — *faute de mieux!*

Другіе пишутъ по спраспи — не къ Лишерашурѣ, но по спраспи *писать* и *печатать*. Но какъ они пишутъ урывками, между сномъ и казеннымъ дѣломъ, пишутъ, не имѣя времени читашь и учишься — шо ихъ сочиненія опзываются незрѣлостью и носятъ на себѣ оппечатокъ поспѣшности и несвязности идей.

Сей недоспашокъ Писашелей, и невозможность имѣшь *особое сословіе* Лишерашоровъ, увеличивается еще болѣе опъ того, что у насъ весьма немногіе получили классическое воспитаніе, и что въ часпныхъ заведеніяхъ для воспитанія юношества, имѣшь однообразной меподы. У насъ молодые люди шакъ рано выходятъ въ свѣшь, шакъ рано бросающа въ омушь свѣшской, разсѣянной жизни, что имъ нѣкогда не шолько усовершишься въ Наукахъ и Словесности, но даже припоминашь шо, чему учились въ дѣшспивѣ. Чесполобіе, спраспъ приличная шолько возрасту возмужалости, раждаешся у насъ въ сердцахъ, въ самой нѣжной юности. Начинающа расчесы, какъ, гдѣ и во сколько времени можно дослушиться, или лучше сказашь, дождашься до

извѣстныхъ степеней — и тогда прощай
ученіе, слава, Словесность!

Слѣдствіе неминуемое всего сказаннаго
вкращѣ (что можно распространить въ
нѣсколькихъ томахъ) есть: незнаніе отече-
ственнаго языка. Нынѣ въ цѣлой Европѣ
не выходишь въ свѣтъ ни одной книги съ
грамматическими ошибками; не только
Писатели совершенно выучиваются своему
языку въ первоначальныхъ школахъ, но
даже корректуры типографій и наборщики.
Тамъ въ кришикахъ споряшь только о слогахъ
или о трудностяхъ языка, а у насъ надобно
еще спорить о Грамматикѣ, и въ рецензіяхъ
ссылаешься на правила склоненій и спряженій!
Весьма часто случается, что самыя рецен-
зиі бываютъ въ размовкѣ съ Грамматикою;
скажу болѣе: мнѣ случилось читать разсу-
жденіе о Грамматикѣ, наполненное грамматическими
ошибками! Нерѣдко случается
слышать собственное признаніе людей,
врочемъ весьма умныхъ и образованныхъ;
что они не знаютъ Русскаго языка! Ино-
спранцамъ это кажется спраннымъ и не-
понятнымъ, но если мы возьмемъ въ рассу-
жденіе недоспашокъ хорошихъ учебныхъ
книгъ по части языкознанія, недоспашокъ
учителей Русскаго языка, и привычку по-
вѣрять домашнее воспитаніе иностранцамъ,

но это не будетъ удивительно. Если бы публика заглянула, шакъ сказать, въ ма-сперскую Журналовъ, гдѣ исправляюща чужія спашьи, шо пожалѣла бы о бѣдныхъ Журналистахъ, прищупляющихъ зрѣніе и испрачивающихъ время надъ неблагодарною рабошою, поправкою и выгладкою чужихъ шрудовъ, подъ кошорыми виспавлено будешъ чужое имя. Однажды лукавый соблазнилъ меня издавашъ Журналь, вселивъ мысль, что это весьма легко, и что только стоишъ *собрать* чужія сочиненія и переводы; но присмотрѣвшись къ журнальной работѣ, я ошрекся опъ этого предпріятія. На вопросъ мой, что шруднѣе всего найши на литерашурномъ поприщѣ, измученный Журналистшъ, проширая усшале глаза, опвчалъ: „Человѣка, кошорый бы, при по-„знаніи иносшранныхъ языковъ, умѣлъ чи-„сно, правильно, граммашически излагашъ „свои или чужія мысли — по-Русски!“ Это, но несчастію, совершенная правда.

Второе препяшшвіе успѣху нашей Словесности ешъ шо, что человекъ, напечащавъ нѣсколько спашеекъ въ Журналахъ, и получивъ въ награду благодареніе опъ Журналиста въ вѣжливыхъ выраженіяхъ и восторженныя похвалы въ кругу друзей, вмѣсто того, чтообы послѣ этого при-

яяться за какой нибудь важный трудъ для
 упроченія своей доброй славы, потчасъ
 подвязываетъ Икаровы крылья и спремил-
 ся въ храмъ Музъ, чтобы возсѣсть на су-
 дейскомъ стулѣ. Всякій хочетъ судить —
 и ошъ этого выходитъ, что судей болѣе,
 нежели подсудимыхъ. Говорятъ, что у насъ
 ничего не читають, кромѣ Журналовъ и
 Альманаховъ. Правда, но ошъ чего это?
 Ошъ того, что публика получаетъ весьма
 мало, или почти вовсе не получаетъ от-
 дѣльныхъ, цѣльныхъ сочиненій Литерато-
 ровъ, снискавшихъ себѣ извѣстность. Она
 по неволѣ должна довольствоваться оприв-
 ками или малыми стапешками. Пускай по-
 двятся у насъ отличные національные Ро-
 маны, Поэмы, Трагедіи, Комедіи, собранія
 Повѣстей и ш. п., равняя достоинствомъ
 номѣщаемымъ въ Журналахъ Повѣстямъ и
 опривкамъ, тогда публика пріучится по-
 купать и читать Русскія книги. И шакъ,
 для уничтоженія сего преняшшвія, непре-
 мѣнно должно, чтобы люди, одаренные спо-
 собностями, принялись за сочиненія пол-
 ныя, на кошорыхъ зиждется основаніе Сло-
 весности. Пускай они дарятъ Журналы и
 Альманахи опривками и списками въ аль-
 бомы — это дѣло постороннее; шолько,
 чтобы эти опривки и списки не соста-

влили ихъ главнаго занятія и единственнаго права на званіе Липерашоровъ.

Не знаю, угадаешь ты или не угадаешь причину моего введенія. Какъ бы то ни было, но я долженъ извѣстить тебя, что я изложилъ въкратцѣ прецѣдентъ, замедляющій ходъ нашей Словесности, для того только, чтобы не отвратишь тебя отъ оной, когда ты увидишь малое число сочиненій, достойныхъ вниманія, и попросивъ возбудишь пламенное усердіе въ Липерашорахъ (которымъ удастся прочесть сіе письмо) къ обогащенію нашихъ умственныхъ сокровищъ. Надобно общими силами стараться очищать сіе благородное поприще отъ плевелъ лѣни, мелкихъ расчешовъ и самолюбія. Я почелъ бы себя счастливымъ, если бы мнѣ удалось возбудишь хотя въ одномъ молодомъ человѣкѣ желаніе къ основательному изученію отечественнаго языка, и хотя одного Липерашора приохотишь къ какому нибудь шуду на пользу и славу отечественной Словесности. Между тѣмъ обратимся къ дѣлу, и посмотримъ, что мы произвели отличнаго въ области ума и познаній въ теченіе прошлаго 1826 года. Предупреждаю тебя однако жъ, что я вовсе не намеренъ наполнять мое письмо номенкла-



турую *свѣтъ* книгъ; предославляю это Би-
бліографіи.

У насъ бѣльшая часть литерашурнаго ума и оспроумія испаряешся въ Альманахахъ и Журналахъ. Поэты и Прозайки полагають, что подаривъ Альманахъ или Журналъ піесою или спашейкою, они уже заплашили годовую подашь за право пользоваться въ продолженіе года литерашурною славою, и опдыхають на ложь лѣви, успланномъ лавровыми и миршовыми листочками. Пусть было бы шакъ съ Сочиншелями хорошихъ піесъ; я и самъ предпочитаю иногда чещыреспшшіе длинной Поэмъ. Но наши Журналисты и Издашели Альманаховъ весьма сговорчивы и снисходшшельны. Первые думаютъ болѣе объ испещреніи обертки, называя множештво всякаго вздору *разнообразіемъ*; Издашели Альманаховъ болѣе хлопчуютъ объ именахъ Сочиншелей піесъ, нежели о достоинствѣ оныхъ, или спашающся выпечашають свои собшшвенныя сочиненія во всю длину и ширину Альманаховъ, не помышляя о бѣдныхъ чшшашателяхъ. За шо Альманаховъ нынѣ множештво, а чшшашають право нѣчего. Если бѣ можно было изъ всѣхъ ихъ выбрають лучшія піесы, шо конечно вышла бы прелешшная и оплшшчная книжка. Въ добрый часъ будь сказано: у

насъ много охотниковъ перепечашывашъ чужое; авось воспользуюшся этою мыслию и издадушъ *Альманахъ Альманаховъ*.

На моемъ письменномъ сподикѣ лежатъ шеперь: 1) *Сѣверные цвѣты*, 2) *Драматическій Альбомъ для любителей Театра*, 3) *Невскій Альманахъ*, 4) *Календарь Музъ*, 5) *Уrania*. Всѣ эти Альманахи (кромя Невскаго) расхвалены Журналами до пес plus ultra. Конечно всѣ они имѣюшъ свое достоинство, но я предпочитаю всѣмъ *Сѣверные цвѣты*, кошорые по истинѣ душисты и блистательны. Въ продолженіе года, я нѣсколько разъ читалъ прекрасную спашью: *Русскіе поклонники въ Иерусалимѣ*, не сподлько для шого, чшобъ поучишся изъ спашиспическихъ и эшнографическихъ, весьма любопытныхъ подробностей, сколько для шого, чшобъ насладишся чистую, благородною прозою и правильнымъ Русскимъ языкомъ. Рѣшишельно скажу, чшо по смерши Н. М. Карамзина, никшо не пишешъ шакъ хорошо по Русски, какъ Авторъ сей спашьи, и онъ, по скромности своей, скрылъ свое имя, шогда какъ наши Словесники часшо выписываюшъ имя и прозвание со всѣми шипулами, подъ шакими піесами — чшо Боже упаси! Но при этомъ я снова додженъ возвращишся къ моему

предложенію, и погрузишь, что опличные таланты не занимающія Словесностью. Спашья о состояніи Художествъ въ Россіи занимательна болѣе исчисленіемъ именъ опличнѣйшихъ Художниковъ и эпохами водворенія у насъ Искусствъ, нежели кришикою опличныхъ произведеній и характерисшикою дарованій. Да не прогнѣвается Г. Издашель Сѣверной Пчелы, кошорый сказалъ, что Авторъ сей спашьи предспавилъ *вбруно* характерисшику дарованій. Эшо сказано *не вбрно*. Наборъ техническихъ выраженій, разведенныхъ подслащенною водичею, или просто сказашь, рядъ похвалъ всѣмъ и каждому не можешъ назвашься характерисшикою. Спрашиваю: дождемся ли мы, на нашемъ вѣку, Исторіи Художествъ въ Россіи, въ шакомъ родѣ, какъ Исторія Медицины, сочиненная Рихшеромъ! Самъ опвѣчаю за себя: врядъ ли! Намъ все *нѣкогда*: мы шоропимся жить. — Спихотворная часшь сего Альманаха безъ сравненія лучше всѣхъ, но вспомнимъ при семъ о Французской поговоркѣ: *comparaison n'est pas raison*.

Издашель *Урліи* вѣрно съ родни Издашело Сѣверной Пчелы, или, покрайней мѣрь, задушевный его пріятель. Эшому нельзя не порадовашься, пошому что въ Липературѣ

такой примѣръ не весьма обыкновененъ, но въ такомъ случаѣ лучше было бы предоставить другимъ безъ мѣры хвалить пріятеля. Право не хорошо, что у насъ нѣтъ ни мѣры, ни вѣсу въ похвалахъ, тогда, какъ для заносчивой Кришкики положены предѣлы законами, что весьма справедливо. Двѣ Повѣсти: *Какъ аукнется, такъ и откликнется*, и *Нищій*, воспѣты и прославлены такъ, что и о Гомеровою Илиадѣ невозможно было бы сказать болѣе. Кажется, самъ Рецензентъ чувствовалъ это, сказавъ, что излишняя похвала вредна, и имѣеть усыпительное дѣйствіе на возникающее дарованіе. Къ тому надлежало бы прибавить и противоположность усыпленію. Замѣчаніе сіе оплодъ не относится къ Издашелоу *Ураніи*, который одаренъ способностями, но къ Издашелоу Пчелы, которому отъ всей души сохлую бытъ умѣреніе въ похвалахъ для пользы Словесности. Пустьъ онъ вспомнитъ слова знаменитаго Шлецера: *ia sum master.*

Впрочемъ хопя сей Альманахъ наполненъ вовсе не альманачными статьями, но важными историческими актами и извѣстіями, которыя долженствовали бы войти въ составъ такого Журнала, какъ Сѣверный Архивъ, не менѣе того *Уранія* сповитъ шо-

го, чтобы имѣть ее въ библіотекѣ. Я весьма радъ, что Издашель *Урани* всунулъ на журнальное поприще: не знаю, каковъ будешь Журналь его въ отношеніи къ Изящной Словесности, но по часпи Русской Археологін, онъ, безъ сомнѣнія, будешь занимашелень, ибо нѣсколько археологическихъ спашей, переведенныхъ Издашелемъ, и нѣсколько его собственнхъ историческихъ изысканій, какъ, на примѣръ: *о происхожденіи Руси*, доказывающъ, что онъ съ успѣхомъ занимался Русскою Исторіею и свѣдуць въ древностяхъ (*). Спихотворная часшь *Урани* не перешла за черпу золошой посредственности. Желаю Издашелю всевозможнаго успѣха на журнальномъ поприщѣ, но сожалѣю, что онъ съ-позаранку взялъ на себя обязанность цѣнить достоинство всѣхъ другихъ Журналовъ. Мнѣ кажутся это неприличнымъ и несвойственнымъ, ибо, по праву естественному и гражданскому, никто не можешь быть судьей въ своемъ дѣлѣ. Но это не мое дѣло: пускай Гг. Журналисты перевѣдаются порядкомъ между собою и вознаграждать насъ за долгое

(*) Письмо сіе получено и поступило въ печать прежде выхода въ свѣтъ Журнала Г. Погодина. —
Изд.

молчаніе. Кришиковаць собрата можно, но браць на себя посшоянную обязанность цвѣншь соперниковъ — неприлично, особенно съ перваго шагу.

Календарь Музь, безъ всякаго сомнѣнія, не есть Адресъ - Календарь лучшихъ произведеній Словесности, но все шаки не опшашь опшь другихъ, а превзошелъ нѣкошорые. Изъ прозаическихъ спашей одна имѣешь истинное достоинство. Это: *Потъзка въ Вятку*; она написана оспроумно и замысловашо; другія спашьи слишкомъ распянушы. Первая: *О значеніи новыхъ словъ* — ни къ селу, ни къ городу. Спихошворная часшь изрядная.

Невскій Альманахъ, въ Липерашурѣ, припша во языцѣхъ. Издашелъ вовсе неизвѣсшень былъ въ Липерашурѣ, и вѣдуть опрешомендовался Альманахомъ, сѣспавленнымъ изъ давно уже напечатанныхъ піесъ и другихъ ненапечатанныхъ, но обнародованныхъ безъ воли и вѣдома Авшоровъ. Поднялся шумъ на Русскомъ Парнасѣ, а Издашелъ ошдѣлался молчаніемъ, и къ нынѣшнему 1827 году выѣхалъ на шомъ же конькѣ. Спашьи сочмненія самого Издашеля шакого рода, что о нихъ я даже говориль не намѣрень. Ні гіше, пі гаісон, какъ говорятъ Французы.

О Журналахъ можно было бы сказать весьма много, и пошому именно я скажу весьма мало. *Благонампренный*, послѣ продолжительной чахопки, умеръ своею смерщью, съ должкомъ, шо есть, не выдавъ свидующихъ подписчикамъ книжекъ. Какъ эшо дѣлается — не понимаю, но дѣлается.

Азіятскій Вѣстникъ живешъ въ однихъ программахъ, и ежегодно ошсшаешъ книжками, не расплачиваясь съ плащущими подписчиками. Повшорлю: какъ эшо дѣлается — не понимаю — но дѣлается. Содержание сего Журнала весьма занимашельно — въ объявленіяхъ.

Отечественныя Записки продолжаются съ равною прежней занимашельноспію. Издатель обѣщашъ не помѣщашъ переводныхъ сташей, — и эшо обѣщаніе если не слишкомъ затруднительно къ выполненію, шо по крайней мѣрѣ излишне. Говорю не слишкомъ затруднительное, пошому, что прилежному и прудолюбивому чешовьку не прудно при помощи другихъ, наполнить въ мѣсяць шешъ лисповъ печашныхъ въ малую осмушку; ограничивашься при изданіи Журнала оригинальными спашьями, есть излишняя предосшорожность, пошому что у инострапныхъ Писашелей весьма много любопышнаго о Россіи. Издатель почув-

сповоалъ вто, и нынѣ начинаешъ помѣ-
 щать *переводныя* спашы. Жаль, что онъ
 самъ мало пишешъ, и едва листикомъ да-
 рить въ мѣсяцъ своихъ чипателей. Всѣ
 Журналы и Липераторы осуждають помѣ-
 щеніе безконечныхъ рукописей въ малыхъ
 книжечкахъ Отечественныхъ Записокъ. Нѣ-
 кошорыя спашы продолжаются по нѣ-
 сколько лѣтъ, и чипатели съ нетерпѣніемъ
 ождають, пока кормчій воскликнешъ: *зем-
 ля!* — Помѣщеніе Повѣстей въ Оче-
 ственныхъ Запискахъ, мы почиаемъ вовсе
 излишнимъ и несообразнымъ ни съ цѣлю
 оныхъ, ни съ важностью, ни съ заглавіемъ.
 Къ тому жъ книжечки сего Журнала шакъ
 малы, что трудно соблюсти въ нихъ об-
 щую занимательность, безпрестанно пере-
 рывая повѣщиваніе. Замѣчательно, что
 съ нѣкотораго времени извѣстія помѣщаю-
 ся въ семъ Журналѣ съ болѣею точностію,
 болѣшимъ разборомъ и одмопрительностію.
 Совѣтую тебѣ чипать Отечественныя За-
 писки; но если хочешъ съ пользою, то нѣ-
 сколько годовъ вмѣстѣ — какъ книгу, безъ
 перерывовъ.

Вѣстникъ Европы замѣчателенъ тѣмъ,
 что всегда сохраняетъ свое достоинство
 въ отношеніи къ чистотѣ языка, и неиз-
 мѣненъ въ своихъ липературныхъ прави-

лахъ. Тщешно спарались другіе Московскіе Журналы уронить его въ мнѣніи публики; Въспникъ Европы, основанный Карамзинымъ, продолжаемый некогда В. А. Жуковскимъ, а нынѣ М. Т. Каченовскимъ, перживешь временную, бранчивую извѣстность своихъ соперниковъ. Жаль, и сто разъ жаль, что ученый Г. Каченовскій мало занимается Кришикою; сужденія его о произведеніяхъ Словесности имѣли бы большой вѣсъ между Липерапорами.

Московскій Телеграфъ. — Но письмо мое и такъ слишкомъ длинно — до слѣдующей почты.

Д. Р. К.

СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИЯ.

ОПИСАНІЕ ОСАДЫ МИССОЛОНГИ, СОЧ. ПАНТАЛІОНОМЪ ПАППА-ЛУКОЮ, ВЫШЕДШИМЪ ИЗЪ СЕЙ КРѢПОСТИ ВМѢСТѢ СЪ ГАРНИЗОНОМЪ, 10 АПРѢЛЯ 1826.

Переводъ съ Греческаго.

Около 17 Апрѣля 1825 года, Румелійскій Паша Купаги, прибылъ къ Миссолонги съ 40,000 пѣхоты и кавалеріи и съ 6000 невольниковъ, копорые отправляли должность саперовъ, и раскинулъ палашки свои на нашей равнинѣ. Спавъ послѣ въ разстояніи версты отъ нашихъ укрѣпленій, онъ провелъ реншаншаментъ въ четыре фуша шириною и въ полторы версты длиною, поставилъ на немъ шесть баштарей, въ коихъ всего было пятнадцать пушекъ и шесть мортиръ; и началъ бомбардировать нашу крѣпость, которая защищалась четырнадцатью баштарями, изъ коихъ четыре средніи были каменные, а прочіи земляныя. Попомъ непріятель сдѣлалъ четыре земляныя насыпи на сорокъ сажень одна отъ другой, и вышиною въ десять сажель, а шириною въ шесть. Эту громаду

земли подвигалъ онъ понемногу къ самымъ укрѣпленіямъ нашимъ, между тѣмъ, какъ мы съ своей стороны испощались въ щещныхъ усиліяхъ, пошому что ядра наши углублялись въ землю и не вредили непріятелю. Видя, что огнестрѣльное орудіе наше не приноситъ намъ никакой пользы, мы начали дѣлать подкопы, и проведя мину подъ среднею насыпью, зажгли ее, и человекъ Зоо Турокъ взлетѣло на воздухъ; тогда мы бросились на остальныхъ, перебили множество, пятьдесятъ человекъ взяли въ плѣнъ, и возвратились въ крѣпость. На другой день непріятель снова началъ работу, бросая землю въ ровъ нашъ; такимъ образомъ овладѣлъ онъ двумя нашими бапшаремаи: среднею, копорая называлась *большою* и состояла изъ шести пушекъ, и другою, копорая называлась *страшною*, и въ копорой было три пушки.

30 Іюня прибылъ Турецкій флотъ, состоявшій изъ 70 военныхъ судовъ и 40 транспортовъ, и привезъ Купаги (Решиду-Пашъ) военные и съѣстные припасы, копорые и выгрузилъ на берегъ. Флотомъ симъ начальствовалъ *Хозревъ-Паша*. Спустивъ на море свои канонерскія шлюпки, онъ пытался овладѣть укрѣпленіемъ *Васси-лади*, но послѣ двухъ или трехъ приступу-

новъ, былъ отбитъ съ большимъ урономъ Комендантомъ сей крѣпости, Анастасіемъ Паппа Лукюю. Не успѣвъ, такимъ образомъ, исполнить намѣренія своего, непріятель опошелъ на чешыре вершины далѣе, и врылъ въ песокъ, окружающемъ островъ, каналъ въ пятьдесятъ сажень длиною, по которому провелъ шлюбки свои въ озеро; находясь на вершину ошъ города, началъ онъ бросать въ него бомбы и гранаты. Гарнизонъ Миссолонгскій состоялъ тогда изъ 2,800 Эллиновъ, которыми начальствовали: Аванасій Разокоцика, Спиридонъ Пепалуди и Димитрій Макри, Миссолонгцы; Нотти Боццари и Ламбро Вейко, Сульопы; и Мичо Кояшойди, Андрей Иско и Георгій Кицо, Ромеліопы.

10 Іюля, непріятель, подведя мину подъ большую баштарею, зажегъ оную, въ 8 часовъ утра, и всю испровергъ; онъ хотѣлъ ворваться въ городъ, но былъ отбитъ храбрими нашими войнами, потерявъ нѣсколько сотъ чловѣкъ убитыми и пятнадцать взятыми въ плѣнъ. По жестокомъ сраженіи, продолжавшемся чешыре часа, непріятель предложилъ войти въ переговоры. Находясь въ весьма дурномъ положеніи и имѣя только 60 фунтовъ пороха, мы послали чешыре нашихъ соопчичей на укрѣпленія, для

переговоръ съ чешырями прибывшими шу-
 да для сего Турками; они предложили намъ
 сдатьсь, но наши, желая выиграть время и
 надеясь, что между шѣмъ приспѣетъ флотъ
 нашъ, просили пять дней срока. Угадывая
 наше намѣреніе, Турки снова начали бом-
 бардировать городъ еще съ большимъ ожес-
 поченіемъ, такъ, что 21 Юля, съ чешы-
 рехъ часовъ утра до другаго дня сдѣлали
 они 3,400 выстрѣловъ изъ пушекъ и мор-
 тиръ. Черезъ часъ послѣ сей ужасной ка-
 нонады, они атаковали насъ съ суши и съ
 моря, и особенно съ шѣхъ чешырехъ сто-
 ронъ, съ кошорыхъ подвинули они къ крѣ-
 пости свои насыпи. Съ моря, канонерскія
 шлюбки подошли на разстояніе сорока са-
 жень отъ нашихъ домовъ, и въ то время,
 какъ Турки бросались въ море, чтобы во-
 рваться въ городъ, наши сдѣлали имъ мужес-
 твенный отпоръ, перебили множество изъ
 нихъ и потопили двѣ шлюбки. Сраженіе сіе
 продолжалось до 11 часовъ, и ровъ нашъ
 былъ заваленъ непріятельскими шрупами; у
 насъ убито было 12 человекъ, а ранено 8;
 мы возвратились съ большею добычею и съ
 восемью знаменами, отбитыми у Турокъ.
 Въ послѣдній же день прибыли на горы наши
 Генералы, кошорыхъ мы ожидали, ш. е.
 Кара-Исхаки, Киццо-Дзавелла и Георгій

Валшино; они выпалили изъ ружей и подали намъ условленные знаки. На другой день, на разсвѣтѣ, слышали мы шумъ со стороны моря, и увидѣли въ Вассилади огни, означавшіе прибытіе судовъ нашихъ, двухъ бригантинъ и гоэлешпы, кошорые, преслѣдовавъ до самаго Папраса чешыре непріятельскія судна, два изъ нихъ сожгли, а два другія заснавили укрышья подъ высирѣлами замковъ. Флотъ нашъ, состоявшій изъ 56 судовъ, обрашилъ въ бѣгство непріятельскую эскадру, и прогнавъ ее изъ окрестностей Миссомонги, оспановилса на корѣ въ нашемъ портѣ; и выгрузилъ привезенные имъ съсшныя и боевыя припасы, къ великому удивленію непріятелей, бывшихъ со своими шлюбками въ озерѣ; они принуждены были уйши къ лагерю Купаги и шацишъ шлюбки, чшобы снятъ съ нихъ пушки, и сдѣлашь для своей защиты башшарей. Адмиралъ Міаули спустилъ шлюбки свои въ озеро; напавъ на непріятельскія суда, причинилъ имъ значительный вредъ, и овладѣлъ шесью большими изъ нихъ, кошорыхъ еще не успѣли выпацишъ. Около 23 шого же мѣсяца, мы сдѣлали вылазку и зажгли мину, бросились на непріятеля, преслѣдовали его по пяшамъ, достигли до башшарей и заколопили всѣ пушки; мы пош-

часть возвратились въ крѣпость съ богатой добычею и пѣвными; а между тѣмъ съ другой стороны, Кара-Искаки и другіе начальники напали на лагерь непріятелей, перебили большую ихъ часть и возвратились къ мѣсту, которое они занимали, съ величайшимъ множествомъ пѣвниковъ. 1^{го} Августа, суда наши прибыли въ Кріонери, за 12 миль отъ Миссолонги, взяли двухъ нашихъ Генераловъ, Киццо-Дзавеллу и Георгія Вашино съ 800 человекъ, и привезли ихъ въ крѣпость. Кара-Искаки пошелъ къ Драгамеши (на десять часовъ отъ Миссолонги), чтобы препящствовать подвозу съвѣсныхъ припасовъ непріятелю. Потомъ суда наши отправились изъ Миссолонги, чтобы преслѣдовать Турецкій флотъ, который и встрѣтили въ Модонь. Сразившись съ онымъ, они сожгли 16 судовъ разной величины, взяли пѣвъ и возвратились въ Идру. Что касается до заколоченныхъ нами непріятельскихъ пушекъ, то Европейскіе Инженеры Паши ихъ починили, и снова начали бомбардировать нашу крѣпость, а мы между тѣмъ не преставали подводить подкопы подъ насыпи, которыя они сдѣлали близъ нашихъ баштарей и взрывать ихъ на воздухъ; потомъ мы преслѣдовали Турокъ, производя ужасное кровопролитіе и захва-

тывая добычу. Сраженія продолжались до 25 Октября; непріятель получалъ со всѣхъ сторонъ подмогу, а какъ мы упоминали его безпрестанными вылазками и испребляли лучшее его войско, то онъ удалился въ прежнія свои укрѣпленія. Тогда весь гарнизонъ бросился на насыпь, копорую непріятель поставилъ надъ нашими башшарейми; очистишь опть нее ровъ нашъ, мы привели крѣпость въ прежнее положеніе. Кушаги, Решидъ-Паша, отправился въ Папрасъ, просить Ибрагима-Пашу прислать Миссолонгскій флотъ и построить плоты, копорые надобно было спустить въ озеро, чшобы удобнѣе бомбардировать городъ со стороны моря, и въ то же время сдѣлать нападеніе на Вассилади. Онъ уговаривалъ также Ибрагима-Пашу прийти съ регулярными войсками своими къ Миссолонги, дабы совѣщашься о средсвахъ овладѣшь онымъ. Въ Декабрѣ прибылъ къ нашему порту Турецкій флотъ, состоявшій изъ 80 судовъ, а Ибрагимъ-Паша пришелъ изъ Папраса къ Кріонери съ 8000 чел. регулярнаго войска и съ корпусомъ, взятымъ имъ изъ Модона. Высадивъ передъ Миссолонги всѣ свои войска съ большимъ количесствомъ бомбъ и боевыхъ снарядовъ, онъ построилъ новыя башшарей, подъ руководствомъ Европейскихъ Инжене-

ровъ, копорые назначали удобныя для шого мѣста. Къ намъ также прибыло ночью небольшое подкрѣпленіе, 500 Эллиновъ, подъ начальствомъ Байраддара - Яни. На всѣхъ непріятельскихъ башшарейхъ было 18 пушекъ и 16 морширь, и дѣйствіе оными производилось по всѣмъ правиламъ шакшики, потому что всѣ Инженеры и офицеры были Европейцы. Съ другой стороны Капшанъ - Паша ввелъ въ озеро 80 шлюбокъ и плошовъ и началъ бомбардировашъ Васслади, копорого гарнизонъ состоялъ только изъ 100 человекъ, подъ начальствомъ Анаспасія Паппа, Луки и Спира Пешалуди. По множеству бросаемихъ шуда бомбъ и гренадъ, одна упала, по несчастію, въ пороховой магазинъ, копорый тотчасъ взлетѣлъ на воздухъ и произвелъ большое опустошеніе. Сраженіе продолжалось 12 часовъ, и стоило жизни 1300 Туркамъ; съ нашей стороны было убито и погибло ошъ взорванія магазина и ошъ бомбъ только 45 человекъ, но мы лишились Спира Пешалуди, копорый погибъ въ семь дѣлъ. Остальная часть гарнизона, видя, что не можешь противишься шодькимъ соединеннымъ силамъ, бросилась въ лодкахъ на канонерскія шлюбки, и 23 человекъ, съ начальникомъ своимъ Анаспасіемъ Паппа Лукою, успѣли сквозъ

нихъ пробишьяся, и тогда (13 Февраля) непріашель овладѣль замкомъ Вассиладн.

Около 16 того же мѣсяца, непріашель перевелъ суда и плошы свои къ башшаревъ, называемой Порось, за двѣ мили отъ Анашолика, а съ сухаго пуши пришло къ нему регулярное войско въ 15,000 человекъ. Гарнизонъ въ Анашолико сосшоялъ только изъ 330 Эллиновъ, бывшихъ подъ начальствомъ Георгія Ліакашы. Плошы и шлюбки начали бомбардировать сію башшарею, и въ то же время регулярныя и нерегулярныя войска и кавалерія бросились вмѣстѣ, чшобы овладѣшь оною. Миссолонгскій гарнизонъ, видя сіе упорное сраженіе, сдѣлалъ вылазку, бросился на непріащелей и перебилъ ихъ множество, испуская громкіе крики, дабы сдѣлать диверсію и опдалишь ихъ, кошорые нападали на Анашолико, послѣ чего возвратился въ крѣпость. Сраженіе передъ Поросскою башшарею продолжалось уже около десяти часовъ, когда прибыли наконецъ непріащельскія суда и плошы, кошорыя сосшавили какъ бы нѣчто цѣлое съ островомъ Пороссомъ. Тогда наши, видя, чшо ихъ слишкомъ мало и чшо сопротивленіе невозможно, сѣли въ лодки и удалились въ городъ. Непріащель овладѣль Пороссомъ, но это стоило ему 2600 сол-

дашь и многихъ Французскихъ и Австрійскихъ офицеровъ, копорые были въ семь дѣлъ убиты; солдашы Анаполитскіе, въ числѣ 120, также сѣли въ лодки и, пробившись сквозь непріятелей, ушли къ горамъ и на другой день Анаполитко также достался въ руки Турокъ. Всѣ непріятельскія силы были тогда соединены предъ Миссолонги, и городъ начали бомбардировать съ суши и съ моря. Съ 16 Февраля до 1 Марта, непріятели бросили 36000 бомбъ и ядеръ, но какъ Турки были всегда съ большимъ урономъ оспражаемы, то они прибѣгли къ хитрости и предложили намъ покориться; съ тѣмъ, что мы будемъ по прежнему владѣть Капитанствами; если же этого не хотимъ, то они доставяшь намъ Англійскіе корабли для переезда, и, по сдачѣ Миссолонги, уплачяшь намъ 12 милліоновъ піяспровъ. Видя, что обѣщанія сіи не искренни, мы отвѣчали имъ, что земля Миссолонги упишана Греческою кровью, и можеть бышь размѣнена только на кровь, а не на деньги. Мы тогда же просили Правительство снабдишь насъ, какъ можно скорѣе, съѣшными припасами, ибо мы шерпѣли крайнюю нужду въ оныхъ и пипались только лошадьми, собаками и другими нечисшыми живопными. Не смотря на то,

что городъ безпрестанно бомбардировали; мы дѣлали ежедневныя вылазки; наконецъ, 25 Марша, непріятель, желая овладѣть островомъ Калссовою, собралъ всѣ свои морскія и сухопутныя силы, и далъ сраженіе, которое продолжалось съ утра до вечера и стоило ему множеству людей; это заставило его отступить. Въ озерѣ нашли при тысячи труповъ; мы оплыли у Турокъ нѣшь канонерскихъ лодокъ, не считая двухъ, которыя мы поплыли, великое число шхеровъ и множество добычи. Въ сей памятный день убили Сулейманъ-Бей, зять Ибрагима, называвшійся Французо-Туркомъ, а Кушаги Решидъ - Паша раненъ картечью въ ногу. Убили также Албанскій начальникъ Бану Севрани и нѣсколько Французскихъ и Австрійскихъ Офицеровъ. Къ несчастію, эта побѣда не принесла никакой пользы Миссолонгскому гарнизону, потому, что недоставокъ въ съѣстныхъ припасахъ ежедневно увеличивался, и мы умирали съ голода. Флотъ нашъ, состоявшій изъ 24 судовъ, прибылъ 3 Апрѣля, но не могъ оказать намъ никакого пособія; по причинѣ прошивныхъ въспровъ и множества непріятельскихъ кораблей, которые блокировали портъ нашъ. Тогда-то, не надѣясь болѣе получить какую либо помощь, мы создад

общій совѣшъ, и рѣшили, 10 Апрѣля выйши, пробисься сквозь непріятелей, и спаслись или погибнуть. Для сего мы подвели подкопы подъ чешыре дома, самыя большіе въ городѣ, и помѣстили въ оныхъ шѣхъ, кошорыя не могли слѣдовать за нами, щ. е. раненыхъ, больныхъ, шариковъ, женщинъ и дѣшей, кошорыя всѣ рѣшились зажечь мины, когда приблизится непріятель и подыашъ себя, вмѣспѣ съ нимъ, на воздухъ; всѣхъ, обрекшихъ себя на это опчаянное дѣло, было 4000 чел.; а 3200 Эллиновъ и 2000 женщинъ и дѣшей должны были выйши и пробисься сквозь непріятельскій корпусъ къ горамъ, на кошорыхъ спояли Генералы наши, Кара-Искаки и Коншаншинъ Боццарри. Распорядившись такимъ образомъ, мы выйши 10 Апрѣля, въ 3 часа утра, со шпагою въ одной рукѣ и пистолешомъ въ другой, бросились на непріятелей и множесшво ихъ положили на мѣспѣ, пробиваясь къ горамъ. Турецкая армія, состоявшая изъ 25,000 человекъ, совершенно насъ окружила, сосшавивъ съ нами какъ бы одно цѣлое, и уже часа черезъ шри съ половиною доспигли мы горъ, въ числѣ 1200 человекъ; чшо касается до женщинъ и дѣшей, ню ихъ дошло только 33; большая часть была перебиша, а около 1400 попали въ рабство.

Гора находилась ошь Миссолонги шолько на часъ ходьбы, но по множеству окружавшихъ насъ непріятелей, мы шли шуда часа съ шри. Доспигнувъ нашей цѣли, мы соединились съ Капипанами Конспанпиномъ Боццари и Кара-Искаки, копорые раздали намъ сухарей, чшобы подкрѣпить наши силы, ибо мы совершенно истощены были усталостію и голодомъ. Ошшуда опправились мы въ Держевину (въ 40 миляхъ ошь Миссолонги), между шѣмъ какъ непріятель всшупалъ въ городъ и хошѣлъ грабить дома, а больные и раненые, поджигая мины, поднимали себя на воздухъ вмѣстѣ съ нападающими. Изъ Держевины пошли мы въ Салону, а ошшуда въ Наполи ди Романію, гдѣ народъ принялъ насъ со всѣми знаками вштинной привязанности.

Такова была ужасная осада Миссолонги, копорого паденіе было не менѣе пагубно непріятелю, ибо онъ, всегда опражаемый съ урономъ, лишился при разныхъ нападеніяхъ, около 40,000 человекъ. Въ семь изложеніи говориль я шолько о значительнѣйшихъ сраженіяхъ, ибо небольшихъ спычекъ, происходившихъ ежедневно, было шакъ много, чшо ихъ и описать невозможно.

Не забудемъ прибавить, чшо изъ 11,000 яшелей, составявшихъ народонаселеніе

Миссолонги, остается только 3000 женщин, дѣтей и стариковъ, которыхъ мы прежде отправили на островъ Каламосъ.— Кроме несчастныхъ Миссолонгцевъ, собралось сюда тысячъ двѣнадцать разныхъ окрестныхъ жителей, такъ, что на семь небольшомъ островѣ, на которомъ находишься только двадцать домовъ, или лучше сказать, жилищъ, собралось около 15,000 злополучныхъ, лишенныхъ всякъ способовъ къ существованію; число ихъ ежедневно уменьшается отъ голода и болѣзней, и они, имѣвъ несчастіе пережить свое опеченство, ожидаютъ только минуты, когда Всемогуцій воззоветъ ихъ къ себѣ, и самъ положитъ предѣлъ ихъ горестямъ и оправданіямъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Отрывокъ изъ Драматической Поэмы:

И'ЖОРСКІЙ.

(Сообщено отъ незнакомаго.)

(Царскосельская дорога. Солнце заходитъ.)

Ижорскій. (Скачетъ на перекладныхъ.)

На водку, брашъ, рублевикъ! погоняй!

Таскашься, право, надоѣло.

Ямщикъ.

Таскашься! Наше ли съ шобою, баринъ, дѣло?

Привинь-ко гривенникъ на чай:

Скашлось солнышко; а не уступишь ночи,

Какъ разъ шебъ заблещетъ Писерь въ очи.

Соколики, эй! дернемъ! эй!

Эй! варвары, смѣйте!

Не выдай, сивка; пожалѣй!

Боишься, что ли? ну! дружнѣ!

Чтобъ волкъ шебя! Дворяничекъ шы, не конь!

Вотъ! видишь, баринъ? ошь колесъ огонь!

По всѣмъ, по шремъ... Эхъ! боренной не шронь!...

Издадека-ли вдетъ ваша милосшь?... .

Ижорскій.

Издадека. (Ямщикъ заплываетъ плесню; Ижорскій пре себя.)

На родину спѣшу;

Роднымъ воздухомъ дышу :

Такъ, радость чувствую, но вмѣстѣ и унылость....

Повѣрю ли, чшобъ здѣсь, въ землѣ родной

Столкнулось счастье со мной?

Игралище спрасшей, людей и рока

Я счастья въ странахъ роскошнаго Востока

Искалъ: въ Аравіи, въ Иранѣ золотомъ,

Подъ небомъ Индіи чудесной,

Въ блестящихъ городахъ, подъ подвижнымъ шашромъ;

Но не встрѣчалъ нигдѣ, скишаясь въ поднебесной.

Ничѣмъ моя не исполнялась грудь;

Напрасенъ былъ мой долгій путь. (*Задумывается.*)

Д у х и (*поютъ въ высотѣ*).

О д и н ъ.

Закатилось солнце,

Глядь, — спало темно:

Человѣкъ засыпаетъ;

Нашъ часъ настааетъ.

Д р у г и е.

Взвѣйшесь, взвѣйшесь, легкіе други!

Въ небѣ зажглась за звѣздою звѣзда:

Мчишесь въ ихъ блескъ шуда и сюда!

Филинъ и сычъ наши слуги;

Синіе свѣщаютъ изъ блага огня....

Мчишесь: нешопыри намъ бони.

И ж о р с к і й.

Ямщикъ! что такъ жужжишь надъ нами?

Я м щ и к ъ.

Кружатся бомары роами.

День жаркій былъ; знашь, будетъ новый зной;

Но городъ видишь ли передъ собой.

Ижорскій (про себя).

Вздымается Пешрополь изъ шума,на,
 Весь мраченъ; лишь одной бойницы остріе
 Горшшь средь шемношы, похоже на конье
 Чудовищнаго великана....

Д у х и.

О д и н ь.

На сизой спрекозѣ верхомъ
 Лепишь Кикимора забавный;
 Онъ вишьязь, онъ наѣздникъ славный!
 Цвѣшь колокольчика — шеломи;
 Броня ему — кольчуга рака;
 А плащъ — листокъ багровый мака.
 Поишь онъ пьяницу виномъ;
 Толкаешь подъ бокъ забіяку;
 Съ женою мужа вводишь въ драку.
 Кашась, кружась кубаремъ,
 Сшибаешь съ ногъ дѣвицъ спѣсивыхъ;
 Рогамъ красишь лобъ ревнивыхъ:
 Его блаженство шумъ и громъ! —

Х о р ь.

Скорѣ, скорѣ! На встрѣчу ему!
 Поклонимся, брашцы, вождю своему.

*(Часть летитъ на встрѣгу Кикиморъ; другая
 остается.)*

1 й Д у х ъ.

Ужъ луга и нивы пусты;
 Пахарь въ хижинѣ хранишь....
 Брашцы, что за важный видъ!
 На большомъ листѣ каушны
 Вонъ Шишимора лепишь!
 На ковръ, на самолешъ

Хитрый козодѣй сидишь;
 Полночь близко: онъ къ работѣ
 Къ чернымъ радостямъ спѣшишь.

2й Духъ.

Крадя пауковъ добычу,
 Онъ высасываетъ мухъ;
 Розгой на красу дѣвичью
 Ворушаетъ злыхъ шарухъ.
 Въ садъ ли лазишь кто рѣшится,
 Къ милой въ ночь черезъ заборъ?
 Вдругъ Шишимора примчится:
 Свиснешь, — весь поднимешь дворъ;
 Всѣхъ напустишь на дѣшину,
 Дворнику подашь дубину,
 Псовъ разбудишь, — спухъ и вой!
 И съ разодранной шинелью,
 И съ разбитой головой,
 Пушь къ опасному веселью,
 Обширая кровь и пошь,
 Спращный вишазь проклянешь!

3й Духъ.

Онъ одѣшь не въ багряницу,
 Въ шкань изъ мошьяльковыхъ крыль;
 Блѣдень; ярую зарницу
 Вбругъ чела въицемъ обвилъ;
 Жаломъ шмеля вооружилъ
 Мѣшкую свою десницу.

Х о р ъ.

Товарищи, други! уйдемъ, ушечемъ.
 Страшишесь! найдете донощика въ немъ.
 (Разлетаются.)

И ж о р с к и й.

Сень версть еще: какъ скучно!
 Бышь, кажется, грозъ: чернѣшь небо, душно.
 Спой пѣсню, брать; авось развеселюсь.

Я м щ и к ъ.

Пѣшь, радъ бы: надоѣсть боюсь.

„Какъ изъ-за-моря,
 Изъ-за-синяго,
 Добрый молодець
 Возвращается
 Въ свою спорову,
 Милу родину:
 Много молодцу
 Вображается;
 Про себя онъ самъ
 Усмѣхается.
 Ошцу, машери
 Поклонюся я;
 Съ красной дѣвицей
 Поцѣлюся:
 Золотымъ кольцемъ
 Размѣняюся,
 Золотымъ вѣнцемъ
 Обвѣнчаюся
 Съ моей суженой,
 Съ моей ряженой,
 Съ моей вѣрною,
 Полюбовницей!“
 „Какъ изъ-за-моря,
 Изъ-за-синяго,
 Добрый молодець
 Возвращается;

Его башюшка
 Во сырой землѣ,
 Родна машушка
 На чистомъ сполѣ;
 Красна дѣвица
 Обвѣнчалася ;
 Друга вѣрнаго
 Не дождалася.“

И ж о р с к і й (*прерываетъ его*).

„А шоварици,
 А разгульные,
 Съ добрымъ молодцемъ
 Повсрѣчались,
 Безшаланному
 Посмѣялись.“

Не шакъ ли , брашъ , ямщикъ ?

Я м щ и к ъ .

Такъ шочно, ваше Благородье....:

Поюшъ, признашся , шакъ у насъ — въ проснона-
 родѣ.

И ж о р с к і й.

Я? — я не жду ошца: давно ужъ мой спарикъ
 Поковшся за Охшой на кладбищѣ.

А мать, родя меня,
 Терзаясь и спеня,

Ошъ сей земли ушла въ безсмынное жилище;

Я машери своей, пріишель, не знавалъ ,

На родинѣ любовью не сгаралъ,
 Съ невѣшшой мы не разшавались....

Не ошгадаю я,

Чему веселые друзья ,

Со мной бы всрѣшясь, посмѣялись.

Я и щ и б ъ (*натмнаетъ другую пльсю въ полголоса*).

„Какъ молодчика взманшла

Въ рѣчку водяная,

Удалаго поглотила

Глубина рѣчная“

(*Бьетъ по лошадымъ.*)

Вошь я шебя, красошку!

Съ горкм. на горку, — баринъ дастъ на водку? —

Кнѣжмора (*является въ описанномъ выше видѣ*).

Шурмуйте, дѣши шемношы!

Взешайте выше шучъ, луною посребренныхъ;

Пляшите ниже ландышей смиренныхъ.

Вскружилась голова ошъ вашей суешы,

Нышы! — такъ я не скучалъ еще ни разу!

Какую бы мнѣ сошворишь проказу?

Кого бы нарядишь въ шушы?

Да вошь несется кто-шо!

Меня берешъ охоша:

Лошадокъ испугашъ и посадишь ихъ въ грязи!

(*Вьется надъ тельгою и пугаетъ коней хлопущою.*)

Ш и ш и м о р а (*прилетаетъ*).

Чшо шы, повѣсь и негодаевъ Князь!

Кнѣжмора.

А вамъ какая до шого забота?

Прошу мнѣ не мѣшашъ, Сулшанъ клеветниковъ,

Ханжей власшншель и льспецовъ;

Коней бѣшу хлопущою:

Играю собшвенной, не вашей игрушкой.

Ш и ш и м о р а.

Не шронъ! онъ (*указываетъ на Ижорскаго*) мнѣ при-
надлежишь

Туранскій Дивъ, Арсланъ мнѣ шлепъ его въ подарокъ.

К и к и м о р а .

Ахъ! брашець, — меринъ коренной пыхтншь;
 Послушай: день былъ жарокъ ;
 Дай ихъ помышь, дай въ лужу окунушь !

Ш и ш и м о р а .

Не смѣй на нихъ ниже дохнушь ;
 Прочь ! подниму шревогу ;
 Вѣдь Бугу позову : онъ , знаешь ли ? шебя !
 (про себя).

Конечно, можно бы... но нѣшь, боюсь себя !
 Пусшь кончншь мой мудрець дорогу ;
 Боюсь, — сломяю ему нль руку или ногу :
 А онъ мнѣ нуженъ невредимъ и цѣль.
 Къ шому же эшопъ мнѣ поспрѣль,
 Кикимора, до смерти надоѣль.

(Кикиморъ)

Брось, разсержуся не на шупку ;
 Брось, говоряшь, не шрогай ѣздока !

К и к и м о р а .

Серднсь; бѣда не велика:
 Мы похочемъ лишнюю минушкы !
 Пугаешь Бугою, мой свѣпъ ;
 Анъ, знаемъ мы: его здѣсь нѣшь !

Ш и ш и м о р а .

Ужъ-ты у насъ поплачешь, дерзкѣй духъ!

К и к и м о р а .

И впрямъ швои ужасны силы
 Для мошечекъ, для мухъ!
 Не горячнсь, умѣрь себя, мой милый!

Ш и ш и м о р а .

Повѣса ! враль ! лгунншка ! плушь !

К и к и м о р а .

А ! ты , руганься смѣешь , шупъ ?
 Ну , не во гнѣвъ : приму себя , брашъ , въ руки !
 За чупъ себя , за чупъ !
 (Бросается на него).

Ш и ш и м о р а , (защищаясь).

Кикимора , не будь же глупъ !
 Кикимора ! и не боишься Буки ?
 Ай ! право , Бука близко ! ай !
 Ай ! Бука ! ай ! ай ! Бука помогай !
 (Улетаетъ ; Кикимора бьетъ Шишимору . Ижорскій
 между тѣмъ подвѣхалъ къ заставѣ).

Я и щ и к ъ (останавливаетъ лошадей).

Эй ! баринъ , спишь ? Заспава , прилешъли !
 Во вѣкъ мои лошади не робѣли ;
 Сего дня что-то , да не шакъ ;
 Мешались въ споропу , храпѣли !
 Да благо , я не изъ зѣвакъ :
 Не по , мы , въ ямѣ бы сидѣли !
 Съмъ , колокольчикъ ошвяжу ! слѣзай ,
 Проснись-ко , подорожную подай :
 Мы въ Писерѣ , сударь !

И ж о р с к і й (подаетъ часовому подорожную).

Я здѣсь , родимый край !
 Здѣсь сынъ швой , изъ шпей , изъ обиталищъ даль-
 ныхъ

Въ родныя стѣны возвращень !
 Для радостныхъ ли дней , или для дней печальныхъ ?
 Ошвѣспсвуй , пышный градъ ! Но въ безопвѣстный
 сонъ

Нѣмой , безжизненный , Петрополь погружень

Ни гласа ! ни привѣща !

Вся обласшь сплшъ шуманами одъша. . . .
 Туманы. . . . мгла. . . . увы! гдѣ полуденный рай?
 Ты далеко за мной, Иранъ, опчизна свѣша!

У Н Т Е Р Ъ - О Ф И Ц Е Р Ъ *(подходитъ къ телѣгѣ)*
 Гдѣ остановишесь?

И Ж О Р С К І Й.

У Д е м у ш а.

У Н Т Е Р Ъ - О Ф И Ц Е Р Ъ.

С п у п а й!

*(Шлагбаумы поднимаютъ; Ижорскій възвмаетъ въ
 городъ. Прплетаетъ Кикимора.)*

К И К И М О Р А.

Еще бы ихъ заспашь! Да чай,
 Они ужъ въехали въ заспашу. . . .
 Ну! все равно; ужъ я попѣшилса на славу:
 Какъ я его шаскалъ!
 Ужъ какъ поболошилъ исправно!
 Какъ онъ бувырчалса забавно!
 Да какъ я хохошалъ!

Чшо жъ мы теперь начнемъ? — Изъ слуховыхъ око-
 шекъ,

Дай, вызову влюбленныхъ кошекъ;
 Кошомъ мяучиль спану по спѣнѣ!

Бышь празднымъ не люблю: возмешь шоска и скука...
(испугавшись,)

Чу! поле вздрогнуло ошъ шопоша и спуга!
(смотритъ въ даль,)

При выглянувшей изъ за шучъ лунѣ,
 Миѣ чудитса, на соловомъ конѣ
 Грозно мчашса. . . . неужели Бука?

Онъ! онъ!... Шлшшмора, не въ добрый же шы часъ

Сказать рѣшился правду въ первый разъ.

Что ежели нашли себя въ канавѣ?

Воображаю, какъ расплакался пролазь,

Какъ началъ доносишь, наушничай на насъ!

Бышь, кажешся, допросу, бышь расправъ. . . .

Духи (невидимые).

Одни (издали съ одной стороны).

Содроглися кости

Въ заросшихъ гробахъ;

Къ намъ Бука несется

Въ гусьихъ облакахъ!

Дохнешь ли перуномъ —

Завяла шрава;

Просвищешь ли бурей —

Валяшся древа

Другие (съ другой стороны ближе).

Ау! ау! Кикимора!

Зовушь себя, себя зовушь!

Спѣши! леши! зовушь на судъ

Ау! ау! Кикимора!

Явися, оправдай себя!

Кикимора! зовушь себя.

Кикимора (передразнивая ихъ).

Ау! Кикимора! зовушь,

Зовушь — не устаюшь!

Кричашь, аукаюшь, — ну, словно, дѣвки,

Какъ въ чащѣ разбредушся по грибы!

Но дѣлашь нѣчего: не миновашь судьбы;

Пришлось раздѣлаться за шумки, за издѣвки!

Духи (приближаясь).

Ау! Кикимора!

К И Е И М О Р А .

Ау! лечу , лечу !
Но я , шебъ , вряшель , ошплачу!
(Улетаетъ).

VI.

С О В Р Е М Е Н Н А Я Р У С С К А Я
Б И Б Л И О Г Р А Ф И Я .

Ж У Р Н А Л Ы И В Ъ Д О М О С Т И .

1 8 2 7 .

Въ Санктпетербургъ.

Избъгая повшоренія заглавій нашихъ Журналовъ и Въдомосшей , скажемъ полько о прекрашившихся и вновъ начашыхъ изда- нiяхъ.

Прошивъ списка 1826 года (см. С. О. 1826, кн. I, стр. 100), не издающся:

1. *St. Petersburgische Senats-Zeitung.*
2. *Новости Литературы*, издававшiяся Г. *Воейковъмъ.*
3. *Благонамъренный*, издававшiйся Г. *Измайловъмъ.*

4. *Журналь Изящныхъ Искусствъ*, издававшийся Г. Григоровичемъ.
5. *St. Petersburgische Zeitschrift (Санктпетербургскій Журналь)*, издававшийся Г. Ольдекопомъ. Нельзя не пожалѣть о прекращеніи сего полезнаго и пріятнаго изданія!

Вновь начашы :

1. *Журналь Путей Сообщенія*, издаваемый при Департаментѣ Путей Сообщенія.
2. *Военный Журналь*, издаваемый Военно-Ученымъ Комитетомъ.
3. *Славянинъ*, Военно-литературный Журналь, издаваемый Г. Воейковымъ.
4. *Новая Дѣтская Библіотека*, издаваемая Б. М. Федоровымъ.

Въ М о с к в ѣ :

Ни одинъ Журналь не прекращался, а вновь издается:

5. *Московскій Вѣстникъ*, Г. Погодинымъ.

Въ Харьковѣ и Казани, сколько намъ извѣстно, на сей годъ не издаюшь никакихъ Журналовъ или Вѣдомостей.

А Л Ъ М А Н А Х И :

Въ Санктпетербургѣ.

1. *Подарокъ дѣтямъ.*
2. *Невскій Альманахъ, издаваемый Г. Аладь-нымъ.*
3. *Сиріусъ, издаваемый Г. Бестужевымъ-Рюминымъ.*
4. *Дѣтскій цвѣтникъ, издаваемый Г. Ос-доровымъ.*
5. *Календарь Музъ, издаваемый А. Е. Из-майловымъ.*

В ъ М о с к в ѣ.

6. *Сѣверная Лира, издаваемая Гг. Раичемъ и Ознобишинымъ.*
7. *Незабудочка, издаваемая С. Н. Глинкою.*
(Подробныя извѣстія о сихъ Альма-нахахъ напечатаны въ Сѣверной Пчелѣ.)

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА.

1827. № II.

I.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

КАРТИНЫ.

(*Продолженіе.*)

Старикъ былъ шакъ распроганъ, что не могъ удерживашь слезъ своихъ; и Эйленбекъ выпощилъ изъ кармана огромный желтый шелковый плашокъ, чпобъ опереть свое пунцовое лице, съѣженное умиленіемъ. „Помните ли еще,“ сказалъ онъ, всхлипывая: „удивительную картину Кеншеня Мессиса, представляющую молодого пасхуха съ дѣвучкою въ снранномъ нарядѣ, оба превосходной работы — еще г. фонъ-Эссенъ тогда ушверждалъ, что фигуры сходны были съ его сыномъ и вашею дочерью.“

— „Сходство было тогда разительное,“ примолвилъ Эрихъ: „Но вы забыли еще упомянуть объ Іоаннѣ. Тупь работа могла бы воспорить, по крайней мѣрь, съ Гвидовою. Эша картина, вѣроятно, была Доминикинова, по крайности чрезвычайно походила на

его извѣстную и споль знаменишую. Эпошь взоръ юноши къ небу, его вдохновеніе, спрешленіе выспрь, вмѣспѣ съ какимъ-шо волненіемъ — сѣдспвіемъ шого, чшо небесное видѣль онъ еще на землѣ, объяль, какъ любитель, и посшигъ, какъ насшавникъ; пришомъ какой-шо опшѣнокъ прошедшаго, благо на благородномъ лицѣ его, — все было пѣвнишельно, шрогашельно. — Да! немногіе изъ эшихъ каршинъ могли бы выкупить молодого человекъ, и сѣдлашь его богашемъ.“

„Конечно, если бь онъ не былъ во все пошерянь,“ воскликнулъ Эйленбекъ: „Ему бы оиашь не на долго спало. Сколько я шрашилъ по-пустому словъ и увѣщаній! Голосъ дружескаго усердія и опышности не проникаешъ въ слухъ его. Теперь наконецъ, когда вѣрояшно пришлось ему до зарѣзу, начинаешъ онъ образумляться; видя, чшо я проливаю горькія слезы объ его несчастіи, онъ далъ мнѣ свою руку и обѣщаль исправиться, приняться за работу, сѣдлашься порядочнымъ человекомъ. Когда же я, пронупый до глубины души, спалъ его обнимашъ, вдругъ вырывается онъ и говоритъ: но я начну не прежде, какъ съ Крещенья; до шого времени буду веселишься по презнему! Чшо ни говорилъ я прошивъ шого,

все было щещно; онъ грозился взять назадъ свое обѣщаніе, если буду я насмѣивать. — Правда, что праздникъ ужъ на дворъ и срокъ не великъ; но по крайней мѣрѣ изъ того можеша вы заключить, какъ шрудно положишься на его добрыя намѣренія.“

— „Издавна,“ сказала Софія, „окужающаго его все благочестивые люди; по духу прошиворачія принялъ онъ прошивную спорону, и конечно это же своенравіе помѣшало ему пользоваться уроками челоука добродѣшельнаго.“

„Вы нѣкопоруимъ образомъ правы,“ сказалъ старый Живописецъ: „Уже не мало времени, какъ осаждаеша его этоша старый піеписецъ, докучливый Генне, директоръ музыки. Но увѣряю васъ, что его сущія проповѣди не могуша подѣйствовать на молодца; къ тому же старикъ съ шрешьяго спакана начинаеша хмѣлѣть и сбиваеша съ шекша.“

— „Онъ ужъ слишкомъ опустился,“ замѣнилъ хозяинъ; „шакіе люди, для копоруихъ безпорядки и мошовство сдѣлались жизненною пошребношю, не могуша никогда опоминься. Порядочная, наспоющая жизнь кажеша имъ незначительною, мелочною; они вовсе пошерны.“

*

„Весьма справедливо,“ сказала Эйленбекъ: „а чѣмъ вамъ дашь разительный примѣръ его безумства, по послушайше, какъ поспуналь онъ съ своею библіотекою. Ему, онъ почтеннаго ошца его, досталось множество книгъ; превосходнѣйшія изданія Класиковъ, большія рѣдкости Италіанской Импературы, какъ напримѣръ: первыя изданія Данта и Петрарки, которыхъ щещенно старающа досташь и въ первокласныхъ городахъ. Вдругъ вздумалось ему, что надобно имѣть Секретаря, котора бы также содержалъ въ порядкѣ и библіотеку, записывалъ въ реэспрь вновь покупаемыя сочиненія, разсвалялъ ихъ систематически и тому подобное. Одинъ молодой негодяй просилъ себя этой важной должности, и его принимающъ, пошому только, что онъ масшеръ болшашь. Писалъ много нѣчего, а надо было выучишься пишъ; молодому повѣсь по и на руку. Тогда же началось безпущное житье; каждый день разливанное море — балы, маскарады, кашанья; полгода угощались даромъ. Такимъ-то образомъ черезъ полгода, ужь такъ распранжирены денежки, что нѣтъ наличныхъ и нѣчьмъ заплашишь жалованья молодому Ученому. И вотъ, какъ вздумали пособить горю: на первый годъ положено было, вмѣсто жало-

ванья, взявъ по сходной цѣнѣ книгами. Но ни самъ владѣлецъ, ни Секретарь его, вовсе не знали цѣны энциклопедій, кошорыя дороги только для знатоковъ, а такихъ найдешь не во всякомъ встрѣчномъ. И такъ драгоценнѣйшія творенія пошли за ничто, а между тѣмъ разъ нашедши лазейку, спало повспорять по же и по же, тѣмъ болѣе, что Секретарь-пролазь умѣлъ доставать своему милосивцу чистыя денежки, за кошорыя плашилось ему книгами. И теперь, изъ всей библіотеки врядъ ли что нибудь уцѣлело, кромѣ шкаповъ.“

— „Мнѣ лучше всѣхъ извѣстно,“ сказала хозяйня: „какъ немилосердо пошуплено было съ книгами.“

„Какія все спрашныя исторіи,“ сказала Софія: „жестоко было бы и оврагъ своимъ ихъ пересказывать.“

— „Но всего непрощительнѣе,“ продолжалъ Эйденбекъ, „была опрасть его къ вшой пресловушой Бешни; всѣ прочія глупости его вмѣстѣ не могли такъ расшеребить имѣнія по кускамъ, какъ удалось ей одной. Она-то ужъ совсѣмъ изворопила его характеръ, склонный въ основаніи къ доброду. Онъ точно добродушенъ, но такъ слабъ, что всякій, кто подобьется къ нему, можетъ сдѣлать изъ него, что захочетъ.“

чешь. Всѣ мои добрые совѣшны пошли на вѣшерь. Даже, бывало, до глубокой ночи сидишь и поешь ему въ уши, самымъ убѣдительнымъ образомъ, но жалъ шолько праченыхъ попусшому словъ. Она шакъ его осѣшила, чшо за нее гошовъ онъ былъ съвсшъ наилучшаго и чешивѣшаго изъ друзей своихъ.“

Между тѣмъ вспали изъ за-сшода и начали взаимно раскланивашься; Эйленбекъ шакже подошелъ, за другими, къ хозяйкѣ, и въ шо время, какъ спалъ жеманно цѣловашь ея руку, она прошепшала ему очень явсшвенно: „вы, сударь, самый негодный изъ всѣхъ негодяевъ въ мѣрѣ! Неблагодарный лицемеръ! Какъ могло гнусное сердце ваше осмѣлишься на публичное поношеніе шого, чьи благодѣянія обогатили васъ, чьимъ легкомыслиемъ вы пользовались, на пагубу неопышнаго юноши? До сихъ поръ считала я васъ шолько вздорнымъ, но не бездушнымъ, а шеперь вижу, чшо вамъ не даромъ дана шакая дьявольская физиономія! Вы мнѣ гнусны, сударь!“ Она, въ сильномъ движеніи, опшолкнула его и ушла послѣшно изъ комнашы.

Госпи перешли въ карпшинную галлерей, гдѣ разносили кофе. „Чшо сдѣлалось съ моею дочерью?“ спросилъ Вальшеръ у Живо-

писца: „она шакъ скоро побѣжала и какъ будто со слезами на глазахъ.“

— „Добрая, премилая барышня!“ ошвѣчалъ, ослабѣя, Эйленбекъ. „Вы очень счастливы, г. Совѣшникъ, шакимъ чувствительнымъ сердцемъ вашей дочки. Она шакъ милоспиво забошилась о моемъ здоровѣ; показалось ей, что у меня очень красны глаза, изволишь думашь, что это воспаленіе, и что я могу ослѣпнуть; вопшь что ее шакъ распрогало.“

„Славная дѣвушка!“ вскричалъ опецъ: „лишь бы мнѣ приспроишь ее хорошенько, чтобы я могъ покойно умереть.“ — Незнакомецъ осшавался еще въ споловой, гдѣ показывалъ ему Эрихъ посшавленную имъ новую каршину. Дишрихъ былъ съ ними же. Въ шрое, идучи ошшуда, вели между собою очень жаркій разговоръ, начавшійся, какъ видно, съ шого, что незнакомцу не понравилась каршина, а Дишрихъ ее защищаль.

„Все глупое, вздорное, нелѣпое“ — продолжалъ незнакомецъ: — „безконечно, пошому именно, что нельзя посшавишь имъ никакихъ предѣловъ, между шѣмъ какъ однимъ ограниченіемъ производишся все разумное, шо есть красота, благородштво, самое искусство и эншузизмъ. Когда же надобно

умящашъ что нибудь сверхъестественное, невыразимое, но глупцы и думаютъ, что это можешь быть безусловно; и шунъ-шо, хватаясь за мистицизмъ, начинаютъ они грѣшить проповѣдъ природы и фанатизмъ. Вошь взгляните на этого глупаго Гелленбрейгеля, кошорый виситъ здѣсь на столбѣ. Онъ потерялъ совершенно чувство для истины и смысла, опказался вовсе ошъ натуре и считалъ умящанье за вдохновение, но шѣмъ-шо и нравился онъ мнѣ, предпочтительно всей толпѣ рожемазовъ (Staßemäbler), что безъ дальнихъ околичностей, зашворилъ накрѣпко дверь, оспавилъ за него разсудокъ. Посмотрите исполинскую залу Юлія Романо въ Маншуѣ, его странныя сборища звѣрей, Ценшавровъ и всѣхъ чудесъ Басни, его Вахханалы, его смѣлое смѣшеніе человѣческаго, прекраснаго, со звѣринымъ, грубымъ; углубишесь въ это искусство, начните его изучать, тогда только поймете вы, что можешь сдѣлать испившииъ Поэтъ изъ такой странной и непонятной наклонности нашего вкуса, и какъ онъ способенъ схватывать красоту даже въ этой, изъ мечпаній сошканной сѣши.“

— „Такимъ образомъ,“ сказалъ Динрихъ: нѣчего и говорить, если мы будемъ судить по одному только правилу и мѣри-

ду, если будешь, въ слѣпномъ приспращіи, все превосходнѣйшее сосредоточивашь въ одномъ только имени, и по такому одностороннему сужденію спанемъ все отрицаешь, что не имъ сдѣлано, или чего не могъ онъ сдѣлать. Между тѣмъ онъ вѣдь былъ смертный: взоръ его не могъ проникнуть во всѣ глубины, а если бы и имѣлъ онъ такую способность, то смерть, по крайней мѣрѣ, должна же была вырваться когда нибудь палицу изъ рукъ его, и тѣмъ прервать рядъ его открытій. Ограниченіе должно быть; кто въ этомъ сомнѣвается? Но многія, такъ высоко цѣнимыя умничанья о правилахъ, напоминающія мнѣ всегда то спрванное свойство пѣпуха, что какъ ни велика его храбрость и воинственность, но когда положить его на бокъ и опъ клѣва его проведущъ мѣломъ по полу черту, онъ осматриваясь неподвиженъ — то же, можешь быть, считая себя прикованнымъ какою нибудь природною необходимостію, философическимъ правиломъ или неизбежнымъ художественнымъ ограниченіемъ.“

„Вы спановишесь очень нескромны, молодой мой прошивникъ,“ сказала незнакомецъ съ нѣкоторою важностію: „Хорошее воспитаніе, видно, также должно быть

скоро причислено къ искусвамъ пошеря-
нымъ.“

— „За шо нѣчего боишься,“ возразилъ
Диприхъ: „чтобъ перевелось высокомеріе, и
чтобъ непонятливостъ когда нибудь на-
осприлась.“ Онъ раскланялся наскоро съ
хозяиномъ, и вышелъ.

„Не понимаю,“ сказалъ незнакомецъ: „какъ
довожу я себя до шакого обращенія. Точно
будшо злой духъ нашаквиваетъ меня въ
эшой залъ на исполиновъ, кошорые хомятъ
споннашь меня въ прахъ.“

Спарикъ Вальшеръ очень досадовалъ,
что въ его домъ произошли шакія встрѣ-
чи. Онъ сердился на Диприха, и какъ за
споломъ долженъ былъ покинуть мысль о
свашовствѣ пріѣзжаго гостя, шакъ шеперь
ошказывался въ умъ своемъ и опъ молодого
Живописца. Между шѣмъ незнакомецъ, въ
пылу своего гнѣва, обрашилъ на Гелленбрей-
геля бѣльшее вниманіе, нежели какъ бы мо-
гло безъ шого случишься. Чшобъ нѣсколько
умилоспивишь его, Вальшеръ возобновилъ
похвалы карпинъ. „Не правда ли“ сказалъ
онъ: „вѣдь славная вещь въ своемъ родѣ?“

— „Лучшая изъ всѣхъ эшого мастера,
какія до сихъ поръ я видѣлъ“ — ошвѣчалъ
шошъ, и взявъ лорнешъ, спалъ еще внима-
тельнѣе разсматривашъ. „Что эшо?“ вскри-

чалъ онъ вдругъ : „посмотрише, въ вшомъ мѣспѣ, гдѣ сходящся ноги двухъ дьяволовъ и огненный хвостъ шрешьяго, образуешся лице — очень выразишельная профиль, и, если не ошибаюсь — посмотрише — мнѣ кажешся, очень похожа на одного изъ присущивующихъ здѣсь.“

Всѣ спѣснились около каршины, и дѣйствительнo увидѣли профиль Эйленбека, чего врежде никшо никогда не замѣчалъ. Шушь Эйленбекъ всѣхъ бодѣ предспавлялъ изумленнаго. „Вошь на!“ вскричалъ онъ, „никогда и не грѣзилось мнѣ шакой чесши. Однако, если злой Живописецъ предугадывалъ профиль мою въ XVI вѣкѣ, шо съ его стороны слишкомъ уже беспыдно, чшо не придумалъ не изъ чего лучше, какъ изъ огненнаго хвоста сдѣлать мой, дѣйствительнo красоваший носъ.“

„Чудесная вещь!“ примолвилъ Эрихъ : „шушь мудрено рѣшишь, съ намѣреньемъ ли вшо сдѣлано, или вышло случайно. Вальшеръ безпрешанно посмашривалъ шо на профиль въ каршинѣ, шо на лице спараго Живописца, и качалъ головою; пошомъ призадумался онъ, и былъ уже очень разсѣянъ, когда незнакомецъ и Эйленбекъ спали расканивашься, ошправляясь къ послѣднему,

который пригласил прїзжаго посмотреть свою масперскую.

„Что съ побою сдѣлалось?“ спросил Эрихъ у хозяина, оставшись одинъ съ нимъ въ залѣ: „Мнѣ кажется, ты сердишься на эту странную игру случая, ошъ которой мы всѣ принуждены были смѣяться; по дѣломъ эшому пьяницѣ, что въ такой дѣвольской бесѣдѣ масперски выпечашана его рожа!“

— „Неужли ты въ самомъ дѣлѣ считаешь это за случай?“ вскричалъ Вальшеръ сердито: „развѣ не догадываешься, что старый мошенникъ подсунулъ мнѣ обманомъ эту каршину? что она его работы? Вошъ посмотри — я не хотѣлъ пристыдить его при другихъ; не только представилъ онъ себя въ эшомъ абрисѣ, не написалъ еще, мелкимъ почеркомъ, имя свое, Эйленбекъ, въ огромныхъ усахъ эшого большаго чорша, который мелешь души въ ручной мельницѣ. Я открылъ недавно это черченье; но какъ не совсѣмъ явственно написано, то думалъ, что самъ Живописецъ, или кто другой, хотѣлъ шутъ посшавить имя Гелленбрейгеля. То же сказалъ и самъ старый плушъ, прочишавъ мнѣ, когда я ушкнулъ его на это, *Элленбрегъ*, и приговля еще, что *Художники* никогда не за-

боялись объ ортографіи. Теперь только приходишь мнѣ въ голову, что эпошѣ проклятый пъяница вѣрно соблазнилъ и молодого Эссена, принесши мнѣ на продажу Сальвадора, и что ты получила подобнаго отъ него же. Да къ тому жь должны мы еще бояться, чѣшобъ гдѣ нибудь не номѣсшилъ мерзавецъ нашихъ лицъ, — можешъ бышъ въ самомъ неприличномъ мѣспѣ и самымъ пасквильнымъ образомъ.“

Вальшеръ былъ шакъ разсерженъ, что уже занесъ кулакъ на разрушеніе картины; однако Эрихъ удержалъ его, говоря: „зачѣмъ же испребавляшъ это примѣчательное и шочно масперское произведеніе, которе самого шебя будешъ въ послѣдствіи забавляшъ? Если дѣйствительнo работа нашего Эйленбека, какъ я шеперь самъ полагаю — если оба Сальвадору шуже его, шакъ, признаюшъ, нельзя не удивляшъся способностямъ этого человека. Смѣнно, право, какъ онъ себя-шо рисовалъ; однако это высокошвріе не шрѣдешъ же ему даромъ: мы будемъ уже ошереганъся покупашъ у него, а не шо, онъ бы еще не одну сонню шазеровъ зашивъ онъ насъ подобнымъ бездѣльничешвомъ. Но я вижу, шебя шревожашъ чшо-шо другое? Могу ли я помочъ совѣшномъ

своимъ? Не спарая ли эшо забота о швоей дочери?“

— „Да, мой любезный! эшо все лежить у меня на сердць“ — сказала Вальшеръ: „А ты какъ? думаешь ли о шомъ, чшо я шебъ говорилъ?“

„Думалъ часто и много,“ ошвѣчалъ Эрихъ: „но, мой любезный чудакъ, если спрасшь не нужна для счастья супружесшва, шо по крайней мѣрѣ нужна какая нибудь склонносшь, а я не нахожу никакой, и не могу сердиться за шо на дочь швою: мы не пара. Эшо милое швореніе, съ шакими пламенными чувсшвами, досшойно лучшаго жребія.“

— „Да гдѣ жъ взять его?“ вскричалъ Вальшеръ: „никшо ей не нравишься и никшо ей не пара; ты вошь совсѣмъ ошказываешься; пріѣзжій госшь своимъ важнымъ шономъ огорчилъ меня сегодня чувсшвишельно; изъ молодаго господчика Диприха никогда не выйдешь хорошаго мужа: сегодня досшашочно показалъ онъ, чшо не умѣешь жить въ свѣшъ; а объ молодомъ Эйзеншпахшѣ не смѣю и заикнуться. Къ шому же шеперь нейдушъ у меня съ ума прекрасныя каршины, о кошорыхъ мы давиче вспоминали. Куда къ чоршу, запропасшились онъ? Скажу шебъ, мой милый; зашйшему врагу своему

опдалъ бы я дочь, лишь бы онъ представилъ мнѣ ихъ! — Еще жъ и по — вѣдь Эдуарду я все таки считаю себя должнымъ. Ты знаешь, по какимъ сходнымъ цѣнамъ скупалъ я у него мало по малу опцовское наслѣдье. Никогда не напрашивался я, никогда не сманивалъ его на продажу — но все таки — если бъ я зналъ, что онъ почто хочешь бышь порядочнымъ человѣкомъ и что не спанешь мошашъ — право, я согласился бы сдѣлать ему еще значительную доплату.“

„Браво!“ вскричалъ Эрихъ, подавая шаррику свою руку: „Скажу тебѣ — я не выпускалъ молодаго человѣка изъ виду — онъ, право, не шакъ дурень, какъ слынешъ въ городъ; изъ него выйдешъ еще человѣкъ. Если почто мы замѣшимъ въ немъ наклонность къ исправленію и онъ тебѣ не прошивенъ — если дочь швоя — нѣкогда она была же хорошихъ о немъ мыслей; а ему вѣрное она понравилась — что, если бъ тогда пригосовилъ ты счастливый жребій для обоихъ? Какая тебѣ самому радость — нявчишь внуковъ, учишь ихъ первымъ понятиямъ объ Искусствѣ, слушаешь, какъ будутъ они лепешать знаменитыя имена въ швоей зашъ...“

— „Никогда!“ закричалъ спарикъ, топнувь ногою. „Какъ! чшобъ я шакому негодю опдалъ единспвенное дшпя свое? Ему — вшь каршины, чшобы промошанъ и продашь за безцѣнокъ? И это совѣшуешь мнѣ другъ мой!“

„Однако ,“ сказалъ Эрихъ: „подумай о томъ хорошенько послѣ, когда будешь поспокойнѣе; да посшарайся вывѣдашь у дочки....“

— „Нѣшь, нѣшь!“ повшорялъ Вальперъ: „Этому не бывашъ! Еще бы можно было подумашъ, когда бъ хопъ одна изъ нѣхъ драгоцѣнныхъ, превосходнѣйшихъ каршинъ, была въ рукахъ его, но всѣ онѣ пропали невозвратно. Пощади же меня, избавь опъ подобныхъ предложеній! — О, проклятый Брейгель! Туда, на самый верхъ повѣшу тебя, чшобъ никогда не вѣдашь гнусной рожи спараго грѣшника со всѣми его чертами!“

Онъ взглянулъ вверхъ, а шамъ, изъ маленькаго окна, опяшь выглядывала Софія. Она покраснѣла и убѣжала, не захопнувь окна. Спарикъ взбѣсился еще больше. „Этого еще недоставало!“ закричалъ онъ: „Теперь упрямая дѣвка все слышала, и невѣда чшо заберешъ себѣ въ голову!“

Тутъ друзья распрощались; Вальгеръ оспался, недовольный собою и цѣлымъ свѣ-
шомъ.

До глубокой ночи сидѣлъ Эдуардъ въ уединенной своей комнаѣ, погруженъ въ разныя размышленія. Около него лежали счесть долговъ его, и шупъ же деньги, ко-
шорыми намѣревался онъ заплашить ихъ. Ему какъ-то удалось досшать, на выгод-
ныхъ условіяхъ, капиталъ подъ залогъ сво-
его дома, и какъ ни бѣденъ казался онъ са-
жому себѣ, но швердая рѣшимость перемѣ-
нишь образъ жизни, внушала уже ему чув-
ство ушѣщительнаго самодовольствія. Онъ
представлялъ себя уже въ полной дѣятель-
ности, мечшаль, какъ будетъ восходишь
ошь низшаго мѣста къ высшему, и на каж-
домъ пригошовляшь себя къ важнѣйшему.
„Привычка,“ говорилъ онъ: „дѣлается вшо-
рою натурою, какъ въ добромъ, шакъ и въ
худомъ. Если до сихъ поръ нравилась мнѣ
праздность, шо со временемъ полюблю не
менѣ шрудолюбіе. — Когда же, когда на-
ступишь золошой вѣкъ мой? Когда я буду
сознавать въ себѣ дѣйствительно благород-
вѣйшія ощущенія? Когда свободно и весело
буду взирашь вокругъ себя и на самого се-

ба? Теперь все еще только предположенія, заманчивыя мечты, и ахъ! не утонушь ли я на половинѣ, а можешь бышь и въ самомъ началѣ своего поприща?“

Нѣжно взглянулъ онъ на розу, кошорая спояла передъ нимъ въ стаканѣ воды. Онъ взялъ ее, напечатлѣвъ, легкимъ прикоснове- ніемъ, поцѣлуй на лиспкахъ ея и не могъ удержать вздоха. Пошомъ оспорожно по- сшавилъ ее ошашь въ пишашельную спи- хю. Эту розу нашелъ онъ, уже завядшую, на груди своей; съ шого часа, какъ она сле- шѣла на лице его, сдѣлался онъ совсѣмъ дру- гимъ человекомъ, хоща и самъ еще въ шомъ не признавался себѣ. Никогда не бываешъ такъ склоненъ къ суевѣрью, шакъ внимате- лень къ предчувствіямъ, какъ въ шо время, когда сильно расшревожено сердце и въ бу- рѣ чувствъ развиваешся новая жизнь. Эду- ардъ, счишай для себѣ все пошеряннымъ въ мѣръ, съ какою-шо опрадою взиралъ на цвѣ- шокъ, напоминающій ему о Софш, и взду- малъ сдѣлать поблекшее растение своимъ оракуломъ — вздумалъ испышашь, освѣжш- ся ли оно и предвѣсшнш ли ему шѣль но- вое шасшѣ въ жизни. Прошло нѣсколько часовъ, но цвѣшокъ не расшусшлся въ во- дѣ; шогда Эдуардъ рѣшшлся возбудшть его расшшшельную, а сдѣшшвенно и проршца-

пельную силу — обыкновеннымъ, употребленнымъ для того средствомъ: онъ подрѣзалъ стебелекъ, подержалъ его въ огонь, а потомъ опять погрузилъ цвѣшокъ въ холодную спихію. Почши видимо освѣжилась роза послѣ такого насильственнаго пособія, и шакъ скоро вдругъ распушилась, что Эдуардъ боялся, чшобъ шомъ же часъ не разлетѣлись листочки. Но уже онъ былъ утѣшенъ, и ввѣрился снова своей звѣздѣ пушеводной.

Онъ спалъ рысься въ бумагахъ отца своего, спалъ перебирашь и прочишываешь старья письма, и многое возобновилось въ его памяти изъ временъ дѣшества его, много новаго узналъ онъ и о своемъ родителѣ. Между шѣмъ въ одномъ шкапу, содержащемъ разные счешы, докуменшы, записки ко шяжбамъ и прочее, нечаянно попался ему въ руки свѣшокъ, въ кошоромъ нашель онъ рееспръ всей прежней карпинной галлерен, съ описаніемъ карпинъ, и особенно шого, чѣмъ наиболее дорожилъ въ нихъ владѣлецъ, а шакже и съ означеніемъ цвѣи. Эдуардъ не былъ при отцѣ своемъ, когда сей занемогъ, и прѣхавъ, уже заспалъ его на смершномъ одрѣ; но послѣ кончины его, видя, что недоспашь многихъ карпинъ, прилагалъ онъ всевозможное шпраніе опъ-

искашь ихъ; однако все оспалось тщетно. Тѣмъ съ бѣльшею радостію схватился онъ шеперь за найденный рееспръ, полагая, что наконецъ раскроется шайна; и дѣйствительно шупъ же нашель онъ особый лисшокъ, въ кошоромъ поименованы были всѣ шѣ каршины, съ названіями масперовъ и прежнихъ владѣльцевъ ихъ. По всему замѣшно было, что лисшокъ написанъ уже въ послѣдніе дни жизни опца его; внизу находилась приписка: всѣ эшѣ каршины шеперь — даде ни слова; даже эша строка была зачеркнута.

Тутъ Эдуардъ принялся искашь еще съ бѣльшимъ усердіемъ, но — никакого слѣда. Свѣча догарала, кровь его кипѣла онъ неперпѣнія; онъ разбросалъ бумаги по всей комнашѣ, но не нашлось ничего. Лисшокъ пожелклой бумаги попался ему въ руки; онъ развернулъ, и къ величайшему удивленію, увидѣлъ вексель на значительную сумму, взяшую опцемъ его въ долгъ у Вальшера. Уплашы по эшому векселю не значилось, однако онъ и не былъ въ рукахъ вѣришеля. Чѣмъ было объяснишь эшо обстоятельство?

Эдуардъ призадумался и спалъ растивашь, что если по эшому лисшку слѣдуетъ сдѣлать уплашу, шо и за продажею

дома почти ничего ему не останется. В утлу, передъ глазами его, спояль большой мѣшокъ съ деньгами, которъй назначаль онъ на пособіе, въ послѣдній разъ, бѣднымъ семействомъ, пользовавшимся дошоль шайными его благошвореніями — споль щедрыми, что судя строго, можно было и ихъ назвашь распочительностью и легкомысліемъ. — „Если не пронуть этой суммы, чтобъ еще разъ порадовать несчастныхъ, то мнѣ ужъ совсѣмъ ничего не останется, кромъ надежды на собственныя свои силы.“ Таковы были, передъ сномъ, послѣднія мысли его.“

На другой день, Эдуардъ получилъ отъ Тайнаго Совѣтника Вальшера приглашеніе къ обѣду. Давно уже не оказывали ему такой чести, и онъ не понималъ, чему приписашь эту возродившуюся благосклонность; однако пошелъ съ добрымъ духомъ и въ радостномъ ожиданіи возобновленія знакомства своего съ Софіей. Найденный вексель взялъ онъ съ собою.

Очень неприятно было ему встрѣшиться мамѣ Эйзеншляхшовъ, отца и сына; однако сѣвъ за споломъ прошивъ Софій, онъ больше всего говорилъ съ нею, и спарался ка-

запѣсья веселымъ, хотя смупныя мысли безпресшанно превожили его душу. Не скрылось опъ него, напрымвръ, шо, что Ваальеръ имъ почши не занимался, а ласкалъ чрезвычайно молодаго Эйзеншпахта, за кошораго, по городскимъ слухамъ, давно уже прочиль дочь свою, и кошорый шупъ принималъ привѣшливосшь хозяина съ шакимъ видомъ, какъ будшо должное. Нѣсколькo разъ появлялась досада на лицъ Эдуарда, но внимашельный и благоразумный Эрихъ, всегда любившій молодаго человека, умѣлъ и шупъ во-время укрощашъ горячностъ его. Софія была весела до чрезвычайности; нарядъ ея, кромѣ замѣшной въ немъ рачительности, оплнчался и нѣкошорыми особенностями, шакъ что опецъ ея часшо на нее поглядывалъ, и живѣе, чѣмъ когда либо, возбуждалось въ немъ воспоминаніе о шой потерянной каршинѣ Мессиса, кошора я удивляла сходшвомъ предшавленныхъ на ней пашушковъ съ обоими молодыми людьми.

Послѣ обѣда, когда вошли въ каршинную галерею, Эрихъ внушренно смѣялся, замѣшя, что поддѣльный Гелленбрейгель шочно перемѣспился въ верхніе ряды и въ самый уголъ, шакъ, что не скоро могъ понашсья кому-либо на глаза. Молодой Эйзеншпахтъ сѣлъ подлѣ Софіи и завелъ съ

нею, казалось, очень заманчивый разговор. Эдуардъ расхаживалъ по залу въ безпокойствѣ и сматрѣлъ картины; Эрихъ полковалъ съ шарымъ Эйзенлихшомъ, а Вальшеръ, сидя въ нѣкошоромъ отдаленіи, помахивалъ внимателью на всѣхъ.

„Опъ чего же,“ сказалъ Эрихъ своему сосѣду: „вамъ шакъ не нравяшся здѣсь большю частію картины изъ Нидерландской школы?“

— „Опъ шого,“ отвѣчалъ богатый купецъ, чшо на нихъ рисуешся все черныи народъ, да нищіе. Не только Нидерландцы; по этой же причинѣ, спрахъ какъ несносны мнѣ многіе Италіянцы, и особенно Испанецъ Мурильо. Теперь, куда ни сунься, нѣтъ проходу опъ этой челяди: на рынкахъ, по улицамъ, даже въ домахъ; а шущъ еще Живописцы вздумали показывать ихъ на холстѣ. Нѣтъ, право, это значить ужъ слишкомъ испытывать терпѣнье.“

„Такъ можеть бытъ,“ сказалъ Эдуардъ: „вамъ нравяшся Кеншенъ Мессисъ, кошорый шакъ часто и шакъ живо предшавляеть росшовщиковъ съ разложенными на столѣ монетами и счетными книгами?“

— „И шо нѣтъ,“ отвѣчалъ шарикъ: „подобляя вещи удобно и легко можно видѣть въ нашемъ быту. Если чшо радуешся

меня въ Живописи, такъ это Царскія палаты, парчевыя одежды, пурпуръ и короны, пажы и Арабы, также какая нибудь большая площадь или длинная улица: все это спрахъ какъ возвышаетъ душу и веселитъ сердце. На такіе предметы не соскучусь я смошрѣть по цѣлымъ часамъ, и гошовъ, пожалуй, видѣть ихъ по нѣскольку разъ.“

„Въ эшомъ родѣ,“ сказалъ Эрхъ: „сдѣлалъ много хорошаго Павелъ Веронезъ и другіе Испаліянцы.“

— „Что скажете вы объ эшой Ханаанской свадьбѣ?“ спросилъ Эдуардъ.

„Скучно смошрѣть на тду въ каршиѣ,“ сказалъ спарикъ: „пушь ничто не подвигается впередъ; эши жареныя паваны и высоко взгроможденныя паспеды, — а также и полуошвернувшіеся прислужники, самыя несносныя пвари на шакихъ рисункахъ. Но совсѣмъ не шо, когда вы видите спасеніе изъ воды маленькаго Моисея; пушь стоишь Принцесса въ своемъ богашѣшемъ нарядѣ; вокругъ нее разряженныя дамы, кошорыхъ также можно почестъ за Княгинь, воины съ аллебардами и во всемъ вооруженіи, даже карлы и собаки; вы не можете предспавитъ себѣ, какъ радуешъ меня, когда случится гдѣ найши, предспавленную въ лицахъ и славно разукрашенную, шакую

исторію, надъ которой я корпѣлъ, бывало, въ темномъ углу школы, птвердя наизусть. У васъ, однако, любезный Вальшеръ, очень мало подобныхъ вещей. Ваши картины, большею частію, все для чувствительности, а я совсѣмъ не желаю быть распроганы, подавно же Искусствомъ. Впрочемъ этого и не случается, а только что меня досада беретъ.“

— „Еще хуже,“ примолвилъ молодой Эйзеншлицхъ: „въ нашихъ Комедіяхъ. Придешь изъ пріятнаго общества, ошь какого нибудь великодушнаго объда: какъ шущь шребовашь, чшобъ могла шшпересовашь вся эта жалкая сволочь, плаксивая нищеша, какую выспавляюшь тебѣ на показъ въ театрѣ? Во многихъ городахъ введено прешо-хвальное полицейское учрежденіе, которому должно бы вездѣ послѣдовашь: разъ навсегда что нибудь положишь для бѣдныхъ, и ужъ ни сколько не беспокояшь тебѣ всѣ эшь оборванныя и голодныя швари, каждый по одиночкѣ.“

„Покойно было бы, — это правда,“ сказалъ Эдуардъ: „но не думаю, чшобъ шакъ похвально. Возможно ли отказашь въ состраданіи каждому изъ несчастныхъ? Я не могу и не хочу шого, хопя конечно часшо бы-

вашь не во время попревожеть, а иногда и зло обмануть.“

— „Я поже вашего мнѣнія,“ вскричала Софія: „не могу шерпѣшь нѣмыхъ, безощечешныхъ книгъ, въ кошорыя надобно записывашься, и пошомъ полагашься слѣпо на безгласное вспоможеніе бѣднымъ. Въ иныхъ мѣсцахъ берушь даже обязашельство, чшобъ не давань ничего нищимъ по одинокъ. Но какъ же возможно опъ шого воздержашься? Когда я помогаю шому, кто жалуешься мнѣ на свои нужды, по крайней мѣрѣ вижу я пошчасъ радосшь его, и могу надвяшься, чшо его ушѣшила.“

„Вошь эшимъ-шо и поддерживаешься вездѣ нищешство,“ сказала старый купецъ: „чшо мы не можемъ удерживашься опъ мелочныхъ побуждений шщеславія. Чшо ни предпринимамай Правишельство, съ шакими нѣжно-благотворишельными людьми никогда ничего пушнаго не выйдешъ.“

— „Вы, спало бышь, не шакъ думаете,“ сказала Эдуардъ: „какъ Швейцарцы одного Каполическаго округа. У нихъ былъ одивъ старый нищій, кошорый въ извѣстные дни братель у каждаго свою милосшыню, какъ подашь, и по небольшому населенію, въ шшоронѣ опъ промышленаго края, считался въ каждомъ семействѣ за домашняго чело-

вѣка. Случилось же однако, что въ одной жизни, куда онъ зашелъ и гдѣ именно въ эту пору всѣ озабочены были родами хозяйки, ему оказали въ подаяніи. Повспоривъ свои шребованія и видя, что все безъ успѣха, отвернулся онъ въ сердцахъ, и вскричалъ, уходя: ну, никогда же къ вамъ не приду; посмотришь, гдѣ-шо возьмеше вы нищаго!“

Всѣ засмѣялись, только не Софія, которая, напрошивъ, находила шакой опзывъ очень благоразумнымъ, и заключила свое сужденіе слѣдующими словами: „дѣйствительно, если бъ сдѣлалось для насъ невозможнымъ оказывать благодѣянія, то жизнь наша была бы очень жалка. Умершвивъ въ себѣ состраданіе, мы умершвили бы всѣ свои радости. Счастливецъ, который имѣетъ возможность помогать, получаетъ болѣе, нежели тотъ, кто беретъ. Ахъ, это одно только и есть,“ примолвила она въ большомъ движеніи: „что можешь еще извинять огромныя спяжанія или нахвотанныя богатства: пусть хоть по немногу сыпаешься изъ несправедливо накопленнаго на бѣдныхъ и нуждающихся; по крайней мѣрѣ не совсемъ бы пришло въ забвеніе, что всѣ мы братья.“

Опець косо на нее посмащриваль, и полько хопьль чшо-шо сказаць, какъ Эдуардь, копорого пламенный взоръ успремлень былъ на слезящїе глаза двушки, воскликнулъ вдругъ съ жаромъ: „если бь люди большею частїю шакъ мыслили, шо мы жили бы въ другомъ, лучшемъ свьшть! Мы ужасаемся, когда читаемъ о мученїяхъ, переносимыхъ безпомощнымъ спранникомъ подь чужимъ небомъ, среди пуспынь и шепей, или о шьхъ ужасахъ, какимъ, на бесплодномъ Океань, при величайшемъ недоспашкь жизненныхъ припасовъ, подвергающся плаващели, когда не видно ни другаго корабля, ни берега на необозримой поверхности; мы ужасаемся, когда морское чудовище пожираетъ погибающаго, — и при всемъ шомъ — развь не живемъ въ большихъ городахъ какъ бы на какомъ нибудь мысу, дь, у самыхъ ногъ нашихъ, порождающся всь эщи ужась и ведушь къ столь же поразительнымъ зрьлищамъ, полько медленнѣ, следшвенно еще съ бьльшею жестокостїю? Но среди нашихъ празднествъ и пиршествъ, обезопасенные своимъ доспашкомъ, мы не заглядываемъ въ эщъ пучины, гдѣ жертвы бьдноспи, какъ въ изображенїи Даншовомъ, безчисленными группами шомаясь и шерзающся, и не осмьливающся даже поднать

къ намъ на высопу глазъ своихъ, попому что знакомъ уже имъ пощъ холодный взоръ, какимъ вспрѣчающъ ихъ, когда жалобными криками пробудящъ они насъ изъ нашего соннаго равнодушія.“

— „Это все мечшы юпошескаго воображенія,“ сказалъ старый Эйзеншлихтъ: „я же ушверждаю, что испинно добрый гражданинъ, насшоящій папріонтъ, не долженъ увлекаться минушнымъ соспраданіемъ, и чрезъ шо поддерживашъ нищенство. Пусть дашъ онъ въ богоугодныя заведенія столько, безъ чего можешъ обойтись; но ни подъ какимъ видомъ не долженъ распочашъ добра своего, собразуясь и въ томъ съ пользами своего Государства. Въ прошивномъ случаѣ, своею непроспимельною слабостію, или шакъ сказашъ, разнѣживаніемъ своего сердца, сталъ бы онъ способствовашъ обману, лъноспи, безспыдной дерзоспи, а у насшоящихъ бѣдняковъ опинялъ бы и немногое, чѣмъ они пользовались; да и какъ нашелъ бы онъ или распозналъ ихъ? Если же впрочемъ и принящъ за справедливое шо преувеличенное изображеніе бѣдноспи — какъ можешъ и въ шакомъ случаѣ одинъ человекъ самъ по себѣ сдѣлать что нибудь доброе? Въ сосшояніи ли онъ уллучишъ положеніе опчаяннаго? А если бѣ и шакъ, пособишъ ли

шакому одинъ день или одинъ часъ облегченія? Несчастнѣйшій шѣмъ болѣе почувствуешь весь ужасъ своего положенія, когда не въ состояннн будешь перемѣнить его на лучшее; онъ сдѣлается еще недовольнѣе, еще болѣе достоинъ жалости, и вмѣсто пользы, я нанесу ему вредъ.“

„О, не говорите такъ,“ вскричалъ Эдуардъ: „подобныя слова опзываются какъ бы нечеснѣемъ! Вы спрашиваете, какая польза для бѣднаго, когда онъ рада, какъ лучъ солнца, для него проглянешь? О, государь мой! онъ, кошорый привыкъ видѣть себя опшоргнушымъ опъ общеснѣва людей; онъ, для кошораго нѣтъ праздника, нѣтъ шоржища, нѣтъ бесѣды, едва сущеснѣуетъ церковь, для кошораго исчезли всѣ церемоннн, всѣ вѣжливоснн, всѣ опношеннн, дѣлающнн шѣснѣе связь между людьми; опшопъ несчастнѣйшнн, для кошораго на прогулкахъ и среди весны зеленѣешь и цвѣтешъ одно шолько презрѣнне, — онъ часшо обращаетъ шомнннй взоръ свой къ небу и звѣздамъ, но и шамъ находншъ шолько пустошу и сомнѣнне; въ нѣ же часы, кошорые неожиданно приносншъ ему благоданшное вспоможенне, возвращаясь въ темнннй уголъ къ учасннникамъ своихъ снраданнн, съ опрадою въ душѣ, онъ вдругъ чувствуетъ въ себѣ воз-

рожденіе въри въ Бога, въ Ошца своего, дѣлаешься ошнѣ челоувкомъ, полагаешься на близосшь къ себѣ собраша, начинаешь любить его и самого себя. — Хвала богашо-му, кошорый можешь способшвовашь эпошъ въри, кошорый можешь видимымъ добромъ даровашь невидимое; но горе расшочишело, кошорый безнушнымъ легкомыслиемъ ошнѣ-маешь у себя средшва бышь челоувкомъ между челоувками; собшвенное чувшво шн-рански накажешь его за шо, что онъ по-шокомъ разливалъ въ пустынь шошъ баль-замъ, кошораго каждая капля могла подкрѣ-пить одного изъ собрашовъ его, погибаю-щихъ подъ бременемъ жизни.“

Слезы вырвались изъ глазъ юноши, ко-гда онъ произнесъ послѣднія слова; онъ за-крылъ лице и не замѣчалъ, что гости про-щались съ хозяиномъ. И Софія плакала; но успѣла скрышь свои слезы, какъ скоро Валь-шеръ, проводилъ гостей, ворошился назадъ.

Когда въ другихъ разговорахъ поукро-шались чувшва Эдуарда, онъ вынулъ изъ кармава вексель и сшчалъ рассказывать Валь-шеру, какъ нашель въ шу шпранную бумагу, но кошорой должень сшшшать на себѣ зна-чительный долгъ, в какъ думаешь упла-тишь его, найдя капишалъ подъ залогъ сво-его дома.

Спарикъ съ удивленіемъ посматривалъ по на него, по на бумагу; попомъ схвативъ за руку юношу, сказалъ съ живоспію: „молодой человекъ! какъ ошибался я, какъ ошибаешься свѣтъ въ своемъ о васъ мнѣніи! Ваши чувствва меня восхищаютъ; хоть и желалъ я, чшобъ бы удерживались отъ пылкихъ возраженій г-ну фонъ-Эйзенштахту, но вы судили точно согласно и съ моими мыслями. Чшо касается до этой бумаги, едва ли могу я вамъ ошвѣчать рѣшительно, слѣдуешь ли по ней уплата, или нѣтъ. Вексель данъ уже очень давно, въ шо время, какъ я имѣлъ съ бапюшкой вашимъ разныя, опчастни очень запушанныя дѣла; мы помогали другъ другу по своимъ спекуляціямъ и путешествіямъ. Старый другъ мой бывалъ въ своей молодости шоже иногда мошовашь и въпренъ; да и я не всегда былъ порядоченъ. Теперь никакъ не могу вспомнить, дѣйствительно ли былъ онъ мнѣ долженъ сумму, о кошорой здѣсь говорихся. Впрочемъ какъ бы шо ни было (съ сими словами разодралъ онъ вексель), эта бумага должна бытъ уничтожена. Хотя бы долгъ и не подлежалъ никакому сомнѣнію, я все бы не могъ принять его отъ себя, сынъ мой; сполько же, по крайней мѣрѣ, обязанъ я доплатить тебѣ за каршины, кошорыа ты слишкомъ по

дешевымъ цѣнамъ продавалъ мнѣ. Вообще, если я въ чемъ нибудь могу помочь тебѣ, мой милый, будь увѣренъ, что не откажусь, и все можешь еще переимѣниться.“

Эдуардъ склонился надъ его рукою и воскликнулъ: „ахъ, будьте мнѣ опцемъ, заимните мнѣ того, кого потерялъ я слишкомъ рано! Обещаю вамъ, съ швердою рѣшимостію, сдѣлаться совсемъ другимъ человекомъ. Постараюсь, сколько возможно, вознаградишь для себя потерянное время, надѣюсь еще быть полезнымъ обществу. Но необходимо долженъ меня руководствовашь ошеческій совѣтъ, ободрительное благоволеніе, чтобы я опять возымѣлъ къ себѣ довѣренность.“

— „Давно бы пакъ, мой милый,“ сказалъ шарикъ: „и все бы хорошо. Въ чемъ я могу тебѣ пособишь, положишь на меня вполнѣ. Теперь мнѣ хочешся, изъ любопытства, порышья въ моихъ бумагахъ, не найду ли я дѣйствительно чего нибудь о нашемъ уничтоженномъ векселѣ.“

Молодые люди, которыхъ Вальшеръ ошавилъ однихъ въ заѣзъ, нѣсколько времени приспально смолрѣли другъ на друга. Потомъ, какъ бы пробужденные однимъ чувствомъ, бросились въ объятія одинъ къ другому, и долго не могли оставишь этого

положенія. Наконецъ Софія понемногу освободила себя, опдалила юношу и смонря ему весело въ глаза, сказала: „что я дѣлаю, Эдуардъ? что предвѣщаешь намъ вшо?“

— „Любовь, счастье и вѣчную вѣрность!“ воскликнулъ юноша. „Чувствую, какъ будто проснулся я опъ безпокойнаго сна. Какое счастье опвергалъ я! счастье, которое честный мой отецъ гошовилъ мнѣ еще у швоей колыбели! Опшодкнувъ его безпушною рукою, сдѣлалъ я себя презрительнымъ свѣшу и самому себѣ. Скажи мнѣ, Софія, проспила ли ты мнѣ? можешь ли меня любишь?“

„И теперь смонрю на себя,“ сказала Софія, „какъ на шоварища дѣшскихъ моихъ игоръ, и въ душѣ сполько же къ себѣ привязана: но до счастья намъ еще далеко.“

— „Что жъ можешь помѣшалъ? О, какъ присшыженъ я въ самомъ себѣ, что шакъ мало зналъ благороднаго опца швоего! Какъ онъ ко мнѣ благосклоненъ! въ своихъ обьяшяхъ сжималъ меня, какъ сына!“

„А ты и возмечшалъ уже!“ сказала Софія, смѣючись. „Цѣлый вѣкъ оспанешься ты вѣшренникомъ! Нѣшь, какъ ни добръ мой папа, но шопчасъ зашкнешъ уши, какъ скоро ты неоспорожно промолвишься. Да и мнѣ

еще надобно ближе съ побою познакомипься. Эшо дѣло шакого рода, чшо можешъ зашпанушься на цѣлые годы; а между швѣмъ шы вздумаешъ, можешъ бышь, опяшь поворошишь оглобли, и еще посмѣвешся въ кругу пирующихъ друзей своихъ моимъ слезамъ и моему горю.“

— „Никогда!“ вскричалъ Эдуардъ и броснася къ ногамъ ея: „узнай меня лучше и полюби, какъ общаешъ взглядъ швой! Я чувствую, чшо и онецъ швой порадуется нашему счастью и благословишь союзъ нашъ!“ Тупъ обнялъ онъ ее съ жаромъ; не прихъчая, чшо онецъ уже стоишь за ними.

— „Чшо эшо значишь, сударь?“ закричалъ шарикъ сердито: „благословишь союзъ! нъшь, нъшь — выгонишь, выбросишь изъ своего дому шакого подлнпазу, кошорый не дорожишь оказанною къ нему довѣренностию и ласками!“

Эдуардъ вскочилъ и сшрого смолрътъ ему въ глаза. „Такъ, вы не намѣрены ошдашь мнѣ руку вашей дочери?“ сказала онъ спокойно.

„Чшо?“ закричалъ шарикъ съ величайшимъ нешерпѣниемъ: „съ ума вы сошли? Человѣку, распочившему имѣние ошца, распродавшему драгоцѣннѣйшл каршны? Хошл бѣ вы были миллионщикъ, шакому без-

#

душному чловѣку я не опдамъ своей дочери. То-шо было бы славно! шончасъ послѣ моей смерти, а можешь бышь не дали бы мнѣ и умереть, какъ началось бы шранжирешво моихъ сокровищъ; каршины мои разлешълись бы по всѣмъ чешыремъ угламъ свѣта, мнѣ бы не доспалось покоя и въ гробѣ! Умень же, право, эшошь молодчикъ! Вздумалъ меня сначала развѣжись, принесть, на показъ великодушія, старый листокъ, по которому хочешь плашишь мнѣ деньги, привелъ меня въ умиленіе, чшобъ я также великодушно, благородно и геройски бросилъ ему на шею дочь свою. Нѣшь, нѣшь, молодой чловѣкъ! шакъ легко не поддѣнешь меня! Долгъ заплаченъ, я не нашель никакого слѣда въ моихъ книгахъ, да если бъ и шо было, дѣло уже кончено, какъ я сказалъ. Буду шевъ и помогашь, по данному обшчанію, совшпомъ и на дѣлѣ, дружествомъ и деньгами, сколько шы можешь по справедливосши шого шребовашъ. Но опъ дочери моей убирайся подальше, уволь меня опъ посвщеній въ моемъ домѣ. Да и она шевя не любишь, какъ мнѣ извѣстно. Скажи, Софя, была ли бы шы въ сосшоянніи вышши за шакого удалца? "

„Я совсѣмъ еще не имѣю желанія вышши за мужъ,“ опвѣчала Софія: „подавно же

за этого господина, который всего менее годился быль мужемъ.“ Тушь она бросила на юношу прощательный взглядъ, въ кошоромъ горестнь и усмѣшка изобразилась почти въ одно время, и вышла изъ залы. „Со-сія!“ вскричала Эдуардъ, и коньва послѣдовавъ за нею: „ошь себя ли слыщу я шакой опзывъ?“ Сшарикъ удерживалъ его за платье и пригошовился, по видимому, чинать еще предлинное нравоученіе; но Эдуардъ, потерявшій все шерпѣнне, схватилъ шляпу, спазалъ осанисшо передъ Вальперомъ, и сказалаъ шакимъ голосомъ, въ кошоромъ опзывались и гнѣвъ и всхлывиваніе: „я иду, государь мой, и не возвращусь болѣе — замышше себя эшо! — не возвращусь въ домъ вашъ, пока вы сами не призовете меня! пока не спанеше вы просить меня убѣдительно, чшобъ я не презрѣлъ вашимъ домою! Повѣрьше, чшо эшо будетъ; шаланшы, хорощее поведеніе, познанія проложашъ мнѣ пушь къ почешнѣйшимъ должностшямъ. Принду меня уже рекомендовали. Но эшо еще шолько первая и малѣйшая спупень моего счастья! Совсѣмъ другіе пуши для меня опкроюшся. И когда городъ будетъ счисашъ себя за чесшъ, чшо я въ немъ родилсся, когда шеперешнѣй часъ выйдешъ совсѣмъ изъ моей памяти, шогда прищю я къ вамъ

какую нибудь довѣренную особу и велю навѣдаться о вашей дочери: тогда-то вспрыгнете вы отъ радости, что я еще объ васъ думаю — тогда-то сложите вы крестомъ свои руки и будете усердно вымаливать, да поцлешся вамъ шакой благодатный зящъ! Такъ, не иначе, все это сбудется, и шакимъ-то образомъ доспанется мнѣ дочь ваша.“

Онъ бросился изъ дверей; спарикъ пошморъль ему въ слѣдъ, и качая головою, пробормошалъ ему: „ну, онъ точно съ ума сошелъ.“

Едва молодой человекъ вышелъ на воздухъ, какъ снѣгъ и вьюга прохладили распаленную его голову; приводя на память и соображая спранныю свою выходку, онъ спалъ сначала улыбаясь; потомъ громко захохоталъ, а наконецъ, когда пришелъ домой и спалъ переодѣваясь, говоренная имъ безполковщина удивляла и даже спыдила его. На этошъ день, для него очень важный, нужно ему было все присущствие ума его: онъ гошовился предспавишья Принцу, о прѣздѣ кошораго былъ уже извѣщенъ. Надѣвъ лучшенъкое плащье, спалъ онъ пошморъльшья въ зеркало съ шакою внимательностью, какой никогда въ немъ не бывало.

Убираясь и выпрямляясь, съ пайнымъ само-
довольствіемъ замѣчалъ онъ, что спанъ его
спроенъ и гибокъ, глаза пламенны, лице
пріятно и благородно. По крайней мѣрѣ, ду-
маешь онъ про себя, при первомъ взглядѣ
не могу я не понравиться. Всѣ, даже и шѣ
люди, которые не могушь меня шерпѣшь,
хваляшь однако ловкость и приспойность
моего обращенія; способностей и познаній
во мнѣ довольно, а чего нѣшь, время не ушло,
молодость и память моя помогуюшь мнѣ
пріобрѣсти. Принцъ конечно меня полю-
бияшь, а шамъ со временемъ я сдѣлаюсь для
него необходимъ. Навыкъ обращенія въ боль-
шемъ свѣтѣ мало по мало сгладить, что
можешь бышь, еще оспалось во мнѣ ошѣ
дурныхъ обществъ. Если онъ возьмешь ме-
ня съ собою путешествовать и мы провз-
димъ съ годъ или болѣе въ чужихъ краяхъ,
то конечно это послужить мнѣ еще къ
болѣшему съ нимъ сближенію. Мы возвра-
щимся назадъ; при моей образованности,
съ его покровительствомъ, будушь для меня
доступны важнѣйшія мѣста, и тогда я ко-
нечно не забуду, что всѣмъ эшимъ обязанъ
Софін, которая пробудила во мнѣ само-
чувствіе.

Онъ былъ совсѣмъ гошовъ, и шакъ упо-
енъ мечшамъ и надеждами, что непримѣнно

впалъ въ прежній бредъ и повторялъ слова, надъ кошорыми незадолго смѣлся. Вынувъ изъ спакана вполне расцвѣтшую розу, вздумалъ онъ, для бодрости, прижать ее къ усшамъ своимъ, но едва прикоснулся, какъ всѣ листочки попадали къ ногамъ его. Худое предзнаменованіе! сказалъ онъ со вздохомъ, и отправился во дворець.

Являсь шамъ, опдалъ онъ служишелью письмо, кошорое должно было рекомендовать его Принцу, а между тѣмъ расхаживалъ передъ зеркалами. Вдругъ, къ величайшему удивленію, видитъ онъ выходящаго изъ боковой комнашы Дирриха, кошорый въ смущеніи спѣшишь къ дверямъ, не прамѣчая посторонняго. „Какъ вы сюда попали?“ спрашиваетъ Эдуардъ. „Развѣ знаете Принца?“ — „Да,“ — кѣпшь, — лепешалъ Диррихъ: эшо спранные дѣло, кошорое конечно — я раскажу вамъ послѣ — здѣсь не мѣсто и не время.“

И въ самомъ дѣлѣ было не время: вышла пренарядная, блистающая брилліаншами дама, — молодой Живописецъ успѣшилъ сдѣлать ей нѣсколько недовкихъ поклоновъ и удалился. Дама приближалась къ Эдуарду, кошорый такъ же хотѣлъ сдѣлать ей вѣжливое привѣтствіе, но какъ удивился онъ, когда вдругъ узналъ въ ней ту женщину, какъ

порая нѣкогда жила въ его домѣ и больше, нежели всѣ прочія заблужденія, служила къ разстройству его сосноянiя! „Возможно ли!“ вскричалъ онъ: „себя ли — вась ли я здѣсь вижу?“

„Почему жъ не шакъ? “сказала, она смѣясь. „Здѣсь живишь очень не дурно. Надѣюсь даже, что долѣе здѣсь уживусь, нежели съ какимъ нибудь вѣшренникомъ, у котораго нельзя было полагаться на постоянство и прочность счастья. Здѣсь могу я впрочемъ быть полезна и для шарыхъ прiятелей, если они чего нибудь ищутъ.“

Эдуарду не хотѣлось въ эту минушу напоминать ласковой дамѣ, что вѣшренность и непостоянство вѣрнѣе опнесши къ шѣмъ, кто оставилъ его, предвидя близкое его разоренiе; онъ объяснился съ нею о надеждахъ своихъ, и получилъ обѣщанiе, что она будетъ за него ходатайствовать съ величайшимъ усердiемъ. „Будь покоенъ, мой другъ“ — шакъ заключила она свои увѣренiя, — „себѣ шочно все удался, и шогдашо окажешся, сохранилась ли въ холодномъ швомъ сердцѣ хоть искра любви ко мнѣ. Только надобно быть осторожнымъ, шчтобъ никогда никому не приходило въ голову о прежнемъ нашемъ знакомствѣ.“

Рѣчь кончилась бѣглымъ поцѣлуемъ, послѣ котораго она удалилась, а Эдуардъ, съ полнымъ омерзениемъ опъ прикосновенія къ лицу его намазеванныхъ щекъ прелестницы, расхаживалъ взадъ и впередъ по комнатѣ, въ досадѣ, что все идетъ иначе, нежели какъ онъ себѣ воображалъ. Встрѣча ненавистной для него особы ниспривергла всѣ его ожиданія; онъ твердо рѣшился избѣжать новыхъ свѣпей и приманокъ, хотя бѣ съ такою добродѣтелью и много лестнаго пошерялъ въ будущемъ.

Между шѣмъ опворилась дверь и вошелъ пошъ гордый незнакомецъ, съ которымъ Эдуардъ имѣлъ также непріятную встрѣчу въ домѣ Вальшера.

Подойдя къ нему, Эдуардъ спросилъ: „Не принадлежите ли вы къ свитѣ Его Свѣшлости, и не можете ли мнѣ сказать, буду ли я имѣть честь представиться?“

Незнакомецъ приспально смопрѣлъ на него, и по нѣкоторомъ молчаніи, опвѣчалъ сухо: „Да, никто лучше меня вамъ шого не скажетъ.“ Эдуардъ испугался, потому что въ рукахъ его увидѣлъ свое рекомендательное письмо. „Развѣ Принцу не угодно говоришь со мною?“ спросилъ онъ въ смущеніи. „Онъ говоритъ съ вами!“ опвѣчалъ пошъ, и съ такимъ презрительнымъ по-

номъ, что молодой человекъ потерялъ все
присущее духа. „Я живу здѣсь въ горо-
дѣ уже нѣсколько времени,“ продолжалъ
Прияцъ, и своимъ инкогнипо имѣлъ случай
узнать корошко здѣшнихъ жишелей. Мы съ
вами сполкнулись уже однажды нѣсколько
страннымъ образомъ; если бѣ я и могъ из-
винить вамъ по обстоятельству, кошорое,
вѣроятно, вы сами находите не совсемъ из-
винительнымъ, все паки во мнѣ оспалась
справедливая недоувѣрчивость къ вашему ха-
рактеру, пакъ, что невозможно дать вамъ
пакое мѣсто, на кошоромъ близость оп-
ношеній со мною попребовала бы гораздо
болѣе къ вамъ доувѣря. И пакъ, не смотря
на жаркую объ васъ рекомендацію въ эномъ
письмѣ, и на то, что я преисполненъ ува-
женія къ особѣ, его писавшей, не могу ни-
чего для васъ сдѣлать: возьмите его назадъ.
Что же касается до личной мнѣ обиды,
она вамъ прощается, попому что вы не
знали меня, и вашъ шеперешній спыдъ и
смущеніе всего лучше за то васъ наказали.
Теперь только вышель опъ меня молодой
человекъ, поднесшій мнѣ довольно удачно
написанную имъ картину: онъ поже, надѣ-
ясь, воспользуется добрыми совѣсами и
наставленіями, какія далъ я ему почти по
пакому же случаю, какъ и съ вами. — Мнѣ

кажешся, однако, что свиданіе наше слишкомъ встревожило васъ; можешь бышь вы теперь въ крайности, — примише же ошь меня вошь эшошь першень, хошь въ доказательство того, что я ни мало не сержусь на васъ.“

Эдуардъ, имѣвшій время собралъсь съ духомъ, скромно опсшупилъ назадъ и сказалъ: „Не сочпнише высокоумріемъ, Свѣпльйшій Принцъ, если я на эшошь разъ опскажусь ошь подарка, кошорый при другихъ обстоятельстввахъ осчастливилъ бы меня чрезвычайно. Какъ я не могу не оправдывашь поступковъ вашихъ, шакъ и вы, надѣюсь, позволите мнѣ сѣдовашь собственнымъ моимъ чувстввамъ.“

— „Молодой человекъ,“ сказалъ Принцъ, „не хочу оскорблять васъ; вижу, что вы умѣете внушать къ себѣ уваженіе, и поэтому прибавлю еще, что не смотря на опстранность знакомства нашего, мы бы сошлись можешь бышь, если бъ одна особа, кошорой долженъ я вѣришь и кошорая васъ видѣла здѣсь, не насакала мнѣ много объ васъ невыгоднаго и не просила меня убедительно опсказать вамъ.“

„Не хочу,“ сказалъ Эдуардъ съ прежнею непринужденностью: „сѣдовашь примѣру эшой дамы и на нее жадовашься, а обва-

внѣ ея и подавно: конечно говорила она вамъ по совершенному убѣжденію. Но если Ваша Свѣтлость, позволите мнѣ видѣть картину Дишриха и другія, собранныя вами, то я удаюсь съ величайшею благодарностію.“

— „Радуясь,“ отвѣчалъ Принцъ: „что вы такъ не равнодушны къ Искусству; здѣсь у меня очень не много картинъ, однако недавно посчастливилось мнѣ достать одну такую, которая можетъ собою замѣнить цѣлую посредственную галерею.“

Они вошли въ богато-убранный кабинетъ, въ которомъ на стѣнахъ и на подставкахъ развѣшены были картины. „Вотъ картина молодого Живописца,“ сказалъ Принцъ: „онъ дѣйствительно довольно общающъ, и хотя содержаніемъ, картина эта не по моему вкусу, но нельзя не похвалить ея исполненія. Колоритъ хорошъ, хотя немножко и свѣтлѣе, рисунокъ вѣренъ и выраженіе проработано.“

Тутъ поставилъ Принцъ Эдуарда передъ другою картиною въ надлежащее разстояніе, отдернулъ занавѣску и вскричалъ: „вотъ посмотрите это удачное, превосходное произведеніе моего любимца, Юлія Романо; удивляйтесь и восхищайтесь!“

И почно, Эдуардъ не могъ не вскрикнутьъ ошъ удивленія, не могъ безъ радости, или лучше, безъ смѣху взглянуть на большую каршину, въ кошорой представилось ему давно знакомое изображеніе, плодъ многолѣтнихъ трудовъ сшараго его пріятеля: Психея и спящій Амуръ. Пиринцъ спалъ подлѣ него и продолжалъ съ восторгомъ: „Эша одна находка вознаграждаетъ мнѣ мою сюда повѣзку! И эшо сокровище открылъ я у сшарика, невиднаго, незначительнаго. Онъ самъ славный Живописецъ, но не столько извѣстенъ, какъ бы шого заслуживалъ. Эшу каршину доспалъ онъ ужъ очень давно, и хощя зналъ, что она работы Юлія, но все еще нѣсколько сомнѣвался; почему очень былъ радъ, когда представился ему случай узнать ошъ меня шакъ много подробностей о семь великомъ мастерѣ и трудахъ его. Эшотъ сшарикъ, дѣйствительно, и самъ не безъ смысла: умѣетъ цѣнить шакое сокровище, но все не вникалъ еще онъ во всѣ тонкости славнаго Живописца. Мнѣ было бы спыдно воспользовашься его незнаніемъ: доставъ спраннымъ случаемъ эшу чудеснѣйшую работу, онъ ей назначалъ очень умеренную цѣну; но я нарочно ее возвысилъ, чтобы лучшее украшеніе моей гал-

дереи приобрѣшено было достойнымъ того образомъ.“

„Счастливы онъ,“ сказала Эдуардъ: „что снискалъ въ шакомъ знапокъ и покровицель Искусствъ; онъ въ состояніи, можешь бышь, увеличить собраніе картинъ Вашей Свѣтлости и другими рѣдкостями: въ его шемномъ жилищѣ найдется многое, о чемъ онъ самъ не имѣешь досташочнаго понятія, шѣмъ болѣе, что упрямышво зашавляетъ его часто предпочишашъ собшвенныя произведенія спариннымъ.“

Эдуардъ раскланялся и пошелъ не домой, а въ городскій паркъ, гдѣ, расхаживая по опдаленнымъ, покрышымъ снѣгомъ аллеямъ, громко смѣялся и восклицалъ: „о свѣтъ! свѣтъ! сколько вздору! сколько нелѣпостей! О глупость, чудеснѣйшее созданіе! какъ нарядно водишь ты на блестящихъ помочахъ любимцевъ своихъ! Да здравшвуешь великій Эйленбекъ, зашмѣвающій Юлія Романо и Рафаэля! Вошь, пришлось и мнѣ познакомишья съ знапоками!

(Продолженіе впередъ.)

II.

ИСТОРИЯ ХУІІІ. СТОЛѢТІЯ.

ОТРЫВКИ ИЗЪ ЗАПИСОКЪ Гр. СЕГЮРА, БЫВШАГО
ПОСЛАНИКОМЪ ПРИ ДВОРѢ ИМПЕРАТРИЦЫ
ЕКАТЕРИНЫ II.

(Продолженіе.)

Наконецъ аудіенція была назначена, и первый шагъ мой едва не сдѣлался несчастнымъ: я, по обыкновенію, сообщилъ Вице-Канцлеру списокъ рѣчи, кошорую намъ ревался произнести. Когда я пріѣхалъ во Дворецъ, Австрійскій Посланникъ, Графъ Кобенцель, пришелъ въ комнату, въ кошорой я ожидалъ минушы представленія.

Живой, пламенный разговоръ его и важность нѣкоторыхъ дѣлъ, о кошорыхъ онъ говорилъ со мною, заняли и развлекли меня такъ, что въ ту минушу, когда мнѣ сказали, что Императрица меня ожидаетъ, я замѣшилъ, что совершенно забылъ рѣчь, кошорую хотѣлъ сказать Ей.

Напрасно старался я привести ее себѣ на память, проходя чрезъ многія комнаты; вдругъ отворили дверь залы, въ кошорой находилась Императрица. Она была бо-

гато одѣша и стояла, опершись рукою на колонну; величественный видъ Ея, благородная гордость Ея взгляда, — все сѣ поразило меня удивленіемъ, и пѣмъ болѣе еще смѣшалась моя память.

Къ счастію, вмѣсто тщетныхъ усилій припомнить выученную рѣчь, я принялъ вдругъ намѣреніе сказать безъ приговора другую рѣчь, въ коей не было можеть бышь и двухъ словъ изъ прежней, копорая была предсавлена Государынѣ и на копорую приговорила Она опвѣщъ.

Легкое удивленіе изобразилось на лицѣ Ея, но сѣ не помѣшало Ей опвѣщать мнѣ въ шу же минушу, съ благосклонностію и пріятностію; въ опвѣщъ Ея прибавлено было даже нѣсколько весьма милоспивыхъ словъ, опносящихся лично ко мнѣ.

Принѣвъ опъ меня и опдавъ Впце-Канцлеру вѣришельную грамаху, Она сдѣлала мнѣ нѣсколько вопросовъ о Французскомъ Дворѣ и о пупешествіи моемъ въ Берлинъ и Варшаву. Она говорила мнѣ шакже о Г. Гриммѣ и его письмахъ, вѣрояшно съ пѣмъ, чшобы данъ мнѣ догадашься о милоспивомъ расположеніи, внушенномъ Ей сею перепискою къ новому Министру, при ней акредитшванному.

Въ послѣдствіи, когда Императрица узнала меня ближе, Она напомнила мнѣ объ ашой аудіенціи: „что съ вами сдѣлалось, Графъ,“ сказала Она: „въ первый разъ, когда Я васъ видѣла? опъ чего вздумалось вамъ вдругъ перемѣнить рѣчь, которую вы хотѣли сказать Мнѣ? это Меня удивило и заставило перемѣнить и отвѣтъ Мой.“

Я признался Государынѣ, что почувствовала невольное смущеніе въ присущствіи подлкой славы и величія. „Но, Ваше Величество,“ прибавилъ я: „мнѣ пошчасъ пришло въ голову, что это смущеніе, очень еспешвенное въ часномъ человекѣ, им мало неприлично представителю Короля Французскаго, и это побудило меня, вмѣсто того, чтообы напрасно мучить свою память, изьяснить Вамъ въ выраженіяхъ, которыя первыя пришли мнѣ на умъ, чувствования моего Государя къ Вашему Величеству и благоговѣніе, внушенное мнѣ Вами и Вашею славой.“

„Вы хорошо сдѣлали,“ отвѣчала Она: „у всякаго свои недоспашки; Я весьма наклонна къ предубѣжденію: помню, что одинъ изъ вашихъ предмѣстниковъ, предспаваясь Мнѣ въ первый разъ, смушился шакъ, что могъ выговорить только: *Его Величество, Государь мой....* Я ждала продолженія. Опъ

повторилъ: *Его Величество, Государь мой,* и остановился; наконецъ, въ третій разъ, Я рѣшилась подать ему помощь и сказала, что Мнѣ давно извѣстна дружба его Государя ко Мнѣ. Всѣ Меня увѣряли, что онъ умный человекъ, а между тѣмъ робость его навсегда оставила во Мнѣ предубѣжденіе несправедливое; и въ которомъ Я упрекаю себя, какъ вы видишь, немножко поздно.“

Въ шестъ же день предсавлялся я Великому Князю Павлу Петровичу, Великой Княгинѣ и Сыну Ихъ Великому Князю Александру Павловичу, Который былъ послѣ Императоромъ и недавно скончался по славномъ царствованіи. Ему было тогда семь лѣтъ, и Онъ въ первый разъ принималъ Посланика и слушалъ рѣчь. Мнѣ всегда казалось неприличнымъ говорить о важныхъ предметахъ юному Принцу; и потому я сказала Ему только нѣсколько словъ о Его воспитаніи и о надеждахъ, кои оно возбуждаетъ.

Одинъ изъ нашихъ славныхъ Судей, посетилъ нѣкогда гораздо лучше; помнишь, что онъ былъ Мальзербъ. Онъ предсавлялся съ Членами Правительственнаго мѣста Дюбину, бывшему еще въ колыбели, который не только не понималъ ни слова, но однимъ крикомъ и слезами умѣлъ выражать свои жела-

*

нія и спраданія; онъ сказалъ ему: „Дай Богъ, Ваше Высочество, чтобы Вы были, къ счастью Франціи и своему собственному, всегда столь же невнимательны и глухи къ лести, какъ шеперь къ шой рѣчи, кошорую я имѣю честь говорить Вамъ.“

Великій Князь и Великая Княгиня приняли меня весьма милосливо. Почтеніе, кошорымъ Они недавно окружены были во Франціи, располагало ихъ въ пользу всякаго Француза; а когда Они приняли меня въ свое общество, я узналъ всѣ рѣдкія качества, кошорыя привлекали къ Нимъ всеобщую любовь.

Я сказалъ: *въ общество*, пошому что дѣйствительно кругъ Ихъ, хотя довольно многочисленный, исключая дней предствленія, походилъ, особенно въ загородныхъ дворцахъ, болѣе на пріятное, частное общество, нежели на церемонный дворъ. Никогда частное семейство не принимало гостей съ болѣею простотою, пріятностію и ласковостію; обѣды, балы, спектакли и праздники, все у нихъ носило на себѣ печать самой благородной приспосности, лучшаго тона и самаго разборливаго вкуса.

Великая Княгиня, величественная, обходительная и крошкая, была прекрасна и скромна, любезна и непринужденна, и пода-

ваза примѣръ добродѣтели въ высокомъ санѣ. Великій Князь нравился Своимъ обращеніемъ; Онъ былъ очень знающъ; въ Немъ замѣшны были большая живость ума и благородная возвышенность характера.

(За симъ Авторъ переходить къ описанію Пешербурга, его окрестностей и придворныхъ.)

Не начиная еще своихъ переговоровъ и не имѣвъ въ то время никакого важнаго дѣла, къ кошорому бы слѣдовало немедленно прислушавшись, я занялся исключительно познаніемъ людей, имѣвшихъ при Дворѣ нѣкоторое вліяніе, и изученіемъ нравовъ и обычаевъ столицы Сѣвера, споль недавно созданной, споль мало еще извѣстной моимъ соотечественникамъ, и въ кошорую я былъ перенесенъ на нѣсколько лѣтъ.

Довольно Авторъ и путешественниковъ описывали и исчисляли дворцы, храмы, многочисленные каналы, великолѣпныя зданія сего города, служащаго удивительнымъ памятникомъ шоржества, одержаннаго гениемъ надъ природою.

Всѣ описывали прелесть Невы, богатство ея гранишнихъ береговъ, величественный видъ Кроншпагскаго порша; правильное великолѣпіе дворца и садовъ Пешергофа, лежащаго на берегу Финскаго залива.

Дорога, ведущая изъ Пешергофа въ Пешербургъ, представляешь пріятнѣйшее зрѣлище; она съ обѣихъ сторонъ ограждена красивыми загородными домами, прекрасными садами, въ коихъ столичное дворянство переселяется всякій годъ, на время слишкомъ короткаго лѣта, и забываешь шамъ суровость жестокаго климата; сему способствуешь поспоянная зелень деревъ и дерна, коихъ свѣжестъ поддерживаешь болошнскою почвою до того самаго времени, въ которое онѣ погребаются подъ безжалостнымъ снѣгомъ.

Видъ Пешербурга поражаетъ сугубымъ удивленіемъ: въ немъ соединены вѣкъ варварства съ вѣкомъ просвѣщенія, десятое столѣтіе съ осмнадцатымъ, нравы Азіи и Европы, грубые Скифы и образованные Европейцы.

Съ одной стороны прекрасныя моды, пышные наряды, роскошныя обѣды, великолѣпныя пиры, шашры, подобныя тѣмъ, коихъ украшаютъ и оживляютъ общество Парижскія и Лондонскія; съ другой, купцы въ Азіатскомъ костюмѣ, кучера, слуги, крестьяне въ овечьихъ шкурахъ, въ длинныхъ бородахъ, въ мѣховыхъ шапкахъ, въ длинныхъ рукавицахъ, и съ топорами за широкимъ поясомъ. Эта одежда, большія

шерстяныя онучи, которыми обвиши ноги ихъ въ видѣ грубаго кошура, оживляющъ въ глазахъ вашихъ Скивовъ, Даковъ, Роксоланъ, Готтовъ, бывшихъ древле ужасомъ Римскаго свѣта. Кажется, что полудикія фигуры, видимыя въ Римѣ на барельефахъ колонны Траяновой, оживающъ и одушевляющся въ глазахъ вашихъ. Вы слышите шось же самый языкъ, шъ же самые звуки, которые раздавались въ горахъ Гемскихъ и на Альпахъ и неоднократно обращали вспяшь легіоны Цезарей Римскихъ и Визаншійскихъ.

Входя въ крестьянскіе дома, узнаешь простоту древнихъ сельскихъ нравовъ: деревенская хижина построена изъ бревень, лежащихъ одно на другомъ; небольшая ошдушина служить окошкомъ; широкая печь занимаетъ узкую комнапу, и вмѣсто всякой мебели, идушъ вдоль стѣнъ деревянныя лавки.

Въ самомъ видномъ мѣстѣ виситъ въ широкой мешаллической рамѣ Образъ Свяшаго Угодника: входя въ избу, сначала молящся Образу, и пошомъ уже кланяющся хозяину.

Каша и жареное мясо ихъ обыкновенное кушанье; медъ или мука, разболшанная въ водѣ съ мяшой, вошъ пишье ихъ; къ несчастію, они часто прибавляющъ къ шому

большіе стаканы хлѣбнаго вина, кошораго крѣпости ропъ Европейца не могъ бы выдержашь.

Разбогатѣвшіе городскіе купцы, выказываютъ въ столѣ своемъ роскошь безъ вкуса и мѣры; они подають вамъ огромные куски говядины, множество дичи, рыбы, яицъ, пироговъ — кошорыми заваленъ столъ безъ всякаго порядка и кошорыя предлагаются госпямъ съ докучливостію, успрашающею самыхъ храбрыхъ вѣдочковъ.

У всѣхъ креспьянъ сей обширной Имперіи нѣтъ пружины, кошорая все оживляетъ и движетъ въ другихъ сферахъ; нѣтъ безпокойнаго самолюбія, желанія возвыситься и обогатиться, чшобы увеличить свои наслажденія, и пошому ничшо не можешь бытъ однообразіе ихъ жизни, просить ихъ нравовъ, ограниченіе нуждъ ихъ, постояніе привычекъ.

У нихъ всѣ дни похожи одинъ на другой; ничшо не измѣняется: даже самыя жены ихъ съ своимъ воспочнымъ убранствомъ и съ румянами, кошорыми онѣ покрываютъ щеки, (у нихъ и слово *красной* означаетъ *красоту*), носятъ по праздникамъ тѣ же общипые галунами сарафаны и шапы, тѣ же жемчужные головные уборы, кошорые

наслѣдовали онѣ ошъ малперей и въ кошорыхъ наряжались ихъ прабабушки.

Русскій народъ не знаешъ многихъ удовольствій нравственнхъ, но наслаждаешся какимъ-шо счаспемъ вещественнымъ; бѣдные крешьяне, зная, что работа или господа всегда доставляшъ имъ пищу, кровь и ошопку, не будучи подвержены нуждѣ, никогда не чувствуюшъ мученій несчаспя и страха попашъ въ нищешу, часто угнетающихъ народы просвѣщеные.

Господа въ Россіи имѣюшъ по законамъ надъ своими крешьянами власшъ почши неограниченную, но надобно ошдашъ имъ справедливосшъ, что въ самомъ дѣлѣ почши всѣ они пользуюшся оною съ чрезвычайною умѣренносшю; по посшепенному улучшенію нравовъ, крѣпосшное сосшояніе крешьянъ возвращается мало по малу къ шому, чѣмъ прежде было поземельное подданство (*servitude de la glèbe*). Всякій плашшъ легкой оброкъ за землю, кошорую ему ошдали на обрабашаніе, и распредѣленіе сей подаши дѣлаешся въ каждой деревнѣ шариками, выбранными изъ ошцевъ семействъ.

Со всѣмъ иное зрѣлище поразитъ и ошановитъ вниманіе наблюдашеля, если онъ, размошрѣвъ сію безчисленную часть Русскаго народонаселенія, невышедшую еще

изъ мрака среднихъ вѣковъ, перейдешь въ мысляхъ нѣсколько сполѣпшій и обратишь взоры на благородную, богатую и образованную часть Русскаго народа.

Здѣсь долженъ я предуведомить, что изображаю Русское общество въ томъ видѣ, въ какомъ было оно за сорокъ лѣтъ предъ симъ. Съ тѣхъ поръ все измѣнилось; успѣхи во всѣхъ частяхъ были быспры, и все юношество, кошорое судьба оружія и желаніе научашься разсыпали по всѣмъ городамъ и дворамъ Европы, доказываеть, до какой степени искусства, свѣтскость и вкусъ усовершенствованы въ Государствѣ, кошорое еще въ послѣдніе годы царствованія Лудовика XV почиталось необразованнымъ и варварскимъ.

Въ то время, какъ я пріѣхалъ въ Петербургъ, въ немъ подѣ наружными формами Европейской образованности, замѣшны были еще многіе слѣды вѣковъ прошекшихъ, и посреди немногихъ дамъ и господъ, кошорые образовались, путешествовали и ни въ чемъ не уступали любезнѣйшимъ людямъ самыхъ блестящихъ Европейскихъ Дворовъ видны были еще многіе и всегда самыя пошлѣе, кошорыхъ выговоръ, наружность, привычки, невѣжество и скудный разговоръ принадлежали болѣе къ старому вѣку Бо-

яръ и Царей, нежели ко времени Екатерины II.

Впрочемъ эту разность можно было замѣнить не прежде, какъ по нѣкоторомъ внимательномъ разсмотрѣніи; съ перваго взгляда она была совсѣмъ незамѣтна; еще за полвѣка назадъ, всѣ уже привыкли подражать иностранцамъ, одѣвашься, жить, убирать дома, ѣсть, встрѣчашься, кланьшья, угощашь на балѣ или за обѣдомъ, точно какъ Французы, Англичане или Нѣмцы.

Все, чего пребуюшь учивость и пристойность, было совершенно выучено. Одинъ разговоръ и познаніе нѣкоторыхъ домашнихъ подробностей, означали раздѣленіе между Русскимъ шариннымъ и Рускимъ новымъ вѣка.

Женщины опередили мужчинъ на дорогѣ образованія: въ мое время много было уже любезныхъ дамъ и дѣвиць, опличавшихся ловкостію, хорошо говорившихъ на шести или семи языкахъ, игравшихъ на нѣсколькихъ инструментахъ и знакомыхъ съ швереніями извѣснѣйшихъ поэшовъ и романишовъ Франціи, Испаліи и Англій; между шми, какъ за исключеніемъ сошні придворныхъ, на примѣръ: Румяновыхъ, Разумовскихъ, Строгановыхъ, Шуваловыхъ, Во-

ронцовыхъ, Куракиныхъ, Голицыныхъ, Долгорукихъ, и проч., мужчины по большей части были необходимельны, молчаливы, однако жъ учтивы, но важны и холодны и, по крайней мѣрѣ по наружности, чужды всего, что существуетъ внѣ ихъ общества.

Впрочемъ, обыкновенія, введенныя Екатериною, дѣлали жизнь и общество Пешербургскія споль пріятными, что они вѣроятно ничего не выиграли отъ переменъ, произведенныхъ временемъ. Кромѣ дней торжественныхъ, обѣды, балы, собранія не только не походили на то, что называется *руттомъ* (gaout, совершенный хаосъ, въ кошоромъ царствуютъ безпорядокъ и скука), но были не многочисленны, хорошо избраны и безъ смѣси.

Одежда, подходящая на ту, кошорую носили особы Версальскаго Двора, была конечно не такъ покойна, какъ фраки, сапоги и круглыя шляпы; но она способствовала поддержанію благоприспособности, вѣжливости, благородства въ обхожденіи и свѣтскости.

Обѣдали рано; послѣ обѣда исполняли обязанности свѣтской жизни, посѣщали другъ друга и шѣмъ поддерживали небольшія общества, въ коихъ умъ и вкусъ образовывались разговоромъ скромнымъ, пріятнымъ и

разнообразнымъ. Въ эпихъ собраніяхъ находилъ я большое сходство съ мѣми, копорма доставляли мнѣ шолько удовольствія въ Парижѣ.

Слишкомъ великодушнымъ и помилительнымъ казалось мнѣ шолько множество нарядныхъ праздниковъ, не шолько при Дворѣ, но и въ городѣ; всякой обязанъ былъ бытъ у своихъ знакомыхъ въ день ихъ именинъ и рожденія; неучливо было бы въ шакой день не прѣвхашь; шощь, у кого былъ праздникъ, не приглашалъ никого, но дверь его была опворена и всѣ, кшо имѣлъ съ нимъ какія нибудь связи, сѣвзжались къ нему шолпоу.

Изъ эшого видно, какое богатство нужно было Русскимъ барамъ, чшобы волею и неволею держашь у себя опкрытый шоль.

Другой родъ роскоши, чрезвычайно хлопотный для Дворянства, и долженствующій со временемъ разорить его, если оно не распорядится иначе, — есть чрезвычайное множество дворовыхъ людей, коихъ оно кормитъ. Люди сіи, взяшые изъ крешьянъ, почиташуть дворовую службу какъ бы опличеніемъ и милосшью; шакимъ образомъ, по старинному предразсудку, ибо и у крешьянъ есть свои предразсудки, дворовый человекъ почелъ бы себя наказаннымъ и даже

разжалованнымъ, если бъ его снова послали ходишь за сохою.

Мужчины и женщины сего состоянія женихся и выходяшь за-мужъ въ господскомъ домъ, и населяюшь оный до того, что у многихъ знатныхъ Русскихъ господъ бывало по чепыреста и по пяпи сошь дворовыхъ людей, которыхъ держашъ при себѣ они почипали обязанностію, хотя для сихъ людей не было вовсе никакого занятія.

Не менѣе удивляло меня другое обыкновение, введенное щеславіемъ: всякій, чиномъ выше Полковника, принужденъ былъ, снопря по его званію, имѣшь карешу, запряженную чепырьмя или шестью лошадыми, кошорыми правяшь кучера въ длиннокъ бородою во Французскомъ кафшанѣ и два фореишера.

Въ первый разъ, какъ я послѣдовала вшому обыкновению, мнѣ надобно было вхашъ къ одной дамѣ, жившей въ сосѣднемъ домѣ. Фореишеръ мой вѣхалъ уже въ вороша сосѣдняго дома, а кареша оспавалась еще въ ворошахъ моей кварширы.

Зимою карешы снимаюшь съ колесъ и спавяшь на подозья вышиною съ колеса; а какъ улицы широки и въ эшо время года бываюшь покрышы фуша на чепыре снѣгомъ, хорошо укашаннымъ и доходящимъ на самый

гладкій, твердый и мелкій песокъ, шо ничшо не можешъ сравнишься съ быспрошою, съ какою ѳдешъ или лучше капишься въ семъ прекрасномъ городѣ.

Я уже говорилъ объ умѣренности, съ кошорою Русскіе господа пользуются властію своею надъ мужиками. Во время долгаго пребыванія моего въ Россіи, многіе примѣры привязанности кресъянъ къ господамъ доказали мнѣ, что на эшошь счешъ меня не обманули.

Изъ сша примѣровъ шому, оставшихся у меня въ памяти, приведу шолько одинъ: Оберъ-Камергеръ Графъ Шуваловъ вошелъ въ долги, и для уплаты оныхъ хошѣлъ продать деревню свою, лежащую за чешыреша ми пяшь сошъ вершъ ошъ сшоліцы.

Однажды, упромъ, всшавая съ посшелі, слышишь ошъ большой шумъ у себя на дворѣ; шумъ эшошь происходилъ ошъ множешва собравшихся мужиковъ; Графъ призываетъ ихъ къ себѣ и спрашиваетъ, зачѣмъ они пришли.

„Мы, башюшка, слышали,“ говорятъ вши добрыя люди, „что вы для поправленія дѣлъ своихъ, хошите продать нашу деревню. Мы Вашимъ Сіашельшвомъ довольны, мы спокойны, сшасшлывы и благодарны вамъ, и не хошимъ пошерять добраго барина. Мы

сложились деньгами на мірской сходкѣ, и просимъ васъ принять ихъ для уплаты вашего долга.“

Графъ, послѣ нѣкотораго сопровивленія, принялъ ихъ пожертвованіе, и наслаждался, видя, что добро, имъ сдѣланное, вознаграждается столь шрогашельною признательностію.

Привычка опредѣлять, безъ всякой формы, наказаніе, въ ту же минуту исполняемое, за просупки, осужденные безъ разсмотравнія, заставляешь иногда самыхъ добрыхъ господъ дѣлать самыя спранныя ошибки.

Вошь одно происшествіе, котораго развязка довольно забавна, хотя начало было очень печально и почти жестоко.

Въ одно утро прибѣгаетъ ко мнѣ человекъ, встревоженный, волнуемый вмѣстѣ и страхомъ и болью и досадою; волосы его стояли дыбомъ, глаза были красны и въ слезахъ, голосъ дрожалъ и плашье въ безпорядкѣ. Это былъ Французъ.

Я спросилъ о причинѣ его расстройства и печали. „Графъ,“ сказалъ онъ мнѣ: „я прошу защиты Вашего Сіятельства, прошивъ ужаснаго насилія и несправедливости: меня, по приказанію одного знашнаго

барина, сей часъ обидѣли безъ причины, и дали мнѣ сто ударовъ плетью.“

— „Такой поспупокъ,“ ошвѣчалъ я: „быль бы неизвинишелень, если бы даже важная вина къ нему побудила; если же, какъ ты утверждаешь, не было на шо никакой причины, шо совершенно непоняшень и нерѣрошень; но кшо же далъ шакое приказаніе?“

„Его Сіашельсшво, Графъ Брюсъ, здѣшній Губернашоръ,“ ошвѣчалъ несчастный. — „Тя съ ума сошелъ,“ возразилъ я: „бышь ли можешь, чшобы человекъ, шполь почтенный и образованный и шполько всѣми уважаемый, какъ Графъ Брюсъ, послунилъ шакимъ образомъ съ Французомъ, если шолько ты не бросился на него и не оскорбилъ его лично.“

„Ахъ, милоспшвый Государъ!“ сказали залующійся: „я даже никогда не знавалъ Графа! Я поварь; узнавъ, чшю Гр. Брюсу нуженъ человекъ моего ремесла, я пошелъ къ нему въ домъ, и меня ввели къ его комнашю. Какъ скоро Графу сказали, чшю я примель, онъ шощасъ приказалъ, чшобы мнѣ дали сто ударовъ плетью, чшю и было шощъ же часъ исполнено. Эшо кажешся вамъ невѣраннымъ, но плеча мои могушь доказать, чшю я говорю правду.“

— „Послушай,“ сказалъ я ему наконецъ: „если, проливъ всякаго вѣроянія, то, что ты мнѣ говоришь, правда, то я пошребую удовлетворенія за оскорбленіе, тебѣ сдѣланное, и не поущу, чтобы поступали такимъ образомъ съ моими единоплеменниками, которыхъ я обязанъ оказывать покровительствѣ. Но подумай объ этомъ хорошенько: если ты рассказалъ мнѣ сказку, то я заставлю тебя раскаяться въ томъ. Опшнеси къ Губернатору письмо, которое я сей часъ напишу; одинъ изъ моихъ людей поидетъ съ тобою.“

Я въ самомъ дѣлѣ тотчасъ же написалъ къ Графу Брюсу, и уведомилъ его о странномъ доносѣ, который былъ мнѣ сдѣланъ. Я писалъ ему, что не смотря на то, что невозможно сему повѣришь, обязанность покровительствовать Французамъ заставляетъ меня просить отъ него объясненія снѣль страннаго поступка, ибо легко могло случиться, что какой нибудь подчиненный дерзко употребилъ во зло его имя, чтобы сдѣлать такую несправедливость. Я предвараю его, что съ нетерпѣніемъ ожидаю отвѣта, чтобы наказать жаловавшагося, если онъ согласенъ, или требовать за него удовлетворенія, если, противъ всякой вѣроятности, онъ сказалъ правду.

Часа два не получала я никакого общества. Я начинала выходить из терпения, и намбрелася уже сама вхашь для объясненія по сему дѣлу, какъ явился мой бишпый, который казался уже совсѣмъ инымъ человекомъ: видъ его былъ спокоевъ и доволенъ, въ глазахъ блискала радость.

„Ну!“ сказала я: „принесъ ли ты мнѣ оцѣвшь?“ — „Нѣтъ, сударь! Его Сіанельсво сей часъ самъ съ нимъ прїдетъ; но я уже не имѣю причины жаловашься: я доволенъ, очень доволенъ, все это была шолько ошибка, и мнѣ остаелся шолько благодарить васъ за ваши милосши.“

„Какъ!“ возразилъ я: „развѣ сто ударовъ плешью при тебѣ не оспающся?“ — „Конечно, сударь, оспающся у меня на плечахъ и вѣсплены очень рѣзко; но, право, ихъ вылечиди, какъ нельзя лучше; и шакъ, что я ужъ и не горюю. Теперь все объяснено; вопшь какъ это случилось: у Графа былъ поваръ изъ его кресшьянъ; за нѣсколько дней до моего прихода, онъ убѣжалъ и, говоряшь, что-то снесъ изъ дому. Его Сіанельсво, приказавъ искать его, положилъ наказашь бѣглеца шопчасъ, какъ его приведушь.“

„Въ вшихъ обстоятельстввахъ явился я, чтообы запяшь убылокъ мѣсто. Когда ош-

ворила дверь кабинета Его Сіашельства, Графъ сидѣлъ ко мнѣ задомъ у бюро и, какъ видно, былъ очень занятъ. Человѣкъ, ко-
торый привелъ меня, сказалъ, входя въ комна-
ту: „*Ваше Сіательство! повара привели.*“
Графъ пошчасъ оцѣвчалъ, не обращиваясь:
„*Сведите же его на дворъ, и дайте ему
сто ударовъ плетью, какъ я приказалъ!*“
Человѣкъ пошчасъ зашворяеши дверь, схва-
тываетъ меня, шациши внизъ, зовешъ по-
варищей, и безъ жалости даюши бѣдному
Французскому повару удары, назначенные
бѣглецу Русскому.

„Его Сіашельство, ммлосшиво пожагъвъ
обо мнѣ, изволилъ самъ расшолковашъ мнѣ
эшу ошибку, и при шакнхъ ушѣлишель-
ныхъ словахъ, пожаловалъ мнѣ вошъ вшомъ
большой кошелекъ съ золошыми деньгами.“
Я опшпустилъ бѣдняка, подумавъ, что спра-
ведливое негодование его слышкомъ легко
укрошилось.

(*Продолженіе впереди.*)

ВОЕННОЕ ИСКУСТВО.

И С Т О Р І Я А Р Т И Л Л Е Р І И.

Періодъ первый: со времени изобрѣшенія пороха, до Испаніянскихъ войнъ Короля Французскаго, Карла VIII.

Періодъ второй: со времени Испаніянскихъ войнъ до Нидерландской войны.

Періодъ третій: Война Голландцевъ съ Испанцами, ошъ 1568 до перемирія 1609.

Періодъ четвертый: тридцатилѣтняя война, ошъ 1618 до 1648.

Періодъ пятый: войны Французовъ въ Нидерландахъ, Германіи и Испаніи, ошъ 1648 до 1738.

Періодъ шестой: Силезскія войны и послѣдующія до 1792.

Періодъ седьмой: Французская революціонная война до конца XVIII столѣтія.

Періодъ осьмой: ошъ конца XVIII столѣтія до нашихъ временъ.

ПЕРИОДЪ ПЕРВЫЙ.

Со времени изобрѣтенія пороха до Италіанскихъ войнъ Короля Французскаго Карла VIII.

„Съ упошребленіемъ огнеспрѣльнаго оружія, говоритъ одинъ военный Писатель, измѣнились самыя нравственныя и физическія качества воиновъ, прекратились набѣги варварскіе, битвы сдѣлались не споль кровопролитны, полишика Государствъ дѣятельнѣе, а вмѣстѣ съ симъ Европейцы пріобрѣли по преимуществу, которое и донныи сохраняющъ предъ прочими народами обширнаго свѣща.“

Въ самомъ дѣлѣ, если мы посмотришь на Исторію древнихъ дѣлъ, то увидимъ, что войска всегда сражались вблизи, что они единственно мечемъ пролагали себѣ путь къ славѣ, и что многочисленность и великая крѣпость физическихъ силъ торжествовали всегда надъ слабостію и малочисленностію; личная храбрость Полководца рѣшала судьбу Республикѣ. Но съ того времени, когда Шварцъ показалъ свѣшу упошребленіе пороха, когда армія возила съ собою великое множество кодувриновъ и картеуновъ, образъ веденія войны совершенно преобразовался: умъ, разсудокъ, заступилъ

мѣсто безсмысленной ошчаянности, и спра-
шегія рѣшала судьбу Государствъ; осады
крѣпостей не были долговременны, чугу-
ныя ядра, бросаема сими огнесцрѣльными
машинами, разрушали ихъ стѣны, и приго-
вляла осаждающему пушъ къ побѣдѣ —
однимъ словомъ, все военное приняло другой
видъ — видъ совершенства; уже Европейцы
не боялись болѣе набѣговъ Ташаръ и Гуи-
зовъ, и разя, покоряли своей власни великія
сѣраны Новаго Свѣта. Но прислушимъ къ
Исторіи Артиллеріи.

Хотя многіе и приписываютъ монаху
Бернпольду Шварцу изобрѣшеніе огнесцрѣль-
наго пороха, но другіе военные Писатели
въ шомъ несогласны: они говорятъ, что
Китайцы и Индійцы еще прежде Европей-
цевъ знали огнесцрѣльный порошокъ; будио
бы Греческій огонь, поражавшій подъ Кон-
стантинополемъ суда Игоря (въ X столѣ-
тіи), состоялъ изъ пороховаго состава.
Пришомъ же *Абель Ремюза* говоритъ въ
своихъ Запискахъ о полииническомъ сноше-
ніи Европейцевъ съ Азіяпцами, что вос-
точныя народы, еще прежде изобрѣшенія
компаса, книгопечатанія и ш. п., знали со-
ставъ огнесцрѣльнаго пороха. Китайцы
еще въ древнѣйшія времена своего бышя,
имѣли *громовыя колесницы*, уподоблявшя-

ся нашими Европейскими пушками; по другим же извѣстіямъ доказывающъ, будто бы Аравляне прежде всѣхъ знали сей ужасный составъ, описываемый Восточными Историками. XIII столѣтія.

Искусство дѣлать порохъ, говоритъ Абель Ремюза, узнали въ Европѣ во время Крещовыхъ походовъ. Въ 1216 году, Шотландскій Монахъ *Рожеръ Баконъ*, въ своей книгѣ: *de nullitate magia*, говоритъ о пороховомъ составѣ; поему-то Францискаскій монахъ *Бертольдъ Шварцъ*, не естъ изобрѣшашель огнеспрѣльнаго пороха, а онъ единственню случайнымъ образомъ узналъ свойство пороха, и первый выспрѣмилъ пулю изъ желѣзнаго ствола. Венеціане, первые, въ 1366 году, въ войнѣ съ Генуезцами, употребили огнеспрѣльное оружіе. Но ужасное дѣйствіе огнеспрѣльнаго пороха подавляло, шакъ сказашь, успѣхъ его; многіе вооружались противъ него, называя его адскимъ изобрѣшеніемъ, противнымъ Богу и правамъ чедовѣчества; припомъ же Рыцарство, славившееся единственню искуснымъ дѣйствіемъ холоднаго оружія, возставало противъ огнеспрѣльнаго пороха, видя въ немъ причину своего ослабленія; и по такимъ причинамъ, порохъ долго оставался не въ употребленіи почти до конца XV столѣтія.

дѣній, или до царствованія Французскаго Короля Карла VIII.

ПЕРІОДЪ ВТОРОЙ.

Со времени Италіянскихъ войнъ до Нидерландской войны.

До времени Карла VIII, возили обыкновенно при арміяхъ чрезвычайное множество орудій огромной величины и большой тяжести, посему движеніе ихъ было трудно, и часто оснанавливало успѣхъ цѣлой арміи. Карлъ VIII видѣлъ сію ошибку, и рѣшился ее поправить; ему приписываютъ облученіе орудій. Уже при немъ орудія начали именовать, по тяжести ядеръ, ими бросаемыхъ; кромѣ сего именованія, каждому орудію давали собственное имя, заимствуемое изъ шрехъ царствъ природы. — Вошь состояніе огнеспрѣльныхъ орудій въ началѣ XVI столѣтія:

1) *Двойная пушка*, бросавшая ядро ошъ 100 — 120 ф. вѣсу, длины имѣла ошъ 9 до 10 фушовъ Венеціанской мѣры, вѣсила ошъ 8,800 до 12,459 Италіянскихъ фуншовъ.

2) *Колуарина*, бросавшая ядро 120 ф. вѣсу, длины имѣла 15 фушовъ, вѣсила 15,000 фуншовъ.

3) *Пушка*, бросавшая ядро въ 80 ф. въсу, длины имѣла 8 фушовъ, всила 4,000 фуншовъ.

4) *Колуверина*, бросавшая ядро въ 50 ф. въсу, длины имѣла 12 фушовъ, всила 6,600 фуншовъ.

5) *Пушка*, спрѣлывшая ядромъ ошь 30 — 36 фуншовъ, называлась *батардою*.

6) *Половинная пушка*, бросавшая ядро въ 20 ф. въсу, длины имѣла ошь 7 до 8 фушовъ, всила ошь 2,200 до 2,500 фуншовъ.

7) *Колуверина*, бросавшая ядро въ 20 ф. въсу; длины имѣла 10 фушовъ, всила 4,200 фуншовъ.

8) *Колуверина*, бросавшая ядро въ 20 ф. въсу, длины имѣла 10 фушовъ, всила 1,750 фуншовъ.

9) *Колуверина*, бросавшая ядро въ 14 ф. въсу, длины имѣла 8 фушовъ; всила 2,233 фунша.

10) *Пассъ-волантъ* бросалъ ядро въ 16 ф. въсу; длины имѣлъ 12 фушовъ, всилъ 2,740 фуншовъ.

11) *Саккеръ* бросалъ ядро въ 12 ф. длины, имѣлъ 9 фушовъ; всилъ 2,150 фуншовъ.

12) *Саккеръ* бросалъ ядро въ 12 ф. въсу; длины имѣлъ 6 фушовъ; всилъ 1,400 фуншовъ.

13) *Саккеръ* бросалъ ядро въ 10 ф. въ-су; длины имѣлъ 6 фушовъ; вѣсилъ 1,300 фуншовъ.

14) *Аспидъ* бросалъ ядро въ 12 ф. въ-су; длины имѣлъ 5 фушовъ, имѣлъ одинаковый вѣсъ съ Саккеромъ.

15) *Фалконъ* бросалъ ядро въ 6 ф. въ-су; длины имѣлъ 7 фушовъ; вѣсилъ 890 фуншовъ.

16) *Фалконетъ* стрѣлялъ свинцовыми ядрами въ 3 ф. вѣсомъ; длины имѣлъ 5 фушовъ; вѣсилъ 400 фуншовъ.

Кромѣ сихъ орудій, возмись еще при арміяхъ *бомбарды* или *каменобросцы*, изъ коихъ величайшіе бросали каменное ядро въ 250 фуншовъ вѣсу, имѣли длины 10 фушовъ и вѣсили 8,900 фуншовъ.

Второй родъ сихъ бомбардъ бросалъ ядро во 150 фуншовъ; длины имѣлъ 10 фуш. и вѣсилъ 6,146 фуншовъ. Третій родъ бросалъ ядро въ 100 фуншовъ, имѣлъ ту же длину, вѣсу 5,000 фуншовъ. Четвертый родъ бросалъ ядро во 100 фуншовъ, длины имѣлъ 8 фушовъ и вѣсилъ 4,500 фуншовъ. Морширами (*contadi*) бросали ядро вѣсомъ оныхъ 30 — 45 фуншовъ; имѣли длины 7 фушовъ, и вѣсили оныя 1,600 — 2,740 фуншовъ.

Кромѣ сихъ родовыхъ именованій, показывавшихъ величину и устройство орудій, да-

ваки каждому орудію еще особенное, означавшее его ошь другаго, съ нѣмъ однороднаго. Такъ, при осадѣ города Альшдорфа, въ 1504 году, при ихъ огромные каменобросцы назывались: первый *сова*, сдѣлывавшая ядромъ въ 220 фуншовъ; *соколъ* и *рыбакъ*, напрошивъ, бросали ядро въ 100 фуншовъ вѣсу.

Вкусъ того вѣка прѣбывалъ, чшоби все было испещрено различными бесполезными украшеніями; сему необходимому (по тогдашнимъ понятіямъ) закону подвергались и огнеспрѣльные орудія. — Такъ называемыя *бомбарды*, состоявшія изъ каморы и канала, были обременяемы посредствомъ фризозъ и другихъ украшеній. — Когда Карль VIII облегчилъ шесть армиллерійскихъ орудій, що уже нельзя было дѣлать, для украшенія, выемокъ на стѣнахъ орудій, поперѣввшихъ значительнымъ образомъ въ полшопѣ мешала; для сего были оставлены единственны фризы, и для легчайшаго подниманія орудій, прикрѣпляли къ порельной и къ вершлюжной часши рукоашки, наподобіе различныхъ живошныхъ, а особливо рыбъ, почему они названы *дельфинами*, сзади же порельной часши въ видѣ *винограда*. — Таковыя же бесполезныя украшенія находились и на лафетахъ, по

вообще должно сказать, что они въ началѣ XVI столѣтія исчезли.

Но важнѣе были успѣхи употребленія Аршиллеріи. Еще въ началѣ XVI столѣтія, *Фануци Берингоціо* издалъ книгу о приготовленіи пороха, снарядовъ и орудій. Но безсмертный *Николай Тарталія*, первый привнлъ законы Машемашики къ Аршиллерійскому Искусству, и первый доказалъ, что полетъ ядра есть не прямая, но кривая линія, что уголъ 45° даетъ дальнѣйшій полетъ. Но бывъ самъ аршиллериспомъ и живъ въ 1531 году въ Веронѣ Машемашикомъ, онъ, по просьбѣ своего друга, одного бомбардира, началъ мыслить о дальности полетовъ ядеръ. — Вскорѣ онъ долженъ былъ вступитъ въ споръ съ другимъ аршиллериспомъ, хотѣвшимъ доказать, что не 45° , а 30° есть высочайшій уголъ возвышенія для дальнѣйшихъ полетовъ; были сдѣланы опыты, сдѣланы подъ С. Луціемъ 20-фунтовой плангою, гдѣ и оказалось: что при возвышеніи дула орудія на 45° , дальность полета ядра простиралась до 1,972 полевыхъ сажень, между тѣмъ, какъ при возвышеніи орудія на 30° , дальность полета ядра была 1,872 пол. саж. Слѣдствіе сихъ опытовъ было, между прочимъ, то что Тарталія поручилъ доказать основные законы движенія

нія тяжелыхъ швъ въ воздухъ. — Его сочиненіе о семъ явилось въ первый разъ въ 1537 году, подъ заглавіемъ Della Nouva Scienza и хотя доказательствъ его не вездѣ точны, и часшо основывающіяся на ложныхъ заключеніяхъ и гипотезахъ, однако жъ должно сказать, что сочиненіе сіе проложило путь къ ученому изложенію Архимедри, по кошорому многіе великіе muži слѣдовали, и довели ее до нынѣшняго ея совершенства.

Такъ какъ снаряды и заряды артиллерійскихъ орудій были не одинаковы, то дѣйствія ихъ на металлъ не были одинаковы, и даже вредны. Для сего давали имъ при казенной части одинъ діаметръ ядръ толстошвы, а при дульной поддіаметръ толстошвы. Къ сему же времени относится изобрѣшеніе калибернаго размѣра, содержащаго въ себѣ діаметры каменныхъ, чугуныхъ и свинцовыхъ ядеръ по Ниренбергской мѣрѣ и вѣсу. Изобрѣшеніе сіе приписываютъ *Георгу Гартману*, Ниренбергскому Механику. Должно въ честь Гартмана сказать, что всѣ калиберные масштабъ послѣ его смерти, были сдѣланы по образцу перваго его калибернаго размѣра; въ Германскія Артиллеріи приняли Ниренбергскій вѣсъ и мѣру; менѣе сіе можно сказать

о Франціи и Англіи. Въ сихъ земляхъ болѣе придерживались вершковому размѣру, для означенія калибровъ, для кошораго Писателя Аршиллерія и дають соотвѣствующія ему таблицы. Въ новѣйшія времена и въ Германіи начали придерживавшьяся вершковому размѣру, и вычисляли таблицы, опредѣлявшія діаметры орудій и ядеръ.

Съ усовершенствованіемъ усроенія орудій, усовершенствовались и снаряды, ими бросаемые. Обыкновенно изъ пушекъ снрѣляли чугунными ядрами, а изъ каменобросцевъ каменными ядрами и каршенами (состоявшими, большею частію, изъ массы рубленого желѣза, свинца или камня). Искусственные огни были двухъ родовъ: одни были бросаемы изъ огнеснрѣльныхъ орудій, другіе бросали руками. — Къ симиъ послѣднимъ принадлежатъ *огненные стрѣлы* (выходившія совершенно изъ употребленія съ увеличеніемъ луковъ), *огненные пйки*, и проч. — Изъ каменобросцевъ часто были бросаемы *брандскугели*, состоявшіе изъ смеси смолы, селитры, сѣры и пороха, сплещенныхъ крѣпко веревками. Замѣнимъ, что еще въ первомъ періодѣ, нѣкоторый родъ *бомбъ* были извѣстны, но это были нѣдкие пушныя шары, наполненные селитрою, сѣрою и смолою. Таковыя ядра были

Турками, при осаде Родоса в 1522 году, бросаемы въ городъ; но ихъ въ настоящемъ смыслѣ нельзя называть бомбами, ибо они не производили взрыва; поему ихъ должно болѣе причислять къ зажигаемымъ снарядамъ. Должно замѣтить однако жъ, что въ семь періодъ были извѣсны, но въ именѣ *лопающихся ядеръ*, родъ снарядовъ, состоявшихъ изъ пуспыхъ чугунныхъ ядеръ, начиненныхъ пусечнымъ порохомъ и снабженныхъ желѣзными шрубками; они во всемъ почти уподоблялись нынѣшнимъ бомбамъ и гранатамъ. Они употреблялись болѣе при осадахъ, а въ полѣ, по трудности ихъ заряжанія, не употреблялись. Около 1500, была изобрѣшена *органыя огнестрѣльная орудія*, состоявшія изъ нѣсколькихъ сложенныхъ ружейныхъ дулъ, зажигаемыхъ вѣдругъ помощью пороховаго пархода. Они служили со снанковъ, и производили родъ картечныхъ выстрѣловъ. Ихъ обыкновенно ставили во время сраженія въ интервалахъ нѣхоты, но замѣтимъ вообще, что по причинѣ ихъ труднаго заряжанія, они часто въ необходимыхъ случаяхъ дѣлались бесполезными.

При такой вышеупомянутой тяжести орудій, движеніе ихъ было чрезвычайно медленно. Сія тяжесть, кажется; первая для

поводъ къ изобрѣшенію легкой отдѣльной Артиллеріи — называемой лешучею, конною или кавалерійскою артиллеріею; она имѣла цѣлю дѣйствовать совокупно съ кавалерійскимъ авангардомъ и способствовала ему во всѣхъ его быстрыхъ предпріятіяхъ. Уже при Винченцѣ посылалъ Венеціанскій Главнокомандующій, *Бартоломей Альвиани*, легкую кавалерію съ тремя фалконами для нападенія на арріергардъ Императорскихъ войскъ, но заподлинно неизвѣстно, какова была припряжь и прислуга сихъ орудій. Но то извѣстно, что въ сраженіи при Керксоль, въ 1544 году, Герцогъ Ангенскій, назреваясь занять нѣкоторую возвышенность, имѣлъ при себѣ аркибузироваго верхомъ, и при четырехъ-фуншовыхъ пушкахъ съ двойною припряжью. Во время сраженія, спояли онъ въ авансалахъ кавалеріи, и отсюда дѣйствовали противъ пѣхоты. Хотя ничего неизвѣстно о продолжительномъ употребленіи такой легкой Артиллеріи, но мы ее опять въ первый разъ усматриваемъ въ войскахъ неустранимаго Гусшавы Адольфа, и въ новѣйшія времена, у безсмертнаго Короля Прусскаго Фридриха II.

(*Продолженіе въ средѣ.*)

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

ПИСЬМА НА КАВКАЗЪ, О ЛИТЕРАТУРЪ, НАУКАХЪ И ИСКУСТВАХЪ

Письмо второе.

(Продолженіе предмета, начатаго въ I письмѣ.)

Ты помнишь, какъ мы спорили съ побою о Московскомъ Телеграфѣ, и какъ я всегда бралъ его спорону, извиняя ошибки, промахи, неосновательность въ сужденіяхъ, и прикрывая все это эгидою *благой цѣли*. Это было въ 1825 году, когда шмыжилъ на Екашерининскомъ каналѣ. Теперь я перемѣнилъ мой образъ мыслей — и совершенно съ побою согласенъ. Одно и то же, и чѣмъ далѣе, шмыжъ опрометчивѣе. Въ Телеграфѣ, все рѣшашъ безъ оспановки: обо всемъ судяшъ и рядяшъ безъ дальнихъ справокъ, и пошому изъ всего выходишъ скороспѣлка. Главное дѣло Издашеля состоишъ въ томъ, чтобы сосставишъ шодешую книжку, (напе-

чашанную разными приѣздами), изуроривъ обершку предлиннымъ оглавленіемъ, побранивъ нѣсколько книгъ, задѣвъ нѣсколькихъ книгопродавцевъ, Издашелей оныхъ (*), и нѣсколькихъ Журналистовъ впрямь или вкось, выходками или намѣтками, и наконецъ вклеивъ родъ выѣски надъ циркулярными, гдѣ брѣютъ и кровь отворяютъ, надписавъ подъ этою каршинкою — *Парижскія моды*, и дѣло съ концемъ. А выборъ спашей, языкъ и слогъ? — объ этомъ даже и не помышляюшь. Телеграфъ, слогомъ, языкомъ и сужденіями, безпрестанно припоминаешь мнѣ два важныя событія въ мірѣ: сполнопвореніе и нашесшвіе Монголовъ на Европу.

Ты знаешь, какія сокровища хранятся въ нашемъ Пешербургскомъ Госпиномъ дворѣ, именно внутри онаго, гдѣ находящяся склады шоваровъ; ты знаешь, что переднія лавки на линіяхъ, служатъ, шакъ скажашъ, шолько выѣсками богашесшва Госпинаго двора. Но молодой свѣшскій человекъ или жодная дама не знающъ этого, или по крайней мѣрѣ о шомъ не думающъ. Проходя случайно мимо новозаведеннаго магазина, въ окнахъ кошораго узорчашо развѣшаны раз-

(*) За исключеніемъ нѣкошорыхъ. *Сог:*

моцвѣтные шарфики и плапочки, выставлена на показъ фарфоровая и кристальная посуда и бронзы, взяшья на прокатъ, — разсѣянные люди говорять, не обдумавъ: „богатый магазинъ! прекрасная лавка!“ Сему уподобленію подлежишь и Московскій Телеграфъ. Посмотрѣвъ на полсшую и шяжелую книжку, взглянувъ на песпрое оглавленіе и увидѣвъ *картинку*, посѣпшипель книжной лавки говорись: „занимательный Журналь!“ Нужны ли справки? эшо вовсе лишнее. Въ Телеграфѣ браняшь всѣхъ, кто не имвешъ чеспи помѣщашъ въ ономъ своихъ сочиненій — Телеграфъ порицають безпристрастные Липерашоры и испинные ученые — вошь и *занимательность*, въ насшовщемъ своемъ значеніи. Телеграфомъ *занимаются*, не говорю въ какомъ смыслѣ — эшого довольно: онъ доспигъ своей цѣли.

Но какъ ты пишешь ко мнѣ, любезный другъ, что въ прошломъ 1826 году, ты не имѣлъ даже случая взглянуть на Русскіе Журналы и Альманахи, шо я намѣренъ предсшавишь тебѣ въкошорья доказательсшва въ подкрѣпленіе моего мнѣнія, чтошь ты не подумалъ, будшо я увлекаюсь пристрастіемъ въ моихъ заключеніяхъ. Разберемъ общій сосшавъ Телеграфа.

1. *Выборъ статей и составъ книжекъ.*

Издатель, въ составленіи *пестро-звучныхъ* (*) обершоекъ, достигъ до высочайшей степени совершенства: его можно по справедливости назвать Гомеромъ — оглавлений. Вошь какъ онъ эпо дѣлаешъ. Оглавленіе начинаешся обыкновенно пышнымъ означеніемъ богатства Журнала: *Отдѣленіе первое* (**). За симъ слѣдуешъ громкій шумъ: *Науки и Искусства*. Тутъ вы думаете найши разныя опрасли *Науки и Искусствъ* и спашья изъ оныхъ во множественномъ числѣ. Поише — эпо объявленіе кончшся обыкновенно спашейкою изъ Французскаго Журнала Путешествій, какъ переводною главою изъ какой нибудь книги (***) . Другіе Журналисты означаютъ разрядъ именемъ одной Науки, къ кошорой принадлежишъ спашья, или просто самое описываемое дѣйствіе или путешествованіе. Въ Телеграфѣ все во множественномъ числѣ и

(*) Виновашъ! Телеграфъ соблазнилъ меня составляшъ новыя слова: увидише въ концѣ письма. *Сог.*

(**) Эшо съ перваго взгляда даешъ почувствовашъ, что здѣсь много отдѣленій, слѣдовательно много спашей. *Сог.*

(***) Образчики переводовъ напечатаны были съ подлинникомъ въ Сынѣ Ошечества и Сѣверной Пчелѣ 1825 года. Прелестъ да и шолько! *Сог.*

все на ходуляхъ — исключая того, чему бышь бы надлежало. И шакъ, чшобы напечаташь, напрымьрь, *Пушешествіе Капишана Кокрена*, въ Телеграфъ выспавлены на обершкъ *три* заглавія: 1. *Науки и Искусства*, 2. *Путешествія*, 3. *Путешествіе Английскаго (вмѣсто Англійскаго) флота Капишана и проч.* За симъ разрядомъ слѣдуешъ *Критика*. Эшо совершеншво *оглавлесловія*. Сперва напечаташано большими буквами: *Критика*; послѣ того, ниже: *Разборъ книгъ*; еще ниже — выписки изъ усшарьлыхъ и большею часшю прошлагоднихъ книжекъ Французскаго періодическаго Журнала *Revue Encyclopédique*, гдѣ сообщашося извѣстїя о нововыходящихъ книгахъ Англійскихъ, Дашскихъ, Шведскихъ, Испанскихъ, Италїанскихъ, Нѣмецкихъ и ш. п. Извѣстїя сїи, само по себѣ разумѣешся, чрезвычайно повершношныя, шакъ сказашь, библиографическія указанїя или выписки изъ новыхъ кашалоговъ — но для Телеграфа вшо насшоящее сокровище, и онъ облекъ эшо въ названїе *Кришки*! Чшпашель, особенно неопышный, взглянувъ на Англійскїя, Дашскїя, Испанскїя, Италїанскїя заглавія книгъ — и Богъ вѣешъ чшо подумаешъ. Вошь-де у насъ спшали разбирашъ иносшранныя книги: славно! Даже молодые *Лшперашоры* по-

падаютъ въ сѣши, не сообразивъ, что въ этой смѣси, помѣщающа безъ всякаго разбора сужденія справедливыя или пристрастныя, и книги занимательныя въ чужихъ краяхъ по мѣстнымъ обстоятельствомъ, отношеніямъ, и положенію политическому и социальному; не разсудивъ, что изъ этихъ книгъ девятидесяти не придетъ въ Россію, а если и придетъ, то изъ сего числа многія будутъ безвѣзными. Молодой человекъ, не зная, что эти выписки въ Телеграфъ изъ Revue Encyclopédique дѣлаются совершенно на удачу, именно для того только, чтобы имѣть иностранныя заглавія, говоритъ, взглянувъ на обертку: „хорошо, что сообщаютъ у насъ извѣстія объ успѣхахъ иностраннаго просвѣщенія!“ — Онъ не будетъ читать этого разряда — но впечатлѣніе произведено оберткою, и Издашеть достигъ своей цѣли. Юноша рекомендовалъ Журналъ богатому своему дядѣ, и одинъ подписчикъ внесень въ книгу. Далѣе, прешій разрядъ, большими буквами: *Библиографія*, а малыми: *Русская Литература*. Справный синонимъ — но не въ томъ дѣло: у Издашеля Телеграфа все двойное. Этотъ разрядъ есть то слуховое окно, чрезъ которое Г. Издашеть бросаетъ камнями въ прохо-

нихъ, неломаящихся шапки передъ его Телеграфомъ. Исключая нѣсколько книгъ, разбираемыхъ студентами — здѣсь работаешь, или лучше скажешь, веселился самъ Г. Издашель, удовлетворяя всѣмъ своимъ спрашьямъ и желаніямъ сердца. Здѣсь вы найдешь, что Исторія Кайданова никуда не годилась, что Лексиконъ Тапищева, издаваемый купцомъ Глазуновымъ, самая бесполезная книга, а сей же Лексиконъ безъ дополненій, кошорый Г. Издашель *видѣлъ* въ рукописи, и кошорый издасъ въ свѣтъ (неизвѣстно когда) Г. Ширяевъ — *будетъ* прекрасенъ; и пошому не должно покупать Лексикона, издавнаго Г. Глазуновымъ, а подождашь, пока выйдешь Лексиконъ Г. Ширяева. Здѣсь, Русская Исторія почтеннаго папріота Сергѣя Николаевича Глинка называется вредною для дѣшей книгою. Тушь почтенный Издашель Указашеля по часпи Физики и Химіи, ученый и шрудолубивый Г. Щегловъ, предспавленъ невѣждою, опличный Журналь его и всѣ сочиненія, снискавшія уваженіе ученыхъ и публики, названы негодными выписками, а нѣкпо, написавшій брошюрку о Бошаникѣ, (сошрудникъ Телеграфа), высшавленъ вшорымъ Линяемъ. Здѣсь каждое мнѣніе Пешербургскихъ Журналишновъ оспорено, хошя бы они написали, и еще съ ссылка-

ми, что дважды два четыре. Здѣсь всѣ Журналы представлены такими, что на нихъ не смѣюшь и взглянуть, а хуже всѣхъ въ мірѣ расписана Сѣверная Пчела и вообще все, издаваемое Гречемъ и Булгаринымъ. Мнѣнія здѣсь столь же измѣнчивы, какъ видъ паровъ надъ болошомъ — одно недоброжелательство къ Гречу и Булгарину постоянно, въ каждой книжкѣ, именно въ каждой книжкѣ, что нибудь прошиву нихъ напечатано. Эшотъ разрядъ характеризируетъ Телеграфъ, а наконецъ онъ довелъ его до того, что книгопродавцы и сочинители вовсе не дорожашъ мнѣніемъ сего Журнала, а публика вовсе не справляется съ мнѣніемъ его о книгахъ, и раскупаешъ шѣ, которыя болѣе были обруганы въ Телеграфѣ: ссылаюсь на Исторію Кайданова, Лексиконъ, изданный Глазуновымъ и многія другія. Послѣ библиографіи, слѣдуешъ новый разрядъ, подъ пышнымъ заглавіемъ: *Современныя лѣтописи*. Я совѣщовалъ бы почтенному сотруднику Телеграфа, Князю П. А. Вяземскому, написавшему спашью подъ заглавіемъ: *О злоупотребленіи словъ* (*) (№ I Телегр. 1827), включишь и *Современныя лѣтописи* Теле-

(*) Статья сія есть подражаніе статъ сочин. Г. Булгарина: *Новое значеніе старыхъ словъ*, напеча-

графа въ списокъ исчисленныхъ имъ злоупотребленій. Какой предметъ для прозопопеи! Авшоръ могъ бы воскликнуть: возстаньте изъ могилъ, вы, Русскіе Лѣшописцы; проснитесь, почтенный Несшоръ и цѣлый рядъ продолжашелей; посмотрише, чѣмъ кончился шрудъ вашъ, и какое *продолженіе* составляешъ пошомокъ вашъ, для будущихъ Исшориковъ и поколѣній! — Въ самомъ дѣлѣ чудо, а не современныя лѣшописци! Здѣсь опять Revue Encyclopédique являешся на сцену. Въ семь разрядъ Г. Издашель Телеграфа помѣщаешъ нѣсколько переводныхъ спашеекъ (изъ опдѣленія: Nouvelles scientifiques et littéraires) *короче утиного носа*, какъ говоритса; даешъ каждой спашейкѣ новое заглавіе, а изъ эшого выходитса на обершкѣ прелешное разнообразіе, множешво громкихъ именъ и пріятная пущопа для ума и сердца. Въ семь разрядъ Телеграфъ не гнушашся перепечашываніемъ изъ Сѣверной Пчелы современныхъ Біографій и Некрологій, въ усѣченномъ видѣ, безъ показанія источниковъ, какъ во всемъ и всегда.

шанной въ Лшперашурныхъ Лшсгахъ. *Сог. Пшсьма*.
— Не подражаніе, но старая пѣсня на новый ладъ.

Ө. Б.

Симъ оканчивается *первое* отдѣленіе Журнала, и начинаешся *второе*. Разрядъ первый, *Словесность*, заключаешъ въ себѣ *два подраздѣленія*: Спихошворенія и Прозу или новѣшши. Эпо:

И проза и стихи
Лишерашурные грѣхи!

Въ спихошвореніяхъ, блескъ нѣсколькихъ бездѣлашекъ Пушкина окупаешся шамъ множешвомъ всякой всячины — чшо не знаешъ, чему удивляшся, смѣлосши ли Авшоровъ или самого Издашеля. Но обершка песпра, и Издашель доспицъ своей цѣм.

Во вшоромъ разрядѣ *Словесности*, заключаешся *Смѣсь*, гдѣ шакже помѣщаешся обыкновенно нѣсколько выходокъ прошиву желюбимыхъ Журналовъ, чшо-шо шакое подѣ названіемъ *мыслей*, и наконецъ Парижскія моды на Французскомъ и на Русскомъ языкахъ. Я сказалъ на Русскомъ: *Грипусье* доказаль публикѣ, каковъ Русскій языкъ въ вшомъ разрядѣ, а Бригадирша, изрѣзавшая шаль на башмаки, убѣдила, съ какою спеленью довѣренносши должно слѣдовашъ предписаніямъ Г. Издашеля. — Вышавка кончшся каршинкою, перепечашанною изъ уснарьяго Парижскаго Журнала, и — конецъ!

Чтобъ имѣть общее поняшіе о составѣ книжекъ Телеграфа, рассмотримъ одну, напримѣръ No 21, 1826 года. Подивись, любезный другъ! здѣсь на шести съ половиною печатныхъ лисшахъ, вписнушо 19 страницъ различнаго содержанія, съ особеннымъ заглавіемъ, и сужденія и извѣстія о 48 Русскихъ книгахъ, что занимаешь болѣе сорока строкъ на оберткѣ. Спрашиваю у самыхъ безприсрасшныхъ цѣнителей Липерашуры: можешь ли бышь основательность и нища уму въ такомъ липерашурномъ пашшешѣ? Физически невозможно. Но книжка шодста, обертка песпра, успарълая модная картинка раскрашена, и Авторъ достигъ своей цѣли.

2. Обращики сужденій Телеграфа.

Г. Издатель Телеграфа, вооружаясь вдругъ прошиву *осьми* дѣтскихъ книгъ (*) (снр. 49 и 50, No 21, 1826), говоритъ: „заглавія

(*) Почтенный Издатель Телеграфа, во время пребыванія своего въ Петербургъ, говорилъ намъ, что онъ самъ занимается составленіемъ Дѣтской Исторіи и Географіи. Ожидаемъ съ нетерпѣніемъ выхода въ свѣсъ сихъ книгъ, и увѣрены, что онѣ будутъ лучше сихъ осьми, раскришкованныхъ въ Московскомъ Телеграфѣ. *Изд.*

нѣкошорыхъ изъ нихъ уже доказывающъ степень познаний Сочинителей сихъ книгъ. Можно ли сказать: *изданная въ пользу дѣтей*, если прибыль отъ продажи книгъ не ошдается дѣтями? — Какова Логика!

3. *Примѣры слога.*

Въ 1825 году, напечатаны были въ Сѣверной Пчелѣ, въ Сынѣ Опечества и особою книжкою многія доказательства познаний (съ минусомъ) Г. Издашеля въ Русскомъ языкѣ и искусствѣ его въ переводахъ съ Французскаго; (напримѣръ, гдѣ серебряная *посуда* названа *блльсэмъ* и ш. п.). Эшо дѣло прошлое, и съ шѣхъ поръ слогъ и переводы дошли до такой степени, что уже невозможно писать иначе замѣчаній на статьи Телеграфа, какъ развѣ при каждой книжкѣ онаго издавая такой же величины книжку, съ поправками и уроками Русской Грамматики, Риторики, Логики, Французскаго и Нѣмецкаго языковъ и проч. и проч. и проч. Но какъ эшо невозможно, а еще невозможное, собрать въ одномъ письмѣ многіе примѣры слога, но я довольствуюсь выпискою какого нибудь мѣста, совершенно на угадъ. Развершываю номеръ 5, 1826 года, и книжка открывается на 18 — 19 стр. Эшо Повесть (начинающаяся на стр. 11) подѣ

заглавіемъ: *Ботаникъ*, сочиненіе извѣстнаго прелестнымъ слогомъ, Нѣмецкаго Писателя Гоѣмана. Прочтемъ что нибудь: „Евгеній принадлежалъ къ числу шѣхъ людей, *которымъ* совершенно хорошо въ маленькомъ кругѣ, *гдѣ* они дѣйствуютъ вольно и весело, *которые*, положивъ прекраснѣйшую, единственную цѣль своей жизни шу науку или искусство, *которое* спашо-вишия собственностью ихъ ума — доспигающъ его; *которымъ* небольшая область ихъ родственнаго круга (?) кажется плодосною поляною среди большой, недружелюбной, негоспепримной степи, *какою* почитаютъ они *всякую другую жизнь*, пошому что не надѣются всунути въ нее безъ опасности.“ — Каковъ періодъ ошъ почки до почки? Клянусь честью, что я со всѣми этими *коими* и *которыми*, съ *областью ихъ круга* и проч., ничего не понимаю. О Граммашикъ ни слова. Но любопыство влечешъ меня далѣе, и я продаю для себя выписывать. — „Извѣстно, что подобные люди (ш. е. изъ области круга) всегда оспаютъ по чувсвамъ дѣшымъ или *почти дѣтми*. Они неловки, спранны и, облеченные въ *твердую броню маленькаго педанства*, необходимаго слд-

снвїя ихъ занншїй, кажущя сухими и бездушными. Они часшо подвергаются насмѣшкамъ, кошорыя позволяешъ себѣ невѣжесшво, увѣренне въ легкой побѣдѣ (*). — Но въ груди этихъ людей нерѣдко горитъ голубое пламя высшаго сознанїя.“ — Сшой! карать! Помилуйше, Г. Издашель, что значншъ голубое пламя высшаго сознанїя? Въ чемъ сознающя на высошѣ, и почему эшо сознанше горншъ, какъ спнршъ, голубымъ пламенемъ? Чудеса! — Далѣе, далѣе! — „Хладнокровно смонря на смутныя волненїя пестрой свѣтской жизни — они со всею любовью и вѣрою опндающя одному шруду, и онѣ ошашаешя посредникомъ между ними и вѣчнымъ могуществомъ всякаго бытїя: ихъ безмяшежная, шпхая жизнь ешъ непрерывная служба Всевышнему, въ вѣчномъ храмѣ всемірнаго разума. Таковъ былъ Евгенїй.“

А я скажу, шакое ешъ Московскїй Телеграфъ! —

Разгадай, пожалуйста, на досугѣ, что значашъ: *смутныя волненїя пестрой свѣтской жизни*, и *вѣчное могущество всякаго бытїя*? Вошъ задача, за разрѣшенїе кошорой

(*) Я бы совѣшовалъ Моск. Телегр. взять эшо рѣченїе эпиграфомъ къ разряду: *Библиографїя*. — Цриво недурно! *Сот.*

яобщаю тебѣ спешень Докшора Телеграескаго любомудрія.

Перевершываю страницу, въ надеждѣ найши что нибудь еще милѣе, и снова берусь на удачу выписывашь: „Я знаю, продолжала она, между тѣмъ какъ изумленный Евгенийъ глядѣлъ на нее *во всѣ* глаза.“ — Нѣтъ, болѣе не могу выписывашь; — *всѣ* глаза мои наполнились слезами ошъ смѣха!

И шакъ, вошъ что находишься въ шодсшыхъ книжкахъ съ песшрыми обершками, кошорыхъ Издашель сдѣлался судьей и цѣнишелемъ дарованій! Довольно: закрываю книгу и кончу мое сужденіе спихомъ изъ Комедіи: Горе ошъ ума:

Вошъ наши спроегіе цѣнишели и судьи!

Ты спросишь меня: имѣешь ли Московскій Телеграфъ чишашелей? Не знаю — но онъ имѣешь покушашелей — а одно спойишь другаго. Кончу мое письмо фразою à la Телеграфъ:

Хладнокровно смотря на смутныя волненія пестрой свѣтской жизни, я вижу, какъ люди, облеченные въ твердую броню маленькаго педантства, успѣвають вознѣгашъ голубое пламя высшаго сознанія въ просподушныхъ любишеляхъ Словесности, что Журналъ шодсшый и песшрый долженъ бышь хорошимъ; аши почтенные люди

глядяши во всѣ глаза на обершку, и подпи-
сываюшся, а Издашель доспигаетъ цѣли —
и дѣло съ концемъ. До первой почшы.

Д. Р. К.

V.

СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИЯ И ПОЛИТИКА.

**Джонъ Адамсъ, бывшій Президентъ
Соединенныхъ Сѣверо - Американ-
скихъ Штатовъ.**

'Скончавшійся 4 Юля 1826 года, на 91
году ошъ рожденія, бывшій Президентъ Сѣве-
ро-Американскихъ Штатовъ, Джонъ Адамсъ,
родился въ Масачузетской области, 19 Ок-
тября 1735, и по прямой линіи происхо-
дилъ ошъ одного изъ первыхъ поселенцевъ,
кошорые, въ 1608 году, основали Масачу-
зетское селеніе. Онъ былъ сначала содержа-
телемъ Училища, потомъ законовѣдцемъ,
и славился уже своими достоинствами, ког-
да Американская война открыла ему новое
поприще. Въ 1774 году, онъ былъ избранъ
въ Члены Конгреса, и снова въ 1775 году.

Онъ былъ опкрытымъ врагомъ Англійскаго Миниспершва, участвоваль въ сочиненіи, и усердно содѣйствоваль къ успѣху знаменитаго объявленія опъ 4 Іюля 1776 года. (Онъ умеръ, спустя пятьдесятъ лѣтъ, въ самый сей день.) Вскорѣ попомъ онъ опправленъ былъ съ Франклиномъ, Посланникомъ къ Французскому Двору и заключилъ союзный договоръ между Америкою и сею Державою. По возвращеніи своемъ, въ опечесшво, онъ участвоваль въ учрежденіи гражданскаго порядка въ Масачузетъ, попомъ былъ наименованъ Полномочнымъ Посломъ въ Нидерландахъ, успѣлъ заключишь дружественный и шорговый договоръ съ симъ Государствомъ, получилъ опъ него значительную денежную помощь и убѣдилъ Генеральные Шшашы объявишь войну Англій. Когда надлежало заключишь договоръ, которымъ Англія признала независимость Сѣверной Америки, онъ явился искуснымъ посредникомъ въ Парижѣ. Возвратившись опшуда, онъ совѣщоваль, не измѣняя умрренному характеру своему, имѣшь снисхождение къ Лоялистамъ (шакъ назывались Американцы, оставшіеся вѣрными Англійскому Правительству), и швъ обращилъ на себя подозрѣніе республиканской паршій. Будучи посланъ въ Лондонъ для заключенія

договора, онъ не имѣлъ успѣха въ одномъ этомъ предпріятіи. Послѣ того онъ преимущественно занимался преобразованиемъ внутренняго правленія, и содѣйствовалъ къ принятію хартіи 1787 года, коей приверженцы, называвшіеся Федералистами, были обвиняемы въ аристократизмъ демократическими Республиканцами, состоявшими подъ начальствомъ Джефферсона. Джонъ Адамсъ, при Вашингтонѣ избранный Вице-Президентомъ, пышною жизнію, богатствомъ, а преимущественно извѣстнымъ своимъ образомъ мыслей, обратилъ на себя подозрѣніе и упрёки. Почти въ то же время открылась Французская революція и возгорѣлась война между Франціею и Англіею. Вашингтонъ и Адамсъ прошивились разрыву съ Англіею, котораго желали Демократы; они даже заключили съ нею союзъ, который попомъ, въ свѣдѣніе ужасовъ Французской революціи, одобренъ былъ самою прошивною партіею. Во время впораго Президентства Вашингтонова, Адамсъ былъ снова избранъ въ Вице-Президенты; а когда, при прѣшемъ выборѣ, Вашингтонъ не принялъ Президентства, Адамсъ заснулъ его мѣсто въ Конгресѣ, вопреки Джефферсону и его партіи. Во время управления своего, онъ постоянно слѣдовалъ принятымъ однажды

правиламъ, непрерывно дѣйствовавъ про-
тивъ Франціи, и наконецъ въ 1798 году, при-
звалъ молодыхъ ратниковъ къ оружію, а
Вашингтону поручилъ начальство надъ вой-
сками. Онъ приказалъ крейсировать проти-
ву Французскихъ кораблей, и Конгрессъ шор-
жественно одобрилъ его поступокъ. Между
тѣмъ совершенный разрывъ съ Франціею былъ
предупрежденъ перемѣною, происшедшею въ
шагошнемъ правленіи 18 Брюмера (избра-
ніемъ Наполеона въ Консулы). Зимой 1799
года, Американскіе Полномочные прибыли
во Францію для переговоровъ о мирѣ. Тогда
Адамсъ предъ Конгрессомъ всенародно ош-
далъ отчетъ въ своемъ управленіи, объя-
вилъ о перенесеніи мѣстопробыванія Пра-
вительства въ Вашингтонъ, и сложилъ съ
себя должность. На мѣсто его поступилъ
Джефферсонъ. Послѣ того Адамсъ жилъ еще
болѣе четверти вѣка въ полезномъ досугѣ,
покровительствуя Науки и Художества,
тѣмъ болѣе, что онъ самъ прежде съ успѣ-
хомъ подвизался на поприщѣ Литературы
(преимущественно въ своемъ Защищеніи
Американскихъ Правительствъ, или Исто-
ріи Республикъ, Лондонъ 1787). Сей по-
слѣдній періодъ жизни онъ провелъ въ сво-
емъ помѣстьѣ, лежащемъ въ одной милі-
онѣ Бостона. Онъ еще при жизни своей

нмѣль удовольствіе, видѣшь своего знаменнаго сына Президентомъ Сѣверо-Американскаго Конгреса, на шомъ мѣстѣ, котораго ему не суждено было заняшь впорично, какъ онъ, можешь бышь, шого надѣялся. Боспонскій Комендантъ, получивъ извѣстіе о его смерти, приказалъ сдѣлать бо выспрѣловъ изъ пушекъ; а Губернапоръ и Члены городскаго Правленія присушествовали при погребеніи его, 7 Іюля 1826 года.

М.

VI.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

I.

Р о ж д е н і е М е с с и и.

Спокойная ночь ниспустилась съ небесъ;
 Вошще разлился ароматъ усыпленья;
 Природа не дремлетъ — полна умиленья —
 Предчувствуетъ близость чудесь.
 Вошще распросшерлись по пастбищамъ злачнымъ
 Усталые пастыри стады —
 Ихъ души священнымъ восторгомъ горятъ;
 Ихъ взоры блуждаютъ по тучамъ прозрачнымъ.
 Градь Внелеемъ, надъ швоею главою
 Яркія звѣзды тѣсняшя подной,

Среbrянымъ дымомъ швой ликъ облеченной
Тайну скрываетъ отъ смущенной Вселенной!

Чей гласъ сладкозвучный

Въ гармоніи тихой

Ліешся съ небесъ?

Не арфы бряцанье,

Не звуки шимпана,

Не смершнаго пѣснь!

Разверзлося небо,

Разверзся Эдемъ,

Крылатыя силы,

Въ сіяніи горнемъ,

Нисходяшь во градъ Виелеемъ!

Нисшелъ, нисшелъ Спасишель Міра!

Іуды Царь, вопще шрепещешь ты:

Его рамень швой не осквернишь порфира,

Онъ блескомъ облеченъ небесной лѣпоты!

Младенець въ пеленахъ, въ вершепъ сокровенный,

Уже кровавый мечъ свергаетъ надъ шбой;

И Царь Іуды раздраженный

Лешишь на Виелеемъ погибельной грозой.

Не плачь, Рахиль, о чадахъ избіенныхъ,

Ланиты осуши, — насчанеть грозный часъ!

Мессія внемлетъ спонъ младенцевъ сокрушенный,

Онъ внемлетъ швой плачевный гласъ!

Мессію ополчишь Всевидящій Владыка,

Возсчанеть сей Младенець-Исполнишь:

И отъ Его пылающаго лика

Изсохнешъ врагъ, какъ быліе долинь.

1826.

2.

Игра В. И. Г — во й.

Игрой искусной и пріятной,
 Какъ нѣкой силой непонятной,
 Умѣла ты въ моей груди
 На время усыпишь страданья,
 И всю печаль воспоминанья;
 Всю скуку грустнаго пуши
 Невольно я позабывала,
 И лишь тебѣ одной внимала.

Проворной, легкою рукой
 По звучнымъ клависамъ лѣтая
 И въ тонахъ душу изливая,
 Ты душу и мою съ собой
 Въ страны мечтаній уносила....
 И я, плѣнясь игрой швоей,
 Теперь тебя душею всей
 Еще сильнѣе полюбила.

Л..... И.....а.

1826 г. Октября 24.

Чугуевъ.

3.

Стихотворная колыска.

(*Побасенка.*)

Закъшилось, закашилось
 Солнце ясное за лѣсъ,
 Засіялъ вочный навѣсъ.
 Ушихло все, дождилось —

Лишь не спалъ досужій бѣсъ
 И шепталъ мнѣ мой чертенокъ,
 Кучу разныхъ побасенокъ.
 Безошвязный говоришь :
 „Вошь однажды, что случилось :
 Покашилась, покашилась,
 Слышу : ѣдешь и гремишь
 По дорогѣ вязкой, тряской,
 Стихотворная коляска :
 Всякій колышекъ звенишь.
 Мыслей связками набитый,
 Эпиграммами обшитый,
 Безпокойный экипажъ
 Видно дѣланъ на шабашъ.
 Русская видна работа :
 Все непрочно, все дрожишь,
 Мишура и позолопа
 На минуточку лишь гористишь.
 И на дверцахъ гербъ кудрявой
 Незавидной красоты:
 Смѣсь ума и оспроты,
 Темноты и песпроты.
 Но сказать ли вамъ? За славой
 Ёдешь тряскій экипажъ!
 Лошади — такая блажь :
 Всѣхъ и передомъ и задомъ
 Бьютъ, лягаютъ, хошь парадомъ
 Обучались ходишь —
 Но привычекъ не забышь ! —
 „Кто, скажи, голубчикъ, ѣдешь?“
 Я у кучера спросилъ. —
 „Ошроша!“ — онъ говорилъ.
 — „Недалеко же увидишь,

Недалеко, мой родной,
 Его Ясность, баринъ швой.
 Знать не знаешь онъ, конечно,
 Да и ты, мой другъ сердечной
 Видно ѣдешь не привыкъ.
 Здѣсь дороги топки, шряски,
 Товушь многія коляски,
 Можно прикусить языкъ.
 Какъ придется подыматься
 Тамъ на горкъ-на горъ,
 (Высока она добръ
 И Парнасъ изволишь званьясь):
 То колясочкѣ швоей
 У подошвы дожидаться
 Съ кучей мыслей и зашѣй.
 Ваша бричка не тепленька —
 А погода холодненька!
 Правда: можетъ баринъ швой
 Съ теплошой и простошой,
 Неподдѣльной красошой,
 Ёздитъ на крушую гору
 Ночью, днемъ, во всяку пору,
 Хошь в лѣтомъ, хошь зимой,
 Но безъ этого всѣ спицы
 Вылешають изъ колесницы.
 Не сердись, соколикъ мой!
 Но послушайся разочекъ:
 Погоди, пока денёчекъ
 Разсвѣнешь; теперь шемно
 Побожусь: немудрено
 Съ языкомъ на вѣкъ проспиться.
 Коли нада торопиться —
 Засвѣши хошь фанари.“ —

— „Простофиля! ты не ври.
 Не съ швое мы оба знаемъ:
 Я и свѣшлый баринъ мой
 И не въ первый разъ взъѣзжаемъ
 На гору, *Парнасъ крутой*.
 Неучи-ка: мы сдумѣемъ
 Переѣхать какъ нибудь,
 И навѣрное поспѣемъ
 На ночлегъ ошдохнуть
 На сголовѣ, на пуховомъ,
 Въ колпакъ съ вѣнкомъ лавровымъ
 Мы надѣмся заснушь
 У голубушки, у Славы.“
 Такъ сказавъ, спалъ кучеръ бравый
 Возжи шелковыя брань,
 Рукавицы оправлять.
 „Погоди хопя немножко!“
 Съ лаской я ему сказалъ.
 Но вошь вижу: изъ окошка
 Баринъ съ сердцемъ закричалъ:
 „Посмотри, какая крошка:
 Ошь земли сго не знашь!
 А изволишь поученья,
 Наставленья всѣмъ чышашъ!
 Какъ я выду изъ шерпѣнья,
 То велю накосшыляшь
 Спину и порядкомъ шею
 Грубіяну, рощозѣю.
 Прикажу своимъ людямъ,
 Чшобъ огрѣли по ушамъ.“
 — „Ваша Ясность! я, ей Богу,
 Самъ не знаю про дорогу —
 А слыхалъ ошь шариковъ:

Пушь не очень-шо здоровъ.
 Въ старину не меньше знали,
 А часехонько пѣвали
 (Я запомню пару словъ)
 „Парнась гора высокая,
 „Дорога къ ней негладкая!“
 — „Охъ ужъ эти шарички!
 То-шо были проспячки! .
 Обо всемъ они старались:
 Объ карешахъ, сундукахъ,
 Объ дорогѣ, лошадахъ,
 И прусцею все паскались
 За семь верстъ и до Руки;
 Не набивши погребки,
 Безъ запасу не пускались.
 Съ ними былъ въ дорогѣ Врачъ:
 Размышленье и Терпенье —
 А у насъ одно умѣнье:
 Ёдемъ хошь на часъ — да вскачь.“
 — „Ясный! долго ли упаришь
 Такъ лошадушекъ швоихъ;
 Больно мнѣ, смощря на нихъ...“
 — „Мнѣ ль съ шобою шарабарить,
 Деревенскій краснобай!
 Кучерь! прыщче погонай!....

А. С.

VII.
**СОВРЕМЕННАЯ РУССКАЯ
 БИБЛИОГРАФІЯ.**

Журналы и Вѣдомости.

1827.

Въ Санктпетербургѣ.

(Продолженіе.)

Дѣтскій Музеумъ или Собраніе изображеній и описаній предметовъ Естественной Исторіи, при особенныхъ къ понятіямъ дѣтей на Французскомъ Нѣмецкомъ Россійскомъ языкахъ. С. П. б. 1827 въ тип. Ив. Глазунова въ 4 д. л.

Считаемъ обязанностію вновь обратить вниманіе публики отечественной на сіе общепольное изданіе, кошорое, подъ скромнымъ заглавіемъ дѣтской книги, заключаетъ въ себѣ изображенія и описанія предметовъ Естественной Исторіи, достойныя вниманія и взрослыхъ любителей сей Науки. Теперь начинается двадцать первый томъ сего изданія, начашаго съ 1815 года. Преніе 20 томовъ заключаютъ въ себѣ 118 книжекъ. Въ наступающемъ году выйдутъ книжки съ 119-й по 130-ю. Цѣна годовому изданію (12 кн.) 25 р., съ пересылкою 30 р. Пренія 20 часпей продаются за 200 р. Подписка принимается въ книжныхъ лавкахъ Г. Глазунова.

Къ выходящимъ на нынѣшній годъ Альманахамъ должно еще причислить:

8. *Календарь Музъ.*

(См. NN^o 13 и 14 Сѣв. Пчелы).

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА.

1827. № III.

I.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

КАРТИНЫ.

(Окончаніе).

Эдуардъ спалъ дѣлать пригоповленія къ шой пирушкѣ, о кошорой условился съ Эйленбекомъ. Недавно еще приближеніе эптого вечера казалось ему шягоспнымъ, и онъ желалъ скорѣе ошдѣлаться; но шеперь шаково было расположеніе духа его, что онъ съ удовольствіемъ ожидалъ шумныхъ часовъ, въ кошорые, казалось ему, должно будешъ распрощанься навсегда съ веселосшію. Вечеромъ явился шарикъ со слугою, и оба сгрузили съ себя двѣ корзинки съ виномъ. „Что эпто?“ спросилъ Эдуардъ: „развѣ не взялся я угощашъ васъ?“ — „Ты самъ по себя,“ сказалъ шарикъ: „а я принесъ еще нѣсколько бушылокъ въ запасъ, пошому, что ны не совсѣмъ разумѣешь эпто дѣло; мнѣ же хочешся сегодня какъ можно поразгулянься.“

„Хотѣшь бышь веселымъ“ — разсуждалъ Эдуардъ: „эшо намѣреніе опзывается чѣмъ-шо печальнымъ; однако на эшопъ разъ и я его принялъ, вопреки себѣ и судьбѣ своей.“

„Вошь славно! и у тебя ешь судьба!“ — сказала Эйленбекъ смѣючись: „Пусть шакъ! но что она шакое, когда мы сами въ соспоянїи управляшь ею? Нужно умѣнь лишь въ свѣпъ, мой любезный, пользовашь ся обшояшельствами, самому выискиваш ихъ. Вошь, на примѣръ, я: у нашего добраго Принца защибъ себѣ порядочныя денекки, и если буду умень, заживу какъ нельзя лучше, пошому, что онъ славно мнѣ покровишельствуетъ, купишь у меня еще кое-что и будетъ давашь заняшіе собшвенной моей кисти. Онъ изволилъ говоришь, что я здѣсь въ городѣ не на своемъ мѣстѣ; что не довольно меня знаютъ, и недоспаеш мнѣ поощренїя. Можешъ бышь, возьмешъ онъ меня съ собою и образуешъ изъ меня испиннаго арписша; въ доброй воли нѣшь у него недоспашка, а мой умъ, шаланшы мои послужашъ къ тому, чтобы его понимашъ и давашь пицу его совѣшамъ.“

— „Ты величайшїй плушь!“ — сказала Эдуардъ: „смѣшно, право, какъ выгодно умѣль шы сбывъ съ рукъ своего Юлія Ро

мано; однако я не желалъ бы бытъ на пво-
емъ мѣспѣ.“

Спарикъ, выпрямась передъ нимъ, по-
смотрѣвъ ему приспѣльно въ глаза и ска-
залъ: „а почему жь бы не шакъ, мой ми-
лый? Если бь достало у тебя на шо умвня!
Всякой рисуешь и мажешь съ плеча, спа-
раясь выдашь себя лучшимъ, нежели каковъ
есть, и желая прослышь оригинальнымъ,
между пѣмъ, какъ большая часпъ остающ-
ся все шолько размалеванными копїями съ
копїй. Если бь ты слышалъ, какъ покрови-
тель мой разбиралъ по мелочамъ всю кар-
тину, было бы чему тебѣ поучиться! Те-
перь шолько я постигаю, всѣ шонкосши,
всѣ намѣренїя Юлія Романо; ты не повѣ-
ришь, какъ много не досмотрѣно, какъ мало
знакомъ я былъ съ его образцовою кистью.
Въ самомъ дѣлѣ, истинное наслажденїе вни-
кашь до малѣйшихъ подробностей въ шако-
го аршиспа, и когда поймешь его совер-
шенно во всѣхъ часпяхъ, шо вдругъ объем-
лешь какое-шо благошворное чувшво, какъ
будшо самъ имѣлъ нѣкоторое участїе въ
его превосходствахъ; да и шочно, пости-
гаешь искусшвенное произведенїе вполне,
значить нѣкоторыми образомъ шворишь
его. Какъ благодарень я своему Свѣплѣй-
шему покровителю, что, кромѣ денегъ, снаб-

диль онъ мени эпою полношою чувствъ испиннаго Художника.“

„Если бь я не видалъ, какъ рисовалась картина,“ вскричалъ Эдуардъ улыбаясь, „шо, пожалуй, увѣрилъ бы онъ меня, что она шочно работы Юлія Романо.

— „Что шы видѣль? опвѣчалъ шарикъ въ запальчивости: „разумѣешь ли шы магію Искусства и пѣхъ невидимыхъ духовъ, копорые посредствомъ красокъ и рисунка выводятся на свѣтъ и воплощаются? Вошь здѣсь-шо и шайны для просполудина. Неужели шы думаешь, что рисують для шото шолько, чтообъ рисовать, и что когда ешь палибра, кисть и благое намѣреніе, шакъ эпого и довольно? Нѣшь, голубчикъ, шущь надобно множешво чудесныхъ сопркосновеній, звѣднаго наипія и благоволенія многоразличныхъ духовъ: иначе не произведешь ничего порядочнаго! Въ обширномъ надземномъ пространствѣ, въ пустошѣ, въ шуманѣ, носящая и кружащая всѣ пѣ изображенія, копорыя когда-шо сущесшествовали и зашерыны. Надобно, чтообъ нашелся понашпливый человекъ, копорый бы доставиль имъ случай низойши долу, и снова осущесшвиться. О, мнѣ много шруда спонло поймань эпошъ вымыселъ превосходнаго Римскаго Живописца. Тушь надобно побольше

умвннн, нежелн, бывало шебъ въ реблчесствъ подманнвашъ голубей опъ сосъдей. Если шы думаешъ, чшо кшо лнбо, рисуя нзъ Священнон Испорн, не долженъ усшремншься на свой предметъ со всевозможнымъ благоговнннмъ, шакъ шы очень заблуждаешъся; н вошь, молодой нашъ прншель Дншрнхъ поспараешся вывесшн шебя нзъ эшого заблужденнн.“

Дншрнхъ, слыша прн входъ шолько послдннюю рвчъ, пусллся въ просшранныя о шомъ сужденнн, а между швмъ Эйленбекъ велълъ накрывашъ на споль н началъ усшанавлнвашъ внна. Пошомъ обрашнлся онъ къ Эдуарду съ вопросомъ: „чшо же шы думаешъ предпрнннать въ будущемъ?“

— „На первый разъ не много,“ ошввчаль шомъ: „хочу прошверднть, чшо было нвкогда выучено н уже забышо, займусь въ особенностн Испорнню н новыми языками. Въ нздержкахъ поспараюсь ограннчншь себя, сколько возможно, ошдамъ въ наемъ весь домъ свой, кромъ эшой залы н еще двухъ комнашъ. Такимъ образомъ надъюсь пробншься нвсколько лвшъ, н успъю прнгошовншь себя къ занншню какогю ннбудъ мвшн.“

„Такъ здъсь-шо будешъ ученый швой кабннешъ?“ сказаль Эйленбекъ, покачнвая голо-

вою. „Признаюсь, такой безпорядокъ не нравился мнѣ; и спѣны-шо здѣсь не шаковы, чшобъ возможно было хорошо въ нихъ учинься: нѣшь наспоящаго опшголоска; даже комнаша совсѣмъ не квадрашная, мысли швокъ будутъ сильно опшкакивать и пушашься, и если шы задумаешь что нибудь мудреное, шо все собьешся у шебя въ кучу. Чудакъ былъ покойный швой башюшка! По какому своеправію испоршилъ онъ въ послѣдніе свои годы эшу прекрасную залу? Прежде, крокъ оконъ на улицу, были еще вошь здѣсь, съ превосходнѣйшимъ видомъ на садъ и паркъ, на холмы и опдаленныя горы. Онъ не шолько загородилъ эшошь видъ, но и задѣлалъ окна опсюда изнутри досками и обоями, а чаю, на полшора аршина: эшимъ совсѣмъ испоршился размѣръ комнашы. На швоемъ мѣсшѣ я сломалъ бы эшу загородку, а коли ужъ должно обойшисъ безъ какихъ нибудь оконъ, скорѣе задѣлалъ бы вошь эши — на улицу.“

— „Тушь совсѣмъ не было своеправія,“ сказалъ Эдуардъ: „а сѣверный въшеръ ходилъ комнашу, въ кошорой опецъ мой любилъ сидѣшь. Прекраснымъ же видомъ въ эшу спорону могъ онъ наслаждашься изъ другихъ комнашъ.“

„Если бь шарикъ Вальперъ былъ умень,“ продолжалъ Эйленбекъ: „по все успроилось бы, какъ нельзя лучше. Пускай опдалъ бы онъ шебь дочь свою; вьдъ ей не вькъ оспавашься вь дьвкахъ! Тогда бы шы зажилъ!“

— „Молчи!“ вскричалъ Эдуардъ съ жаромъ: „дай мнѣ хошь сегодня забышь шо, чего я надьвался, и о чемъ мечшалъ. Съ шьхъ поръ, какъ почувспвовалъ я, къ своему ужасу, что люблю ее, не хочешся мнѣ и вспоминашь о ней. Горько и подумашь, какъ я гаупо, какъ непроспипельно посшупилъ съ опцемъ ея. Пущь хошь сегодня я забудусь и ничшо не напоминаешъ мнѣ ея спраннаго со мною обращенія. Ахъ, какого счашія лишилъ я самъ себя! Вошь наказаніе моего легкомыслія! Но какъ я буду безъ нее жишь, эшому должно еще научишь меня время.“

Между шьмъ вошелъ молодой человекъ, бывшій вь должноти Эдуардова библиошекаря. „Вошь кашалогъ, о которомъ вы приказывали“ — сказалъ онъ, подавая ньсколька лисшковъ присшженному юношъ. — „Какъ?“ вскричалъ сей, „до шеспи сошь книгъ, не болъе, оспалось изъ всего прекраснаго собранія? И шупъ все шолько самыя обыкновенныя?“ Библиошекаръ пожималъ плечами. „Вы съ самага начала хошьли,“ опвъ.

чалъ онъ: „чтобъ я получалъ свое жалованье книгами; почему я и долженъ былъ продавашь шакія, на кошорыя находилось больше покушциковъ; я же не великой знашокъ рѣдкосшей, и, можешь бышь, не умѣлъ ихъ цѣнить хорошенько; да къ тому же книги, особливо рѣдкія, въ разное время имѣюшь разную цѣну, а если продавецъ въ нуждѣ, шо долженъ брашь, чтобъ ему ни давали.“

„Такъ было бы лучше,“ сказалъ Эдуардъ съ выраженіемъ смѣха и горести: „совсѣмъ не имѣшь библіотекаря, или продашь всѣ книги въ самомъ началѣ: тогда получилъ бы я за нихъ деньги, или у меня уцѣлѣло бы собраніе книгъ. И какое собраніе! Какъ любилъ его покойный мой отецъ! Сколько радости было, когда онъ доспалъ первыя изданія Пешпарки, Данша и Бокаччіо! Могъ ли я позабышь, что въ большой части книгъ были замѣтки собственноручки его! Ахъ, какъ дорожилъ бы я ими теперь! Впрочемъ, пошерявъ библіотеку, я долженъ, какъ уже вамъ объявилъ, распрощашься и съ библіотекаремъ. Однако сегодня еще мы попируемъ вмѣстѣ.“

Тутъ вошелъ человекъ, кошорый нерѣдко принималъ участіе въ ихъ веселыхъ сборищахъ, и кошорый прослылъ между ни-

ми піеписпомъ. Такъ называли его пошому, чшо никогда не раздвляль онъ шушокъ и забавъ своихъ шоварищей, а всегда брюзжалъ себѣ подѣ носъ, и убирая блюдо за блюдомъ, спаканъ за спаканомъ, не переспаваль чшашь имъ спрогую мораль. „Еще бы скорѣ пришелъ крокодилъ,“ вскричалъ Эйленбекъ: „шакъ мы и всѣ.“ Онъ говорилъ о маленькомъ гипохондрическомъ Бухгалшерѣ, кошорый, не смопря не морщины и блѣднотш, былъ одинъ изъ опшважнѣйшихъ бражниковъ. Такое спранное имя дали ему по шой причинѣ, чшо онъ, при малѣйшемъ хмѣлѣ, начиналь плакать, и чѣмъ долѣе пилъ, шѣмъ изобильнѣе текли его слезы. Дверь опшворилась, и вошедшее плаксивое лице дополнило собою вто рѣдкое сходбище.

Сшоль былъ уже весь успавленъ паспешами съ прюфелями, усприцами и другими лакомыми блюдами. Госши усѣлись и Эйленбекъ, кошпорого багровое лице, между свѣчами, давало опъ себя опблескъ, началъ шоржеспвенно слѣдующую рѣчь; „Любезнѣйшіе друзья! Если бѣ кшо либо изъ непосвященныхъ въ бесѣду нашу, явился вдругъ въ опшой залѣ и ему предспавился бы кругъ нашъ, собравшійся какъ бы на пиръ, онъ могъ бы шочно обманушься, и не имѣя ни съ кѣмъ изъ насъ близкаго знакомшва, по-

думалъ бы, можешь бышь, что здѣсь зашваешься бражничанье и гульба, приличныя только грубой толпѣ. Даже одинъ молодой Художникъ, по имени Диприхъ, въ первый разъ сидящій за эшимъ сподомъ, съ удивленіемъ озирается уже вкругъ себя и видя множество блюдъ и бушмаковъ, смотря на сіи пашепы и усприцы и на все приготовленіе къ шоржеству, манишь себя къ излишнимъ чувственнымъ наслажденіямъ; но какъ изумишься и онъ, когда узнаешь, что давалъ совсѣмъ превращенный шокъ нашему собранію. Государи мои, прошу васъ усрешить вниманіе на слова мои и не такъ легко пропускашь ихъ мимо ушей. Когда народы шоржествуютъ при рожденіи Принца, когда, въ Аравіи, цѣлыя племена празднуютъ при появленіи между ними Поэша, когда избраніе Лорда Мера почтено бываетъ пирушкою, когда и часъ рожденія лошади отличной породы бываетъ, по справедливости, ознаменованъ чѣмъ либо шоржественнымъ: то не должны ли мы шѣмъ болѣе, въ умиленіи сердець, чекнутся радостно спаканами, когда сама добродѣтель удостаиваетъ низойши въ кругъ нашъ, пріявъ шѣлесное облаченіе? Да, друзья моя, съ сердечнымъ умиленіемъ произношу предъ вами: нѣкто юный, вступающій на поприще да-

бродѣтели, находишся между нами; сего же вечера, онъ, какъ мошылекъ, пробьешся изъ кукулы и успрямишь полещь свой на новую жизнь. Кшо сей? спросише вы. Ошвѣщсшвую: нашъ благородный хозяинъ, кошорый шакъ часто угощаль насъ пирами, шакъ часшо наподняль наши рюмки. Но пламенное спремленіе, шопъ порывъ вдохновенія, о кошоромъ пѣвали древніе, испоргаешъ его изъ среды нашей въ лучезарную высь, а мы, изъ-и сего спола, изъ-за бушылокъ и рюмокъ, его земныхъ оспанковъ, взираемъ по слѣдамъ его съ изумленіемъ, съ головокруженіемъ, въ невѣдѣніи, въ какихъ горнихъ предѣлахъ ошановишь онъ полещь свой. — Всѣ мы способны къ шакому вдохновенію, почему и сидимъ шеперь здѣсь, за споломъ, какъ на распушіи, ошъ кошораго разбѣгающа врознь многоразличные пуши по разнымъ прошивоположеннымъ направленіямъ. На шакыхъ главныхъ спанціяхъ, обыкновенно означаются на пирамидальномъ сполбѣ разстояніа городовъ на всѣ чешыре стороны свѣша. Почши шо же являешся намъ и здѣсь. Эши усприцы ведутъ, при вѣдѣ неумѣренной, къ болѣзни, эшо Бургонское — черезъ нѣсколько спанцій къ красному носу, эши шрѣтели — въ водяной, желудочнымъ судорогамъ и другимъ немощамъ. Но нашъ

Эдуардъ, все то пренебрегая, идетъ прямымъ путемъ къ добродѣтели. Мы же, не спрашающіеся ни распаленныхъ лицъ, ни многошлеса, ни чахошки, пойдемъ своею дорогою. Однако и я скоро оставлю васъ, други; одна благородная особа, которой не смѣю шеперь назвашъ вамъ, одушевишь художественный мой геній до необыкновеннаго шворчества, ошопрешъ мнѣ дверь въ ошдаленные края идеальныхъ красощъ, сдѣлаешъ всего меня духомъ. Нашъ кропкій, смѣшливый Диприхъ, съ копорымъ мы только еще знакомимся, будешъ бодро проходишь на поприщѣ Искусшвъ и украшашъ опечешвенные алшари. Чшо сказаешъ о шебѣ, библиошекаръ, о шебѣ, стоящемъ передъ пустыми шкапами, и не только прочишавшемъ всю книжную мудрощъ, но даже прогаошвившемъ ее? О шы, книгопочивый червь, послѣдоваешъ секшы Омара, испребишешъ бышпописаній, шы, копорый возмогъ новое Александрійское книгохранилище опущошшишь новымъ замысловашымъ изобрѣшеніемъ, шо ешъ, извлекая изъ швореній геніевъ свое, не духовное, а дѣшшвишельное сущешшвованіе! Книгопродавцамъ Римскаго Государшва надлежало бы посылаешъ шебя на свой кошпъ для унищоженія повсюду, швоею разрушительною смѣ-

люю, старыхъ книгъ, для произведенія по-
 требности въ новыхъ. О ты, приспыхаю-
 щій Сашурна, который испреблялъ только
 собственныя свои порожденія: куда дѣвались
 они, свои подвласныя, свои усыновлен-
 ныя дѣти, которыя съ золотыми корешка-
 ми и обрѣзомъ, шакъ весело тебѣ улыбаются?
 Ты обрапилъ ихъ въ серебро, и какъ же по-
 слѣ того не назвашъ себя сребролюбцемъ?
 — Прощай и ты, піеписпъ, честнѣйшій
 между смертными, признанный врагъ вся-
 каго вымысла и Поэзіи! Подай и ты мнѣ
 руку на прощанье, бѣдный крокодилъ, уже
 ушопавшій въ слезахъ. Каково-шо будетъ
 тебѣ опиннѣ выпшъ и ревшъ въ духошѣ
 шаверны? Въ лучшей жизни, въ лучшемъ
 свѣшѣ, всѣ мы увидимся!“

Задумчивый Эдуардъ и еще чуждый об-
 ществу Диприхъ, а также и Піеписпъ съ
 Библіопекаремъ, сидѣли молча и недвижимо,
 почему въ продолженіе рѣчи и послѣ нея
 царшвовала въ залѣ какая-шо торжествен-
 ность, которая увеличивалась еще болѣе
 всхлипываніемъ и спонами Бухгалпера, уже
 опорожнившаго нѣсколько рюмокъ.

„Сегодня шакой вечеръ,“ продолжалъ
 Эйленбекъ: „что не спыдно провесши его
 иначе, нежели всѣ другіе, и въ дружеской
 бесѣдѣ захвашшъ часшцу ночи. Какъ бы

хорошо было, другъ мой Эдуардъ, если бѣ звѣзда своего счастья снова просіяла сегодня—если бѣ вдругъ, откуда ни возьмись, явилось новое имѣніе для стараго расшочителя! Рассказываюшь много чудесъ о юношахъ, обѣдѣвшихъ и приведенныхъ въ опчаяніе: одному вздумалось въ родишельскомъ домѣ повѣситься, и вошь, лишь только уцѣпилась онъ за панель, какъ она опскакиваетъ и сыплеть на полъ множество золотыхъ монетъ, запряпанныхъ въ карнизъ попечительнымъ родишелемъ. Но могъ ли отецъ предузнать, что сынокъ его будетъ имѣть смертельную охоту повѣситься? Могъ ли онъ расчислять, что шѣло опчаяннаго будетъ еще довольно шяжеловѣсно, чтобы увлечь за собою панель и вмѣстѣ съ зашворницами - монетами? Не могло ли блудному сыну прійти прежде въ голову приколотить на шомъ самомъ мѣстѣ лампу или что нибудь подобное? Словомъ, тысячекратно основательныхъ доводовъ можешь благоразумная кришика опровергнуть эту выдуманную сказку.“

— „Напрасно прибѣгаешь ты къ подобнымъ упрекамъ,“ сказала Эдуардъ съ огорченіемъ: „совѣшь моя и безъ того не даетъ мнѣ покою за мое легкомысліе и гауптрасшочительность. Если бѣ спросиши и

были шакъ необузданны, что презрѣніе разсудка сосставляешь главное свойство ихъ, но мало бы оставалось шруда для нравоучишелей. Очень поняшно, почему бѣдные люди върашъ, что въ нихъ вселяюшя злые духи. Какъ же иначе объяснишь то, когда слѣдуешь дурному, не будучи слѣпъ для хорошаго; когда мы даже, среди величайшаго безпущства, имѣемъ болѣе влеченія къ добру, нежели къ злу, и при всемъ томъ, вопреки самимъ себѣ, вопреки совѣспи, кошорая мучишь насъ прежде начашаго дѣла, заглашая въ себѣ голосъ разсудка, пускаемъ во вся щѣжка? Должна бышь глубоко вкоренившаяся испорченность въ человѣческой натурѣ, кошорой никакимъ прививкомъ добродѣтели нельзя вполне обратишь къ побужденіямъ благороднымъ.“

„Такъ, шакъ,“ сказалъ піешишь, „человѣкъ самъ по себѣ никуда не годишь; онъ не удался при самомъ созданіи. Можно его шолько починавать; а все таки не скрощь лохмощевъ, какъ на шаромъ дырявомъ сукнѣ.“

„Да, да,“ примолвилъ со вздохомъ Крокодилъ: „къ сожалѣнію, шочная правда.“ Слезы лились ручьемъ изъ помущившихся ошь вина глазъ его.

„Когда ты въ первый разъ привелъ меня въ пракширь“ продолжалъ Эдуардъ, обращаясь къ шарому Живописцу: „мнѣ было весело видѣть себя въ кругу эшихъ грубыхъ и дикихъ людей. Очень присыдмилъ меня шолько пракширщикъ, встрѣтивъ съ шакою почтительностью, какъ бы съ Олимпавившееся божество. Такой чести никогда не было оказано его дому. Но скоро привыкли къ присутствію шакой важной особы, какъ былъ я, а меня ужъ все маняло, прошивъ воли, въ духошу закопшѣлой горницы, въ крикливое и смущливое сборище. И эша волшебная приманка не исчезла даже тогда, какъ лице хозяина и его людей стали встрѣчать меня холодно и съ досадою, какъ уже не обращали вниманія на слова мои и не столь важные гости угощались приспойнѣ; все эшо пошому, что я по своей безпечности, много задолжалъ и об эшомъ долгѣ принуждены были докучливо напоминать мнѣ. Еще хуже обращались съ однимъ бѣднякомъ, ежедневнымъ гостемъ: и него почти не смотрѣли, часто подавали ему, вмѣсто вина, испорченного уксусу, онъ не смѣлъ жаловаться; на него мѣшали всѣ оспрошы пракширной челяди; онъ стался предметомъ посмѣянія и соспраданіи посшороннихъ, какъ и собшвеннаго робка

чувства самосознанія. И сколь ни худо поспунали съ нимъ, все еще онъ долженъ былъ плашншь дороже другихъ, между шмъ какъ дома, покинувъ свое ремесло, оспавлялъ шомящихся голодомъ жену и дѣшей. Въ эномъ зеркалѣ увидѣлъ я наконецъ собшвенную свою учась; когда же къ шому случилось зайши къ намъ одному чесшному ремесленнику хорошаго поведенія и всѣ приняли эшо рѣдкое явленіе съ ошличнымъ, прнмѣшно искреннимъ уваженіемъ, — шушь пробуднлась я изъ безчувшвеннаго сна своего, заплашлъ накопнвшійся ошъ безпечношн долгъ, и спарался спашн и шого жалкаго бѣдняка, чшобъ онъ не совсѣмъ погрнзъ въ эномъ вершепѣ. Таково-шо бываешъ всегда, чшо даже шѣ, кошорые набогашающся ошъ легкомысленныхъ негодаевъ, презнрающъ ихъ, а людямъ досшойнымъ, кошорые ошъ нихъ удаляющся, не могушъ ошказывашъ въ почшеніи. Такъ и я распочалъ время свое и жнвнне, чшобы купншь себѣ презрѣнне свѣща.“

— „И, полно, мой сынокъ!“ вскрнчала Эйденбекъ: „шы вѣдь и помогалъ много бѣдншмъ.“

„Помолчншь о шомъ, пожалуйста,“ ошвѣчалъ Эдуардъ съ досадою: „и эшо дѣлашь я безъ шолку, какъ безъ шолку трашнлась,

безъ толку путешествовать, играть и пить вино, не умѣя никогда приготовить веселаго часика ни себѣ, ни другимъ.“

— „Правда, что это худо,“ сказалъ старикъ: „а что касается до вина, даже грѣхъ. Но будиже же повеселѣте, господа, и пейше, чшобъ нашъ хозяинъ хоть немного поразвеселился.“

Напрасно было шакое увѣщаніе, пошому, что госши презрѣдно попивали и безъ шого. Даже молодой Диприхъ не опшавалъ отъ другихъ, а самъ Эйленбекъ безпрешанно разшанавливалъ бшпылки, расчишывая, какъ вина должны слѣдовать одно за другимъ. „Сегодня,“ кричалъ онъ: „сегодня должна бышь взяша эша башарей, и не будешъ пошады побѣжденнымъ! Посмоприше на мое войсшвенное лице, вы, молодые герои; видите ли шбо кровавое знамя, грозно вывѣшенное, въ знакъ шого, чшо не будешъ пошады? Ничего въ свѣтѣ неразумѣюшъ шакъ мало, друзви мои, какъ, по видимому, самаго просшаго дѣла, слывушгаго у людей пиштемъ! Эшошъ даръ шакже мало почшенъ и уваженъ, какъ и вино! Еслибъ мнѣ захошлось сдѣлаться полезнымъ свѣшу, я выхлопоталъ бы у какого нибудь просвѣщеннаго Правительсшва, чшобъ учреждена была особая кафедра, съ которой спалъ бы я вра-

зумляшь невѣжествующихъ людей о превосходныхъ качествахъ винъ. Кшо пьешь неохотно? Изъ милліона людей едвали нѣсколько достойныхъ всякаго сожалѣнія. Но не жалость ли смощрѣшь и на этихъ пьющихъ, которые принимаются за свое дѣло, безъ всякихъ примѣненій, безъ спилля, свѣта и пѣней, шакъ, чшо почти нѣтъ и езда какой нибудь школы; много, когда найдешь колоритъ, и шопъ, высококомбръные, выславляющъ на показъ свѣшу, безъ всякаго зазрвнїя.“

— „А какъ же должно было бы начать?“ спросилъ Дитрихъ.

„Въ основаніи должно бышь,“ отвѣчалъ ешарикъ: „какъ и во всѣхъ искусствахъ; совершенное смиреніе и увѣренность, чшо учаешься не пустому. Опшюдь никакой преждевременной кришики, никакого пробованья, нюханья! Благородное самоопроверженіе и преданность на волю мастера должно бышь началомъ. Придетъ время, когда ученикъ самъ начнетъ мало по малу дѣлать различіе, а если вино возбудитъ въ немъ охоту къ наукѣ, шо духъ его образуется прилежаніемъ, возродитъ энтузіазмъ и приведетъ къ понимавости. Только главнѣйше, опшюдь не оставляшь упражненія, не пускаешься въ пустую мечтательность, по-

тому, что только дѣлами познаешь нас-
шерь! “

— „О, какъ справедливо!“ воскликнулъ
со спомомъ Бухгалшеръ, давая свободу сле-
замъ своимъ.

„Если бѣ пишьє,“ продолжалъ Эйлен-
бекъ: „не было искусство или наука, но на
всей поверхности земли существовалъ бы
одинъ напишокъ и, вѣроятно, вода стала бы
играшь эту печальную ролю. Но сколь,
подъ разнообразною плевою гроздія, являе-
ся въ немъ разнообразіи духъ природы, игра-
вый, зашѣйливый! Сколь чудно выжимается
онъ, процѣживается и просвѣщается, что-
бы помочь, магическимъ путемъ языка,
проскользнуть въ нашу внутренность и
пробудить шамъ, въ зашпарѣломъ хаосѣ, всѣ
блистательныя силы ошъ дремошы и ус-
пленія! — Смотрише, вошь идешъ пьяни-
ца! Такъ и въ старину, друзья мои, руга-
лись и насмѣхались шѣ, кошорые не были
посвящены въ Элевзинскія таинства. Но
знаюшь ли, невѣжды, какое море наслажде-
ній вливается въ насъ съ этою золотистою
или пурпуровою влагою? Понимаюшь ли,
ошъ чего, при занимающейся зарѣ, издаешъ
звукъ старая Мемнонова спашуя, кошорая
спояда дошоль безмолвно среди шемной но-
чи? Радосный крикъ: весна! весна возвра-

шлась! спремись, живительный, по кровнымъ и мозговымъ сосудамъ. Тогда-то всѣ маленькіе духи чувствуютъ приливъ сладкой струи и выползають, веселенькіе, изъ шемныхъ своихъ закоулковъ; они выставляють шокіе, кристалловые свои члены и кидаются въ винную влагу; шумъ пискъ и визгъ, плесканье, игранье, и опять выдархивають, опряхають свои песпрыя, феирныя крылышки, шакъ что свѣшмаи каплямъ звонко падають съ перышковъ. И они разгуливають и вспрѣчаються, и вбирають въ себя поцѣваемъ успѣ веселую жизнь одинъ ошъ другаго. Все гуще, все свѣшлѣе шановишся шолпа, и все благозвучиѣе лепешъ ея: шумъ выводяшъ они увѣчаннаго и шоржешшвуюющаго генія, кошорый мушными глазами едва можешъ выглядывашъ изъ-за цѣшочныхъ плешней. И вошъ, когда чловѣкъ чувшшвуетъ безпредѣльность, безсмершіе; онъ видишъ и чувшшвуетъ въ себѣ миллионы духовъ, и забавляешся ихъ играми. Сшобишъ ли послѣ шого говоришъ о шѣхъ, просшолюдныхъ душахъ, кошорыя кричашъ кому либо въ слѣдъ: посмошрише, какъ онъ пьашъ! Какъ ты объ вшомъ думаешъ, честной Крокодилъ? "

Блѣдный плакса подалъ ему руку и сказаъ: „ахъ, мой миленькій, люди спра-

ведливъ, и шмъ справедливъ и цѣлымъ свѣтъ справедливъ. Все, что шмъ наговорилъ, превышеешь мои понятія, но я глубоко проношу и счастливъ. Когда люди идутъ въ комедію, чтобы за свои деньги плакать, мнѣ кажется это сумасбродствомъ, предоснавляю, кому угодно, возвышаешь духъ свой и проливаешь слезы, любяшь высокими чувствами и дѣлами, — я въ этомъ совсѣмъ не знаю толку; но когда хорошенькое видо въ меня вошелься, оно имѣешь чудесное дѣйствіе: все, все, что бы ни говорили, съ чувствомъ ли или со смѣхомъ, все приводишь меня въ сладостное умиленіе. Вошь носмотришь, сердце мое шаешь ошь восшорга, я могу всякаго, хотя бь шо былъ и вашь хромой пудель, ежашъ нѣжно въ своихъ объятіяхъ. Худо, что глаза мои спрадаюшь, и поэтому докторъ хотѣлъ запрешшь мнѣ пишъ. Но эта мысль для меня шрогашельнѣе всего въ свѣтъ; я плакалъ по цѣлымъ днямъ, почему ошь и принужденъ былъ сняшь съ меня шакое пагубное запрешеніе.“

— „Чѣмъ больше я нью,“ сказала нешпистъ: „шѣмъ больше ненавижу шо, что шмъ болшаешь, Эйленбекъ, — шѣмъ безтолковѣе все это мнѣ кажется. Ложь и обманъ! Это почити шакже глупо, какъ и пишъ зашполь-

ныя нѣсни. Тупѣе чшо слово, ино солгано. Лишь шолько человекъ вздумаешь сравнить какой нибудь предметъ съ другимъ, шо не-премѣнно солжешь. „Воспюкъ зашипся зарею!“ не гаупо ли? „Солнце купаешся въ морь!“ совершенный вздоръ! „Вино багряное играешъ.“ Эдакая неаппосшь! — „Пробуждаешся утро.“ Ушра нѣшь, слѣдшвенно какъ ему спать? Эшо просто часъ, въ кошорый восходишь солнце. Чорпъ возьми! и солнце не восходишь; вошь и въ эшомъ ужъ безшодковщина или поэзія. О если бъ я ногъ позаняшься языкомъ, ужъ посшарался бы его вычисшишь и вымесши. Въ эшомъ лживомъ свѣшъ, право, нельзя обойнися безъ шого, чшобъ не врашь.“

„Не превожьшесь шакъ, мой честный собесѣдникъ,“ сказала Эйленбекъ: „добродѣшель ваша ничѣмъ не умалишся, и если вы илече смонришете на вещи, нежели я, шо пѣете, по крайней мѣрѣ, шо же вино, и почти шакже много, какъ и я. Дѣла соеди-ляютъ насъ, хошя системы и ведушь врознь. Кшо разумешъ самого себя въ нынѣшній вѣкъ? Объ шомъ ужъ ишь и рѣчи. Мнѣ хоченся шолько замѣнишь, хошя эшо и совѣтъ не вяжешся съ предъидущимъ, чшо чрезвычайно неаппнымъ нахожу я шо, какимъ образомъ люди и врачи шолкуютъ процессъ

пишанія и шакъ называемую ассимиляцію. Дубъ дѣлается дубомъ изъ зернышка, а ошь фиги родилсья фиговое дерево, и хопя для нихъ нужны воздухъ, вода и земля, но все шакъ не собшвенно изъ сихъ спихій они произрасшашь. Такъ и въ насъ пишаніе возбуждаешъ шолько силы и расшисельность, а не производишь ихъ; оно даешъ возможность, а не вещь, и человекъ развивашься изъ самого себя, какъ расшеніе. Безшодково было бы думать, что вино само собою производишь шо дѣйшвіе, какое мы ему приписываемъ; нѣшъ, а какъ я сказаь, его вкусъ и запахъ шолько *пробуждаютъ* качешства, какія въ насъ заключающься. Пошому-шо и надобно, чшобъ были многія и различныя вина.“

— „Какое же предпочишаете вы?“ спросилъ Диприхъ: „Нѣшъ ли, можешъ бышь, и шущъ классическаго и совершеннаго, высокаго и плоскаго, манернаго и изысканнаго, запѣйливаго и новомоднаго?“

„Юноша,“ сказаь спарикъ: „эшошъ вопросъ запруднишелень; надобно, чшобъ ошвѣчать на него, предполагагашъ въ себя чрезвычайную опышность, испорическое соображеніе, безпристрасшіе и во всѣхъ ошношеніяхъ усовершеншвованный вкусъ, а на все эшо должно уношребить много дѣшъ,

поспешные пруды и неусыпное ученье, а также и средства, какими не всякий располагаться можешь. Чтонибудь энциклопедическое скажу тебе — будь доволен и живи. Почти во всяком винѣ есть чтонибудь хорошее, почти всякое заслуживаетъ бытъ знаемо. Въ нашемъ отечествѣ Неккарское служишь почти только къ утоленію жажды, но Вюрцбургское уже имѣетъ нѣчто благородное, а разные высокіе сорты Рейнвейна не могутъ бытъ характеризированы наскоро. Здѣсь спояли они предъ вами и вкушали ихъ. Чтобы достойно оцѣнить эти превосходнѣйшія вина, отъ легкаго Лаубенгеймера до крѣпкаго Ниренцшейнера, сильнаго Рюдесгеймера и глубокомысленнаго Гохгеймера, со всеми сродственными имъ сортами, на это потребно гораздо болѣе, чѣмъ языкъ какогонибудь Реди, который въ своемъ Тосканскомъ диамблѣ, не слишкомъ заманчиво о томъ расположился. Что ясно, прохладительно и живоительно нисходятъ духи сіи въ нашу внутренность. Если должно сравнивать, то скажу, что эта покойная зрѣлость отличныхъ писателей, чувство и полноша безъ напущенной выпренности или мечтательныхъ аллегорій. Что же горячее Бургонское для тебя, которое можешь выносить его! Оно нападешь насъ,

какъ внезапный воспоргъ, — крушо, кроваво, сильно пробуждаешь духовъ нашихъ. Напрошивъ пого Бордовскій гроздй весель, болшавь, но неодушевляешь. Гораздо совершениѣ, крѣпительнѣе произрасшаешь онъ въ Провансъ и поэпическомъ Лангедокъ. Слѣдуешь Испанія съ горячительнымъ Хересомъ, неподдѣльною Малагою и пламенными винами Валенціи. Тушь винная спруа, которую пропускаемъ въ горшанъ, принимаешь видъ шарообразный еще у самага поднебья, и шакъ спремишся и капнишся внизъ. При Токайскомъ и Сен-Жоржъ мы чувспвуемъ эшо явспвениѣ и наслаждительнѣе. А Капское! благороднѣйшее Капское! Одной капли довольно, чшобъ наполнишь рошъ, горшанъ и всю окружность глошки. Такія вина знашокъ долженъ опвѣдывашъ и прихлебывашъ, а не пить, какъ наши Рейпскія. Чшо же скажу объ васъ, вы, дорогія произрасшенія Ипаліи: славное Тосканское, замысловашое Монше-Фіасконе, испинно прогашельное Монше-Пульчіано? Опвѣдывайше же, друзья, и вразумляйшесь! Но тебѣ не могъ я здѣсь выснавить, шы, царь между винами, розовое Алеапико, цвѣшъ и краса всѣхъ винныхъ спиртовашостей — млеко и вино, аромашъ и бласпъ, огонь и кропоспъ вмѣспъ! Тебѣ невозможно ни пить, ни оп-

вдывашь, ни приклебывашь, а совсѣмь новый органъ даешь вкушающему — органъ, кошорый не можеть бытъ описанъ для презвыхъ и невѣжествующихъ.“ — Тутъ прервалъ онъ рѣчь свою и ошеръ въ умиленія слезы.

— „И пакъ, я не ошибаюсь,“ вскричалъ съ воспоргомъ Диприхъ: „эпо вино въ царствѣ винъ по же, чпо старый Эйкъ или Гемлигъ, а можеть бытъ и Fra Giovanni da Fiesole (братъ Иоаннъ Фьезольскій (*), между Живописцами, Такая же прелестъ въ умилительной и вмѣстѣ глубокой ихъ краскѣ, кошорая безъ тѣней выразительна, безъ близны ослѣпляеть. Какъ очаровашелень для зора эпошь пурпуръ одежды, эта легкая лазурь, шонкая, мечшательная свѣшозарность! Все сливаеця во едино и возбуждаеть пріятные отзвывы въ душѣ нашей!“

„Все, кромъ Эйленбекова носа,“ — вскричалъ совсѣмь охмѣлѣвшій Библиотекаръ: „на немъ пропалъ багрянецъ и нѣшь опшѣнковъ, кошорые бы соединяли его съ прочими часшями лица, а чпо-то фіолетовое съ шемнокраснымъ переливаеця въ немъ,

(*) Одинъ изъ знаменитыхъ возстановишелей Искусства Живописи въ Италіи. Такъ названъ по монастырю, въ кошоромъ жилъ. *Перев.*

шочно шакъ, я думаю, какъ подъ землею у свеклы, когда она въ сырости зрѣетъ и свершывается, безъ вліянія солнечныхъ лучей. Неужели вшощь нарощь принадлежатъ существу живому? или богъ вина шакъ напишалъ его? Нѣтъ, нѣтъ! Эшо скаредное влагалище, фушляръ для злобы и лжей.“

— „И какъ онъ криво и валко поставленъ на опухломъ лицѣ!“ сказала Бухгалтеръ: „Смошри, брашъ, чшобъ онъ грузомъ своимъ когда нибудь совсѣмъ не раздавилъ себя. Гдѣ взялъ шы, скажи, шакой зазорно кривый носъ?“

„Молчи, Крокодилъ!“ закричалъ Эйленбекъ, сильно ударивъ по сполу: „неужели всякая гадина будешъ по-своѣму перевершывашъ свѣшъ? У каждаго носа ешъ своя исторія. Думаешъ ли вы, глупый народъ, чшо ешъ хошъ одна малѣйшая мелочь, кошорая не входила бы, какъ звено, въ цѣпь общихъ необходимостей? Своимъ носомъ, каковъ онъ ни ешъ, обязанъ я моему цирюльнику.“

— „Спарикъ, раскаи намъ пожалуста!“ закричали молодые люди.

„Терпѣніе!“ сказалъ Живописецъ. „Физиономика всегда останешся наукой обманчивой, именно пошому, чшо мало обращаешъ вниманія на цирюльниковъ, пишешые дома, и другія историческія обшоя-

нелюбви жизни. Лице есть, безъ сомнѣнiя, выраженiе души; но чрезвычайно шершавъ оно и ошъ внѣшнихъ предметовъ. Еще шаки лобъ, но крѣпости своей, выдерживаетъ лучше всего, если кто не привыкъ рисовать на немъ всѣ малѣйшiя спрасши, огорченiя и досады. Посмотрите, какъ благородно чело нашего Эдуарда, и сколь еще прекраснѣе было бы оно, если бъ молодець побольше размышлялъ и занимался! Глаза, по своей подвижности, прыгая шуда и сюда, шоже могутъ еще сберегаться порядочно, если кто не поспарается ихъ выплакать, какъ нашъ Крокодилъ. Но ротъ — совсѣмъ ужъ другое дѣло! бошаньемъ или дурацкой улыбкой пошчасъ можно его исковеркать, какъ нашъ дорогой библиошкаръ; ивой, послѣ пишья или вды, прешъ его безъ пощады, и эшчимъ дѣлаешь совсѣмъ незамѣшнымъ, особливо же, кто изъ ложнаго смыда, безпрешанно вкусываетъ губы, какъ нашъ любезный пѣшисць, кошорый, можешъ бышъ, румянць успъ счишаетъ ложью и пушою прикрасою. Носъ же, бвдшй носъ, кошорый шакъ предъ другими чашими лица вышавляется, кошорый наше несчастное племя ошличаетъ ошъ звѣрь, соединяющихъ въ одной мордѣ и рыло и козри, и кошорый у человека, будшо

Блоксбергъ, служивъ сборщикомъ вѣдьмъ и злыхъ духовъ: впошъ носъ, не дѣлается ли онъ у большей части людей, опъ одной только сырой погоды и насморка, свискомъ, надувальнымъ мѣхомъ, волшорною? Не всякой ли, на свой манеръ, по и дѣло выпягиваешь, пляшъ его, вздергиваешь, приплюскиваешь? Не удобенъ ли онъ, по своей мягкости и пнягучести, даже на то, чнаобъ сдѣлашь изъ него слоновый хоботъ или кишку Индѣйскаго пѣшука? Все это давно я зналъ и берегъ свой носъ, однако не могъ избѣгнуть судьбы. Цирюльчикъ у меня былъ истинный, закадычный другъ мой, съ которымъ вмѣстѣ я выросъ и сошарлся. Этопъ Художникъ имѣлъ обыкновеніе, когда ему нужно было опъ одной стороны лица моего перейши къ другой, упирашь мнѣ подъ самую глошкою лезвѣ бритвы, такъ, что, опершись на нее, переходилъ онъ на другое мѣсто и шолчасъ могъ продолжашъ работу. Это показалось мнѣ опаснымъ. Сшомло ему только поскользнушься, дернушь рукой, и шогда лице мое упало бы, не бритое, къ ногамъ его. Я просилъ, нельзя ли перемѣнить обычай; онъ поразмыслилъ, и какъ истинный гений, почти безъ всякаго шруда придумалъ другую систему и новый способъ, а именно: онъ

ухватывался пальцами за мой носъ и сильно вздергивала его къверху, особливо, когда брила мнѣ верхнюю губу. Такимъ образомъ было ему и шо удобно, что могъ онъ дольше и тверже опираться, и въ шо время, какъ самое положеіе сближало насъ обоихъ, глазъ къ глазу, сердце близь сердца, бритва разгудивала по моей рожѣ плавнѣе, разсудительнѣе и надежнѣе. Надобно сказашь, что лице добраго пріятеля моего было изъ вѣхъ, какія въ прошломъ народѣ слышушь скаредными, гадкими, уродливыми; прішомъ кхль онъ привычку гримасничашь, и шакъ всегда умильно переглядывался со мною, что я невольнo долженъ былъ опивѣчашь взаимностію и перенималъ всѣ его хари. Мало шого, что носъ мой вздергивалъ онъ къверху: когда дѣло доходило до бритья окончностей губъ, онъ шакъ распяливалъ ихъ въ ширину, что произведя вынужденную усмѣшку на лицѣ моемъ, самъ не могъ удерживашься ошъ смѣху. И какъ мило, какъ шрогашельно, какъ сердечно онъ мнѣ улыбался! Не знаю, ошъ умиленія ли, или ошъ касльспвеннаго распиранія рта моего, шолько всегда слезы выступали у меня на глазахъ. Мой милый другъ! восклицалъ я: пожалуйста не улыбайся мнѣ шакъ умильно; вѣдь я не смѣюсь, а шы расшягиваешь мнѣ

только губы, какъ губку. Ничего! ошвѣча-
 ла мнѣ честная душа, ты съ эшой усмѣш-
 кой такъ милостивень, что я не могу не
 улыбаться. Такимъ-то образомъ кривлялись
 мы другъ передъ другомъ, какъ обезьяны.
 Не прошло полушора мѣсяца, какъ я замѣ-
 шилъ большую перемѣну въ своей физионо-
 мии. Носъ мой такъ полѣзъ къ верху, какъ
 будто хотѣлъ объявить войну лбу и гла-
 замъ. Не говорю уже о томъ, что ротъ
 мой и щеки совсѣмъ исковеркались: это
 измѣненіе охотно оставлялъ я при себѣ па-
 мятникомъ сердечнаго моего друга; только
 вздернутый носъ очень меня беспокоилъ, я
 старался его приплюснуть, и наконецъ
 прибѣгнулъ съ новыми просьбами къ благо-
 родному архиспу. Тутъ онъ призадумался
 и казалось, нечѣмъ было пособить. Однако
 рѣшился онъ, вшорой Рафаэль, принявъ
 еще новую мещоду, кошорая, послѣ нѣко-
 шорыхъ усилій, и удалась ему, а именно:
 пунктомъ опираиія руки ошлася шопъ же
 носъ, но его не вздергивали уже къ верху,
 а ошводили на-спорону, шпрого изслѣдовавъ
 напередъ, къ кошорой споронѣ приличиве и
 красивѣе могъ онъ быть повернуть. На
 вшой мещодѣ ошпановились мы, и вопъ по
 какой необходимости получилъ я кривой
 носъ; съ шого же времени ошпанялся и складки

на щекахъ моихъ, а глубокія размышленія, пламенные восшорги и горячая любовь ко всему доброму и возвышенному, накинули красный покровъ на цѣлоє.“

Громкій смѣхъ сопровождалъ расказъ сей; по окончаніи, Библіошекаръ съ большимъ шумомъ попотребовалъ Шампанскаго, а Бухгалтеръ пуншу. Эйленбекъ обратился къ нимъ увѣщательную рѣчь: „О вы,“ говорилъ онъ: „низкія души! послѣ шого, какъ я выспавилъ вамъ лѣспницу, по кошорой восходили вы къ горнымъ селеніямъ, какъ могушь шакія неблагородныя мысли закрадывашься въ вашу голову? Не ешь ли эшопъ спиршь, называемый пуншемъ, эша жадкая смѣсь горячей воды, худой водки и лимоннаго соку, самое площадное, изысканное, безсмысленное пойло? И что такое для нашего браша эшопъ дипломатическій, презвыи напишокъ — Шампанское? ему ли развернушь духъ и сердца наши? Для охмѣльвашаго вполонину, послужишь онъ развъ къ шому, чтообы оляшь сдѣлашь его презвыимъ! О вы, профаны!“

Тутъ онъ оляшь ударилъ кулакомъ по шолу; но въ эшопъ разъ всѣ собесѣдники, кромъ Эдуарда, ошвѣчали на эшо шѣлодвиженіе съ шакою силою, что спекло звонко заплясало по шолу и множесшво рюмокъ

слепѣю на полъ. Этимъ смѣхъ и шумъ еще болѣе увеличился; всѣ вскочили изъ-за стола за другими рюмками, а Диприхъ кричалъ, что онъ озябъ, что надобно развести огонь и пригнотовишь пуншу.

Уже была глубокая ночь; изъ служителей никто не оставался при столѣ; да по признанію Эдуарда оказалось, что и запасъ дровъ у него весь испоцился — пѣчьмъ было и зашопишь камина. „Знаете ли что?“ закричалъ совсѣмъ опьянѣвшій Диприхъ: „вѣдь хозяинъ думаешь же устроишь иначе эту комнашу: начнемъ шеперь же перестройку, сломаемъ эту глупую досчашую стѣну, кошорою задѣланы окна; шупъ будешь довольно дровъ, а на расщопку подложимъ обои, и какъ разъ въ этомъ древне-Французскомъ каминѣ запылаешь славный Нѣмецкій огонекъ!“ Эша выдумка съ громкимъ одобреніемъ принята была всеми оставшимися госшями: Эдуардъ, кошорый во весь вечеръ былъ въ какомъ-то самозабвеніи, шому не воспротивился. Тотчасъ сбросили заслонку опъ камина, и побѣжали со свѣчами въ кухню, гдѣ набрали щопоровъ, рычаговъ и разныхъ другихъ инструменшовъ. Въ передней нашель Эйленбекъ старый испорченный охопничій рожокъ; шрубя въ него, предводительствовала она

пьяною пошлою, кошорая съ крикомъ и шумомъ промаршировала назадъ въ залу. Вспрыпавшійся на пуши споль былъ опрокинушь, и вдругъ началась работа: всъ разомъ спали колошпшь, чъмъ ни попало, въ досчашую спъну, рубпшь ее и ломашь. Всякій спарался превзойши другихъ своимъ усердїемъ, а чшобъ оно не ослабъвало, спарый Живописецъ не переспавалъ надувашь въ рожокъ изъ всъхъ силъ, производя самую опшрашпшельную музыку, кошорая вмъспъ съ крикомъ и спукомъ его бьспующпхся поварпщей, съ громомъ и шрескомъ оппрыгпвающпхъ и падающпхъ досокъ, привела хозяпна въ шакое положенїе, чшо онъ, оглушенный, сълъ, молча, въ опдаленномъ углу и едва помнпль самого себя.

Вдругъ общесшво умножилось неожиданнымъ и непрїашнымъ образомъ. Сосъди вспревожплись и сбъжались, а между шъмъ и спража, подъ командою офпцера, вошла въ домъ, найдя его незаперпнымъ, и спала спрашпвашь о причинъ шаконъ сумашохи и крика, въ кошоромъ слышно было между прочпмъ и объ огнъ. Эдуардъ, оставшійся довольно шрезвымъ, упошреблялъ всъ усилїя, чшобъ оправдать своихъ прїашедей; но самп они, уже неспособные ни къ какой благородумной мысли, опшервенились проппвъ

незванныхъ гостей, которыхъ посѣщеніе на-
 зывалъ насильственнымъ и пресупающимъ
 права собствѣнности. Каждый съ крикомъ
 подступалъ къ офицеру: Эйленбекъ грозилъ,
 Бухгалтеръ бранился и плакалъ, Библиоше-
 карь махалъ желѣзнымъ ломомъ, а Дитрихъ,
 который былъ всѣхъ запальчивѣе, хотѣлъ
 уже остриемъ шопора проучить Поручика.
 Сей послѣдній, также молодой, пыкій че-
 ловѣкъ, принялъ все это очень въ спрогомъ
 смыслѣ, считая даже оскорбленною честь
 свою. Такимъ образомъ всѣ пированіе, кро-
 мѣ хозяина, не смотря на крикъ ихъ, угро-
 зы и всю декламацію, были забраны и от-
 ведены подъ спражу. Таково было окончаніе
 пирушки. Эдуардъ, оставшись одинъ въ за-
 лѣ, разстроенный и огорченный, расхаживалъ
 взадъ и впередъ, посмащивая на опу-
 шеніе, какое сдѣлано было у него въ
 комнашѣ. Подъ опрокинутымъ столомъ ле-
 жали бутылки, рюмки, блюда и шарелки,
 со всѣмъ пѣмъ, что оставалось отъ лако-
 мыхъ яствъ; драгоценнѣйшее вино разлилось
 ключами по полу; подсвѣчники были пере-
 ломаны; на пѣхъ же, которые стояли еще
 невредимо, свѣчи всѣ догорѣли и пошухи,
 кромѣ одной. Онъ взялъ эту свѣчу и по-
 смошрѣлъ на свѣну, у которой сорваны
 были всѣ обои и выломаны двѣ или три

большія доски; въ проломѣ стоялъ еще брусъ, заграждавшій ходъ въ углубленіе. Спранная охота припала юношѣ, продолжаясь работу своихъ сумасбродныхъ пріятелей: не желая однако произвешти ояшъ шумъ, чшобъ не пришлось раздѣлять ихъ же участь, взялъ онъ оспрую пилу, и ошпилить ею брусъ сверху и снизу, вынулъ его. Послѣ непрудно уже было ошдѣлать еще другую легкую насшилку досокъ; они скоро уступили его усиліямъ, и Эдуардъ спалъ свѣшивъ себя въ углубленіе. Но едва лишь взглянулъ онъ на довольно проспранное мѣсто, и что-то золотистое мелькнуло въ глазахъ его, какъ все вдругъ исчезло ояшъ: нечаянно задѣвъ онъ за что-то свѣчей, и пошущилъ ес. Въ испугъ и въ досадъ побрелъ онъ ошущью черезъ темную залу, къ дверямъ, по длинной галлерей, пошомъ черезъ дворъ, къ одному заднему спроенію. Какъ досадовалъ онъ въ самомъ себя, чшо не имѣлъ вблизи какой нибудъ зашигалъницы. Распоршишвъ сѣдаго приврашника, спавшаго глубокимъ сномъ, едва могъ онъ добиться, чшобъ зажечь свѣчу; наконецъ досшавъ огня, съ большею ошорожношю понесъ свѣчу свою назадъ, держа передъ нею руку, чшобъ не погасла. Сильно шрепешало его сердце; онъ самъ еще не зналъ, чшбъ шкое видѣлъ; не рѣшался и по-

лагаться на догадку свою. Возвращаясь въ залу, сѣлъ онъ въ кресло, чшобы собраться съ духомъ; пошомъ зажегъ еще нѣсколько свѣчей, а наконецъ, согнувшись, полѣзь въ въ сѣнной проломъ. Тушь, какъ жаръ, бросилась ему въ глаза вся ша сѣйна, въ кошорой надлежало бышь окнамъ; вмѣсто нихъ, рама шѣснилась подаъ рамы, одна другой драгоцѣннѣе, и въ нихъ заключались шѣ пропадавшя каршины опца его, о кошорыхъ шакъ часшо грусшили Вальшеръ и Эрихъ. Гвидовъ Спасишель, Доминикиновъ Иоаннь, всѣ предшали ему, и онъ, изумленный, пораженный, споялъ въ благоговѣйномъ умиленіи, какъ бы среди очарованій. Лишь шолько немного опомнился онъ, слезы покашились изъ глазъ его, и не смошра на холодъ, онъ осшался между найденными сокровищами до самаго разсвѣша.

Вальшеръ шолько лишь всшалъ изъ-за спола, какъ Эрихъ вбѣжалъ, запыхавшись, къ нему въ каршинную галлерею. „Что съ шобою, другъ мой!“ вскричалъ Совѣшникъ: „не духовъ ли какихъ шы видѣлъ?“ — „Какъ посудишь,“ опшвѣчалъ Эрихъ: „пригошовься услышашъ важную вѣсшь.“ — „Ну?“ — „Чшобы шы далъ, если бъ всѣ пропавшія

картины своего покойного друга, съ не-
оцѣненные сокровища, о которыхъ мы еще
недавно поговаривали, нашлись и могли сдѣ-
латься своими?“

— „Боже мой!“ вскричалъ Валъперъ, из-
мѣняясь въ лицѣ: „что ты говоришь?“

„Да, нашлись, и могушь бышь своими.“

— „Онѣшь! я не такъ богатъ, чшобы
купишь ихъ,“ сказалъ Совѣшникъ: „но все,
все ошдалъ бы я, всю галерею свою, свое
имѣнiе — шолько и всего эшого мало.“

„А если бь ошь себя ничего не по-
шребовали,“ возразилъ Эрихъ: „и владѣ-
лецъ пожелалъ бы шолько сдѣлаться шво-
имъ зящемъ?“

Не ошвѣчая ни слова, бросился слчарикъ
въ двери — на половину дочери. Въспѣшь съ
нею возвратился онъ назадъ, говоря: „ты
должна способшвовашь моему счастью, лю-
безная дочь; ошь себя зависишь все бла-
женство моей жизни.“ Испуганная дѣвушка
хотѣла возражать, но Эрихъ кивнулъ ей
головою, изъ чего она вывела хорошее для
себя заключенiе, и сдѣлалась сговорчивѣе.
Надобно было ошправиться къ Эриху, у ко-
шораго, какъ онъ говорилъ, ошдають ее
картины и женихъ: она выпросила нѣсколь-
ко минушь для шого, чшобы переодѣшьяся.
И съ какими спранными мыслями и ошда-

шлями наряжалась она въ лучшее свое убранство: можно ли было положиться на Эриха? поняла ли она его? не ошиблась ли въ своей догадкѣ? Вальшеръ считалъ, въ нешерпѣннѣи, каждое мгновеніе; наконецъ Софія возвратилась.

Въ жилищѣ Эриха развѣшаны были всѣ найденныя картины, наилучшимъ образомъ. Тщешно было бы описывать весь воспоргъ, изумленіе и радость Вальшера. Онъ утверждалъ, что картины еще несравненно прекраснѣе, нежели представлялись ему въ палящи. „Ты говоришь,“ сказалъ онъ Эриху: „что искашелъ руки моей дочери молодъ, недурно оспишанъ, изъ хорошаго званія — шы ручаешься мнѣ, что онъ будетъ порядочнымъ мужемъ, и никогда, и по смерти моей, не продастъ этихъ картинъ? Если все шакъ, шо ему не нужно никакого имѣнія, кромѣ этихъ картинъ: съ ними онъ величайшій богачъ. Но гдѣ жъ онъ?“

Распворилась боковая дверь, и явился Эдуардъ, почти шакъ одѣшый, какъ схожій съ нимъ паспухъ на шаринной картинѣ Кеншеня Мессиса. — „Онъ!“ вскричалъ Вальшеръ: „гдѣ жъ вы взяли эти картины?“ Когда Эдуардъ рассказалъ ему свое странное приключеніе, старикъ взялъ руку дочери и опдалъ юношѣ, говоря: „Софія опваживаеш-

ся на много: она дѣлаетъ это изъ любви къ отцу своему; полагаю, сынъ мой, что ты уже не соврашишься съ пупи добра и благоразумія. Однако, вотъ условіе: вы будете жить въ моемъ домѣ, а Эйленбекъ не посмѣетъ перескучить къ намъ черезъ порогъ, да и нигдѣ не захочетъ ты съ нимъ сподкнуться!“ — „Конечно не захочу!“ отвѣчала Эдуардъ: „впрочемъ онъ вѣдѣетъ ошсюда съ Принцемъ.“

Тутъ возвратились въ домъ отца, который тотчасъ повелъ юношу въ библіотеку: „здѣсь найдешь ты, молодой человекъ,“ сказала онъ: „всѣ рѣдкости, бывшія швоими и проданныя. мнѣ швоимъ молодецъ-библіотекаремъ за безцѣнокъ. Впередъ будешь ты свято сберегать наследственные свои сокровища.“

Молодая чеша была счастлива; оставшись на единѣ, Софія заключила юношу нѣжно въ своихъ объятіяхъ. „Я люблю тебя всею душою, другъ мой,“ шептала она ему: „но я должна была уступать своенравію бапюшки, и какъ прежде, такъ и сегодня пришворяешься въ безусловномъ ему повиненіи, чтобы только не опказаться ошъ всякой надежды: если же бы онъ замѣтилъ мою въ тебѣ любовь, то никакъ не согласился бы такъ скоро на союзъ нашъ.“

Черезъ нѣсколько недѣль, съ обвѣнчали. Ужъ не трудно было юношѣ сдѣлаться порядочнымъ и счастливымъ мужемъ: о своей взбалмошной молодости воспоминалъ онъ въ объятіяхъ супруги и пошомъ въ кругу дѣшей своихъ, какъ о шажкомъ сновидѣніи. Ейленбекъ уѣхалъ изъ города съ Прицемъ; съ нимъ же отправился и шакъ называемый библіотекаръ, который получилъ у него мѣсто секретаря, недоставшееся Эдуарду, и черезъ нѣсколько лѣтъ женился на той красавицѣ, которая была причиною дурной славы молодого нашего друга, и едва не погубила его на цѣлую жизнь.

2.

В Е Ч Е Р Ъ В Ъ Д.

(Изъ записокъ *** ***)

Осенью 1823 года, долженъ я былъ отправиться по дѣламъ службы въ Д. и прожить тамъ нѣсколько времени.

Не прошло двухъ недѣль, и я былъ уже знакомъ почти съ цѣлымъ городомъ. Добрые, гостепріимные жители, шихая, скромная жизнь, умное, пріятное времяпрепровожденіе, сообщество многихъ извѣстныхъ и уче-

ныхъ мужей, все съ каждымъ днемъ привязывало меня болѣе и болѣе, и я въ короткое время шакъ обжился, чшо нехошѣлось и выѣхать. Но нигдѣ не бывалъ я съ такимъ удовольствіемъ, нигдѣ не проводилъ времени шакъ весело и непринужденно, нигдѣ не былъ шакъ обласканъ, какъ въ домѣ почтеннаго . . . , назову его Добровымъ, у кошораго принимали меня, какъ самаго близкаго родственника, и къ кошорому признапельность напечатлѣна неизгладимыми чертами въ моемъ сердцѣ.

Семейство его сосшояло изъ любви достойной супруги, двухъ прелестныхъ образованныхъ дочерей и сына, кошорый гошовился тогда держашъ экзамень Докшора Философіи, чшобы ѣхать послѣ того путешествовашъ и посѣпшишь иноспранные Университеты. Почши каждый вечеръ былъ я у нихъ, а иногда проводилъ и по цѣлымъ днямъ, и эши добрые люди шакъ привыкли ко мнѣ, чшо скучали безъ меня и пеняли, если мнѣ по какимъ нибудь причинамъ случалось не бышь у нихъ дня два сряду.

Въ концѣ Октябрия наступила суровая погода, и я сдѣлался нѣсколько нездоровъ. Дня чепыре провелъ я дома. Мнѣ спало лучше, но дурное время все еще не позволяло мнѣ выходишь. Милые Добровы всякій

день или навѣщали меня, или присылали навѣдаться о моемъ здоровьѣ.

Наконецъ мнѣ паскучило сидѣшь въ чешырехъ спѣнахъ. Однимъ вечеромъ, когда слуга Добровыхъ пришелъ ко мнѣ по обыкновенію спросишь: каково я провелъ день, ошвѣчалъ я запискою, что мнѣ гораздо лучше, и что если пошрудятся прислать за мною карешу, то я съ удовольствіемъ приѣду къ нимъ провести у нихъ остальное время вечера. Едва онъ ушелъ, какъ я уже раскаялся въ своей поспѣшности. Погода была самая ненастная: вѣшеръ, снѣгъ, мѣшель. По улицъ между спроеніемъ выло и свиспѣло; на дворъ не видно было свѣшу Божьяго. Я уже хотѣлъ послать въ слѣдъ съ ошказомъ, какъ кареша заспучала у крыльца. Нѣчего было дѣлать. Я закушался, съѣлъ и поѣхалъ.

„Вообразите!... Петръ Александровичъ!“ сказала, оборотясь къ прочимъ находившимся въ комнашѣ, спаршая дочь, которая сидѣла прямо противъ дверей и первая меня увидѣла: она не знала, что за мною послана кареша, „Сколь ни пріятно всѣмъ намъ видѣшь васъ у себя“ продолжала она — „но, признаюсь, вы спомните, чтооь побранишь васъ за то, что въ такую погоду рис...“

— „Silence!“ перебилъ отецъ: — „въ вѣдомъ и я виноватъ нѣсколько, а пошому прошу, если угодно, бранишь меня.“

Между тѣмъ я успѣлъ со всѣми поздороваться. Въ комнатѣ собрано было все семейство почтеннаго Доброва. Направо, на софѣ, сидѣла хозяйка, и намазывала масло на ломтики бѣлаго хлѣба; прямо прошивъ нее, за тѣмъ же, споявшимъ передъ собою споломъ, сынъ, который, какъ зашшно было, шолько что окончилъ чтение и положилъ книжку. По одну сторону спаршая дочь что-то шила, по другую, въ углу, младшая гошвила чай. Передъ каминомъ, задомъ къ дверямъ, спояло Вольперовское кресло, на которомъ сидѣлъ старикъ, отецъ, и курилъ трубку; рядомъ съ нимъ молодой офицеръ, племянникъ, недавно прѣхавшій изъ полка въ отпускъ, и Докшоръ Г..., человекъ среднихъ лѣтъ, короткій прѣшель дома.

Меня посадили на софу, подлѣ хозяйки. Послѣ первыхъ привѣтствій начались разговоры о погодѣ, о моемъ здоровьѣ, о новыхъ слухахъ изъ Пешербурга, и о прочемъ, шому подобномъ.

„Мнѣ кажется, я прервалъ ваше чтение?“ сказала я наконецъ, когда нѣсколько позашихло, и взяли со стола книжку. Эшо

быль XXI нумеръ *Прибавленій къ Сыну Отчества* — тогда только что полученный.

— „Ньшъ! мы уже окончили“ ошвчалъ сынъ. — „Я прочишалъ описаніе *Ночнаго путешествія* одного Англичанина, и нагналъ на сестриць моихъ шакой страхъ, что онъ не смѣли и пошевелиться.“

„Братцу угодно шумипъ“ подхватила Юлія — меньшая: „Мы не совсѣмъ прусливаго десяпка. Однако жъ въ самомъ дѣлѣ это описаніе очень занимашельно, и я ошъ сердца раздѣляла съ бѣднымъ путешественникомъ всѣ его страхи, никакъ не предугадывая развязки. Вообще все ужасное дѣлаешъ на меня сильное впечаташьніе, и гораздо болѣе меня занимаешъ.“

— „Эшо въ нашуръ челоувѣческаго сердца“ примолвилъ я.

„Скажише, пожалуйста,“ — начала Александрина — спаршая, оборопясь ко мнѣ. „Всѣ путешественники шакъ много расказывающъ о встрѣчающихся съ ними происшествіяхъ, спранныхъ и любопытныхъ, смѣшныхъ и ужасныхъ. Почему вы никогда ничего намъ не расказаше? Вы изъѣздили всю Германію, Францію и часшъ Испанію. Неужели съ вами не случалось ничего нео-

быкновеннаго, ужаснаго, или просто занимающаго?“.

Я. По крайней мѣрѣ, сколько припомнить могу, ничего такого, чтобы заслуживало особеннаго вниманія вашего. Однако жъ въ молодости моей, случилось со мною одно происшествіе, довольно ужасное, кошорое, если позволите, я расскажу вамъ.

Юлія. Позволяемъ, охотно позволяемъ. Я ужъ слушаю.

Я. Не думайте, однако жъ, чтобы это было что нибудь особенное, чрезвычайное. Такихъ происшествій случаются въ жизни тысячи, но...

Александрина. Безъ предисловія, ради Бога безъ предисловія. Эти предисловія наскучили мнѣ ужъ и въ книгахъ, а вы, пожалуйста, не забывайте, что рассказываете друзьямъ, а не пишете книгу, и что васъ не поведутъ за каждую запящую къ суду, какъ наши Журналисты одинъ другаго.

Я. И такъ слушайте.

Вы знаете, что я воспитывался въ Университетѣ въ Казани, гдѣ жили мои родители, и потомъ служилъ въ арміи. Вышедъ въ опшставку въ 18.. году въ намѣреніи перейти въ штабскую службу, я посетилъ свою родину, сколько для того, чтобы послѣ долгой разлуки повидаться съ

дрыхлыми своими родишелями, сполько въ намѣреніи взяшь ошшуда съ собою въ Пешербургъ вшораго браша.

Въ Казани я не нашель почти никого изъ спарыхъ своихъ знакомыхъ и сошова-рищей. Даже мало изъ досшопочшенныхъ Профессоровъ, кошорымъ обязанъ своимъ образованіемъ: всѣ умерли или разъѣхались. Новыхъ знакомствъ дѣлать я не хотѣлъ, пошому, что не располагалъ ошпаться шамъ на долго. И шамъ все время свое проводилъ я или дома, въ кругу родныхъ и двухъ, прехъ спаринныхъ прішелей, или въ прогулкахъ по окрешностямъ города.

Я жилъ въ домѣ родишелей своихъ, недалеко ошъ Арскаго поля. Одною изъ любимыхъ прогулокъ моихъ было посѣщать древнюю роцу, вблизи ошъ насъ, на концѣ города, на высокомъ берегу Казани — роцу, кошорая памяшна мнѣ по споль многимъ пріятнымъ и непріятнымъ воспоминааніямъ, въ кошорой проводилъ я почти всѣ дни моего дѣшства, кошорая... но (обращаясь къ Александринь) мнѣ пора подумать, что я рассказываю своимъ друзьямъ, а не пишу книгу.

Александрина. Если вамъ не позволимъ сказащъ предисловія, шо еще менѣе можешъ вы пускащся въ ошшущенія, а особливо

дѣлашь колкіе намѣки. Извольте продолжать просио и скромно.

Я. Покоряюсь и вшому условію.

Однажды цѣлый день мнѣ было что-то очень скучно. Ни пріятное домашнее общество, ни ласка родныхъ не могли совершенно разсѣять меня. Пользуясь хорошею погодою, я пошелъ вечеромъ въ любимую свою рощу, сѣлъ подъ деревомъ на берегу Казанки и... чѣмъ лучше разогнашь шоску душевную?... спашъ приводишь себя на память спарое и бывое, хорошее и худое, веселое и печальное. Какъ счасливъ чело-вѣкъ, что ко всему привыкаешь, но что все пріятное врѣзывается въ память его неизгладимыми чершами, а все непріятное осшавляетъ въ ней едва замѣтные слѣды.

Перебирая въ воображеніи своємъ то и другое, я наконецъ привелъ себя на память, какъ однажды, въ юности своей, прогуливался съ добрымъ поварищемъ и другомъ П... я всходилъ на лежащую у ногъ моихъ крушую, почши ошвѣсную гору. Это было вскорѣ послѣ дождя. Дорожка глиниснаго грунша сдѣлалась скользкою; я ошупился и неминуемо былъ бы въ рѣкъ, если бы добрый П..., шедшій за мною, не подхваниль меня. Съ тѣхъ поръ дружба сроднившіася сердца наши связала еще болѣе. Но судьба

хоро разлучила насъ. Я долженъ былъ вѣшать въ полкъ, а попомъ ипши съ нимъ за границу. Запруднишельность переписки прекратила оную, а по возвращеніи моемъ въ общество, я получилъ печальное извѣстіе о преждевременной смерти П..., похитченнаго жестокою болзнію у друзей его, не смотря на всѣ усилія искусныхъ врачей.

Мысль о П... еще болѣе разстроила и огорчила меня. Я пришелъ домой довольно поздно и въ худшемъ расположеніи, нежели вышелъ. Всѣ родные мои уже разошлись по своимъ комнатамъ. Нѣчего было дѣлать: я раздѣлся и легъ въ постель.

Но сонъ долго бѣжалъ отъ глазъ моихъ. Нѣсколько разъ я засыпалъ и опять просыпался съмыслиями о П... Наконецъ около полуночи я уснулъ крѣпко; но въ 5 часовъ утра, какой-то шорохъ разбудилъ меня. Открываю глаза: первые лучи солнца проникли уже въ окно моей комнаты и освѣтили ее. Приподнимаюсь на постель и осматриваюсь. Все въ комнатѣ тихо и на своемъ мѣстѣ. Только на столѣ у окна лежишь какая-то записка, кошорой съ вечера я лишь не примѣнилъ.

Любопытство заставило меня встать. Адресъ былъ на мое имя и знакомой руки. Я развернулъ: но кино представившъ себя

мой ужасъ и удивленіе, когда я прочелъ слѣдующія спроки:

Три раза заходилъ я къ тебб, но все не могъ тебя видѣть. Завтра около полночи приду въ послѣдній разъ. Въ другое время я не могу. Ожидай меня, только, ради Бога, безъ свидѣтелей. Чтобъ и слуги твоего при свиданіи нашемъ не было. — Еще одно условіе: никому ни полслова объ этомъ. Иначе я не другъ тебб.

Твой П...

Буяга выпала изъ рукъ моихъ: такъ вшо поразило меня. Я не зналъ, что подумаешь. Что П... умеръ, въ вшомъ не было ни малѣйшаго сомнѣнія: я получилъ извѣстіе о смерти его отъ брата, который хотя и не былъ съ нимъ коротко знакомъ, но зналъ нашу связь и притомъ любилъ правду и былъ врагъ неосновательнымъ слухамъ. Съ другой стороны рука на запискѣ была точно П.... Я такъ хорошо зналъ и такъ живо помнилъ ее. Къ тому жъ знала шамисвенность! вши ночныя посвѣченія! Я шерлся въ догадкахъ и заключеніяхъ.

Между швмъ, и отъ упреннаго холода, и отъ внезапнаго ужаса, сильная дрожь овладела моимъ швдомъ. Я бросился въ пѣснелъ и закушался; но не могъ больше ни уѣнупъ,

ни согрѣшься. Меня было, какъ въ дикорадкѣ.

Первый вопросъ мой вошедшему пошру слугъ былъ: кто приходилъ ко мнѣ вчера, во время моего отсутствія? Онъ назвалъ двухъ, трехъ знакомыхъ и одного незнакомаго, которъ былъ два раза и на вопросъ: какъ доложишь объ немъ? отвѣчалъ, что увидишься со мною самъ. Но описаніе его наружности совершенно не сходствовало съ П.... Эпошъ былъ худъ, блѣдень, долгоносъ — П... поасшъ, румянь, прекрасень собою. Недоумѣніе мое часъ отъ часу возрастало, ибо слуга мой боялся и клялся, что ни на минушу не выходилъ изъ передней, что всѣхъ приходившихъ встрѣчалъ въ ней, и что ни одинъ изъ нихъ не входилъ въ мою комнату, не отдавалъ никакой записки.

Одѣвшись, посвѣщилъ я къ брату, чтобы освѣдомиться о дѣйствительности смерти П.... Его не было уже дома. Согласясь съ нѣсколькими пріятелями, онъ рано по ушру отправился на охоту, и общалъ возвратиться не прежде, какъ поздно вечеромъ. — Изъ прочихъ родныхъ моихъ никто не зналъ П... и, никто не могъ ничего сказать объ немъ.

Цѣлый день не выходилъ я никуда и провелъ очень скучно. Къ вечеру какая-то шоска овладѣла мною. Я самъ не могъ дать себѣ опчеша въ своихъ чувствованіяхъ. Сидѣлъ запершись въ своей комнатѣ и не могъ ничего дѣлать: ни читашь, ни пишашь, ни даже думашь порядочно.

При насшупленіи ночи, я снялъ со спѣны писшолешы и зарядилъ, не зная самъ, для чего. Но, какъ бы спыдясъ самого себя, запряпалъ ихъ шакъ далеко, чшо въ случаѣ надобности, не скоро бы опыискалъ.

Время шянулось шакъ долго, какъ я никогда не запомню, и съ каждою минушою ожиданіе и нешерпѣніе мое увеличивались. Я сидѣлъ на стулѣ, устремля глаза на дверь и вздрагивая при малѣйшемъ шумѣ. Наконецъ ударило 12 часовъ.

Еще бой часовъ не кончился, какъ послышался у дверей моихъ шорохъ. Я усугубилъ вниманіе. Сшучашся. Я подхожу къ двери, опшворяю, и . . . “

Въ это мгновение вдругъ раздался сильный ударъ, какъ будто бы цѣлый домъ обрушился. Всѣ мы вскочили. Юлія и Александрина вскрикнули; у шарика выпала изъ рта шрубка.

Но мы скоро опомнились. Ударъ происходилъ опъ спавши, опшорваннаго въш-

ромъ, кошорый со всею силою захопнулъ окошко.

Я первый эпо замѣшилъ.

„Жаль, что здѣсь недоспаетъ еще только двухъ — сказала я Юліи — а что бы можно было спросить: какой десятокъ мы составляемъ.“

— „Шушите, шушите“ отвѣчала она: — „вольно было эпому случиться въ шу самую минушу, когда все вниманіе было обращено на вашъ расказъ и въ шакомъ ожиданіи. Впрочемъ изъ словъ вашихъ, кажешся, очень замѣшно, что и вамъ храбростию своею нельзя много хвастаться. Однако жъ продолжайте: вы остановились на самомъ любопытномъ мѣстѣ.“

Только что успѣла она кончить сіи слова, какъ снова вскрикнула: „Ахъ! Боже мой!“

Глаза всѣхъ успремились на нее. Что жъ? Во время перваго испуга, она отвернула кранъ у самовара и не замѣшила того. Вода вышекла на споль и со спола къ ней на плашѣ.

„Послѣ эпото я не оправдываюсь — примолвилъ я. — Вы довольно за меня наказаны.“

Когда всѣ опять усѣлись и успокоились, я продолжалъ мой расказъ:

„Я подхожу къ двери, отворяю и ош-
ступаю при шага назадъ. Входишь чело-
вѣкъ, оспанавливаешься посреди комнашы, и
въ молчаніи просятываешь ко мнѣ руку.

Эшо онъ, шочно онъ; но блѣдный, су-
хой, безъ малѣйшаго признака жизни.

Волосы поднялись у меня дыбомъ. Спою
въ недоумѣніи и не зная, чшо начашь. Вдругъ
слышу слова:

„Ты ли это, Пешръ? Такого ли приѣма
ожидалъ я ошъ себя?“

— „Эшо шы, П...?“ воскликнулъ я, и
бросился къ нему на шею.

Вскорѣ все объяснилось.

П.. былъ очень болѣнь — почти без-
надеженъ. Докщора ошказались, и присудили
ему вхашь на воды. Дорогою сдѣлалось ему
хуже, и онъ принужденъ былъ оспановишься
на нѣсколько времени въ одномъ маленькомъ
городкѣ. Одинъ изъ знакомыхъ его, проѣзжая
мимо и видѣвъ его въ шакомъ ошчаянномъ
положеніи, не думалъ, чшобъ онъ могъ
вспасть, и ирѣхавъ въ Казань, распустилъ
слухъ о его смерти. Зная, какъ опасень
былъ П... передъ ошъездомъ, брашъ не усом-
нился въ шомъ, и написалъ ко мнѣ. Вскорѣ
однако же узнали, чшо онъ оправился. Но
брашъ забылъ увѣдомишь меня объ этомъ,
и ошъ шого произошло все недоразумѣніе.

Въ Казань пріѣхалъ П... только за два дня передъ тѣмъ, узналъ, что я тамъ и былъ у меня наканунѣ два раза. Пришедши въ третій разъ, онъ принесъ съ собою записку, и встрѣвшись на дворѣ съ горничною, отъ кошорой узналъ, что меня еще нѣтъ дома, ошдалъ ей, а она, убирая постель мою, положила на споль, чтобы я нашелъ по возвращеніи; но въ задумчивости своей я ничего не замѣшилъ. На другой день П... не могъ прійти ко мнѣ, пошому, что ѣздилъ по дѣламъ своимъ въ Свіяжскъ и возвращался только поздно вечеромъ, а на завтра долженъ былъ отпрашиваться опять въ В..., гдѣ находился на службѣ и ошкуда уѣхалъ безъ позволенія Начальника, а пошому и не делалъ, чтобы его кто ибудь видѣлъ.

Мы провели цѣлую ночь въ дружескихъ изліяніяхъ сердець нашихъ и расплались уже на разсвѣтѣ.

„Вошь и конецъ“ — примолвилъ я — „понравилась ли вамъ моя исторія?“

— „Очень“ ошвѣчала шарушка мать — „только прокляшой спавень такъ испугалъ меня, что у меня и теперь еще бьется сердце.“

„Спасибо вамъ за рассказъ“ началъ старикъ: — „Я слушалъ его съ большимъ вни-

маніємъ. Ну, господа! нѣтъ ли у кого еще чего? А попомъ рассказалъ бы и я испоріюху изъ моихъ спарыхъ дней.“

— „Если позволите,“ началъ молодой офицеръ — „по и я сообщу вамъ анекдотъ изъ моей жизни и... какъ бы вы думали? о шишкѣ на носу.“

„Браво, браво!“ вскричала Александрина:— „О шишкѣ на носу! Это должно бытъ что нибудь въ полномъ смыслѣ романическое...“

— „По крайней мѣрѣ довольно забавное“ — возразилъ офицеръ.

„Однако жъ ксшаци! Опъ шишки на носу переходъ не великъ и къ длинному носу. Вы не объяснили намъ, Пешръ Александровичъ, опъ чего слугѣ вашему носъ П... показался длиннѣе, нежели какъ онъ былъ въ самомъ дѣлѣ.“ — сказала Юлія.

— „Признаюсь, эпошъ вопросъ приводить меня въ затрудненіе“ — опвѣчала я. „Мнѣ никогда (не приходило въ голову сдѣлать его моему слугѣ. Но я думаю, у похутившаго человека носъ всегда кажется длиннѣе, нежели у полнаго...“

„Переспаньше входите въ пакія шонкія изъясненія“ — начала хозяйка. „Послушаемъ лучше анекдотъ о шишкѣ на носу. Начинай, Александръ!“

(Окончаніе въпредъ.)

ВОЕННОЕ ИСКУСТВО.

ИСТОРИЯ АРТИЛЛЕРИИ.

ПЕРИОДЪ ТРЕТІЙ.

Война Голландцевъ съ Испанцами, отъ 1568 до перемирія 1609.

Два народа возсали въ сей бранѣ другъ прошивъ друга: Испанцы и Голландцы. Войско перваго народа, побѣдая безпрешанно въ Италіи, въ Германіи и въ знойной Аѳрикѣ, привыкло къ побѣдамъ и жестокоспямъ войны, и явилось лучшимъ войскомъ тогдашнихъ Европейскихъ Государствъ. Напрошивъ того Голландцы, хоша и славились въ прежніи времена воинскими подвигами, совершенно забыли войну и науку воевань, подъ кровникомъ скипешроу Карла V. Но когда сынъ его Филиппъ II взошелъ на Испанскій престолъ и мощною рукою началъ угнешать торговлю, Художества и миръ Голландіи, то земледѣлецъ оспаждалъ поля свои, купецъ прешани, чшобы бранный мечъ поднять на

врага; они должны были славовашь за начальниками, коихъ повелѣнія не могли исполнить; должны были дѣйствовашь противъ Испанцевъ, кои были лучшіе и неуспрашивѣйшіе воины тогдашнихъ Государствъ. Но презрѣиємъ Испанцевъ противъ Голландцевъ дарована побѣда и мужество симъ послѣднимъ. Ненависть къ тирану и фанатическія мысли о свободѣ воодушевляли Нидерландское войско. Ими управляло не золото, какъ сіе было въ Испанскихъ войскахъ, но фанатическое стремленіе къ независимости своихъ земель. Мы усматриваемъ, что въ сей войнѣ всѣ вѣтви Военнаго Искусства равно усовершенствовались, и Артиллерія вспунила, трудами *Лудовика Колладо, Уфано, Буска, Дамбаха, Буле* и проч., въ область ученыхъ Наукъ.

Уже въ первой половинѣ XVI столѣтія, артиллерійскія орудія получили правильнѣйшее устройство. Орудія (чрезвычайно большаго калибра и порождія) были поставлены въ арсеналы и сохраняемы для помощи пошомства. Вся Артиллерія состояла изъ шрехъ родовъ орудій: 1) *шланги* — *canonines*; 2) *картауны* — *сапона* и 3) *каморныя орудія*, состоявшія изъ *мортиръ* и *саубицъ*. — Шланги были необыкновенной

длины орудія; шакъ извѣстная Нантская шланга, вылишая Герцогомъ Лошарингскимъ Карломъ III, въ 1598 году, бросавшая ядро въ 18 фуншовъ, имѣла длины 21 фушь 11¹/₂ вершковъ, почти 53 калибровъ. Длина сія совершенно не способствовала къ произведенію дальнѣйшихъ выстрѣловъ, но напрошивъ того укорочивала ихъ.

Карлъ V много сдѣлалъ для усовершенствованія Испанской Аршиллеріи; онъ самъ опредѣлялъ величину калибра, длину орудія и силу мешалла; должно замѣшншь при семъ, что калибры его орудій были больше калибровъ Французской Аршиллеріи, для удобнѣйшаго пользованія ядрами сей послѣдней. Орудія, составявшія въ сей войнѣ Испанскую аршиллерію, были слѣдующія:



ШЕКАШЪ

ДЛЯ КОСЫХЪ ПОДЪЕЗДОВЪ.

	кар.	зарядъ.	вѣсь.	длина.	горизонт.	надъ возм.	валекъ.	возм.						
1) Драконъ или двойн. кодувр.	40	фун.	24	фун.	120	центн.	31	кад.	682	шаг.	1364	шаг.	8167	шаг.
2) Просная шланга	20	—	12	—	70	—	32	—	600	—	1200	—	7140	—
3) Подушанга	10	—	8	—	41	—	35	—	450	—	900	—	5375	—
4) Сакеръ	5	—	5	—	25	—	34	—	350	—	700	—	4159	—
5) Сокодь	2½	—	2½	—	13	—	35	—	249	—	568	—	3518	—
6) Малый Сокодь (Ribadoquin).	1½	—	1½	—	7	—	36	—	206	—	411	—	2459	—
7) Вшреть (esmerillon) 1	1	—	1	—	4½	—	37	—	158	—	315	—	1873	—
8) Пшцаль (musqueton) 5 унц.	5	унц.	5	унц.	2½	—	38	—	121	—	292	—	1440	—
9) Просная пшцаль	2½	—	2½	—	1-90	ф.—	39	—	90	—	185	—	1100	—
10) Подушцаль или Ар-кнбузь	1½	—	1½	—	81	ф.—	40	—	75	—	142	—	845	—

Не должно смѣшивать сія при послѣдніа орудія съ ручнымъ огнеспрѣльнымъ оружіемъ, которее отличалось отъ нихъ и величиною и употребленіемъ.

Второй главный родъ артиллерійскихъ орудій были каршауны, коихъ заряданіе шуфолою было трудно и медленно; они были слѣдующія:

	Тяжесть ядра.	Длина.	Вѣсъ.	Дал. в по- вел. вомъ.
1) Каршаунъ . . .	48 фун. 21 ф.	18 кал.	72 ц.	5968
2) Полукаршаунъ	24 —	12 —	19-10	43 — 5070
3) Четверть кар- шаунъ . . .	12 —	8 —	24 —	27 — 4480

Каменобросцы и морширы оснались въ прежнемъ своемъ положеніи.

И во Франціи, Карль IX далъ Артиллеріи лучшее и сообразнѣйшее успроеніе своимъ Солешомъ 1572 года. — Орудія были слѣдующія:

	Тяжесть снаряда.	Длина.	Вѣсъ.
1) Двойной каршаунъ (à double canon)	42 фун.	21 калиб.	9000
2) Каршаунъ (le canon)	33 —	18 —	6000
3) Большая шланга . . .	16 —	29-31 —	4000
4) Бешардъ	7½ —	27-30 —	1500-1600
5) Фалконешъ	2 —	29-33 —	1000-1200

Изъ сего видно, что размѣры Французской Артиллеріи значительно не были согласны съ размѣромъ Испанской и Герман-

ской Аршиллеріи. Скажемъ, что Германская Аршиллерія была лучшая въ Европѣ; за нею слѣдовала Венеціанская, Ломбардская и Неаполитанская; сія послѣдняя уступала однако жъ въ красощъ шой, копорая вылипа была въ Малагѣ, въ концѣ XVI столѣтія Испанскимъ Фельдцейгмейсперомъ Донъ-Жузеъ Манригецъ де Лара. Самыя невѣрныя орудія были у Генуэзцевъ, гдѣ накаль никогда въ серединѣ орудія не находилса. Во всѣхъ Государспвахъ съ сего времени начинали обращашъ вниманіе на усовершеншвоаніе Аршиллеріи. Такъ Генрихъ IV, Король Французскій, передалъ всю сію важную военную часшь своему незабвенному Миниспру Сюлли, въ 1599 году. Сей великій мужъ преобразовалъ во Франціи всю Аршиллерію, распустилъ 500 аршиллерійскихъ офицеровъ, за то, что не имѣли надлежащихъ познаній во сей наукѣ. Особенно обращалъ онъ свое вниманіе на лишейную часшь, и вскорѣ Аршиллерія Французская достигла совершенства шого вѣка.

Къ сему періоду ошносшса изобрѣшеніе разныхъ полезныхъ снарядовъ, шакъ напр. каршечъ; еще прежде, упошребляли рашъ снаряда, называемаго: *градъ*; онъ состоялъ изъ рубленаго желѣза, камня, цѣней и проч., его обыкновенно клали безъ всякой

внѣшней связи въ орудіе; но въ семь періодѣ оплешали его проволокою, или клали его въ деревянный или мѣшпаллическій сосудъ. — При осадѣ же Оспенды, въ 1602 году, Голландцы бросали изъ малыхъ пушекъ прошивъ праншей Испанцевъ, фуншовыя каршечи, сосшоявшія изъ малыхъ мушкетныхъ пуль, лишыхъ въ холщпнный мѣшокъ. Для снрѣльбы сихъ каршечей упошребляли порохъ въ *картузахъ*, а *Бонаюто Лорино* первый предложилъ прикрѣплять каршузъ къ снаряду для удобнѣйшаго заряжанія. — Къ изобрѣшенію новыхъ снарядовъ ошвосясь и *раскаленные ядра*, кои въ сей войнѣ, по причинѣ множества осадъ, часто были упошребляемы, и при шомъ съ пользою; при осадѣ Спееенвика въ 1580 году, 70 домовъ были преданы пламени сими раскаленными ядрами. Но чаще сихъ ядеръ были упошребляемы бомбы и брандскутели. — Сіа послѣдніе обыкновенно сосшояли изъ смолы, седишры, сѣры; смѣсь сіа была помѣщена въ холщпнной мѣшокъ и оплешена бичевою. Бомбы же были сдѣланы изъ чугуна и наполнены частію огнеснрѣльнымъ порохомъ, частію же горючимъ веществвомъ. — До сего времени гранаты, сдѣланныя изъ кирпичной глпны, обыкновенно были бросаемы аршиллерисшями изъ рукъ, но Комен-

даншъ Жемапскаго замка, въ присутствіи Фельдцейгмейстера *Дона Лудовика Веласко*, пробовалъ ихъ бросать изъ пушекъ; но опыты были неудачны: гранаты, не долетѣвъ до дула, лопались въ самомъ орудіи. Счастливыѣ были опыты, сдѣланные въ Антверпенѣ; заряжали здѣсь бо-ши фуншовую пушку: двѣ гранаты не долетѣвъ до дула, лопнули, прешья же попала въ предначертанную цѣль, но лопнувъ шушь, бросила куски обратно къ мѣсту орудія, кои едва не ранили артиллеристовъ. Съ симъ осмалось употребленіе гранатъ; его почитали невозможнымъ, хотя артиллеристы явно видѣли, что худое устройство орудій, слабое прикрѣпленіе шрубокъ и заряжаніе гранатъ, были причиною сей неудачи. Въ сіе же время вошли въ употребленіе *свѣтящія ядра*, состоявшія изъ свѣтло-горючаго вещества; ихъ бросали обыкновенно во время ночи при осадахъ крѣпостей, для вѣрнѣшаго дѣйствія орудій. Но шакъ какъ они весьма легко могли бытъ попушены землею или водою, шо Нидерландцы, при осадѣ Оспенды, помѣщали въ сихъ свѣтящихъ ядрахъ по малой гранатѣ, кои дѣлали ихъ опасными и вредными.

Съ увеличеніемъ количества артиллерійскихъ орудій, естественнаго должно было

увеличились и число артиллеристовъ, кои по бѣльшей части состояли изъ Нѣмцевъ. Но Колладо говоритъ о нихъ, что они въ опредѣленіи зарядовъ, нахожденіи зазора и употребленіи прицѣльныхъ инструментовъ; были совершенно невѣжественны, и что они вообще всѣ преданы крѣпкимъ напишкамъ. Чтобы помочь сему недоспадку и образовать хорошихъ и опытныхъ артиллеристовъ, какъ въ теоріи, такъ и въ практикѣ, многія Государства имѣли у себя *Артиллерійскія Училища*, изъ коихъ Венеціанскія были древнѣйшія. Обучали здѣсь молодыхъ людей Арифметикѣ и Геометріи, чертежу геометрическихъ фигуръ, орудій и крѣпостей, нивелированію, расположенію минъ, сравненію орудій, употребленію прицѣльныхъ инструментовъ, расположенію баштарей и наконецъ устройству артиллерійскаго обоза. Но главнѣйшее ихъ занятіе состояло въ вѣрной и точной стрѣльбѣ. По образцу сихъ Артиллерійскихъ Училищъ, и Карлъ V завелъ въ Бургосъ и Сициліи таковыя Училища.

Все, что принадлежало къ Артиллеріи, находилось подъ непосредственнымъ начальствомъ Фельдцейгмейстера. Преніе пушкарри, представлявшіе во вѣрномъ періодѣ

офицеровъ, были раздѣлены на роты и ввѣрены особенному начальнику.

Турки первые припрягали къ своимъ орудіямъ невольниковъ; жестокій Пизарро и свирѣпый Фердинандъ Коршець упошребляли также въ Мексикѣ людей вмѣсто лошадей; также часто и въ Нидерландской войнѣ были упошребляемы люди для возки орудій. — Порядокъ марша артиллерійскаго парка въ семь періодъ былъ слѣдующій: ходъ колонны всегда былъ опкрываемъ авангардомъ, состоявшимъ изъ легкой конницы. За авангардомъ слѣдовали піонеры въ чешырехъ ошдѣленіяхъ: первое съ шопорами и пилами; второе съ инструменшами для пригошвления фашинь; прешіе съ молотами и гвоздями; чешвершое съ ломачи и лопачами. Послѣ піонеровъ слѣдовали повозки съ рычагами, гандшингами, и другими инструменшами, для подниманія орудій служащими. Послѣ нихъ слѣдовала легкая артиллерія, тяжелая и осадная артиллерія; за ними зарядные ящики, за которыми слѣдовали поншоны съ ихъ прислугою, другіе ремесленники съ ихъ повозками, и наконецъ обозъ.

Изъ всего вышесказаннаго видно, что въ ошношеніи успрошенія орудій уже многое было сдѣлано, и что послѣдующимъ сто-

*

лѣшїямъ мало оспалось дѣйствовать на счетъ усовершенствованїя орудїй. На всѣ послѣдующїя изобрѣненїя можемъ мы смотрѣть съ двухъ точекъ зрѣнїя: или они относились къ облегченїю орудїй, для быспрѣйшаго ихъ дѣйствованїя въ полѣ; или къ прислугѣ и сообразнѣйшему употребленїю артиллерїи въ позиціи и въ нападенїи.

Перїодъ четвертый.

Тридцатилѣтняя война отъ 1616 до 1648.

Еще не была окончена ужасная Нидерландская война, какъ вдругъ въ Германїи возспала другая брань, тридцать лѣтъ опустошавшая сію цвѣтущую страну.

Война сія имѣла великое вліяніе на усовершенствованїе Военнаго Искусства; явились Полководцы, знаменишыя изобрѣшательнымъ генїемъ и глубокимъ знанїемъ военнаго дѣла. — Уже Спинола и Морицъ Оранскїй усовершенствовали и перемѣнили видъ Военнаго Искусства; но въ семь перїодъ, безсмертный Валленштейнъ и великїй Гусавъ Адольфъ довели высшую Тактику почти до нынѣшняго ея состоянїя.

Уже къ концу XVI столѣтія, многіе артиллеристы замѣтили неудобства длинны и тяжесты огнестрѣльныхъ орудій; уже *Ривій* и *Лудовикъ Калладо* писали въ своихъ сочиненіяхъ, что несоразмѣрная длина орудій уменьшаетъ дальность выстрѣла. Густавъ Адольфъ, знаменитый возстановитель Военнаго Искусства, первый укоротилъ въ своей Артиллеріи длину орудій. *Линаръ* дѣлалъ, въ 1572 году, опыты съ короткимъ и длиннымъ орудіями, и нашелъ, что короткое не только не уступало длинному въ дальности выстрѣловъ, но еще превосходило его. Въ скоромъ времени Графъ Фридрихъ Мансфельдскій укоротилъ длину Нидерландской Артиллеріи. При этомъ же замѣтимъ, что хотя снаряды были и шѣ самыя, но заряды были значительно уменьшены: они обыкновенно равнялись одной шреци вса ядра. Въ отношеніи къ усовершенствованію Артиллеріи въ другихъ Европейскихъ Государствахъ, должно сказать, что бодрости переменъ не было, но что вообще старались давать артиллерійскимъ орудіямъ простѣйшій и прочнѣйшій видъ. Въ Германіи, хотя придерживались еще стариннаго раздѣленія орудій на каршауны, планги и калиберныя орудія, но уже примѣнно опустунали оцъ прежней длины и тяжесты

орудій. Французы все еще сѣдовали эдикту Карла IX въ 1572 году; они въ семь періодѣ имѣли шолько шесть различныхъ калибровъ орудій, кои были сѣдующіе:

	Тяжесть ядра	Длина	Вѣсъ
Canon	53 ф.	10 фуш.	6,200 фунш.
Coulevrine ou demi-canon	16 —	11 —	4,100 —
Batarde	7½ —	9½ —	1,950 —
Moyenne	2½ —	8½ —	1,300 —
Fauson	1½ —	7½ —	800 —
Fausonneau	¾ —	7½ —	200 - 400 —

Въ 1620 году были введены во Французскую Аршиллерію еще два калибра; это были 24-фуншовыя и 12-фуншовыя пушки. Первые обыкновенно назывались demi-canon d'Espagne, имѣли длины 10 фушовъ 10 вершковъ, вѣсили 5,100 фуншовъ; другія назывались quart de canon d'Espagne, длины имѣли 10 фуш. 9 верш., вѣсили 3,400 фунш. — Они единственны были употребляемы въ башарейной Аршиллеріи, между шѣмъ, какъ тяжелыя каршауны были оставлены и употребляемы шолько въ морской Аршиллеріи.

Но какъ ни облегчены были огнеспрѣныя орудія, все таки были они неудобны сѣдовать за быспрыми движеніями кавалеріи. Для сего нѣкто Баронъ Мельхиоръ Вурмбрандъ (Австрійскій уроженецъ, слу-

жившій прежде у Императора, но въ семь периодъ находившійся Подполковникомъ въ Шведской пѣхотѣ), изобрѣлъ въ 1626, кожаныя пушки; онѣ состояли изъ мѣдныхъ шволовъ, окованныхъ желѣзными обручами, обвитыхъ веревками и клемь, и наконецъ, обшитуемыхъ полошномъ и кожей. Длина ихъ простиралась до 15 калибровъ, а вѣсъ, со включеніемъ лафетовъ, простирался до 90 фунтовъ; хопя зарядъ ихъ равнялся $\frac{1}{4}$ вѣса картечи, но все таки онѣ послѣ 12 выстрѣловъ шакъ разгорячались, что должно было остановить стрѣльбу. Ихъ употреблялъ Гусавъ Адольфъ только при года, и по прекращеніи Польскихъ войнъ, совершенно уничтожилъ въ своей арміи. Въ замѣнь сихъ кожаныхъ пушекъ, Гусавъ Адольфъ ввелъ въ свою армію чепырехъ-фунтовыя желѣзныя пушки. Маркграфъ Гамильшонъ, извѣстный предводитель Англійскаго сикурса, усовершенствовалъ сіи желѣзныя пушки; упряжь ихъ состояла изъ двухъ лошадей; Гусавъ Адольфъ снабдилъ каждый полкъ двумя такими пушками; онѣ не причислялись къ артиллерійскому шшапу, но состояли въ вѣдѣніи полковаго командира.

Естественно, что при такомъ учрежденіи, должно было увеличиться количество орудій при войскахъ. Подъ Франкфур-

помъ на Одеръ, Гусшавъ Адольфъ имѣлъ при своемъ войскѣ 200 орудій различнаго калибра; при переходѣ его чрезъ ледъ, 72 пушки были подведены къ берегу для спрѣльбы по шанцамъ Императорскихъ войскъ. Императорскія войска имѣли при себѣ 116 огнеспрѣльныхъ орудій; порохъ сихъ орудій находился въ 300 пороховыхъ ящикахъ, черною кожею обшитушыхъ, опличенныхъ красною буквою F. (Ferdinand) и нумеромъ. Органныя орудія находились въ семь періодъ болѣе у мелкихъ армій союзныхъ Германскихъ Князей.

Снаряды осшавались въ томъ же видѣ, въ каковомъ были въ шрешьемъ періодѣ.

Замѣшимъ, что въ семь періодъ, Аршилерію употребляли уже сообразнѣе съ ея цѣлію; хошя въ Италіи и Испаніи единственно находились Аршиллерійскія Школы, но не смотря на шо, знаніе аршиллеристовъ прочихъ Государствъ не было ограничено. Ученикъ долженъ былъ плащивъ своему фейерверкеру двухмѣсячное жалованье, за что сей обязанъ былъ обучать его употребленію всякаго рода орудій, пригошвленію снарядовъ и зарядовъ, и часто заложенію минъ. Пушкарь, желавшій обучать учениковъ, долженъ былъ произвешти при выспрѣла, изъ коня

цѣль перваго ошстояла опть орудія на 500, втораго на 1000, шрешьяго на 1500 шаговъ.

Упошребленіе бомбъ не ограничивалось въ семь періодъ однимъ зажиганіемъ осажденныхъ городовъ, но ими дефилировали и фасы укрѣпленій, какъ сіе было при осадѣ Риги въ 1620 году; квадраншомъ означали направление бомбъ: первый выспрѣлъ опредѣлялъ, великъ ли или коропокъ полешъ, и должно ли прибавишь нѣскольکو градусовъ возвышенія, или убавишь, (предполагая, что 45° естъ предѣлъ возвышенія); шакимъ образомъ мешалъ бомбы знаменишый Англичанинъ *Мальтусъ*, Генераль-Коммисаръ Аршиллеріи и Начальникъ минернаго корпуса Лудовика XIII. Примѣчательнѣйшее явленіе въ семь періодъ, естъ упошребленіе каршечъ въ полевыхъ сраженіяхъ; прежде ихъ упошребляли шолько при осадахъ крѣпостей для очищенія бреши, и во флотѣ, для согнанія экипажа съ палубы; но при заведеніи полковыхъ орудій, и каршечи вошли въ упошребленіе; полевыя гаубицы Маркграфа Баденскаго и кожаныя пушки Гусшава Адольфа единшвенно спрѣляли каршечью. На счешъ прислуги аршиллерійской, замѣшишь, что она бѣльшею частію ошавалась въ шакомъ же видѣ, въ шаковомъ была въ шрешьемъ періодъ; пѣхоша охраняла ее

у Авспрйцевъ; шакъ мы видимъ, что въ сраженіи подъ *Вимпермомъ*, въ 1622 году, кавалерійскій Герберштейновъ полкъ защищала артиллерію безсмертнаго Тилли.

(*Продолженіе впрѣдъ.*)

III.

Ф И Л О С О Ф І Я.

Письмо къ другу о постепенномъ совершенствованіи человѣческихъ познаній.

Почтенный другъ! Много разъ говаривалъ я съ побоею о судьбѣ человѣческаго рода. Мы спрашивали другъ друга: достигнешь ли человекъ когда либо до истиннаго обо всемъ познанія, или опредѣлено ему образоваться до нѣкоторой ограниченной степени совершенства, и попомъ шепряться въ мелочныхъ познаніяхъ, или блуждашь во мракѣ невѣжества до новаго возрожденія? Ошвѣпы наши были нерѣшишельны. Да и можно ли рѣшишь не только въ разговорѣ, часпо несмыбющемъ связи въ мысляхъ, но и въ обдуманномъ сочиненіи, таковой вопросъ, который объяснишься можешь

только при концѣ міра? Впрочемъ, разсматривая прошедшую жизнь рода человѣческаго и соображаясь съ идеаломъ совершенства, есть надежда и въ настоящемъ періодѣ замѣнить, въ чемъ опытность опасна, опытною, и напрошивъ умозрѣнія опытовъ; какія причины останавливаютъ развитіе умственныхъ способностей, и въ какихъ наукахъ можно улучшить наши познанія.

Для сего починаю нужнымъ изложить прежде всего идеаль ума человѣческаго, то есть, опредѣлить, въ чемъ должно состоять совершенство мысленной способности. Сіе опредѣленіе открыто намъ въ книгахъ Священнаго Бышописателя Моисея. Тамъ сказано, что человѣкъ созданъ по образу Божію и по подобію. По соображеніи сего опредѣленія съ природою человѣческою, выходящъ, что Богъ есть Творецъ всего существующаго, все знаешь, все видишь, всѣмъ управляешь и сподъ всемогущъ, что единымъ словомъ можешь, какъ создать, такъ и разрушить твореніе Свое. Человѣкъ напрошивъ того, будучи только образъ и подобіе Божіе, самъ ничего не шворитъ, ничего не знаешь; но по дарованной ему опы Бoga мысленной способности, все разсматриваетъ, изображаетъ, описываетъ, по-

стигаешь часшю причины и, мало по малу, образуешь въ умъ своемъ идеаль или ясное поняшю о Богѣ и шворенш Его.

Если бы человекъ не нарушилъ первой заповѣди, и оспался жшпъ на землѣ непосредственно подѣ руководствомъ Творца своего, тогда познанш наши приводшлись бы къ идеалу совершенства безъ всякой примѣси заблуждений. Можно полагать, что всѣ спрасши, обращенныя въ нынѣшнемъ сосшюанш нашемъ къ низкимъ жившшнымъ склонностямъ, возбуждали бы въ насъ тогда великодушныя чувствшванш. Но паденш праотца нашего дало природѣ человеческой другое образование. Намъ опредѣлено испшшашь, какъ непослушнымъ дѣшшамъ, всѣ роды злосчастшй, и подобно какъ золошо, заключенное въ рудахъ или разсѣянное въ пескахъ, извлекаш ясныя поняшш изъ многшрудной опышности и заблуждений.

Можно видѣш изъ Испорш рода человеческого и изъ образа нашихъ поняшш, какш несчастныя послѣдствш произошлишш перваго грѣхопаденш; сколько опдалишсь мы отъ идеала совершенства; къ какшмъ низкимъ склонностямъ обратшли дарованную намъ отъ Бога способностш мысленную, и сколько помраченъ вообще умъ человеческшй, что многш племена на землѣ

не знають другихъ занятій, другихъ побужденій, кромѣ жалкаго понятія о поддержаніи жизни; а нѣкопорыя породы дошли до такого дикаго состоянія, что не опличающся почти ошъ безсловесныхъ живощныхъ.

Впрочемъ сіе униженное состояніе должно приписашъ предусмошрительности и благости Божіей. Когда родъ человѣческій, по нарушеніи заповѣди, преданъ былъ на волю спірасшей своихъ, шогда полезнѣе было малому числу людей подвергашъ опытности; а прочимъ племенамъ, какъ запасамъ будущаго образованія, научашъ примѣрами другихъ, или оспавашъ даже въ совершенной безчувстввенности, доколѣ спраси на землѣ не войдушъ въ надлежащіе предѣлы, и доколѣ разумъ не образуется до шой степени совершенства, какая ошъ Бога начально ему предоспавлена.

Такимъ образомъ мы видимъ изъ Истории, что люди, послѣ разсѣянія ихъ, начали образовашъ мысленную способность, не всѣ вдругъ, но ошдѣльными племенами. Египтяне, Вавилоняне, Финикіяне, Персы, особливо Греки, а наконецъ Римляне опличились въ усовершенствованіи какой либо частии Науки, Законодательства, Искусствъ и умозрительныхъ познаній; но до неизвѣнню швердаго

основанія, истинной Религіи, ихъ понятія о природѣ человѣческой были неясны, несвязны, сбивчивы; а наконецъ къ рожденію Искупишеля, можно сказать, что не оспавалось въ языческихъ просвѣщенныхъ народахъ никакого понятія о Религіи; ибо древнему идолослуженію, какъ совершенно бессмысленному, не вѣрили, истиннаго Бога не поспигали, и оспавались на двухъ, равно пагубныхъ крайностяхъ: суевѣріи и не вѣріи.

Замѣчательно, что въ сіе время, просвѣщенные племена, исключая Индійцевъ и Кипайцевъ, невошедшихъ въ составъ общаго образованія народовъ, подвергнулись единоначалію Августа и послѣдовавшихъ за нимъ Императоровъ. На всемъ пространствѣ единственной на землѣ Римской Имперіи, всѣ народы въ Европѣ, Азійи и Африкѣ, въ предѣлахъ Имперіи заключенные, понимали другъ друга, или, по крайней мѣрѣ, могли имѣть свободное сообщеніе.

Сполнъ необыкновенное соединеніе народовъ подъ единую власть послѣдовало, какъ видно изъ Исторіи, не по расчетамъ человѣческимъ, но единственно по промыслу Божію, чтобы удобнѣе было Апостоламъ распространить ученіе Христово.

Размышляя о семъ важнѣйшемъ на землѣ происшествіи, мы безмолвно удивляемся

и благоспши Божіей и великоспши Искупле-
 нія. Надобно было освяспши природу чело-
 вѣческую, проспши ея въ пресшупленіи и
 посшавспши челоувѣка на шощъ пушъ, по ко-
 шорому онъ, изъ бездны злосчасшій, ко
 Творцу своему слѣдовашъ должень. Но ка-
 кою жершвою можно было искупспши пре-
 спшупленія челоувѣка и примирспши его съ
 Богомъ? Много было на землѣ людей пра-
 ведныхъ, кошорые чеспсноспшію и добродѣ-
 шелію нѣсколько возвыспши природу чело-
 вѣческую и склонспши на мшлоспшь Творца
 своего; но чшобъ уничтожспши прокляшпе
 съ землі въ пресшупныхъ дѣлахъ людей, по-
 шребна была жершва необыкновенная. Над-
 лежало показашъ господспво Божешшвенна-
 го ума надъ физическою природою — и Сынъ
 Божій, Спасштель нашъ, умершвилъ въ пло-
 шш челоувѣческой всѣ спраспши, всѣ помы-
 шленія земныя; равнодушно перенесъ всю
 злоспшь и неправосудіе людей, и будучи осу-
 жденъ нмш какъ пресшупникъ на позорную
 смершъ, не изъавсплъ ни гнѣва, ни скорбш,
 нш презрѣнія къ людямъ, и на самомъ кре-
 спшъ, обращспшь къ Отцу Своему, въ словахъ:
*Боже мой! Боже мой! почшо меня оста-
 шль? заповѣдалъ намъ примѣромъ Своимъ,
 швшъ швердую надежду на Бога и повино-
 вашься вошъ Его до послѣдняго издыханія.*

Сею необыкновенною кротостию, вѣрою и долгоперпѣніемъ, Спаситель нашъ показалъ, къ какимъ пожертвованіямъ способна природа человѣческая; и послѣ шакого удивившаго и самихъ Ангеловъ поступка, всякое дѣяніе безразсудности человѣческой не сильно было раздражишь Всесошворившаго, до шакой степени, чшобъ ошврашилъ Онъ взоръ Свой ошъ лица земли и осудилъ людей на новое проклятіе.

Нельзя ошавишь безъ замѣчанія и того, чшо Спаситель нашъ, къ распрощраненію ученія Своего, избралъ проповѣдниковъ изъ самаго простаго народа, чшобъ показашъ, чшо для власши Божіей ненужна въ пособіе мудрость человѣческая. Также замѣшно, чшо Апостолы, просвѣщенные Духомъ Свяшымъ, не упошребляли къ обращенію людей ни силы, ни оружія: новое доказательство, сколько всемогуща власшь Божія, и сколько прошивны Богу всякаго рода насилія.

Въ послѣдшвиіи времени, когда пасшва Хришова размножилась на землѣ, люди, по природной слабости ума и по склонности къ високоумію, не ясно понимали смыслъ ученія Хришова, ошъ чего возникли ереси, гоненія и суевѣрія. Прейдемъ въ молчаніи нѣсколько вѣковъ помраченія ума человѣче-

скаго, и замѣшимъ, когда племена западной Европы начали вновь просвѣщаться Науками, но нѣкоторые ученые, надмясь своею мудросію и обращая слабоси и заблужденія чловѣческія на свяпосшь ученія Хриспова, спарались обратишь людей къ другой крайности, къ невѣрью. Опъ сего ложнаго ученія поспрадали нѣсколько и самыя Науки, ибо подумали, что свободное разсужденіе о природѣ вредитъ Религїи.

Соображая всѣ сіи измѣненія въ понятїяхъ нашихъ о Религїи, и разсмапривая по Исторїи порядокъ просвѣщенія народовъ, можемъ заключишь, что жизнь родѣ чловѣческаго вообще подобна жизни частнаго чловѣка. Вѣкъ младенчества народовъ, подобно дѣтскому возрасту, испребился изъ памяти, исключая Священнаго Писанія. Вѣкъ юности положилъ основаніе гражданскимъ обществамъ, сполько же непрочное въ коренныхъ началахъ, какъ и разсудокъ, основанный на воображенїи безъ надлежащей опытности. Вѣкъ молодости, подверженный самымъ бурнымъ спраспямъ, произвелъ на землѣ шѣ ужасные перевороты и кровопролитїя, опъ которыхъ и по сіе время спрадаешъ родѣ чловѣческой. Но когда разсудокъ, наученный несчастною опытносїю, начнешъ входишь въ свою силу и

подчинивъ бурныя спраспы зрѣлому разсужденію, тогда человекъ, разсмотрѣвъ по Исторіи прошедшую жизнь свою, узнаешь всю важность преступленій и мѣру заслуженнаго наказанія. Но когда явился на землѣ Судъ Божій, о томъ извѣстно Единому Богу, намъ же ни по какимъ соображеніямъ предсказать сего не можно.

Такое же заключеніе можно сдѣлать и о Наукахъ Естественныхъ. Мы теперь судимъ объ нихъ только по двумъ періодамъ просвѣщенія, древнему и нынѣшнему. Однако жъ и по симъ періодамъ открывается, что образованіе ума человеческого основано на однихъ и тѣхъ же непреложныхъ законахъ. Періодъ древняго просвѣщенія подобенъ вѣку юности, а нынѣшній можно назвать вѣкомъ бурныхъ спраспъ и важныхъ изслѣдованій. Но когда наступитъ вѣкъ зрѣлаго возраста, тогда можно надѣяться, что и Естественныя Науки гораздо болѣе усовершенствуются. Въ доказательство, что сіи Науки въ древности были слабы, нынѣ несовершенны, и есть виды къ дальнѣйшему улучшенію, можно представить слѣдующія соображенія.

Напримѣръ, не говоря о Поэзіи, кощрая, облекая въ формы и красивыя выраженія извѣстныя только преданія и вымыслы,

можешь образоваться до превосходной степени у всякаго просвѣщеннаго народа, прочія Науки, особливо Естественныя, не иначе, какъ поспешенно приводятся къ совершенству; ибо онѣ основаны на опытахъ и наблюденіяхъ, и къ соображенію всего съ природою пребуютъ мысленной способности въ высочайшей степени. Возьмемъ въ примѣръ Астрономію. Наблюденія древнихъ по сей Наукѣ были довольно значительны. Но не открывъ умозрѣніемъ ни системы Коперниковой въ расположеніи планетъ, ни законовъ Кеплеровыхъ и Невтоновыхъ въ движеніи ихъ, они не могли составить о солнечной системѣ вѣрнаго понятія. Новѣйшіе, по изобрѣшеніи телескоповъ и прочихъ необходимыхъ для наблюденія инструментовъ, открыли пять новыхъ планетъ и семнадцать спутниковъ; сверхъ того, по замѣченнѣмъ на солнцѣ и планетахъ пятнамъ и возвышеніямъ, опредѣлили время суточныхъ обращеній и вообще открыли сходство ихъ съ нашею планетою. За всѣмъ тѣмъ, сколько и теперь недоспаечны познанія наши по части умозрительной, можно судить по тому, что многіе вѣраютъ, будто бы кометы могутъ заходить въ нашу солнечную систему изъ другихъ системъ, и будто бы суточное обращеніе

солнца не имѣеть никакого вліянія на годовое движеніе планетъ, равно какъ и суточное обращеніе планетъ на обращеніе спутниковъ. Такая невѣрность въ мысляхъ происходитъ отъ слабости умозрѣній и вообще отъ недоспашочнаго познанія свойствъ притягательной силы. Посему нѣтъ никакого сомнѣнія, что сія часть Естественной Науки со временемъ усовершенствуется, откроетъ важныя ошибки въ измѣреніи разстояній, и даже поправитъ ошибки въ измѣреніи поперечниковъ.

Равнымъ образомъ познанія наши о ссавѣ земнаго шара, относительно къ возможному совершенству, столько же недоспашочны, или еще и болѣе. Древніе ни о фигурѣ земли, ни о величинѣ ея не имѣли точнаго познанія. Новѣйшіе къ симъ свѣдѣніямъ присовокупили множество наблюдений и умозрѣній о самомъ ссавѣ планеты. Но сколько еще слабы умозрѣнія, можно судить по тому, что для познанія расположенія слоевъ и вообще внутренности земной, копаютъ колодцы, непроникающіе въ глубину и на сто сажень; между шѣмъ не хотѣвъ видѣть, что сама природа изрыла ямы, нынѣшнее вмѣстѣлице океановъ, глубиною до тысячи сажень, и что самое вѣщество, которое находилось въ сихъ ямахъ,

соспавляешъ шеперь маперики земные, что ясно доказывается положою и исковерканою во многихъ мѣспахъ наспилкою слоевъ и находимыми даже на высочайшихъ горахъ морскими произведеніями. Слѣдовательно средства къ познанію природы опкрышы намъ опъ Самого Бога, но слабосшь ума въ соображеніяхъ не позволяешъ ими пользоваться.

Такая же слабосшь примѣшна въ мысляхъ и о соспавленіи вещества земнаго. Не говоря о многихъ, ни съ чѣмъ несообразныхъ сиспемахъ, нынѣшніе Еспеспвоиспышашели раздѣляюща на двѣ главныя партіи, на Вулканишповъ и Непшунисповъ. Первые происхождение слоиспаго вещества земнаго приписываютъ дѣйствію огня, а вторые дѣйствію воды. Но внимательное разсмотрѣніе слоевъ земныхъ и свойствъ огня и воды опвергаетъ обѣ сіи сиспемы, и заспавляешъ вѣришь, что слои вещества образовались на землѣ не опъ огня, ни опъ воды, но просшо паденіемъ, во время шворенія, изъ окружающаго планешу проспранства, и осадкою подобно снѣгу и дождю, кошорые, если бъ не имѣли шающаго и шекущаго свойства, шо могли бы соспавишь по сіе время на полярныхъ земляхъ шолько же новыхъ слоевъ, сколько годовъ земля су-

щесствуешь, и наростимъ количествомъ своимъ сравняли бы ось земную съ поперечникомъ экватора. По сему можемъ судить, что и сія часть Естественной Науки, почти неизвѣстная древнимъ, нѣсколько постигнушая новѣйшими, со временемъ образуется до гораздо большаго совершенства.

Подобное заключеніе можно сдѣлать и о Землеописаніи. Составленное древнимъ описаніе поверхности земной ни въ какое сравненіе не можешь итти съ нынѣшнимъ Землеописаніемъ. За всѣмъ тѣмъ, не зная причины происхожденія материковъ, мы и теперь еще ищемъ новыхъ земель у полюсовъ. Но если бы и по сей Наукѣ умозрительная часть равнялась съ наблюденіями, то можно было бы, подобно Невшону, не выходя изъ кабинета открывшему счастіе земли у полюсовъ, доказать вычисленіями, что материкъ не могли выдвинуться на другія мѣста, кромѣ тѣхъ, на кошорыхъ нынѣ находящяся, и не могутъ переходить съ одного мѣста на другое, какъ нѣкошорые думаютъ, по находимымъ на материкахъ и во внутренности оныхъ морскимъ произведеніямъ. По сему собственно такъ называемая Географія или Землеописаніе, хотя можешь еще нѣсколько улучшить путешествіями по зем-

лямъ, мало извѣстнымъ; но соображеніе всѣхъ возвышеній съ причиною происхожденія ихъ, предоставлено совершишь вѣкамъ грядущимъ.

Если съ сей почки разсмапривашь и прочія Науки, шо можно почши въ каждой найши чувспвипельныя недоспашки; но я оспавляю ихъ безъ замѣчанія, чшобъ не обременишь вдругъ вашей памяти. Впрочемъ и изъ предложенныхъ замѣчаній ви удостовѣришесь, чшо много ешь видовъ и надежды къ усовершенствованію нашихъ познаній. Съ сею надеждою мы можемъ умерешь спокойно, оспавляя будущимъ поколѣніямъ довершишь образованіе мысленной способности, чшобъ они не сказали, подобно Александру завоевателю, чшо имъ ничего дѣлать не оспалось. — Просши.

К Р И Т И К А

КРИТИКА НА КНИГУ ПОДЪ НАЗВАНІЕМЪ:
Ordo bibliothecae Universitatis Caesareae Mos-
quensis, conditus a bibliothecario Ferdinando
Friderico Reuss. Расположеніе Библиотеки
 И. Московскаго Университета, сдѣланное
 Библиотекаремъ Ф. Ф. Рейссомъ. Москва.
 1826 года,

Сіе сочиненіе издано въ одной книгѣ на двухъ языкахъ: Латинскомъ и Русскомъ, и содержишь въ себѣ одно шолько расположеніе книгъ безъ показанія, какія изъ нихъ храняшся въ Библиошекъ. Въ предисловіи къ сочиненію говорившя о пользѣ Библиошекъ, о размѣщеніи оныхъ, о кашадогахъ, о шомъ, какъ Г. Сочинишель вносишь заглавія книгъ въ свои реесшры, о полкахъ, на кошорыхъ онъ спавиль ихъ и впредь будешь спавишь, о мѣрѣ шоловъ, въ кошорыхъ помѣщены реесшры, попомъ слѣдуешь разсужденіе, какъ раздѣляющя всѣ знанія и ш. д.; но въ цѣломъ предисловіи не показана цѣль сочиненія. Если бы Г. Авшоръ имѣль намѣреніе доставишь намъ свѣдѣніе о самыхъ книгахъ, находящихя въ Библиошекъ И. М. Универ-

еяпеша, по его сочиненіе было бы очень любопытно для Московской публики и для всѣхъ любительей просвѣщенія въ нашемъ опечесствѣ. Къ сожалѣнію, Г. Сочинитель не имѣлъ сего въ виду. Изъ нѣкоторыхъ словъ, сказанныхъ въ предисловіи (на стр. ХХІІ, ХХІІІ), можно догадываться, что сочиненіе сіе издано съ шою цѣлью, чшобъ показашъ *новый* системапическій порядокъ для расположенія Библиотекъ. И пакъ въ семъ опношеніи разсмотримъ досшопишшо сочиненія.

Книги раздѣлены, по ихъ содержанію, на два главные разряда: 1-е, на книги *пантологическія* и *полилогическія*, ш. е. все — и многопредметныя, и 2 *монологическія*, ш. е. однопредметныя. Первый разрядъ содержитъ одинъ шолько порядокъ, а второй девять порядковъ; изъ нихъ первые пять опнесены къ Наукамъ, а послѣдующіе четыре къ Искусшвамъ. Опсюда вышло десяти порядковъ. Въ *первомъ* помъщены книги всепредметныя и многопредметныя, во *второмъ* Богословскія, въ *третьемъ* основныя, Философскія, миспическія. Въ *четвертомъ* пушешествія, кн. физиономическія, математическія, физическія, въ *пятомъ* историческія, въ *шестомъ* юридическія, въ *седьмомъ* діеспическія, гимна-

спическія, медицинскія, въ *осьмомъ* вкономическія, пехнологическія, въ *девятомъ* филологическія, граммашическія, рипорическія, поэшическія, кн. о музыкѣ и пласпическихъ Искусствахъ, въ *десятомъ* книги педагогическія и полишическія.

При самомъ обзорѣни вычисленныхъ порядковъ, можно въ нихъ замѣтити большой безпорядокъ, копорый еще болѣе обнаружился при подробныхъ раздѣленіяхъ.

Къ полилогіямъ и паншологіямъ ошнесены всѣ древніе Писатели, кромѣ медицинскихъ и машемашическихкихъ. Немзвѣстно, почему Баснописецъ Федръ разлученъ съ Лафоншеномъ и другими Баснописцами новѣйшими? Почему шворенія Гомера, Виргидія не вмѣстѣ съ Поэшами нашихъ временъ, хоша и сдѣлано главное расположеніе книгъ по предметамъ, а не по времени? Почему—далѣе — сдѣлано шакое ошлѣчїе для Врачей и Машемашиковъ? Правда, въ предисловіи на сшр. XV, какая-шо причина и высшавлена; шамъ сказано: „Нѣкопорыя шворенія „древнихъ должно ошнести къ полилогіямъ, „нѣкопорыя же къ монологіямъ, пришомъ „древнія сочиненія имѣюшъ многихъ любшшелей, копорымъ раздѣленіе древнихъ Авшоровъ по многимъ ошдѣленіямъ книгъ не „пріятно бы было: шо, кажешся, весьма

„прилично соединишь съ древними полилогіями всѣ прочія древнія шворенія и опишешь вмѣстѣ съ шолокованіями на нихъ къ полилогіямъ и ш. д.“ Изъ того, что нѣкоторыя древнія сочиненія относятся къ полилогіямъ, слѣдуешь ли дѣлать заключеніе, что туда же относятся и всѣ прочія? Кто такіе любители древнихъ Писателей, которые вмѣшиваются въ расположеніе Библіотекъ? И наконецъ, не могутъ ли быть и такіе, которые захотятъ, чтобы Авторы, писавшіе подобнымъ образомъ о подобныхъ предметахъ, находились вмѣстѣ, не смотря на различіе времени, въ которое они писали?

Однопредметныя книги раздѣлены на Науки и Искусства, см. спр. 2 и 3. — Но можно ли отдѣлять Науки отъ Искусства? Не доказано ли нынѣ, что всякая Наука имѣетъ свое практическое употребленіе, и что всякое Искусство имѣетъ, или по крайней мѣрѣ, можетъ имѣть свою теорію? Если же такое дѣленіе принято уже за правило: то слѣдовало бы Христіанское правоученіе отдѣлить отъ Богословскихъ писаній, Анатомію, Физиологію и другія медицинскія Науки отъ Врачебнаго Искусства, Счетоводство, практическую Геометрію отъ Наукъ математическихъ, а Всеобщую Грамматику отъ Искусства. Жаль, что въ

сочиненіи встрѣчающся непрешаннныя противорѣчія!

Довольно странно то, что съ Врачебнымъ Искусствомъ рядомъ поставлено Военное, въ томъ предположеніи, будто бы между ими есть большое сродство. Ибо въ предисловіи (на стр. XIX) сказано: „какъ „Діететика и Медицина имѣють цѣлю сохрание здравія людей порознь, такъ Врачебная Полиція и Судебная Медицина занимаются сохраненіемъ здравія гражданъ и общества, Военное же Искусство истребляетъ его въ непріятель.“ Дѣйствительно сравненіе смѣлое и оригинальное! Но если Военное Искусство находится въ тѣсной связи съ Медициною, то для чего же присоединять его къ Экономіи?

Неизвѣстно, какая польза можетъ произойти отъ того, что Право Естественное, къ которому впрочемъ отнесены сочиненія о войнѣ и мирѣ и вредномъ перепечатаніи книгъ, — совсемъ отдѣлено отъ Наукъ юридическихъ и между ими поставлены Исторія, Географія и Науки физическія? Для чего также между физическими Науками и медицинскими помѣщены юридическія? Почему книги политическія, будучи отдѣлены отъ юридическихъ, непосредственно слѣдуютъ за дѣшскою Техно-

логіей? Почему Естественное Богословіе пославлено въ двухъ мѣстахъ? Почему основанія метафизическія Математики опнесены къ шѣмъ книгамъ, въ копорыхъ говорится о предметахъ явныхъ? Все это сдѣлано по какой-то неизвѣстной причинѣ, можешь бышь по шой дивинаціи, о копорой говорится въ предисловіи (на стр. XVII).

Далѣе — Естественная Философія опнесена къ Философіи (смотри стр. 32, 33). Можно согласишься, что познаніе природы есть часть Философіи, принятой въ обширномъ ея значеніи: но для Наукъ Естественныхъ сдѣлана особая спашья. И шахъ, если приняшь различіе между Естественною Философіею и Науками физическими, по куда же опнесши бѣольшую часть физическихъ сочиненій, гдѣ опытность или историческое познаніе природы соединяется съ умозрніемъ? Для нихъ и мѣста нѣтъ въ цѣлой системѣ.

Въ прешьемъ порядкѣ помѣщены при рода книгъ: А. *Основныя*, куда опносятся: Исторія и изслѣдованіе ума человѣческаго, Логика, или Наука о употребленіи разума. В. *Философскія* съ подраздѣленіями. С. *Мистическія*. Какъ можно Исторію, изслѣдованіе ума человѣческаго, опдѣлять опъ На-

уки объ употребленіи онаго, и все это ошь Философіи, и ей прошивополагашь? Невзвѣстно, что разумѣли здѣсь подь именемъ Философіи.

Исторія Наукъ и Искусствъ соединена съ Общею Исторіею (см. стр. 89). Всякій согласился, что Исторію Церковную, а особенно Исторію догматовъ и обрядовъ лучше опнеспи къ Богословскимъ книгамъ, равно какъ Исторію Философіи къ самой Философіи, Исторію Математики къ Математикѣ и ш. д., нежели спавишь ихъ рядомъ съ Исторіею Грековъ, Римлянъ, Французовъ и ш. д., Г. Сочинишель и самъ это чувствоваль, и Исторію Законовъ опнесъ уже не къ Общей Исторіи, но къ Законовѣдѣнію.

Книги, до Законодательства и Правъ касающіяся, всего удобнѣе раздѣлишь на *общія*, гдѣ излагаются общія основанія правъ и законовъ, и на права *извѣстныхъ Государствъ*. Въ шакомъ случаѣ всѣ книги, касающіяся до Россійскаго Законовѣдѣнія, находились бы вмѣстѣ — шо же бы было и съ законами и учрежденіями другихъ Державъ и народовъ. Но въ новомъ систематическомъ порядкѣ поступлено совсѣмъ иначе. Россійскіе законы по сему порядку надбно будельшъ ошъискивашъ между книгами

полиптическими, другіе между книгами юридическими и припомъ между многими и въ разныхъ мѣстахъ помѣщенными списаньями.

Кажется, всѣ такія несообразности произошли отъ того, что отвергнувъ общепринятый способъ дѣленія Наукъ въ Россійскихъ Университетахъ, а на мѣсто его придуманъ какой-то новый, будто бы систематическій порядокъ, которому и самъ изобрѣшатель часто не слѣдовалъ.

Что касается до дальнѣйшихъ подраздѣленій, то они во многихъ мѣстахъ, кажется, набросаны по произволу. Чтобы не утомить читателя; покажемъ только нѣкошорыя изъ нихъ.

На стран. 35.

2. Нравственные наставленія, относящіяся къ извѣстнымъ сословіямъ и обществельствамъ людей,

- a. къ браку 3. D. f.
- b. къ несчастіямъ философскія
ушѣшенія 3. D. g.
- c. къ женщинамъ 3. D. h.
- d. къ начальникамъ, придворнымъ,
дворянамъ, судьямъ, ученымъ 3. D. i.
- e. къ купцамъ, крестьянамъ, слу-
гамъ 3. D. k.

и п. д.

Здѣсь несчастія поспавлены между бракомъ и женщинами, а женщины между несчастіями и начальниками.

На сгран. 57.

Живошныя раздѣлены на слѣдующіе классы:

1. Млекопитающія,
2. Птицы,
3. Земноводныя,
4. Рыбы,
5. Беспозвоночныя живошныя. — Сіи послѣднія раздѣлены на насѣкомыхъ, червей.

Кажешся, лучше бь принять дѣленіе по новѣ, вмѣсто обвешшалаго.

На сгран. 219. О Риторическомъ Искусствѣ.

3. Монологіи.

- а. о періодахъ, прехожденіяхъ, пропахъ, изобиліи словъ и предметовъ 9. К. б.
- б. о хриі, изустномъ краснорѣчїи, острыхъ словахъ 9. К. с.
- у. Объ извѣстныхъ родахъ прозаическаго слога, съ подраздѣленіями.

На сгран. 227. подъ знаками 10. D. v.

Дѣтская Гигіена: Исторія ядовитыхъ распеній, дѣтская Медицина, Исторія ко-

ровьей оспы. Дѣшская экономя: Правила для предохраненія ошъ пожара. Дѣшская Технологія.

То же можно найши на сгран 49, 51 и савд., 104 и савд., 135 и савд. и ш. д.

На сгран. 45. Вычисленіе всѣхъ главъ Физики и Химіи годишся для преподаванія ученикамъ сихъ Наукъ, а не для расположенія Библиошеки. Напримѣрь, для книгъ о воздухообразныхъ вещешвахъ назначена цѣлая спашья, но много ли можно опъискашь сочиненій особенныхъ о семъ предметѣ? Но что касается до солей, металловъ и ш. д. по спашьи, для нихъ назначенныя, будущъ уже очень обширны.

Во многихъ мѣстахъ, нѣкошорые предметы оставлены безъ подраздѣленія, напримѣрь Эшешика. Другія же дѣленія слишкомъ мелочны и заземняютъ смыслъ системы, и безъ шого не очень ясныя.

Вспрѣчающся шакже нѣкошорыя сгранныя погрѣшности. Напримѣрь на сгран. 35 посшавлено пошько чешыре церковныхъ Тайншва: а) Крещеніе, б) Покаяніе, разрѣшеніе, юбилей, с) Причащеніе, d) Бракъ и Муропомазаніе.

На сгран. 29, подѣ опдѣленіемъ о совершеніи Тайнъ, ихъ показано пошько два: 1) Покаяніе, 2) Причасшіе.

Забыты книги о защищеніи Греко-Россійской Церкви противъ нашихъ раскольниковъ.

На схран. 37, Сибирь опнесена къ Европѣ.

На схран. 31, подъ ошдѣленіемъ о нравахъ, посвящены двѣ сшашья: одна о характерахъ людей. З. А. г.
другая о характерахъ женщинъ З. А. в.

Также и на схран. 61, женщины исключены изъ числа людей.

На схран. 31, подъ знакомъ З. А. г., посвящена сшашья о развитіи человѣческихъ способностей и смерти (extinctione). По содержанию цѣлаго ошдѣленія, здѣсь разумѣются духовныя способности человѣка. Кажется, не слѣдовало бы упоминашь о такихъ книгахъ, хотя бы онѣ и были въ Библиотекѣ.

На схран. 105, показаны только двѣ губерніи Россійскія, состоящія на особыхъ правахъ: Лифляндія и Финляндія.

На схран. 51 и слѣд., въ Естественной Исторіи, помѣщена сшашья для книгъ о химическомъ разложеніи распеній, между тѣмъ какъ нѣтъ особой сшашьи для книгъ о разложеніи минераловъ. Предметъ Естественной Исторіи есть познаніе тѣлъ въ ихъ естественномъ, неизмѣнномъ состояніи; по-

се́му разложе́ніе распе́ній не принадлежи́тъ къ Бошани́къ, шѣмъ болѣе, что оно́е не упо-
 шребля́ешся для распознава́нія распе́ній.
 Напро́тивъ того́ въ Минералогіи́ или Ори́к-
 шогно́зи́и мно́гія систе́мы основаны́ на со-
 ставны́хъ часпяхъ минераловъ: посему́, ка-
 жешся, слѣдовало́ бы поступи́шь совсѣмъ
 обра́ннымъ образомъ.

На сшран. 57, подѣ знакомъ 4. L. I.
 упомина́ешся о Фаунѣ́ Москвы. Трудно́ по-
 вѣри́шь, что́бы въ Русскойъ́ сполци́цѣ води-
 лись особы́я какія́ нибудѣ́ живошны́я, и что́-
 бы гдѣ́ нибудѣ́ была́ Фауна́ города́ Москвы.

На сшран. 99, для́ Испоріи́ Россійскихъ́
 Уни́верситетовъ́ назначено́ восемьъ́ ошдѣль-
 ны́хъ спашей, а для́ Испоріи́ всѣ́хъ ино-
 сшранны́хъ Уни́верситетовъ́ ошведена́ одна
 шолько́ спашейка. При́шомъ неизвѣ́стно,
 почему́ Московскій́ Благо́родный́ Пансіо́нъ
 (кошорый́ впроче́мъ слѣдовало́ бы назвашъ́
 Благо́роднымъ́ Пансіо́номъ Моско́вскаго́ Уни-
 верситета́) и Де́мидовское́ Училище́ названы́
 Уни́верситета́ми.

Можно́, кажешся́, въ заклю́ченіе ска-
 зашь, что́ едва́ ли э́шо новое́ система́шиче-
 ское́ расположе́ніе принесетъ́ пользу́ госпо-
 дамъ́ Библио́шечарямъ; они́ даже́ по сей́ са-
 мой́ систе́мѣ́ не буду́тъ знашь, гдѣ́ еѣ́ по-
 мѣшши́шь въ Библио́шечъ. Что́ же каса́ешся

до ея доспомислва въ ученое отношеніи,
по въ немъ сомнѣвающимся и самыя при-
спрасныя почишатели этой книги, что
можно видѣть въ 96 Но Московскихъ Вѣдо-
мостей на стр. 3852.

С — 46.

V.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

I.

КАРТИНА ИЗЪ ВРЕМЕНЪ ЗАВОКВАНІЯ СИБИРИ.

I.

Ужъ пошемыло; лучъ зарн
Померкъ за дальнею горою;
Въ ушесахъ скрылся дикари;
Умелкъ призывный голось къ бою.
Глядишь задумчиво луна
На дикій берегъ Енисея.
Увы! пустынная страна,
Пробилъ твой часъ: во иглъ чернѣя,
Какъ привидѣнья, вдоль рѣки
Ошаторилсь казаки.
Разсплавъ ковры на полъ чистомъ
Вокругъ пылающихъ огней,
Одни шревожашъ дикарей
Провишельнымъ, ужаснымъ свисномъ;

Другіе шумною жолной
 Сбѣснись въ кружокъ, въ восторгъ дикомъ
 Добычу дѣляшь межъ собой,
 И даль гремишь побѣднымъ кликомъ;
 Межъ тѣмъ зеленое вино
 Сшруей шипучей въ чары льется,
 Гошовашь въ пищу подобно
 И удалцевъ пѣснь раздается.
 Они поюшь про Ермака:
 Его Сибирскіе походы —
 Предметъ любимый казака.

Въ странѣ, гдѣ выюги на полгода
 Мерзвятъ весенній знакъ полей,
 И вновь воскресшая природа
 Смыче влашвуешь душой,
 Однообразенъ, какъ могилы
 Торжественная пишина,
 И также мраченъ какъ она,
 Напѣвъ угрюмый и унылый.
 Но онъ пишашеленъ сердцамъ
 Къ суровой жизни приученнымъ —
 Какъ снѣгъ расшисельнымъ полямъ,
 Веселимъ солнцемъ озареннымъ...

II.

Глухая полночь. Станъ умолкъ;
 Младой Хорлу дозоромъ ходишь.
 Но страхъ все на него наводишь:
 То въ дебри воешь хищный волкъ,
 То чья-то нѣтъ близъ стана бродишь,

То чей-то шорохъ слышишь онъ;
 Пошомъ — безмолвіе ночное.
 Вспревоженъ, въ думу погруженъ,
 Хвашаешь онъ копые спальное,
 Глядишь окрестъ... и все молчишь,
 Лишь въшрь шравою шелестишь.

„Ахъ, гдѣ вы, гдѣ минушы мира?“
 Стѣснилась грудь его: съ шоской
 Онъ вспоминалъ брега Салгира,
 Гдѣ, чисшь и шѣломъ и душой,
 Въ объашьяхъ дружбы и покоя,
 Онъ юнымъ сердцемъ расцвѣшалъ,
 И ошдаленный пламень боя
 Еще въ груди не возникалъ;
 Онъ вспоминалъ, поля Тавриды,
 Гдѣ ласкамъ шрасшной Ореиды
 Любовью нѣжной ошвѣчалъ
 На лонѣ сладкихъ упованій,
 Гдѣ прелестъ жизни вѣдалъ онъ,
 Увы! все было шолько сонъ —
 И огонь любви и огонь желаній.
 Подруги сердца нѣшь! Она
 Давно въ Гаремъ похищена...
 Съ шѣхъ поръ, родимый броса кровь,
 Онъ мрачный бродишь по пустынь
 Съ станицей смѣлыхъ казаковъ.
 Принялъ ихъ братскіе ушавы,
 Онъ къ нимъ приверженъ, любишь ихъ
 Ошвагой возвышенны нравы;
 Ему пріятно видѣшь въ нихъ
 Цѣль всѣхъ шрасшей — желанье славы.

Но слава чистая чужда
 Порочныхъ мыслей изувършва,
 А онъ — безумецъ! — иногда
 Въ душѣ пишашъ пламень звѣршва;
 Про долю вспомнивши свою,
 Себя и свѣшь весь ненавидишь
 И гибель чуждыхъ и свою,
 Съ улыбкой демонскою видишь.
 Такъ часо въ бурю валъ рѣчной,
 Крушимый сильнымъ ураганомъ,
 Распешъ — и вдругъ въ набѣгъ рьяномъ
 Выходишь на берегъ крушой.

III.

Но что? ... Какое тамъ свѣшило
 На дальнихъ всходишь берегахъ?
 Что ночи шпину смушило?
 И въ глубинѣ и на скалахъ
 Опяшь раздался кликъ военный!
 Глядишь Хорлу... бѣгушь, шумяшь
 И волнъ несешся стоишь смященный,
 Плывашъ ладьи, брега горяшь!
 И вошь весь шанъ въ ночномъ шуманѣ —
 Какъ шквалъ незапный въ Океанѣ
 Распоргнувъ, къ бишвѣ полешвъ!
 И засвисали шучи спрѣлъ
 Въ дружину смѣлую казаковъ,
 И имъ въ ошвѣшь съ ночныхъ биваковъ:
 „За Русь свяшую! за Царя!“
 Вдругъ градомъ пуди зауждали...

IV.

Свѣшила ночи догорали;
 Взошла съ улыбкою заря.
 Туманъ росю подымался,
 Рѣка сіла, какъ' сшекло;
 Все было весело, свѣшло,
 И бой давно ужъ миновался,
 И громко вшорилось: ура!

Э п и л о г ъ.

Хвала поборникамъ добра!
 Пишая въ сердцѣ къ благу ревность,
 Парилъ въ минувшемъ душой я
 И созерцалъ съдую древность,
 Временъ далекихъ бышя.
 Тамъ Ермаба мнѣ шѣнь являлась
 И сладко, сладко улыбалась,
 Глядя на плодъ своихъ побѣдъ:
 Въ спранѣ, невѣдомой дошолъ,
 Взлефлялъ Русскій нивой поле —
 Геройскихъ дѣлъ досшойный слѣдъ.

Иванъ Петровъ

Сибирь.

Красноярскъ на Енисей.

Цвѣтокъ безъ запаха.

(Бзона.)

Между увядшими, садовыми цвѣтами,

Цвѣтокъ безъ запаха вѣсшился полевой.

Увядшіе швердяшъ: „росши, голубчикъ, съ нами!

„Мы рады прославляшъ, что запахъ чудень швой!

„Не будь душишъ, — ты будешъ намъ любезень.“

Изъ полевой цвѣтокъ *бездушіемъ* полезень:

Онъ ихъ любовь своимъ ничтожешвомъ купилъ.

Въ нихъ писателяхъ любовь мы видимъ шу же:

Какъ рѣдокъ въ нихъ шабой, кшо бѣ равнаго хвалилъ!

Худому гладъ, богда другой съ нимъ ешъ — похуже.

В. Флажмоновъ.

Москва. 1827.

VI.

СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИЯ И ПОЛИТИКА.

Джессонъ.

Одно изъ самыхъ спранныхъ спеченій
обстоятельствъ нашего времени было безъ
сомнѣнія то, что два основные ешолпа, оба
бывшіе Президента Соединенныхъ Шта-

повь, Джефферсонъ и Адамсъ, достигнувъ глубокой старости, скончались 4 Июн 1826 года, въ день пятидесятилѣтня независимости земли сей, въ пошть день, съ кошораго быше народовъ ея ведешъ новое свое лѣтосчисленіе. Необыкновенный случай, что оба сія Государственные мужи умерли въ одинъ, и именно въ упомянутый день, можетъ быше объясненъ только изъ физическихъ причинъ: оба не были подвержены ни болѣзни, ни особенной драхлосни. Адамеу было гораздо болѣе 90, а Джефферсону болѣе 80 лѣтъ. Адамсъ былъ первый изъ великихъ послѣдователей Вашингтона въ Президентствѣ, за нимъ слѣдовалъ Джефферсонъ, потомъ Маддисонъ, за нимъ Монро, и наконецъ нынѣшній Президентъ Адамсъ (сынъ вышеупомянушаго.) — Сіе происшествіе спановишся еще примѣчательнѣе по особенному отношенію, въ кошоромъ они находились одинъ къ другому. Обоиъ имъ вмѣстѣ первый Конгресъ поручилъ написашъ *объявленіе самостоятельности*, и сей актъ, сочиненный Джефферсономъ, какъ ошличившимъ Писателемъ, въ общемъ собраніи проченный и защищенный Адамсомъ (кошорый прежде былъ адвокатомъ), какъ опытившимъ Орашоромъ, былъ принятъ и подписанъ всемъ Конгресомъ, 4

Июля 1776 года, въ шопъ день, въ кошорый
 оба, енуспя нншьдесяшь лѣтъ, скончались.
 Но сколь оба ни были согласны въ главной
 цѣли своихъ дѣйсствій — независимости земли
 своей — они почти діаметрально опклоня-
 лись одинъ опъ другаго въ образъ мыслей
 своихъ о способахъ достиженія сей цѣли.
 Сшороны Адамса, какъ начальника, придер-
 живалась паршнн Федералистовъ или Ари-
 спокрановъ, къ кошорой, какъ полагали,
 вшайнѣ склонялся и самъ Вашингтонъ, ме-
 жду шѣмъ какъ Джефферсонъ, другъ и уче-
 никъ Франклина, какъ Государственный
 мужъ и Законодатель, неопспунавшійся опъ
 правилъ своего наспавника, почитался гла-
 вою Демокрашической паршнн, въ шо вре-
 мя, когда снн двѣ паршнн произвели двойное
 мнѣнне въ Соединенныхъ Шшашахъ, и шѣмъ
 почти раздѣлили гражданъ оныхъ на двѣ осо-
 бенныя нащн. Оба снн мужа насладились шѣмъ
 рѣдкимъ счасшнемъ, что за долго еще предъ
 ихъ смершю умолкло снн разногласне ме-
 жду Федералистами и Демокрашами, и обѣ
 снн паршнн споль совершенно исчезли, что
 одни имена ихъ сохранились въ историче-
 скомъ смыслѣ, означая минувшнн распрн. Въ
 Европѣ невозможно представнше себѣ рев-
 носннн и обширноснн снхъ сущеспвовав-
 шнхъ нѣкогда паршнн. И не смопря на

шо, хотя Американское Правительство не имѣетъ ни большого регулярнаго войска, ни полиціи, ниже сильныхъ вспомогательныхъ средствъ въ богатой казнѣ, для попушенія ненависти паршій, она никогда не доходила до насильствъ, не нарушала почнаго исполненія законовъ и не разрывала связи, соединяющей различные Шшашы.

Изъ числа знаменимыхъ мужей, родившихся въ Америкѣ, и опличившихъ собою періодъ ея младенчества, Вашингтону принадлежишь первое мѣсто. На полѣ брани утвердивъ воинскую славу свою, онъ, въ качествѣ перваго Президента, основалъ союзъ Соединенныхъ Шшашовъ и учредилъ полиціескую ея систему *во всѣхъ отношеніяхъ къ иностраннымъ Державамъ*. Чшо Вашингтонъ, какъ полководецъ и Государственный мужъ, учинилъ для *внѣшней* самостоятельности новаго Союза Шшашовъ, шо Джефферсонъ сдѣлалъ для *внутренней* его безопасности, въ качествѣ законодателя. Законы, клонящіеся къ сохраненію порядка и тишины въ Государствѣ, обязаны преимущественно существованіемъ своимъ Джефферсону.

Вось нѣсколько спрокъ, писанныхъ самимъ Джефферсономъ и содержащихъ въ се-

бъ краткое описаніе достопамятнѣйшихъ происшествій его публичной жизни.

„Въ 1764, году достигъ я совершеннолѣтія и вскорѣ пошомъ былъ избранъ мирнымъ Судіею въ Албемарльскомъ Графствѣ, что въ Виргиніи. При слѣдующемъ выборѣ назначенъ я былъ предшавишелемъ въ Законодательномъ сословіи въ Виргиніи. Пошомъ, при началѣ войны, я, въ качествѣ Члена, участвоваль въ дѣлахъ перваго Конгреса, и въ соединеніи съ Гг. Пенделшономъ и Вейшомъ, извлекъ въ два года (1777—1779) изъ всѣхъ Бришанскихъ спашушомъ, изъ законовъ нашего законодательнаго общества (въ Виргиніи) и изъ нѣкоторой части общихъ законовъ (the common law), родъ Уложенія или свода законовъ. Въ 1779 году, я былъ избранъ Губернаторомъ Виргиніи, пошомъ снова Членомъ Законодательнаго Сословія и Членомъ Конгреса (1782); пошомъ, въ 1784 году, отправился съ Франклиномъ и Адамсомъ, въ званіи Посланника, въ Европу, опредѣленъ Спашсъ-Секретаремъ новаго правленія (1789), пошомъ Вице-Президентомъ, засимъ Президентомъ, наконецъ Инспекторомъ и Ректоромъ новаго Виргинскаго Университета. Въ сихъ разнообразныхъ должностяхъ непрерывно служиль я ошечеству 61 годъ, и большую часть се-

го времени прожилъ въ чужихъ краяхъ или въ другихъ обласяхъ Америки. Если заслуги по Законодательству достойны бышь упомянутыми, и если духъ, который при успроеніи образа правленія народа нашего, необходимо долженъ былъ отличить законы наши, имѣешь нѣкошорую цѣну, шо безприсрасный судія найдешъ, что я предуготовилъ и съ помощію искусныхъ и ревностныхъ соспрудниковъ успѣлъ поспановить многіе изъ первѣйшихъ и важнѣйшихъ нашихъ законовъ. Первою предпринимаемою мною мѣрою сего рода было запрещеніе дальнѣйшаго ввоза невольниковъ. За симъ послѣдовало опмѣненіе всякихъ маіоратовъ (*fideicomis*), чѣмъ уничтожилась наслѣдственна и могущесвенная Аристокрація, кошорая совокупленіемъ большаго имущества въ нѣкошорыхъ семействахъ раздѣлила было всю нашу землю на два ошдѣльные класса. Пошомъ, для вяцшаго ушверженія равенства всѣхъ гражданъ предъ законами, нужно было уничтожить всякое неравенство въ правахъ наслѣдія, и для шого я составилъ проектъ закона о наслѣдствѣ, по кошорому сыновьямъ и дочерямъ опредѣляются равныя доли; онъ принятъ былъ въ составъ нашего новаго Уложенія. Я также былъ причиною шому, что новые брашія наши воспроши-

вились назначенію въ нашей землѣ главнаго вѣроисповѣданія. Тушъ должно было дѣйствовать медленно, пока понятія народа сдѣлались зрѣлыми для дарованія неограниченной терпимости Религіи; для сей цѣли я изготавилъ проектъ, который въ свое время долженъ былъ войти въ составъ Уложенія. Къ приведенію въ дѣйство сего проекта, по кошорому Епископская Церковь перешла бытъ главною въ политическомъ отношеніи, и коимъ предупреждено было введеніе въ послѣдствіи какой либо исключительной Религіи въ Государствѣ, способствовалъ преимущественно Г. Маддисонъ (бывшій потомъ Президентомъ Соединенныхъ Штатовъ), ибо я въ то время находился въ Европѣ. Къ сему смѣю еще присовокупить учрежденіе нашего новаго Университета въ Виргиніи. Жительство мое вблизи онаго (въ Monticello) было тому причиною, что мнѣ поручено было главное попеченіе о цѣломъ предпріятіи, объ устройствѣ и всеобщемъ учрежденіи, равно какъ и надзоръ надъ ученіемъ. Оцѣнишь вліяніе сего заведенія на будущую славу и благосостояніе нашего общества можешь только пошомки.“

Пер. М.

СОВРЕМЕННАЯ РУССКАЯ БИБЛИОГРАФІЯ.

Н О В Ы Я К Н И Г И .

1 8 2 7 .

1. *Новый и легчайший способъ узнать родъ существительныхъ имъ , во Французскомъ языкѣ, то же сѣ въ шести башняхъ.* Переведъ съ англійскаго, съ приложеніемъ избранныхъ примѣровъ, Карлъ Свенске. С. П. б. въ шип. Генеральнаго Штаба. 1827. 89 стр. въ 16 д. л., съ 6-ю рисунками. каршинок. (См. Сѣв. Пч. No 9).
2. *Новый Памятникъ изъ Законовъ Имперіи Россійской, или Всеобщій Словарь За новъ по Правамъ Государственному , Церковному, Военному, Гражданскому и Судопроизводному, вышедшихъ ошъ изданія Уложенія Царя Алексѣя Михайловича до нашихъ временъ.* С. П. б. 1825 и 1826, въ шип. Прав. Сенаша, въ 4. въ 1 томъ 372 стр. (См. С. Пч. No 11).

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА.

1827. № IV.

I.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

I.

В Е Ч Е Р Ъ В Ъ Д.

(*Окончаніе.*)

Офицеръ. Въ 1815 году, во время пребыванія войскъ нашихъ во Франціи, былъ я командированъ съ Поручикомъ Пблевымъ за нѣсколько миль, для исполненія одного порученія. Окончивъ дѣла свои, возвращались мы уже домою, какъ застигла насъ на дорогѣ шемная ночь. Это было въ Ноябрь; погода холодная и сырая, время ошъ времени перепадалъ дождикъ. Мы промокли и передрогли. Какова же была наша радость, когда, възжая въ деревеньку Logispeuf, увидѣли мы сквозь сумракъ ночи, на бѣлой стѣнѣ вывѣску, съ надписью: Michel Perraud lo. à pied et à cheval. Разсуждашь долго было изъ чего. Мы поворошили на дворъ,

соскочили съ лошадей и начали спускаться въ двери. На спускъ нашъ выбѣжалъ хозяинъ и хозяйка, garçon et fille, со свѣчами, чшобъ встрѣшить насъ. Не успѣли мы опшдашь лошадей и войши въ сѣни, какъ maître d'hôtel съ обыкновенною Французскою болшпли-восшю, накидалъ намъ около сошни вопросовъ, на кошорые самъ же и опшвѣчалъ вмѣсто насъ. Между шѣмъ онъ свѣшилъ намъ вверхъ по деревянной лѣспницѣ, попомъ вдоль по узкому, но длинному кйрридору, и наконецъ въ назначенную намъ комнашу. На вопросъ, чего намъ угодно, въ одинъ голосъ опшвѣчали мы: дровъ! огня! попому чшо мы прозябли не на шупку, и намъ хошлось опшгрѣться. Ужинъ заказали мы черезъ часъ.

Спустиа нѣсколько минушь, явилась къ намъ служанка съ двумя вязанками шонкаго хворосту и шрема или чешырьма полѣшками, опшкрыла дверцы камина, и скоро запылалъ въ немъ огонь.

„О дорогое опечество!“ сказала Полевъ: „Если бы въ шебъ не было и ничего другаго хорошаго, кромъ печей, и шогда бы я предпочель шебя богашой каминами Франци. Кшо, какъ я, провель въ ней болѣе двухъ мѣсяцевъ, и во все это время не опшгрѣлъ ни разу, какъ надобно, шѣла и души

своей, пойдѣ повѣришь мнѣ, что, увидѣвъ снова первую печку, я гошовъ бросишься обнимать и цѣловать ее, если бѣ она была и такъ горяча, что я могъ бы обжечь себѣ губы. Правда, Французы говорятъ: *le feu parle*, но ошъ разговоровъ не согрѣешься, а ужъ о томъ ни слова, что надобно безпрестанно стоять, какъ кухаркѣ, по съ кочергой, по со щипцами, чтобы по сгребать въ кучу жаръ, по подбирашь выскакивающіе уголья. И ошъ всего этого какая польза? та, что руки и платье вѣчно воняють дымомъ; что спереди жарись, а сзади мерзнешь, и что если хочешь защитить лице свое ошъ жару и дыма, по долженъ сидѣть передъ камномъ съ дамскимъ опахаломъ.“

Я не мѣшалъ поварницу моему орапоршвовашъ, а между шѣмъ снималъ съ себя мокрое платье и гошовился къ почлегу.

Все убранство комнаты нашей составляли двѣ кровати, одна съ занавѣсками, а другая ошкрытая. Товарищъ мой выбралъ для себя первую и шѣмъ сдѣлалъ мнѣ большее одолженіе: я никакъ не могу лежать подъ пологами, хотя подъ ними нѣсколько и шеплѣ. Далѣе, коммодъ со шпеклянымъ надъ нимъ шкафомъ, зеркало надъ камномъ, пять, шесшь шаринныхъ, полосатыхъ ани-

•

дасожа крышыкь кресель, вешкое канапе и нѣсколько каршинь по стѣнамь.

Мы взяли свѣчи, чшобь разсмошрань послѣднїя. На одной изъ нихъ изображень былъ поршрешь какого нибудь героя революціи. Онъ шакъ грозно выглядываль изъ подь густыхъ бровей своихъ, чшо испинно, взглянувъ на него невзначай, можно было испугашься. Къ шому же на носу его была придѣлана шишка, право не меньше, какъ съ Грецкій орѣхъ. Товарищъ мой захохоташь во все горло, и я не могъ удержашься ошъ смѣха. „Эшому бы лучше не пишашь себя!“ сказаль Полевъ и началъ оппускашь одну оспрошу за другою. Но въ самое шо время, какъ онъ выкапываль свои *bons mots* на счетъ шишки и оба мы ошъ души хохотали, вдругъ поршрешь сорвался со стѣны и шяжекою своею рамою упаль прямо на ногу моему шоварищу, шакъ чшо онъ вскрикнуль и принужденъ былъ съ громкими ругашельспвами проскакашь на одной ногѣ черезъ всю комнашу.

„И дѣло — за насмѣшки!“ примолвила Юлія, бросивъ лукавый взглядъ на меня. Ошицеръ продолжалъ:

Полевъ все еще бранился, когда служанка принесла намъ ужинь. Она спросила о причинь, и когда мы рассказали происшеш-

ме, но все лице ея сморщилось, и она съ важностію сказала намъ, что это не хороший знакъ, что каждый разъ, когда поршреть почтеннаго шарика съ шишкою на носу падаетъ — безъ какой нибудь видимой тому причины — случается навѣрное въ домъ несчастіе, и что если бъ она была на мѣстѣ хозяина, то давно бы этошъ зловѣщій поршреть бросила въ каминь. Съ этими словами подняла она его со слезами, повѣсила на прежнее мѣсто, и ушла.

Проводивъ ее глазами, я и шоварищьюю подвинулись къ сполу и принялись за 'жннъ. Намъ кошѣлось еще посмѣяться надъ этою забавною исторіею, но все что-то ужъ не клеилось. Товарищъ мой какъ ни старался, не могъ придумать ни одной сносной ошпропы, и разговоръ нашъ, нѣсколько разъ перерываясь, пошочъ мало по малу ошъ шушочнаго перешель къ чудесному. Мы сшали рассказывать другъ другу разные ужасные и неизъяснимые анекдоты.

Наконецъ оба мы спихли. Успалось ошъ шрудной дороги начала всшупашъ въ свои права, и глаза мои прошивъ воли слипались: я замѣнилъ шолько, что другъ мой Полевъ, барабаня вилкою по шарелкъ, все шскося поглядывалъ на мшшшельный поршреть, кошорый шеперь, въ шѣни, въ са-

момъ дѣлѣ казался ужаснымъ и какъ будто имѣлъ въ себѣ что-то необыкновенное.

Сонъ сильно началъ клонить насъ, и мы вспали изъ-за спода. Я заперъ дверь, раздѣлся и легъ въ открытую кровать; Полевъ подъ занавѣски.

Глаза мои скоро сомкнулись, и я задремалъ; но не прошло четверти часа, какъ вздохъ или оханье моего друга разбудили меня. Вслушиваюсь — точно: это онъ что-то бормочетъ про себя. „Что съ тобою?“ спросилъ я у него. — „Истинно не знаю,“ отвѣчалъ онъ: — „сонъ это, или въ самомъ дѣлѣ, что со мною случилось. Едва только закрылъ я глаза, какъ что-то свѣло ко мнѣ на носъ, холодное какъ ледъ. Я опмахнулъ рукою, и оно пропало. Но едва я улегся, какъ оно опять уже сидѣло у меня на носу. И вошь это ужъ въ претѣй или четвертый разъ.“ — „Это вѣрно духъ того шарика, надъ шишкою котораго ты вчера сколько хохоталъ. Смоди, чтобъ въ наказаніе и у тебя на носу не выросла такая же!“ сказалъ я, помирая со смѣху. „Шушки въ сторону!“ началъ опять Полевъ — „меня въ самомъ дѣлѣ пронимаетъ какой-то страхъ, и если мнѣ еще хоть разъ сядетъ чтонибудь на носъ, то я не останусь въ

этой проклятой пошелѣ ни за какое благополучіе въ свѣтѣ!“

Онъ умолкъ и уже добрый Морфей снова принималъ меня въ свои объятія, какъ Полевъ вдругъ съ ужаснымъ крикомъ выскочилъ изъ пошелки. — „Нѣтъ! брашъ, я не могу больше сносить этого“ сказалъ онъ мнѣ: „шупъ ешь что-то спранные, непонятное. Опять эта шишка сидѣла у меня на носу. Я хотѣлъ схватить, она исчезла, и чрезъ минушу явилась снова.

Я вспалъ, высккъ огня и подошелъ къ его кровати. Полевъ осмался въ опдаленіи, и боязливо смолчалъ за мною. Ошдергиваю занавѣсъ, и вижу... вижу... Ну, милосшивые государи и государыни! прошу ошгадать, что я увидѣлъ?...”

Сынъ хозяйки хотѣлъ ошвѣчать, но Александрина перебила его.

„И! какъ шебъ не слышно! Перерывашъ на самомъ любопышномъ мѣстѣ. Оканчивайше скорѣ!...”

Офицеръ. Виновашъ, просшите! Мнѣ хотѣлось шолько доказать шѣмъ, что и я могу бышь не послѣднимъ Авшоромъ Повѣстей и Романовъ. Это обшкновенная ихъ уловка. И шакъ слушайше:

Сверху балдахина висѣлъ шнуръ, кошорыи сдергивались занавѣски, а на концѣ его,

для красы, алебастровый шарикъ. Эштошь-шо шарикъ садился на носъ моему пріятелю. Когда онъ опмахивалъ рукою или ударялъ по немъ, шо шарикъ начиналъ качаться, иногда даже завершывался на шнуръ, и шакимъ образомъ давалъ шоварищу моему нѣсколько минушь покою: но когда ошпанавливался, шо садился ему на носъ, кошорый прямо приходился подъ опшвѣснимъ пункшомъ шнура. Вошь и все! Вы можете предшавить себѣ, какъ мы хохошали надъ эшимъ опскрышнемъ.

„Я почти угадывалъ эшу развязку,“ сказалъ сынъ.

— „Только-шо?“ началъ спарикъ опецъ;
— „а я ожидалъ, Богъ знаетъ чего.“

„Ни больше, ни меньше!“ продолжалъ опецъ — я рассказывалъ вамъ быль, а не сказку; а пошому примите ее, какова ешь. Впрочемъ, я извлекъ немаловажную пользу изъ эшого происшешвія. Въ послѣдствіи, какъ скоро я замѣчалъ, что Полевъ чымъ нибудъ озабоченъ или грушенъ, шо спомло шолько сказашъ: у тебѣ опяшь что-шо на носу! и лице его въ минушу прояснилось.“

„Нышь ли и у васъ чего нибудъ на носу?“ сказала мнѣ Александрина: — „вы что-шо очень призадумались!“

— „Тсъ! вы забыли, какъ строго наказывающся всякія насмѣшки, даже мадъ пор-прешами“ — опвѣчалъ я.

„Съ чего вы взяли, что я насмѣхаюсь?“ возразила Александрина. „Я хотѣла только знать: о чемъ вы думаете?“

Я. Мнѣ пришло въ голову еще одно довольно забавное происшествіе; но поберегу его до другаго времени.

Мать. И дѣло! Теперь ваша очередь, Г. Докшоръ! Вы вѣрно не откажешесь сообщить намъ поже какойнибудь анекдотъ изъ вашей жизни?

Г. Съ удовольствіемъ, если согласитесь выслушать одно происшествіе изъ моихъ студенскихъ дѣлъ.

„Вы знаете, что я ученіе свое началъ въ Бернѣ, и тамъ еще приспращился къ Анапоміи. И тогда, какъ и теперь, разложение пѣлъ было однимъ изъ пріятнѣйшихъ моихъ занятій, кошорому я всего чаще посвящалъ свое время, пѣмъ болѣе, что извлекалъ изъ шого двойную пользу: въ отношеніи къ пріобрѣщенію свѣдѣній, и въ нравственномъ. Когда можно лучше наблюдать чудесную, неизъяснимую, божественную природу, какъ не при размашриваніи собшвеннаго нашего, превосходно устроенаго пѣла? Что представляетъ богашѣйшій, до-

спойнѣйшій предметъ размышленія, яснѣйшія, неопровержимѣйшія доказательства бышія всѣмъ управляющаго Творца, какъ не чудесно-мудрое спроеіеіе собственаго нашего существа, въ кошоромъ находимъ, въ маломъ видѣ, отраженіе всего безконечно разнообразнаго шворенія? . . .“

(Г. оспановилса на минушу. Спарикъ ошець въ молчаніи снялъ колпакъ, и поднялъ глаза къ небу. На лицахъ всѣхъ изобразилось умиленіе. Г. продолжалъ:)

„Лекціи мои не оставляли мнѣ днемъ сколько времени, сколько бы иногда желалъ я для пригошвенія моихъ анашомическихъ препарашовъ; ошъ чего нерѣдко случалось, что я работалъ по ночамъ, до полуночи, а иногда и до ушра проводилъ въ анашомическомъ залѣ, съ шоварищемъ, или одинъ.

„Такимъ образомъ случилось однажды, что послѣ нѣсколькихъ, почти безъ сна проведенныхъ ночей, мнѣ и другу моему Г... посреди заняшій нашихъ, такъ захошлось спать, что мы никакъ не могли ошъ шого удержаться. И пошому рѣшено было около полуночи прилечь опдохнуть.

„Товарищъ мой занимался еще окончаніемъ своей работы, какъ я уже началъ гошовить посшелъ, на-шполъ, изъ нѣсколькихъ халашовъ, надѣвасмыхъ при анашомическихъ

рабошахъ, двухъ или прехъ просшынь, служащихъ для прикрытія шруповъ, и чурбана, на которомъ разсѣкають ихъ, вмѣсто подушки. Приготовивъ, я легъ и пошчасъ уснулъ. Г. вскорѣ послѣдовалъ за мною: но я этого уже не слыхалъ.

„Прошло не болѣе получаса, какъ довольно сильный шумъ началъ меня беспокоить въ крѣпкомъ снѣ моемъ. Онъ не разбудилъ меня, но мѣшала мнѣ спать покойно, и привела меня въ шакое, всякому извѣстное состояніе, въ которомъ, находясь между сномъ и бдѣніемъ, не можешь еще какъ должно размыслишь о причинахъ шума или сшук, но безпрестанно занимаешься имъ и при томъ чувствуешь какую-то нецоящую шоску. Наконецъ я совершенно пробудился и удосповѣрился, что дѣйствительно слышалъ что-то на яву, а не во снѣ.

„Я поспѣшно приподнялся, чтобы вслушаться, откуда и опъ чего происходитъ шшш спранный шумъ, пошому, что онъ казался мнѣ весьма въ близкомъ опъ меня разстояніи, между шрупами и скелешами. Но въ шу же минушу настала мершвая шшшка. Луная ночь и лежащій на крышахъ окружныхъ домовъ снѣгъ досшашочно освѣщали богашую окошками залу, такъ, что я съ возвышенія своего могъ осмошрѣть ее

всю. Ничего посторонняго или необыкновеннаго я не замѣшила. Другъ мой спалъ подлѣ меня, какъ убитый, и храпѣлъ изо всѣхъ силъ; цѣльные и разсѣченные шрупи лежали спокойно на своихъ мѣстахъ; все было въ томъ самомъ порядкѣ, какъ я съ вечера оставилъ.

„Мысли мои перялись въ заключеніяхъ: я не знала, что подумашъ. Хотѣла переувѣришь себя, что все это чудилось во снѣ и легъ оляшь, но не могъ уже заснуть. Вдругъ шумъ начался снова, и гораздо сильнѣе, нежели прежде. Казалось, какъ будто нѣсколько человекъ желѣзными ложками скребли въ коспрюляхъ или на сковородахъ. Кроме того, въ небольшихъ и весьма рѣзкихъ перерывахъ, слышны были глубокие вздохи, сопровождаемые жалобнымъ, но очень тихимъ стономъ, который въ скоромъ времени снова прерывался прежнимъ сильнымъ шумомъ. Я опять вскочила и посмотрѣла во всѣ стороны, особенно же въ ту, откуда слышался шумъ. Напрасно! Все было тихо и неподвижно, и при всемъ томъ шумъ продолжался. Выведенный изъ себя, я схватилъ за руку своего друга, пошрясь его довольно неучтиво и спросилъ: неужели онъ ничего не слышитъ? Онъ съ просонья ошвѣчалъ мнѣ сквозь зубы досадное: нѣтъ! повернулся

на другую сторону и захрапѣлъ. Въ самомъ дѣлѣ шумъ въ эшу минушу прекратился и все спало тихо по прежнему.

„Я не шрусъ и не суевѣренъ, но признаюсь, холодъ началъ пробѣгать по моимъ жиламъ. Долго сидѣлъ я на своемъ сполѣ, озираясь во все стороны, и придумывалъ шо и другое. Мнѣ хотѣлось дождаться новаго шума, чшобъ узнать истинную его причину; но онъ не начинался, а шерпѣніе мое кончилось. Я легъ опяшь и по долгомъ размышленіи мнѣ пришло въ голову, чшо вшонтъ шумъ вѣрояшно происходилъ изъ кухни, находившейся по сосѣдству; ибо въ залѣ не было ни коспрюлъ, ни сковородъ. Я боролся еще съ собою: разбудишь ли мнѣ своего поварища, или опважишься одному сходишь въ кухню и осмошрѣшь ее, какъ прежній шумъ начался снова, шакже сильно и вблизи подлѣ меня. Испуганный, сдѣлалъ я скорое движеніе, чшобъ приподняшь голову и вслушаться лучше, какъ въ самое эшо мгновение получаю сильный ударъ сзади по плечу. Совершенно неволью схващываю я за ушибенное мѣсто и — вообразише мой ужась! — ошупываю чшо-шо коспаное. Кровь моя зашмыла. Трепеща всѣми членами, я озираюсь, и чшо жь? За мною спомнѣ чедовѣче-

скій скелетъ и, смотря на меня, улыбається. Его рука въ моей рукѣ.

„Кое-какъ спарался я собрать свои мысли, и все еще держалъ осповь за руку, и все еще смопрѣлъ на него неподвижно. Я очень помнилъ, что когда ложился спать, вшого скелета пушь не было. Между шѣмъ шумъ продолжался часъ опъ часу ужаснѣе. Онъ не только былъ близокъ ко мнѣ, но мнѣ казалось даже, что я нахожусь посреди его, что онъ раздаётся со всѣхъ споронъ.

„Между шѣмъ въ самомъ спрахѣ, вспани мнѣ на умъ два правила, въ юносии зашверженныя, и глубоко врѣзавшіяся въ моей памяти. Первое: *кто труситъ, тотъ уже въ половину пропалъ*, и вшорое: *не испытывъ, не бойся*. Это ободрило меня. Я схватилъ скелетъ сильнѣе и пошрясь его изо всей мочи. Мершвецъ не только не защищался — собственныя кости его едва не разлетѣлись. Это удвоило мою храбросшь, особливо, когда, всмопрѣвшисъ хорошенько, я узналъ въ немъ спарый, давно знакомый мнѣ скелетъ. Обыкновенно споялъ онъ въ заднемъ углу залы, но шоварищъ мой — какъ онъ послѣ мнѣ рассказывалъ — имѣя надобность разсмопрѣшь почнѣе одну часть онаго, принесъ его къ свѣчѣ, споявшей на сполѣ и

поспавилъ прямо позади меня. Съ тою же мыслию поднялъ онъ ему руку, такъ, что она держалась сама собою. Окончивъ свои наблюденія, онъ полвинулся опнесши его назадъ, а оставилъ въ такомъ положеніи — вмѣсто часоваго, какъ говорилъ онъ шуша, — и легъ спать. Приподнимаясь на своей постели, я не могъ его видѣть, пошому, что онъ стоялъ прямо позади меня; но опъ часоваго моего движенія на сполъ, а особливо въ послѣдній разъ, онъ пришелъ въ пошрясеніе, рука его опустилась сама собою и дала мнѣ шопъ ударъ по плечу, опъ кошораго я едва опомнился.“

„Ну, слава Богу!“ сказала Юлія: — „я никакъ не могла себя придумать, что́бы это такое было.“

Александрина. А опъ чего же шумъ?

Докторъ. Такимъ образомъ одна загадка была рѣшена. Это вселило въ меня бодрость. Надобно было рѣшить другую, шо есть, опкрыть причину вздоховъ, спона и шума, кошорые на эту минушу прекратились.

„Я вспалъ и гордою спопою, кошорой опшывы раздавались подъ сводами залы, прошелъ въ кухню. Тамъ все было шихо какъ въ могилѣ; кошпрюли и сковороды въ воз-

моживѣйшемъ порядкѣ, какъ поварь оставилъ мѣ съ вечера.

„Я возвратился опять въ залу. Подойдя къ одному сполу и опершись на него руками, я споялъ въ размышленіи, какъ вдругъ подлѣ самаго шого мѣспа, гдѣ я находился, раздался тяжельй, продолжительный вздохъ. Чшо за чоршь! вскричалъ я и едва храбросшь моя не улетѣла съ внимъ вздохомъ, пошому чшо вокругъ меня не было ничего, чшб бы могло вздыхашь. Даже ни одного прупа не лежало возлѣ меня. Въ эту самую минушу раздался шумъ сильнѣе прежняго. Рѣшившись на все, я прямо пошелъ къ нему и наконецъ опкрылъ сію причину.

„Эшо было не чшо иное, какъ большой сурокъ, кошораго наканунѣ нангли въ саду покоящагося крѣпкимъ зимнимъ сномъ, и принесли въ комнашу, чшобъ дѣлашь надъ нимъ опышы. Я совсѣмъ не зналъ, чшо его положили въ узкую жестяную клѣшкку, закрешую проволочною рѣшешкою, и забыли вынести опять на спужу. Въ залѣ было довольно шепло, и бѣдное живошное слишкомъ скоро и въ необыкновенное время начало пробуждашья опъ своего зимняго оцѣненія. Опъ шого получило оно сильныя судороги, кошорыя швѣмъ чувшвишельнѣе для него были, чшо въ узкой клѣшкѣ оно не

имѣло довольно мѣсна, чтобъ пропаянушь-ся. Въ сихъ судорогахъ скребло оно, время ошъ времени, изо всѣхъ силъ по жеспяной кѣшкѣ и ея рѣшешкѣ, ошъ чего и происходила шощъ шумъ, кошпорому шишина ночи и обширные своды залы придавали еще болѣе силы, и ошъ шого-шо и слышны были въ промежущкахъ его болѣзненный спонъ и часпо прерываемое глубокое и громкое дыханіе.

Вошъ вся моя испорія. Теперь позволшо мнѣ вывеспи изъ нее какое нибудъ нравоученіе. Я думаю, лучшее будешъ слѣдующее: *все, что ни кажется тебѣ неизъяснимымъ, испытывай безъ предубѣжденія, и не мертвыхъ бойся, а развѣ только живыхъ.*“

„Покорнѣйше благодаримъ васъ,“ сказала машь — „и за расказъ и за нравоученіе. Первый сполько же любопышенъ, сколько последнее насшавишельно.“

— „И мы, и мы!“ примолвили дочери.

„Ну, бапюшка! шеперь шебѣ расказывашь. Ты самъ обшчался“ сказала Юлія.

— „Охотно гошовъ, друзья мои“ опшвчалъ ошець, посмашривая на часы — „но не поздно ли? Не лучше ли ошшавишь до другаго времени?“

Всѣ согласились, и расказъ былъ ош-
ложенъ до перваго свиданіа.

Между пѣвмъ подали карешу; я просшил-
ся и ошправился домой.

Съ иностран.

2.

ГУСТАВЪ ВАЗА.

Соч. Келера.

Близокъ былъ великій Густавъ Ваза къ концу дослославной своей жизни. Изнурительная лихорадка снѣдала силу, споль долго упорствовавшую бѣдствіямъ, и споль много высочайшихъ даровъ испоргшую у форшуны. Красивъ и спашень даже въ изнеможеніи, сидѣлъ онъ за сподомъ съ наследникомъ своего шрона Эрикомъ, съ Архіепископомъ Упсальскимъ, со многими вельможами, полководцами и Послами Ганзы. Въ шо время, когда гости, разгоряченные виномъ, шумѣли и спорили, его пламенный взоръ спрого и мрачно усшремленъ былъ на Принца, кошораго бысприя рѣчи перебѣгали ошъ одного къ другому въ кругу пирующихъ.

Архієпископъ Лавреншій Пешри (*) за-
мѣнили мрачность Государя. „Что смол-
ришь ты“ сказалъ онъ: — „пасмурнымъ
взоромъ на цвѣщущаго сына, преемника шво-
его величія?“ — „Думаю о судьбѣ его“ —
опвѣщивовалъ сѣдовласый Король. Тутъ
Эрихъ быспро обратился къ нему: „Живи
и царшвей“, сказалъ онъ: „но если умрешь,
чего мнѣ спрашишься? Храброе войско,
многочисленное дворянство, цвѣщущая шор-
говля и мощные союзники будушь моею
опорою; а благочестивое Духовенство воз-
зовешь на меня милосердіе Божіе своими мо-
лишвами, и сохранишь мнѣ любовь поддан-
ныхъ своими наставленіями.“

Всѣ госпи возгласили громкую хвалу
благоразумной рѣчи. Но взоръ Короля по-
мрачился еще болѣе. Онъ покачалъ головою
и сказалъ: „Я спарь и гляжу въ гробъ. До-
звольше мнѣ, друзья, говоришь въ послѣдній
разъ правду. И если она кого либо огор-
чиншь, помыслише, что не я въ шомъ ви-
ною. Буду рассказывать, что испыталъ въ
жизни, и Богу извѣшно, какъ часто же-
лалъ я, чтобы это было иначе.“

(*) Первый Протестантскій Архієпископъ въ
Уксаль.

По вѣроломству Христіерна (*), попалъ я заложникомъ въ его руки. Онъ зналъ, что я душою преданъ герою Сшуру, пошому, что преданъ душою опечесству, и старался приобрѣсть меня по лукавымъ ласкамъ, по буйнымъ угрозами. Но ласкамъ его недосступный, не возмущался я и буйствомъ. Покойно ожидалъ я своей участи, какую чиналъ уже въ убійственнo-коварномъ взорѣ пирана.

Тогда явился къ Королю Эрикъ Баннеръ, Намѣстникъ Калоскій, и сказалъ: „ощай мнѣ юношу. Онъ благородной породы, и только благородствомъ съ нимъ сладить.“ Христіернъ согласился: „Но шесть тысячъ

(*) Маргарита Дашская, знаменитымъ Кольмарскимъ союзомъ, сокупила при Сѣверныхъ Государствахъ вѣсть. Не долго вынесли однако Шведы сего чуждаго Короля. Во время Христіерна втораго, съ особеннымъ упорствомъ и успѣхами боролись противу Дашскаго владычества Сшуры. Подъ предлогомъ личныхъ переговоровъ, выманилъ Король однажды у послѣдняго Сшура нѣсколько знашнихъ заложниковъ, и въ томъ числѣ Гусшава Вазу. Не являсь къ переговорамъ, увезъ онъ ихъ вѣроломно въ Данію. Но Христіернъ не прежде покорилъ Швецію, какъ уже по смерти Администранора Стерна Сшура; а пошомъ вскорѣ опять пошерялъ ее своими жестокостями.

кронъ заплашишь ты“ сказалъ онъ ему: — „если дашь ему скрыться.“

Я пошелъ съ Банкеромъ, и онъ держалъ меня, какъ своего сына. Быспрѣйшихъ коней давалъ для ѣзды, и оппускалъ безъ служителей въ лѣса на охошу. Онъ не спрашивалъ куда, когда уходилъ я; не посылалъ искашь меня, когда и въ сумерки не возвращался я домой. Такъ жилъ я съ полгода и любилъ почтеннаго спарца. Однажды просилъ онъ меня дружески опказаться опъ Сшура и покориться Хрисиерну. „Требууй моей жизни“ опвѣчалъ я: — „ее опдамъ шебъ съ радостью; ты приобрьлъ ее своею доброшою. Но если когда нибудь доспанешся мнѣ располагашъ ею по волю, шо не Хрисиерну, а опечешву посвящу ее.“

Пришла вѣспъ о кровопролитномъ Спокольмскомъ пиршешвѣ (*). Шестидесятъ

(*) По признаніи Хрисиерна законнымъ наследникомъ и Королемъ Швеціи, вздумалъ онъ искашь мести или шпанскаго ушверженія на своемъ шронѣ посредшвомъ убійшва знаменитѣйшихъ особъ. Онъ воспользовался предлогомъ правдиваго наказанія за мнимо нанесенныя обиды Густаву Тролле, Архіепископу Упсальскому — человеку, враждовавшему въ зависши прошиву Сшуровъ, разрушившему пла-

благородныхъ Шведовъ пали подъ сѣкирою палача жершвою кровожаднаго, ненасыщаемаго тиранства. „Опмсшише за невинную кровь!“ были послѣднія слова ихъ къ народу. И до меня донеслось это воззваніе; сердце мое снѣдала мрачная тоска объ участи моего народа и опечесства, и непреодолимое желаніе опмсшишь кровопійцу. Но я былъ скованъ — не желѣзными цѣпями, которыя расшоргло бы мое бѣшенство — а мазными оковами благодарности.

Однажды, помышляя о шомъ, о чемъ и прежде уже помышлялъ тысячу разъ, вдругъ вспомнилъ я, что Баннеръ долженъ заплащивъ шесть тысячъ кронъ. Только денегъ, подумаю я — будешь спомощъ побѣгъ мой

ны ихъ къ независимости Швеціи и вспомошествовавшему наиболѣе своимъ вліаніемъ и своими козлами къ возведенію на пресполю Христіана. Въ одинъ день, шестьдесятъ Государственныхъ Совѣтниковъ, два Епископа, множество рыцарей и гражданъ были всенародно обезглавлены. Кто изъявилъ жалость о павшихъ, или былъ обвиненъ въ шомъ, долженъ былъ въ слѣдующіе дни принесши покаяніе на вѣслицѣ. И какъ поводомъ къ шому была духовная особа, Архіепископъ, то всѣ шрупы, вмѣстѣ съ вырпытымъ изъ могилы шоломъ Сперна Стюра, были сожжены, чтобы подумалъ народъ, будто они наказаны, какъ ерешки.

благородному старцу; ихъ я возвращу ему. Ощечество зовешь, его благо превышаешь законы госшепримства. Покойно испынывалъ и свое сердце; общая нужда, а не своя, побуждала меня искашь свободы. Считая себя правымъ, скрылся я безъ шруда. Около Фленсбурга, нанялся я у Саксонскихъ купцевъ погонщикомъ скоша и прибылъ благополучно въ Любекъ.

Тамъ явился я къ Бургомистру, Николаю Геминсу. Эшо былъ славный человекъ, уже съ сѣдыми волосами, привѣпливъ, уменъ, строгихъ правилъ. Ласково подалъ онъ мнѣ руку и спросилъ, чего желаю. „Я Гусшавъ Эрикзонъ“ былъ мой опвѣщъ: „убѣжавъ отъ шираца Хриспьерна, пришелъ къ тебѣ просишь помощи деньгами и людьми, на спасеніе моего, кровью обгаряемаго ощечества.“

Николай покачалъ сѣдою головою. Кровь бросилась у меня въ сердце и лице и бѣглою рѣчью спалъ я доказывашъ Бургомистру, что честь и польза Любека шого шребуешь, и что настало время, шеперь или никогда, умѣришь возрастаніе опаснаго, все низвергающаго врага, и воздашь Швеціи за шо, что Король Эрикъ за шри шцольшія сѣмалъ для Любека.

„Гусшавъ,“ сказалъ Николай, положи дружески руку на плечо мое: „Гусшавъ, шм

спасешь свое опечесство; это чинаю на лицъ своею, и конечно желалъ бы я, чтобы и Любекъ принялъ участіе въ геройской своей славы. Но если того не будетъ, не робѣй: въ тебѣ одномъ болѣе Любека.

Почтенный старецъ велѣлъ мнѣ осмѣиваться въ своемъ домѣ, общая пополуковашь съ Сенашомъ. День спусти, прѣвхалъ Баннеръ, открывшій слѣды мои.

Я пошелъ къ нему на встрѣчу и подалъ ему руку; онъ оттолкнулъ ее спротиво. Николай былъ при томъ. „Жалкій клятвопреступникъ“ — вскричалъ Баннеръ въ жару: — „неблагодарный не можешь отдавать руки челоуѣку благородному!“

— „Баннеръ!“ сказалъ я ему: „жизнь моя принадлежала тебѣ, и никогда бы я не смѣлъ располагать ею самъ для своей свободы. Какъ часто имѣлъ я случай измѣнить своей довѣренности и бѣжалъ! Но свое благородство держало меня крѣпче, нежели Хриспьерновы цѣпи. Осмѣлся бы я и тогда, если бѣ мое опечесство носило, хотя и чуждое, но сносное иго. Теперь же, когда шигръ перзаешь его по часнямъ, когда мои друзья, мои братья обагряются кровью, когда необузданныя, ненасыщенные шайки разбойниковъ свирѣпствуютъ въ родныхъ долинахъ моихъ всѣми ужасами грабежа и раз-

рушенія — шеперь, Баннеръ, шеперь рас-
шоргающа узы всякой обязанности, кошо-
рая бы удерживала меня дешъшь къ спасе-
нiю опчизны, и пушь пограмишь мое имя
— дешъ бы я успълъ спасши ее!“

Однако шарецъ не могъ укропишь сво-
его гнѣва, и ругашельсшва лились на меня
рѣкою изъ успъ его. Я выдерживалъ шер-
пѣливо, обѣщаль ему плашу и шарался
убѣдишь его, что поступилъ справедливо.
Онъ все еще осшавался непримиримъ. Ни-
колай смошрѣлъ на насъ безмолвно, съ
улыбкою размышленiя на важномъ лицѣ.

„Какъ“ — вскричалъ я наконецъ съ
жаромъ: „эшошь побѣгъ счищаль я благо-
роднѣйшимъ подвигомъ жизни моей, и будшо
онъ поносное прешушленiе? Говори, Нико-
лай — правъ я, или нѣшь?“

Онъ покачалъ головою, изъвѣля жела-
нiе молчашъ. „Ну“ — сказалъ я: „судью
намъ надобно — шакъ сберише ученѣйшихъ
и мудрѣйшихъ людей изъ всего Любека и
предложише имъ вопросъ; и если я не правъ,
Баннеръ — вошь моя рука, я возвращаюшь
шогда съ шобою.“

Эшо шарикамъ понравилосъ; однако
что-шо насмѣшливое видно было на лицѣ
Николая. Послали исканъ людей ученыхъ и
мудрыхъ по всему городу, и пока собира-

лись они въ большой залъ, мы дружески бесѣдовали въпроемъ за спаканомъ вина.

Наконецъ всё собрались, и мы вошли въ залу. Правду сказать, почтенное было общество! Тогда въ Любекъ жило много людей умныхъ и философовъ. Я не безъ робости явился въ среду ихъ и низко, низко поклонился.

Николай предложилъ имъ дѣло. Баннеръ и я прислушивались внимательнѣе къ ихъ спорамъ, и сначала пошло все ладно. Но черезъ нѣсколько минушь, господа ученые начали шумѣть и кричать; но вдругъ приступали ко мнѣ, но къ Баннеру — съ доказательствами ихъ справедливости. Однако я понялъ не болѣе того, что нѣкоторые оправдывали меня, а другіе нѣтъ. Причинъ я никакъ не могъ постигнушь, и наконецъ дошло до того, что они и сами другъ друга не разумѣли.

Николай засшавилъ ихъ напоследокъ умокнушь и благодарилъ за принятый споръ. Однако на лѣспницѣ споры возобновились, а на улицѣ шумѣли они едвали не сильнѣе, чѣмъ въ залѣ.

„Ну что?“ спросилъ Николай, смѣясь: „умнѣ ли вы спали?“

— „Теперь вы посовѣшуй“ — вскри-

чалъ я: „пошому чшо я совсѣмъ сбился съ шодку.“

„Баннеръ!“ сказалъ Николай спарцу, кошорый, оглушень и ошуманень мудроспью ученыхъ, споялъ безмолвно; въ Николаѣ же предспавлялся мнѣ въ вшѣ минушты не Бургомиспръ, а какъ бы какой величавый Король, изрекающій судъ и правду: „Баннеръ, говори, чшо бы самъ ты сдѣлалъ для своего опечесшва? О, не давай досадъ владѣшь душею! Въ шеспи тысячяхъ кронъ я порука шебѣ, если онъ и не въ соспоянїи будешъ ихъ заплашишь. И шакъ по рукамъ! Не будь я Любскій Бургомиспръ, если ты въ правѣ взять къ себѣ юношу! И слѣдовашъ за шобою онъ не обязанъ, клянусь чеспью вшой сѣдой головы! —

Баннеръ молчалъ, размышляя; попомъ вдругъ схватилъ мою руку: „Ты свободень, Гусшавъ!“ — сказалъ онъ. „Хошя швой народъ врагъ моему, но благородные люди и врагами друзья. Спупай и дѣйшвуй, какъ велишь Господь.“

Такъ мы распались. Между шѣмъ Николай созвалъ знаншѣйшихъ членовъ Совѣша для разсужденія о пособїи, какого просилъ я. Собралось до двадцати богатѣйшихъ купцевъ; въ своихъ мѣховыхъ плащахъ съ золопными перевязями, засѣли они важно

въ креслахъ и расположились меня слушать. Я выспунилъ въ дрянномъ полукафшаньѣ, кошорое вымѣнялъ для своего побѣга, и шребовалъ денегъ и войска на освобожденіе Швеціи.

Долго и съ жаромъ говорилъ я, какою благодарностію обязанъ Любекъ Швеціи, какъ долженъ бышь ей преданъ. Тогда одинъ изъ членовъ спросилъ меня: „На что полагаешь свою надежду?“

— „На Бога, на свое мужество и на бѣдствіе своего народа“ — ошвѣчалъ я.

Тушь господа совѣщатели замигали и невольно схватились за свои драгоцѣнныя перевязи, какъ будто желая сказать мнѣ: у насъ больше на плечахъ, чѣмъ все швое могущество. И такъ успремились они на мое полукафшанье, какъ будто о немъ шла рѣчь и сужденіе.

Бургомиспръ поднялся и спалъ говоришь за меня. Того мнѣ было и надобно; кровь кипѣла во мнѣ, лице пылало. Долго ничѣмъ не рѣшались ихъ споры. Наконецъ ошпалось при шомъ, что дѣло очень сомништельно. Людей-де нѣкому приняшь въ Швеціи: шамъ нѣшь войска; а денегъ нельзя повѣришь на удачу молодого человекъ, едва вырвавшася изъ плѣна. Однако предложили они мнѣ 10,000 кронъ, если соглашусь

опидашь подъ залогъ все свое имущество и если, въ случаѣ успѣха, упрочу Любчанамъ исключительное право торговли на берегахъ Швеціи.

„За такія нищенскія деньги“ — вскричалъ я въ запальчивости — „не пожершвую своей головою, не только благомъ ошечешва!“ — И я вышелъ изъ залы....

— „Извинише, Ваше В—во“ — сказала Посланникъ Любскій, сидѣвшій шупъ же за споломъ: „Любчане служили вамъ однако въ послѣдшвмъ вѣрой и правдой.“

„Точно!“ ошвѣчалъ Король. „Я не забылъ шого, и въ свое время упомяну. Если же забуду, шо прошу напомнишь о шомъ кстати.“

Посланникъ, успыдаясь, замолчалъ. Король принялся опять рассказывать.

За мной вышелъ и Николай. „Не робѣй, Гусшавъ!“ сказалъ онъ: „Здѣсь не найдешь ты геройскаго духа; но помни, что главное въ жизни — умѣнь во-время пользоваться шѣмъ, что ешь и какво ешь. Слѣдуй швоимъ геройскимъ пушемъ, сынъ мой: штакъ будешь шягосшнѣе, но славнѣе. И когда возрашешъ ты собшвенными силами, шогда помощь придетъ сама собою — придетъ и изъ Любека: она облегчитъ дѣло, не унижая славы. Вошь шебъ 2,000 кронъ

опшъ меня. Надѣйся припомъ на всегдашнее мое доброжелательство.“

Эшо меня пронуло до слезъ. Я обнялъ сшарца, какъ опца. На корабль опсправился я, и думалъ, что прѣвду въ Сшпокгольмъ. Тамъ вопіяла кровь благороднѣйшихъ Шведовъ къ опмщенію; шамъ имѣлъ я друзей; шамъ надѣялся привлечь къ себѣ и народъ. Однако Капишанъ корабля расчель, что на другомъ пуши получишъ нѣсколькo сошенъ кронъ болѣе, и поплылъ къ Кальмару. Напрасно заклиналъ я его, напрасно предлагалъ все вознаградишъ ему. Онъ былъ немодимъ, и высадилъ меня не вдалекѣ опшъ Кальмара.

Тессонъ Асдаль, именовемъ вдовы Сшуре, исправлялъ шамъ должность Намѣшника. Полкъ, шамъ сшоявшій, былъ шопшъ самый, подъ знаменами кошораго сражался я за Сшура: въ немъ находилось до сна челоувѣкъ Шведовъ и Нѣмцевъ, бывшихъ прежде добрыми мнѣ шоварищами. Самъ Господъ посылаешъ шебѣ помощь, подумалъ я, когда сказалъ мнѣ о шомъ одинъ поселанишъ. Скорыми шагами пошелъ я въ крѣпость, кошорая долженствоваа служишъ сборищемъ моему войску.

Мои шоварищи узнали меня шопшчасъ, и привѣшшвовали шумною радостью: И къ

Намѣснику ходилъ я; онъ принялъ меня хорошо. Нѣсколько дней пропировали мы. Наконецъ воспользовался я однимъ вечеромъ, и спалъ говоришь о своихъ намѣреніяхъ.

Намѣсникъ былъ уже навеселъ, однако устремилъ на меня въ изумленіи глаза свои. Тогда произнесъ я имъ рѣчь.

„Не всѣ вы Шведы,“ сказалъ я: „но всѣ мужи доблесные. Вы сражались за эту землю подъ знаменами героя Сшуре. Какъ величавъ онъ былъ въ бишвѣ, какъ ласковъ со своими! Но теперь вы рабы врага, который умерщвляетъ благородныхъ нашей родной стороны, и терзаетъ народъ. Вы всѣ мои братья; часпо вмѣстѣ съ вами искалъ я опасностей и преодолевалъ ихъ среди густѣйшей непріятельской шолпы. Опт-важимся на геройское дѣло, которое принесетъ намъ благословеніе добраго народа, награды и почести! Ударимъ по рукамъ, за свободу Швеціи и на паденіе врагу!

Намѣсникъ шайкомъ убрался. Сшарикъ нахмурился, молодые смолчали на меня безсмысленно и съ улыбкой. Никшо не принялъ просшерной руки моей.

„Что у тебя за войска, Гуславъ, для шакого предпріяшя?“ спросилъ наконецъ одинъ сшарый Капишанъ.

„Всѣ храбрые люди, копорые шеперь здѣсь!“ опвѣчалъ я съ живосшію: „попомство прославишь васъ, какъ первыхъ, пріившихъ мечъ за право и свободу.“

Спарикъ молчалъ, покачивая головою. Наконецъ сказала другой: „Гусшавъ Эрикзонъ, шы храбрый полководецъ, эшо мы знаемъ. Но можемъ ли перемѣнишь свѣшъ? Въ мечъ все солдашское ремесло; держась за рукояшь, выслуживаешь онъ и золошо и почесши. Глупецъ, кшо деренся за гражданъ и мужиковъ. Сшуре былъ добръ — вѣчная ему память! Но Хрисшіернъ лучше плашишь, пошому, чшо мы ему нужнѣе; и многіе получили уже опъ него разныя милосши. Пусшь народъ ошпаешся народомъ, а шы служи пому, кого Богъ далъ. Онъ и себя не ошпавишь. Какъ думаете, шоварищи?“

Шумно возвеличали его хвалою всѣ, кромѣ двоихъ или троихъ. Я скрежешалъ зубами. Пошепшавшись между собою, они вышли изъ комнашы; ошпался одинъ спарый Шведъ, копорому Сшуре спасъ нвкогда жизнь на сраженіи.

„Гусшавъ!“ сказала онъ: „да благословишь и сохранишь тебя Богъ. Но на эшихъ людей не надѣйся: ихъ ошечество шамъ, гдѣ больше даюшь денегъ на игру и пишье, и

гдѣ лучше украшаютъ ихъ воинскую одежду и шлемы. Часомъ вспоминаю я о благородномъ Спуре — но что можешь одна эша рука? Двѣ или три бышь можешь. . . .“

Тутъ вбѣжалъ юноша, кошораго прежде едва замѣчалъ я, и кошорый недавно только возложилъ на себя оружіе. Вспревоженный, насилу переводя духъ, сказалъ онъ поспѣшно: „Гуславъ Эрикзонъ! я не знаю тебя, но люблю и уважаю. Скорѣе спасайся. Асдадь другъ Хриспіерна. Онъ шлеть спрашу, чтобы схватилишь и предашь тебя.“

„Кшо ты, юноша?“ спросилъ я въ изумленіи. — „Твой другъ, и если Богъ дастъ — швой спаситель.“ Тутъ повель онъ меня въ шемношъ къ ворошамъ, и я счастливо выбрался за городъ. . . .“

Старый Король умолкъ и быспро сморщилъ на масшипаго полководца, не вдалекъ отъ него сидѣвшаго. Сей закрылъ рукою глаза, изъ кошорыхъ брызнули слезы.

„Иваръ Нельсонъ,“ сказалъ Гуславъ: „швоя храбрая рука была досель одною изъ опоръ моего Государства. Но что ты сдѣлалъ въ шу ночь, было больше, нежели всѣ победы швой. Рубишь непріятелей, могушь и негодяи, но опшваживаешь жизнь свою на доброе дѣло, можешь только герой.“

Я былъ одинъ, въ сумракъ ночи, на открытомъ полѣ. Деньги, полученныя мною отъ Николая, остались въ Кальмарѣ; со мною было только сто кронъ. Со всѣхъ сторонъ окружали меня Дашчане. Я зашелъ въ крестьянскую избу и вымѣнялъ себѣ мужицкую одежду. За двадцать кронъ дали мнѣ мѣсто на возу сѣна, и миновавъ такимъ образомъ Дашчанъ, я прибылъ въ замокъ предковъ своихъ въ Зюдерманландіи.

Здѣсь-то, въ сердцѣ благородныхъ мужей Швеціи, думалъ я, живетъ высокій духъ, которій разорветъ ширанскія цѣпи. Я написалъ ко всѣмъ друзьямъ своимъ. Гонцы за гонцами скакали отъ меня, чшобъ возбудить дворянство къ бунту за свободу отечества, чшобъ вызвать на правое дѣло за пролившую кровь. Многіе вовсе не отвѣчали; другіе просили меня, при извѣстной жестокости Христиерна, побережь самого себя, или покрайней мѣрѣ не подвергаешь ихъ письмамъ уликъ въ предательствѣ. Нѣкоторые же писали напрямки, чшо освобожденіе Швеціи можешь спасешь на умъ только гаупцу, незнающему ни силы Христиерна, ни свѣта. Иные при помѣ намѣкали: чего не удалось Спурамъ, напрасно зашваешь Гусшавъ Ваза.

То грызло мое сердце, что шамь, гдѣ надлежало бышь священицу благородства, находилъ я низкую робость и расчесы своекорыстныя. Я созвалъ на думу поселянъ; напомнилъ имъ о подвигахъ, о благородной гордостии и непоколебимой преданности къ свободѣ предковъ своихъ. „И мы не бабы“ оповѣчали они — „наши молодцы сражались и падали въ битвахъ за родной край. Но если дворянство изгибается передъ чужимъ Королемъ и носишь имя его на щипахъ своихъ, чего же намъ шущъ буншовашь? Мы получаемъ соль и сельди ошъ Датчанъ, а въ Швеціи никшо намъ шого не даешь. Ошавъ насъ въ покоѣ.“

„Если здѣсь нѣшь Шведовъ,“ воскликнулъ я: „шо найду ихъ въ Даларніи (Далекарліи.) — Одинъ креспьянинъ провелъ меня шуда, неся за мною мой скарбъ. Я увидѣлъ съ вышины горъ Даларнійскія селенія, и сердце мое зашрепешало радостною надеждою — найши шамь, чего искалъ. Солнце свѣшило ярко, я былъ упомень, близкая роща приманила меня подъ шѣнь свою; я прилежь и заенуль. Пробудясь, я не пашель вожашого: онъ скрылся, не оставивъ ничего, кромѣ бывшого на мнѣ мужицкаго жлашня. Тогда пошелъ я въ близлежащій горный заводъ, и нанялся въ работ-

ники. И когда я въ глубинѣ земли раздроблялъ мѣдную руду силою рукъ своихъ, тогда нерѣдко приходила мнѣ мысль, что гораздо легче разсѣкашь скалы, нежели будишь своекорыстіе и робость къ благородному дѣлу. Однако не забывалъ я Николая, и мнѣ все еще мечталось, будто слышу, какъ онъ говоритъ: въ тебѣ одномъ больше Любека, и больше, чѣмъ солдаты безъ благородства и дворяне безъ мужества.

(*Окончаніе впродъ.*)

II.

ВОЕННОЕ ИСКУСТВО.

ИСТОРИЯ АРТИЛЛЕРІИ.

(*Продолженіе.*)

ПЕРІОДЪ ПЯТЫЙ.

Войны Французовъ въ Нидерландахъ, Германіи и Италіи, 1648 — 1738.

Пятый періодъ, можно сказать, былъ свидѣтелемъ военной славы и постоянныхъ войскъ Европы: Прусское войско достигло возможной степени совершенства, но выше

всѣхъ спали Французы. Лувуа, Военный Министръ Лудовика XIV, зналъ пылку спрасп сего Монарха къ военной славъ; для ея удовлешворенія, онъ рѣшился преобразовать военное сосшояніе Франціи. Разсматривая Испорію сего періода, мы увидимъ, что Полководцы обѣихъ сторонъ были однихъ паланшовъ: Тюренну, Люксанбуру, Конде прошивосшояли Моншекукуди, Мальборугъ и Евгений Савойскій. Сіе равное прошиводѣйствіе должно было произвешти великое, распросшранившееся на всѣ часши Военной Науки.

Хотя въ началѣ XVII спользія уже всѣ Государства послѣдовали въ усшроеніи своихъ орудій Шведскому Королю, хотя въ Нидерландахъ и Испаніи не только полевые орудія были укорочены, но и осадныя; не смотря на шо, Аршиллерія оспалась въ Германіи въ прежнемъ своемъ видѣ по двумъ причинамъ: 1) будно бы длиннѣйшимъ орудіемъ производилъ дальнѣйшій выспрѣлъ; 2) отъ привязанности къ сильнымъ зарядамъ, отъ коихъ корошкія орудія сильно и скоро разгорячались и большіе имѣли опбои. Скоро однако жъ увидѣли, что шаковыя тяжелыя орудія неспособны къ быспрымъ движеніямъ, и тогда уже не спали болѣе упошреблять двѣухъ и трехъ-чет-

вертныхъ картауновъ, и Аршиллерія состояла изъ слѣдующихъ орудій:

	шляж.		шолсп.		вѣсъ
	ядра	длина	нар. ч.	дульш. ч.	
Полукартаунъ	24 ф.	22 кал.	1 кал.	1½ кал.	45-60ц
Четверть - картаунъ . . .	12 —	24 —	1 —	½ —	28-36
Фалькауны . . .	6 —	27 —	1 —	½ —	
Цѣлая полевая					
шланга . . .	18 —	30 —	1½ —	½ —	21
Полушланга . . .	9 —	36 —	1½ —	½ —	
Четверть-шланга	5 —	40 —	1½ —	½ —	

До самаго 1690 года, Французы также въ своей Аршиллеріи имѣли еще длинныя орудія, и общая ихъ длина равнялась 10 Французскимъ фушамъ. Но замѣшимъ, что Французы опшивали, кромѣ сихъ орудій, еще 8 и 4 фуншов. пушки. Вошь орудія, составлявшія въ семь періодъ Аршиллерію Лудовика XIV:

Калибръ орудій.	Длина въ фр. фуш.	Длина въ калибрахъ.	Вѣсъ орудій въ фунш.
33 ф.	10	19½	6,200
24 —	10	23½	5,100
16 —	10	24½	4,100
12 —	10	26½	3,400
8 длинн.	10	30½	1,950
8 коротк.	8	24½	
4 длинн.	10	38	1,300
4 коротк.	8	30	

Такъ называемыя *гаубицы* (каморныя орудія) были исключительно употреблены только въ Германіи; ихъ употребляли при осадахъ, для очищенія крыльевъ прикрышаго пуши, и въ сраженіяхъ для каршечной стрельбы по неприятелю. — Длина ихъ простиралась ошь 5 до 6 калибровъ, изъ конхъ 3 или 4 приходили на длину кошла, а $1\frac{1}{2}$ или $1\frac{1}{2}$ на камору. Бросали онъ ошь 12 до 24 фунш. каменные ядра, лежали на обыкновенныхъ полевыхъ лафесахъ, прочнѣйшаго успроенія, для выдержанія удара вертикальнаго огня. Въмѣсто сихъ гаубиць Французы употребляли семивершковыя морширы, кои могли бытъ, подобно гаубицамъ, возвышены на 70° , и фуншовымъ зарядомъ бросали бомбу на 750 шаговъ; только послѣ Нервиндскаго сраженія, наши Французы между 70 завоеванными орудіями 8 гаубиць, по образцу коихъ были въ посаждешви вылины и Французскія гаубицы. Къ сему же времени относится изобрѣшеніе *малой мортиры*, имѣвшей вмѣсто лафеса, длинный спержень; полагаюшь, будшо Клорпъ, Голландскій Инженеръ, въ 1702 году изобрѣлъ и ввелъ ее въ употребленіе, и посему-то она извѣсна вездѣ подъ именемъ *Клорповой мортирки*; но извѣстно, что еще прежде Клорпа, Артиллеріи Им-

нерапорской Полковникъ *Гольетъ*, дѣлалъ ея опыты въ 1669 году.

Усовершенствованіе устройства лафетовъ должно было слѣдовать за усовершенствованіемъ устройства орудій. Тяжелыя и большія орудія и гаубицы Нѣмцевъ требовали прочнѣйшихъ, и слѣдовательно тяжелѣйшихъ лафетовъ, нежели легкія и короткія орудія Голландцевъ и Шведовъ.

Съ сего періода заряданіе пуфлюю вышло совершенно изъ употребленія; вездѣ включали порохъ въ патронахъ, сдѣланныхъ изъ пергаментна, холста или писчей бумаги; симъ стрѣльба не сдѣлалась споль опасною. На ечещь снарядовъ много было сдѣлано въ семь періодъ. Карпечъ была двойкая: или она состояла изъ *града*, ш. е. изъ рубленого желѣза, гвоздей, цѣпей и проч., или состояла изъ *мушкетныхъ пуль*; припасъ сей былъ или вмѣщенъ въ холстинный мѣшокъ, или въ деревянный и жестяной цилиндръ. До сего времени стѣны бомбъ и гранатъ были концентрированы, ш. е. вездѣ одной толщинны, и посему часно случалось, что бомба ударяла шрубкою въ землю и теряла свое дѣйствіе; въ семь періодъ, бомбовое дно вдвое превышало толщину бомбы, и удобіе симъ дномъ пробивали толстые своды пороховыхъ ма-

газиновъ. Въ сіе же время, одинъ Аршиалериспъ, въ 1672 году, изобрѣлъ зажигательный снарядъ, называемый и нынѣ *каркасомъ*; устройство его удержано еще и донныѣ. Французы въ первый разъ употребили его, въ присуществіи своего Короля, при осадѣ Масприхша (въ 1674). Французы кромѣ вышеупомянутыхъ бомбъ и гранатъ, изобрѣли въ семь періодъ еще два рода бомбъ. Первый родъ имѣлъ большое сходство съ круглымъ плоскодоннымъ сосудомъ, и по сей причинѣ названъ *magmite*. Другой же родъ имѣлъ 18 вершковъ въ діаметръ, былъ наполненъ 48 фунт. пороху и вѣсилъ 500 фунтовъ; сіи бомбы назывались *коммигесы*. По необычному его вѣсу, снарядъ сей былъ скоро оставленъ.

Въ сіе же время и порохъ былъ усовершенствованъ; всѣ пороховыя мельницы были во Франціи приведены въ цвѣтущее состояніе; въ 1692 году, число ихъ простиралось до 26, кои вмѣстѣ, съ Марша по Оклябрь, пригошляли 2,310,000 фунт. пороху. Въ сіе время спарались усовершишь качество и силу пороха; доселѣ Аршиалериспы, не имѣя еще надлежащихъ свѣдѣній о Физикѣ и Химіи, изыскали воспламененіе и силу пороха изъ противоположныхъ качествъ селитры и сѣры, и пропорціи

прехъ существенныхъ частей пороха была выражена невѣрно. Но теперь многіе знаменитые Математики и Физики занялись разложеніемъ пороха. Гюйгенсъ, Левенгукъ де ла Гиръ, Папинъ, Бернулли, значительно усовершенствовали порохъ, и съ большею точностію опредѣляли пропорцію пороховыхъ частей.

Заряды до сего времени были обыкновенно огромны, и часто равнялись всу снаряда; послѣ уже зарядъ равнялся $\frac{2}{3}$ вса снаряда; пошомъ и сей зарядъ былъ уменьшенъ, и не превышалъ половины ядра. Французскій Генераль-Лейтенантъ du Metz доказалъ наконецъ опытами, что выстрѣлы при $\frac{1}{2}$ и при $\frac{3}{4}$, при возвышеніи 45° , равны. Беллдоръ, славный изобрѣшательный геній (незабвенный мужъ своего вѣка), повѣрялъ сіи опыты съ д'Абувиллемъ, Комендантомъ артиллерійскаго Лаферскаго баталіона въ 1739 году. Опыты были удачны, и Беллдоръ выдалъ свою теорію о пользѣ слабыхъ зарядовъ (*), основывая ее на томъ, что порохъ

(*) Въ благодарность за сіе превосходное сочиненіе, Беллдоръ былъ лишенъ Фельдцейгмейстеромъ, Принцемъ де Домбель, своего Профессорскаго мѣста въ Лаферъ. Да и то вѣроятно, что могущественные его непріатели препятствовали ему выдать сочиненія: О дѣйствіи пороха въ пушкахъ, и другое:

воспламенялся не вдругъ, а постепенно. Кардиналь Флери еще разъ повелѣлъ повѣрять его опыты, и наконецъ уснановилъ зарядъ въ $\frac{3}{4}$ вѣса снаряда. Сей періодъ былъ ознаменованъ чрезвычайнымъ множествомъ изобрѣшеній по части Артиллеріи. Но замѣшимъ еще нѣчто о мешаніи бомбъ.

Прицѣливаніе морширы было обыкновенно производимо квадраншомъ; сперва дѣланъ былъ пробный выстрѣлъ, и по немъ возвышали или опускали морширу, смотря по тому, корошокъ ли, или длиннѣе онъ былъ. Нѣмецкіе бомбардиры имѣли при себѣ нѣкоторыя таблицы, основанныя на опытахъ. Французскіе же ихъ не имѣли. Уже Лудовикъ XIV, по учрежденіи бомбардирской роты, повелѣлъ производить опыты и по нимъ составлять таблицы, которыя только различіемъ числа отличались отъ Нѣмецкихъ. Но замѣнимъ, что стрѣльба по нимъ таблицамъ была ошибочна, и что она еще была нѣмъ ошибочнѣе, чѣмъ болѣе мешаніе бомбъ зависѣло отъ успроенія морширнаго шанка, отъ свойства пороха, направленія вѣтра и ш. д. При всѣхъ опытахъ, ни одинъ Артиллеристъ еще не раз-

Объ огнестрѣльныхъ орудіяхъ. Такъ часто стремленіе благороднаго таланта угнетается мечемъ зависти и ищенія!

мыслилъ о линіи полета брошенной бомбы. Мысли о семь знаменишаго Тарпаля и Уфано были слишкомъ смѣшаны и шекны, и не могли опкрышь пуни къ основательной теоріи. Хотя въ началѣ XVII столѣтія, Галилей и опкрылъ законы движенія свободно падающихъ тѣлъ, на копорыхъ дѣйствуюшь сила удара и сила тяжести, хотя онъ и доказалъ, что полеть ихъ есть параболическая линія, хотя Галилей и примѣнилъ сіе къ наклонной и возвышенной плоскости, но всѣ сіи драгоценныя мысли оспались чуждыми для Аршиллерисховъ. Де Шалъ былъ первый, копорый въ 1674 году аршиллерію ввелъ въ область систематическихъ Наукъ. Англичанинъ Андерсонъ, думая, что чрезвычайная плотность и тяжесть пугуна уничтожаетъ проводивіе воздуха, примѣнилъ первый въ 1607 году теорію Галилея къ Аршиллеріи, и для доказательства точности своей теоріи, приводилъ множество безсмысленныхъ гипотезъ. Блондель послѣдовалъ ему, почти во всеи. Безсмертному Невшону предназначено было рѣшить сію важную аршиллерійскую проблему. Невшонъ первый доказалъ, какъ изъ даннаго полета тѣла найши сопротивленіе воздуха. Иванъ Бернулли сдѣлалъ нѣкопорыя попра-

ки и облегчили рѣшеніе сей проблемы. Англичанинъ *Кейль* возсталъ прошивъ него за сіе въ 1718 году, и предложилъ ему рѣшить слѣдующую задачу: изъ извѣснаго сопротивленія воздуха найши полетъ шѣла. Тогда явился ученый споръ. Бернульи скоро рѣшили сію задачу, не хошѣя ея объявить прежде, нежели Кейль объявитъ свое рѣшеніе, и тогда увидѣли, что Кейль прѣбывалъ того, чего самъ не былъ въ состояніи выполнить. Другой Англичанинъ *Тайлоръ*, засмутилъ его мѣсто, и объявилъ свое рѣшеніе: тогда и Бернульи въ 1719 году публиковалъ свое рѣшеніе сей важной артиллерійской задачи.

И другіе Математики: *Мерсенъ*, *Галлей*, *Комсъ*, *Маглоренъ* и *Варигнонъ* занимались рѣшеніемъ баллистической проблемы; всѣ они не брали въ расчетъ сопротивленіе воздуха; только *Гюйгенсъ* увѣрился своими опытами, что полетъ бомбы довольно много отступаетъ отъ параболы. Но между шѣмъ, какъ всѣ занимались рѣшеніемъ сей задачи, нѣкто *Рессонъ*, заслуженный Французскій Артиллерійскій офицеръ, утверждалъ въ одномъ изъ своихъ сочиненій (говоренныхъ имъ въ Королевской Академіи), „что теорія метанія бомбъ бесполезна, и что хошя *Блондель* и опредѣлялъ различные

попешы въ своихъ таблицахъ чрезъ пропорціи возвышеній морширы, но что онъ съ своей стороны, когда ни прицѣливалъ морширу по вычисленіямъ Блонделя, никогда не имѣлъ желаннаго успѣха.“ Сего было довольно, чтобы опровергнувъ ученые труды двухъ спольшій, шѣмъ болѣе пошому, что опровергашель былъ человекъ заслуженный, знающій свое дѣло и ученый Членъ Королевской Французской Академіи.

Съ возраспаніемъ количества Аршиллеріи, шребовалось ешпешивенно для прислуги болѣе людей. Французы первые образовали для прислуги своей многочисленной полевой аршиллеріи, особый корпусъ Аршиллерисшовъ; въ 1695 году, вся Аршиллерія была включена въ аршиллерійскій полкъ, состоявшій изъ шести башалионовъ. Кромѣ сего аршиллерійскаго полка, Лудовикъ XIV имѣлъ еще два полка бомбардировъ, изъ коихъ одинъ состоялъ изъ 12 ротъ, а другой изъ 13. Вся Французская Аршиллерія состояла подѣ начальствомъ Генераль Фельдцейгшера (Grand Maître d'Artillerie.)

Еще выше мы замѣнили, что арміи возили вообще при себѣ много огнеспръльныхъ орудій. Сень - Реми (въ своихъ Mémoires d'Artillerie) полагаешъ на 50,000 арміи 50 орудій, между кошорыми:

- 4 двадцати-четырехъ-фунт. пушки, у каждой 8 лошада.
- 6 легкихъ двѣнадцати-фунт. пушекъ, у каждой 6 — —
- 20 длинныхъ осьми-фунт. пушекъ, у каждой 6 — —
- 20 длинныхъ четырёхъ фунт. пушекъ, у каждой 4 — —
- Къ сему причисляешь оны еще 198 повозокъ (у каждой по 4 лошади) и 20 поншоновъ. Но ужъ Кине (Quiney) потребуешь для такой же арміи 62 орудій.

(Продолженіе впрѣдъ.)

III.

К Р И Т И К А

Мимографія, или опытъ мимическаго письма, посредствомъ коего можно подвести подъ правила языкъ глухо-нѣмыхъ, сочин. Г. Бевіана, бывшаго Цензора Института глухо-нѣмыхъ.

(Статья сожн. Доктора Балл.)

Всѣ народы на земномъ шарѣ употребляютъ даръ слова; оно всеобщій способъ сообщенія между людьми: говоришь и выра-

жашь мысли — сдѣлались синонимами; одинъ глаголь *говорить* значить у насъ изъясняшь свои мысли.

Рѣдко случается, чѣобы неясность въ выраженіяхъ не влекла за собою неясности въ понятіяхъ; многіе даже предполагали, что слово, сообщающее другимъ наши мысли, одно можетъ родить ихъ въ разумніи. Не спанемъ полкованіями опровергаешь заблужденія, кошораго неѣпность ясно доказываешь событіями. Софистъ опвергалъ движеніе — предъ нимъ начали ходить; шѣмъ, кошорые почишають слово необходимымъ орудіемъ дѣйствія нашихъ душевныхъ способностей, мы прошивополагаемъ примѣръ глухо-нѣмыхъ. Они, безъ помощи сего орудія, не зная даже ни одного изъ языковъ нашихъ, образуяють въ умѣ своемъ понятія, сравниваюють, соединяють ихъ и ясно другимъ сообщають.

И шакъ естѣ способъ сношенія и сообщенія, независимый опъ слова, предшествовавший всѣмъ языкамъ, способствовавший образованію оныхъ во младенчествѣ обществъ, какъ и нынѣ, предъ нашими глазами, всегда способствуешь опъ, въ колыбели жизни, къ изученію языка природнаго. Опъ вездѣ понятенъ, пошому, что шѣсно соединенъ съ нашею организаціею, кошорая, за

исключеніемъ нѣсколькихъ легкихъ опшв-
нокъ, вездѣ одинакова. Мы о немъ не забо-
шимся, не признаемъ его только пошому,
что можемъ располагать сокровищами на-
шихъ языковъ условныхъ, кошорые, вообще,
кажущся намъ достпашочными. Но въ слу-
чай нужды, мы къ нему прибѣгаемъ, раду-
емся ему, какъ другу, покинутому въ дни
счастія и опшверзающему намъ свои объ-
шнїя въ годину скорби. Блуждая въ спранахъ
опшдаленныхъ и неизвѣспныхъ, пушникъ, по-
средствомъ его, просимъ помощи, пре-
буемъ госпепрїимства, перваго дара обра-
зованности. Слово спшановится недостпашоч-
нымъ — языкъ дѣйствїя вспупаешь въ пра-
ва свои и дѣлается краснорѣчивымъ испол-
ковашелемъ мысли. Мысль, по существу
своему, спремштся къ сообщенію. Если си-
ла хочешь подавишь ее — она проявляется
во взорахъ, въ чертахъ лица, въ положенїи
шты; прекрасный, но трудный предметъ
для Физїолога — изыскашь шайныя соотно-
шенїя, связывающїя наши ощущенїя съ ви-
димыми знаками, сообщающими ихъ намъ
подобнымъ. Не менѣе занимашельно было
бы для Филолога — узнать дѣйствїе нашихъ
душевныхъ способностей въ его первобыт-
ныхъ формахъ и сквозь прозрачный покровъ
языка мимического.

Г. Бебіанъ, показавшій рѣдкія познанія въ искусствѣ учить глухо-нѣмыхъ, справедливо предположилъ, что настало время обрашиться наибольшее вниманіе на языкъ мимическій. Такимъ образомъ къ сокровищамъ нашимъ прибавился новое средство совершенствованія; человекъ сдѣлается всѣмъ, чѣмъ бышь можешь; получишь возможность приобрѣсти все, чѣмъ Творецъ чудесъ природы дозволилъ обладать намъ, дабы достигнуть высочайшей степени разума, мудрости и благополучія. Не всѣ, можешь бышь, согласяшся съ мнѣніемъ моимъ объ усовершенности языка мимическаго; но слышишь только послушашъ Автора *Мимогрѣфін*, что бы убѣдишься въ важности сего способа сообщенія и передачи мыслей. Притомъ языкъ сей, сіе средство, сіе орудіе, соединено съ пользою споль важною, споль священною, что трудно защишишься отъ нѣкошораго энтузіазма. И шакъ, не будемъ упрекашь Г. Бебіана въ томъ, что онъ приписываетъ слишкомъ много важности неизмѣнному предмету его любимыхъ занятій: высокоумное презрѣніе, кошорое оказываемъ мы къ языку дѣйствителъ, доказываетъ болѣе неосновательность нашихъ сужденій и недоспашокъ размышленія, нежели здравость ума нашего и разборчи-

воспѣ вкуса. Вспомнимъ, до какого совершенства достигъ языкъ сей на Театрѣ Римлянъ. Если и не дадимъ мы полнаго вѣроиспѣ чудесамъ, копорыя производило искусство Мимики, то не можемъ совершенно опровергнуть свидѣтельствъ Испориковъ, оныя описывающихъ. Жесты Росція спорили въ точности, въ выразительности, въ гибкости, съ гармоническими періодами Цицерона; а Пиладъ и Башилъ превзошли Росція! Конечно, въ наше время, языкъ мимическій недостоинъ подобной славы; но онъ занимателенъ для насъ по другимъ причинамъ. Дѣйствія его нынѣ не столько обольстительны, не столько дивны, но они несравненно прогашельнѣе. Посредствомъ его, тысячи несчастныхъ, копорыхъ скорбная немощь опдѣляла отъ міра нравственнаго и невещественнаго, возвращены наслажденіямъ обществу, упованію въры, предельной любви родственной.

Всякому извѣстно, что глухо-нѣмые имѣють особенные знаки, копорыми они сообщаютъ другимъ свои мысли. Знаки сіи, ограничивающіеся сначала означеніемъ первыхъ потребностей, развиваются вмѣстѣ съ ихъ пониманіемъ и образуютъ языкъ, разумимый глухо-нѣмыми всѣхъ народовъ. Посему, хотя языкъ сей, разсмаприваемый

*

въ отношеніи къ разнообразію, полношѣ и богашеству его, заключаешся еще въ границахъ шѣсныхъ, но онъ, по всей шочности, ясности и по одинаковости его знаковъ, распространяешся по всѣмъ часшямъ свѣша и на всѣхъ несчастныхъ, одержимыхъ одинакою пемощію. Онъ для нихъ языкъ всеобщій, пошому чшо происходишь опъ одинаковости образованія. Для насъ, онъ средство изясняшсья съ ними, проицашь въ ихъ разумніе, дабы оплодшворишь его и дашь надлежащее направленіе развишію онаго. Если только пакимъ образомъ можно просвѣпипшь ихъ, по чѣмъ совершеннѣе будешъ средство сообщенія съ ними, шѣмъ удобнѣе, быспрѣе и вѣрнѣе будемъ мы достигашъ своей цѣли. Посему, усшановивъ, подведа подъ правила и обогаша языкъ мимическій, окажемъ важную услугу обществу и челоувѣчеству. Счастливы шощъ, кому его познанія, геній, благочестіе дають возможность посвятишь себя споль полезнымъ занятіямъ, и достигнуть резульшашовъ, споль благодѣтельныхъ.

Г. Бебіанъ приобрѣлъ новыя права на благодарностъ несчастныхъ глухо-нѣмыхъ изданіемъ шого, чшд онъ скромно называешъ *Опытомъ Мимографіи*. Сей искусный наставникъ, который съ давняго времени по-

свящаетъ имъ свои дарованія, свои размншенія и плоды своихъ бдѣній, сдѣлавъ весьма многія и — по мнѣнію людей просвѣщеннѣйшихъ — весьма важныя усовершенствованія въ искусствѣ знаменитыхъ де ла'Эпе и Сикара; результаты своихъ занятій изложилъ онъ въ практическомъ учебномъ курсѣ, о которомъ люди знающіе отзывались съ большою похвалою. Совѣтъ Института глухо-нѣмыхъ, принявъ сочиненіе сіе въ руководство наставникамъ, изъявилъ желаніе, чтобы Авшоръ изложилъ въ другомъ сочиненіи правила языка мимическаго, коего всѣ шайны ему, кажется, извѣстны. Спѣша исполнить требованіе, споль для него почешное, Г. Бѣбіанъ издалъ новое сочиненіе.

Сочинитель думалъ, что, не приспущая еще къ изложенію правилъ языка, должно показать знаки онаго, сообщить письменна его; но какъ написать жесты? Какъ изобразить сіе безчисленное множество знаковъ? Какъ выразить всѣ ошибки, копорые въ каждомъ изъ нихъ находящяся? При первомъ взглядѣ, 80,000 буквъ языка Кишайскаго покажутся для шого недоспашочными.

Предпріятіе было смѣло; оно казалось даже неудобосподнимымъ и, разсашривая

книгу Г. Бебіана, удивляешься, какъ счастливо рѣшилъ онъ задачу, кошорая казалась неразрѣшимою. Авшору удалось довести сію систему письма до такой степени простоты, что небольшимъ числомъ знаковъ можно изобразить на письмѣ всѣ возможныя передвиженія также вѣрно, также легко, какъ и слова; посредствомъ сего новаго изобрѣшенія, можно будетъ изложить на бумагѣ цѣлую паншомиму, такъ какъ пишешь рѣчь.

Знакъ состоить изъ одного или многихъ жестовъ; жестъ есть общее или частное движеніе шѣла. Для показанія движенія, Сочинитель употребляетъ дугу круга; радіусъ показываетъ направленіе онаго; нѣсколько черточекъ (ассепс) измѣняютъ его, показывая, должно ли оно быть скоро или медленно, сильно или слабо, и проч.

Жестирующий органъ означается фигурою, кошорая есть не что иное, какъ рисунокъ сего органа, состоящій изъ одной главной черты онаго.

Оснается выразишь игру лица, кошорая довершаетъ и оживляетъ мимическій знакъ. Г. Бебіанъ изобрѣлъ для сего особенныя физиономическія шочки, похожія на наши вопросительныя и удивительныя. Знаки сія состоятъ изъ чертъ, различнымъ обра-

зомъ изогнутыхъ, и одной, двухъ или трехъ почекъ, смотря по степени выразительности игры лица. Число сихъ знаковъ необходимое памяти, потому что каждый изъ нихъ имѣеть особенную, отличительную форму, которая есть родъ памятной записки (note), пошчасъ напоминающей назначеніе онаго. Соотношеніе сихъ знаковъ съ предметами изображаемыми, вообще шакъ ясно, что увидя ихъ одинъ разъ, никогда уже не забудешь.

Надобно ли изобразить жескъ? Первый значекъ показывается дѣйствующій органъ; второй движеніе; а третий, если нужно, выраженіе лица, которое должно сопровождать жескъ. Такимъ образомъ, самымъ небольшимъ числомъ знаковъ, которые всѣ прослѣе буквъ нашей азбуки, можно написать жескъ, коего описаніе заняло бы, можетъ быть, полстраницы и не показало бы его столь ясно и шочно. Легко можно увидѣшь, какъ много эпо оспроумное изобрѣшеніе можетъ способствовать усовершенствованію обученія глухо-нѣмыхъ. Вредъ, знаки языка шълодвиженій, уснаовленные письмомъ, не будутъ уже подвержены неопытности и ложнымъ системамъ, приходямъ и невѣжеству воспитанниковъ; а извѣстно, какое вліяніе имѣеть, въ каж-

домъ языкѣ, точность знаковъ на точность идей.

Глухо-нѣмые только при концѣ учебнаго своего курса, могутъ пользоваться словаремъ; ибо слова объясняюща въ немъ другими словами, которыхъ понять не легче. Авторъ Мимографiи утверждаетъ даже, что изъ двадцати воспитанниковъ, выходящихъ ежегодно изъ Парижскаго Института Глухо-нѣмыхъ, едва ли бываетъ одинъ, который бы могъ самъ употреблять словарь; наставникъ всегда имъ долженъ замѣнять оный. А они совершенно лишаются сего пособiя, какъ скоро возвращаются къ своимъ семействамъ или входя въ сношенiя съ обществомъ. Но если бы подлѣ Французскаго слова, глухо-нѣмой находилъ мимическiй знакъ, ему извѣстный, то послѣднiй объяснилъ бы ему слово, котораго онъ не знаетъ, такъ какъ въ Лексиконѣ, слова природнаго языка объясняютъ слова языка иностранныя.

Подобный словарь былъ бы не менѣ полезенъ учителямъ, какъ и ученикамъ: первые находили бы въ немъ естественные знаки идей, вторыя значенiя словъ. Всѣ наставники, коихъ совѣщанiе проситъ Г. Бибанъ, конечно долгомъ почтунъ вспомошествовать ему при составленiи сочиненiя

ешоль важнаго, котораго полезность они легко могутъ видѣть и которое поспѣшашъ приобрѣсть всѣ, имѣющіе частныя сношенія съ глухо-нѣмыми.

Читая сіе твореніе, въ которомъ сочинитель разлилъ пріятность, къ коей предметъ казался со всѣмъ неспособнымъ, мнѣ пришла въ голову одна мысль. Я думалъ, что если рожденіе дитяти обиженнаго природою, есть большое несчастіе въ семействѣ; то какъ упрежденельно видѣть, что люди опличныхъ достоинствъ, посвящаютъ себя многошруднымъ занятіямъ, которыя могутъ улучшить жребій сихъ несчастныхъ. Счастливы глухо-нѣмые, которымъ найдуться такого наставника, каковъ Авшоръ Мимографин! Мы часто имѣли случай сноситься письменно съ нѣкоторыми изъ его учениковъ: мы поражены были точностію ихъ идей, оригинальными и замысловатыми оборотами, которыя они умѣютъ придасть симъ идеямъ. Мы захоуѣли проникнуть въ глубину души ихъ и были пронужены благочестивою ихъ покорностію судьбъ своей, Христіанскою философіею, которыя умѣли внушить имъ, и которыя, заславляя ихъ безъ ропоша предаваться волѣ Провидѣнія, разливаютъ въ ихъ сердцахъ и въ выраженіи лица ихъ, кропкую ясность счастья.

Привязанность къ важнымъ Наукамъ и къ занятию Искусствами не позволяетъ имъ сожалѣть о вихрѣ свѣта, а удовольствіемъ ума, находящимя въ чщеніи, вполне вознаграждающъ ихъ за пущину обыкновенныхъ разговоровъ.

Просиашъ ли мнѣ сіи подробности? Я почелъ долгомъ войти въ оныя, говоря о дѣлѣ несчастныхъ, въ пользу коихъ душа моя влекширизуется мыслию добра, которое можно имъ сдѣлать. Въ первый разъ уславленны, усовершенствованны средства сообщенія между ними и людьми, болѣе облагодѣтельствованными природою. Мнѣ кажется, что новая заря для нихъ возсіяетъ и что дѣло великодушнаго Аббата де л'Эле, который нашелъ сподобнаго послѣдователя въ Аббатѣ Сикарѣ, будетъ дѣломъ швореніемъ Мимोगрафин.

Изъ В. Е — нѣ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ОТВАЖНЫЙ ПЛОВЕЦЪ НА ЧУЖБИИЪ.

Аллегорія ().*

(Посвящается Н. И. Б.)

Обновлю челнокъ надеждѣй,
 Въ Океанъ пушусь безбрежный...
 Тѣсный прудъ наскучилъ мнѣ:
 Полечу къ родной сстранѣ!
 Мраченъ брегъ чужаго края;
 Сердце рвешся на Восшокъ;
 Тамъ страна моя родная!
 Окрылся мой челнокъ!
 Ночь на бездну водъ наляжешъ;
 Кшо мнѣ вѣрный пушь укажешъ?
 Для весла доспанешъ силъ,
 Много на небѣ свѣшилъ!
 Всѣ они горяшъ, сверкаюшъ,
 Волны моря осребряюшъ,
 Манишъ насъ лучемъ своимъ,
 Я не буду вѣришь мнѣ!
 Соврашяшъ съ пуши примаго,
 Заведушъ къ чужимъ брегамъ:
 Слаще воздуха роднаго
 Есть ли чшо на свѣтѣ намъ?

(*) Аллегорическое изображеніе помысла Поезіи.

Возсіяй на небѣ чистомъ
 Миѣ знакома звѣзда,
 При швоємъ лучѣ сребришомъ,
 Я браздилъ стекло пруда!
 Лежа въ лодкѣ, я качался,
 Звѣзднымъ небомъ любовался,
 На равнинѣ голубой
 Ты играла предо мной!
 Будь вожашимъ, лучъ оспрадной,
 Озаряй мои снѣзи,
 По стеклу пучины хладной
 Нишью тонкою скользи.
 Развернулся парусъ бѣлый
 Волны плещуть о челнокъ;
 Полечу съ душою смѣлой
 Прямо, прямо на Восшокъ!

Пл. Ободовскій.

V.

**СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИЯ
И ПОЛИТИКА.**

**Историческое и политическое обозрѣніе про-
исшествій 1826 года.**

Сей годъ, въ кошоромъ появленіе шеспи комепъ не считалось уже чрезвычайнымъ явленіемъ, въ отношеніи къ климату имѣлъ сильное вліяніе на судьбу рода чело-

вѣческаго. Послеъ холодной и сухой весны, наступили въ Европѣ и Сѣверной Америкѣ шакіе жары и засухи, какихъ не было уже 44 года: въ нѣкошорыхъ сѣверныхъ странахъ жаръ доходилъ до 30 градусовъ. Слѣдствіемъ сего почти повсюду была посредственная или худая жашва; оная была причиною тому, что въ Англіи позволенъ былъ ввозъ хлѣба, и что, по вновь наступившему сбышу накопившихся хлѣбныхъ запасовъ и по возвысившимся цѣнамъ на хлѣбъ, улучшилось состояніе земледѣльцевъ въ хлѣбныхъ земляхъ Европы. Западная Индія и Южная Америка, напрошивъ того, послеъ долговременной засухи, обрадованы были освѣжительными дождями и благословенными жашвами. Другимъ слѣдствіемъ жара и засухи въ Европѣ были заразительныя болѣзни, преимущественно на сѣверозападныхъ берегахъ; въ Голландіи приняла онѣ весьма опасный видъ, и казалось, имѣли сходство съ губельною болѣзнію, извѣсною подъ названіемъ cholera morbus. Сія ужасная моровая язва, опть кошорой въ два года умерло 6 милліоновъ челоувкъ, нынѣ достигла до Месопотаміи, Египта и береговъ Каспійскаго моря.

Во всѣхъ странахъ образованнаго свѣта, оказываемы были непрерывныя успѣхи въ проведеніи каналовъ, спросеніи чугунныхъ

пушей и большихъ дорогъ, и плаваніи, посредствомъ паровыхъ машинъ, какъ важнѣйшихъ средствъ распространенія образованности. Новозобрѣщенное паровое орудіе вскорѣ будетъ играть важную роль во исторіи войны. Состояніе торговли и ремеслъ не только показываетъ въ точности нынѣшнее положеніе рода человѣческаго, но заключаетъ въ себѣ и причину политическихъ происшествій. Такъ, напримѣръ, доспойно замѣчанія значительное усиленіе ремеслъ въ Россіи: въ одной Москвѣ уже находится до 4,000 станковъ для разработки шелку. Во многихъ Нѣмецкихъ странахъ также весьма поднялися фабрики, преимущественно въ Рейнскихъ областяхъ Пруссіи. Англія старается сохранить сбивъ своихъ фабрикъ усовершенствованіемъ машинъ и дешевизною, хотя и съ ущербомъ для прочности, преимущественно съ пѣхъ поръ, какъ Америка изобилуетъ издѣліями фабрикъ, и другимъ народамъ открытъ входъ въ оную; по сей причинѣ весьма важны были для Англіи открытіе новыхъ торговыхъ пушей въ восточную часть Индіи и внутреннюю Азію, и умножающаяся образованность Австраліи. Нѣмецкія ярманки вредятъ одна другой; однако же купцы надѣются, что наступятъ лучшія времена, когда

Воспокъ будещъ успокоенъ и Америка ошдохнешъ послѣ войны.

Пронсшесшвія, конхъ зрѣанщемъ была въ семь году *Португалія*, сосшавяшъ эпоху не шолько въ Поршугальской, но и въ Всемирной Ишпорін; ибо здѣсь законною власшю возшановлены были Коршесы во двухъ Палашахъ и съ нѣкошорыми прошиву прежняго перемѣнами, и изъ Америки новая сшсшема правленія перенесена въ Европу; шакъ измѣнились обшшойшесшсшва въ послѣднее двадцашилѣтше! Сначала сполиця Поршугальской Монархіи перенесена была въ Бразильскую колонію, кошорая просвѣщенному міру едва ли была знакома болѣе, нежели внушренность Африки; пошомъ сія самая колонія пріобрѣла одинаковыя права съ Королевсшвомъ, ошъ кошораго она завнссла; засшмъ она ошдѣлалась ошъ него, какъ независимое Государсшво, и была признана Поршугалією; наконецъ Поршугалія получила ошъ Имперашора Бразиліи, ошказавшагося ошъ верховной власши надъ первою, новый образъ правленія и назначеніе будущаго своего Короля.

Ошець перваго Бразильскаго Имперашора, крошкій и добродушный Король Іоаннь IV, род. 13 Мая 1767 года, принявшій званіе Регенша въ 1792 году, Короля Поршугаліи

гаальскаго и Бразильскаго въ 1807 году, уже въ началъ сего года спрдасть опасною болѣзнію и скончался незадолго спустя послѣ смерти 67-лѣшняго Пашриарха Лиссабонскаго (игравшаго важную рольъ въ новѣйшей Исторіи Португаліи), 10 Марта сего года. Онъ, какъ частный человекъ, владѣлъ несмѣнными сокровищами; оставилъ 50 милліоновъ крузатовъ золотомъ, изъ конхъ половина досталась Королевѣ, вдовѣ его, а другая дѣлясь, и сверхъ того, какъ говорятъ, имѣлъ значительные капиталы въ Англійскомъ банкѣ. Правда, по концѣ его правленія состояніе финансовъ Португаліи весьма поправилось; имѣніе Инквизиціи было продано въ пользу казеннаго торговаго, времени признанія независимости, приобрѣла новую дѣятельность; однако же распри, раздражившія сосѣдственныхъ землю, господствовали и въ Португаліи, гдѣ при паршіи, Англійская, паршія Королевы или Духовенства, и занимающая пространство между обѣими, умѣренная, съ неперерывными ожиданиями развязки происшествій, старалась направить ходъ оныхъ по своему желанію. Вліяніе Англійскаго Посланника Сиръ-Вильяма Акурша, подкрѣпляемое близостью Британской флотилліи, одержало кристическую минушу верхъ на

ными партіями. Дочь Короля Іоанна IV, любезная и умная Инфантина Изабелла, род. 4 Іюля 1801 года, была самою Королевою признана въ званіи Правительницы; Регеншество спало издаватьъ постановленія свои оцъ имени Императора Дона-Педро. Хотя Испанія затруднялась признаніемъ онаго, но оно немедленно предпріяло сильныя исправительныя мѣры, преимущественно въ управленіи финансами, распустило полку агентовъ Полиціи, и опредѣлило послать депутацію въ Ріо-Жанейро, чшобы убѣдиль Императора къ возвращенію въ Европу. Донъ-Педро, конечно уже пригрозившійся къ шаковому случаю, не сомнѣвался, что при нынѣшнихъ обстоятельствахъ, ему оставался лишь выборъ между Королевскою Португальскою и Императорскою Бразильскою коронами, опрѣкся 2 Мая сего года оцъ первой, и передалъ оную малолѣтней дочери своей Доннѣ-Маріи-да-Глоріа, род. 4 Апрѣля 1819 года, обязавъ ее при томъ сочетаться бракомъ съ дядею ея, Дономъ-Мигуэлемъ. Однако же, до сего опрѣченія оцъ прешла Португальскаго, Императоръ издалъ нѣсколько важныхъ постановленій, которыми утвердилъ существовавшее Регеншество, объявилъ всепрощеніе и 23 Апрѣля даровалъ Португальскому Коро-

левству такъ называемую Carta de-ley, ко-
торая во многихъ пунктахъ сходствуешь
съ Французскою харшіею. Онъ наименовалъ
Герцога Кадоваля Президентомъ Палаты 68
Перовъ.

Сиръ Карль Смуартъ, которому по
справедливости приписывали важное участіе
въ сихъ пошановленіяхъ, принявъ былъ въ
Лиссабонѣ съ неописанною радостію, но
пѣмъ явнѣе оказалось ожесточеніе прошив-
ной паршіи; въ столицѣ доходило до крово-
пролитныхъ явленій, въ коихъ участвовали
возмущившіеся егеря, и Англія нашлась
принужденною усилить флотилію свою у
береговъ Португальскихъ. Правительница,
присягнувшая новому образу Правленія 31
Іюля, старалась великодушными и благо-
разумными поступками обезоружить вра-
говъ своихъ, но какая сила, кромѣ времени,
можетъ укрошить слѣпую ярость прошив-
ныхъ паршій? Во многихъ Португальскихъ
полкахъ возгорѣлся мятежь, и солдаты пол-
ками уходили въ Испанію, гдѣ ихъ охотно
принимали шамошніе абсолютисты. Въ
Аленшехо и въкошорыхъ другихъ обласнѣхъ
произошли немаловажныя безпокойства по
поводу двухъ заговоровъ: члены одного хо-
тели возвести на престолъ вдовствующую
Королеву, а приверженцы другаго, Изабелла

Дона Мигуэля. Между тѣмъ, Правитель-
ство успѣло преодолѣвъ мятежниковъ, обез-
оружило гарнизонъ въ Элвасъ, гдѣ учреди-
лась Юнша, и укротило, съ помощію гарни-
зона, бунтъ конной полицейской сѣражи
въ Лиссабонѣ; но все еще не получено было
досматочнаго отвѣта на весьма важный
вопросъ: признаешь ли пребывавшій тогда
въ Вѣнѣ, Инфантъ Донъ-Мигуэль настоящій
порядокъ вещей? Маркизы Абраншесъ и Ха-
везъ воспользовались симъ предлогомъ къ
начатию новыхъ безпокойствъ, которыя
однако же вскорѣ были укрощены, и Ан-
глійская флотилія высадила небольшой оп-
рядъ морскихъ войскъ на берегъ, въ видѣ
охранителей Королевы. При сихъ сомнитель-
ныхъ обстоятельстввахъ, Правительница
открыла, 30 Октябрю, собраніе Государ-
ственныхъ Чиновъ, и въ шу минушу, когда
она готовилась произнести рѣчь, была об-
радована извѣстіемъ, что Донъ - Мигуэль
(кошорый 29 Октябрю торжественно обру-
чился съ Донною Марією-да-Глоріа) при-
зналъ 4 Октябрю въ Вѣнѣ, новое Порту-
гальское Правленіе, и присягнулъ въ вѣрно-
сти оному. Хотя Испанія все еще не со-
глашалась признать нынѣшняго порядка ве-
щей въ Португаліи, но видя, что многіе
недовольные изъ полковъ ея такими же

большими толпами переходяшь въ Португалію, какъ и недовольные Португальцы въ Испанію, заключила съ Португалією договоръ, по которому оба Королевства, не преляшпствуя пребыванію шаковыхъ перемешчиковъ въ своихъ владѣніяхъ, обязались пропшпвшись всякому насильспвенному упаденію въ опечеспво свое изъ сосѣдней земли. И такъ, казалось, что спокойспвіе было возспановлено, финансы находились въ хорошемъ состояніи, и опъ возвращенія извѣстнаго Маршала Береспфорда, ождали ушверженія внуспренняго мира. Члены Сейма занялись сочиненіемъ разныхъ законовъ. Въ Палашъ Перовъ вскорѣ опкрылись различныя партіи, изъ коихъ извѣспнѣйшія были: Испанская, Англійская и шрешія, оказывавшаяся непріязненною Браганцскому Королевскому Дому. Между шмъ начались новыя безпокойства въ сѣверныхъ областяхъ, и мяшежники, подкрѣпленные Испанскими абсолуптисшами, а именно Генераль-Капшанами Сшарой Кастидіи и Эспремадуры, 1 Декабря ворвались съ оружіемъ въ рукахъ, въ область Трасъ-осъ-Моншесъ. Ими начальспвуешъ Маркизь Хавесъ, который намѣренъ учредшть въ Браганцъ Регенспсшво именемъ Короля Мигуэля I; войско его сосщопшъ изъ 2000 человекъ пѣхо-

шы и 800 конницы. Двѣ другія колонны должны были учинить впаденіе въ обласпѣ Эшпре-Миньо-е-Дуро и Аленсехо. 24 Ноября, послѣ небольшого сраженія, мяшежники заняли и два дни грабили Браганцу; 26 крепость сдалась на камишуляцію. 24 Ноября, другіе Португальскіе бѣглецы ворвались въ обласпѣ Вейру. 22 Ноября укрощенъ былъ бунтъ въ Лиссабонѣ войсками, въ числѣ коихъ находился опрядъ войскъ Англійскихъ.

Испанія находилась въ прежнемъ же состояніи внутренняго распройсхва и яростныхъ порывовъ взаимной ненависти парпій, кошорыя перзали сію землю и въ печеніе 1825 года. Къ симъ внутреннимъ бурямъ присоединились въ концѣ прошлаго года опустошенія физическія: сильныя вихри причинили величайшія опустошенія въ Кадиксѣ и въ Гибралтарскомъ проливѣ, и шакъ какъ Испанія не хотѣла давать помощи погибавшимъ ошъ кораблекрушенія, (по шой причинѣ, что въ числѣ ихъ были и мяшежные Колумбійскіе каперы), шо Англичане нашлись принужденными изъ Гибралтара вооруженною силою перейши чрезъ Испанскую линію, для исполненія сего долга чело-вколюбія. Алжирскіе и Колумбійскіе каперы ишребили береговое кораблеплаваніе; раз-

бойники превожили большія дороги, Гверильясы разныхъ паршій нарушали спокойствіе въ Сіеррахъ или лѣсисныхъ горахъ, а необузданные волонтеры въ городахъ. Кордова была преимущественно позорищемъ безпокойныхъ явленій, коихъ нѣсколько разъ опасались и въ Мадридѣ; а закоренная народная ненависть причинила раздоры съ Французскимъ гарнизономъ въ Санъ-Себастьянъ и Барцелонъ. Учрежденъ былъ новый Государственный Совѣтъ; но двѣ паршіи въ Министерствѣ продолжали вооружаться одна противъ другой. Касильскій Совѣтъ, потерявшій однако же, въ новѣйшія времена, большую часть своего вліянія, пламенно возсталъ противу поощренія, оказываемаго ученому образованію въ ущербъ духовному. Вообще сохранила перевѣсъ свой паршія ультра-роялистовъ, кою корою предводительствовалъ Генералъ монашескаго ордена Паперъ Сирилло; она не прешакала противившись признанію независимости Америки; она-то исходатайствовала оправданіе Генерала Капана, приверженца Бесьерова. Сими самымъ Карлистами поощрены были въ Аррагоніи, Галиціи и Сеговіи. Въ Севильѣ открытъ былъ опасный заговоръ, въ Валенціи и Мурціи составились новыя шайки; парпизанъ Мерино обезпокоивалъ окрещ-

носии Бургоса, и въ самомъ Мадридѣ, гдѣ произошла ссора между Швейцарцами и Королевскими волонсерами, Инспекторомъ коихъ избранъ былъ Генералъ Карвахаль, сдѣланы были ужасные замыслы, имѣвшіе цѣлю умерщвленіе всѣхъ ненависныхъ заговорщикамъ особъ, можешь быть даже и смѣненіе Короля и возведеніе на пресполю Инфанша Донъ-Карлоса. Съ другой стороны, приверженцы иной млажежной партіи также возобновили свои покушенія. Полковникъ Базанъ вышелъ съ инсургентскимъ войскомъ изъ Гибралшара, всступилъ въ кровопролитное сраженіе съ Королевскими волонсерами, но былъ разбитъ, взятъ въ плѣнъ и преданъ казни. Не взирая на сіе внутреннее распройство, положено было нарядить новую экспедицію въ 10,000 человекъ, для защищенія острова Кубы отъ замысловъ Колумби и Мексики. Должно было употребить силу и хитрость, чтобы сіи войска посадишь на корабли въ Кадиксъ, и шуть еще многіе мапрсы бѣжали съ лѣтѣнаго корабля Гверреро. Отъ времени до времени, когда поступки ультра-роялистской партіи сшановились слишкомъ смѣлыми и опасными, ободрялась нѣсколько и партіа умѣренныхъ роялистовъ, называемая de l'apsoга; такимъ образомъ не было

обращено вниманія на просьбу Кадикскаго Капишула о возснановленіи Инквизиціи, ошринушо предложеніе Государственнаго Совѣта объ уничтоженіи Полицейскаго правленія Г. Рекахо, и самъ Король осудилъ Палера Капапе на шести-лѣшнюю капоргу. Въ Валенціи доходило до кровопролитныхъ сраженій съ Карлистами; а шайка Корона, копорая въ Андалузіи весьма увеличилась и угрожала сдѣлаться опасною, разсѣялась, когда ашаманъ ея, ожесточивъ прошивъ себя Андалузскихъ крешьянъ, былъ раненъ однимъ изъ нихъ, и опъ того умеръ. Бдишельный Рекахо отккрылъ также новый заговоръ Карлистовъ, имѣвшій цѣлю провозглащеніе Королемъ Дона-Карлоса, и въ слѣдствіе сего, положено было учредить регулярное войско въ 50,000 человекъ. Герцога Инфаншадо, при выборѣ коего въ Министры, апостолическая парція весьма ошиблась, упомянутый непрерывными преніями, откказался отъ званія Министра, и на время замѣщенъ былъ Г. Сальмономъ. Королевскіе волонтеры, въ Мадридѣ, насильно вышребовали прощеніе одному убійцѣ, и съ шѣхъ поръ еще менѣе полагали предъловъ своему нахальству, шѣмъ болѣе, что происшествія въ Португаліи ожесточали ихъ, и что къ нимъ присоединились Португаль-

скіе перемешчки; между шѣмъ и сильныя отряды Испанскихъ солдатъ слали переходить въ Португалію, что и побудило оба Правительствъ заключить вышепомянутый договоръ. Въ сіе время, Англійскій Генераль Донъ издалъ въ Гибралтарѣ объявленіе, что онъ намеренъ соблюдать строжайшій нейтралитетъ, и шѣмъ преградилъ входъ въ Гибралтаръ кознямъ обѣихъ парсій. Извѣстный Траппистъ умеръ, къ прискорбію апостольской парсія, 9 Октябръ въ монашырѣ, въ кошоромъ онъ вновь поселился съ 1824 года. Здравіе Короля нѣсколько разъ было въ сомнительномъ положеніи, а Королева подъ конецъ сего года, спрадала опасною болѣзнію, копорая однако же, какъ говорятъ, совершенно прекращена. Гренада была опустошена сильнымъ землетрясеніемъ; саранча и засуха испребили жашву. Къ числу послѣдшвій отторженія Америки, уже нынѣ ощущаемыхъ Испанію, принадлежишь успѣшная обрабошка кофейнаго дерева, хлопчатобумажныхъ кушарниковъ, сахарнаго тростника, индиго и кошенилеваго какша въ Андалузійи и Гренадѣ, и разрабошка старыхъ рудниковъ. Представленія, сдѣланныя Испаніи Франціею и Англіею о признаніи независимости новыхъ областей, еще досель

остающся безъ успѣха, хотя и морская сила Испаніи близъ Кубы почти вся истреблена бурями. Несомнѣнно то, что нынѣ Испанія находится въ бѣдственномъ состояніи. На богатѣйшей почвѣ земли и въ благораспоряднѣйшемъ климатѣ, Испанія, на 15,000 кв. миляхъ, имѣетъ только 11,500,000 жителей, едва составляющихъ шесть народонаселенія, которое въ ней помѣстилось можетъ; но это объясняется тѣмъ, что четверть всего недвижимаго имущества въ Испаніи принадлежитъ Духовенству, состоящему изъ 156,000 чловѣкъ, коихъ годовоі доходъ простирается до 793 милліоновъ реаловъ.

За нѣсколько дней до открытія Бриганскаго Парламента, 31 Января, начавши были засѣданія Палаты во Франціи рѣчь Короля, въ которой онъ упомянулъ о смерти Императора Александра, о торговомъ договорѣ съ Англіею, объ освобожденіи Сен-Доминга и слѣдующей изъ того необходимости постановить законъ вознагражденія, о благопріятномъ положеніи финансовъ, допускающемъ новое уменьшеніе налоговъ на 19 милліоновъ, и о необходимости предупредительныхъ средствъ противу раздробленія недвижимыхъ имуществъ, несогласнаго съ правилами монархическаго правленія.

Въ сіе засѣданіе, Министерство имѣло только пренія съ роялистами или шакъ называемою конспрь-оппозиціею, а спорными пунктами была финансовая система Г. Виллеля, кошорый все еще пользуется Королевскою милостию, освобожденіе Гаити, процессъ Уврара и полишика, наблюдаемая прошиву Испаніи и Южной Америки. Въ засѣданіи Палаты Перовъ 10 Февраля, Великій Хранишель печатни представилъ важный законъ о наслѣдствахъ и субституціяхъ, кошорый въ послѣдствіи подалъ поводъ къ сильнымъ спорамъ; а 11 Февраля, Министръ Виллель предложилъ въ Палатѣ Депутатовъ законы о вознагражденіи бывшихъ Сенсъ-Домингскихъ колонистовъ и о финансахъ. 1 Марша подана была жалоба на Издашеля Коммерческаго Журнала за оскорбительныя выраженія прошиву Палаты, и хотя онъ былъ объявленъ виновнымъ, но присужденъ только къ мѣсячному шюремному содержанію и къ уплатѣ 100 франковъ пенн. Между шѣмъ, какъ въ Палатѣ Депутатовъ сильно спорили о вознагражденіи прежнихъ колонистовъ, въ Палатѣ Перовъ, 8 Апрѣля, отвергнушь былъ проектъ закона о правѣ первородства, прошивъ коего безпрерывно поступало множество просьбъ, пошому что многіе въ ономъ видѣли осно-

ваніе новой Аристокрашіи и уничтоженіе права равенства всѣхъ Французовъ; въ отношеніи къ законамъ; за то принятъ былъ законъ о субституціяхъ большинствомъ 160 голосовъ прошиву 53. Большое впечатлѣніе сдѣлало краснорѣчиво изложенное мнѣніе Шапобріана, чтобы всякое участіе, принимаемое Французскими подданными или кораблями въ шоргъ невольниками на Востокъ, подводимо было подъ законъ отъ 15 Апрѣля 1818 года прошиву шорга невольниками. Великій Хранитель нечисти сильнѣйшимъ образомъ прошивился сему предложенію, однако же Графъ Лене опровергнулъ его возраженія, оппозиція воспоржесствовала, и мнѣніе Г. Шапобріана принято было въ Палатѣ Перовъ большинствомъ 85 голосовъ прошиву 64. Въ Палатѣ Депушатовъ происходили такіа же жаркіа пренія о необходимости усилить законы прошиву шорга невольниками, и при семъ случаѣ Генераль Себаспіани сдѣлалъ упрекъ Минисперству, что въ морскомъ спискѣ находящія офицеры, которые образовали войска Ибрагима. Г. Виллель сильно защищался прошивъ сего упрека и въ доказательство предъявилъ письма Адмирала Риньи, по которымъ нѣтъ ни одного Французскаго судна въ Турецко-Египет-

скомъ флотъ, а напрошивъ того Французскій флагъ, съ начала революціи, послужилъ убѣжищемъ для 7000 Грековъ. Пономъ Палаша Перовъ занималась непріятнымъ процесомъ Уврара и приняла законъ о вознагражденіи Сень-Домингскихъ Колонисповъ большинствомъ 135 голосовъ прошиву 16, а въ Палашъ Депушатовъ происходили жаркіе споры о финансовомъ законъ, не безъ сильныхъ нападеній на Г. Виллея. 2½ милліона назначены были для поправленія сошояніа Духовенства, еще милліонъ на крепости, и еще милліонъ на флотъ. По одобреніи бюджета, Палаша занималась еще нѣсколькими предметами, имѣвшими только мѣстную важность, до заключенія засѣданій, воспослѣдовавшаго 6 Іюля. Она снова должны были открыться 12 Декабря; главными предметами преній, какъ думаютъ, будутъ: проектъ закона писменія, бюджетъ, устанавленіе военныхъ и лѣсныхъ Уставовъ, и законъ о Присяжныхъ.

Между тѣмъ Римско-Католическое Духовенство во Франціи безпрестанно усиливалось и угрожало даже одержать верхъ надъ Министерствомъ, но въ такой же соразмѣрности возраснала и оппозиція всей націи прошивъ Папскихъ прищазаній. Не смотря на приглашеніе Двора и Архіепи-

скопа, присущивенныя мѣста не участвовали въ торжественной процессіи во время празднованія Юбилея. Предметомъ величайшей ненависти были Іезуиты, въ существованіи коихъ во Франціи, признался въ засѣданіяхъ Палаты Министръ Духовныхъ дѣлъ. Графъ Монлозье донесъ о нихъ, какъ о непозволенномъ обществѣ, но Королевскій Судъ объявилъ, что онъ не власень рѣшилъ сіе дѣло. Въ Руанѣ безпокойства по сему предмету дошли до того, что народъ влачилъ по улицамъ Миссіонера Аббаша Левенбрука, и насильно хотѣлъ ворваться во дворецъ Архіепископа. Королевская гвардія дважды спрѣяла по народу и должна была штыками пробиться въ средину оного, при чемъ ранено нѣсколько офицеровъ, между прочими одинъ гвардейскій Полковникъ. Сочиненія Энциклопедистовъ, Вольтера и Руссо, все болѣе и болѣе были распространяемы въ дешевыхъ изданіяхъ и читаемы съ большею жадностію; чтобы прекратить распространеніе оныхъ и предупредить дальнѣйшіе нападки на Іезуитовъ, Духовенство ревностно старается объ ограниченіи свободы шисненія, котораго шщечно требовала, въ послѣднее свое засѣданіе, Палата Депутатовъ. Также учреждено было нѣсколько новыхъ женскихъ монастырей.

Хотя Франція еще не признала формально новыхъ Американскихъ Обласшей, однако же вступала съ ними все въ тѣснѣйшія связи; въ Мексикѣ опредѣлены были важнѣйшіе торговые агенсы, и въ день Св. Карла, въ первый разъ развились Мексиканскіе и Колумбійскіе флаги въ гаваняхъ Французскихъ. Бразилія была признана формально, и съ нею заключенъ былъ важный торговый договоръ; нынѣ она, вмѣстѣ съ Египтомъ и оспровомъ Гаити, вблизи коего стоить сильная Французская флотиллія, составляетъ важнѣйшую точку зрѣнія Французской торговой полиптики. — Франція скорѣе и счастливѣе Англіи перенесла крипическую минушу торговли въ началѣ года: благосостояніе ея увеличиваешся; жителей въ началѣ года считалось въ ней до 31,600,000 душъ, а число обитателей Парижа простиралось до 900,000 душъ; и шакъ въ послѣднія пять лѣтъ народонаселеніе сей столицы приумножилось 17,163 душами. Парижъ, украшенный нынѣ новою великолѣпною биржею, безпрерывно распространяется. Въ семь году онъ увеличился цѣлымъ новымъ кварталомъ, наподобіе Лондонскихъ скверовъ. Чугунный пушь успроенъ былъ опъ Сеньпъ-Этиенна до Ліона, опустошеннаго большимъ пожаромъ. Герцогъ Рагузскій опсправился въ зва-

ни Чрезвычайнаго Посла въ Пешербургъ. Герцогъ Бордоскій поручень былъ воспитан- шелямъ мужескаго пола. Для Грековъ учи- нены были значительные сборы; однако же Марсель, куда въ концъ года прибылъ Ко- кренъ, не переславава была мѣстомъ дя- шельнаго сношенія съ Пашею Египетскимъ; онъ самъ строилъ военные корабли и при- нималъ въ службу свою Французскихъ офи- церовъ, кошорые, выслушавъ рассказы возвра- тившихся изъ Египта, конечно пошеряють къ тому охоту. Къ числу знаменитыхъ особъ, скончавшихся въ семь году, принад- лежатъ Живописецъ и перрористъ Давидъ, умершій въ изгнаніи въ Брюссель, 54-лѣт- ній Маршалъ Сюшепъ, Герцогъ Альбуфер- скій; Герцогъ Машье Монморанси, некогда бывшій другомъ Вашингтона и Адьютан- томъ Лукнера; знаменитый актеръ Талма и Графъ Буасси д'Англасъ, кошорый, буду- чи Президентомъ Конвента, во время воз- мущенія Якобинцевъ 21 Мая 1795 года, ока- залъ геройское презрѣніе къ смерти.

(*Продолженіе впередъ.*)

СОВРЕМЕННАЯ РУССКАЯ БИБЛИОГРАФІЯ.

Н О В Ы Я К Н И Г И :

1 8 2 7.

Б о г о с л о в і е.

3. *Очевидность Божественнаго происхожденія Христіанской Религій*, соч. Г. Женингса, бывшаго Члена Англійскаго Нижняго Парламента. Перев. В. Владиславлевъ. С. П. б., въ пши. Иоаннесова. 1827. 105 стр. въ 8.

(См. По 22 Сѣв. Пчелы.)

З а к о н о в ѣ д ѣ н і е.

4. *Новѣйшее Руководство къ познанію Россійскихъ Законовъ*, изданное для воспитанниковъ Московскаго Коммерческаго Училища, Иларіономъ Васильевымъ, Магистромъ Нравственныхъ и Политическихъ Наукъ, Соревнователемъ Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, Секретаремъ Училищнаго при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ Комишета, Учицелемъ Россійскаго Законовѣдѣнія и Секретаремъ Учишельской Конференціи при Москов-

скомъ Коммерческомъ Училищѣ. Часть
I. М. 1826, въ Унив. шип. — XV и 213
спр. въ 8.

(Весьма полезная книга, не только для
учащихся, но и вообще для всѣхъ, кои по-
желають пріобрѣсть историческое и си-
стематическое познаніе о Россійскомъ За-
конодательствѣ. Полное сочиненіе будешь
состоять изъ 2-хъ частей. См. Сѣв. Пч.
№ 23, гдѣ помѣщено доспашочное исчисле-
ніе предметовъ, содержащихся въ сей книгѣ.)

Топографія и Статистика.

5. *Описаніе Тульского оружейнаго завода,*
въ Историческомъ и Техническомъ
отношеніи, сочиненіе Юсифа Гамель,
Коллежскаго Совѣтника, Ордена Са-
анны вш. сп, съ адм. зн. Кавалера,
Доктора Медицины, и разныхъ Ученыхъ
Обществъ Члена. Съ планами и изобра-
женіями оружія и машинъ, на 42 листахъ.
Издано по Высочайшему повелѣнію.
М. въ шип. Августа Семена, 1826, въ
4. XX, 263 и 69 стр.

(Книга сія посвящена Сочинителемъ Его
Величеству Государю Императору Ни-
колаю Павловичу. Въ ней Г. Гамель, въ
свѣдѣніе Высочайшаго повелѣнія въ Божь
почивающаго Императора Александра I,
весьма подробно описалъ одно изъ любо-

льшнѣйшихъ и превосходнѣйшихъ въ Европѣ заведеній. Извѣстіе о сей книгѣ распространѣе сообщено въ 20 Но Свѣ. Пчелы нынѣшняго года.)

6. *Записки о поѣздкѣ на Нижегородскую ярмарку* Московской Коммерческой Практической Академіи Воспитанника Николая Тярина. Изданы изданиемъ М. Коммерческой Практической Академіи Д. Члена П. О. Верещеникова. М. 1827, въ шил. А. Семена. 57 стр. въ 8.

(См. 21 Но Свѣ. Пчелы.)

Конецъ сто одиннадцатой части.

О Г Л А В Л Е Н І Е

СТО ОДИННАДЦАТОЙ ЧАСТИ.

	Стран.
I. Изящная Словесность.	
1. Картины, Повѣсть	3
	(Прод.) . 105
	(Оконч.) . 213
2. Вечеръ въ Д.	258
	(Оконч.) . 329
3. Гусавъ Ваза	346
II. Исторія XVIII столѣтія.	
Отрывки изъ Записокъ Гр. Сегюра	46
	(Прод.) . 152

III. ОТЕЧЕСТВЕННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Письма на Кавказъ	57
(Прод.)	186

IV. ВОЕННОЕ ИСКУСТВО.

Исторія Аршиллеріи	175
(Прод.)	274
(Прод.)	364

V. ФИЛОСОФІЯ.

Письмо къ другу	290
---------------------------	-----

VI. КРИТИКА.

1. Расположеніе Библиошеки И. Московскаго Университета	304
2. Многочисленія	375

VII. СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИЯ И ПОЛИТИКА.

1. Осада Миссолонги	77
2. Джонъ Адамсъ	201
3. Джефферсонъ	321
4. Обзорніе происшествій 1826 года	388

VIII. СТИХОТВОРЕНІЯ.

1. Ижорскій	91
2. Рожденіе Мессіи	205
3. На игру В. И. Г—вой	207
4. Стихотворная болелька	—
5. Картина изъ временъ завоеванія Сибири	316
6. Цвѣшокъ безъ запаха, Басня	321
7. Опытный пловецъ	387

IX. СОВРЕМЕННАЯ РУССКАЯ БИБЛИОГРАФІЯ

102
212
318
409

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА,

Ж У Р Н А Л Ъ

ЛИТЕРАТУРЫ, ПОЛИТИКИ

И

СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИИ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

Николаемъ Гречемъ

и

Фаддеемъ Булгаринимъ.

ЧАСТЬ СТО ДВЕНАДЦАТАЯ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,

ВЪ ТИПОГРАФІИ Н. ГРЕЧА.

1827.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи, до выпуска изъ типогра-
фіи, представлены были въ Цензурный Комитетъ семь
экземпляровъ сей книги, для препровожденія куда слѣ-
дуетъ, на основаніи узаконеній. Санктпетербургъ, Февраля
15 дня 1827 года.

*Цензоръ Коллежскій Ассессоръ и Кавалеръ
Константинъ Сербинскій.*

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА.

1827. № V.

I.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

I.

ГУСТАВЪ ВАЗА.

(*Окончаніе.*)

Однажды, когда я вышла изъ рудника, предсталъ передо мною благовидный мужчина — подавъ мнѣ дружески руку и повель меня въ свой домъ. Это былъ Аксель Біорнзень; жена одного работника видѣла выпитый ворошникъ сорочки моей и сказала Акселю, который заключилъ изъ того, что я бѣглець, преслѣдуемый бѣшенствомъ Христіерна, и какъ онъ былъ добрый человекъ, то и принялъ меня къ себѣ.

Онъ обходился со мною дружески и со-спрадапельно. Я хвалилъ Дадарнійцевъ и легонько изъявилъ боязнь свою на счепъ того, когда и до нихъ дойдетъ очередь испышашъ ширанство Христіерново. Тупъ сшалъ Аксель выхваляшъ обширность отпра-ны, многочисленность и храбрость мужей

ся и ненависть ихъ къ гнѣющему Шведовъ
 игу; онъ клялся, что Христіерну никогда
 не удастся покорить ихъ своей власни.
 Я радостно обнаружилъ передъ нимъ свои
 мысли. Тогда Аксель вдругъ поблѣднѣлъ и
 спалъ пошчасъ оговаривашь, что прежде
 превозносилъ хвалами. Трусъ не можешь
 бышь вѣрнымъ другомъ. Я взялъ съ него
 обѣщаніе бышь скромнымъ, и ночью ушелъ
 опъ него. Безъ вожакаго, блуждалъ я по го-
 рамъ и долинамъ, и наконецъ нашелъ жили-
 ще стариннаго своего поварища въ биш-
 вахъ, Пеперсона.

Онъ принялъ меня по-брашски, съ гром-
 кими восклицаніями радости. „Какъ ты“
 говорилъ онъ: „увернулся опъ Датскаго
 палача? Ну, слава Богу, что живешь хош
 одинъ Шведъ, на кошораго ошечество мо-
 жешь полагаешь надежду. Спупай ко мнѣ;
 ѣшь, пей, подкрѣпи себя; въ домъ своего
 друга все швое.“

Тутъ ударили мы дружески по рукамъ,
 и я не скрылъ опъ него стремленія моего
 сердца. Онъ обѣщаль мнѣ пособіе и назвалъ
 человекъ пятьдесятъ, все знашныхъ особъ,
 говоря, что на нихъ могу положиться. Два
 дня пробыли мы вмѣстѣ и условились, какъ
 бышь дѣлу; шогда пошелъ онъ, какъ ска-
 залъ, переговорить съ прочими.

Тоскливо и горестно посматривала на меня хозяйка Имгарда, когда онъ вышелъ. Я спросилъ, почему; она отвѣчала, что нездорова. Однако при наступленіи вечера, когда спало темно и я, взявши фонарь, отправился спать, она догнала меня, схватила за руку и спала плакать. „Густавъ,“ сказала она: — „сердце мое разрывается, но я должна осперечь себя: мой мужъ пошелъ предать себя Дашчанамъ за золото. Бѣги; мой старый слуга Іенсъ проводитъ тебя въ вѣрное мѣсто.“

„Куда ты ведешь меня?“ спросилъ я старого слугу, идучи съ нимъ тѣсною, почти непроходимую тропкою. „Къ Паспору“ отвѣчалъ онъ. Это не понравилось мнѣ; не скрою передъ вами, друзья: тогда никто не казался мнѣ опаснѣе Паспора. Что сдѣлалъ Густавъ Тролле (*) на пагубу своему отечеству, то было у меня въ свѣжей па-

(*) Спернъ Сшуре и Эрикъ Тролле, искали оба достоинства Намѣстника; Сшуре побѣдилъ. Чтобы успокоить Папу, который вмѣшался въ распрю, и паршю Эрика, Сшуре согласился признать Эрикова сына, Густава, Архіепископомъ Упсальскимъ. Сей послѣдній оказалъ себя дѣшельнымъ и непримиримымъ врагомъ Сшура, и безъ него никогда Христи-ернъ, возбуждавшій еще болѣе деньгами его испишельность, не пришелъ бы въ Швецію. Сог.

мяши; и хопя однажды приходила мнѣ бѣлая мысль привлечь на свою сторону Епископовъ, однако я бросилъ ее; мнѣ мнилось, что всякій Епископъ подобенъ Троле — не захочешь быть болѣе гражданиномъ и человекомъ, чѣмъ Епископомъ.

Однако, благодареніе Богу, Паспоръ, называвшійся Іоанномъ, былъ хопя и не Епископъ, но гражданинъ и человекъ добрый. И онъ сидѣлъ бы здѣсь, за этимъ столомъ, если бъ не былъ шамъ, гдѣ носишь корону превосходнѣе моей! — Онъ спросилъ меня объ имени и обѣщаль мнѣ покровительство. Когда старый слуга ушелъ, онъ повелъ меня въ церковь и заперъ въ ризницѣ. „Здѣсь“ — сказалъ онъ: — „тебя никто искашь не будешь. Гдѣ господинъ бездѣльникъ, шамъ нельзя вѣрнись и слугѣ. Въ домъ моему тебѣ не было бы хорошаго убѣжища.“ — По ночамъ приходилъ онъ, приносилъ мнѣ пищу и бесѣдовалъ со мною. Туть узналъ я вскорѣ здравый умъ этого человека и честныя свойства. Слезы пробивались изъ глазъ его при мысли, что есть еще Шведъ не робкаго духа, для блага своего опечесства. „О, счастливы ты“ — восклицалъ онъ: — „что Богъ къ отважной душѣ даровалъ тебѣ твердую руку на спасеніе народа съ геройскою силою. Благо-

словляю тебя къ шому во имя Господа! Но если не могу носить меча на опору шебъ, шо буду служишь совѣшомъ и дѣломъ. Не ищи въ здѣшнемъ дворянствѣ! Его низкое корысполубіе не досшавишь шебъ славы, къ кошорой спремишься; охопнѣе изгибается оно передъ чуждымъ шираномъ, не жели передъ душевнымъ величіемъ себъ подобнаго. Къ шому же дворяне бояшся войны, могущей уменьшишь ихъ запасы и испоршишь пашни. Но поселяне Даларнійскіе смѣлы, раздражены прошиву чужевласшія, бѣдны и пошому не скупы, гораздо ниже шебя званіемъ, и пошому не позавидуюшь швоимъ добродѣтелямъ. Черезъ нѣскольکو дней приходи въ Мору, на креснѣянскую сходку, я прежде схожу шуда, чшобъ узнашь расположеніе умовъ. Надежный человекъ снабдишь шебя всѣмъ нужнымъ, и проводишь.

Я пришелъ въ Мору на сходку Даларнійцевъ. Іоаннъ шамъ встрѣшилъ меня. „Все ладно!“ шепнулъ онъ мнѣ на ухо, и подхваща меня подъ руку, ввелъ въ среду ихъ. „Вошь Гусшавъ Ваза!“ вскричалъ онъ шупъ: „кошорый ищешъ защиты ошь жестокошшей Хриштерна, въ долинахъ и между мужами Даларніи.“

Радостный крикъ разсѣкъ воздухъ. Добродушные Даларнѣйцы обспупили меня, хвапали за руку и пожимали ее. Иной, съ дикимъ лицемъ, съ звѣрскимъ взоромъ, сморщилъ на меня шакъ умильно, что слезы порывались изъ глазъ его. „Даларнѣйцы!“ — сказалъ я, по минованіи бури восшорга — „не для спасенія своей жизни убѣжалъ я опъ ширана. Чеснь и богашество доснались бы мнѣ въ удѣлъ, если бъ я поклясъ ему въ вѣрности. Въ моихъ зѣмкахъ могъ бы я вести укромную, покойную жизнь. И на чужбинѣ эта рука пріобрѣла бы себя милосшь и покровительсво Монарховъ. Но мой народъ соспавляетъ жизнь мою, чеснь и богашество. Мнѣ ли жерпѣшь, чтобъ Шведы медленно пожираемы быи горсшью чужаго народа? Я перенесъ уже много опасностей, испыталъ измѣну, прошель горы и лѣса Кальмара, Оспгошландіи, Эндерманландіи, Нерики и Веспманландіи: нигдѣ не нашель, чего искалъ. Дворяне изгибающя подъ гнѣсомъ власни, воины покорсшвующя ласкашельсшву, Епископи возносящя мольбы за ширана, опъ конюрао принимающя подарки и угрозы, береговѣе жипели считающя свои барыши превыше свободы. Даларнѣйцы, вы — сердце Швеція. Въ васъ живешя благородсшво предковъ на-

шихъ, умершее въ другихъ. За мною, друзья!
— Огнь вашего мужества, огнь крепости
руки вашей побѣгушъ всѣ испребишеди на-
рода, всѣ шайные его кровопійцы, и благо-
дарное опечесиво восхваляшъ васъ на вѣки
вѣковъ.“

Тутъ, какъ бурные вазы, взволновался
народъ, и громкія восклицанія раздались въ
воздухъ. Поклялись ищениемъ Дашчанамъ,
доснади въ мигъ оружіе, и 400 человекъ по-
шребовали, чшобы я велъ ихъ на бишву.
Мы осадили замокъ, въ копоромъ жилъ Даш-
скій Намъспникъ. Всѣ креспьяне собрались
вокругъ меня. Явились и нѣкопорые изъ
дворянъ, по видимому на помощь мнѣ, въ
самомъ же дѣлѣ — чшобъ развѣданы о си-
лахъ моихъ и съ ними сообразовашься. Я
мало о томъ забошиса, и предводишель-
ствую храбрымъ народомъ, полешвъ на
вешрѣчу побѣдъ. Дашскіе полководцы пада-
ли или бѣжали. Вѣроломный Гусшавъ Тром-
ле, думавній поразишъ меня при Упсалѣ,
едва успѣвъ убраться свои ноги.

Тогда заклипъло шيرانское сердце Хри-
шперна. Машъ моя и сешпра, двѣ благород-
ныя женщины, умерщвлены были съ жесто-
чайшими муками. Много другихъ благород-
ныхъ женщинъ брошены имъ съ упеса въ
море, въ мѣшкахъ, копорые ихъ самихъ за-

спавили шишь. Знашнѣйшихъ юношей убивалъ онъ и уродовалъ. Въ Швеціи, наемники его испребляли мечемъ и огнемъ всѣхъ безъ различія. Это воспламеняло въ моихъ мужесшво, и съ каждымъ днемъ умножало число ихъ. Небольшую полпу воиновъ прислалъ мнѣ Николай изъ Любека и писалъ, что шамошній Совѣшь гошовъ заключилъ со мною союзъ. Тупъ выползли и дворине изъ своихъ замковъ, и спарые поварици, копорымъ Хриспьернъ не давалъ жалованья, вдругъ вспомнили о геровъ Спуре, объ опечесствѣ, и предложили мнѣ свои услуги. Я принималъ всѣхъ, но Даларнѣйцы съ неуспрашимошнію, швердосшнію духа и сильными мышцами, спояли у меня высоко предъ всѣми.

Я сдѣлалъ присшупъ къ Спокгольму. Гусшавъ Тролле и его приверженцы бѣжали. Тупъ мнѣ пошребовалась помощь. Я послалъ Сванша Поссе въ Любекъ, заключилъ союзъ и пошребовашъ скорѣйшаго пособія. Онъ привезъ шо и другое; но когда доносилъ онъ о посольствѣ своемъ, очень живо возобновлялись въ моей памяти спарые господа, засѣдающіе въ Совѣшѣ, въ ихъ мѣховыхъ плащахъ съ золошными перевязями. Опъ меня шребовали, заплашилъ 60,000 марокъ за снаряженное воинсшво, а пока этого не сдѣлаю, дозволилъ безошаниный

ввозъ товаровъ для Любчанъ, не допускашь никого, кромѣ нихъ, къ торговлѣ со Швеціею и не заключаешь мира безъ согласія Любека. Вопшь что называется по купечески расчишаннымъ дружесшвомъ, господинъ Посланчикъ; никогда бы я не забылъ о томъ, если бъ вы и не напоминали мнѣ.

Надобно было на все согласишься, чтобы довершишь начашое. Тушь случилось, что Норби (*), попышавшись щещно подать помощь сидящимъ въ Спокгольмѣ Дашчанамъ, былъ загнанъ моими Любскими кораблями къ ближнему острову, и шамъ заперло его льдомъ со всѣмъ его флотомъ. Эшо узналъ я на другой день, и рѣшился однимъ ударомъ сокрушишь всю Дашскую силу. Мои Шведы были, правда, опважны, какъ львы, но къ успройсшву и порядку еще не совсѣмъ привыкли они; почему и повелъ я въ шу же ночь къ нападенію однихъ Любчанъ. И они пошли храбро въ слѣдъ за мною, и не смошря на сильный огонь Дашчанъ, зажгли многіе корабли ихъ, шакъ, что я уже радовался удачному предпріишію. Вдругъ Либскій предводишель скомандовалъ решимъ раду, и какъ я ни просилъ, сколько ни

(*) Зерень Норби былъ Христіерновъ Адмираль, человекъ храбрый. *Сот.*

угрожалъ, не могъ опклонить ошь шого Любчанъ. Туть я узналъ, что значишь помощь союзниковъ!

Однако тогда было не до шого, чтобы сердиться: освобожденный Норби угрожалъ всею силою опразить осаждающихъ Спокгольмъ, и мнѣ нужны были Любчане, чтобы не допустишь его къ штому. Впрочемъ, если бь Шведы мои не успояли съ удивительною швердосшю прошиву люшпши холодной зимы, я былъ бы принужденъ ошсшунить, потому, что эши чужіе друзья хотѣли шолько сладко ѣшь, а не мерзнуть и не воевать. Тираны низвергають сами себя. Дашчане возшпали прошиву Хришп-ерна и прогнали его. Швеція очиспилась, шолько Спокгольмъ оказывалъ еще слабое, почти умирающее упорство. Цѣль, которая лежала у меня на душѣ, была достигнута, и я пожелаъ видѣшь народъ, за свободу котораго сражался и побѣждалъ; мнѣ хотѣлось дать ему правительство и законы, чтобы упрочить за нимъ эшу благодѣтельную свободу.

По силѣ возложеннаго на меня Чинами званія Правителя, назначилъ я Сеймъ въ Спрегнесъ. Туда собрались во множествѣ Чины, Епископы, и шмочисленными полками народъ мой изъ всѣхъ провинцій. Гдѣ

ни появлялся я, вездѣ принимали меня съ радостными восклицаніями, какъ божество. Я былъ предметомъ ихъ разговоровъ, героемъ ихъ пѣснопѣній. Всѣ шѣснились вокругъ меня, какъ дѣшн около ошца, и эпи брадагные мужи плакали отъ радости, когда я имъ дружески кланялся.

Не подумайше, друзья, чтообъ человекъ, которій скоро станешъ предъ пресполомъ Всевышняго, рѣшился говорить вамъ эпо изъ суешной горделивости. Если душа, возмимъвъ благіе, великіе помысли, безпрепешно преборала опасности и непоколебимо выносила шруды, ради одной высокой цѣли, и если эша цѣль доснигнуша и справедливостъ расшочаешъ награду за наградою для счастливица, которій шото удосноился: шогда умолкаешъ уже голосъ обыкновеннаго честолюбія и радости, и ярсная, но искренная и безкорыстная похвала народа гораздо ушѣшительнѣе сердцу, нежели шумное, бласшательное одобреніе, при которомъ иные хоняшъ высшавишъ шолько самихъ себя.

Эшо испышано мною въ Сяргенствѣ: Зашла рѣчь объ избраніи меня въ Короли. Чины и Епископы видѣли, что нѣкому бытъ Королемъ, кромъ меня. Я и самъ чувшшвалъ, и не смѣжусь сказать, что радовался

погда, счишая себя достойнымъ вѣнца, кошораго пнягосшь въ печеніе сорока лѣшь не подавила моего мужесшва, кошораго обязанносшямъ пребылъ я вѣрень. Однако поменѣ мужесшва врьдъ ли не пріяшнѣ было бы Чинамъ и Епископамъ. Чшобъ шолько выиграшь для себя, сколько возможно болѣе, спарались они придашь високую цѣну доброй своей волю, и со всеусердіемъ поуждали меня къ пріяшню короны, надѣясь, чшо въ упбеніи радости, не ошвергну я шѣхъ условій, какія выдуманы ими были для ихъ собсшвеннаго возвеличенія и обогащенія.

Тупъ я согласился, чшобъ о шомъ предложено было во всенародномъ собраніи. Вишупилъ орашоръ и, возвеличавъ мои подвиги и добродѣтели, прибавилъ, чшо Швеція нужень Король, и чшо нѣшь никого къ шому достойнѣе меня; пошному и должны разсудить Чины, могу ли я и съ какими условіями бышь Королемъ. Но сердечный порывъ народа не даъ ему договорить. Спокойно слушали дѣланная мнѣ похвалы; но едва произнесено было, чшо я достоинъ бышь Королемъ, какъ воздухъ засшоналъ ошъ громкихъ восклицаній: „да, Король, Король нашъ герой, ошецъ нашъ, избавишель, Густавъ Эрикзонъ, нашъ Король! Хвада, хвада и долголѣшіе!“ — и всѣ

приспустили и шребовали, чшобъ имъ показали ихъ Короля, хващали одежду мою, цѣловали ее; совсѣмъ чуждые другъ другу обнимались съ радосными слезами, и какъ бы щедро одаренные на всю жизнь, какъ бы получившіе доступъ ко врашамъ небесъ ошъ дворянъ и Епископовъ, восшорженные поселяне и граждане обхвашывали ихъ и цѣловали.

Есшъ чшо-шо великое, друзья мои, сдѣлашья предметомъ любви и обожанія народа, съ увѣренносшью, чшо эша любовь пріобрѣшена заслугами!“

Сшарый Король умолкъ, и госши въ глубс. ой задумчивосши смосшрѣли каждый передъ собою. Спусти нѣсколькo минушь, Гусшавъ продолжалъ:

„Я расказалъ вамъ, чшбъ для спасенія Швеціи, для моего сшасшя и моей сшавы сдѣлано было щедросшю купцевъ, храброю рукою солдашъ, пашрїюшическою ошважносшю дворянъ и посшояннымъ усердіемъ союзниковъ. Но не полна была бы рѣчь моя, когда бъ умолчалъ я о заслугахъ сшужисшелей церкви во время моего правленія.

Народъ громко и великодушно провозгласилъ меня Королемъ, и всѣ благоговѣли предо мною безъ сошрошвленія. Тшшь предсшали мнѣ Епископы и сшали говорисшъ,

весьма назидательно, о томъ, сколь необходимо возвесли благословеніе Божіе на державную главу мою, посредствомъ коронаванія опть освященныхъ рукъ ихъ. По своему обычаю; принялъ я предложеніе скоро, безъ околичностей; но святые мужи, видя равнодушную готовность мою, не опустили намекушь о дачахъ и привилегіяхъ въ пользу церквей и Чиновъ. Я помнилъ тѣ времена, когда насшыри и дворяне наперывъ мерзали по клочкамъ Королевскую маншію, и замѣнилъ, что хочешся имъ добытое моимъ мужествомъ и кровію народа распредѣлишь большею частію, какъ добрую находку, по монашьямъ и замкамъ ихъ. Посему-то я онклонилъ это дѣло, подъ предлогомъ, что осада Стокгольма шребуешь личнаго моего присутствія.

Вскорѣ Стокгольмъ палъ и Швеція еддалась моею. Возсѣвъ на престолъ моего опечесства, я долженъ былъ выикнушь въ дѣла его съ царскою заботливостію. Тогдашо спало разрыватьсь сердце мое, ибо во всемъ Государствѣ увидѣлъ я безпорядки, опустошенія и бѣдность. Своимъ и чужимъ содашамъ шребовалась плаша, а въ сокровищницѣ было пусто и народъ сионалъ подъ ярмомъ налоговъ. Если бѣ я спалъ ходишь и въ дрянномъ полукашанѣ, какъ въ

ту пору, когда явился предъ купеческимъ собраніемъ, если бъ жилъ не богаче Дазарнйскаго мужика, и тогда не скопиль бы я, сколько мнѣ было нужно.

Между шѣмъ видѣлъ я пышность Епископовъ, блескъ и богатство церковныхъ ушварей; принималъ участіе въ роскошныхъ пирахъ, въ честь мою успроаемыхъ, и думалъ про себя, неуже ли на то естъ воля Божія, чшобы Его служители ушопали въ нѣгъ, а народъ помился, и пріяшно ли Ему благодѣіе дома Его, когда селянинъ едва можешъ выспроить себѣ хижину? Какъ мнѣ показалось, что это не можешъ бытъ угодно Богу и что не будешъ прошивно Ему, если избыткомъ Его служителей ошвраще-на будешъ нищеза въ Государствѣ, то я призывалъ къ себѣ Епископовъ и пошребовалъ ошъ нихъ нѣкошорой часши ихъ сокровищъ. Свяшые ошцы перепугались и горько жаловались на свою бѣдность. Я былъ спо-екъ и напомнилъ, что лучше подавашъ народу примѣръ добродѣтели, нежели выманивашъ у него послѣднія крохи и приспымашъ его любоспрасшіемъ. Тушъ прозвали меня ерешикомъ⁷ и бѣшеный Врускъ Линкопннгскій ошкрышо взывалъ къ возмущенію.

Тогда появился ученый и смиренный Олай Пешри из Випшенберга. Онъ расказалъ мнѣ объ ученіи Люшеровомъ — говорилъ шакъ скромно и умно, чшо я никакъ не могъ запрешить ему вразумлять и наставлятъ другихъ, какъ онъ меня вразумилъ и наставилъ. Это раздражило монаховъ и духовенство еще болѣе; повсюду бѣгали они и языками злобы, какъ горящими головнями, распалили прошивъ меня умы народа; изъ прежде бывшаго избавишеля, провозглашенъ я былъ, съ церковныхъ кафедръ, врагомъ Божиимъ и порожденіемъ дьявольскимъ.

На все это не обращалъ я вниманія, и штъмъ еще болѣе склонялось мое сердце къ умному и кропкому Олаю. Пускай они бѣснующся, думалъ я, себя хранишь любовь швоего народа. Однако ядовитое бѣшенство пастырей нашло средство узвѣшить меня въ самой глубинѣ моего сердца. Опшважные, вѣрные Дазарнійцы, кошорыхъ нѣкогда сошпрананіе ко мнѣ и къ ушѣсенному ошечешву одушевило къ шакимъ подвигамъ — кошорыхъ пособіе возвело меня на прешполь, вдругъ возмущены были ими. Въ шѣ долины, обшпашелей кошорыхъ ежедневно благословлялъ я въ благодарной душѣ, шпакій долгъ принуждалъ меня весши воору-

женныя полны для усмиренія. Презрительнѣйшимъ, Богомъ опшвергнушымъ злодѣемъ казался я пѣмъ, копорыѣ нѣкогда считали меня въ Морѣ непосланнѣмъ опъ неба избавишелемъ. Хотя еще разъ послушались они моего голоса и не нужно было прибѣгать къ оружію, чшобъ укропшть ихъ; но какъ раздраженные пастыри не прешавали подшрекашъ и ослѣпляшъ ихъ прошодушя, шо Даларнѣйскія долины снова наполнились ужасами мяшежа. Тогда почувствовалъ я, чшо корона, копорая должна бышъ подкрѣпляема молишвами и ученіемъ служштелей церкви, не должна бышъ подчинена правамъ ихъ и силѣ. Я созвалъ Чшновъ своего Государшва, и объяснилъ имъ свои мысли.

Благородные господа и мужи Швеціи, говорилъ я: вы избрали меня Королемъ, да влашвую надъ народомъ вашимъ во благо его. Но гдѣ Епископы и монахи, во имя Господа, высасывають области и пользующся прошодушнемъ вѣрныхъ подданныхъ на возмущеніе ихъ прошиву Государя, шамъ не можешъ преушсѣвашъ благо народное — не можешъ и Король, хотя бы смысломъ и мудросшію подобный ангеламъ, исполняшъ своего долга. Я хѣчу, чшобъ сшн, корыстшлюбивые, безпокойные пастыри, удалились

опть насъ. Хочу, чшобъ у новаго Гусшава Тролле опняша была власшь усшрояшь гнбелъ отечесшву. Хочу, чшо бы пышность и блескъ церковный исчезли изъ спраны обвднвшей. Хочу, чшобъ мы повиновались не успавамъ Римскаго Двора, а единспвенно Слову Божию и испинь. Хочу сего во имя Господа и ко благу моего народа.

Но сей сльпой народъ, орудіе раздраженнаго духовеншва, заносишь мечъ на челоувка, кошорому самъ въ Спрегнесъ вручилъ единодушно корону. Благородные господа и мужи Швеціи! не хочу я долге носишь короны, кошорая двлаешъ меня ненависнымъ народу, не давая возможности приносишь ему пользу. Ошрекишесь ошъ Папы, изгонише власшь его на вьчныя времена и покоришесь, именемъ Швеціи, Евангельской испинь. Вы первеншвуеше въ народъ; съ вашею помощію могу и хочу я власшвовашъ и возвеличишь Швецію, сдлашь ее счасшливою. Если моя воля не прошивна вамъ, шо произнесише сіе шоржесшвенно, съ силою закона, вьчно неизмьннаго. Если жъ вы несогласны со мною, шо возмише у меня корону, въ кошорой ншь могущесшва и чесши, возмише ее назадъ и возвратише мнъ мое родителъское насльдіе, кошорое опдалъ я на освобожденіе своего

ошечества. Въ дальнія спраны удаюсь я тогда, и постараюсь забыть народъ, кошорый былъ мною любимъ, кошорому всею я пожертвовала — кошорый меня богошворилъ, а спустя мало времени, преслѣдуешь съ поруганіемъ и ненавистью.

Сказавъ это, вспала я и ушла къ себѣ во дворецъ. Чешыре дня оставался я тамъ взаперти; со мною небольшое число благородныхъ и вѣрныхъ служителей. Да, признаюсь, шо были горесипные для меня дни. Бога призываю въ свидѣтели, что я не искала престола Швеціи, какъ знака опличія, кошорый вывѣшивается на панцирь храбраго, въ узнаніе свѣшу о его подвигахъ; онъ посланъ мнѣ былъ опъ Бога и любви Швеціи, какъ драгоценный подарокъ, и я клялся Богу и Швеціи украсить его добродѣтелями и заслужить новыми благодѣянiami. И вдругъ остался я въ уединенной комнатѣ, лишенный чести, какая подлежишь добродѣтели, лишенный могущества дѣлать добро моему народу; вокругъ меня мятежь; во мнѣ ожиданіе презрительнаго слова опъ шѣхъ людей, для кошорыхъ, можешь быть, суевѣріе священнѣ Вѣры, и кошорыми личная значительность цѣнилась выше народваго блага! О, по истинѣ, мнѣ было легче

въ рудникахъ Даларніи, легче въ ризницѣ Священника Іоанна!

Въ собраніи Чиновъ, прежде всѣхъ началъ рѣчь зяпъ мой Туре Янзонъ. Дерзновеннымъ и пагубнымъ назвалъ онъ мое намѣреніе, наглымъ нововведеніемъ ученіе Люшера. Капюллическую же церковь свяпизищемъ, съ кошорымъ связано земное благо и блаженство небесное. Хотя Швеція, говорилъ онъ, перяепъ во мигъ мужеспвеннаго, храбраго Государя, но самое дѣло: распройсшво всего царства и возмущеніе вѣрныхъ Даларнійцевъ, доказываетъ недоспашокъ во мнѣ царской мудрости; что до него касается, онъ никогда не согласится на мои шребованія пребудешь по конецъ дней вѣренъ шой релігии, кошорая одна въ состояніи низвести на него благость небесъ.

Эшо мнѣніе было ясно, и кто бы могъ прошиворѣчьшъ ему, когда шощъ, кого природа назначила моимъ защитникомъ, первый возспалъ прошивъ меня? Много и съ жаромъ было говорено за и противъ, но ничшо не вело къ цѣли. Епископы не щадили хншрыхъ уловокъ. Туре Язонъ шоржеспшвовалъ и говорилъ все громче и сильнѣе; друзья мои робѣли и умолкали.

Наконецъ въ чешвершый день предспалъ собранію Эрикъ Тролле, кошорый прежде

молчалъ. Никогда не искалъ онъ моего благоволенія, и былъ, по дядѣ своему, опдаляемъ и надзираемъ мною.

„Благородные господа и брашья!“ сказалъ онъ. „Вы знаете мое имя и то, что Гусшавъ Тролле мой дядя. Спурь были прежде врагами нашего дома, теперь Ваза. Никогда я не ласкашесшвовалъ ему, никогда онъ меня не приманивалъ. При всемъ томъ, если Шведы не хопяшъ покорисьа чуждой власши, если они могутъ и должны имьшъ Короля, то никшо другой не можешъ и не долженъ бышъ имъ, кромъ Гусшава Эриксона, спасишеля, кошораго благодарный народъ провозгласилъ Королемъ въ Спрегнесъ. Онъ не только храбрыйшій, но мудрыйшій, и я думаю, самый лучший между нами. Я опрекаюсь ешъ Папы и покаряюсь вошь Короля, какъ силъ Государешвеннаго закона, на вѣки!

Изумленіе, благородное умиленіе объяло другихъ. Никшо уже не думалъ о своей личности; кромъ Туре Янзона, всъ возчувсшвовали, что когда рѣчь идешъ о благъ народа, всякій долженъ мысляшъ, какъ Эрикъ Тролле. Тотчасъ заключили, Папскую власшь изгнашъ навѣкъ изъ Швеціи, а Евангелическое ученіе сдѣлашъ господсшвующею въ Государсшвъ Религію. Одинъ изъ привер-

женныхъ мнѣ пришелъ къ замкнутой двери дворца моего и принесъ извѣстіе. Черезъ нѣсколько минушъ, явились первѣйшіе Чины, и объявили мнѣ согласіе на мою волю, и желаніе, чшобы я предспалъ въ ихъ собраніе Кордлемъ, и съ полною власшію ввелъ новый законъ.

Тогда-шо сдѣался я Королемъ, не въ буръ благодарности и радости, а уваженіемъ одного благороднаго врага. Чѣмъ я тогда сдѣался, шѣмъ и оштался; ни Даларнійцевъ фанатическое броженіе, ни Христіерновы нападенія, ни высокоумріе Любчанъ, ни коварное бѣшенствво Епископовъ, ни вѣроломство Туре Ядизона, не могли уже поколебать короны, кошорою обязанъ я заслугамъ, и кошорую доселѣ споль же досшойно несъ, какъ и принялъ ее.

Вы Шведы; я спарь — жестокимъ никогда не бываеъ, да и смерть вскорѣ сняла бы съ васъ бремя моего неблаговоленія. Говорите, если хоша чшо нибудь сказано мною несправедливо!“

Всѣ въ почтительномъ безмолвіи взирали на спараго героя, истощеннаго за бошами и шрудами, согбеннаго лѣшамн, кошорый въ сіе мгновеніе выпрямился и споль, какъ нѣкогда юношею, призывая къ сраженію своихъ воиновъ, и подобно небес-

ному огню, блиспало изъ глазъ его чувство собшвенной силы и добродѣтели.

„И шакъ,“ говорилъ онъ далѣе: „знайше же: не остроуміемъ школьныхъ мудрецовъ, не Любскимъ золопомъ, не опышнымъ мечемъ спарыхъ солдашъ, не мужеспвомъ и великодушіемъ дворянства, не усердіемъ со-возниковъ, не помощію кровнаго родства, не молишвами и ученіемъ пастырей спасена Швеція и основанъ пресполь мой. Нышь! эшо сдѣлано добродушіемъ Баннера; честностію Николая, великодушною преданностію Ивара Нельсона, сосшраданіемъ Имгарды, опважно-спію и благоразуміемъ Іоанна, благородствомъ Тролле и мужеспвомъ, преданностію моего грубаго, но славнаго народа. И для чего мнѣ молчашъ при эшихъ сѣдинахъ, и съ упом-ленными, гошовыми скоро смежишься гла-зами? Цѣлый народъ былъ сорокъ лѣшь сви-дѣтелемъ моей жизни; я не захочу кончишь ее нелѣпымъ хвасповспвомъ. Да, вмѣспъ съ благоговѣніемъ къ Богу. —“

Тушь спарый Король возвелъ съ уми-леніемъ глаза свои къ небу, и нѣскольکو ми-нушь безмошпововаль.

„Вмѣспъ съ благоговѣніемъ къ Богу пи-палъ я въ себѣ шощъ царскій, доблеспный духъ, кошорый въ юноспи подвизаль меня къ благороднымъ дѣламъ, въ зрѣломъ возра-

ствъ возложилъ съ честію корону на главу мою, и шеперь, въ старости, крошко и радосшно низводишь меня въ могилу. Онъ-то давалъ мнѣ мужество среди опасностей, швердосць въ несчастіи, благоразуміе въ счастіи; онъ-то причаровывалъ друзей, гдѣ мнѣ грозила опасность, имѣ основалась власшь моя надъ сердцами, чрезъ него получалъ я вѣрныхъ слугъ, и даже враговъ моихъ обращалъ онъ на вспоможеніе мнѣ.

И шакъ, Эрикъ, основывай власшь швою не на золошь, сшрегомомъ скупосшію, не на храбросши, продажной шщеславію и любоспяжанію, не на высокой породѣ, кошорая уязвляешся зависшію и унижаешся эгоизмомъ, не на молишвахъ, кошорыя почести ми и сшрахомъ досшающся и злодѣю, не на союзникахъ, кошорые не любяшь вдавашся въ опасности, но не упускающъ шребоваш себя награды, ниже на всеобщемъ восторгѣ и любви народа, кошорого прошша поддаешся внушеніямъ хипросши проклинаеш сегодня што, што благословляла вчера! Въ тебѣ самомъ блескъ и сила швоей короны! Будь Королемъ швердосшію духа и добродѣтелью. Тогда любовь и уваженіе созидашъ прешшоль швой, и никакая вражья сила не поколеблетъ его. Онъ высокога всегда въ зависимосши низкое, къ истинному вс-

личію прилѣпляется всякій охотно, и благо, во вѣки благо Царю, въ кошоромъ народъ почишаетъ лучшаго изъ мужей своихъ!“

Такъ говорилъ державный сцарець, и сложа руки, возвелъ опяшь къ небу глаза свои; и долго оспавался онъ погруженъ въ священную задумчивость, попомъ вдругъ поспѣшно поднялся и пошелъ швердою стопою, подобно юношѣ, въ свой ближній покой. Въ изумленіи взирали въ слѣдъ ему гошпи. Но лихорадка съ большею силою потрясла его. Уже не всшавалъ онъ съ одра своего, и чрезъ нѣсколько дней заключилъ свое поприще.

2.

С В Ъ Т Ъ Г А Р Е М А (1).

(Изъ Томаса Мура.)

Кто не слыхалъ о долинахъ Кашемирской, о ея розахъ, прелестнѣйшихъ въ мірѣ (2), о ея храмахъ, прохладныхъ пещерахъ,

(1) Нурмагалъ, имя героини сей Повѣсти, значить Свѣтъ Гарема. Ея послѣ назвали Гургханъ, ш. е. Свѣтъ міра.

(2) Нѣжный цвѣтъ и ошмѣнный запахъ Кашемирской розы вошли въ пословицу на Востоку. (Фортъ.)

испочникахъ, ешоль же свѣшлхъ, какъ очимилыхъ красавиць, которыя любяшь емопрѣшь на ихъ воды прозрачныя?

Пріятно видѣшь сію долину при закатѣ солнца, когда прекрасный, весенній вечеръ льешъ на озеро послѣдній свой свѣтъ; шакъ юная супруга закраснѣешь, бросишь послѣдній взглядъ на зеркало, и пойдешь тихими шагами къ ложу брачному.

Сквозь зелень деревъ видны разныя храмы, и всякая вѣра освящаетъ сей часъ особымъ своимъ служеніемъ. Здѣсь слышишь набожный крикъ Муецына, раздающійся съ вершины минареша; шамъ — Магъ колеблетъ свою кадилаицу, наполненную благовоиіи; даде — прелесная Балдерка пошрашаешъ у Индійскаго жершвенника свой во-ясъ, снизаный изъ колокольчиковъ, издающихъ сладосшныя звуки (3).

Прекрасна долина сія и въ часы ночи, когда блѣдный свѣтъ луны шомно опсвѣчваешся на ея дворцахъ, садахъ и храмахъ, когда водопады блещущъ, какъ падающія звѣзды, и умильная пѣснь соловья перерываешся шумнымъ веселіемъ и рѣзвою пис-

(3) „Она опоясала свое шѣло поясомъ изъ колокольчиковъ, кошорые звенѣли, какъ восхишншелыи музика.“ (Пѣснь Яйадевы).

ком молодых любовниковъ, ком собирающа-
ся подъ сводами деревь, дышащихъ прохла-
дою.

Люблю долину Кашемирскую и въ часъ
разсвѣта, когда волшебная прелесть луча
ушренняго открываетъ намъ съ каждымъ
мигомъ новыя чудеса, когда верхи горъ,
кровы зданій и свѣтлые испочники, вдругъ
выходя изъ мрачности, кажутся какъ бы
швореніемъ солнца. Геній ароматовъ про-
буждается вмѣстѣ съ денницею и выле-
заетъ изъ своего гарема цвѣтновъ; непо-
стоянный, игривый въперокъ съ любовію
лбзаетъ юныя осины, коихъ шрепещущій
листвъ плавно колеблется (4). Воспкоъ за-
гарается, какъ сердце юноши, опдающееся
первымъ надеждамъ, и день, развивъ свое
знамя свѣта, выходитъ изъ великолѣпныхъ
врашь, образуемыхъ горами сей счастливой
долины (5).

Но, освѣщенная ли слабыми лучами лу-
ны, или яркимъ блескомъ солнца, освѣжен-
ная ли росою весеннею, или богатая сокро-

(4) Малые островки Кашемирскаго озера устя-
ны кустарниками и широколиственными осинами.
(Берге).

(5) Тукшъ-Сулиманъ, или, кошорое Магомешане
дають сей возвышенности, представляеть надъ
озеромъ половину огромныхъ ворошь. (Форстеръ).

вищами лѣва, — никогда долина Кашемирская не является споль прекрасною, какъ въ это счастливое время. Все въ ней любовь и свѣтъ: здѣсь поколѣся въ день сладкимъ опдыхомъ; ночь проводяшь въ забавахъ. Улыбка оживляеть всѣ лица, всѣ сердца предаюшя радости. . . нынѣ долина празднуеть веселый праздникъ розъ (6). Удовольствія стекаюшя оповсюду, и сердца для нихъ раскрываюшя, какъ роза, шеперь цвѣтушя, роза сподлиственная (7), когда она принимаеть въ роскошную свою чашечку благовонную росу ушра.

Наспунилъ вечеръ и освѣжилъ серебряную поверхность озера, солнце скрыло жгущій свой ликъ за пальмами Барамульскими (8); юныя дѣвы начинали оставлять свои узорныя ложа, на кошорыхъ онѣ покоились во время зноя дневнаго, и сходились играшь при свѣтѣ лунномъ. Онѣ бѣгали по долинамъ подобно рою пчель, съ жужжаніемъ лешающему по высопамъ Белы (9), когда

(6) Праздникъ розъ продолжается во все это время, когда онѣ въ цвѣту. (См. Pietro d'Navalle).

(7) Гуль-сад-беркъ, сподлиственная роза; кажется, это особый родъ. (*Узлей*).

(8) *Бернѣ*.

(9) Мѣсто, упоминаемое въ Тузекъ-Джехангирѣ,

шафранъ расцвѣтаешь. Тысячи свѣшльни-
ковъ мелькали по роцамъ и просѣкамъ осп-
рова; тысячи свѣшлыхъ лампъ горѣли на
домахъ и минаретахъ; сады и пропинки бы-
ли освѣщены споль яркимъ свѣшомъ, что
можно было видѣшь малѣйшіе листочки ро-
зы, размешанные по землѣ. Вопшь юныя дѣ-
вы и ихъ машери сняли покрывала; повсюду
вспрѣчаешь очи восхишительныя, и даже
иногда шакія лица, кои не осмѣливались бы
показашься при дневномъ свѣшѣ, но шеперь
мысляшь нравишься въ сумракахъ ночи. Онѣ
свободно гуляють, повшоряя, что никогда
праздникъ розъ не былъ шакъ весель, нико-
гда луна не разливала шакого чисшаго свѣ-
ша, цвѣшы не блисшали шакими яркими
красками, сами онѣ не были споль пре-
красны. Онѣ удивляються обилію розъ; каза-
лось, что роскошнѣйшіе цвѣшники принес-
ли сюда лучшіе цвѣшы свои. Само озеро
дышешь благовоніями, подобно саду, опъ
прелесшныхъ цвѣшковъ, висящихъ надъ его
водами, какъ будшо бы дождь изъ цвѣшоч-
ныхъ гирляндъ упадалъ съ неба.

Весело повшоряешь эхо звуки бубновъ
и мѣрный шумъ легкихъ шаговъ подъ нихъ

ни въ запискахъ Джахангира. Въ сихъ же запискахъ
говоршсь о шафрановыхъ постеляхъ.

пляшущихъ; муецыны поюшъ пѣсни празд-
 несхва на высокихъ галлерейхъ минарешовъ,
 восхищительные голоса освѣчаютъ имъ
 изъ ближняго гарема радостными зирали-
 пами (10). Далѣ слышенъ громкій смѣхъ
 молодой Кашемирянки, копорая взлешаетъ
 на шелковыхъ качеляхъ выше деревъ поме-
 ранцовыхъ. Въ палашкахъ (11), споящихъ
 по обвѣмъ споронамъ дорогъ, малыя дѣви,
 не боясь угрозъ наспавника или машери,
 борюся, бросаюся другъ на друга съ ковровъ
 розовыхъ. Какіе звуки несущя съ середины
 озера! Всѣ говорятъ шихо другъ съ другомъ
 на челнокахъ, скачушихъ по волнамъ при
 свѣтѣ луниомъ; мѣрное движеніе легкихъ ве-
 сель мѣшается съ воздушнымъ ропошомъ,
 слышимымъ по рощамъ и вокругъ осире-
 вовъ; кажется, что сіи берега, подобно бе-
 регамъ Капая, освѣчаютъ сладостными
 звуками лобзанію каждой волны (12).

(10) У женцинь на Воспокъ, есть обыкновеніе, за-
 славляшъ муецына пѣшь на галлерей ближняго ми-
 нареша, кошорый для сего освѣщается; на пѣсь
 сію время ошъ времени освѣчаютъ *зиралимомъ*, или
 веселымъ хоромъ. (*Буссель*).

(11) „Во время праздника розъ, во всѣхъ мѣстахъ
 разбиваюся палашки, и мы видѣли толпы мужчиць,
 женцинь и проч.“ (*Гербертъ*).

(12) Одинъ шаринный исполкователь Шу-Кинга,

Но изъ всѣхъ сихъ звуковъ сладостнѣйшіе, какъ бы украдкою, срываются съ губъ возлюбленнаго юноши, который знаетъ всю силу губъ и вздоха въ сей часъ очарованій. Наслажденіе восхищительнѣйшее: бышь подлѣ дѣвы любимой! Какое пріятное изслушаніе чувствуешь, кто можешь, при свѣтѣ луны, передавать вздохи свои губѣ на тихомъ озерѣ, сидя рядомъ съ подругою сердца!

Если женщина можешь содѣлать для насъ безцѣннымъ уединеніе пустынное, то въ какой рай превращаетъ она долину Кашемирскую!

Такъ думалъ сынъ Акбаровъ (13), когда, удаляясь отъ власи, пышности и шоржесствъ побѣдныхъ, пришелъ въ сію долину забывъ все свое величіе съ Свѣтомъ Гарема, юною Нурмагай. Свободный отъ всѣхъ суешь дворскихъ, завоеватель бродилъ по берегамъ озера съ своею милою; вѣнки, которые она, рѣзвая, плела подъ сѣнами цвѣтущими, казались ему дорожке вѣнца побѣд-

говоришь, что древніе, замѣтивъ, что каждый прибой воды отдавался въ скалахъ береговъ, какъ музыка, были восхищены сими звуками и взяли нѣсколько камней, изъ которыхъ они сдѣлали музыкальные инструменшы. (Грозье).

(13) Джехангиръ былъ сынъ великаго Акбара.

наго, и въ сердцѣ своемъ онъ опдалъ бы прешолы міра за одну изъ кудрей, падавшихъ на прелестную, бѣлую грудь Сулшанши.

Есть красота, всегда одинаковая и всегда ослѣпляющая, кошорая, какъ продолжительное сіяніе дня лѣшняго, неизмѣняемое никакою тѣнью, никакою счастливою противоположносью, усыпляетъ любовь однообразіемъ своего блеска. Не сія красота разливала очарованія свои на лицѣ юной Нурмагалъ; но прелестъ всегда новая, кошорая, какъ лучъ, разгоняющій легкія тѣни осенія, никогда не оспанавливаешся въ своенравномъ своемъ разнообразіи, одушевляя попеременно уста, ланишы и взоры; мнущно скрываясь въ облакъ, и вдругъ пошомъ блеснувъ, какъ тѣ мерцанія небесныя, кошорыя восхищаютъ любимца неба въ его снахъ пророческихъ.

Задумывалась ли Нурмагалъ? казало что сія прелестъ, драгоценный шалисма^{за} была всегда напечатлѣна въ чертахъ лица ея; если веселосшь ея измѣнялась (и подъ самымъ благословеннымъ небомъ, легкіе Зефиры колеблюшъ иногда цвѣшы на ихъ сшебелькахъ), неперпѣлвросшь Нурмагалъ, мнущный гнѣвъ ея, какъ бы пробуждали въ ней новыя красоты, подобно цвѣшамъ, раз-

ливающимъ пріятнѣйшій запахъ, когда въперокъ ихъ колышеть. Предавалось ли сердце ея нѣжнымъ волненіямъ? Въ черныхъ глазахъ ея свѣтились небеса; огонь чувствъ вырывался изъ сихъ глазъ, какъ свяшныя опшкровенія выходящъ изъ свящилища храма; но веселось ея одушевлялась рѣзвостью и живостью, и вдругъ вылетала, какъ пшичка весенняя. Игривая, какъ Пери, когда ея квшпка отворена (14), Нурмагаль могла бы однако жъ пвшншь самага мудреца умомъ своимъ. Наконецъ, улыбка, полная жизни, улыбка, внушенная любовью и крошостью, была выраженіемъ души ея; нельзя было разгадать, что болѣе всего она украшала въ лицѣ красавицы? Такъ озеро спруишся въ кругахъ пріятныхъ и оживляется опъ лучей солнца, когда легкой въперокъ пробъжитъ по водамъ его зеркальнымъ.

Сими несравненными прелестями Нурмагаль наложила оковы на гордаго побвдишела Восшока. Сколь ни пышенъ былъ его

(14) Въ войнахъ у Дивовъ съ Пери, когда первые брали въ плѣнь послѣднихъ, шо заирали ихъ въ желзныя квшпки и приввшивали къ высокимъ деревьямъ. Подруги плѣнныхъ Пери прилетали съ ними повидаться и приносили имъ лучшія благовошя. (Ритардсокъ).

гаремъ, живой цвѣтникъ прекраснѣйшихъ цвѣшовъ нашего шара (15), хотя сокровища, въ немъ заключавшіяся, самимъ Сулманомъ были бы предпочтены всѣмъ богатствамъ, несомымъ кораблями его ошь береговъ Офира, — но чья улыбка могла сравняться съ ея улыбкою? Юная Нурмагалъ была Свѣшь Гарема.

Но что дѣлаешь она въ сію ночь радости, когда удовольствіе — цѣль всѣхъ сердець? Гдѣ Сулпанша любилал, когда все, что блисшаетъ здѣсь очамъ удивленнымъ, кажется обольстительною мечшою сна? Такъ! если бы кто пришелъ случайно въ эту счастливую ночь на долину Кашемирскую, шопъ почелъ бы себя перенесеннымъ въ градъ утлхъ (16) спраны очарованій, котораго дворцы и башни сложены изъ перловъ, свѣша дневнаго и цвѣшовъ. Когда веселіе сзываетъ юныхъ красавиць, гдѣ же прекраснѣйшая скрыла грушь свою?

(15) На Малайскомъ языкѣ одно и то же слово значитъ цвѣшокъ и женщину.

(16) Столица Шидукіама, ш. е. *страны счастья*, (шакъ называется одна область Королевства Джанишана, или царства Фей). Столица сія есть городъ Алмазовъ. Амберабадъ — другой городъ Джанишана.

Увы! какъ часто малѣйшая причина можеть посѣять раздоръ между нѣжными любовниками! Сердца, вопще искушаемая свѣшомъ и еще крѣпче связанныя бѣдспвіемъ, сердца, устоявшія въ волненіяхъ на бурномъ морѣ жизни, заблуждающія въ день тишины и счастья, подобно кораблямъ, поглощаемымъ волнами, когда небо ясно и безоблачно.

Что-то спольже легкое, какъ воздухъ, одно слово суровое, или худо исполкованное, короче одно дуновеніе, часно попрясало любовь, непопрясенную доподъ порывами бури; слова, еще суровѣйшія, скоро довершашъ разрывъ сердець, начашъ съ одного слова. Очи забудушь шѣ нѣжные взоры, кошорыхъ они искали въ улыбающіеся дни первыхъ волненій любви, и голосъ потеряенъ шомъ сладостный звукъ, кошорый придавалъ сполько пріяшности всему сказанному. Мало по малу очарованія любви исчезнушь, и сердца, шѣсно между собою связанныя, будушь подобны облакамъ, силою разорваннымъ, или испочнику, игриво выбѣгающему изъ нѣдръ горы, какъ будшо бы волны его никогда не должны разлучишь; но еще не досшигъ онъ долины, а уже дѣлишь на многіе ручьи, кошорые вѣчно не содьющя.

О вы, копящiе удержишь любовь! удерживайше ее въ цѣпяхъ изъ цвѣшовъ, шакъ какъ она видима въ жилищѣ блаженствъ (17), не упускайше ни одного узла и не давайше ей владѣшь крыльями: одинъ часъ, одна минуша бѣгсшва, лишила бы ея перья половины ихъ блеска. Такъ птица небесная, вьющая гнѣзда въ дальныхъ сѣранахъ Воспока, блисшаешъ крыльями, когда сидишь на мѣстѣ, но лешая, лишаешся своего блеска (18).

Такое легкое, но опасное несогласiе, мигомъ разрывающее цѣпи двухъ нѣжныхъ сердець, поселилось между Султаномъ и его любезною: эшо одна шѣнь въ ясную погоду любви; но сiе малое облачко можешъ породишь громъ. Таково облако, лежащее на сердцѣ Султана и побудившее его изгнашь ошь очей своихъ Свѣшь Гарема. Ошь сегошо, въ эшу ночь счастливую, когда веселiя спеклись на лугахъ и въ рощахъ, когда каж-

(17) См. Описанiе Эроша Восточныхъ народовъ, опушаннаго цвѣшочными гирляндами, въ книгѣ: *Les cérémonies religieuses des Orientaux*, par Pieurt.

(18) Между птицами Тонкина ешь особаго рода щегленокъ, поющiй шакъ прiятно, что его назвали небесною птичкою. Когда онъ сидишь, шо крылья его кажущся сосшавленными изъ множества яркыхъ брасокъ, но какъ скоро полетишь, шо сего блеска непримѣшно. (*Грозье*).

дое сердце нашло свое, — сынъ Акбаровъ, уныль и одинокъ, бродишь далеко отъ всѣхъ съ своею грустію, подобно пшницѣ Фракійской, пенаходящей мѣста къ успокоенію (19). Напрасно являющся ему лица самыя милостивыя, глаза самыя прелестныя, раждаемыя симъ земнымъ раемъ, — онъ не находишь въ нихъ прелести; напрасно сіе жилище богато пышными цвѣтовъ различныхъ: что нужды до нихъ соловью, когда между ними нѣтъ милой его розы (20)? Красавицы долины съ улыбкой и поклономъ подходяшь къ своему Государю; улыбка подруги его сердца дороже для него всѣхъ почестей міра: онъ естъ звѣзда чшима; а она небо, дающее сей звѣздѣ весь блескъ ея.

Отъ того жъ, среди всей пышности, Нурмагалъ удаляется отъ празднества и сидишь одна въ своей ролицѣ; нѣтъ при ней другой подруги для ушѣшенія, кромѣ дѣвы вдохновенной, чародѣйки Намуны. Мно-

(19) Эшихъ пшницъ Восфорскихъ никогда не видывали сидящихъ; и пошому Французы называютъ ихъ *отверженными душами* (les âmes damnées). (Dallouay).

(20) „Предлагай соловью корзины цвѣтовъ и шравъ благовонныхъ: это сердце вѣрное ничего не пожелаетъ, кромѣ сладкаго запаха своей розы-любимцы.“ (Джамля).

гіе вѣки протодишь солнце по злшымъ степямъ неба, и никогда еще не видѣло оно румянаго лица ея, оживленнаго шакою свѣжесью и юностью; и даже, подобно какъ вздохъ западнаго вѣтра украшаетъ цвѣшокъ, на кошорый онъ повѣшетъ, шакъ быспрое время, кажешся, оставляешъ на бѣгу своемъ Намуну еще прекраснѣе: но въ улыбкѣ ея видна какая-то шайная грусть, и когда она вѣщала о мірахъ невидимыхъ, изъ черныхъ очей ея выражался свѣтъ споль чудный, что всѣ, ей внимавшіе, не сомнѣвались въ шомъ, что Намуна естъ дочь геніевъ.

Она знала всѣ шалисманы и всѣ чары, опъ великаго Мантры (21), сзывавшаго всѣхъ выпреннихъ духовъ воздуха, до злшыхъ камней Африканскихъ (22), кошорые кочерый Арабъ привязываетъ къ рукъ своей, дабы защишишься опъ злыхъ козней Слшцима (23). Какъ ни была она свыше людей, но знала, чего спобишь лишинься милаго

(21) Сказываютъ, что она нашла великій Мантру, шалисманъ, давшій ей власть управлять стихіями и духами всѣхъ степеней. (*Вильфордъ*).

(22) Золотые камни Джинійскіе, кошорые, по причинѣ волшебной своей силы, Арабами названы *Блш-Херре*. (*Джаксонъ*).

(23) Злой духъ, живущій въ лѣсахъ и принимающій видъ человека. (*Рикардсонъ*).

сердцу; она поклялась силою своей науки, найши очарованіе, кошорое возвращишь Нурмагалъ улыбки Селимовы (24).

Была ночь... Сквозь зеленую сѣнь, увѣчанную козелисшвенникомъ, шьмы благовоной разливались опъ сихъ расшеній, кошорья бодрспвующь шогда, когда другія спяшь. Такъ смиренныя цвѣшки ясмина скрывающь днемъ сладкій запахъ въ скромныхъ своихъ чашечкахъ; но едва солнце закашишся, повѣряющь сей скрышный залогъ вѣшеркамъ, вокругъ нихъ порхающимъ.

Намуна воскликнула: „вошь часъ, проливающій шайныя очарованія на мураву и на цвѣшны: шеперь можно сплесси вязь цвѣшочную, кошорая, бывъ положена на чело уснувшаго, явишь ему во снѣ каршины восхитительныя и виды чудесныя. Таково очаровашельное зрѣлище, коему дивяшся души солнца, когда играющь вечеромъ въ золотыхъ шашрахъ своихъ, пока сумракъ не изгладитъ одно за другимъ ихъ жилищъ, составленныхъ изъ лучей сѣша.

„Могу сплесси вѣнокъ изъ цвѣшовъ, на кошорыхъ луна покоила свое зыблющееся сіаніе. Сей вѣнокъ, носимый шою, кого лю-

(24) Селимъ, имя Джахангира до восшествія на престоль.

бовъ оспавляешъ, сведешъ съ небесъ какую нибудь Перу, или духа, коего душа соспавлена изъ запаха цвѣшовъ и вздоховъ любовниковъ, и копорый можешъ ей сказашъ... „Вошь,“ вскричала Нурмагалъ съ нешерпѣливостію: „вошь шакой вѣнокъ, шы совьешъ мнѣ въ эту ночь;“ и не медля пустилась, какъ легкая серна, рвашъ цвѣшы, освещенные лучами лунными и назначенные къ соспавленію сего вѣнка волшебнаго. Въ саду шомъ расцвѣшали анемоны и *море золота* (25), водяныя лиліи съ цвѣшками лазурными, и шѣ нѣжныя цвѣшы, копорые распускающся въ колчанѣ Камадевы (26): шамъ красовалась шубероза сребровидная, копорая въ садахъ Малайскихъ слывешъ *красавицей ночи* (27), пошому, что являешся въ благовоніяхъ и убраншвъ, какъ юная супруга, когда солнце скроепся; амараншъ, украшающій чело дѣвъ, бродящихъ въ шѣ-

(25) Гемасагара, или *море золота*. Цвѣшы его самаго яркаго золошаго цвѣша. (*Сиръ Вилль-Джонс*).

(26) Сіе дерево (Нагацезара), ешъ одно изъ прекрасѣйшихъ въ мірѣ, и пріятный запахъ его цвѣшовъ даешъ нмѣ мѣсто въ колчанѣ Камадевы, божка любви. (*Сиръ Вилль-Джонс*).

(27) *Polyanthes Tuberosa*. Малайцы называющъ шуберозу Сандаль-Маламъ, ш. е. *красавицей ночи*. (*Пенкентъ*).

нистыхъ рощахъ Замары (28); бѣлый цвѣшокъ луны, шакъ какъ онъ кажется съ высокихъ скалъ Серендиба плавантелямъ, проходящимъ близъ острова, чшобъ обоняшь по вѣтру запахъ гвоздики; словомъ, ошь несравненной Амришы (29), дающей жителямъ небесъ свои плоды безсмертiя, до василька (30), колеблющаго благовонныя листы свои надъ гробницами и скромнаго розмарина (31), нѣшь расшенiя, нѣшь дерева, кошорое бы не украшало сихъ садовъ. Юная Нурмагаль наполнила свою корзинку листьями и цвѣтами ихъ, и возвращаясь къ Намунъ, высыпала на ея колѣна всѣ сiя богатства долины.

(28) Жители Башшы, области острова Сумаптры (когого древнее имя ешь Замара), ведутъ, когда у нихъ нѣшь войны, жизнь самую лѣнливую. Цѣлый день они играютъ на особаго рода свирѣли, украся голову вѣнкомъ изъ цвѣшовъ, между боими первое мѣсто занимають амарантъ. (*Марсденъ*).

(29) Самый пышный и красивый родъ ямбу, или *яблока розы*, называется амриша, или безсмертный; Тибетскiе Теологи дають это же имя небесному дереву, носящему плодъ благовонный. (*Смръ Вилль-Джонсъ*).

(30) Персидскiй василекъ, называемый Байнанъ, вообще бывають сажаемъ на кладбищахъ.

(31) Розмаринъ и лаванда находящяся изобильно въ великой степи. (*Recherches Asiatiques*).

Съ какимъ наслажденіемъ чародѣйка любовалась сими цвѣтками, окропленными тонкою росой свѣжилъ! Взоръ ея выражалъ восторгъ выше всѣхъ удовольствій человѣческихъ; она почти въ изступленіи наклонилась на сіи цвѣты душистые и впитывала ихъ запахъ, какъ будто бы смѣшала свою душу съ ихъ душою. И въ самомъ дѣлѣ ихъ сладостное дыханіе подкрѣпляло ея жизнь чародѣйственную; ибо никто не видѣлъ, чѣмъ она вкушала пищу смертныхъ, или подносила къ ушамъ своимъ что либо земное, кромѣ росы утренняя.

Чародѣйка, внезапно вдохновенная, начала свои волхванія; она сплела вѣнокъ съ панншвеннымъ искусствомъ и заплала сія слова:

„Я знаю, гдѣ обитають сны крылатые, лежащіе вкругъ одра ночнаго. Мнѣ знакомы всѣ распенія, комъ во время сна дають имъ пристанище въ сосудцахъ своихъ. Поспѣшимъ, юная подруга, поспѣшимъ сплести нашъ вѣнокъ. Завтра ни сновъ, ни цвѣтень уже не будетъ.

„Сонъ любви, посѣщающій каждую ночь дѣву спыдаивую, выходитъ изъ цвѣтка земнаго, кошорый, подобно ей, изливаетъ душу свою въ сумракахъ ночи. Упѣшишельный сонъ надежды, лежащій надъ челома

несчастливаго, выходишь изъ серебристаго цвѣшка миндальнаго, кошорому вѣшвъ безлиственнаа служишь подпорою (32). Поепѣшимъ же, юная подруга, поепѣшимъ сплеси нашъ вѣнокъ! завпра ни сновъ, ни цвѣшовъ уже не будешь.

„Сны, опкрывающіе очамъ спяжапеля ослѣпительный блескъ рудъ подземныхъ, живущъ въ семь цвѣшкѣ горномъ (33), копорый золопишь зубы дикаго оленя. Ужасные призраки, уепрашающіе убійцу, вырываются изъ сего мрачнаго распенія... не допрогивайся до него. Это Мандрагора, испускающая вопли, когда ее рвущъ во мракъ ночи. Поепѣшимъ, юная подруга! поепѣшимъ сплеси нашъ вѣнокъ! завпра ни сновъ, ни цвѣшовъ уже не будешь.

„Сонъ души, шерпѣливо сносящей оскорбленія и улыбающейся своимъ мучителямъ, находится въ разбитой корицѣ, копорой онъ усиливаетъ благовопіе. Поепѣшимъ же, юная подруга, поепѣшимъ сплеси нашъ вѣнокъ! завпра ни сновъ, ни цвѣшовъ уже не будешь!“

(32) Бѣлые цвѣшы миндальнаго дерева вырастають на голыхъ вѣшвахъ. (*Гасселькветъ*).

(33) Трава горы Ливана, о кошорой говорятъ, будшо бы она сообщаетъ желтый цвѣшъ зубамъ козь и другихъ живощныхъ, ее сѣдающихъ.

Какъ скоро вѣнокъ былъ положенъ на голову Нурмагалъ, сонъ спустился на глаза ея, шакъ шихо, какъ шѣни въ ночь лѣтнюю. Въ шопъ же мигъ шиховѣйный вѣшерокъ, столь богашый сладостными звуками, какъ вѣшры, дующіе въ шапры Азаба (34), богашы благовоніями, прокрался въ ея слухъ, подобно какъ ранній Зефиръ ушра залезаетъ въ красивыя раковины моря Чернаго, въ коихъ сама любовь когда-то любила покоиться сномъ (35). Нѣкошорый духъ порхаешъ вкругъ ея, и кажешся смѣшеніемъ музыки и свѣша: шакъ лучезарны чершы лица его, шакъ движеніе крыль его наполнешъ воздухъ сладкозвучіемъ. Въ минушу онъ запѣлъ сіи слова:

„Призванный чародѣйшвомъ сего вика, освященнаго сіяніемъ луны, я прилешы ошъ сладкогласнаго испочника Хиндары (36), жилища очаровашельнаго, гдѣ я живу дель

(34) Страна мирры, или ладона.

(35) Суевѣріе, что божества языческія жили иногда въ раковинахъ, было извѣстно и древнимъ Грекамъ, кои предшавляли юныхъ Нуршъ обитавшими въ раковинахъ Чернаго моря. (*Вильфорди*).

(36) Васнословный испочникъ, въ кошоромъ, по словамъ Воспочныхъ язычниковъ, музыкальные инструменшы безпрешанно играющъ. (*Ритардсон*).

и ночь при звукахъ музыки. Любны шамъ раздающся въ воздухъ, голоса поющъ ошъ зари ушренней до зари вечерней, шамъ каждый вздохъ вырывается въ звукахъ сладоспныхъ. Я прилешлъ изъ моего жилища очаровашельнаго, и если гармонія имвешъ силу волшебную, шо, клянусь запахомъ сего вѣнка ночнаго, любезный швой снова будешъ вздыхашъ у ногъ швоихъ.

„Я внушаю пѣснь шихую и звуки умирающіе, кои падающъ споль же легко, какъ снѣгъ на море, и скоро исчезающъ въ сердце; я сосшавляю шѣ спраспные переливы, кошорые глубоко закрадываются въ душу, ими волнуемую, подобно какъ вѣшперокъ, наполненный благовоніями, сообщаетъ пріятный свой запахъ волнѣ, имъ движимой.

„Мнѣ принадлежишъ шамиспвенное очарованіе, коему повинуюшся души блаженспва минувшаго. Едва раздаешся звучный мой шамисманъ — они спекающся и слешающся вокругъ, какъ геліи; я изобрѣлъ нѣжныя пѣсни, навѣвающія ошъ души въ душу желанія любви, подобно шой пшицѣ, кошорая разноситъ въ долинахъ воздушныхъ сѣменá кошоры ошъ одной роши въ другую (37).

(37) Голубъ Помпадуръ (Pompadour) разноситъ въ разныя мѣста плоды боричневаго дерева, и чрезъ

„Я совокупаю въ сладостной мѣрѣ прошедшее, настоящее и будущее счастья, когда память связываетъ звукъ исчезнувшій съ звукомъ, еще слышимымъ, когда ошь одной ноты восхищительной, надежда перепархиваетъ къ другой, еще восхищительнѣйшей и близкой нотѣ.

„Сердце война, когда я привожу его въ умиленіе, дѣлаешь споль же мягкимъ, какъ бѣлое перо его, за минушу гордо сіявшее среди битвы... и колеблющееся ошь легкаго дуновения! Но какъ блистають очи юной дѣвы, когда музыка льется въ ея душу, подобную молчаливымъ свѣпиламъ, внемлющимъ вѣчную гармонию небесъ!

„Я прилетѣлъ сюда изъ своего жилища очаровательнаго, и если гармонія имѣетъ силу волшебную, — шо, клянусь запахомъ сего вѣнка ночнаго, — любезный швой слова будешь вздыхать у ногъ швоихъ.“

Заря является... или по крайней мѣрѣ ша заря преждевременная (38), кошорой свѣшь вдругъ исчезаетъ, какъ будто бы

шо весьма способствующъ размноженію сего драгоценнаго растѣнія. (См. *Поясненія Брауна*).

(38) У Восточныхъ жшителей двѣ зари: *Субхн-газымъ* и *Субхн-садыгъ*, ш. е. ложный и настоящий разсвѣтъ. (*Вармигъ*).

день проснувшійся снова закрылъ блестящія свои вѣжды.

Уже Нурмагаль испытываетъ чудесную свою люпну, — и, о счастье! струны ея звучашъ, какъ гармоническія крылья сего генія воздушнаго.... а голосъ ея!.... Это голосъ не смертной: никогда уста жены не издавали споль пѣвнишельныхъ звуковъ; вздохи Ангеловъ не могутъ бытъ сладостнѣе. „Ахъ! пусть Селимъ услышитъ меня въ эту ночь,“ вскричала она: — „и тогда станешь меня любить болѣе прежняго!“ И съ часу на часъ повторяетъ она свои пѣсни, боясь, чшобъ онъ не потеряли до вечера своей сладости; чшо споль прелестно, шо не долговременно! Но пѣсни не ослабѣвали: онъ спановились еще восхищительнѣе; и Нурмагаль, въ восторгъ, безпрестанно вопрошаетъ каждую струну своей люпны и прислушивается къ переливамъ своего голоса, подобно эху, влюбленному въ собственныя пѣсни.

Вечеръ наступаетъ; Султанъ учреждаетъ пиршество въ великолѣпномъ своемъ шалимарѣ, надѣясь, чшо веселіе, музыка и пѣвнищійся кубокъ помогутъ ему изгнать изъ сердца призракъ любви.

Едва первая звѣзда ночи освѣтила шрепещущимъ лучемъ своимъ воды озера, юныя

дѣвы долины спекались въ чершюги свѣшлые. Одиъ, вѣрныя родной землѣ своей, никогда еще не оставляли пѣхъ мѣсцъ очаровашельныхъ, гдѣ онѣ мелькають сквозь чашу дерева, какъ Нимфы воздушныя по берегамъ источниковъ красоты (39); другія часто говорящъ: „проси!“ снѣмиъ долины (и для чего бы разлучашься съ сими мѣстами прелестными?); бродя, какъ пѣвцы Европы (40), онѣ повшоряють въ садахъ полуденныхъ (41) гѣсени, коимъ усна Кашемирянокъ придають шаковую сладость. Здѣсь видны также Одалиски гарема; юныя, златовласыя дѣвы Запада и дѣвы садовъ Нила, румяныя, какъ розы береговъ его (42); дѣвы любви, пришедшія съ утесовъ Кипра и украшающія свои

(39) Больше всего дѣлаешь извѣстными источники долины мысль, что Кашемирянки водамъ ихъ одолжены своею красотою и свѣжестью. (*Али-Иезди*).

(40) Трубадуры.

(41) „Я получилъ отъ него эшошь малый *Газель*, или пѣснь любви, коего онъ начерталъ ноты, слушая одну изъ пѣвицъ Кашемирскихъ, странствующихъ по разнымъ брягамъ Индіи.“ (*Смысь Персидскыя Стихотвореній*).

(42) Розы *Джинанъ-Нила*, или сада Нильскаго (во дворцѣ Марокскаго Императора), не имють себя подобныхъ; изъ листовъ ихъ дѣлають подушки для знатныхъ людей. (*Джаксонъ*).

волосы алмазами Пафоса (43); сіи Нимфы съ легкимъ, воздушнымъ спаномъ, копорыя шодчущь ногами своими золопистые луга Кандагарскіе (44), и шѣ, кои съ нѣгою распросершись въ рощахъ Капая, смопряшѣ на лешающіе вкругъ ихъ рои бабочекъ (45), что глазамъ красавиць кажешся, будто бы всѣ цвѣшы сихъ улыбающихся луговъ вдругъ получили жизнь и крылья какимъ-то чуднымъ очарованіемъ. Всѣ красавицы Воспока и Запада спекаюшся въ чершогн Сулшановы, всѣ... кромѣ шебя, Нурмагаль! Тебя, прелесшнѣйшая, чѣей улыбки одной доселѣ искали, чей взоръ, среди столькихъ прелесшныхъ очей, былъ какъ сіе свѣшило, на кошорое пловець смопрншѣ среди звѣзднаго

(43) Въ Пафосѣ есть гора, въ коей находишся самый лучшій горный или восточный хрусталь. По блеску своему, онъ названъ Пафосскимъ бриллиантомъ.

(44) Въ Кандагарѣ есть страна, называемая Перія, или страна волшебствъ (Thévenot); въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Индіи, на сѣверѣ, полагаюшѣ, что находишся золото въ царствѣ растений.

(45) Есть бабочки, называемыя по-Китайски *летушкимъ листкамъ*. Нѣкоторыя изъ снхъ насѣкомыхъ виѣюшѣ столь богато испещренныя крылышки, что ихъ можно бы назвашѣ *летушкимъ цвѣткамъ*. Ихъ въ самомъ дѣлѣ весьма много въ самыхъ лучшихъ садахъ.

*

неба, себя здѣсь нѣшь! Селимъ впо замѣчаешь — и для него нѣшь веселія, пошому что себя съ нимъ нѣшь! Но ты близъ него: ты пришла испыташь силу своихъ волшебныхъ звуковъ. Нурмагалъ вмѣшалась въ толпу юныхъ дѣвъ, комъ, подобно ей, имѣють люшну сладкогласную; она скрывается подъ личиною (46), кошорая облекаешь лица дѣвъ Аравіи, не скрывая только ихъ очей, дабы шѣмъ вѣрнѣе пѣвнншь сердца. Она бродитъ по чертогу; сердце ея сильно бьется; она трепещеть, ожидая благопріятной минушы, въ кошорую можешь узнать, еще ли ея люшня любимая сохранила свою силу волшебную?

Различные плоды и вина покрыли столы роскошныя. Взоръ любуешься золотыми гроздами, подобными шѣмъ, кои зрѣють на холмахъ Касбинскихъ (47), сочными гранатами и яблоками, кошорыя Кабуль раздаетъ въ штысячѣ садовъ своихъ (48), бана-

(46) Женщины Аравійскія носятъ черныя маслы съ небольшими, весьма красивыми пражками. (*Каррер*). Нибуръ упоминаешь о сей модѣ, говоря съ кѣмъ нибудъ, показывать одинъ только глазъ.

(47) Золотые грозды Касбинскіе. (*Описаніе Персіи*).

(48) Плоды, вывозимые изъ Королевства Кабульскаго, суть: яблоки, груши, гранаты и проч. (*Эль-*

нами зелеными и бананами злапоцвѣтными, мангустанами, нектаромъ Малайцевъ (49), сливами Бухарскими, сладкимъ миндалемъ ошдаленныхъ лѣсовъ Самаркандскихъ, финиками Баскайскими и абрикосами Изранскими, плодами солнца (50). Не были забыты и сласти изъ плодовъ Висны (51), цвѣтшювъ померанцевыхъ и малины, кошорою пишюшя юныя серны въ камениспыхъ долинахъ Эрака (52). Сии разныя сласти разспавлены въ драгоцѣнныхъ сосудахъ, въ корзинахъ изъ сандалнаго дерева и въ фарфо-

финстохъ). „Мы сѣли подѣ деревомъ, слушали пѣнне пишцѣ и разговаривали объ ошечествѣ нашемъ и о Кабулѣ, съ сыномъ нашего Мехмандара: онъ весьма пріятно занималъ насъ описаніемъ города и сша пишцѣ садовъ его.“ (*Тамъ же*).

(49) Мангустацѣ естѣ самый пріятнѣйшій въ мѣрѣ плодъ, конимъ гордятся ошпровишяне Молуксѣе. (*Марсденъ*).

(50) Абрикосъ ошвишнаго вкуса, называемый *Токль-зѣ-шежъ*, ш. е. *сѣмь солнца*. (*Описаніе Персикъ*).

(51) Конфекшы, соспоявшіе въ вареньяхъ изъ розы, вишенъ, померанцевъ и проч. (*Руссель*).

(52) Моаллакашъ, Поэма Турафы (*Прим. Подл.*)—*Моаллакамъ* зовешя вообще въкошорый родъ Поэмъ восточныхъ, какъ напр. недавно переведенная на Русскій языкъ, Моаллака Лебида. (*Прим. Изд.*)

ровыхъ вазахъ, добываемыхъ съ оспрова (53), поглоченнаго волнами Океана Индійскаго, гдѣ счастливый плавашель нерѣдко сыскиваетъ сосуды, доспойные украшашь чершогн Царей. Въ свѣшломъ хрусталь пѣнились разноцвѣшныя вина всѣхъ спранъ; амбра Боссолі (54), бѣлая роса, выжимаемая изъ винограда Зеленаго Моря (55), и рѣскошный напитокъ Ширасскій, кошорый кажешь безцвѣннымъ рубиномъ Владѣшеля Цейланскаго, расшавшимъ въ кубкѣ (56).

Селимъ надѣшешя упоишь свое сердце въ спхъ винахъ драгоцвѣнныхъ, и изгнашь любовь; онъ не знаешь, что сей малый божокъ умѣешь плавашь по влагъ чаши веселія и блисшашь изъ нее своей улыбкаю, подобно тому, какъ Поэшы видяшь его въ мечшпахъ своихъ, скачушаго по лазоревымъ

(53) Маури-га-сима, оспровъ близъ Формозы, поглоченный волнами за преступленія своихъ жшелей. Вазы, досшаваемыя здѣсь рыбаками и водолазми, продаюшя весьма дорого въ Кишаѣ и Японіи.

(54) См. *Персидскія сказки*.

(55) Бѣлое вино Кишмы.

(56) Король Цейланскій, говоряшь, имѣешь прекраснѣшій въ мірѣ рубишь. Гублай-Ханъ предлагалъ ему замѣнь за оный цвну цѣлаго города; но Король ошвѣчалъ, что не устушишь его за всѣ собровища свѣша. (*Мариасола*).

волнамъ Ганга, въ гирляндѣ изъ цвѣтовъ розоваго лотоса (57) и заемлющаго новый блескъ ошь рѣки, въ кошорой отражается видъ его.

Но что въ чашахъ веселія, безъ пѣсней, коими возбуждается вдохновеніе нектара, изъ нихъ льющагося? Юная Грузинка выспунаешъ: въ ней виднся весь блескъ, вся свѣжестъ дѣвъ ея родины, когда онѣ выходятъ изъ ручьевъ Тифлисскихъ (58); черные глаза ея мещуть жгущіе взгляды; пусть шощь, у кого сердце слабо, молишь небо, навсегда отдалишь ошь него сіи взгляды обольстительные! Роскошно сгибаешъ она руку свою вокругъ сиринды (59), и поешъ сію пѣснь:

„Спекайшесь, спекайшесь оповсюду: днемъ и ночью всѣ удовольствія попеременно манишь васъ сюда; подобно волнамъ въ шихую погоду, едва одно убѣжишь — другое вслѣдъ за нимъ являешся; любовь исчезающая рождаетъ другую любовь, споль же счастливую; и когда есть жилище ушѣхъ на землѣ, шо оно здѣсь!

(57) Индѣйцы полагають, что Купидона видѣли плывущаго по Гангу, въ цвѣтѣхъ *Nymphaea Nelumbo* (Пейнектъ).

(58) Тифлисъ славится своими теплыми водами.

(59) Сиринда, Индѣйская гитарра.

„Здѣсь юныя дѣвы вдыхають, и вздохи ихъ благовонны, какъ цвѣтъ Амры, раскрытый пчелою (60). Слезы ихъ споль же драгоцѣнны, какъ сей дождь небесный, которъ упавъ на море, пошчасъ превращается въ перлы (61).

„Что же должны бытъ поцѣлуи и улыбки, когда вздохи и слезы шакъ восхитительны? Когда есть жилище ушѣхъ на землѣ, то оно здѣсь!

„Здѣсь пѣвнися влага, кошорая, будучи любовью претворена въ пишіе боговъ, созвала нѣкогда съ круговъ надзвѣздныхъ шѣхъ духовъ, кои забыли источники райскіе для сока нашихъ лозъ, и свѣшила для я ночи для глазъ нашихъ земныхъ красавиць (62). Какой духъ оставилъ бы свое обихалище, если бѣ наслаждался шамъ благовоннымъ пишіемъ нашихъ кубковъ? Такъ! когда есть жилище ушѣхъ на землѣ, то оно здѣсь!“

Едва пѣсонъ Грузинки умолкла, шомъ же напѣвъ, шѣ же звуки были повпорены дру-

(60) „Сладостны цвѣты Амры, вкругъ коихъ кружатъ пчелы.“ (*Пѣснь Яхазевы*).

(61) Низанъ или весенняя роса, изъ кошорой, по мнѣнію восточныхъ жителей, происходитъ жемчугъ, если она падаетъ въ раковины. (*Ритардсонъ*).

(62) См. Марши, о паденіи духовъ.

гою людною, копорой восхищительные переливы вмиг очаровали внимательное удивленіе; всѣ подняли глаза къ верху, думая, что слышашъ сладкозвучное шрепешаніе крыль Исразила (63). Голосъ, столь же сладостный, какъ и звуки струнь волшебной людины, соединилъ пѣніе свое съ музыкой столь стройно, что слушающіе не знали, чему отдать предпочтеніе: людинѣ, или голосу?

„Есть блаженство выше того, копорое воспѣно дѣвою: небесный союзъ двухъ сердець, вѣрныхъ, вопреки всѣмъ испытаніямъ бѣдствій... вѣрныхъ до гроба! Одинъ часъ такой любви дороже вѣковъ равнодушія. Такъ, когда есть жилище ушѣкъ на землѣ, то оно здѣсь!“

Не напѣвъ и не слова, но предельно волшебная придавала чудесную силу людинѣ и голосу. Оповсюду раздался кликъ: „Эпо дѣва Аравійская, скрывающаяся подъ личиною!“ Селимъ долѣ всѣхъ оспавался въ восхищеніи, подобно изспулленному: воспоргъ мѣшалъ ему говорить; онъ подавъ рукой знакъ пѣвицѣ, и она продолжала.

„Убѣжимъ вмѣстѣ въ пустыню; приди, убѣжимъ вмѣстѣ! Аравійскіе шатры наши

(63) Ангелъ музыки, по Мифологіи Магомешанъ.

дадушъ шебъ убъжище прѣсное; но какое сердце будешъ нервнимо между любовью въ шашрѣ и прѣшоломъ безъ любви?

„Скалы наши обнажены, но улыбающаяся акація колеблешъ шамъ желшья свои верхушки: эшо уединенное дерево швъмъ прѣлесннѣ, чшо цвѣшетъ въ пущннѣ.

„Пески наши безплодны, но игривая, среброногая серна скачешъ шамъ споль же прѣяшно, какъ бы по мраморнымъ помѣшамъ чершоговъ Царскихъ.

„Приди! юная Аравншянка будешъ для шебя пущынною, милою акаціей; она будешъ серною, кошорой легкіе шаги прѣдадушъ прѣлесшъ безмолвію швоего уединенія.

„Ешшъ звуки голоса, ешшъ взоры, разливающіе мгновенно въ сердцахъ яснышъ, какъ будшо мы шолько чшо нашан сокровище, всю жизнь нами искомое.

„Ушша и очи, кошорымъ суждено заглушншъ всѣ наши вздохн и не бышшъ никогда забышыми, шакъ являющся нашей любви.

„Твой взглядъ, швой голосъ шдѣннн мое сердце, когда я впервые шебя увидѣла! Я не знала шебя, какъ прѣшельца изъ другаго міра, но, казалось, я давно уже шебя любила.

„Убъжнмъ вмѣспш. . . . если ты не горѣшь еще другою любовью, если ты не ош-

бросилъ коварно драгоценнаго камня, кошорый клялся вѣчно носить на своемъ сердцѣ. Приди, если любовь швоя ко мнѣ споль же чиспа, какъ моя любовь, если она шакова, какъ подземный ключъ, находимый луговою ищицею (64).

„Но если ты покидаешь для меня другую, если ты измѣняешь взору милому и даешь мнѣ его мѣсто въ невѣрномъ своемъ сердцѣ... то прощай! скорѣе рѣшусь сползть на льду озера, когда весеннее солнце согрѣваетъ его своими лучами, нежели ввѣришься лживой любви швоей.“

Спихи сіи были исполнены споль милой проспошы, что, даже и безъ помощи чародѣйки, они бы взволновали сердце Селимово; но какъ онъ могъ успоить проспивъ звуковъ, невѣдомыхъ дошоль смерпнымъ? Каждая спруна люшны Нурмагаль двигалась геніемъ гармоніи; Селимъ былъ побѣжденъ! Онъ вздрогнулъ, уронилъ чашу, кошорая, во время сего сладоспнаго пѣнія, оставалась какъ бы силою волшебспва въ рукахъ его, недвижныхъ и гошовыхъ поднесши ее къ усшамъ. Онъ проговорилъ на-

(64) *Гуд-гудъ* или пнголица (*vapneau*), по мнѣнію восточныхъ ищелей, находишь подземные испочники.

конецъ нѣя шой, кошорой столь долго не видѣль, и вскакинулъ въ восторгъ: „Нурмагаль! Нурмагаль! я уснуваю всевластнымъ швоимъ звукамъ! я забываю все.... я швой на вѣки!“

Она снимаешь личину.... она побѣдила, и Селимъ прижимаетъ къ сердцу свою Нурмагаль, Свѣшъ Гарема, кошорую румянецъ спыдливости еще болѣе украшаетъ! Облака, опуманивавшія чело ея, разсѣялись; очи ея блистають новымъ блескомъ, улыбка ея полна новой прелести. Наконецъ, счастливая, она покомъ свою голову на руки Селима, и тихо шепчетъ ему съ любовью: „помни праздникъ розъ!“

II.

ВОЕННОЕ ИСКУСТВО.

ИСТОРИЯ АРТИЛЛЕРИИ.

(Продолженіе.)

Периодъ шесто́й.

Силезскія войны и послѣдующія до 1792 года.

Съ самаго изобрѣщенія пороха, никакое военное происшествіе не оплачалось шак-

ми необычайными успѣхами, какъ войны Фридерика II съ Австрійскимъ Домомъ и съ его союзниками. Съ превосходною арміею и въ союзъ съ Франціею и Саксоніею, возспалъ онъ въ первой Селезской войнѣ, чшобы учился побѣждать у Леопольда Дессаускаго; вскорѣ оставили его союзники, и тогда онъ одинъ въ шрешней Селезской войнѣ оспался неуспрашимымъ. Его военный глазомѣрь, быспроша движенія его войскъ, ихъ эншузіазмъ имѣшь полководцемъ самого Короля, даровали ему послѣ кровопролитной сепмилѣтней брани, лавры его враговъ. Войны сіи, можно рѣшительно сказать, перемѣнили весь образъ войны, и даровали ему шо совершенство, кошорому мы нынѣ удивляемся.

Уже въ предъидущемъ періодѣ тяжелая артиллерія была совершенно оставлена; въ сепмъ же періодѣ не раздѣляли уже болѣе орудія на каршауны и шланги, но на легкую или полевую, и башарейную. Къ первой причислялись орудія 6-ши, 9-ши и 12-фуншовыя, а къ послѣдней всѣ тяжелые калибры до 24 фуншовыхъ. Теперь только увидѣли всю важность Артиллеріи для пріобрѣшенія побды; для сего Фридерикъ II, по примѣру Русскихъ, увеличилъ свою Артиллерію; но какъ такая великая Артиллерія могла бы зашруднять быспрыя движенія его

войска, но онъ облегчилъ ее и далъ ей лучшей и сообразнѣйшей видъ. Первое облегченіе Прусской Артиллеріи было сдѣлано Полковникомъ Гольцманомъ въ первой Силезской войнѣ, коихорый и пушкамъ далъ шарообразныя каморы. Прусскія орудія находились въ слѣдующемъ отношеніи между собою :

12 ф. длина	18 діаметровъ ядра.	въсь	2092*
12 —	14		1781
12 —	14		780
6 —	16		668
3 —	15		472

Но послѣ Губершбургскаго мира, Артиллерія получила опять нѣкоторую тяжесть и величину, а именно :

Калибр. пуш.	Длина оруд. по калибр.	Всь по фунту.
12 ф. большія	22	3100
12 — среднія	18	1980
12 — малыя	14	1150
6 — большія	22	1500
6 — малыя	18	910
3 —	20	600

Главные непріатели Пруссіи, еще болѣе облегчили Артиллерію и увеличили почти до безконечности количество ея орудій, — Князь Венцель Лихтенштейнъ опредѣлилъ длину всѣхъ орудій въ 16 калибровъ: 12 ф.

въсило 1500 ф., 6 фун., орудіе отъ 650—790, а 3 фунт. до 480 фунт. Другія Государства еще болѣе сдѣлали на счетъ облегченія орудій.

Прусская и Австрійская Артиллеріи были шакъ легки, что онѣ въ движеніи своемъ никогда не останавливали прочихъ войскъ и всегда пригошовляли и довершали побѣду. Французскій Маршалъ Броглю старался подражать сему; онъ старался облегчить орудія и сдѣлать ихъ чрезъ шо способными къ быстрымъ движеніямъ. Наконецъ явился во Франціи славный *Грибоваль*. Людовикъ XV, призвавъ его обратно изъ Австрійской службы, повелѣлъ ему произвести реформу во Французской Артиллеріи и опровергнувъ древнюю систему Валліера. Опыты были сдѣланы въ Спрасбургѣ, въ присуствіи многихъ Маршаловъ Франціи и Артиллерійскихъ офицеровъ; они были удачны и Грибоваль увѣнчался успѣхомъ. Новая система имѣла многихъ прошивниковъ, между копорыми знаменитѣйшій былъ Валліеръ, спорившій до самой своей смерти о превосходствѣ тяжелой Артиллеріи; ему послѣдовали Сп. Обанъ и Дибигенъ, и въ самомъ дѣлѣ, при стараніи Военнаго Министра Моншенарда, они имѣли радость въ 1772 году, видѣшь возстановленіе древней

тяжелой Артиллеріи, но сія ихъ радость не долго продолжилась; Людовикъ XV созвалъ Военный Совѣщъ и рѣшилъ дѣло въ пользу Грибоваловой Артиллеріи. Вскорѣ Сардинская, Испанская и Неаполитанская Артиллеріи приняли видъ Французской, и быспро помчались къ совершенству. Графъ Шомбургъ - Линне - Бикебургской преобразовалъ Португальскую Артиллерію.

Къ сему же времени опносятся изобрѣшеніе *единороговъ* Графомъ Шуваловымъ; это орудіе было нѣчто среднее между пушкою и гаубицею: опъ перваго опличался *единорогъ* своею каморою, и опъ послѣднихъ долгопую швола. Единороги бросали тяжести опъ 2 — 96 фунт., длина ихъ простиралась до 10 калибровъ, и не только годились они къ спрѣльбѣ ядрами, но и къ спрѣльбѣ карпечью и гранадами. Единороги, спрѣлявшіе ядрами въсомъ въ 96 фунтовъ, назывались *двойными*, пѣ, кои въ 48 фунт. *простыми*, пѣ же, кои бросали 12 фунтовое ядро, назывались *четверть-единорогами*. Хотя спрѣльба ихъ была дальняя, но за то невѣрная; 2 фунтовые единороги были единшвенно назначены для драгуновъ и конныхъ гренадеровъ; для сего у лафетной оси находились еще двѣ негорновыя морширки, для спрѣльбы 3 фунтовыми гранадами.

Въ началѣ семилѣтней войны, изобрѣлъ Графъ Шуваловъ нѣкоторый родъ гаубиць, долго называвшихся по его имени. Онѣ отличались отъ прочихъ гаубиць тѣмъ, что напалы ихъ были вдвое шире прошивъ своей высошы, и что при дулѣ широка сія увеличивалась до 3 калибровъ съ двумя калибрами высошы. Все орудіе было высверлено воронкообразно, и длина его простиралась до 18 калибровъ; камера его была цилиндрическая. Орудіе сіе лежало на прочномъ полевомъ лафетѣ, снабженномъ клиномъ, на которомъ орудіе лежало казеннымъ фризомъ, и посредствомъ кошораго можно возвышашъ и понижашъ стволъ орудія. Впрочемъ, для скрытія внушрняго успроенія, стволъ имѣлъ круглый видъ, и шѣмъ получалъ вверху и внизу чрезвычайную полшпшу мешала, чрезъ что онъ сдѣлался тяжелымъ и неспособнымъ для форсированныхъ маршей. Сіе самое и малое ихъ дѣйствіе, было причиною жалобъ Генераловъ Салтыкова и Фермора на сіе орудіе, жалобъ, которыя изобрѣвшашель, своими опытами, въ 1760 году, совершенно опровергнулъ.

Въ сіе же время Англичанинъ *Каронъ*, изобрѣлъ камерное орудіе, и назвалъ его *каронадою*: оно было сдѣлано изъ чугуна и

назначено единственно для нижних кораблей; бросало только ядра.

Къ сему времени публиковали Грибоваль и Моншаламбершь свои лафешы, но важне всѣхъ сихъ лафешовъ былъ лафешъ Англійскаго Поручика *Келера*. Высота Гибралтарской крѣпости не позволяла обыкновенными лафешами поражать непріателю подошвы горы; для сего Келерь изобрѣлъ свой лафешъ, кошорый можешъ бышь вышенъ на 20° надъ горизонтомъ и 70° подъ горизонтомъ.

И теоретическая часть пороха много сдѣлала успѣховъ; много ею занимался *Робинсъ*, примѣнивъ въ 1742 году прежнюю теорію воспламененія пороха къ самой Аршиллеріи. Онъ и многіе другіе Машемашки: Мафей, Вандель, Графъ Салюсъ, Ламбершь, Ноллешъ и Антони занимались опредѣленіемъ количества силъ, происходящихъ отъ упругой пороховой жидкости. Большіе успѣхи Химіи въ XVI столѣтіи распространили другой свѣтъ на сію важную часть Аршиллеріи. *Сталь*, ошець Германскихъ Химиковъ, выводилъ дѣйствіе пороха изъ соединенія чего-то *горючаго съ селитряною кислотою*. Сія система была долго принята, пока наконецъ не узнали присущствіа газовъ, изъ коихъ вѣроятно и ближе изъ-

сняли дѣйствіе пороха. Уже *Маіовъ* въ XVII столѣтіи зналъ присуствіе чистаго воздуха въ селистрѣ; однако жъ только къ концу XVIII столѣтія, *Пристлей* доказалъ сіе опытами и наблюденіями, и теперь только понянѣе было, почему порохъ горитъ въ безвоздушномъ пространствѣ. Еще *Шеель*, въ 1776 году, не зная опскрытія Пристлея, публиковалъ о возрожденіи воздуха изъ селистры. Но полезнѣе были опыты Ингенгуза, Фуркруа, Бершодеша и Ахарда въ отношеніи къ пороху: они старались точнѣе опредѣлить составныя части пороха. Ингенгузъ выводилъ дѣйствіе пороха изъ горячаго углешворнаго газа, и говорилъ, что изъ мгновеннаго смѣшенія горячаго воздуха съ воздухомъ, разряженнымъ изъ селистрыной кислоты, производится взрывъ и прескъ. — Явился безсмертный Лавуазье, мужъ незабвенный и невозвратимый, слишкомъ рано похищенный у человечества Французскою гильотиною (*); онъ уничтожилъ своею теоріею всѣ гипотезы Шпалля, и доказалъ несомнѣнными опытами, что свѣшшворъ и теплотворъ не ошъ су-

(*) Онъ родился въ 1743 году 20 Августа въ Парижѣ, и невинно палъ подъ съкирою гильотины въ 1794 Мая 8.

цесственныхъ часшей пороха происходить, но опъ окружающаго ихъ воздуха; мизіе Лавуазье оспалось между всѣми аршилериспами того времени. Теорія сія, по явному своему превосходству, должна была произвести и лучшій порохъ; пропорціи составныхъ часшей пороха были различны, и каждое Государство имѣло свою особую, кошорую предпочитало всѣмъ другимъ; такъ, во Франціи думали, что сильнѣйшій порохъ долженъ состоять изъ 16 часшей селитры, 3 часшей угля и 1 часши сѣры.

Такъ какъ доброта пороха зависить не только опъ хорошаго раздѣленія составныхъ часшей, но и опъ надлежащаго смѣшенія, то и въ семь спольшіи обращали вниманіе свое на пороховыя мельницы. Хотя валовыя мельницы уже были извѣсны въ Германіи, но все таки еще пользовались полчевыми мельницами, опчасши пошому, что механизмъ ихъ простъ и легокъ. Первая валовая мельница была построена въ 1754, въ Эссонъ, по предложенію Ферри; здѣсь двигающся на лежнѣ, у кошораго діаметръ въ 8 фушовъ, два мраморные вала. Въ томъ же году, Карль Кнушбергъ построилъ такую же мельницу въ Швеціи; только валы ея были деревянные съ желѣзными шинами.

Многочисленность Артиллеріи. Россія не въ сіе время имѣли многочисленнѣйшую артиллерію изъ 11 баталіоновъ, а въ 1785 году, вся ихъ Артиллерія просширалась до 34,000 чел. съ 5,500 крѣпостныхъ артиллеристовъ.

Прусская Артиллерія состояла, въ началѣ 18 столѣтія, изъ 10 ротъ артиллеристовъ, къ коимъ въ 1741 году были прибавлены еще 4. Король повелѣлъ въ семь періодъ прислугу полковой Артиллеріи брать изъ самыхъ полковъ. Въ 1762 году, Прусская Артиллерія состояла изъ 6 баталіоновъ пѣшей Артиллеріи и 3-хъ ротъ конной.

Австрійская Артиллерія состояла въ семь періодъ изъ 12 баталіоновъ. — Саксонская Артиллерія состояла изъ 1 баталіона. Въ 1747 году, Французская Артиллерія состояла изъ 5 баталіоновъ, но въ 1774 году, просширалась уже до 7 полковъ (они были слѣдующіе, и назывались по городамъ, гдѣ стояли: Лаферь, Мець, Спрасбургъ, Безансонъ, Озонъ, Гренобль и Туль). Англійская Артиллерія состояла въ семь періодъ изъ 4 баталіоновъ или 40 ротъ. Голландцы имѣли въ сіе время 20 ротъ артиллеристовъ съ 10 Шпабъ-офицерами. Неаполитанская Артиллерія состояла, въ 1787 году,

изъ 11 ротъ, или 2008 солдатъ. По успроенію Графа Липпе-Бюкенбургскаго, Португальская Аршиллерія была раздѣлена на 3 полка (въ каждомъ полку находилось 989 чел.). Гессенская Аршиллерія состояла изъ 1 баталіона и 2 ротъ полковой Аршиллеріи. По словамъ Миллера, Датская Аршиллерія состояла изъ 18 ротъ, Шведская, по оппечамъ Кокса, изъ 2900 аршиллеристовъ.

Хоша уже прежде нѣсколько разъ удвоивали упряжь легкихъ орудій, и сажали находящихя при нихъ аршиллеристовъ на лошадей, чшобы слѣдовать за быспрыми движеніями кавалеріи; но замѣшимъ, чшо все еще не было особеннаго опдѣленія Аршиллеріи, долженствовавшаго всегда оставаться въ шакомъ видѣ и съ шакою цѣлю. Россіане первые драгуновъ своихъ снабдили единорогами и Кегорновыми морширками; сіи единороги часто приводили Прусскую конницу въ замѣшательство; ибо случалось, чшо когда Пруссаки думали имѣть дѣло съ одними козаками и конными гренадерами, шо вдругъ были встрѣчены каршечами и гранатами. И шакъ мнѣніе, чшо Россіане имѣли при себѣ конную Аршиллерію, вскорѣ подтвердилось, и шогда Фридерикъ II рѣшился подражать сему полезному изобрѣшенію. Уже весной 1759 года, Фридерикъ II успроилъ въ своей Ар-

ми башпарею конной Аршиллерии, которую онъ самъ обучалъ ежедневно. Повѣснвуюшъ, что онъ употребилъ ее въ первый разъ при рекогносцировкѣ въ Силезіи, и прикрывалъ ею очень удачно ошспупленіе своихъ драгуновъ. Также во 2-й армии (состоявшей подъ начальствомъ Принца Генриха) была въ 1760 году, въ Ландсбергскомъ лагерѣ, заведена башпарея конной Аршиллерии, слѣдовавшей всегда за драгунскимъ Анспахъ-Байрешскимъ полкомъ. Къ концу семилѣтней войны въ Прусской армии, находилось 7 башпарей конной Аршиллерии. Въ каждой находилось по 8 легкихъ шеспи-фуншовыхъ пушекъ и двухъ семи-фуншовыхъ гаубиць. Въ 1780 году, и Авспрійцы завели у себя конную Аршиллерію, но инаго устройства: Аршиллерійцы сидѣли не на лошадяхъ, а на длинныхъ лафетахъ шеспи-фуншовыхъ орудій. Дашчане, Ганноверцы, Виршенбергцы и Гессенцы подражали въ устройствѣ своей конной Аршиллеріи Пруссакамъ, съ тѣмъ только различіемъ, что у Ганноверцевъ только половинное число аршиллеристовъ сидѣло верхомъ, а прочіе сидѣли на лафетѣ и передкѣ. Хотя Русскіе и имѣли кавалерійскую Аршиллерію при себѣ, но она еще не имѣла настоящаго своего предназначенія, быстраго занятія важныхъ позицій; она только слѣ-

довала за движеніями драгуновъ и конныхъ гренадеровъ. Покойный Императоръ Павелъ I, еще будучи Великимъ Княземъ, завелъ въ Россіи конную Аршиллерію по образцу Прусской; большія услуги при семъ оказали Ему два Саксонскіе аршиллериста Гессе. Генераль Шрефъ дѣлалъ опыты въ семъ періодѣ надъ Ганноверскою конною Аршиллерією, и нашелъ, что въ одну минуту она проскакала 300 шаговъ, сняла орудія съ передковъ и производила стрѣльбу. Въ три минуты, проскакала она 1100 шаговъ и стрѣляла. Въ 9½ минутъ проскакала она 3500 шаговъ, а въ двадцать дѣтъ 6000 шаговъ. Опыты сіи согласовались съ опытами Прусской конной Аршиллеріи, болѣе другихъ ошачившейся своею быспрошою.

(Окончаніе спредъ.)



К Р И Т И К А

Замѣчанія на книгу: Военное Краснорѣчіе, основанное на общихъ началахъ Словесности, съ присовокупленіемъ примѣровъ въ разныхъ родахъ онаго. Сочиненіе Ординарнаго Профессора Императорскаго Санктпетербургскаго Университета Якова Толмачева. С. П. б. 1825, въ тип. Медицинскаго Департамента М. В. Д.

Каждая Наука, согласно съ природою всего въ міръ существующаго, имѣетъ свои непрѣмѣнные законы, уклоненіе оныхъ, даже самое малѣйшее, препящсцвуешь върному оной познанію. Нельзя извинишь, когда самонадѣянность, немогущая поспигнуть ихъ, принявъ на себя объясненіе ихъ другимъ, предлагаетъ свои произвольныя правила, не содержащія въ себѣ ничего опредѣленнаго, а пошому и ни къ чему доброму не ведущія. Безъ сомнѣнія, предприимчивость сего рода была всегда и нынѣ есть причиною нареканій, каковымъ, къ скорбію, подвержены нѣкошорыя Науки, и особенно, содержащія, по природѣ своей, болѣе передъ другими опвлеченносшей, и въ то же время, имѣющія наиболѣе опношеній

къ нравственной, благороднѣйшей половинѣ
человѣка. Сему-то надлежитъ приписать и
несогласіе, видимое между разумомъ и вѣ-
рою, долженствующими шестшоваться рука
объ руку, въ небесномъ дружелюбіи, и оза-
рять яркими лучами спези, кошорыя чело-
вѣкъ долженъ избрать для себя. Ошъ шого
большая часть Наукъ доселѣ оспающа не-
довольно развитыми, или обращающа въ
первобытныи свой хаосъ, изъ кошораго из-
вели ихъ мужи великіе. Естѣ Науки, въ ко-
ихъ, по обширности ихъ предмета, кошѣ-
ніе оспановишья на посшженномъ, пре-
кращеніе дальнѣйшихъ изслѣдованій, воспре-
щеніе себѣ ошкрытій — означали бы ни-
чтожную робость ума. Таковы Науки,
углубляющіяся въ изслѣдованіе богатыхъ
нѣдръ природы физической. Однако и здѣсь
посредственной умъ пущь идетъ по пути,
проложенному дарованіями обширными. Не
всякому дана сила шворить: славно и по-
слѣдовашъ дѣламъ великихъ. Но не извини-
тельно созидашъ новое и на удачу тамъ,
гдѣ естѣ зданія прочныя, оспвященныя вѣка-
ми, уваженныя самыми геніями, испинно
шворческими. Новость, сама по себѣ, нико-
гда не сосшавляла совершенства, никогда
не подавала права на уваженіе. Худо, по-
сему, очень худо посшупающъ насшавники

юношесства, когда, по желанію опланичься новымъ, оспавляющъ неизмѣнные, необходимые законы Наукъ, и вдающся въ нелѣпости. Вопъ грустныя мысли, родившіяся во мнѣ, по проченіи книги — *Военное Красногорьчье*, и побудившія меня сдѣлать на нее нѣкоторыя замѣчанія.

Господинъ Сочинитель, въ предисловіи своемъ къ первой часши, говоритъ, что нѣкоторыя главы своей книги, извѣсныя слушаателямъ его, онъ опускалъ во время преподаванія, но что, „издавая въ свѣтъ свое сочиненіе, желалъ издашь полную систему, дабы, въ случаѣ нужды, не почли оной недоспащочною шъ, кошорые думаютъ, что Военное Красногорьчье есть шолько оспрашь общей Словесности, и пошому должно бышь основано на общихъ началахъ оной.“ — Причина, побуждавшая Г. Сочинителя къ издашю первой часши его шворенія, содержащей въ себѣ общія начала Словесности, неудачно избрана и довольно неудачно выражена. Впрочемъ, не входя въ его побужденія, кошорыя изъ его предисловія и угадашь шрудно, мы подвергаемъ и эшу первую часшь испышанію, какъ издашную для свѣша, какъ учебную книгу.

Доспоишство системы и системы полной, каковою желалъ издашь Г. Сочинитель

свое Военное Краснорѣчіе, состоятъ въ правильномъ изложеніи общихъ началъ Науки, въ вѣрномъ и естественномъ выводѣ изъ сихъ началъ каждаго подчиненнаго имъ понятія, въ ясномъ и опредѣленномъ предписаніи правилъ и въ показаніи безошибочнаго приложенія сихъ правилъ къ дѣйствіямъ — въ Наукахъ практическихъ. Избѣгая всего невразумительнаго, лишняго, не относящагося къ предмету, систематикъ не опускаешь ничего существеннаго въ Науку его, и поспавляешь все на своемъ мѣстѣ такъ, чшобы читатель, ищущій наставленія, нигдѣ не впадалъ въ недоумѣніе и все легко уразумѣвалъ, при нужныхъ предварительныхъ свѣдѣніяхъ.

Г. Сочинитель Военнаго Краснорѣчія все это опустилъ изъ виду; и его швореніе такъ сбивчиво, смутно, чшо молодой читатель едва ли, и при руководствѣ умнаго и опытнаго исполкователя, можешь изъ онаго вывести для себя что либо поучительное, полезное. Въ общихъ началахъ Словесности смѣшаны предметы, относящіеся къ шремъ отдѣльнымъ, хотя и близкимъ между собою, Наукамъ — Грамматикѣ, Логикѣ и Риторикѣ, а въ собственномъ такъ называемомъ Военномъ Краснорѣчіи, съ правилами Риторики слишо Нравоученіе.

Таковое смѣшеніе, само по себѣ, должно производить великую невразумительность; но читатель еще болѣе затрудняется, или, лучше сказать, ничего не познаешь, когда понятія различныхъ Наукъ, разбросанныя по разнымъ мѣстамъ безъ связи и порядка, находишь или недостапочно или ложно опредѣленными, или даже и вовсе оставленными безъ объясненія. Вотъ общій недостапчокъ Военнаго Краснорѣчія; но каждая изъ многочисленныхъ главъ его имѣетъ свои особенныя тяжкія погрѣшности, неизвинительныя въ учебной книгѣ. Покажемъ нѣкоторыя изъ важнѣйшихъ, обращая все вниманіе на мысли, и не касаясь языка.

Часть первая — Глава I. — Опредѣленіе Словесности въ разныхъ отношеніяхъ, и Риторика.

Здѣсь шесть періодовъ, и три изъ нихъ наполнены ложными или ошибочными мыслями. Г. Сочинитель, опредѣляя *Словесность* вообще, называетъ ее „природною „способностію чловѣка изъяснять мысли „и чувствованія голосомъ членораздѣльнымъ (articulata)?“ — Опредѣленіе ложное; ибо Словесность (Litteratura) означаетъ то, что произнесено, или написано какимъ либо народомъ, или лицомъ, или иногда самый способъ выраженія мыслей посредствомъ слова.

Такъ, говоря: *Словесность Грековъ и Римлянъ обнимала многіе предметы и во всемъ совершенна*, — разумѣемъ произведенія сихъ народовъ и качества произведеній, а не природную способность, кошую приличіе называшъ *даромъ слова*. Народы дикіе не имѣють *Словесности*; но въ даръ словъ опказашъ имъ не можно.

Ложно начало; не лзя ожидашь вѣрности и въ пониманіяхъ, изъ него выводимыхъ. Недоспашочное опредѣленіе *Словесности*, вообще произвело неудовлетворительность и въ объясненіяхъ *прозаической и стихотворной Словесности*. Кроме того, что каждая изъ нихъ оспается природною способностію, г. Сочинитель послѣднюю только подчиняешъ какимъ-то „единообразнымъ законамъ музыкальнаго лада,“ а первую заставляешъ слѣдовашъ „свободному и разнообразному звукопеченію.“ — Неужели только въ этомъ одномъ существенная разность между прозаическою и стихотворною *Словесностію*? По крайней мѣрѣ надлежало бы сказашъ, что сіи объясненія касающа одна наружной формы оныхъ.

Въ шрешьемъ періодѣ нельзя не спросить, что такое — „обыкновенная способность, не имѣющая никакихъ отличительныхъ качествъ?“ Чѣмъ отличаетса *Словес-*

ность вообще отъ Словесности въ обширномъ смыслѣ? Гдѣ разноесть между сею послѣднею и прозаическою, когда и ша и другая есть „способность выражать свободною рѣчью мысли и чувствованія?“ Г. Сочинитель въ томъ же періодѣ различаетъ *Краснорѣчіе* отъ *Вышійства*, назвавъ одно „искусствомъ выражать мысли и чувствованія ясно и красиво,“ — а другое „искусствомъ выражать оныя сильно и убѣдительно.“ — Но искусство говорить и писать сильно и убѣдительно, болѣе или мѣнѣе, все однако же прѣбуется отъ всѣхъ родовъ прозаическаго слога, въ извѣстныхъ случаяхъ; посему, кажется, раздѣленіе г. Сочинителя напрасно; или надлежало бы опредѣлительнѣе разграничить области сихъ искусствъ. О Поэзіи не сказано ни слова. Если г. Сочинитель разумѣетъ ее въ опредѣленіи стихотворной Словесности, мы можемъ воскликнуть: бѣдная Поэзія! пы ограничена *единообразными законами музыкальнаго лада!* —

Глава II. — Предметъ Риторики и Науки, необходимыя для занимающихся Краснорѣчіемъ.

Г. Сочинитель, въ сей главѣ, называетъ Риторикую *системою правилъ, касающихся Краснорѣчія*, назвавъ ее, въ первой главѣ

(сшран. 2), *Наукою, содержащею правила, руководствующія къ Краснорѣчію и Витійству.* Замѣшимъ, что *система и Наука* имѣютъ нѣкошорую разность, *содержать и касаться* — большую; въ одномъ мѣстѣ *Ришорика* наславляетъ *одному* искусству, въ другомъ *двумъ*; чему же вѣришь? Определение должно выражать одно и то же; иначе умъ не возможетъ вѣрно представлять определяемое. Не всякій также согласился съ г. Сочинителемъ, что Науки умозрительныя *особенно* полезны для занимающагося Словесностію: равно, ежели не болѣе, полезно для него и знаніе *Наукъ практическихъ.* Теорія безъ практики — вещь пустая; и не столько говорится объ общихъ свойствахъ предметовъ, сколько о частныхъ и особенныхъ качествахъ ихъ, дѣйствіяхъ и способахъ, коими они дѣйствуютъ.

Глава III. *Грамматика и другія средства къ познанію языка.*

Описывая *Грамматику*, г. Сочинитель говоритъ: „*Грамматика содержитъ правила, составленныя изъ наблюдений, относящихся къ языку одного какого либо народа или всего рода человеческого: въ первомъ случаѣ Грамматика называется частною, въ послѣднемъ всеобщею или фило-*

софскою.“ — Чшо вѣрнаго можно вывести о Грамматики изъ сего описанія? Она содержитъ правила, выведенныя изъ наблюдений, относящихся къ языку народа; но къ чему ведутъ сіи правила? Г. Сочинитель увлекается случайными знаками предшешовъ и опускаетъ существенныя; опъ этого его ученіе ошешается невразумительнымъ. Трудно понять, чшо значашъ его *общая и частная Грамматики*; изъ поясненій, имъ сдѣланныхъ за шѣмъ — „частная Грамматика занимается по бѣльшей части механическими свойшвами языка, а всеобщая логическими объясненіями онаго“ — шакже не видно, въ чемъ состоишъ дѣло каждой. Чшо это за механическія свойшва языка? Чшо шакое логическія объясненія онаго? — Не лучше ли было бы употребить старое, вняшное опредѣленіе Науки, чѣмъ выдумывать новое, ничего не показывающее? Почему раздѣляшъ Грамматику на *частную и философскую*, когда правила, касающіяся языка одного народа, могутъ бышъ шакже философическими, какъ и въ общей Грамматики? Можно философшествовать и о предметѣ единшвенномъ.

Далѣ, въ сей главѣ, показывающя „другія средшва,“ (копорухъ г. Сочинитель не сошволилъ ошнести ни къ общей,

ни къ частной Грамматицѣ, ниже къ другой какой либо Наукѣ), „служащая къ объясненію языка въ разныхъ отношеніяхъ. „Сии средства суть: а) употребленіе, б) чтеніе классическихъ Писателей, с) переводъ, d) сочиненіе, e) этимологическое изслѣдованіе словъ, и f) логическое объясненіе оныхъ, основанное на историческомъ развитіи мыслей.“ — Средства полезныя; но г. Сочинитель не всѣ въ надлежащемъ свѣтѣ показываетъ. Напримеръ: „отъ перевода иностранныхъ Писателей мы познаемъ разные свойства, обиліе и недостатки отечественнаго языка (стр. 7).“ — Какія же разные свойства *своего* языка познаемъ изъ *иностранныхъ* Писателей? Какая польза происходитъ отъ познанія обилія и недостатковъ его? — Надлежало бы досказать. Говоря объ этимологическомъ изслѣдованіи языка (стр. 8), г. Сочинитель называетъ „кореннымъ словомъ то, отъ котораго произошли другія слова чрезъ нарращеніе и перемѣну окончанія онаго.“ — Но этими же способами могутъ быть производимы слова и отъ производныхъ рѣченій. Положимъ, наприм. отъ *коло* происходитъ, чрезъ нарращеніе, слово *около*. Слова: *окольность*, *окольный*, *окольникій*, и проч., вѣрно происходятъ не непосредственно отъ *коло*, а

опъ *около*: и такъ, по опредѣленію кореннаго слова, сдѣланному г. Сочинителемъ Военнаго Краснорѣчія, — *около* и *окольный* также будущъ коренныя; ибо опъ перваго производися вшорое, а опъ сего *окольный* и проч.

Трудно также согласиться и съ Филологами г. Сочинителемъ, въ шомъ, чшо „корень слова состоишь изъ одной или изъ „двухъ согласныхъ буквъ,“ — когда неоспоримо, чшо слова коренныя имѣють значеніе и чшо они шворяшся, въ нуждѣ, именно для выраженія новаго понятія. Но одною и двумя согласными буквами, копорыхъ, безъ соединенія съ ними самогласной и произнесшь явственнo невозможно, едва ли на какомъ либо языкѣ дикарей выражающся понятія. Кромъ шого, опъ какихъ согласныхъ буквъ произведешъ г. Сочинитель слова — *эй*, *ай*, *ау*, собственное имя *Ю* и проч.? —

Предположенія (сшр. 10, 11, до 18) о шомъ, какъ часши рѣчи входили въ языкъ людей одна за другою, кажешся, вовсе не служащъ къ объясненію и познанію языковъ. По моему мнѣнію, г. Сочинитель лучше бь посшупиль, когда бы ошпановишся на этимологическомъ изслѣдованіи языка, и показалъ съ бѣльшею, нежели какъ онъ шо сдѣлалъ, основательностію перемѣны значе-

ніа словъ, происходящія ошь присоединенія къ кореннымъ другихъ рѣченій и ошь измененія ихъ окончаній. Въ учебной книгѣ немѣстное полкованье ошвлѣкаетъ учащагося ошь существенныхъ предметовъ Науки.

Глава IV. Опредѣленіе Логикки, понашія, сужденія, умозаключенія.

Г. Сочинишель на удачу опредѣляетъ и Логикку, и понашія, и сужденія, и умозаключенія.

„Логика естѣ Наука, объясняющая правъ,вила, по которымъ умъ долженъ дѣйствовать.“ — Скудное опредѣленіе! Ибо скажушь: Логика прежде предписываетъ правила, попомъ уже объясняетъ ихъ. Спросяшь: на чемъ правила сей Науки основываются? Для чего же не сказаешь, что они основаны на самой познавательной способности, способности размышленія? — Припомъ Логика объемлетъ не одинъ умъ, а всѣ силы, составляющія способность размышленія; показываетъ законы, по которымъ каждая изъ нихъ дѣйствуетъ при познаніи; предписываетъ правила для вѣрныхъ умозаключеній, которыя могутъ бытъ производимы умомъ только при содѣйствіи прочихъ силъ. Въ познаніи необходима сила ощущенія; безъ ея дѣйствія не можеть бытъ въ насъ удостоверенія о бытіи предметовъ и возбу-

денія къ дѣйствію другихъ силъ. Необходимо вниманіе, основывающее насъ на предметъ, произведемъ въ насъ перемѣну, и шѣмъ доставляющее воображенію время принявъ доспашочно впечатлѣнія, предметомъ въ чувственныхъ нашихъ органахъ производимыя, и изъ коихъ умъ составляетъ понятія. Разумъ сошворяетъ идеи, постигая, при должномъ употребленіи, внутреннюю природу познаваемого, связь его съ другими, отношенія къ другимъ, причины его явленій, чего умъ не можешь произвестъ, ибо постигаешь одни явленія предметовъ. Память сохраняетъ пріобрѣтенія ума и разума. Фантазія, вѣрная служительница послѣдняго, олицетворяющая его идеи и шѣмъ содѣлывающая ихъ болѣе удобопостижимыми, неразлучная подруга шворца — генія и вкуса — дѣлитель всѣхъ изящныхъ произведеній, — также способствуешь познанію, и посему должна имѣть почешное мѣсто въ Логикѣ. Нельзя совершенно исключить изъ сей Науки и волю, безъ кошорой многія силы способности познавательной оспашаются въ бездѣйствіи, безъ кошорой не можешь быть ни сужденій, ни умшвованій, а посему ни лондшій, ни идей, слѣдовательно никакого познанія. И шакъ, въ опредѣленіи Науки, надлежало бы, вмѣсто *ума*, избрать другое

слово, которое выражало бы всѣ силы мыслящей части чловѣка.

Нигдѣ не можешь бытъ лучше применено сіе изрѣченіе — *все или ничего*, какъ въ дѣлѣ Наукъ. Или, разсуждая о Словесности, Сочинитель не долженъ былъ ничего говорить о Логикѣ, предположивъ, что она извѣстна читателю: никто не взываетъ съ Сочинителя молчанія о ней, ибо его предметъ — Риторика; или, взявшись объяснять законы ея, онъ долженъ изобразить всѣ необходимыя, и въ связи; безъ того ученіе запусаетъ читателей, не принеся имъ ни малѣйшей пользы. Да простишь меня великодушно г. Сочинитель, если осмѣлюсь сказать, что едва ли подобныя способы объясненія Логики не суть виною того отвращенія, каковое ученики оказываютъ къ ней, и того пренебреженія, съ которымъ многіе опцы смотрятъ на преподаваніе правилъ ся дѣламъ ихъ. Какой грѣхъ принимаешь на свою душу поэтъ, кто опорочиваетъ въ глазахъ людей одно изъ надежнѣйшихъ средствъ къ полезному развитію ихъ способностей и единственно по желанію сокращаешь Науку и произвѣстъ что-то новое!

„Умственное представленіе предмета,
„возбуждаемое въ душѣ присутствіемъ предмета,
„мѣта или воспоминаніемъ онаго, называемъ

„ся понятіємъ (идеею).“ Въ семь опредѣленіи понятія все, кромѣ слова *представленіе*, найдешь къ понятію. Во 1) слово *умственное* — излишнее, ибо ни чувственнаго, ни какого либо другаго представленія бышь не можешь. 2) *Вмѣсто — представленіе предмета*, надлежало бы сказаць — совокупное представленіе чувственныхъ знаковъ предмета; ибо въ понятіи представляемъ не самый предметъ, а пѣ его примѣсы, кои подѣйствовали на наши чувства, возбуждали наше вниманіе и силою воображенія напечатлѣны въ душѣ. Если бы мы представляли въ умѣ самый предметъ, то наши представленія были бы всегда одинаковы, по крайней мѣрѣ, при разсматриваніи его съ одной точки и доколѣ онъ не измѣнился. Но бываешь прошивное: предметъ тошь же и неизмѣненъ; человекъ смотришь на него, въ разное время, съ одной точки; а его понятія о немъ различны, и безъ сомнѣнія опъ того, что не одинаковое число знаковъ разсматриваемаго, и не въ равной степени живости представляется. 3) *Возбуждаемое въ душѣ присутствіемъ предмета*. По этому о всякомъ присутствующемъ предметѣ мы *невольнo* имѣли бы понятіе (тогда еще болѣе не шло бы къ нему названіе *умственного* представленія); но

понятія приобрящаются размышленіемъ, следовательно *свободно*, хотя и суть слѣдствія чувственныхъ впечатлѣній, принимаемыхъ нами по физической необходимости. Опытъ увѣряешь насъ, что иногда изъ тысячи присутствующихъ предметовъ и дѣйствующихъ на насъ, мы не познаемъ ни одного, ибо ни объ одномъ не размышляемъ. Какъ же г. Сочинитель будетъ послѣ сего насъ направлять приобрященію понятій вѣрныхъ и полныхъ? Безъ размышленія? Какъ ибуду? Очень худо. 4) Или воспоминаніемъ онаго. Воспоминаніемъ, понятія, уже приобрященные, только возобновляются въ душѣ, въ прежнемъ ихъ видѣ; оно не шворитъ новыхъ. Если же къ полученнымъ прежде и воспоминаемымъ представленіямъ что ибуду присовокупляемъ, что все не памяшю, а фантазією, или умомъ, или разумомъ. 5) Называется понятіемъ (идеєю). — Объясни одно изъ сихъ словъ другимъ и нигдѣ не опредѣливъ послѣдняго, Сочинитель показываетъ, что онъ принимаетъ ихъ за одно и то же. Но *понятіе* (conceptus) и *идея* (idea) давно уже въ Логикахъ ошличены, и по важнымъ причинамъ. Первымъ означаютъ, какъ я сказалъ, совокупное представленіе чувственныхъ знаковъ предмета познаваемого, а вторюю — представленіе шого

способа, коимъ онъ дѣйствительно существоуетъ. Въ первомъ представляемъ предметъ по его явленіямъ; а во второй шакъ, какъ онъ есть. Понятіе пріобрѣщается помощью ума, идея — помощью разума. Сіе раздѣленіе представленій основано на самой сущности познаваемыхъ предметовъ, имѣющихъ и чувственные и нечувственные знаки, и на сущности ума и разума, изъ коихъ одинъ можетъ представлять только то, что, посредствомъ чувствъ, переходитъ въ душу, а другой самостоительно охватываетъ то, что не имѣетъ вещности. Умъ и разумъ, только въ совокупности дѣйствуя, могутъ доставлять намъ полное представленіе, полное познаніе предмета. Опредѣливъ шакъ ложно понятіе, Сочинитель или вовсе не научилъ пріобрѣтать понятія, или направилъ понятіямъ ложнымъ: въ обоихъ случаяхъ онъ неправъ. О началахъ понятій, о ихъ раздѣленіи по известнымъ категоріямъ и о способѣ пріобрѣтать представленія полныя, не говоритъ онъ ни слова. Къ чему же служилъ его ученіе?

„Сужденіе есть соединеніе или раздѣленіе понятій въ умъ.“ —

На какой же конецъ соединяются или раздѣляются понятія? — Сочинитель объ-

ясняешь свое невнятное опредѣленіе сужденія, словами болѣе невразумительными: „мы обыкновенно соединяемъ нѣ поняшїя, копорыя одно въ другомъ включаются; а раздѣляемъ нѣ, копорыя одно въ другомъ не могутъ заключаться.“ — Для учащагося по книгѣ Г. Толмачева, и опредѣленіе и объясненіе сужденія, бѣзъ смѣшливаго исповашенія, останутся непроницаемою стѣной. Мнѣ кажешся, лучше опредѣлишь сужденіе такъ: сужденіе есть дѣйствіе души, копорымъ она опредѣляешъ одно представленіе посредствомъ другаго, такъ, что стѣмъ показываешъ приличіе (*convenientia*) одного изъ нихъ другому; или неприличіе (*inconvenientia*). Мы говоримъ: опредѣляешъ *представленіе*, а не *поняшїе*; ибо въ сужденіе входятъ и идеи. Г. Сочинитель такъ же, какъ и въ спашѣ о поняшїяхъ, не показываешъ ни началъ, ни раздѣленїя сужденїй, ни способа, коимъ они производятся. Къ чему же служишь ученіе?

Не знаю, кто изъ проникшихъ тайнства Логикѣ узнаешъ умствование (*rationium*), кто изъ желающихъ постигнушь тайнства Науки можешъ уразумѣть дѣло умствования по слѣдующимъ словамъ г. Сочинителя: „*Умозаключеніе* есть извлеченіе „одного сужденія изъ другаго, основанное

„на правилахъ Логическихъ?“ — И такъ умствование состоишь только изъ двухъ суждений? — Какая самопроизвольность въ опредѣленіяхъ! Какое пренебреженіе точности! — Въ главѣ XXII, гдѣ объясняются силлогизмы, шопъ же мракъ облежишь умствование. Какъ же и усердно желующій содѣлаться умствователемъ, чпо для занимающагося Словесностію необходимо, можешь удовлетворить своему желанію, не получивъ къ шому, опъ своего наставника, здравыхъ понятий ни о представленіяхъ, ни о сужденіяхъ, не слыша опъ него, ни объ одномъ изъ шрехъ дѣйствій души, ни одного основательнаго правила?

(Окончаніе впередъ.)

СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИЯ И ПОЛИТИКА.

Историческое и политическое обзорное происшествие 1826 года.

(*Продолжение.*)

Нидерландское Королевство, в начале минувшаго 1825 года, много пошерпело отъ наводненій и разрыва плошинъ, а въ концѣ отъ великаго запрудненія въ денежныхъ оборотахъ, распроспранившагося изъ Англии по всей образованной части свѣша; по сіе положеніе, по извѣстной Голландской швердоси, какъ справедливо сказалъ Король въ рѣчи своей, произнесенной при открытіи засѣданій Генеральныхъ Шпашовъ нынѣшняго года, вскорѣ счастливо прекрапилось: въ испекшемъ же 1826 году, Королевство сіе должно было боротся съ двумя ужасными бѣдствіями. Первое соспояло въ опустошительной морской язвѣ, бывшей слѣдствіемъ жаркаго сухаго лѣша (для болопныхъ странъ сырая погода есть здоровѣйшая) и испребившей многихъ жшелей Гремингена, Оверисселя и Фрисландіи; другое было опас-

ное возшаніе въ Южно-Индійскихъ владѣніяхъ, преимущественно на главномъ оспровѣ Явѣ, кошорый до крайности разорень былъ мяшежниками. Послѣ побѣды, одержанной Индійцами 2 Сентября прошедшаго года при Самарангѣ, Европейцы принуждены были бѣжать, и до сихъ поръ возмущеніе не только не укрощено, но сдѣлалось еще опаснѣе, потому что въ войскахъ Нидерландскихъ оказалась повальная болѣзнь cholera morbus. Благодѣтельное и просвѣщенное правленіе Вильгельма I и Нидерландскіе Генеральные Шпашы уношребили всѣ силы свои для прекращенія сихъ бѣдствій. Благоразумныя мѣры приняты были для воспрепятствованія дальнѣйшему распространенію язвы, кошорой дѣйствіе все болѣе и болѣе ослабѣвало къ концу года; въ Яву послано было подкрѣпленіе; положено было сдѣлать заемъ въ 20 милліоновъ въ пользу заморскихъ владѣній большинствомъ 72 голосовъ прошиву 6, и оспровѣ Ява ошкрыта была для порговли всѣхъ народовъ. Послѣднія засѣданія Генеральныхъ Шпашовъ имѣли главнымъ предметомъ заятія бюджетъ на 1826 годъ и введеніе общенароднаго обученія юношества. Нынѣшнія были ошкрыты Королемъ 16 Октября въ Брюсселѣ, и въ рѣчи Короля упоминаемо

было о внутреннихъ дѣлахъ Королевства, о счастливомъ прекращеніи крипяческаго положенія торговли, о заразѣ, о состояніи Индійскихъ колоній и ш. п. — Въ Нидерландахъ также непрерывно распространяема была система каналовъ. На мѣсто уволеннаго Г. де Коникиа, поступилъ въ Миниспры Иностранныхъ Дѣлъ Баронъ Верспукъ фанъ-Зуденъ. Полковникъ Вервье отправился на Панамскій Конгрессъ въ качествѣ Нидерландскаго Посланника. Здѣсь также произведены значительные сборы въ пользу Грековъ. Колоссальный левъ, памятникъ Вашерлоскаго сраженія, нынѣ оконченъ. — Народонаселеніе Амстердама безпрестанно увеличивается; въ прошедшемъ году, родившихся въ семь городъ было 7352, а умершихъ только 6302 чел. — Въ Амстердамъ прибыло съ моря 1606 кораблей.

Исторія *Швейцаріи* въ прошедшемъ году, имѣла только мѣстную занимательность. И здѣсь равномерно оказывали памянное участіе въ судьбѣ Грековъ. Сеймъ въ Люцернѣ открытъ былъ 3 Іюля, и закрытъ уже 13 Августа. Достойныя примѣчанія разсужденія объ отмѣненіи смертной казни въ Женевѣ, гдѣ, между прочимъ, не принято было предложеніе соорудить памятникъ Ж. Ж. Руссо. Разведеніе Тибеш-

скихъ козъ на Альпійскихъ горахъ имѣло нѣкоторый уснѣхъ. Опредѣленіе Швейцарскихъ полковъ въ иностранную службу и церковныя дѣла въ Каполическихъ Республикахъ принадлежали также къ предметамъ, обратившимъ на себя всеобщее вниманіе.

Исторія *Италійскаго полуострова* въ прошедшемъ году, представляеть также не много происшествій занимательныхъ во всемірномъ отношеніи. *Сицилія* совершенно уже была очищена отъ Австрійскихъ войскъ, которыя мало по малу выходили изъ *Неаполя*. Хотя и здѣсь положеніе земледельцевъ было не слишкомъ счастливо, однако же благоразумное Правительство шло ревностнѣе спаралось объ улучшеніи фабрикъ и усердно пеклось о внутреннемъ усовершеніи; съ другой стороны оно снова было принуждено издавать строгія постановленія противъ упорныхъ Карбонаровъ. 26 Апрѣля скончалась супруга покойнаго Короля, Герцогиня Флоридія; также лишился Неаполь въ семь году знаменитаго Астронома Пиацци. Въ Римъ были зашворены Святыя врата 26 Декабря прошедшаго года, введено лучшее Государственное Хозяйство, и учреждены сообразныя съ цѣлю заведенія для бѣдныхъ. Въ Пезаро, что въ *Римской области*, открыта была новая

Карбонарская ложа, и Папское Правитель-
ство, подобно прочимъ въ Италіи, должно
было безпрерывно обращать все свое ви-
маніе на сіи гибельныя шайныя общества
и вообще прошиводѣйствовашь нарушенію
внутренняго спокойствія и безопасности.
Въ одной Болоніи, въ теченіе 6 мѣсяцевъ,
настигано не менѣе 96 убійствъ! — Алжир-
скій Дей принужденъ былъ Франціею выдать
Римскихъ павинныхъ. — Великій Герцогъ
Тосканскій, коего подданные благоденству-
ють подѣ крошкимъ его правленіемъ, пред-
принималъ въ семь году путешесствіе въ Вѣ-
ну. Въ *Сардинскомъ* Королевствѣ, коего
народонаселеніе простирается нынѣ до 4
милліоновъ душъ, безпрерывно умножается
число монастырей, коихъ теперь уже счи-
тается 348. Къ достопамятнѣйшимъ от-
крытіямъ въ Италіи, справъ пропекшихъ
вѣковъ, принадлежатъ развалины Геркуле-
сова храма близъ Бресчии съ превосходнѣй-
шими, сохранившимися въ цѣлости, статуя-
ми; въ Помпеѣ также продолжаютъ от-
рывать много достопамятностей. Доселѣ
еще не исполнилось ожиданіе возстановле-
нія *Мальтійскаго ордена*, котораго, какъ
полагали, долженъ былъ основаться въ Фер-
рарѣ и сильно дѣйствовашь за Грековъ.
Выступившая изъ береговъ рѣка Аніо и

концѣ года, причинила большія опустошенія въ Римской области.

Жестокая и опасная болѣзнь (воспалительная горячка), копорою одержимъ былъ Императоръ обширной *Австрійской* Монархіи (съ 9 Марша), возбудила сильнѣйшее опасеніе о жизни любимаго Государя, и съ воспоргомъ приняшо было извѣстіе о воспослѣдовавшемъ вскорѣ послѣ того выздоровленіи сего Монарха. Оспорожная Политика Австріи постоянно клонилась къ тому, чтобы предупредить всякое нарушеніе внѣшняго и внутренняго спокойствія Европы. Бразилія признана была самосостоятельнымъ Государствомъ; а Инфантъ Донъ Мигуэль одобрилъ, какъ выше упомянушо, въ Вѣнѣ новую Португальскую харшію, и обнародовалъ обрученіе свое съ будущею Португальскою Королевою. Основываясь на ложныхъ слухахъ, предполагали снова, что путешествіе Князя Мештерниха имѣло важную политическую цѣль. Венгерскій Сеймъ продолжался и подалъ поводъ ко многимъ преніямъ о предметахъ, касающихся до образа правленія Венгрии и отношенія оной къ прочимъ странамъ, подвластнымъ Австрійской Монархіи. Городъ Зальцбургъ будетъ поставленъ на ряду съ первостепенными крѣпостями. Здѣсь, продолжали строить

большія дороги, и внутренняя дѣятельность
ремесль непрерывно увеличивалась. Къ при-
мѣчательнѣйшимъ изобрѣшеніямъ принадле-
житъ паровое орудіе Г. Безецаго, которое
въ одну минушу бросаетъ 250 пуль.

(*Продолженіе въ средѣ.*)

V.

СТИХОТВОРЕНІЯ

I.

Ц В Ъ Т Ы.

(*Къ женѣ моеѣ.*)

Ложась на землю
Свѣга;

Поблекли, завяли
Дуга!

Какъ жизнь услаждаютъ
Мечты:

Тебя такъ красуютъ —
Цвѣты.

Покинемъ, Алма,
Сей градъ;

Къ полямъ возвратишься
Я радъ!

На всемъ тамъ искусства
Перстмъ;

Убранство пашушки :

Цвѣшны.

Тамъ скучны веселья

Пировъ ;

Тамъ взоръ мой былъ ираченъ ,

Суровъ ;

Тамъ гасла блѣднѣла

И шы :

Здѣсь вновь на ланипахъ

Цвѣшны !

Какъ знашь, что въ грядущемъ

Насъ ждешъ ?

Судьба намъ замѣны

Даешъ !

Нашъ милый младенецъ

И шы :

Можь вы въ сей жизни

Цвѣшны.

2.

СТАРОЙ КОКЕТКѢ.

Ты всякой день, возставъ ошь сна,

Слѣшишь предъ зеркало садисься ;

И вдругъ исчезнешъ сѣдина ,

И блѣдный цвѣшь швой оживишься !

Я вижу все, — и не шуша

Совѣшную не шрашишь брасокъ ;

Напрасный шрудъ ! любовь — диша :

А дѣши всѣ боляшя масокъ.

(Изъ *Armand-Sevillé.*)

3.

Н О В Ы Й Н А Р Ц И С С Ъ .

Нарциссу было суждено
 Любишь свой видъ прекрасной ;
 Но я не въ воду, — а въ вино —
 Гляжуся ежечасно!
 Я самолюбиемъ шомимъ,
 Сшаканъ свой наливаю ;
 И съ влажнымъ зеркаломъ моимъ
 Свой образъ — выпиваю !

(Изъ *Rapard.*)

В. Вердеревскій.

VI.

С О В Р Е М Е Н Н А Я Р У С С К А Я
Б И Б Л И О Г Р А Ф И Я .

Н О В Ы Я К Н И Г И :

1 8 2 7 .

М о р е х о д с т в о .

7. *Записки, издаваемые Государственнымъ Адмиралтейскимъ Департаментомъ, относящяся къ мореплаванію, Наукамъ и Словесности. Ч. XI. С. П. б. 1826, въ Морск. шип. IV—500 стр. въ 8, со многими таблицами и 3 чертешами.*

(У насъ часто выходятъ въ свѣтъ весьма любопытныя и полезныя книги, служащія вообще къ распространенію познаній, — и часто публика холоднымъ окомъ смошришь на ихъ появленіе. Причина тому очень проста: книги такого рода по большей части издаются Правительственными мѣстами; о нихъ книгопродавцы не прубяшь въ пышныхъ газетныхъ объявленіяхъ, и не всегда даже Журналы знакомятъ насъ съ ихъ содержаніемъ. Къ числу такихъ книгъ должно отнести сія *Записки*. Изъ нихъ любопытныя могутъ видѣть посшепенные успѣхи Россійскаго мореплаванія, могутъ почерпашъ весьма занимательныя свѣдѣнія о кругосвѣтныхъ и другихъ путешествіяхъ, совершаемыхъ, по волю Правительства, офицерами Императорскаго флота; могутъ въ нихъ найти описанія многихъ портовъ и приморскихъ городовъ Россійскихъ, и ш. п. Сверхъ того, для людей, занимающихся математическими Науками, особенно въ приложеніи оныхъ къ мореходству, помѣщающія въ сихъ Запискахъ весьма важныя вычисления и таблицы, извѣстія о новыхъ изобрѣшеніяхъ по части кораблестроенія и пр. и пр., а для упражняющихся въ Наукахъ Естественныхъ — наблюденія Ученыхъ, посланныхъ на разныхъ судахъ въ разные

спранн свѣща. Желашельно, чшобы соошечсшвенники наши, любящіе чшеніе, обрашцали болѣе вниманія на книги сего рода, достпавляющія чшеніе занимашельное и полезное, а не шакое, кошорое шолько рашспрриваетш воображеніе и оспавляетш душосу въ умѣ и понашіяхъ.)

Я з ы к о з н а н і е.

8. *Краткая Россійская Грамматика*, изданная Титулярнымъ Советникомъ Михайломъ Радугинымъ. М. 1816, въ шипогр. П. Кузнецова. 74 стр. въ 8.

(См. № 25 Сѣв. Пчелы.)

9. A practical Grammar of the Russian language, by James Heard (*Практическая Грамматика Русскаго языка*, соч. Якова Герда). С. П. б. 1827, въ шип. Депарш. Народн. Просвѣщенія. 2 Ч. въ 1й 323, во 2й 197 стр. въ 8.

(Г. Гердъ заслуживаетш благодарность и соошечсшвенниковъ своихъ и Русскихъ: онъ первый взялся познакомитш Англичанъ съ правилами богашаго и звучнаго нашего языка, кошорый, вопреки шупшкамъ покойнаго Бейрона (*), по признанію даже мно-

(*) Въ одной изъ послѣднихъ Пѣсней своего Дону-Жуана, Лордъ Бейронъ шупшитш надъ *зѣбоміемъ* Русскихъ собсшвенныхъ именъ. Не дивитшся: почтешный Лордъ вѣрно не умѣлъ ихъ выговаривать.

гихъ иностранцевъ, превосходишь гармоніею большую часть современныхъ языковъ Европейскихъ. Въ 29 Но Сѣверн. Пчелы помѣщено подробное извѣстіе о сей Россійско-Англійской Граммашикъ, коюрой желаемъ всякаго успѣха, равно какъ и пѣмъ, кои возьмутъ ее съ похвальнымъ намѣреніемъ — выучишься по ней Русскому языку.)

Ж и з н е о п и с а н і е .

10. Denkwürdigkeiten aus dem Leben des Fürsten D. M. Posharsti; von A. Malinowski, Senator und Chef des Moskaischen Archivs von dem Collegium der auswärtigen Angelegenheiten. In Deutsche übersetzt von seiner Tochter, Katharina Malinowski. (*Достопамятности изъ жизни Князя Пожарскаго, соч. А. Малиновскаго, Сенатора и Управляющаго Московскимъ Архивомъ Государственной Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ. Перевед. на Нѣмецкій языкъ дочерью его, Катериною Малиновскою*). М. 1826, въ шипогр. Селивановскаго. 70 стр. въ 8.

(См. Но 30 Сѣверной Пчелы, гдѣ извѣстіе о сей книжкѣ помѣщено съ любопытными замѣчаніями по сему поводу, извле-

ченными изъ Рижской Газеты: *Office-Provinzen-Blatt.*)

С л о в е с н о с т ь .

11. *Der Trauerquell (Бахчисарайскій фонтан)* verfaßt von Alexander Pusckin. Aus dem Russischen übersetzt von Alexander Wulffert. С. П. б. въ шипогр. Особенной Канцелярїи М. В. Д. 48 стр. въ 12.

(Г. Вульффершъ переложилъ уже въ Нѣмецкіе стихи Поэму Пушкина: Кавказскій наѣвникъ. Осмѣялся знашокамъ Нѣмецкаго языка оцѣнить достоинство сего новаго перевода и сличилъ его съ подлинникомъ. Книжка сія напечатана весьма хорошо.)

12. *Балзетъ, Трагедія въ 5 дѣйствіяхъ, въ стихахъ. Сочиненіе Расина. Перевелъ съ Французскаго В. Н. Олимп.* С. П. б. въ шипогр. Медицинскаго Департаменша Мин. Вн. Дѣлъ. 1827. 84 стр. въ 8.

(Издашели получили довольно пространное разсмотрѣніе сего перевода, которое намѣрены помѣстить въ одной изъ слѣдующихъ книжекъ С. О.).

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА.

1827. № VI.

I.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

А Р Е С Т А Н Т Ъ.

(Съ перевода Г-жи Монтолье изъ сочиненій Баронессы де ла Мотть-Фуке.)

Отъ Графа Юлія Винфельда къ другу
его, Феликсу Гаввицу.

Поденныя записки.

Замокъ Шарфштейнъ.

Не называй меня болѣе, Феликсъ, любимецъ счастія; горешное доказательство его непоспоянства я испытываю нынѣ; не говори мнѣ объ онличіи, довѣренности и особенномъ благоволеніи... Если это милость Герцога, что онъ, оппоргнувъ меня онъ удовольствіи сполницы, бросилъ въ совершенно дикую страну и принудилъ сдѣлаться спражемъ сумасшедшаго его брата; но я, право, легко бы могъ обойтись безъ такой милости и охотно, весьма охотно желалъ бы спрыгнушь съ этой, ведущей къ

ночеспямъ лѣспницы. Не смѣйся, когда скажу тебѣ, что еще при одномъ видѣ жилища несчастнаго безумца, неизъяснимое умиленіе овладѣло моею душою, и съ самой той минуты я все думаю, что мнѣ суждено кончить жизнь подъ развалинами сего мрачнаго, уединеннаго зданія.

Я пріѣхалъ ночью. Каменистая дорога, сюда ведущая, изнурила лошадей; вскадромъ мой ушомился, я шакже; въ самомъ дурномъ расположеніи духа слѣдовали мы за проводникомъ нашимъ въ дремучій лѣсъ, окружающій замокъ. Бурный вѣсперъ колебалъ верхушки, съ копорыхъ сыпался на насъ снѣгъ; жандармы прекрашили свои пѣсни, и мы, въ молчаніи, среди ужасной шемношы, съ величайшимъ трудомъ взобрались наконецъ на гору, гдѣ выстроены замокъ Шарошпейкъ. Тутъ остановились мы у подъемнаго моста; онъ былъ опущенъ; спарый солдатъ вышелъ къ намъ изъ караульни съ фонаремъ въ рукѣ. Я показалъ ему повелѣніе Герцога; увидѣвъ Государственную печашь, онъ снялъ шляпу и громкимъ голосомъ уведомилъ внутреннюю стражу о нашемъ пріѣздѣ; мостъ подняли, мы прошли его, и другой солдатъ, ошворивъ вороша, ввелъ насъ на просширшій дворъ, окруженный высокими, каменными стѣнами. — Молчаніе, шумъ царскихъ

вавшее, привело меня въ ужасъ, но вскорѣ двери замка заскрыпѣли, и смоприсель, въ сопровожденіи двухъ служивелей, несущихъ зажженные свѣчи, вышелъ къ намъ на вспрѣчу. Эшошъ спарикъ былъ, казалось, чрезвычайно удивленъ моимъ пріѣздомъ; я велѣлъ ему назначить мнѣ комнашу для жившья, предупредивъ, что можешъ бышь я и долго пробуду въ замкѣ.

„Какъ?“ вскричалъ онъ съ удивленіемъ, смолря на мою конницу: „неужели и эпи люди шакже здѣсь останушя? Или какое нападеніе угрожаешъ замку? Такія предоспорожноспи не могушь бышь нужны для моего ареспанша: неужели за мною хошяшъ присмашривашъ? Чѣмъ заслужилъ я эшо?...“ — Я было думалъ его успокоить, но онъ, съ видомъ увѣренности въ своемъ достоинствѣ, продолжалъ: „двадцашъ одинъ годъ уже находишя Принцъ подъ моимъ присмотромъ, и никшо не можешъ въ чемъ либо упрекнуть меня!...“ — Двадцашъ одинъ годъ! сколько времени для жалкаго безумца! Мысль сія произвела гореспное движеніе въ душѣ моей; въ молчаніи и какъ бы прошивъ воли, слѣдовалъ я за эшимъ человекомъ. Его суровая, неприяшная физиономія не могла внушить мнѣ почшенія, кошорымъ обязаны мы спаросши. Пришедъ въ

комнашу, которую долженъ былъ я занять, онъ велѣлъ подать мнѣ свѣчей, и поклонившись съ видомъ, не совсѣмъ доброжелательнымъ, удалился. Оставшись одинъ, я началъ ходишь и размышляшь о своемъ положеніи. Вошелъ служитель съ небольшою занкою хвороспа и разложилъ огонь въ каминъ. Здѣсь нѣтъ печей; замокъ былъ построень для увеселеній охоты, жили въ немъ только осенью короткое время, и пошолу такія удобства были не нужны. Судьба, какъ будто желая посмѣяться занисямъ смертныхъ, опредѣлила сей, увеселятельный по своему назначенію, замокъ жилищемъ несчастному, который ни въ чемъ не можешь находишь оправды.

Я спросилъ чернилъ, и въ надеждѣ разсѣяшь печальныя мысли, съ полчаса уже разговариваю съ шобою. Часно оставляю перо и посмаптриваю на убранство комнаты, гдѣ все, даже и самая сдннйавшая золотпа напоминаетъ о роскоши, когда-то здѣсь бывшей, и о шомъ времени, когда люди не были чужды симъ спѣнамъ. Какъ пустоша! Двадцать одинъ годъ уже, какъ никто не входилъ въ сію комнашу. Надъ дверьми висяшь поршрешы особъ царствующей фамиліи; взоръ мой успремленъ на одинъ изъ нихъ, и мнѣ кажется, эшо пор-

шрешъ родишеля Владѣшельнаго Герцога и брата его, безумца, здѣсь заключеннаго. Видъ его показываетъ опкровенность и безпечный характеръ, можно угадать, что онъ наслаждался жизнію, не помышляя о будущемъ. Не смотря на спранность спариннаго костюма, наружность его имѣеть много пріятнаго. Прошивъ этого поршреша я вижу другой, женскій, писанный сухими красками, кошорья не много сперлись, но все легко можно узнать прелестныя чершты Герцогини-машери, когда она была еще въ юныхъ лѣшахъ. Можешъ бышь, сей зѣмокъ былъ нѣкогда свидѣшелемъ счастья ея молодости; она нѣжно любила своего мужа и никогда съ нимъ не разсавалась. Добродушная Принцесса была тогда увѣрена, что счастье существуетъ на землѣ: веселость милаго лица ея показываетъ, что печаль, въ то время, была извѣсна ей только по слуху. Какъ спранно, что у такой нѣжной, счастливой и прелестной чешы, родились шакіе сыновья, каковъ угрюмый Владѣшельный Герцогъ и бѣшенный Принцъ Карлъ! Тебѣ конечно извѣшно, что сей послѣдній, въ одну изъ шѣхъ минушь, когда приходишь къ нему разсудокъ, сказалъ въ присутствіи другихъ, что найдешъ средство убѣжашъ изъ шюрьмы,

возобновишь прежнія связи свои и поспраешься опмещишь брата за его жестокость. Но сіи слова не имѣли никакихъ послѣдствій; не они побудили Герцога пригласить меня сюда, а одно *сновидѣніе*, обратившееся для меня въ мучительную существенность.

Не давно, возвращаясь съ торжественнаго бала, бывшаго у Сардинскаго Посланника, который живешь въ домѣ, принадлежавшемъ заключенному Принцу, Герцогъ сдѣлался нездоровъ; Докшоръ Леонардъ нашелъ его въ лихорадкѣ: въ сильномъ бреду, онъ говорилъ о томъ, чего добродушный врачъ не могъ, или не хотѣлъ понимать. Передъ упрямъ больной заснулъ. Проснувшись уже въ полдень, онъ съ удивленіемъ смотрѣлъ на предметы, его окружавшіе и увидя Докшора, велѣлъ ему подойти къ постели: „объясните мнѣ“ сказалъ онъ ему насмѣшливо: „опъ волненія ли крови, или опъ чего другаго происходятъ сны?“ Докшоръ медлилъ опвѣтомъ, и Герцогъ продолжалъ: „вчера за ужиномъ, на балѣ у Посланника, пропивъ моего обыкновенія я выпилъ нѣсколько рюмокъ Французскаго вина: мнѣ нужно было подкрѣпленіе; видѣю комнашы, гдѣ жилъ нѣкогда несчастный братъ мой, и бальный шумъ разспрохли мою го-

лову и нервы. Я рано уехала домой, легла спать и — послѣ тысячи безпокойныхъ мыслей, заснула; но и тогда ужасныя сновидѣнія лишили меня спокойствія. Мнѣ казалось, что братъ мой, въ бѣшенствѣ, схватилъ меня и держалъ шакъ крѣпко, какъ будто бы хотѣлъ задушить.“ Сказавъ сіи слова Герцогъ поблѣднѣлъ, замолчалъ, но вскорѣ, оправясь, засмѣялся и, внимательно смотря на Докшора, будто желая угадать его мысли, продолжалъ: „какъ вы думаете, не есть ли это только дѣйствіе разгоряченнаго воображенія, или такой сонъ въ самомъ дѣлѣ чтонибудь предвѣщаетъ?“ Онъ опять замолчалъ и чрезъ нѣсколько минутъ прибавилъ тихимъ голосомъ: „можете бытъ мнѣ угрожаетъ несчастіе Сей часъ, предъ пробужденіемъ, мнѣ видѣлось во снѣ, что я находился въ замкѣ Шарфшпейнѣ, и былъ на охотѣ. Увидѣвъ лещающую надъ горами птицу, я прицѣлился, выстрѣлилъ, но не попалъ: это былъ прекрасный лебедь; онъ успремился въ рѣку, поплылъ, и хотя я даже его не ранилъ, но кровь видна была въ струяхъ; вдругъ мнѣ сдѣлалось шакъ тяжело, какъ будто бы грудь мою пронзили кинжаломъ. Какъ вы думаете, Леонардъ, не пошлете ли мнѣ кого въ замокъ, узнаете, что тамъ дѣлается?—“

Не знаю, что ошвѣчалъ на шо Докшоръ, но чрезъ два дня я получилъ повелѣніе отпра-
 виться сюда. Ты говорилъ мнѣ, что я
 много обязанъ Леонарду: да, вѣроятно онъ
 ошозвался обо мнѣ хорошо Герцогу; шолько
 я не слишкомъ благодаренъ ему, если по
 его рекомендаціи попалъ сюда; впрочемъ,
 я никакъ не думаю, чтошобъ это сдѣлалось
 по его милосши. Герцогъ всегда изъвѣлялъ
 мнѣ благоволеніе; заспунивъ мѣсто моего
 родителя, кошораго лишился я еще въ дѣт-
 ствѣ, онъ помѣшилъ меня въ военное учи-
 лище и, по окончаніи наукъ, опредѣлялъ въ
 гвардію. Отець служилъ усердно покойному
 Герцогу, и кончилъ жизнь свою на подѣ че-
 сти. Мать моя воспитывала молодую Гер-
 цогиню; признаешься, послѣдняя милосшь
 Герцога не кажется мнѣ шакъ велика; безъ
 нея былъ бы я въ сподицѣ и проводилъ бы
 время, какъ нельзя пріятнѣе. Къ шому же,
 мнѣ бы хотѣлось, чтошобъ меня ошачали
 заслути, а не одно шолько благоволеніе
 моего Государя. Не знаю, ошъ чего Герцогъ
 никогда мнѣ не нравился, а всего меньше
 нынѣ: онъ всегда шакъ угрюмъ, спрон-
 шивъ право, я часто гошовъ былъ ду-
 машь, что онъ въ шайнѣ сдѣлалъ какое
 либо злодѣяніе.

Какая тихая ночь!.... Как приятно
свѣтитъ луна!.... Какъ ярко блестятъ
звѣзды надъ поверхностью горъ!.... Шумъ
рѣки, протекающей подъ шерассою, напо-
минаешь мнѣ благо лебедя, видѣннаго во
слѣ Герцогомъ....

Но что я слышу?.... Тихіе звуки
одежды несущая съ прошивной стороны
зѣмка.... Неужели это онъ? Такъ, желѣзныя
рѣшешки у оконъ доказываютъ мнѣ, что
это его жилище.... Можешь быть несчаст-
ный въряться любимому инструменту свое-
му горько, зашмѣвающую его разсудокъ.
Кому жъ будешь онъ повѣрять ее? Кто за-
хочешь его слушаешь?.... Бѣдный Принцъ!
какъ я о тебѣ сожалею!....

Я его видѣлъ; не могу описатьъ тебѣ
впечатлѣнія, которое наружность его про-
извела во мнѣ. Это было въ полдень, въ то
время, когда смѣнялся караулъ: я стоялъ у
окна, какъ вдругъ не вдалекѣ отъ меня от-
воряющіяся двери на балконъ, и я вижу Прин-
ца. Видъ его привелъ меня въ смущеніе; я
пошупилъ глаза, но пошомъ, оправясь, обра-
щилъ ихъ на арестанта. Онъ высокъ рос-
шомъ, имѣешь величественную осанку и, не
смотря на чрезвычайную блѣдность, лице
его совсѣмъ не показываетъ сумасшедшаго.
Напроривъ оно выражаетъ полное спокой-

спивіе духа. Кавалерія моя предспавила собою зрѣлище совершенно новое для Принца; но, по видимому, онъ не въспревожился шѣмъ а шолько изумился. Однако, вскорѣ приишла я, чшо онъ задумался. На немъ былъ мундиръ драгунскаго полка и на головѣ шляпа съ сулшаномъ. При появленіи его, воины спали въ спрой. Принцъ благосклонно взглянулъ на нихъ, а пошомъ большіе, черные глаза его, показавшіеся мнѣ прекрасными, обрапились къ небу, и, далѣе, на ужасныя цѣпи горь. Никогда, никогда, не забуду я этого взора!... Вѣрно въ минушу сію былъ онъ въ полномъ разсудкѣ, пошому чшо взглядъ его показывалъ не безуміе, а преданность Провидѣнію; не бѣшенство, а горесшь.

Въ шо же самое ушро я изъявилъ желаніе бышь допущеннымъ къ Принцу, но какъ въ повелѣніи Герцога ничего о семъ не сказано, шо спрогій смопришелъ замка и имѣлъ полное право опказашъ мнѣ, ушряя, чшо ареспанштъ чуждаешся всѣхъ; а особенно не шерпишь посѣщеній ошъ незнакомыхъ, и чшо въ семъ случаѣ безуміе его превращаешся въ яросшь. Впрочемъ на чшо мнѣ его и видѣшь? Чрезъ мѣсяцъ, можешъ бышь, Герцогъ позабудешъ о своемъ еновидѣніи, дасшь мнѣ приказаніе возвра-

пишья въ шполицу, и все о́пяшь пойдеть по прежнему. Ахъ, какъ ужасно положеніе Принца! Неизбъжная учась не дозволяеть ему пишашь какую либо надежду! Счасливъ онъ, если запмившійся разсудокъ не предшавляеть ему ничего прошедшаго!... Но въ минушы пробужденія разсудка, сколь онъ долженъ бышь достоинъ сожалѣнія! — Какую грусть поселяють мысли сіи въ душъ моей!... Нѣшь, нѣшь, я не могу бышь здѣсь; должность, на меня возложенная, неприлична ни лѣшамъ моимъ, ни склонностямъ, а всего менѣ сердцу, кошорое не можеть сносить равнодушно сшраданія другихъ. Удовольшвія свѣша еще пльняють мое воображеніе. Одна мысль, что я долженъ провести нѣсколько недѣль здѣсь, въ опдаленіи опъ всего, что мнѣ любезно, приводитъ меня въ содроганіе. Едва шолько начиналъ я забывашь о горесняхъ, испышанных мною въ дѣшсшвѣ, какъ шеперь, окруженный непріятными предметами, невольно о нихъ воспоминаю. Ахъ! я не былъ счасливъ.... Такъ, Феликсъ, мнѣ пріятно, очень пріятно было проводить время съ шобою, но это удовольшвіе нельзя было назвашь счасшіемъ: оно заключаешья въ сладосшныхъ узахъ родшва, узахъ, соединяющихъ насъ съ подобными себѣ съ первой

минушы бышія, и чрезъ кошорые мы научаемся въ послѣдствіи цѣнить его. Уви! для меня не было счастья!.... Я нѣтъ около пяти лѣтъ отъ роду, когда отецъ мой погибъ въ сраженіи; я проливалъ слезы, пошому что окружающіе меня плакали и говорили, что я не увижу болѣе папеньку.... Ахъ, я очень помнилъ, какъ онъ, распросившись съ своимъ семействомъ, сѣлъ на лошадь и, смѣясь, сказалъ мнѣ: „вошь, Юлій, будь уменъ, выросшешъ, и тебѣ дадушъ лошадь.“ Съ тѣхъ поръ я ни о чемъ не думалъ, какъ только о томъ времени, въ кошорое и мнѣ можно будетъ ѣздить верхомъ. Въшь о кончинѣ родителъ моего поразила машушку. Въвечеру того дня, она посадила меня на колѣна и, обливаясь слезами, сказала: „бѣдное дитя, что будешъ шеперь съ тебю?....“ Эти слова, кошорыхъ я никогда не забуду, и тогда заставили меня горько плакать; меня положили въ постель, но я рыдалъ и долго не могъ заснуть. Чрезъ нѣсколько дней мы отправились жить въ маленькій, отдаленный отъ города домикъ, находившійся среди горъ; новые предметы скоро разсѣяли печаль мою; я подружился съ дѣтьми Пастора, игралъ съ ними и почиалъ себя счастливымъ. Въ сіе время машушка должна была

возвращишься въ резиденцію; Герцогъ и Герцогиня избрали ее надзирашельницею къ молодой Принцессѣ, которая, спустя нѣсколько времени, вышла за мужъ за Англійскаго Принца. Машушка, отправившись съ нею въ Англію, скончалась тамъ чрезъ нѣсколько лѣтъ; осиропѣвшій сынъ ея оставался пансіонеромъ у Паспора съ самаго ея опѣзда. Сперва я былъ очень доволенъ, что меня не разлучали съ маленькими моими поварницами, но вскорѣ почувствовала всѣ невыгоды настоящаго моего положенія въ сравненіи съ тѣмъ, какъ я жилъ съ машушкою. Хозяева дома были угрюмы, скупы и брюзгливы; цѣлый день шолковали о курахъ и уткахъ, которыми жена Паспора торговала. Большая, голодная собака, безпрестанно лаяла на дворъ. Меня, также какъ и всѣхъ дѣшей, заставляли исправлять разныя домашнія работы: не будучи къ тому привыченъ, я всегда принимался за нихъ не охотно, исполнялъ дурно, бывалъ за то бранимъ, бишь, и пошому всегда почти находился въ горести и часто плакалъ. Мнѣ уже не давали носить прекраснаго моего плаща и шонкаго бѣлья: Паспорша говорила, что денегъ, за содержаніе меня ими получаемыхъ, не могло доставать на подобныя издержки, и пошому

должно было привыкаться обходиться без шого. Добрый мужъ ея обращался со мною гораздо ласковѣе: онъ, когда жены его не было дома, призывалъ меня къ себѣ, давалъ мнѣ какого нибудь лакомства, уговаривая меня не крушиться и быть шерпѣливымъ; но совѣщны его осмѣивались щещными: съ каждымъ днемъ шановиася я печальнѣе и даже удалялся отъ веселыхъ моихъ шоварщей. Однажды, сидя у дверей нашего жилища, я увидѣлъ идущую на дворъ женщину, у кошорой въ рукахъ была закрышая корзина. Собака, выбѣжавъ изъ кануры, съ ужаснымъ лаемъ бросилась на нее и схватила ее за плашье. Побужденный соспряданіемъ и вмѣстѣ любопытствомъ, я вскочилъ, и опогнавъ собаку, кошорой она чрезвычайно испугалась, схватилъ ее за руку и ввелъ въ нашъ домикъ. Вошедши туда, она шопчасъ опкрыла корзину; дѣвши Пасшора и я, увидя, что въ ней находились разныя игрушки, съ шоспоргомъ окружили незнакомку.

„Сшупай, спупай, голубушка,“ сказала сей послѣдней жѣна Пасшора: „здѣсь не шанупъ плашишь денегъ за шакіе пусшяки.“ — „Сударыня,“ возразила незнакомка, улыбаясь: „мнѣ не надобны деньги; пускай эшо дѣшя, (указывая на меня) выбереть, что ему по-

нравился, а вы пожалуйста мнѣ какое нибудь изъ шарыхъ его плашьяцъ: оно будетъ въ пору моему сыну, и я останусь весьма довольна.“ Мы уже начали рыться въ корзинкѣ, Паспорша сердилась, бранила насъ, и пошомъ однако обѣщала пріискать какое нибудь шарое мое плашье и пошла за нимъ. Я выбралъ деревянную саблю, шакое же ружье, и любовался ими, между шѣмъ какъ незнакомка посмашривала на меня и улыбалась. Паспорша возвратилась и вручила ей обѣщанное плашье. „Будь всегда добръ“ сказала мнѣ тогда продавщица игрушекъ, и съ этими словами удалилась. Я и донинѣ еще помню лице и голосъ сей женщины: тогда мнѣ очень хотѣлось ийти въ садъ за нею. Во весь шопъ вечеръ я былъ очень доволенъ и веселъ. Слѣдующій день былъ Воскресный; пошпру хозяева дома пошли въ церковь, шоварищи мои бѣгали по полямъ, а я, сидя подъ липою при входѣ въ наше селеніе, вдругъ увидѣлъ незнакомку, которая была у насъ наканунѣ. Она шла изъ ближней гошпичницы, бывшей на дорогѣ; увидѣвъ меня, приблизилась, поклонилась и сѣла возлѣ на скамьѣ. Помолчавъ нѣсколько минушъ, она спросила меня о моемъ имени. Я сказалъ ей. — „Любезный Юлій,“ продолжала она: „вчера я не могла ошблагодарить шебя

за то, что ты опогнала отъ меня собаку, и хочешь перепеть это сдѣланъ.“ Тутъ подала она мнѣ маленькую книжку, красиво переплетенную въ алый сафьянъ. Раскрываю и вижу множество карпинокъ, которыя означали или чтонибудь или Библию, или чтонибудь нравственное, съ толкованіемъ въ подписи. При каждой карпинкѣ находился бѣлый листокъ. „Эта маленькій календарь, Юлій, продолжала незнакомка: „тутъ находится сколько листочковъ, сколько дней въ году. Прочитывай всякій вечеръ одно изъ сихъ правоученій, спрашивай самъ себя, исполнялъ ли ты въ продолженіе дня то, что оно содержитъ, и пусть совѣсть твоя надиктуешь тебѣ отвѣтъ, пиши его на бѣленькомъ листочкѣ и старайся не пропустить безъ того ни одного дня. Дашь ли ты мнѣ въ этомъ обѣщаніе, милый Юлій?“ прибавила она, съ нѣжностію меня обнимая. — Я былъ распроганъ ея ласками, и со слезами обѣщавшись исполненію ея требованіе. Выслушавъ мои слова, она вскочила и съ поспѣшностію меня оставила; я было побѣждалъ за нею, но напрасно; она вмигъ исчезла за деревьями. — Черезъ нѣсколько минутъ, услышалъ я въ лѣсу звукъ ночного рожа и стукъ новозки: чувствовало мнѣ, что въ ней побѣжала незнакомка,

и въ самомъ дѣлѣ, я съ шѣхъ поръ не видалъ ее. Прежде я много посковаль объ ней, но попомъ ушѣшился; однако и до нынѣ еще помню шу, кошорая ласкала меня съ машеринскою нѣжностію и научила цѣнишь сладосшныя чувсшва симпатіи, ибо я въ самомъ дѣлѣ полюбилъ ее опъ всего сердца.

Я молчалъ о семъ приключеніи и нишо не зналъ, чшо я еще разъ видѣлся съ незнакомкою. Ночью, подарокъ ея былъ у меня подъ подушкою, днемъ на груди моей, и сія драгоценная книжка хранилась мною и въ училищѣ, куда Герцогъ, вспомнивъ послѣ шого вскорѣ о заслугахъ опца моего, велѣлъ помѣсшншь меня. Часпо я забывалъ прочишывавшъ нравоучишельныя шолкованія; но часпо шакже одинъ взоръ, обращаеый мною на розовую книжку, напоминалъ мнѣ добрую незнакомку съ обшцаніемъ, ей даннымъ, и укрошалъ порывы пылкаго, упорнаго моего характера. Кто можешъ изьяснишь, какими пушями небо ведешъ къ добродѣтели сердце чедовѣческое? Безъ сего приключенія, по видимоу ничего не значущаго, я былъ бы, можешъ спашься, самымъ порочнымъ чедовѣкомъ. Никогда не рассказывалъ я шебѣ о шомъ, Феликсъ, пошому чшо удовольсшвія, кошорыми я наслаждался съ шобою, не оспавляли мнѣ времени воспоминашь о дѣшсшвѣ

моемъ и о сей незнакомкѣ; но здѣсь, въ этой пущынь, при видѣ невиннаго спрадальца, утнешеннаго жесткостію себѣ подобнаго, при видѣ всего, что есть ужаснѣйшаго въ сердцѣ человѣческомъ, я спрашусь сътѣшиться совершеннымъ мизантропомъ, а потому хочу и долженъ воспоминашь о сей женщи-нѣ, кошорая, какъ ангель небесный, явилась предо мною, вѣроятно для того, чтобы укрѣпишь меня на пуши добродѣтели.

При чтеніи сихъ спрокъ, ты конечно скажешь, что въ уединеніи обыкновенно уже слишкомъ много занимающся собою; но право, теперь я ни мало не думаю о себѣ самомъ.

Нѣшь, онъ не безъ ума, не бѣшенный, и я поняшь не могу, почему его такъ имы-ваюшь. Я опяшь его видѣль, говорель съ нимъ; это было въ прекрасный вечеръ Февраля мѣсяца, когда уже начинаеть чл-спивовашъ приближеніе весны; нѣсколь-разъ покушался я опсправившься для прогу-ки въ горы, но еще ни однажды не рѣши-ся исполнись сего желанія: мнѣ жаль былъ огорчишь моего пѣвника, напоминвъ ему о томъ, чѣмъ онъ не можеть наслаждаться; а потому и на сей разъ я довольствовалъ-сь только шѣмъ, что сошелъ на террасу и прохаживался вокругъ сѣвнѣ. Вдругъ

ляется Принцъ, въ сопровожденіи смопрителя замка и двухъ служителей; встрѣча со мною удивила его; безъ всякаго вниманія, даже съ гордостію, поклонился онъ мнѣ: но это было невольное и даже весьма естественное движеніе при видѣ того, кто былъ орудіемъ жестокой власши; вскорѣ доброта души побѣдила сіе чувство; онъ подошелъ ко мнѣ и сказалъ ласково: „какъ мнѣ жаль васъ, бѣдный молодой человекъ! Въ ваши лѣта неприлично жишь въ такомъ уединеніи: тому, кто еще можешь чувствовашь цѣну жизни и ея удовольствія, тому должно бышь здѣсь очень грустно . . . „Ахъ, Принцъ“ ошвѣчалъ я въ умиленіи: „я былъ бы наспоющей эгоистъ, существо презрѣнія достойное, когда бы, находясь здѣсь, помышлялъ только о самомъ себѣ и о наслажденіяхъ, копорыми не могу нынѣ пользовашься!“ Разговаривая такимъ образомъ, мы возвратились на шерасу. Я взглянулъ на Принца; онъ со вниманіемъ смопрѣлъ на меня и дрожащимъ голосомъ спросилъ о моемъ имени. „Юлій, сынъ Генерала Винфельда“ повпорилъ онъ нѣсколко разъ, когда я назвалъ себя: „но мнѣ помнишься, у него не было дѣшей; а сколько вамъ лѣтъ?“ — „Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ мнѣ исполнишься двадцать одинъ годъ,“ ошвѣчалъ я, съ смущеніемъ произнося счепъ

лѣшь, сославляющихъ время его заключенія. — „Двадцашь одинъ годъ? Ахъ, съ вшого времени я ни о чемъ уже не могу знашь! Вас зовущь Юліемъ, не шакъ ли? Сила воспоминаній,“ продолжалъ онъ: „служишь неоспоримымъ доказательствомъ, что душа чловѣческая безсмертна, пошому что и самое время не дѣлаешь никакого вліанія на нравственное бытіе наше. Воображеніе привидишь мнѣ на памяшь всѣхъ прежніа мои смзи споль живо, какъ будшо бы онѣ еще существовали. Я знавалъ вашихъ родныхъ, часшо видалъ вашего бапюшку,“ сказалъ онъ послѣ нѣкошораго молчанія: „и шакъ просшите моему любопышству, и скажите мнѣ, живы ли ваши родители?“

„Нѣшь, Милоспивый Государь, я лишишь ся ихъ еще въ дѣшствѣ: мнѣ было пять лѣтъ, когда бапюшку убили на сраженіи; а чрезъ три года скончалась и мапушка, въ Англїи, куда повхала она съ Принцессою, вашей сесприцею.“

„Въ Англїи! съ моею сеспрою!“ повшорилъ онъ. При сихъ словахъ чершны лица его измѣнились и показывали что-шо мрачное, похожее въ самомъ дѣлѣ на еумасшешивіе. „Такъ, шочно шакъ! Жалкій сирота!“ прибавилъ онъ, простирая ко мнѣ руку. Я схватилъ ее, Феликсъ, и съ сердеч-

нынѣ чувствую прижалъ къ губамъ моимъ. „Прощайше,“ сказалъ мнѣ тогда Принцъ: „прощайше Юлій, я васъ задержалъ можешь бышь вамъ эшо непріятно . . .“ Онъ пошелъ. — „Ахъ! Принцъ,“ вскричалъ я расшоганный его словами, голосомъ, а всего болѣе мыслію о его спраданіяхъ: „будьше увѣрены, чшо первое мое желаніе ешь то, чшобъ доказашъ вамъ, сколь дорого цѣню я ваше сообщество. Яочень желалъ васъ видѣшь, номеня увѣрили, чшо Ваше Высочество никого не принимаете.“ Принцъ горько улыбнулся. — „Вамъ и еще чшо нибудь скажущъ,“ возразилъ онъ очень тихо, ибо смопришелъ замка приближался къ намъ въ сіе время, „не спанемъ шеперь говоришь объ эшомъ. Прощайше, Юлій!“ И крѣпко пожавъ мою руку, скорыми шагами пошелъ онъ къ себѣ. Съ часъ уже слушаю я, какъ онъ играетъ на флейтѣ: какая нѣжная, шрогашельная мелодія! Нѣшь, Феликсъ, звуки сіи не доказываютъ расшроенной головы: они сущъ вопли сердца, расшперзаннаго печалію! Но чшо означаешъ смущеніе, являвшееся на лицѣ его всякій разъ, когда онъ называлъ меня по имени? Неужели эшо дѣйствіе воображенія, возмущеннаго какимъ нибудъ воспоминаніемъ? Можешь бышь, кшо нибудъ изъ друзей его назывался Юліемъ? Онъ съ умиленіемъ про-

вносилъ это имя!... Завтра я его увижу! и — если онъ пожелаетъ, то, никогда, никогда уже не оставлю его, посвящу ему сердце и самую жизнь мою! Нѣжная симпатія, кошорая кажется мнѣ взаимною, влечетъ меня къ Принцу.

Проклятый смошришель замка! Ни одной минутой не могли мы съ Принцемъ побыть наединѣ: или онъ, или кошорый ибудь изъ двухъ служившелей, вѣроятно полученныхъ, безпрестанно шорчашъ при насъ въ комнашъ. Неужели сей церберъ завидуешь злополучному пѣвнику въ ушѣшеніи — пользавашься обществомъ кого ибудь другаго, кромѣ самого его? Я не обязанъ предъ нимъ унижашься и, вопреки его возраженіямъ, уничтожилъ двойную спражу. Вчера, Феликсъ, былъ я у Принца. Онъ принялъ меня въ своей комнашъ, откуда видна рѣка. У стѣны стояшъ два большіе шкафа со стеклами. Въ одномъ книги, а въ другомъ охотничьи ружья. Нѣсколько кляпокъ съ разными пшицами и одна съ прекраснѣйшимъ попугаемъ, разспавлены по окнамъ. Принцъ сидѣлъ на софѣ; у ногъ его лежала борзая собака; предъ софою стоишъ большой столъ, на кошоромъ видѣлъ я бумаги, перья, книги, почешные знаки его званія, сухіе цвѣты, чернильницу, флейшу; и — что меня весьма

удивило, даже ужаснуло, женскую полумаску изъ чернаго бархату. Всѣ вѣщѣ были въ безпорядкѣ разбросаны по столу.

„Не правда ли, Юлій,“ сказала мнѣ Принцъ вспавая: „что шюрма моя не такъ печальна, какъ вы, можешь быть, воображали? воспоминанія мои со мною: никто не можешь лишиться меня сей оспрады!“ — Говори это, онъ сѣлъ на софу и предложилъ мнѣ кресла, воздвѣсившійся. Старая, вѣрная собака проснулась, посмотрѣла на меня, попомъ начала лизать руки своего господина, какъ будто бы хотѣла сказать, что она знаетъ только одного его, и вскорѣ опять заснула. Принцъ погладилъ ее и сказалъ съ нѣжностію; „Поллуксъ и на войнѣ и на охотѣ доказывалъ мнѣ свою привязанность: провидѣніе сохраняетъ его для меня долѣе, нежели сколько обыкновенно продолжается жизнь сихъ шварей; но, кажешься, онъ скоро уже меня оставишь: о, какъ горько мнѣ будешь, если жизнь его окончится прежде моей!...“ Взоръ его съ горестію устремился на собаку и, казалось, говорилъ: „кто будешь любить меня послѣ твоей смерти?“ О! если бы въ сію минушу, онъ могъ чинишь въ душѣ моей, то ясно бы увидѣлъ, что и послѣ смерти Поллукса, у него еще останешься другъ, сердечно ему преданный!

Въ самую эту минушу попугай закричалъ: проси, проси! прощай, прощай!.... „Посмотрише,“ возразилъ Принцъ, улыбаясь: „онъ какъ будто угадалъ мои мысли и ошвѣчаешь на нихъ; и это не рѣдко съ нимъ случается. Право, его разговоры предпочтительнѣе для меня шѣхъ, копорые всегда почти означаютъ пустошу головы и сердца.“

Между тѣмъ я находился въ чрезвычайномъ волненіи, и гошовъ былъ, если бы не удерживало меня присущствіе угрюмаго смотрителя, бросишься къ ногамъ Принца и скажешь ему о живѣйшемъ участіи, какое принимаю я въ его положеніи. Въроятно, онъ примѣшилъ изъ лица моего внутреннее мое движеніе, пошому что немедленно перемѣнилъ разговоръ и началъ спрашивать меня о разныхъ незначительныхъ предвѣшанъ, между прочимъ: люблю ли я охоту и почему не пользуюсь здѣсь этимъ удовольствіемъ? Я спарался ошвѣчать ему хладнокровно и, по возможности, довольно скрывалъ свои чувства; но когда онъ подвелъ меня къ шкафу, и показывая разные ружья, началъ говорить мнѣ о прежней своей спраши къ охотѣ, и о томъ, какъ весело до его заключенія проходило для всѣхъ время въ этомъ замкѣ, тогда я не могъ болѣе владѣть собою, залился слезами,

схватилъ его руку, хопыль прижасть ее къ губамъ моимъ и невольню произнесъ: „а шеперь, о Боже! вы ничѣмъ уже не наслаждаешесь!“ Онъ закрыль мнѣ легонько рошъ рукою; въ эшу минушу подошель къ намъ смошришель замка, но увидѣвъ, чшо мы разсмашривали ружья, удалился, приказавъ одному изъ служишелей спояшь у дверей, именно шому угрюмому существу, кошорое приходило всякй день въ мою комнату разводишь огонь въ каминъ и никогда не опшвѣчало мнѣ на разные мои вопросы. Раздраженный его молчаніемъ, я давно уже не говориль съ нимъ ни слова, а въ эши минушы, присушсшвіе его было для меня почши несшерпимо. Принць взглянулъ на него, пошомъ взяль ружье и, какъ будшо говоря о немъ, сказалъ: „эшошь не можешъ измѣнишь намъ; онъ глухъ и нѣмъ; хишрый смошришель съ намѣреніемъ держишь его у себя; онъ нуженъ ему для исполненія разныхъ шайныхъ порученій; примише видъ равнодушія и не смошрише на меня. Дайше мнѣ воспользовашься сими минушами, любезный Юлій, и сказашь вамъ, чшо я опъ всего сердца полюбилъ васъ; вижу, сколько учасшь моя васъ шрогаешъ... Выбравъ васъ, брашъ мой обманулъ; вы совсѣмъ неспособны для должносши, вамъ порученной; но, прошу

васъ, спарайшесь какъ можно скриванъ
свои чувствва: ваша ко мнѣ приверженность
можешъ погубишь насъ обонхъ.“ При сихъ
последнихъ словахъ, я запрепешалъ и по-
шупилъ глаза. Принцъ, видя, что не узв
пришворяшсь, подошелъ къ окну, оборо-
тился ко мнѣ, и такимъ образомъ измону
служиселю не лзя было видѣшь лица мого.
— После шого онъ долго молчалъ, спо-
прѣлъ на меня, и попомъ съ пришворнимъ
равнодушіемъ сказалъ: „сколько разъ вспрѣ-
чалъ я смершь на моряхъ и въ сраженіяхъ, а
все еще сущесствую!.... Но что значашъ
ужасы войны и бури морскія прошиву во-
женія спрасшей!.... Съ какою силою чув-
ствовалъ попеременно любовь и ненависть!..
Сколько мученій прешерпѣлъ, бывъ жершвом
измѣны, жестокости, коварства!... Толь-
ко среди сихъ спѣвъ обрѣлъ я наконецъ спо-
койствіе, и нынѣ живу въ мѣрѣ съ самимъ
собою. Я всѣмъ проснилъ, и надѣюсь,“ при-
бавилъ онъ, обращая взоры къ небу, “ надѣюсь
и самъ получишь нѣкогда прощеніе. Правда,
я заслужилъ названіе прешупника; но —
послѣ всѣхъ моихъ спраданий, не шеряю на-
дежды на милосердіе Божіе!“ Онъ замолчалъ
и чрезъ нѣсколько минушъ продолжалъ уже
гораздо спокойнѣе: „Юлій, непоняшная се-
ла влечешъ меня къ вамъ: будыше увѣрени,

что нынѣ, если бы я и могъ убѣждать он-
 сюда, то никакъ не рѣшился бы оставить
 это жилище. Свѣтъ давно уже для меня не
 существуетъ; въ немъ нѣтъ ничего, для ме-
 ня любезнаго: все то, что я люблю, и что
 ко мнѣ привязано, находится со мною.,,
 При сихъ словахъ онъ съ нѣжностію взгля-
 нулъ на меня, попомъ на собаку и на птицу.
 Взоры его, на меня успремленные, любез-
 ный Феликсъ, показывали какое-то нѣжное
 чувство, котораго я себя изъяснить не
 умѣю. Ахъ! сколь много люблю я и уважаю
 несчастнаго Принца!... Господь посвящаетъ
 ему всю жизнь мою, если бѣ только могъ
 свободно видѣться съ нимъ, увидѣть его
 и наконецъ получить его довѣренность!
 Никогда еще въ жизни моей не ощущалъ я
 ни къ кому такого сильнаго влеченія, какъ
 къ сему злополучному... Но это не есть
 сила дружбы, Феликсъ: чувство сіе соеди-
 няетъ меня съ шобою! Привязанность моя
 къ Принцу Карлу совсѣмъ другаго рода: она
 соединена съ почтеніемъ, удивленіемъ, со-
 сраданіемъ и желаніемъ бытъ ему въ чемъ
 нибудь полезнымъ. Я не смѣю называть себя
 его другомъ; и лѣпа мои и званіе лишаютъ
 меня правъ на сіе имя; но я увѣренъ, что
 сердца наши соединены сладостною, взаим-
 ною симпатіею. Иногда мнѣ кажется, что

онъ какъ будто желаетъ побдишь чувство, ко мнѣ его влекущее; вздыхаетъ, спараетъ ся опшрашишь опъ меня взоры свои, и вскорѣ опашь обращая ихъ на меня съ чрезвычайною нѣжносшю, по видимому боретъ ся съ какимъ-то пріятнымъ и вмѣстѣ горешнымъ воспоминаемъ. Можешъ бышь ему хошѣлось бы расказашъ мнѣ испорію бѣдшвенной жизни своей и даже опшрышь прешупленіе, въ кошоромъ онъ себя упрекаетъ; но, вѣрояшно, молодосшь моя и порученная мнѣ должносшь удерживающъ его опъ сего намѣренія. *Прешупленіе! Ужасное слово!* Зачѣмъ онъ произнесъ его, зачѣмъ я его услышалъ! Онъ самъ обвиняетъ себя имъ и благодаритъ Провидѣніе, что Оно, удаливъ его опъ свѣта, привело къ раскаиію... Ахъ! всѣ чувства мои въ ужасномъ смяшеніи.... Но какое прешупленіе могла сдѣлать эта крошкая, ангельская душа?..

Онъ нездоровъ, и сего дня меня не прінялъ. Я и самъ болѣнъ: воздухъ здѣсь весьма для меня вреденъ. Я намѣренъ когда нибудь поушру опшправитъ ся въ лѣсъ. Мнѣ нужно движеніе: можешъ бышь прогулка разсвешъ грусь мою. Сердце мое спрадетъ, но кто же на землѣ можешъ радовашъся! Ахъ, и Принцъ несчастливъ!....

Нѣмой приходилъ ко мнѣ по обыкновенію, зашопишь камень: взглянувъ на него, я вспомнилъ о подобныхъ невольникахъ въ Турціи, на кошорыхъ возлагають ужасныя порученія, и невольно содрогнулся. Однако мнѣ должно было загладишь предъ нимъ вину мою: я считалъ его грубіяномъ, тогда, какъ онъ и со всею доброю волею не могъ опшвѣчать мнѣ. Я ласково смошрѣлъ на него, онъ улыбался; я предложилъ ему червонецъ; онъ радосшно посмашривалъ на золото, но не рѣшился взять его, и, какъ будто размышляя объ услугѣ, какую могушь опшъ него за шо пошребовашъ, съ состраданіемъ взглянулъ на окна комнашы Принцовой, изъявляя мнѣ знаками, что въ семь случаѣ ничего не можешъ сдѣлать. Я съ своей стороны шарался увѣришь его, что шшого и не шребую: тогда, взявши червонецъ, онъ низко поклонился мнѣ и вышелъ изъ комнашы. — Эшошь человекъ очень дурень собою, но видъ его не искаazujeашъ злости; можешъ спашься, со временемъ, услуги его будушь мнѣ нужны.

Какъ я не могу видѣшь сего дня любезнаго арешанша, шо и хочу немедленно опшправишься въ лѣсъ.

Посль прогулки.

Богъ знаешь, гдѣ я былъ! Другой пред-
мешъ, заслуживающій учаспіе не менѣе При-
ца, занимаешь шеперь мои мысли.

Приблизясь къ лѣсу, я повхалъ по пер-
вой дорожкѣ, шуда ведущей. Странно, что
судьба безпрестанно являешъ мнѣ что-
нибудь шаиншвенное. Нѣскольکو времени из-
диль я по лѣсу, и однако не перьялъ изъ ви-
ду моего жилища, какъ вдругъ сквозь вѣш-
ви елей, примѣчаю зданіе, совсѣмъ почти
развалившееся. Я пришпорилъ лошадь и
вмигъ очутился у большихъ ворошъ. Мнѣ
чрезвычайно хотѣлось узнать, живешъ ли
кто въ эшомъ замкѣ. Дворъ былъ совершен-
но пущъ; вороша запершы; я старался раз-
смотримъ на нихъ гербъ; какъ вдругъ, сквозь
рѣшетку забора, вижу: опворилась дверь, и
мальчикъ свель съ крыльца какую-шо жен-
щину. Они подошли къ ворошамъ, и пока
оппирали ихъ, я очень могъ рассмотреть
незнакомку, и увидѣлъ, что она была уже
не молодыхъ лѣшъ, имѣла величешвенную
осанку и пріятное лице, на кошоромъ при-
мѣшны были слѣды грусти. Мальчикъ, ко-
шорый вель ее, шепнулъ ей что-шо на ухо;
шущъ прекрасные голубые глаза неизвѣст-
ной дамы начали обращашься на всѣ сто-

роны, какъ будто бы кого искали, и я пош-
 часъ понялъ, что она слѣпа. Мнѣ спало
 жаль ее. Воображеніе вмгъ перенесло меня
 въ прошедшее и образъ доброй незнакомки,
 подарившей меня розовою книжкою, явился
 предо мною: мнѣ показалось, что черпмы
 лица слѣпой дамы имѣли сходство съ шюу,
 кошорая, нѣкогда, ласками своими поселила
 въ сердце моему весьма нѣжныя чувства.
 Мысль сія невольно занимала меня; въ эту
 минушу слѣпая незнакомка, съ юныкъ про-
 водникомъ, вышли изъ воровъ и направили
 путь къ горамъ. Когда они проходили мимо
 меня, мальчикъ опять что-то шепнулъ ей,
 она улыбнулась и — эта улыбка напеча-
 талась въ душѣ моей. Я было хотѣлъ за
 нею послѣдовать, но она пошла шакою про-
 пинкою, по кошорой на лошади невозмож-
 но было проѣхать. Я опять возвратился
 къ замку, въ надеждѣ увидѣть кого нибудь
 изъ людей и спросить о слѣпой дамѣ, но
 никто не повстрѣчался со мною. Около
 часа прошло въ тщешномъ ожиданіи; путь
 я опять увидѣлъ незнакомку, возвращающую-
 юся съ прогулки, но она уже не улыбалась,
 а горько плакала и опирала плашкомъ гла-
 за свои; слезы ея меня шерзали: уже я на-
 мѣревался сойти съ лошади, подойши къ
 ней и спросить ее о причинѣ печали, но

мальчикъ, когда ввелъ ее въ вороша, немедленно заперъ ихъ снушри. Намѣреніе мое оспалось невыполненнымъ и, можешъ бышъ, къ счасію: чѣмъ бы извинишъ мнѣ послѣ свое любопытство и нескромность? — Воспоминаніемъ дѣшсшва? — Но могло ли око послужишъ доспашочною причиною къ моему оправданію?

Я повѣхалъ домой шагомъ, и дорогю размышлялъ о слѣпой незнакомкѣ. Кшо она шакова? Для чего жила въ шакомъ пушомъ мѣсшѣ? Зачѣмъ ходила въ горы? Ошправляясь въ пушь, видъ ея показывалъ веселіе, и ошъ чего же, возвращаясь ошпуда, промывала она слезы? Мысли сіи попережвно занимали меня; погружаясь въ нихъ, я встрѣшилъ одного молодого охошника. „Не можешъ ли, другъ мой,“ спросилъ я его: „скажашъ, кшо живешъ въ эшѣхъ развалинахъ?“

„Какая-то Англичанка,“ ошвѣчалъ охошникъ. „Она слѣпа, но говорашъ, что еще недавно, а прежде, когда она здѣсь шселась, глаза ея шолько болѣли. Она очнш привыкла къ здѣшнимъ мѣсшамъ, всѣ дорогш ей извѣсшны, но по причинѣ слѣпоты, не можешъ ходишъ одна, и меньшей брашшюй всегда ее провожашъ.“

— „Да не знаешъ ли шы, какъ ее зовушъ и ошкуда она?“

„Имя ея, сударь, я часшо слыхалъ, но оно шакое мудреное.... я позабылъ его, а прївхада она конечно изъ Англїи, попому чшо ее всегда называюшъ Англичанкою.“

— „Говоритъ ли она по-Нѣмецки?“

„Какъ нельзя лучше. А съ спарою прїяшельницею своею она говоритъ всегда по-Англїйски....“

— „Такъ она не одна живешъ въ замкѣ?“ —

„Не одна. Ея прїяшельница всегда съ нею, шолько не ходитъ на горы: бѣдняжка не въ силахъ всходитъ шакъ высоко, а слѣпая-шо барыня, и въ дождь и въ снѣгъ, всякій день шамъ бываешъ, особливо по вечерамъ.... Братъ мой взведешъ ее всегда на самую вершину; она шущъ сядешъ, да и слушаешъ, какъ сумасшедшїй господинъ, заключенный въ Шарфшшейнъ, играешъ на флейшъ: она говоритъ, чшо эша музыка ей очень прїяшна. А когда флейшы не слышно, шо она запечалишя и возвращишя домой со слезами. Спранные люди эши Англичане! Но прощайше, сударь, мнѣ болѣе нѣчего сказащъ вамъ.“

И все шаки я не узналъ ничего, кромѣ шого, чшо въ развалинахъ обитаешъ несчастные существо, кошораго звуки флейшы Принцовой прогаюшъ шолько же, какъ

и меня. Англичанка! Это слово возобновляетъ воспоминанія моего младенчества, поселившіяся въ моемъ сердцѣ прежде еще, нежели я видѣлъ незнакомку, кошорая подарила мнѣ розовую книжку. Я помню какъ во снѣ, что машушка моя получала иногда письма изъ Англїи, и читая ихъ, всегда проливала слезы; а когда я спрашивалъ ее, ошъ кого эти письма и о чемъ она плачетъ, шо всегда получалъ въ отвѣтъ, что письма ошъ прекрасной моей пещушки, а слезы ошъ томъ, что эта пещушка несчастлива. И когда я снова спрашивалъ машушку, почему называла она хорошенькую пещушку мою несчастливою, шо причиною тому послѣдствіемъ ея болѣзни. Я не понимаю и не могъ понять, кто шакова была прекрасная моя пещушка, но часто объ ней думалъ и всякій день молился за нее, шо приказанію машушки. Когда сія послѣдняя уѣзжала въ Англїю съ молодою Принцессою, шо я просилъ ее кланяться ошъ меня прекрасной и несчастливой моей пещушкѣ. Признаюсь, что съ этимъ отвѣдомъ я переспалъ думая о пещушкѣ; но самъ не понимаю, ошъ чего, увидя слѣдую незнакомку, невольно о ней вспомнилъ. Жива ли она еще, или уже нѣтъ, я этого не знаю, но знаю только

шо, что теперь, думая о слѣпой Англичанкѣ, не могу не помышлять вмѣстѣ и о ней.

Всю ночь думалъ я о слѣпой незнакомкѣ и о Принцѣ. Мнѣ кажется, что какая-то шайная, чудесная симпатія соединяешь души сихъ несчастныхъ. Извѣстна ли она Принцу? Знаешь ли онъ, что она всякій вечеръ ходитъ слушать игру его на флейтѣ? Конечно нѣтъ; иначе онъ спарался бы каждый вечеръ доставлять ей эту единственную ошраду.

Увы, она и сегодня не услышитъ горестной мелодіи, ее упѣвающей!... Опять будетъ грустить и обливаться слезами!... Принцъ очень болѣвъ; шщечно просилъ я смолришеля замка допустить меня къ нему: онъ съ грубостію ошказалъ мнѣ въ помѣ. Право, эпошь человекъ скоро заспавитъ меня потерянъ шерѣніе. Нѣмой наблюдаетъ всѣ шаги мои и безпреспанно смолришь мнѣ въ глаза; не знаю, по приказанію ли смолришеля онъ шакъ меня пресѣдуешь, или желаетъ сообщить мнѣ что нибудь важное? Сегодня по упру, запопивши каминь, онъ подошелъ ко мнѣ, схватилъ мою руку и, смолря на окна Принцевой комнаты, показывалъ знаками, какъ будто бы

кшо роешь въ землѣ, и попомъ, взявши дорожный мой ларчикъ, посшавилъ его на полъ. Чшо шакое хопылъ онъ изъяснилъ мнѣ? Неужели смерть и погребеніе Принца? Мнѣ шакъ горько спало..... Я было подалъ ему перо, но онъ не умвешъ пишашъ. Съ сей минушы болѣзнь Принца огорчаешъ и шревожишь меня еще болѣе. Я непременно хочу его видѣшь и, въ случаѣ нужды, пошашъ Докшора. Если же спомришешъ вздумашъ ошашъ онказашъ мнѣ, шо я намѣрень упошребилъ власшъ. Въ повелѣніи Герцога шменно сказано объ вшомъ.

Онъ самъ виновашъ. Ты конечно понимаешъ, чшо я говорю о спомришешъ замка. Мнѣ нвчего было дѣлашъ. По моему приказанію, онъ подъ спражешю. Теперь пошешу къ Принцу; можешъ бышь сего дня же все узнаю....

Наконецъ паншомимы нѣмага объяснилъ. Комнашу спомришеша счелъ я не слишкомъ надежною и велѣлъ опшвесилъ его въ башню. Нѣмой, казалось, шому обрадовался и, взявъ меня за руку, привелъ въ его жилище. Тогда, приблизилъ къ одной спшоронѣ комнашы, началъ онъ спшучашъ ногами по полу; я подыалъ доску на вшомъ мѣстѣ,

и увидѣлъ ларчикъ, который легкосыръ своею доказывалъ, что въ немъ находящся не деньги. Поспавивъ ларчикъ на споль, я началъ размышлять, неси ли мнѣ его немедленно къ Принцу, или узнашь прежде, что въ немъ такое? Опасаясь затрудненія и совѣшности Принца, я рѣшился на послѣднее. Открываю ларчикъ, нахожу письмо и еще разныя бумаги съ надписью:

„Принцу Кáрлу. Вручишь въ смертный часъ его, или послѣ смерти Владѣтельнаго Герцога.“

Схвативъ бумаги, я полетѣлъ къ Принцу, и нашелъ его лежащимъ въ постель. „Ваше Высочество,“ вскричалъ я: „эти бумаги принадлежатъ вамъ!“

Принцъ взглянулъ на надпись, и блѣдныя щеки его покрылись румянцемъ. „Не умеръ ли брашь мой,“ спросилъ онъ дрожащимъ голосомъ: „или болѣзнь мою считаешь опасною?“

— „О нѣтъ, Принцъ,“ отвѣчалъ я, и потчасъ рассказалъ ему обо всемъ случившемся. „О Провидѣнїе!“ вскричалъ онъ, привставши и обращая глаза къ небу. Но потомъ, снявъ обершку и взглянувъ на бумаги, въ ней находившіяся, вскричалъ: „возьмите, возьмите эти бумаги, бросьте ихъ, сожгите, оставьте меня умереть, не оп-

кривая никому шого, что долженъ и хоту позабышь!.... Благодарю васъ, Юлій, за вашу приверженность, но, вы не можете знать, какое мученіе причиняете мнѣ ею!...“ И при сихъ словахъ онъ почти безъ чувствъ упалъ на подушки.

„Что вы говорите, Принцъ,“ возразилъ я, падая на колѣни возлѣ его кровати: „нѣтъ, нѣтъ, вы непременно должны прочесть бумаги, онѣ конечно содержатъ что нибудь важное. Зачѣмъ же было бы прятать ихъ такимъ образомъ? Какой-то шайный голосъ говоришь мнѣ, что чтеніе ихъ будешь вамъ очень удивительно. Я не возьму ихъ, дражайшій Принцъ, пока вы не прочтете.“

Казалось, Принцъ былъ въ недоумѣніи и боролся самъ съ собою; но пошомъ, съ пріятною улыбкою, швердымъ, рѣшительнымъ голосомъ, возразилъ: „мнѣ шрудно сказать себѣ, юный другъ мой; непріятно мнѣ и то, что швое ко мнѣ усердіе считается безполезнымъ; но право, я боюсь, чтобы это чтеніе не возбудило во мнѣ прежнихъ мученій, ненависти, которуя наконецъ побѣдила я... Невольно долженъ буду я вспомнить злобу, измену, несправедливость....“

— „Можешъ бышь вы были въ заблужденіи,“ прервалъ я: „можешъ бышь, бумаги вѣши опкроюшь вамъ истину и примиряшь васъ съ пѣвми, кошорыхъ считаеше вы виновными!...“

„Чшо за существо,“ вскричалъ Принць: „говорящее со мною шакимъ образомъ? Твой видъ съ первой минушы лишилъ меня спокойствія, кошорымъ начиналъ было я наслаждаться: ахъ, сколько воспоминаній пробудилось тогда въ душѣ моей!...“

— „Можешъ спашься, Принць,“ опвѣчалъ я: „самъ Богъ призывалъ меня сюда, чшобы я служилъ орудіемъ къ облегченію вашей учасши!...“

„Молодой человекъ! можешъ ли шы проникашь въ глубину судебъ Божіихъ!... По Его волю продолжajúтся мои спраданія; но, — слава Его милосердію! сердце мое очиснилось ими: на чшо же мнѣ добровольно возвращаешь къ прешупленію?... Если вѣши бумаги, какъ я уже сказалъ, должны возжечь снова искру ненависти, едва только поухшую въ душѣ моей, то не лучше ли вовсе не чашать ихъ?“

— „Нѣшь, Принць,“ вскричалъ я съ шакою смѣлостію, кошорая самого меня удивила: „нѣшь, эшо не ешь искушеніе: десница Божія ведеть насъ къ опкрытію

испины! — Не по Его ли опредѣленію посланъ я сюда, чшобы ошкрышь шайну, извѣсшность кошорой легко можешъ прекрашшь ваши мученія?...“ Принць молчалъ и казалось удивлялся словамъ моимъ. „Юлій,“ сказалъ онъ спусшя нѣсколькo минушь, „вамъ извѣсшно, чшо я былъ въ сумасшесшвіи, кошорое доходило до бѣшенсшва: боюсь, чшобы эти бумаги не возобновилъ ужаснаго моего положенія.... Нѣшь, нѣшь, лучше ошавашься въ неизвѣсшности...“

— „Вѣрше, Принць,“ возразилъ я: „чшо если бы онѣ содержали чшо нибудь шакое, чшо могло бы сдѣлать васъ еще несчастнѣе, шо давно бы уже ихъ вамъ вручили; но нѣшь, предчувсшвіе говорилъ мнѣ, чшо чшеніе оныхъ досшавилъ вамъ неожиданное ушѣшеніе.“

Онъ печально покачалъ головою, и однако принялся за бумаги. „Ахъ! молодой человекъ,“ сказалъ онъ шихо: „шмы не понимаешъ, не можешъ вообразилъ себя, на чшо засшавляешъ меня рѣшилъся!“

Онъ взялъ пакешъ, взглянулъ на печашъ и, вскричавъ: „ошъ брата!“ вмигъ сорвалъ ее. Въ продолженіе чшенія, глаза его сверкали и цвѣшь лица нѣсколькo разъ перемѣнялся. „Возьми его, Юлій,“ вскричалъ онъ, подавая мнѣ письмо: „прочши, но, ради Бога,

удались: я хочу бытъ одинъ. Жалѣй, жалѣй о томъ, кшо двадцашъ одинъ годъ былъ жершвою обмана! О, Юлія! какъ я виновень предъ шобою!... И я могъ почишашъ себя въродомною!....“ Онъ замолчалъ и указывалъ мнѣ на дверь. Я повиновался. Въ самомъ дѣлѣ, положеніе его шребовало уединенія.

Я слыхалъ о Графинѣ Юліи Блендгеймъ, бывшей Спашсъ-Дамою Герцогини. Оба брата влюбились въ нее, и спрасшъ сія была причиною ихъ вражды и сумасшесшвія Принца Карла, кошорому, говоряшъ, она измѣнила. Нѣкоторыя слова злополучнаго арешанша еще болѣе убѣдили меня въ шомъ. Я зналъ, что любовь содѣлала его бѣдшвіе, и сильно негодовалъ на Юлію, върояшно давно уже несущесшвующую, какъ на женщину въродомную, бывшую главнѣйшею причиною всѣхъ несчасшій Принца. Но нѣшъ, я, шакже какъ и онъ, находился въ заблужденіи. Прочши письмо брата его, и шогда шы узнаешъ, какого злоумышленія былъ онъ жершвою. Теперь неоспоримыя доказашельсшва невинности шой, кошорую Принцъ любилъ шполь нѣжно, находяшся въ рукахъ его, и конечно послужашъ бальзамомъ для сердечныхъ его ранъ. Но какъ же можно не возненавидѣшъ ему еще болѣе сего

жесточаго брата, который оставил его
помышля споль долгое время во врахъ не-
извѣстности, и хотѣлъ открытъ испину
сполько тогда, когда жертва его находилась
бы уже при врагахъ смерти?

„Владѣтельный Герцогъ къ Принцу
Карлу.

„Минуша, въ которую ты будешь чи-
„шашь сіи спроки, должна прекрашишь
„всякую горестъ, всѣ полезныя покушенія и
„даже самую вражду. Ты хотѣлъ лишишь меня
„жизни, я отнялъ у тебя свободу; мы кви-
„шы: переспанемъ же ненавидѣшь другъ дру-
„га! Я не хочу, чшобы у престола Вѣной
„Испины ты подозрѣвалъ невинность и об-
„винялъ швоего брата въ шомъ, что онъ
„допустилъ тебя умереть въ заблужденіи.
„Въ сію торжественную минушу, я не мо-
„гу уже ничего скрывать ошъ тебя. Лег-
„ковѣрный! Для чего допустилъ ты опу-
„шашь себя съшыми обмана, оподозривъ сер-
„це, которое исключительно тебѣ принад-
„лежало? . . . Ревность ослѣпила тебя: ты
„не хотѣлъ внимаешь шѣмъ, которые могли
„объяснить тебѣ испину, и вѣрилъ людямъ,
„издѣвавшимся надъ швоею престопою.
„Твой разумокъ повергла въ заблужденіе —

„любовь; а мой — зашмиль духъ мщениа! . . .
 „Я былъ презираемъ, опшвергнушь шою, ко-
 „шорую обожалъ еще прежде, нежели она
 „тебя узнала; тебя, кошорога полюбила она
 „съ первой минушы свиданя, тебя-шо и
 „возненавидѣлъ я всей душою! Ты не могъ
 „подозрѣвашъ меня въ эшомъ! Повѣрь мнѣ,
 „Карль, чшо я спрадалъ болѣе, нежели самъ
 „шы! По крайней мѣрѣ ты былъ любимъ
 „ею, а меня она ненавидѣла и гнушалась
 „мною: суди о моемъ несчастіи, о моемъ
 „бѣщенствѣ, когда я скажу тебѣ, чшо ни
 „ласки, ни угрозы, ни самое предложеніе
 „брака не могли поколебашъ постоянства
 „швоей Юліи: она оставила дворъ, споли-
 „цу, можешъ бышь давно лишилась жизни;
 „и — все эшо для шого, чшобы пребышь
 „тебѣ вѣрною!

„Ты легко можешъ поняшь, чшо поли-
 „шическія соотношенія наши не дозволяли
 „мнѣ опкрышь тебѣ истину, прежде насшу-
 „яленія минушы, въ кошорую кшо нибудь
 „изъ насъ долженъ будешъ разшашься съ
 „жизнію. Я не хотѣлъ, чшобы мы явили
 „собозрѣлице враждующихъ брашьевъ: эшо
 „легко бы могло сдѣлаться опаснымъ для
 „блага общеспвеннаго. Спокойствіе, поль-
 „за моего Государства пребовали жершвы:
 „одинъ изъ насъ долженъ былъ умереть; при-

„знайся, могъ ли бы ты, будучи на моемъ
 „мѣстѣ, уступить добровольно власть и
 „правленіе надъ Государствомъ кому нибудь
 „другому?... Согласился ли бы ты тогда
 „уступить мнѣ Юлію?... Такъ, Карлъ,
 „мое опкрытіе, мои желанія и пламенныя
 „чувства, равно снѣдающія сердца наши,
 „дѣлали насъ непримиримыми врагами. Ни
 „узы крови, ни честь нашихъ семействъ, ни
 „спраха политическій, не могли укротить
 „нашей ненависти. — Чшо же оспавалось
 „дѣлать? Обмануть себя!... Ревность есть
 „змѣй, копорого ядъ, изливаясь въ сердце,
 „помрачаетъ и разумъ: ее умѣли возжечь
 „въ груди швоей и обратишь къ собствен-
 „ной швоей гибели; но я самъ чуть бы-
 „ло не сдѣлался жертвою моихъ злоумышле-
 „ній. Повѣривъ, что Юлія согласилась, изъ
 „честолюбія, на мое предложеніе, ты при-
 „шелъ въ ужасное бѣщенство и едва было
 „не лишилъ меня жизни; послѣ сего поку-
 „шенія, ты самъ былъ бы осужденъ на смерть,
 „если бы я прибѣгнулъ къ законамъ. Эта
 „мысль приводила меня въ шрепешъ, и од-
 „нако, послѣ сего намъ непременно уже дол-
 „жно было разшаться; я рѣшился объ-
 „винить тебя сумасшедшимъ, и заключить
 „въ сей замокъ, бывъ увѣренъ, что ты ко-
 „нечно не рѣшишься искать средствъ для

„возвращенія себя свободы, ибо свѣтъ не
 „являлъ себя уже ничего привлекательнаго.
 „Теперь ты свободенъ! — забудемъ прошед-
 „шее! — Юлія всегда хранила къ тебѣ чув-
 „ство нѣжности: престолю, ошечество,
 „родственниковъ, друзей, она все для себя
 „оставила; скрылась, — и я съ тѣхъ поръ
 „не видалъ ее. Опекунь ее хошѣлъ было по-
 „слать къ тебѣ ея записки послѣ своего
 „отъѣзда въ замокъ Шарфштейнъ, но онѣ
 „попались въ мои руки. Я могъ бы узнать
 „изъ нихъ всѣ помышленія сего нѣжнаго,
 „чувствительнаго сердца; могъ бы, но не
 „хошѣлъ, зная, что не въ силахъ буду рав-
 „нодушно прочитывать изліяніе любви ея
 „къ моему брату и ненависти ко мнѣ. И
 „такъ не читавши сего журнала, я опдалъ
 „его на сбереженіе своему надзирашелоу, съ
 „приказаніемъ вручить тебѣ не прежде,
 „какъ въ минушу смерти кошораго нибудь
 „изъ насъ. Если я умру прежде, ты, по
 „праву, вступишь на престолоу. Я уже все
 „устроилъ, чтообъ сдѣлашь въ шо время из-
 „вѣстнымъ, какъ мгновенно было свое
 „сумасшествіе. А если своя кончина пред-
 „упредишь мою, шо, умоляю не лишишь ме-
 „ня прощенія, и самъ равно во всемъ себя
 „прощаю. Забудемъ прошедшія заблужденія
 „наши! Съ лѣтами спановимся мы разсуди-

„шельнѣ, и уже съ ослонришельностью
 „продолжаемъ пушь жизни до самой шой
 „минушы, въ кошорую свѣтъ испиним, оза-
 „рая сльвошу нашу, являешъ намъ все пред-
 „мешы въ насшоящемъ ихъ видѣ: да укрь-
 „пишь шебя самъ Богъ на семь шрудномъ
 „переходѣ!.....

Брашь швой,
*Герцогъ ***.*“

Феликсъ, любезный Феликсъ! на кого
 дѣлаешся похожъ человекъ, когда спрасши
 овладѣюшь его душею? Можешъ бышь, въ
 юноспи, сѣи брашья были дружны между
 собою, но попомъ, какое ужасное пламя не-
 согласія возгорѣлось между ними!... И всему
 причиною любовь, спрасшь, кошорая дол-
 женспвовала бы, казалось, возвышанъ ду-
 шу!... — Заполучный Принць! шеперь я
 понимаю, въ какомъ пресшупленіи шы себя
 обвиняешъ! въ покушеніи на брашоубій-
 ство!... Но двадцать одинъ годъ испиня-
 го, сердечнаго раскаянія, конечно уже загла-
 дили его предъ очами Безконечнаго Мило-
 сердія. Герцогъ, кажешся мнѣ, гораздо винов-
 нѣ своего браша. Сколько времени провелъ
 онъ, услаждая духъ свой мщеніемъ и мыслию,
 что разлучилъ два сердца, кошорыя, безъ
 него, наслаждались бы совершеннымъ счасти-

емь!... Сколько хитроспесей, обмановъ и всѣхъ низкихъ уловокъ долженъ былъ онъ упошребить, чшобы шого достигнуть; и могъ ли, послѣ, бышь спокоенъ хошя на одну минушу? Злой духъ можешъ овладѣшь на нѣкошорое время человѣческой душою и доведши ее до ужаснѣйшихъ преступленій; но онъ не силенъ заглушишь въ ней на вѣки угрызений совѣспи: сія послѣдняя, рано или поздно, непременно должна пробудишь-ся въ душѣ преступника: шерзая его, мстишь за угнешенную невинность и не рѣдко возвращаешъ спокойствіе и самому злодѣю, если онъ, виявъ гласу ея, прибѣгнешъ къ раскаянію. — Герцогъ не слышишь еще се-го гласа; однако же въ письмѣ къ Принцу онъ обѣщашъ ему награду послѣ своей смерти, за все, имъ прешерпѣнное. Но, о Боже! переживешъ ли его сей несчастный? Вчера, цѣлый день провелъ я въ ужаснѣйшемъ безпокойствѣ. Принцъ заперся въ своей комнашѣ: нѣсколько разъ подходилъ я къ двери, но все понапрасну. Ахъ, Феликсъ, если его сердце, ослабѣвшее ошъ горести, не перенесешъ сихъ движеній?... Если.... Но — меня зовушь къ нему, я лечу....

Въ сильномъ волненіи вбѣжалъ я къ нему въ комнашу. Онъ взглянулъ на меня и

улыбнулся. „Успокойся, милый Юлій,“ сказала онъ ласково: „ни шѣло, ни душа моя не спраждушъ; но я подобень слѣпому, кошорому сей часъ шолько возвратили зрѣніе: не могу сносить свѣша, и пошому долженъ побышъ еще нѣсколько времени въ шемношѣ. Любезный другъ! мнѣ нужно собраться съ мыслями, чшобъ я могъ повѣришъ шому, чшб до сихъ поръ казалось мнѣ невозможнымъ. Ошавъ меня на одинъ день; не присылай ни Докшора, ни лекаршвъ: если пещу за нужное, шо самъ попрошу шебя объ эшомъ. Всего для меня полезнѣе бышъ съ шобою, милый Юлій, но, — до завшра. — Завшра, завшра мы увидимся.“

Я поклонился, и хошѣлъ уже ишши, какъ вдругъ Принцъ схватилъ мою руку, показав ее съ чувшвомъ нѣжности и сказалъ: „Я зналъ, юный другъ мой, чшо шы обо мнѣ беспокоишся, и по эшому шолько послалъ за шобою; шеперь шы самъ видишъ, чш мнѣ нужно уединеніе. Поди, завшра мы увидимся, а шеперь, я хочу пригошовишъ себя къ шому, чшобъ перенесшъ новыя движенія, кошорыя, можешъ бышъ, меня ожидающъ.“

Вмѣсто всякаго отвѣша, я приказавъ руку его къ ушамъ моимъ и къ сердцу. „Любезное дитя!“ прибавилъ Принцъ, нѣжно улыбаясь и со вниманіемъ смотря на меня!

„милой Юлій!...“ но вдругъ замолчала, и ношомъ, подумавъ нѣсколько: „прочти это,“ прибавилъ онъ, собирая бумаги, разбросанныя на поспелъ, и подавая ихъ мнѣ: „прочти, и ты узнаешь, что я чувствую; можешь бышь...“ Онъ остановился, уныніе снова показалось на лицѣ его: „читали ли вы письмо моего брата?“ спросилъ онъ меня чрезъ нѣсколько минушъ.

— „Читалъ, милосливый государь!“

„Милосливый государь!“ возразилъ онъ съ горестію: „что значишь это названіе? Юлій, когда ты еще не читалъ письма, то называлъ меня своимъ любезнымъ Принцемъ: ужели оно перемѣнило швое сердце? Ахъ, шакъ ты узналъ, что я заслуживаю имя братаубійцы?... Юлій! ты меня ужасаешься?...“

О! Феликсъ, если бы ты могъ видѣшь, какая горестъ изобразилась на лицѣ его въ ту минушу! Я былъ пораженъ, бросился къ ногамъ его и со слезами увѣрялъ, что это названіе упошребилъ совершенно безъ намѣренія. Мое волненіе увѣрило его въ истиннѣ словъ моихъ: онъ распрогадся и обнялъ меня съ нѣжностію. „Увы!“ сказалъ онъ: „когда я часшо самъ себя ужасаюсь, шо мудрено ли мнѣ подумать, что и другіе взираюшъ на меня съ содроганіемъ? Пись-

мо Герцога напомнило, мнѣ самую ужасную минушу... О, для чего не могу я возвратишь прошедшаго!... Но, слава Веевышнему! Онъ удержалъ руку мою, и — прештупленіе не совершилось!... Благодарю моего брата, что лишилъ меня свободы; уединеніе побудило меня вняшь гласу раскаянія; благодарю его и за шо, что онъ прислалъ ко мнѣ друга! Спупай, милый Юлій; мнѣ нужно успокоиться; прочти эти бумаги; и знаю, что ты будешь проливатьъ слезы; но — заклинаю себя, не возымѣй ненависти къ несчастному, кошорый легковѣріемъ своимъ и напрасными подозрѣніями повергъ въ ужасную бездну ангела красоты и невинности: всѣ наши соотношенія будутъ впрѣдъ зависѣть отъ того, какое впечатлѣніе произведешь въ себя чтение сихъ бумагъ.“

Примѣшивъ, что уныніе его умножалось, я поклонился, и взявши бумаги, съ поспѣшностію его оставилъ.

Я прочиталъ ихъ, Феликсъ, и въ продолженіе цѣлой ночи переписывалъ манускриптъ для себя, моего друга! Чувствованія мои были бы для меня тяжкимъ бременемъ, если бы я не могъ ихъ сообщитишь тебѣ: чистай нѣжныя изліянія души невин-

ной, чувствительной, и жалобы сердца, несчастіями угнетеннаго. Крошкая, милая Юлія! для чего тебѣ суждено было, на пупи жизни сей, встрѣпишь два существа, съ характерами, столь противоположными!... Спирасная любовь одного и безчеловѣчіе другаго погубили тебѣ невозвратно!..... Феликсъ, въ сіи минушы душа моя занимается только ею; но нынѣ, я думаю вмѣстѣ и о томъ, кого она столько любила. Несчастливая Юлія! Злополучный Карлъ! Но что я говорю? Прочти самъ, и тогда узнаешь все, что я чувствую.

(*Продолженіе впрѣдъ.*)

II.

К Р И Т И К А

I.

Замѣчанія на книгу: Военное Красновѣчіе.

(*Окончаніе.*)

Глава V. О словахъ.

И здѣсь Г. Сочинитель возвращается къ понятіямъ, и, между прочимъ, говоритъ: „къ почному изображенію мыслей и чувствованій, необходимо пребудуся *ясныя*“

понятія о предметахъ и значеніяхъ словъ."
 — Ясное понятіе, коимъ только различаемъ
 одинъ предметъ отъ другаго, не предша-
 вляя еще ошличительныхъ знаковъ его, со-
 ставляетъ самую низшую степень въ по-
 знаніи. Какъ же можемъ мы изображать
 почно мысли и чувствованія, когда, имъ
 одно только ясное понятіе, не имѣетъ еще
 мыслей, богатство коихъ всегда состоитъ
 въ обильномъ, раздѣльномъ и подробномъ
 синтетическомъ представленіи знаковъ? Не
 представляя дослапочнаго, по цѣли, числа
 ошличительныхъ знаковъ предмета, не мо-
 жемъ исполняться, къ нему или противъ
 него, и должныхъ чувствованій.

Далѣ (спр. 22) Г. Сочинитель, раздѣ-
 ляя слова по времени, успарѣвшія изъ нихъ,
 вышедшія изъ употребленія, называетъ *древ-*
ними, хотя многія древнія оспаются въ
 употребленіи, и безъ всякой перемѣны въ
 значеніи. Въ числѣ *новыхъ* (шамъ же) по-
 савлены между прочими и *взятые изъ*
древняго нарѣчія. Обыкновенныя у него
 сушь що же, что и *употребительныя*. Сло-
 ва *повсемѣстныя* имѣюшь преимущество
 предъ *областными*. Всѣ ли? какія? въ ка-
 кихъ случаяхъ? Чисашели, сами догадывай-
 шесь! — Немногое можно ошпѣнить и въ
 савашъ объ ошпѣнкахъ словъ, составляю-

щей конецъ главы; вездѣ одинаковая неопредѣленность. Г. Сочинитель еще переводитъ насъ въ *Логикѣ*.

Глава VI. О предложеніяхъ.

Недоспашочно опредѣливъ сужденіе въ IV главѣ, Г. Сочинитель не упомянулъ ни о подлежащемъ, ни о сказуемомъ, ни о связи. Говоря о предложеніи, онъ поясняетъ ихъ, назвавъ подлежащее — *именемъ вещи* (какой? этого, по его мнѣнію, читатель знаетъ не долженъ) и Лашинскимъ словомъ *subiectum*, а сказуемое *названіями ея* (вещи) *принадлежностей* и Лашинскимъ словомъ *praedicatum*. Связь между вещію и принадлежностями ея объясняется у него рѣченіемъ — *nexus*; а связь между подлежащимъ и сказуемымъ есть *correla*. И что въ учебной книгѣ?

Раздѣливъ предложенія (по какой категоріи? — шайна) на *утвердительное* и *отрицательное*, первое опредѣляетъ также невнятно, какъ шо сдѣлано и съ сужденіемъ; а „*отрицательное* предложеніе,“ по его словамъ, „*есть шо, въ кошоромъ сказуемое отрицается отъ подлежащаго.*“ — Неужели Г. Сочинитель не знаетъ того, что подлежащее и сказуемое не только въ опредѣленіи, но и во всякомъ предложеніи, не должны быть понятія шождезначашія? Кто

нашь уразумѣешь, когда мы будемъ говорить: *отрицательное отрицаетъ, утвердительное утверждаетъ*, одна связь — *petis*, другая — *corula* и шакъ даље?

Еще спранные опредѣляющія предложенія *умозрительное* и *дѣлительное* (теоретическое и практическое). Въ первомъ „приписывающія подлежащему дѣйствію, спраданія или качества изъявительнымъ образомъ (*indicativo modo*).“ — По этому предложеніе — *солнце свѣтитъ*, которое Г. Сочинитель, на той же 26 страницѣ взвеличалъ *чувственнымъ* (предложеніе его собственнаго изобрѣшенія), будешь также и умозрительное!! — Предложеніе „дѣлительное есть то, въ которомъ говорится что нибудь повелительно“ (*imperativo modo?*). — И шакъ предложеніе: *въ дѣлахъ важныхъ необходимо должно поступать съ осторожностію*, не будешь практическое?

Г. Сочинитель, недовольный раздѣленіемъ предложеній на *умозрительныя* и *дѣлительныя*, за лучшее почишаешь, какъ изясняешь самъ, раздѣлишь ихъ еще на *чувственныя*, *умственные* и *дѣлительныя*. Здѣсь послѣднія два опредѣлены ошлачиво ошь прежняго, хотя шакже неудачно, а *чувственное* во многомъ сходствуешь съ

умозришельнымъ первой поспройки; ибо и въ шомъ и другомъ сказуемья, между прочимъ, содержащъ дѣйствія и спраданія. Чувшвенныя предложенія, въ Логикъ новосшь!

Наконецъ, (спр. 27) являющся у Г. Сочинишеля двѣ кашегоріи (новосшь!): — *пространство* (*) (еще новосшь!!) и *количество*. Г. Сочинишель, не показавъ, что такое *родъ, видъ и недѣлимое* (объ нихъ рѣчь будещъ послѣ), раздѣляещъ предложенія по *пространству*, на *общія* и *частныя*. Особенныя предложенія въ его проспраншво не входящъ; „*общія* его предложенія, въ подлежащемъ или въ сказуемомъ, заключающъ родъ и видъ; а *частныя* заключающъ *недѣлимое*.“ — (!!) *Этотъ человекъ* (Иванъ) *умень* — ещъ предложеніе часпное? *Нѣкоторые люди имбютъ умъ* и *всѣ люди суть животныя разумныя* — равно сушь

(*) *Время* и *пространство* (tempus et spatium) сушь формы той связи вещей, въ каковой онѣ, по чувшвеннымъ знакамъ своимъ, являющся въ мирѣ. *Время* наполняещя бышіемъ вещей, а *пространство* самими, совокупно взятыми вещами. *Кашегорій* же, по кошорымъ повѣряющся сужденія, обыкновенно полагающъ чепыре — *количество*, *качество*, *отношеніе* и *образъ* (modalitas). Нѣкоторые сей послѣдній включающъ въ кашегорію отношенія. *Замл. Соч.*

предложенія общія? — По количеству, предложенія раздѣлены на *простыя* и *сложныя*, и опять касательно подлежащаго и сказуемаго: чѣмъ же ошлнчающся они опть общнхъ и частныхъ, шо естъ особенныхъ?

Г. Сочинитель заключаетъ главу мыслью: „Писатель не можетъ всегда составлять рѣчи своей изъ однихъ предложеній; ему нужно весьма часто распространять оныя.“ — Я не знаю рѣчи, кошорая бы не состояла изъ предложенія. Рѣчь распространяется не пошому, (воля ваша, Г. Сочинитель!), что Писатель не всегда можетъ составлять ее изъ однихъ предложеній: надлежало бы найти другую причину распространения.

Глава VII. О источникахъ изобрешенія.

Г. Сочинитель „источниками изобрешенія“ называетъ „общія мѣста, изъ кошорыхъ Писатели берутъ мысли для распространения предложеній.“ — Цель изобрешенія *распространеніе предложеній!* О прилчнн мысли предмету — ни слова; пишете что угодно, лишь бы предложенія были распространены. Если бы Г. Сочинитель преподавалъ правила Логикн въ порядкѣ и опредѣленнѣ, не нужно бь было прибавлять къ снмъ общнмъ мѣстамъ, кошорыхъ

примѣненіе шакъ шрудно для начинающаго писашь, и кошорыя вовсе бесполезны спашивашься у него; ибо онъ не разсудилъ за благо показашь, въ какого реда сочиненіи и какимъ мѣспомъ особенно можно пользо-вашься; а многія изъ смхъ мѣспнъ пошемнилъ своими объясненіями, или предспавилъ ихъ въ ложномъ видѣ.

Такъ, учащійся не можешъ хорошо уразумѣшь, чшо шакое *цѣлое*, чшо *часть* (спр. 29), шѣмъ болѣе, чшо и *родъ* названъ (спр. 33) *цѣлымъ умственнымъ*, въ прошивоположность *цѣлому чувственному*.

Цѣлое и части не опредѣлены, а опредѣленія *рода* и *вида* шполь не вѣрны, чшо самого Г. Сочинишеля ввели *in absurdum*. *Родъ* называешъ онъ (спр. 33) „классомъ подобныхъ видовъ, а *видъ* классомъ подобныхъ недѣлимыхъ.“ Раздѣляя родъ — *животное безмысленное*, на виды (спр. 35), говоришь: „изъ безмысленныхъ кныя пресмыкающія по землѣ, другія лешающъ по воздуху; иныя плавающъ въ водѣ, другія обшашающъ въ лѣсахъ; по причинѣ сего различія и сходшва, онъ (человѣкъ) назвалъ однихъ *насъкомыми*, другихъ *птицами*, иныхъ *рыбами*, мныхъ *звѣрями* и ш. п. — И шакъ у Г. Сочинишеля и охошничья собака, пресмыкающаяся по болошу — *насъ-*

комое? И егеръ, прокрадывающійся ползкомъ, иногда на большое пространство, къ непріятелю, и ползающій младенецъ — сушь *насъкомыя*, а посему и *безсмысленныя*? Комарь, муха, пчела, бабочка, сушь *птицы*? они лешаюшь. Мысль человѣческая, Ангель, сушь *птицы* и *безсмысленныя*: лешаюшь! И ракъ — *рыба*, ибо плаваешъ въ водѣ!! Водолазы сушь *рыбы* и *безсмысленныя*; ибо плаваюшь въ водѣ. Дровосѣкъ, пушпникъ — *звѣри* и *безсмысленныя животныя*; живушь въ лѣсу!!... Не говорю о томъ, что Г. Сочинишель смѣшалъ *насъкомыя* съ пресмыкающимися. Вошь что дѣлаешъ необдуманное опредѣленіе! Можно ли послѣ сего винишь молодыхъ нашихъ Писателей, когда они смѣшиваюшь въ одно предсшавленіе несовмѣспныя? Правы, правы! Ихъ учаешъ тому! Если бы Г. Сочинишель прибавилъ въ опредѣленіи *рода* и *вида*, что они состояшъ изъ подобныхъ не по случайнымъ, а по сущеспвеннымъ, неизмѣннымъ и неопшъемлемымъ знакамъ, то не всталъ бы самъ въ шакія нелѣпности, и предосшерегъ бы ошъ нихъ и молодыхъ своихъ чиншателей.

Дѣйствиа и *страданія* (сшр. 37) у Г. Сочинишеля сушь одно и то же; по крайней мѣрѣ изъ объясненій его и примѣровъ разноспи не усмошрише. По его мнѣнію,

„существо, одаренное собственною силою, действовашь, можешь действовать болѣе, „неодушевленнаго.“ — Правда ли? — При сей спашь, нельзя также не пожалѣшь, что Г. Сочинитель представляешь молодымъ людямъ опца Словесности Россійской со споронъ въ немъ слабѣйшей. Неужели слава Ломоносова оскорбляетъ его? Почто брашь въ образецъ его сужденія о предметахъ Химіи? Можно бь было въ швореніяхъ, приносящихъ ему болѣе чести, найти примѣръ того, какъ заимствующая мысли опъ дѣйствій и спраданій.

„Качество (спр. 39) бываетъ чувственное и умозрительное.“ — Положимъ, правда. — Но „умозрительное качество ешь „умозаключение (?), кошорое выведено изъ „дѣйствій и спраданій предмета“ (!!). Должно замѣнишь, что Г. Сочинитель *качество вообще и чувственное называетъ принадлежностями* (спр. 39 и 40). *Характеръ, въ кошорый входяшь и дѣйствія и спраданія, ешь по же, что и качества!* „Качество, сьва бьвають умозрительныя и чувственные, а принадлежностямъ, кошорыя (спр. 41 и 42) сьшь все то, что приписуется предмету, бьвають *существенныя и случайныя.*“ — Какое смѣшеніе! Опъ такой *Логика — бьда природной!*

„Всѣ противоположные предметы (безъ исключенія?) вмѣстѣ бытъ не могутъ“ (спр. 43). „Предметы чувственные мы противопологаемъ одинъ другому, усматривая различіе въ степеняхъ ихъ качествъ, дѣйствій и такъ пр. Но умственные понятія, бывающія существенно противоположны одно другому; ибо умъ, составляя оныя, всегда оныхъ одного отрицалъ по, что другому приписывалъ.“ — Подлинно, всего сказаннаго здѣсь Г. Сочинителемъ, совѣститься невозможно!

Пропускаю *мѣсто* (спр. 46) и *время* (спр. 47); ибо много и мѣста и времени потребовалось бы на разборъ ихъ. Спрошу только, для чего опредѣляешь сіи два источника мыслей, когда ни одинъ физическій предметъ не можешь бытъ представлень при одной изъ сихъ формъ? — Примеры, приведенные Г. Сочинителемъ, доказываютъ, что мѣсто (или пространство) и время неразлучны: опредѣляя предметами мѣсто, опредѣляемъ явленіями ихъ и время, и на оборотъ.

Спр. 52. „Причиною можешь называть все то, что *собственною силою* (?) произвело вещь или содѣйствовало только къ ея произведенію.“ — Подтвердивъ свое опредѣленіе, на той же страницѣ, при раз-

сужденія о *главной* или *дѣйствующей* причинѣ, (что одно и то же?), Г. Сочинитель не заботился о томъ, что противорѣчишь самъ себѣ въ опредѣленіяхъ причинъ — *вещественной* (стр. 53), *конечной* (стр. 54) и *орудной*, кошорыя уже не собственною силою производящъ: ибо, по его мнѣнію, „*вещественная* причина есть то вещество, „изъ кошорого соспавленъ предметъ чув- „*ственный*; *конечная* есть та цѣль, для „кошорой что нибудь дѣлается — (она мо- „жетъ назваться *побужденіемъ*, *принуждаю-* „*щимъ*, такъ скажешь, человекъ къ дѣйствію) „(стр. 54); *причина*, *служащая орудіемъ* „(стр. 55) дѣйствующей причины, участв- „вуетъ всегда въ ея произведеніяхъ.“ — Изъ чего же можно видѣшь, что сіи причины производящъ *собственною* силою? Но сказанное о причинѣ вообще непременно должно относитьъ и ко всѣмъ ея видамъ. Неужели *вещество* (матеріаль, запасъ) нужно только для произведенія предметовъ чувственныхъ? — Разсуждая о *добродѣтели*, *Вѣрѣ*, *Богѣ*, мы не сошворяемъ чувственныхъ предметовъ: буквы, кошорыми выражаемъ свои мысли о сихъ великихъ предметахъ, бумага, на кошорую изливаемъ ихъ, не суть однако вещество сихъ разсужденій? — *Довольная причина*, по мнѣнію Г.

Сочинителя, составляет особенный рядъ, а не есть принадлежность, общая вышенаименованнымъ причинамъ. Но какое произведение не можетъ быть совершенно, если причины его, дѣйствующая, вещественная, конечная и орудная, не будутъ довольны, то есть, достаточны. Объясненіе довольной причины общано въ IX главѣ, по Г. Сочинитель не сдержалъ своего слова: тамъ есть объясненіе, только на что-то другое.

Спр. 56. *Обстоятельства*, высказанные здѣсь, какъ особенный источникъ мыслей, содержатъ въ себѣ время, мѣсто, признаки, предшествовавшіе и послѣдовавшіе дѣйствию, причины и орудія. Спрашивается: зачѣмъ же называть общоименнымъ особеннымъ источникомъ мыслей? Или, зачѣмъ говоришь особливо о понятіяхъ, къ нимъ относящихся? *Довольная причина осталась безъ объясненія.*

Спр. 60 и 61. — „Краткое описаніе „предмета, показывающее родъ и одни „личительныя принадлежности, называется „*опредѣленіемъ*. Но когда предметъ такъ „описанъ, что исчислены всѣ его „ительныя свойства и представлена вообра- „женію живая картина его дѣйствій, спра- „даній, общоименствъ и ш. п., тогда по-

„добное изображение предмета называется „описанием.“ — Хорошо ли объяснено определение, когда не сказано, какой родъ въ него входитъ, ближайшій или отдаленный, какіе оплчительные знаки должны бытъ въ немъ исчисляемы — существенные или случайные, ибо и сими послѣдними предметъ можетъ оплчаться ошъ другихъ? — Согласенъ: краткость нужна опредѣленію; но вѣ ли оплчительныя свойства вводятся и въ описание? Кажется, только тѣ, которыя согласны съ намѣреніемъ, съ каковымъ предметъ изображается. Теперь явствуешь, почему Г. Сочинитель не опредѣлялъ, какъ должно, никакого понятія.

Оставляя подробности, съ каковою до сего мѣста производилъ я разборъ Военнаго Краснорѣчя, почишаю однако нужнымъ указать молодому читателю на дальнѣйшія погрѣшности сей книги. Не вѣрше Г. Сочинителю, что *простой періодъ* (гл. VIII, стр. 63) есть предложеніе, распространенное и пополненное прибавочными понятіями; лучше разумѣйше, подъ словомъ *періодъ*, рѣчь, имѣющую полный и совершенный смыслъ; подъ словами — *простой*

періодъ, можете всегда разумѣть такую же рѣчь, только не всегда выражаемую однимъ предложениемъ, а иногда и нѣсколькими, ибо сей періодъ, имѣя *одно главное* предложіе, нерѣдко содержишь *многія сложныя*, служація къ объясненію подлежащаго или сказуемаго въ главномъ предложеніи. Правило Г. Сочинителя: „подлежащимъ въ предложеніи бываетъ всегда предметъ, а сказуемымъ — дѣйствіе,“ не есть правило общее, каковымъ онъ выдаетъ его; исключенія изъ него часты и многочисленны. Остерегайтесь, молодой читатель Восточнаго Краснорѣчья, въ сочиненіи простыхъ періодовъ, подражать примѣрамъ оныхъ, приведенныхъ Г. Толмачевымъ: руководствуясь ими, вы напишете сложный періодъ или нѣсколько періодовъ.

Съ осторожностію надобно читать и главу IX (1й части) о сложныхъ періодахъ и здѣсь довольно погрѣшностей. Напр. сложные предложенія не отличены отъ придаточныхъ, сравнительные періоды отъ удобительныхъ; на многія, темно выраженные правила, не приведено объясненій и примѣровъ; о раздѣленіи періодовъ, по числу ихъ предложеній, совсѣмъ не упоминаю.

Въ главѣ XI *О ладномъ и плавномъ печеніи періодовъ*, вмѣсто изложенія при-

виль, по коимъ должно переходить изъ періода въ періодъ, Сочинитель учишь размѣщенію словъ. Но и въ семь не вполне можно вѣрять его ученію. По его словамъ — „періодъ кажется *полнымъ для слуха* (по *звукотеченію*) (снр. 92), когда, заключаая въ себѣ всѣ нужныя понятія для объясненія предмета, имѣешь надлежащую *соразмѣрность* не только касательно составныхъ частей своихъ, но и касательно другихъ періодовъ, съ коими онъ соединенъ логическою связію.“ — Между звуками словъ, *составляющихъ* періодъ, *приятными* для выговора названы шѣ (снр. 93), кошорые произносясь *открытымъ* и *громкимъ* голосомъ.

Въ главѣ XII объ украшеніяхъ періодовъ, Сочинитель дѣлаешь неправильное раздѣленіе проповъ и фигуръ. Сказавъ невнятно о метафорѣ, объ аллегоріи не упоминаешь. Иронія, синекдоха, метонимія также не удостоены порядочнаго опредѣленія; а изъ примѣровъ и десятой доли сихъ проповъ не видно (снр. 98, 99 и 100). О случаяхъ, въ какихъ сіи украшенія могутъ быть прилично употребляемы, по мнѣнію Г. Сочинителя, какъ то видно изъ его молчанія, знаешь не должно: употребляйте ихъ, гдѣ вздумаете. Въ началѣ главы, раздѣливши

красоты рѣчи на происходившія особенныя отъ живаго воображенія и сильныхъ чувствованій, въ концѣ той же главы (спр. 101) раздѣляетъ фигуры на *фигуры разсудка, воображенія и страстей*: но выше, два раза (спр. 97 и 100) сказано, что *всѣ фигуры* происходятъ отъ сильныхъ чувствованій.

Разборъ послѣднихъ главъ — *общихъ началъ Словесности* также представилъ бы намъ многія важныя погрѣшности; но онъ такого свойства, что сами бросаешься въ глаза чужакамъ. Взглянемъ на вторую и прешью части Военнаго Краснорѣчія, гдѣ обѣщано новое.

Военнаго Краснорѣчія часть вторая, содержащая частныя правила онаго.

Въ одномъ собраніи, на слова — *появилась книга, подъ заглавіемъ Военное Краснорѣчіе*, — одинъ изъ присутствовавшихъ спросилъ: какое же Военное Краснорѣчіе, сухопутное или морское? Сдѣланы были догадки о появленіи въ будущее время Краснорѣчія пѣхотнаго, кавалерійскаго, артиллерійскаго и такъ далѣе, признаюсь, не безъ смѣха, который выражалъ... сомнѣніе объ успѣхѣ книги.

Прочитавъ ее всю, дѣйствительно всѣмъ удословѣрился, что Господня Сочиненія

нишель, въ новомъ родѣ швореніа не помѣ-
стимъ ничего новаго, а говоришь старое.
И въ семь послѣднемъ, одно мейдешь къ пра-
виламъ Краснорѣчія, напр. все, помѣщенное
во введеніи ко второй часпи и въ III гла-
вѣ ея о нравственныхъ качествахъ подвла-
стныхъ воинствъ (спр. 26 и до 42). Все про-
чее обще Военному Краснорѣчію съ други-
ми родами Краснорѣчія. Качества военного
Вышнїи суть качества и духовнаго и свѣш-
скаго Писателя. Для поучительныхъ, опи-
сательныхъ сочиненій, для сношеній и пи-
семъ военныхъ, Г. Сочинитель не изобрѣлъ
новыхъ, существенно полезныхъ правилъ:
онъ предлагаешь то же, что содержишья и
во всѣхъ другихъ Риторикахъ, только съ
запушанностію, ему обычною, основываясь
на правоученіяхъ, которыхъ, безспорно хо-
роши, но въ Наукѣ о должностяхъ гражда-
нина и человека, а не въ Риторикѣ. Осо-
беннаго во II часпи Военнаго Краснорѣчія,
кроме правоученій, только то, что Г. Со-
чинитель часто швердитъ прилагательное
— *военный, военная, военное*; что многіе
роды прозаическаго слога изъ него исклю-
чены и даже не упомянушы, хотя нерѣдко
употребляющся военными людьми; напр.
ничего не сказано о *разговорахъ, словахъ по-
хвальныхъ, рѣчахъ судебныхъ* и проч. Г.

•

Сочинишель, для опличія своего швореніи ошъ другихъ, помѣспилъ еще во вшорой часши онаго формы дѣловыхъ бумагахъ, кошорыя можно найши во всѣхъ Письмовникахъ, и коихъ другіе не помѣщали въ Рипорикъ по шой причинѣ, чшо въ Науку входящъ правила посшоянныя, неизмѣнныя, между шѣмъ какъ формы сіи довольно часшо, по волю Правительсшва и согласно съ обстоятельсшвами, перемѣняющъся. Не ошудамъ Г. Сочинишеля за помѣщеніе ихъ въ его швореніи; впрочемъ, безъ сомнѣнія, и всякій умный насшавникъ знакомишъ съ ними учениковъ своихъ, говоря имъ о дѣловыхъ бумагахъ. Но по сему одному не спомло выдумывашъ для учебной книги новое заглавіе и съ напряженіемъ выказывашъ себя изобрѣшашелемъ новаго искусства.

Военнаго Краснорѣчія часть третія, содержащая примѣры въ разныхъ родахъ онаго.

Между примѣрами, составляющими шрешью часшь Военнаго Краснорѣчія, ешъ и хорошіе; но довольно и шакихъ, кошорыхъ бы не надлежало приводишъ въ образецъ молодымъ людямъ. Таковы рѣчи *Амурата III* (спр. 15), *Мамая* (спр. 16), *Дюка-Гиза* (спр. 48), кошорый, какъ видно изъ объясненія, приложеннаго Г. Сочини-

шедемъ, сильно дѣйствоваль мечемъ, а не словомъ. Сверхъ того, Г. Сочинитель помѣстилъ въ образцахъ своихъ большею частію письма и рѣчи, прокламаціи и манифесны. Послѣдніе два рода сочиненій относясь къ Дипломатицкѣ, а не къ Военному Краснорѣчію; писемъ же и рѣчей мало для сего: надлежало бы предшавишь образцы и другихъ родовъ. Примѣры помѣщены шакъ, какъ попадались Сочинителю на глаза; ни однородность ихъ, ни порядокъ во времени не приняты въ уваженіе. Сужденія о сихъ примѣрахъ не рѣдко ошибочны; ибо очень посредственной рѣчи приписывается успѣхъ военнаго дѣйствія, происшедшій отъ другихъ какихъ либо поспоронныхъ и сильнѣйшихъ причинъ.

О языкѣ Г. Сочинителя скажу только, что наставникъ Краснорѣчія, въ учебной книгѣ, долженъ писать правильнѣе.

М. Т.

АНТИЖУРНАЛИСТИКА.

Замѣчанія хладнокровнаго читателя Русскихъ Журналовъ о Московскомъ Телеграфѣ.

(Письмо къ О. В. Б.)

Въ прошломъ 1825 году, я крайне удивлялся, что Г. Издашель Московскаго Телеграфа, въ своихъ оповѣщеніяхъ многочисленнымъ своимъ Кришикамъ, всегда при случаѣ и безъ случая, обращался къ вамъ, и говорилъ съ вами такимъ образомъ, какъ будто бы вы были Авшоромъ всѣхъ кришикъ на Моск. Телеграфѣ. Проживая въ то время въ Москвѣ, зная лично Авшоровъ кришикъ, и будучи увѣренъ, что вы не только не участвовали въ сихъ кришическихъ сочиненіяхъ, но даже ни письменно, ни лично не были знакомы съ Сочинителями оныхъ, я не могъ постигнуть причины сего вооруженія именно противу васъ (*). Какъ без-

(*) Совершенная правда. Въ 1825 году, я вскрѣпическія статьи моего сочиненія на Телеграфѣ подписывалъ или буквами А. О., или О. Б., и не участвовалъ въ Московской литературной войнѣ, а только защищался. О. Б.

приспращенный чашапель Журналовъ, и весьма сожалѣвъ, что духъ приспращенія часно заславлялъ Издашеля Моск. Телеграфа уклоняясь ошъ истины и перемѣняшь свой образъ мыслей и свои сужденія по обстоятельствамъ. Напримѣръ: Издашель Телеграфа, въ N 3 своего Журнала на 1825 годъ, на стр. 250 и 251 распространяешся въ похваляхъ издаваемымъ вами въ шо время Журналамъ: *Сѣверный Архивъ* и *Литературные Листки*. „Вообще Журналь Г. Булгарина (говоришь Г. Полевой, стр. 250, спрока 24) „въ короткое время догналъ старые любимые Журналы Русскіе и сравнялся съ ними. Мы не замѣчаемъ хорошихъ спашей въ Сѣверномъ Архивѣ прошлаго года, ибо каждая имѣешь свое относительное достоинство.“ — О Литературныхъ Листкахъ Г. Полевой говоришь мимоходомъ, на шой же 250 страницѣ: „съ половины 1825 года, Г. Булгаринъ присовокупилъ къ своему Журналу особое *Прибавленіе*, выходившее въ прошломъ (ш. е. 1824) году, книжками два раза въ мѣсяць, гдѣ было много спашей забавныхъ и пріятныхъ.“ —

Вопшь что писалъ Г. Полевой *avant la lettre*, ш. е. прежде, нежели онъ почелъ васъ

Сочинишелемъ кришикъ (*) на Моск. Телеграфъ. Не шакъ онъ заговорилъ о вашихъ Журналахъ après la lettre, ш. е. послѣ кришикъ приписанныхъ вамъ.

Въ помъ же 1825 году, не далѣе, въ № 21 Моск. Телеграфа десять страниць (отъ 422 до 431) мелкимъ приѣшомъ заняши обвиненіями прошиву Издашеля любимаго Русскаго Журнала, какъ Г. Полевой называлъ прежде *Сѣверный Архивъ* и *Прибавленія* къ нему. Каждая спашья наименована, каждое опдѣленіе Журнала по волоску рашипано и съ объявленіемъ, что Журналы никуда негодны,“ и что онъ (ш. е. Издашеля Сѣвернаго Архива и Липерашурныхъ Листковъ) „на половину не помѣспилъ обѣщанныхъ имъ спашей, поучишельныхъ, приашныхъ и полезныхъ“ (**). — Если бъ я хотѣлъ выписывашь всѣ привязки и обвине-

(*) Физически невозможно, чтобы я, при изданіи шрехъ Журналовъ, могъ бытъ Сочинишелемъ даже десяшой часши кришикъ, написанныхъ различными Липерашорами на Московскій Телеграфъ, въ 1825 году. *О. Б.*

(**) Ничего нѣшь забавнѣе, какъ то, что Г. Полевой шребовалъ отъ меня, чтобы я въ каждой книжкѣ Журнала помѣщалъ *всѣ статьи*, о которыхъ сказано было въ программѣ, что онъ входящъ въ

нія Издашеля Московскаго Телеграфа, шо долженствоваль бы изъ десяти страниць сего Журнала, по крайней мѣрѣ, выписашь восемь. Довольно указашь мѣсто, гдѣ изданіе, расхваленное въ 3 книжкѣ М. Т., унижено до самаго нелзя, въ 21 книжкѣ шого же года. Послѣ этого, какъ вѣришь безпристрастію Г. Полеваго? По крайней мѣрѣ у васъ я нахожу одинаковое мнѣніе о Московскомъ Телеграфѣ, опъ начала онаго и понынѣ. Причины переменнхъ мнѣнія Г. Полеваго очевидны, и онѣ находяшся не въ книжкахъ вашего Журнала. Говоря о вашихъ собшвенныхъ произведеніяхъ, ш. е. о спашьяхъ о Нравахъ и о вашемъ слогѣ, Г. Полевой, въ N 8 Московскаго Телеграфа на 1825 годѣ, на спр. 335, называетъ вашъ языкъ свободнымъ и шушливымъ (спрока 17 и 18); въ N 2 Московскаго Телеграфа на спр. 143, въ спрокѣ 19—22) Г. Полевой говоритъ: „въ прошломъ году

составъ годоваго изданія. Если бѣ это было возможно, шо каждая книжка Журнала составляла бы большой томъ, и шребовала бы по крайней мѣрѣ 4 мѣсяцевъ для напечатанія. — Довольно, если одна или двѣ спашьи изъ каждаго ошдѣленія изъ упомянутыхъ въ програмѣ, помѣщены въ году. — Такъ дѣлаешь и самъ Издашель М. Т., и мы не шребуемъ опъ него болѣе. *Ө. Б.*

появлялись статьи о нравах, въ видѣ повѣстей, разговоровъ и описаній; въ Журналахъ, *лучшія принадлежатъ Г. Булгакину.* — Кажется, это довольно ясно и откровенно; но въ N 21 Московскаго Телеграфа того же года, въ статьѣ, въ коной спараются унизишь все, написанное и издаваемое вами, на стр. 428 сказано: „объщаны статьи о нравахъ и обычаяхъ въ родѣ Аддисонова Зрипеля, Джонсонова Побродяги, Пущыникова Жуи — не было ни одной строчки.“ — За симъ формально разперзаны стчаны вашего сочиненія, коной даже по названію не хотышь причелишь къ разряду нравовъ, не взирая на то, что прежде было сказано, что лучшія въ нзой Липерашуръ принадлежатъ вамъ. — Спрашиваю, можно ли послѣ этого върншь сужденіямъ и липерашурнымъ приговорамъ Г. Полеваго, коной унищожаетъ однимъ почеркомъ пера то, что за нѣсколько времени предъ шѣмъ превозносилъ похвадами и ставилъ на высшую степень? Ссылаюсь на судъ каждаго безприсрасшнаго чинашеля. Хладнокровныя доказательства гораздо убдипельнѣ всѣхъ пламенныхъ выходокъ — безъ доказательствъ.

Послѣ того Г. Полевой въ каждомъ Нумерѣ своего Журнала, выпечашывалъ ваше

нми, вездѣ, гдѣ шолько могъ сказаць прешивное вашему мнѣнію или коснушьсѣ вашихъ изданій. — Цѣлый годъ (1826) не было опивша съ вашей спороны — но Московскій Телеграфъ не охладѣлъ, и безпреспанно наспупалъ на васъ и спрѣлялъ и впрямъ и вкось. Я удивлялся наспойчивости одной спороны и перцѣвнїю другой. Пропускаю всѣ нападки на васъ, и на вашего товарища въ концѣ 1825 и въ продолженіе цѣлаго 1826 года; я удивляюсь шолько, какъ Г. Полевой могъ *въ такое время* заниматьсѣ кришиками. Но пословица швердишь: чшо въ мушной водѣ легче ловишь рыбу — и правда. Во время общей гореспи и вашего молчанія, Г. Полевой пописывалъ на васъ, да пописывалъ, а просподушные люди вѣрили, чшо шопъ виновашъ, кшо молчишь. Можеть бышь, они позабыли о прежнихъ похвалахъ вамъ, опъ самого же Г. Полеваго!

Видя ваше непреодолимое молчаніе, я вздумалъ всшупишьсѣ за васъ, а вмѣстѣ съ шѣмъ и за Словесность, и сказаць мое мнѣніе о начавшейсѣ лишерашурной войнѣ въ семь 1827 году. Во 2 номерѣ Сына Ошечесшва, нвкшо, подписывающійсѣ буквами Д. Р. К., при обзорѣ Лишерашуры коснулся Моск. Телеграфа, показалъ намъ, какъ онъ сосшавляешсѣ, и подкрѣнилъ свое мнѣніе примѣра-

ми или выписками изъ Моск. Телеграфа. Чшо жь надлежало сдѣлать Издашело Моск. Телеграфа? Или замолчашь, какъ вы сдѣлали, или опровергнушь замѣчанія, ш. е. докашашь, чшо называемое дурнымъ Д. Р. К. не есть дурно; чшо Д. Р. К. ошибаешся или не понимаешь, и слѣдовашельно ошибки или упущенія М. Телеграфа не суть ошибки или упущенія. Кажешся шакъ. Посмотримъ же шеперь, какъ Издашель М. Телеграфа оправдался. — Вмѣшшо шого, чшо бы докашашь, чшо голубое пламя вышшаго сознанія, вѣчное могущество всякаго бытія, во всть глаза, и другія мѣсна, замѣченныя Д. Р. К. въ Телеграфѣ не дурны, а хороши, Г. Полевой началъ опдѣлывашься *бжливостями*.

Не касаюсь пошпороннихъ придирокъ и косвенныхъ нападокъ на васъ въ М. Телеграфѣ. Подписываешь сшашьи прошиву Телеграфа неизвѣспный Д. Р. К., а браняшъ сперва васъ, Булгарина, а попомъ вообще Издашелей Свв. Пчелы и С. О. (*). Въ 3 ку-

(*) Даже не пощадил и шого, къ кому писано на Кавказъ: его называюшъ въ М. Телеграфѣ Кабардинцемъ, дикаремъ и проч. Чъмъ же онъ виновашь? Эшо все равно, если бы мы спали обвиняшъ подписчиковъ М. Телеграфа, въ шомъ, чшо въ немъ не соблюдаешся чшшошы языка и Граммашьки. *Сок.*

меръ Телеграфа сказано о письмѣ на Кавказѣ: „вкусъ и совѣсть Авшора сливающихся здѣсь въ одно зашмѣніе.“ Сказано, и не доказано. Впрочемъ, зачѣмъ говоришь о *совѣсти*? Объ этомъ говоряшь въ шорговлѣ, а въ Липерашурѣ надлежало бы уличить Д. Р. К. въ несправедливости его показаній, и дѣло бы обнаружилось само собою. Тамъ же въ примѣръ криводушныхъ, корыстолюбивыхъ, *личныхъ* (?) мнѣній приведены слова изъ письма Д. Р. К., недоказывающія однако жъ, чшобы Авшоръ письма на Кавказѣ былъ шаковъ, какимъ желаешь предшавишь его Издашель Телеграфа. — Г. Полевой сказаль, чшо письмо сіе *наполнено* ошибками прошиву языка Русскаго. Сказаль, и не доказаль. Слѣдовашельно, чшо долженъ думаешь чшашашель, чшашая съ одной спороны доказашельства Д. Р. К., а съ другой вѣжливости Г. Полеваго на счешъ нравспвенныхъ качесшвъ его прошивника, и его мнимаго и недоказаннаго невѣжештва? Невольно придешъ на умъ выраженіе Г. Полеваго, употребленное имъ прошиву Альманаха Музь (см. N 7 М. Телеграфа, 1826 стр. 123).

„Ты сердишься, Юпишеръ, слѣдовашельно шы не правъ!“

Напримѣръ: позволишь ли кшо себѣ въ XIX сполъшнн, сказашъ о собрашнн своей,

Журналистахъ, шо, что Г. Полевой сказалъ въ 3 номеръ М. Телеграфа на стр. 123? „Топъ оскорбляешь меня, кто подумаетъ, что я хощу что нибудь общаго имѣю съ Издашелями Сѣверной Пчелы и что я беру что нибудь изъ сей Газеты.“

Благонамѣренный, безприспращенный читатель не знаешь, чему удивляешься въ сихъ словахъ! Эшого еще мы не видывали во шолько въ Словеености, но и въ обыкновенныхъ бумагахъ. — Помилуйше, Г. Издашель Телеграфа, и скажише, обдумали ли вы это выраженіе? *Хотя что нибудь общаго* съ Издашелями Сѣверной Пчелы — для васъ оскорбительно! Давно ли? По какому праву? — Но я не хочу дѣлать сравненій, чтобы не попастъ на шощъ же пушь личишей. На это вѣрно будущъ опивѣчанъ вамъ сами Издашели Сѣверной Пчелы.

Г. Полевой можеть не имѣть ничего общаго съ Издашелями Сѣверной Пчелы; но моему мнѣнію это для нихъ ни мало не оскорбительно, но это не мѣшаетъ ему побирать Некрологи изъ сей Газеты, и предшавлять ихъ въ обрѣзанномъ видѣ (*).

(*) Просимъ, напримѣръ, сказашъ, откуда Г. Полевой почерпнулъ Біографію Фусса, В. А. Лешинъ и другихъ? . . . Мы повѣримъ на слово, пусть ука-

Кромѣ того многое-что и въ самомъ расположеніи заимствовано изъ Сѣвернаго Архива съ Литературными Листками? Самыя даже выраженія: *Модные обычаи* и ш. п. не въ первый ли разъ появились въ Литературныхъ Листкахъ? Ахъ, Г. Издашель Телеграфа! какъ вы забывчивы, какъ скоро опшуждались своихъ образцовъ и какъ подчиваете публику въжливосшями, кошорыхъ она никогда не видывала въ печашномъ. За что мы обязаны вамъ и Г. Перевощикову. Оняшь повшорю слова Г. Полеваго:

„Ты сердишься, Юцишеръ, слѣдовашельно шы не правъ.“

Должно ли говорить о шушкахъ Г. Полеваго на счешъ заглавныхъ буквъ имени и прозванія Авшора Кавказскаго письма? Нѣшь, самъ Г. Полевой говорилъ намъ прежде, что публнкъ нѣшь дѣла ни до имени, ни до роду, ни до племени Авшора. Я не вижу ни

жешъ источники. Впрочемъ лучше было бы, если бь онъ бралъ въ собращеніи изъ Сѣвер. Пчелы, тогда онъ не сказалъ бы, что покойный Аспрономъ Шубершъ имѣлъ орденъ С. Владиміра 2 степени, что онъ прекрасно игралъ на гобозъ, что онъ былъ Начальникомъ Опдѣленія въ время пушешешвіа въ Кншай, и что онъ во время боѣзни, въ бреду, рѣшилъ важную Машемашическую задачу. Все эшо несправедливо. *Изд.*

какъ, почему буквы Н. А. П. лучше, нежели Д. Р. К. Мнѣ даже кажется, что это одно и то же. Разница въ сочиненіяхъ.

Я хочу осстановиться на самомъ главномъ, а именно, на похвалѣ Московскому Телеграфу, напечатанной въ Московскомъ Телеграфѣ же (№ 4, 1827, стр. 150—160) и почерпнутой изъ извѣстнаго Французскаго Журнала *Revue Encyclopédique*.

Г. Полевой говоритъ (стр. 158), что онъ, помѣшпвъ похвалу себѣ „руководствовая не столько побужденіемъ личной суетности, сколько предположеніемъ, что читателямъ его любопытно будешь видѣть сужденія Французскаго просвѣщеннаго Журналиста о Журналѣ Русскомъ.“

Если пакъ, что Г. Издашело Московскаго Телеграфа надлежало бы выбрать сужденіе о другомъ Журналѣ, а не о своемъ. Онъ бы нашелъ для этого весьма много матеріаловъ во Французскихъ, Нѣмецкихъ и Англійскихъ Журналахъ. Напримѣръ: цѣлыя списки переводящя изъ Сѣвернаго Архива въ *Journal* и *Annales des Voyages*, *Geogr. Ephemeriden*, издаваемыхъ знаменитымъ Гасселемъ, въ *Bulletin Universel*, издаваемомъ Г. Феррюсакомъ, и похвалы сему Журналу напечатаны во многихъ книжкахъ того же *Revue Encyclopédique*. Г. Полевому это должно

Бышь извѣстно — если же нѣшь, шо мы соснавимъ о семь особую выписку и до-спавимъ къ нему съ покорнѣйшею прось-бою напечаташь въ Московскомъ Телегра-фѣ. До сихъ поръ, сколько мнѣ извѣстно, ничего не перепечашано изъ М. Т., кромѣ извѣстїя о Кишайскомъ лакѣ.

Далѣ Г. Полевой болѣе объясняешъ цѣль помѣщенїя похвалы своему Журналу. На стр. 159 онъ говоришь: „шеперь пускай и судїи безприспрасшныя, недовѣряющїе одно-му своему мнѣнїю, взвѣсяшъ сужденїя Д. Р. К. Сына Опечесшва о Телеграфѣ, и мнѣнїя о немъ же сошрудника одного изъ лучшихъ Европейскихъ Журналовъ.“

Полно-ше, Г. Издашель Телеграфа, пол-но-ше, давно ли вы сшали согласны съ мнѣ-нїями сошрудниковъ иносшранныхъ Журна-ловъ о Русской Словесности? Не съ шѣхъ ли поръ, какъ похвалили Телеграфъ (*)? Вошь какъ вы прежде ошзывались о семь, и какъ дорожили мнѣнїями иносшранныхъ Жур-наловъ. Я шолько буду ссылашья на васъ.

Въ No 16 Моск. Телегр. 1825 года, на стр. 358, въ началѣ спашьи подѣ заглавїемъ: *Извѣстїя о Россїи и Русской Литерату-*

(*) Ниже будешъ объяснено, какъ, почему похвали-ли, и на чемъ основались въ похвалахъ. *Сог.*

рѣ, помѣщаемыя во Французскихъ Журналахъ,“ вы говорите: „Во Франціи и въ Германіи, безпрестанно *являются* книги и Журнальныя списанья, въ которыхъ говорятъ и шлокують о Россіи. Благодарить за вниманіе, и съ удовольствіемъ замѣчаемъ, что Россія весьма занимаетъ нынѣ умы *Европейцевъ* (?). Жаль только, что извѣстія о насъ большею частію *нѣвѣрны и ошибочны.*“ Нельзя не припомнить здѣсь сѣпиха изъ Федры Расина:

C'est toi qui l'as pommé!

Въ No 15 М. Т. на 1825 годъ на стр. 271, вы, Г. Полевой, смѣшались надъ Французскимъ Журналистомъ, который говоритъ вамъ о находящемся во Франціи *Украинскомъ Князѣ*. И по дѣламъ смѣшались.

Въ No 18 М. Т. на 1825 годъ на стр. 165, 166, 167, вы, Г. Полевой, насмѣхаетесь надъ Издашелемъ *Всобщаго бюллетеня*, Барономъ Ферюссакомъ (*) и Издашелемъ *Глобуса*, которыхъ, имѣя передъ глазами книги Русскія, исковеркали собшвенныя имена Писателей и сообщили объ нихъ и о книгахъ ложныя извѣстія. И по дѣламъ; вы

(*) Тотъ самый Баронъ Ферюссакъ, который доставилъ двѣ книжки Московскаго Телеграфа Издашелю Реуе Енсулор. для похвалы! *Сог.*

правы. Въ No 11 М. Т. на 1825 годъ, на стр. 173 и 174, Г. Полевой сперва опровергаетъ мнѣніе Нѣмецкаго Журналиста, который говоришь небылицы о репершуаръ Русскаго Театра, а послѣ того возспаешъ на Рецензента перевода Басень Крылова, въ славномъ *Журналь пр-ній*. И по дѣламъ Французскій Липераторъ (хотя опличный) не умѣль оцѣнишь по достоинству Басень нашего Лафоншена. Вообразите: самого Крылова не умѣли оцѣнишь по достоинству!

Въ No 3 М. Т. на 1825 годъ, на стр. 294, Г. Полевой возспаешъ на Англійскіе и Нѣмецкіе ученые Журналы, сообщающіе ложныя извѣстія о Россіи, и говоришь между прочимъ: „не удивляемся, если въ какомъ нибудь Журналь найдемъ *вздорныя извѣстія о Россіи* и проч.“ — Далѣе: „всего спраняе, что этому вѣряшь, ибо перепечашали эшу нелѣпость въ другихъ Журналахъ, и никто не вступился.“ По дѣламъ. — Но изъ эшого видимъ, какъ мало знаютъ Русскую Липерашуру въ чужихъ краяхъ, когда никто не обнаружилъ нелѣпости!

Въ No 4 М. Т. на 1825 годъ на стр. 345, Г. Полевой восклицаетъ: „мы перебирали спашьи, касающіяся до Россіи, и нашли множество ошибокъ!“ — Въ той же книжкѣ на стр. 385, Г. Полевой насмѣхаетъ

ся надъ Журналомъ *Revue Encyclopédique* (*), кошорого Издашели, имѣя передъ собою книгу на Нѣмецкомъ языкѣ, Г. Борга, перековеркали всѣ извѣстїя и имена. Тамъ сказано, что Князь Шаховской издалъ свои сочиненїя въ С. Пешербургѣ, въ 4 томахъ, заключающихъ въ себѣ Лирическія сочиненїя, Романсы, Баллады, Элегїи, Посланїя; что его слогъ сжашъ, но смѣль и силенъ. Князь Пешръ Андреевичъ Вяземской названъ Докторомъ Философіи и Профессоромъ Словесности и Краснорѣчїя, искуснымъ Критикомъ и Переводчикомъ древнихъ (**), и ш. п. По дѣламъ возспалъ Г. Полевой на *Revue Encyclopédique* и обнаружилъ его ошибки. Я иду по слѣдамъ его.

Но не довольно ли будетъ доказательствъ тому, что въ иностранныхъ Журналахъ помѣщающагося весьма невѣрныхъ, ошибочныхъ сужденїя о нашей Литературѣ, о Литераторахъ, и что по словамъ самого Г. Полеваго, внимъ свидѣтельствамъ не только не должно вѣрїи, но даже не должно

(*) Тотъ самый Журналъ, въ кошоромъ нынѣ глѣшь Г. Полеваго. Г. Геро тогда участвоваль въ немъ, какъ и нынѣ. *Сот.*

(**) Объ этой ошибкѣ можно по справедливости сказать: *c'est un peu fort!* *Сот.*

удивляешься ошибкамъ. Опъ чего же вдругъ сужденіе о самомъ Г. Полевомъ оказалось справедливымъ? Эпо чшо-шо мудрено. Удивительнѣе всего, чшо Г. Полевой приводитъ свидѣтельство въ достоинствѣ своего Журнала Г. Геро, кошорый уже съ 1823 года участвуешь въ изданіи Revue Encyclopédique, хошя прежде сей Журналъ, по словамъ самого же Г. Полеваго, помѣщаль весьма ошибочныя извѣстія и сужденія о Русской Липшерашурѣ. Еще удивительнѣе шо, чшо Г. Геро произнесъ приговоръ о Моск. Телеграфѣ, итѣя передъ глазами *только дѣль книжки онаго*. По двумъ книжкамъ нельзя опредѣлить достоинства изданія; въ этомъ сознаешся и самъ Г. Полевой (*). Напрошивъ шого Д. Р. К. имѣлъ передъ глазами цѣлое изданіе М. Т., опъ 1825 до 1827 включительно, и всѣ свои мнѣнія подкрѣпилъ доказательствами. Кому вѣришь! Должно замѣнить, чшо Г. Геро судилъ именно по шѣмъ книжкамъ, гдѣ переведено *его* мнѣніе о Бас-

(*) Г. Полевой имѣлъ догадку, прежде напечатанія похвалъ Геро своему Журналу въ началъ сего 1827 года, напечатать похвалу самому Г. Геро въ концѣ прошлаго 1826 года, и назвашъ его прекраснымъ, предобримъ и пребезпристрастнымъ судьей. Умно!
Сот.

няхъ Крылова, съ похвалами Издашеля. Не вмѣшалось ли въ сужденіе Рецензента и Авторское самолюбіе?

Впрочемъ и самое мнѣніе Г. Геро о М. Т. исполнено ошибокъ, и въ похвалахъ его находящіяся много противорѣчій: это мы докажемъ.

Въ началѣ (стр. 150), Г. Геро говоритъ: „Московскій Телеграфъ началъ свое поприще съ 1825 года (*), и, кажется, ему назначено (?) бытъ однимъ изъ лучшихъ Русскихъ Журналовъ. Бѣглый обзоръ двухъ книжекъ“ и проч. — И такъ Г. Геро только кажется, что М. Т. назначено бытъ только однимъ изъ лучшихъ Журналовъ? Мало ли что намъ кажется! Г. Геро судитъ о будущей участи Журнала по бѣглому обзору двухъ книжекъ; — это въ буквальномъ смыслѣ значить, судитъ весьма поверхностно. Г. Геро не видалъ цѣлаго 1825 и 1826 годовъ — а мы ихъ видали! — Этого прислупъ я не беру за похвалу. Даже Г. Геро говоритъ: „Первая и вторая часть (т. е. книжекъ М. Т., которыя были передъ глазами Г. Геро для бѣлаго обзора) походятъ на наше отдѣленіе: Записки и Извѣ-

(*). Историческая истина, противу которой не спорю. *Сог.*

шія и ш. д.; шретья часть представляеть *въ меньшемъ объемѣ наши два отдѣленія*, Разборы и Библиографическій бюллетень — и ш. д.; четвертая часть соопшвѣстствуетъ *нашему отдѣленію ученыхъ Литературныхъ новостей.*“

И шакъ Г. Геро въ самомъ расположеніи Телеграфа находишь *все свое*. Если бъ онъ разсмотрѣлъ подробнѣе и не ограничивался *бѣглымъ обзоромъ двухъ книжекъ*, то совершенно согласился бы съ мнѣніемъ Д. Р. К., который говоритъ почти то же во 2й книжкѣ С. О. на стр. 190 и 191—194. Разница въ томъ, что Г. Геро не могъ судить объ основательности криптикъ Телеграфа по двумъ книжкамъ онаго, и не имѣя предъ глазами криптикованныхъ сочиненій. Впрочемъ Г. Геро совершенно согласенъ съ Д. Р. К. на счетъ четвертой части Телеграфа. Г. Геро говоритъ на стр. 151: „желательно видѣшь расположеніе и выборъ *болѣе строгія, болѣе удовлетворительныя.*“ — И шакъ извѣстія, помещаемыя въ М. Т., не строгаго выбора и неудовлетворительныя? Не шю ли сказалъ Д. Р. К.; шолько другими словами?

Но вошь ударъ! Г. Полевой вездѣ говоритъ, а особенно въ 1 книжкѣ на 1825 годъ, што онъ занялъ важнѣйшее мѣсто въ Лише-

рашуръ своимъ Журналомъ; претій годъ онъ гласишь, что всѣ прочіе Журналы негодны, и въ доказательство своего преимущества, ссылается шеперь на похвалу Г. Геро, на Французскомъ языкѣ; — что же говоришь Г. Геро? Вошь что! смр. 151, строка 15: „но главную цѣль его, кажется, составляющъ *лѣтописи модъ*, помѣщаемы на Французскомъ и Русскомъ языкахъ и, вмѣстѣ съ каршинками, заимствуемы изъ *нашихъ* Парижскихъ Журналовъ.“

Вошь одолжилъ по совѣси! — И пакъ adieu Липерашура! *Главная цѣль* — моды и модныя каршинки, заимствуемы изъ другихъ Журналовъ; а по словамъ самого Г. Воейкова, кошорый въ Русскомъ Иивалдѣ напечаталъ похвалу Московскому Телеграфу — эша часъ несравненно лучше въ Дамскомъ Журналѣ Князя Шаалкова. Одолжили!

На смр. 155, строка 6, мы читаемъ сознание Г. Геро въ слѣдующихъ словахъ: „здѣсь мы прямо ошь своего лица должы *благодарить* Издашеля Московскаго Телеграфа за переводъ *нашего* разбора Русскихъ Басень Крылова, помѣщеннаго въ Июньской книжкѣ Revue Encyclopédique 1825 года; переводъ явился черезъ два мѣсяца послѣ выхода (?) подлинника. Но, если вѣришь долж-

но нѣкошорымъ другимъ Русскимъ Журналамъ, вѣща поспѣшность, споль леспная для насъ, не позволила Переводчику довольно позабошиться о слогахъ своего перевода. Северная Пчела, издаваемая Г. Булгаринымъ, даже посвящала цѣлую колонну своего 125 Но для указанія на одну ошибку, незначительную, гдѣ слово *сто* замѣнено словомъ *пять*."

На вѣщюшъ періодъ ошвѣчаемъ:

1) Рецензентъ ошъ своего лица *благодаритъ* Издашеля Московскаго Телеграфа. Эшо ключъ для разгаданія шайны, почему, послѣ бѣлаго обзора шолько двухъ книжекъ М. Т., Г. Геро показалось, что Московскому Телеграфу *назначено* (?) бышъ *однимъ* изъ лучшихъ Журналовъ.

2) Г. Полевой на 159 стр. въ строкѣ 2, говоритъ о Г. Геро, въ отношеніи къ его сужденію о Московскомъ Телеграфѣ: „Французскій Липерашоръ въ Парижѣ, знающій Русскій языкъ, судишъ не по наслышкѣ, не по внушеніямъ, не за глаза (?), а съ документами въ рукахъ.“ — Какъ же эшо разумѣшъ, когда эшошъ Французскій Липерашоръ имѣешъ передъ глазами переводъ *своей* ешашьи въ М. Т., и не можешъ самъ рѣшишъ, хорошъ ли переводъ; сомнѣваешся, и не знаешъ, вѣришъ, или не вѣришъ сужде-

ніямъ другихъ Журналовъ? Тупь чшо-то не шакъ. II-y-a du louché.

3) Г. Геро говоришь, что Пчела издается Булгаринимъ — опять не вѣрное извѣстіе; Булгаринимъ и Гречемъ.

4) Г. Геро изволишь ошибаешься, говоря, что въ 125 Но Сѣверной Пчелы цѣлая колонна посвящена одной ошибкѣ Московскаго Телеграфа. — Развертываю Но 125 Сѣверной Пчелы и вижу, что тамъ являющіяся и *Африканскіе саваны* и *Скры Барскіе* и *Грипусе*. Впрочемъ, если это вина Издатель Сѣверной Пчелы, что они посвятили менѣе *полустраницы* своего Журнала ошибкамъ Телеграфа, то самъ же Г. Геро обвиняешь и Телеграфъ въ томъ, что онъ посвятилъ цѣлыхъ *семь страницъ* Баснямъ Г. Масловича. Квишь!

Послѣдняя *похвала* Г. Геро Московскому Телеграфу весьма основательна. См. стр. 157 и 158: „Если Изящная Словесность и Науки не могушь процвѣтать вмѣстѣ, ограничимся однимъ полезнымъ и не спанемъ на бездѣлки прашишь времени, котораго недо-спаетъ намъ на досуги болѣе *возвышенныя* (*) (???)”. Смотря съ этой точки зрѣнія, мы упрекнемъ Издатель Московскаго

(*) Безъ подлинника не понимаю. Сох.

Телеграфа за то, что четвертое отделение и прибавление они занимают *пересказами* (*) (*par des on-dit*), дневною хроникою или старыми анекдотами (**); пусть приличные могли бы помещаться абрисы нравовъ или новости, благопріятныя для успѣховъ Наукъ и промышленности. Что касается до полемическихъ спашей, въ кошорыхъ они *объщали* бытъ чуждыми, мы ошсылаемъ Авторовъ оныхъ къ Баснѣ (***) , помещенной въ No 17 Телеграфа и нравоученіе кошорой мы позволили себѣ нѣсколько развишь.“

Вошь что дѣльно, то дѣльно! Такую идею получилъ Г. Геро о Телеграфѣ изъ

(*) Это Журналистика. Не шакъ ли говорилъ Д. Р. К.? *Сог.*

(**) Сущая правда! *Сог.*

(***) Нравоученіе сей басни, впрочемъ написанной весьма дурно, есть слѣдующее :

Затѣйники бумажныхъ преній!

Вы не бываше умнѣй,

Когда въ пылу шакихъ сраженій

Не видите, что вы съ брапчивостью своей

Попыхой для однихъ безмысленныхъ судей.

Эша Басня есть то же, что извѣстная пѣсня въ Оперѣ Русалка: „Полно-ше вздорить, начнемъ-ше плясать!“ Просимъ заглянушь въ начало сей спашья. *Сог.*

дѣлѣ книжекъ онаго, не взирая на свое благодарносшь и на все свое снисхожденіе. Чшо бы было, если бь онъ видѣлъ полное собраніе Телеграфа?

Резульпаты моего письма сущь слѣдующіе:

1) Показано, какъ прошивоположно судить Г. Полевой о сочиненіяхъ и изданіяхъ Г. Булгарина въ одномъ и томъ же 1825 году. Изъ этого можно заключить о степени безприсраспія Московскаго Телеграфа.

2) Обнаружено, что Г. Полевой не опровергнулъ замчаній Д. Р. К. во 2 No С. О., но опдѣлялся своими *вѣжливостями*, неидущими къ дѣлу.

3) Выбраны доказательства изъ словъ Г. Полеваго, что иношранные Журналы часто судяшь ошибочно о произведеніяхъ Русской Словесности и Лишерашорахъ, и объяснено, что Русскій Журналь не тогда хорошъ, когда Издашель иношранныаго Журнала изъ благодарности подчиваешъ его вѣжливыми рѣченіями; но тогда, когда изъ Русскаго Журнала переводяшь спашьи, а сего понынѣ не случалось съ Московскимъ Телеграфомъ.

4) Выписками изъ спашьи Г. Геро о Московскомъ Телеграфѣ доказано, что онъ какъ ни спарался прикрышь вѣжливостями

свои замѣчанія, но не могъ скрыть того, что гораздо сильнѣе обнаружилъ Д. Р. К.

Письмо мое заключаю совѣтомъ, почтеннымъ изъ сей же спашьи Г. Геро. „Пора также, очень пора Авшорамъ и Кришикамъ оставивъ нелѣпныя требованія на всеобъемлющую ученость, и занявшись съ большею пользою частносными. Хорошо знаютъ только то, что хорошо изучили; а въ наше время, какое знаніе не пребуешь цѣлой жизни и всѣхъ размышленій человѣка!“

Спрашиваю, не то ли безпрестанно пошпорили во всѣхъ кришикахъ на Московскій Телеграфъ въ 1825 году? Не то ли говоришь Д. Р. К. въ Кавказскихъ письмахъ? И какія слѣдствія должно извлечь изъ сужденія Г. Геро (*), когда онъ приводитъ сіе правоученіе, говоря о Моск. Телеграфѣ? Дѣло ясное.

(*) Г. Геро, человѣкъ почтенный и осланный Лешерашоръ. Онъ былъ въ Россіи и довольно хорошо знаетъ по-Русски. Напрасно Г. Издашель Телеграфа похвалется замѣчаніями Г. Геро; по двумъ книжкамъ Телеграфа онъ увидѣлъ въ ошдаленіи, что мы видали вблизи въ настоящемъ видѣ. Мы удословлены, что когда Г. Геро разберетъ подробно Телеграфъ, онъ будетъ нашего мнѣнія. *Изд.*

Во ожиданіи грозной филиппики чести
имью и проч.

Ксенофонтъ Кустарный.

Курскъ.

III.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ПОДРАЖАНІЕ ХСІІІ ПСАЛМУ.

Опверзись, неба край свяшой,
Сойди на землю, судъ правивый!
Низринь во прахъ кумиръ въмой,
И сильныхъ замыслъ горделивий!
Яви ничтожность ихъ дружинъ
Предъ силою швоей священной;
Речешь! — и бръпкій исполнишь
Падешь, какъ вихремъ дубъ сраженный!

А вы, жестокія сердца,
Сыны неправды! шренещите,
И правосуднаго Творца
О милосердіи молите.
Придешь, придешь отмщенья часъ:
Громъ грянешъ! — лучъ померкнешъ свѣша!
Раздасхся Бога грозный гласъ,
И воззоветъ васъ для отвѣша!...

И часъ сей близокъ, онъ грядешъ!
Гошovy громы раздражены!

Ужасная награда ждешь
 Васъ, злата узники презрѣнны! —
 Небесный пламень закипитъ,
 И свидеть Ангелъ испребленья;
 Въспъ мира праведнымъ вручитьъ,
 А гордымъ — страшный мечъ ошщенья!

Гдѣ жъ вашимъ замысламъ конецъ,
 Рабы, спрастями омраченны?
 Когда и тронъ и гласъ сердцецъ
 И Вѣра будутъ вамъ священны?
 Когда престанете вѣщать
 Неправду, льстивыми ушами;
 Царей законы попирашь,
 И бѣднаго играшь слезами? —

Вы мыслише: — не видишь Богъ,
 Не долешаешь къ нему моленья?
 Нѣтъ! — жизнь всему Кшо дашь возмогъ
 Единимъ перста мановеньемъ,
 Кшо ушвердилъ моря въ брегахъ,
 Кшо положилъ всему предѣлаи,
 Тощъ узришь замысль злой въ сердцахъ,
 И събрушишь коварства спрълы!

Но шощъ блаженъ, кто правду чшитъ,
 Громовъ въ безсильныхъ не кидаетъ;
 Съ судьбой несчастнаго миритъ,
 И гласу бѣдности внимаеть. —
 Онъ всюду швердъ, неколебимъ;
 Не гордъ, хотя великъ дѣлами;
 Взоръ Всемогущаго надъ нимъ,
 Онъ ошненъ его брилами! —

Зришь спрасши буйныя сердце
 Несмѣшныхъ, какъ крупицы града;
 Къ Творцу взываетъ, и Творецъ
 Даруешь щипъ ошъ злобы ада.
 И прахъ исчезъ — злодѣвъ нѣтъ! —
 Толпы безсмысленныхъ не сшало!
 Все озарилъ собою свѣтъ,
 И добродѣтель возсіяла! —

Гремите жъ пѣснь Царю Царей,
 Выиграйте, струны пробужденны!
 Да поразишь вашъ звукъ сильный
 Жестокихъ сонмища надменны!
 Воспоржесшуй, свящый Сіонъ! —
 Да воцаришся всюду радость!
 Живъ Богъ! — и свящъ Его законъ:
 Неправымъ казнь — правдымъ благосшъ!..

Фонъ-Кронекъ.

Кострома.

IV.

СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИЯ И ПОЛИТИКА.

Историческое и политическое обзорное происшествие 1826 года.

(Продолжение.)

Народонаселение Пруссии быстро умножается. При смерти Фридриха Великого, в семь Королевствъ не было 6 миллионъ жителей, въ последовавшее десятилетіе прибыло 1,700,000 душъ, а нынѣ счисляется всего 12,225,000 жителей, изъ коихъ болѣе 220,000 въ Берлинъ, и 82,234 въ Бреславль, кромѣ военныхъ. Столица была непрерывно украшаема и распространяема. Король посвятилъ въ семь году Кенигсбергъ и продолжалъ путь въ Померанію. Наслѣдныи Принцъ также посвятилъ Померанію, другія Прусскія области, Гамбургъ и Королевство Нидерландское. Въ Рейнскихъ областяхъ и другихъ частяхъ Государства уинены были распоряженія о созваніи Чиновъ, а въ первыхъ возвращены права Дворянству. Верховный Земскій Судъ въ Бреславль приговорилъ нѣсколькихъ членовъ такъ называемаго Союза юношей въ Кепеникъ къ наказанію не сстроному, по мѣрь ихъ преступленія. Въ Прусскихъ владѣніяхъ также по-

зволено было собирать въ пользу бѣдствующихъ Грековъ; сборъ сей былъ весьма значительнъ.

Германскому Союзу сданы были двѣ союзныя крѣпости Майнцъ и Люксембургъ, первая уже 15 Декабря прошедшаго года. *Баварія* все болѣе и болѣе процвѣтала подъ мудрымъ, бережливымъ и богатымъ преобразованиемъ правленіемъ великодушнаго покровителя Наукъ и Художествъ, Короля своего, котораго въ теченіе сего года, предпринималъ путешествіе въ Испанію. Великолепная столица, Мюнхенъ, была украшена новыми зданіями. Король щедро помогалъ нуждающимся Грекамъ, и позволялъ многимъ своимъ офицерамъ отправиться въ Грецію. Въ короткое время Мюнхенъ лишился прѣзвителей знаменитыхъ мужей: Спикса, Фрауенгофера и Рейхенбаха. Извѣстный Естественствователь и Философъ Шеллингъ сдѣланъ былъ Директоромъ Академіи Художествъ. Ландсгутскій Университетъ переведенъ былъ въ Мюнхенъ. Въ Баваріи Дворянство имѣло весьма многочисленно: оно состояло изъ 1384 домовъ, въ числѣ коихъ 13 Княжескихъ; число Жидовъ въ семь Королевствъ простирается до 53,402. Королевство *Виртембергское* также постепенно возрастало подъ мудрымъ и просвѣщеннымъ правленіемъ.

емъ. Король посѣшилъ въ семь году Веймаръ и Ливорно. Государственныя Чины собрались 1 Декабря. Саксонія, долго управляемая Королемъ своимъ, наслаждалась счастливымъ спокойствіемъ и благопріятнымъ положеніемъ финансовъ. Въ Дрезденѣ счисляется нынѣ 72,000 жителей, не включая военныхъ. Въ Лейпцигѣ снова наряжены были Комисіи, для разысканія непопулярныхъ студентскихъ обществъ. Переходъ Герцога *Ангальтъ-Кетенскаго* къ Капюлицескому вѣроисповѣданію надѣлалъ въ Германіи много шума. Съ другой стороны Князь *Сальмъ-Сальмскій* перешелъ къ Протестантской Церкви. Герцогство *Саксенъ-Готское* и *Альтенбургское*, въ слѣдствіе договора, раздѣлены были между прима Саксонскими Герцогскими домами, *Кобургскимъ*, *Мейнингенскимъ* и *Гильдбурггаузенскимъ*. По сему раздѣлу и учиненному въ семь случаѣ разрыву, Герцогство Гильдбурггаузенское исчезло изъ числа самостоятельныхъ Нѣмецкихъ Государствъ, и на мѣсто онаго поступило Герцогство *Альшенбургское*. Княжество *Рейсъ-Лобенштейнъ-Эберсдорфское* было зрѣлищемъ кровавыхъ явленій. Военная сила должна была укротить спротивыхъ крестьянъ, нехотѣвшихъ давать залогъ въ спреховыхъ взносахъ на случай

пожара; 20 крестьянъ были убиты или умерли отъ полученныхъ ранъ, 80 были только ранены. Въ *Ганноверскомъ* Королевствѣ собраніе Чиновъ открыто было 23 Января, а закрыто 27 Апрѣля. Погашеніе долговъ продолжалось тамъ съ успѣхомъ, также приложено было попеченіе объ оживленіи торговли и ремесла. Осенью происходили большіе маневры близъ столицы. Въ семъ году было тамъ много ужасныхъ пожаровъ, кошорые, можеть быть, не всѣ произошли случайно. Столица Курфиршества *Гессенъ-Кассельскаго* была значительно распространена. Въ Герцогствѣ *Гессенъ-Дармштадтскомъ* Чины собрались 3 Сентября, въ Княжествѣ *Нассавамъ* 20 Февраля. Изъ числа *Имперскихъ городовъ*, болѣе всего пострадалъ отъ великаго недосыанка въ денежномъ обращеніи *Франкфуртъ*, въ коемъ важнѣйшій торгъ производился облигаціями; напрошивъ того оказалась въ сію эпоху швердосць торговли *Гамбурга*. Здѣсь ни одинъ домъ не упалъ отъ сего несчасія; вообще менѣе всего пошерпѣли отъ онаго сей городъ и Парижъ. Въ 1825 году прибыло въ Гамбургъ 1863 корабля (257 болѣе, чѣмъ въ Амстердамъ), а отплыло изъ онаго 1858. Родилось 3848, умерло 3509 человекъ. Въ Любекѣ, гдѣ открытъ новый шерстя-

ной рынокъ, умерло 626, родилось 741 человекъ. Украшеніе Гамбурга и его окрестностей постоянно продолжается съ прежнею ревностію; рядъ новыхъ строеній поднялся въ семь году между Гамбургомъ и Альшпеною, а будущею весною будетъ оконченъ новый Театръ. Американская и Вестъ-Индская торговля непрерывно спановилась важнѣе какъ для Гамбурга, такъ и для *Бремена*, и торговыя предпріятія сихъ городовъ простирались не только въ отдаленнѣйшія области Новаго Свѣта, Перу и Хили, но и въ Сякапоръ и другія восточныя и южныя Индійскія гавани. Значительное участіе въ сихъ предпріятіяхъ принимала *Рейско-Вестъ-Индская Компанія*, которая даже снаряжаетъ экспедиціи въ Кинай, и наслаждается полнымъ успѣхомъ, преимущественно полезнымъ для оживленія ремеслъ въ Германіи. Позволеніе ввозить хлѣбъ въ Англію и возвышеніе цѣнъ на жито снова оживили померкшую надежду земледельцевъ въ Германіи; напрошивъ того замѣчено, что овцеводство въ послѣдніе годы шамъ слишкомъ распроспранилось, такъ, что не было довольно сбыту. Двое опшличнѣйшихъ Спихшворцевъ переселились въ семь году въ другой міръ: безсмертныи Пѣвецъ Луизы и Переводчикъ Гомера, Иоаннъ

Гейрихъ Фоссъ умеръ 29 Марша въ Гейдербургъ, а близъ онаго въ Швецингенъ, скончался 21 Сенября Сочинитель милыхъ Аллеманскихъ пѣсень, Гебель. — Для Германіи кошорая въ Дашскомъ Поэствъ, Генсъ Баггезенъ, лишилась также одного изъ Корнеевъ своей Лишературы, сія потеря стѣ чувствительнѣе, что въ числѣ 60,000 книгъ, вышедшихъ въ свѣтъ съ 1814 года преимущественно по части Поэзіи и Изящной Словесности, споль обильной числомъ, мало находится существеннаго и прочаго: съ сего періода можно счищать начало серебрянаго вѣка Нѣмецкой Словесности. Еще заслуживающъ бытъ упомянутыми извѣстный Аспрономъ Боде, родившійся въ Гамбургъ, умершій въ Берлинѣ 23 Ноября на 80 году, и знаменитый Музико-сочинитель, Карлъ Марія Веберъ, 39 лѣтъ, умершій 5 Іюня въ Лондонѣ. Открытыя въ Фрейбургъ, что въ Брисгавъ, древнія гробницы обещающъ распространить новый свѣтъ на древнюю Историю Германіи.

Данія начала Новый годъ въ счастливыхъ обстоятельствѣхъ. Сія Монархія, кошорой нынѣ минуло 29 столѣтій и кошорая уже 378 лѣтъ находится подъ благодѣтельнымъ правленіемъ Ольденбургскаго Дома, праздновала 14 Мая тысящелѣтніе вѣ-

денія Вѣры Христіанской, освященіемъ церкви при великолѣпномъ Христіанбургскомъ замкѣ, сгорѣвшемъ за три десятилітія, и обрученіемъ Принца Фридриха Карла Христіана (род. 6 Октября 1808 года), со второю дочерью Короля, Принцессою Вильгельминою Марією (род. 17 Января 1808 года). Хотя жатва въ нынѣшнемъ году была въ Даніи не весьма обильна, однако же вновь открытый ввозъ хлѣба въ Англію и пошребность Швеціи подкрѣпили упавшій духъ земледѣльцевъ и уже въ семь году оказывали благодѣтельное свое вліяніе. Между нѣмъ Вестъ-Индскіе острова имѣли такую богатую жатву, что оною могли покрыть недостатковъ нѣсколькихъ лѣтъ. Островъ Св. Томы опять пошерпѣлъ отъ ужаснаго пожара, а Западный берегъ Герцогствъ отъ повальной болѣзни, кою рой однако не многіе люди сдѣлались жертвою: и шотъ и другая были слѣдствіемъ жаровъ и засухи. Съ Сѣвѣрною Америкою заключенъ былъ торговый договоръ, на основаніи важныхъ взаимныхъ услугъ. Въ различныхъ мѣстахъ западнаго берега открыты богатныя желѣзныя жилы. Правительствовало ревностно пеклось объ улучшеніи скотоводства, принадлежащаго къ важнѣйшимъ источникамъ Государственныхъ доходовъ.

Данія лишилась въ семь году одного изъ оплотившихся Спихошворцевъ своихъ, Иенса Баггезена, который, претерпѣвъ жесточайшіе удары судьбы, умеръ на возвращномъ пути изъ Гамбурга. Нынѣ народонаселеніе Даніи составляетъ 1,171,278, Шлезвига 323,225, Голспинніи 401,520, Лауенбурга 35,000, Исландіи на 50,000, Феррейрскихъ острововъ 5200, Гренландіи 46,000 душъ. Число жителей въ Акрь, важной Датской области на Зодошомъ берегу Африки, которая величиною своею равняется Датскому Королевству и со временемъ, можетъ бысть, заслужитъ еще большее вниманіе, какъ поселеніе преступниковъ (равно какъ и въ Ост-Индскихъ владѣніяхъ) не означено. Въ 1815 году 13,163 корабля заплашили пошляну въ Зундъ; въ Копенгагенъ, коего народонаселеніе полагается нынѣ въ 108,000 человекъ, родилось 3280, умерло 3201 чел.; повсюду число жителей быстро возрастаетъ.

Швеція имѣетъ нынѣ 2,724,778 душъ, а столица оной, Стокгольмъ, (въ кошарой прошедшаго года родилось 2692, умерло 2,780 чел.) 72,137 душъ. И въ семь Королевствѣ мѣсяць Май возбудилъ радоснѣйшія чувства: 3 числа, любимая всѣми Наслѣдная Принцесса Швеціи разрышилась отъ бремени будущимъ Наслѣдникомъ престолу,

кошорый получилъ шишуль Герцога Шоненскаго или Сканийскаго. Въ начавшемся нынѣ году будешь окончена исполинская работа Гешскаго канала, коего постройка началась въ 1809 году и ежегодно стоила отъ 4 до 500,000 рейхспалеровъ; за то въ послѣдствіи времени, онъ будешь доставлять величайшія выгоды для сбыту Шведскихъ произведеній. Къ достопамятностямъ сего года принадлежали ужасные лѣсные пожары, кошорые распространились до того, что подвергли самую столицу величайшей опасности. По причинѣ неудачной жашвы, понижена была пошлина на нѣкоторыя роды жаша, и Правительство предприняло пошребныя мѣры для предупрежденія дороговизны хлѣба. Въ сѣверной *Норвегии* жашва такъ была не обильна въ 1825 году, но забота о вѣщности начальства отвратила недостатокъ; въ 1826 году, сія часть Королевства наслаждалась обиліемъ хлѣба, между тѣмъ какъ южная шербла недостатокъ въ ономъ. Предприняты были сильныя мѣры противу размноженія волковъ. Ужасный пожаръ превратилъ бѣольшую часть Фридрихсгалла въ пепель. Христіанія распространяется и украшается новыми зданіями; народонаселеніе сильно возрастаетъ въ сей столицѣ. Въ концѣ года, Норвежцы занимались выбо-

раин къ будущему Споршингу, на кономъ, какъ ожидающъ, разсуждаемо будетъ о важныхъ предметахъ. — Въ семь году скончалась супруга бывшего Короля Шведскаго, Гуспава-Адольфа IV, урожденная Принцесса Баденская. Шведы принимаютъ пламенное участіе въ политическихъ происшествіяхъ всего міра, въ чемъ свидѣтельствуяшъ тамошніе публичные листки. Здѣсь также произведены значительныя сборы въ пользу Грековъ и опровергнуто предложеніе строити въ Шведскихъ гаваняхъ военные корабли для Египта.

(Продолженіе впрѣдъ.)

V.

СОВРЕМЕННАЯ РУССКАЯ
БИБЛІОГРАФІЯ

Н О В Ы Я К Н И Г И.

1 8 2 7.

Нравственная Философія.

13. *Память доброй матери, или послѣдніе ея совѣты дочери своей. Сочин. Г-жи Таньской. Съ 4 (Польскаго) изданія перевела Е. М. С.п.б., въ типографіи Императорскаго Воспитательнаго Дома, 1827, съ заглавною виньеткою, изображающею дочь, сидящую у мамынина*

машери съ книгою ея совѣшовъ. XIV —

374 стр. въ 12 д. л.

(Эшо одна изъ лучшихъ книгъ для нравственнаго образованія молодыхъ дѣвиць. Въ ней преподаны спасительныя совѣшья для сердца и разума, указаны пуши добродѣшелей и означены мрачныя шропы пороковъ. Кромъ сего, книга сія содержишь въ себѣ весьма хорошія наспавленія о шомъ, чему молодая дѣвица должна учиться, какія знанія, какія пріятныя искусшва ей приличнѣе и нужнѣе; какъ молодая дѣвица и молодая женщина должны себя вести въ свѣшѣ и въ собшвенномъ семействѣ; какъ сберегашь свое здоровье, завѣдывашь домошь и хозяйствомъ и пр. и пр. Переводчица удостоилась поднести свой переводъ Государынѣ Императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ, и была осчашливлена лестнымъ одобреніемъ Ея Императорскаго Величества.)

14. *Пустынникъ Сенъ-Жерменскаго предметія, или замъчанія о нравахъ и обычаяхъ Французовъ въ началѣ XIX столѣтія. Соч. Г. Кольне, служащее продолженіемъ Французскихъ нравовъ Г. Жуи. Перев. съ Франц. А. О. Часть II. С.п.б. въ шипогр. Имперашорскаго Воспиташельнаго Дома. 1826. 145 стр. въ 12 д. л.*

(Всякое успешное дѣло имѣетъ своихъ подражателей и послѣдователей. Эта аксіома въ особенности можетъ быть приложена въ Липерашурѣ. Когда въ началѣ минувшаго десятилѣтія, Г. . . и началъ издавать своего Пустынника, то по его слѣдамъ начали являться во Франціи шопы опшельниковъ среди большаго города, бродящихъ шариковъ, неугомонныхъ говоруновъ. Почти всѣ они, подъ предлогомъ наблюденія нравовъ, выманивали деньги и скуку читателей. Изъ этой шопы, должно однако же исключить Гг. Ружемона (Rougemont), Кольне и Г-жу Софію П... Первый изъ нихъ въ *Бродягѣ* (le Rodeur), второй въ *Пустынникѣ С. Жерменскаго предмѣстія*, и послѣдняя въ *Уличномъ Писарѣ* (l'Écrivain public), показали отличную способность въ наблюденіи нравовъ и даръ высказывать оныя въ видѣ занимательнаго Французскіе Журналы отдали полную справедливостъ симъ премо Писателямъ, и, безъ сомнѣнія, шѣ изъ нашихъ соотечественниковъ, кои любяшъ читать книги на Русскомъ языкѣ, найдутъ въ Пустынникѣ *Сен-Жерменскаго предмѣстія*, по уму и по образу его мыслей, младшаго брата Пустынниковъ Анпенскаго, Гвіанскаго и другихъ, коихъ наблюденія переданы намъ остроумнымъ Жуи. Русскій переводъ очень хорошъ. Переводчикъ хорошо вникнулъ въ духъ своего Автора и весьма вѣрно подражалъ легкому, живому его слогу.)

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА.

1827. № VII.

і.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

А Р Е С Т А Н Т Ъ.

(Продолженіе.)

ЗАПИСКИ ГРАФИННИ ЮЛІИ БЛЕНГЕЙМЪ.

*Наканунъ моего отъезда изъ
зѣмка Бленгеймъ.*

Ужасная минуша наступила! Мнѣ должно вѣшать, оставишь ли лице юныхъ дней моихъ. Опекунъ мой прислалъ за мною карету, требуетъ чшобы я поспѣшила занять мѣсто, выпрошенное имъ для меня, сироты, ему ввѣренной. — Должно повиноваться! Чшо буду я дѣлать при Дворѣ безъ доброй пещушки, заступавшей мѣсто моихъ родителей, кошорыхъ, увы! я даже и не помню!... Но воспоминаніе о ней никогда не изгладится изъ сердца моего, ею образованнаго. Мнѣ кажется, чшо я еще вижу ее на одрѣ смерти, когда она, слабо держа моя рука, съ нѣжностію устремляла

на меня угасающій взоръ свой. „Юлія,“ говорила она: „я себя оспавляю: о, если бы я могла и опшуда охранять себя опъ всѣхъ опасностей, кошорыми ты окружена будешь! Общай мнѣ, любезное дитя, на блестящемъ поприщѣ, куда призываетъ тебя судьба, сохранишь всѣ добродѣтели, кошорыя спаралась я внушить тебѣ. Не полагайся никогда на себя, на свою чувствительность. Общай мнѣ, Юлія, всякій вечеръ, прежде нежели ты ляжешь спать, опдаваешь опчешь совѣси своей во всѣхъ швоихъ мысляхъ и поступкахъ въ продолженіе дня, и въ шо же время описывай ихъ.“ Я дала ей слово, и сдержу его. Дай Богъ, чшобы мнѣ никогда не случилось писать ничего шакого, чшб бы могло огорчить душу ея, наслаждающуюся ненарушимымъ спокойствіемъ. Любезная тешущка! безцвнный другъ мой! Дай Богъ, чшобы Юлія пребыла навсегда достойною любви швоей! Опъ г-жи Нагелинь, моей надзирательницы, взяла она обшчаніе никогда не оспавлять меня: ахъ, она заботилась обо мнѣ, какъ о родной своей дочери! Опекунъ мой изъявляетъ мнѣ въ письмѣ доброе расположение свое и супруги своей. О, я надюсь, чшо вездѣ найду друзей и покровителей: однако, оставая шихое сіе убѣдище в

вступая въ шумный свѣтъ, хоть и привлекательный для меня, сердце мое ощущаетъ что-то горестное: радость и печаль, страхъ и надежда, тревожатъ мою душу: не знаю, кошорому изъ сихъ чувствъ должна я болѣе предаваться.

Въ день моего прѣзда.

Неужели я въ самомъ дѣлѣ нахожусь въ столицѣ, за 30 миль отъ Бленгейма?... Мнѣ кажется, что это сонъ!... Дорогою, я почти безпрестанно думала, что это жилище совсѣмъ не будетъ сходно съ тѣмъ, кошорое я оспавила; но, къ чему послужили всѣ мои разсужденія? Существенность превзошла все, что я могла вообразить. Правда, добрая моя г-жа Нагелинъ пригошьяла меня къ новымъ предметамъ, рассказывая дорогою о всемъ томъ, что я увижу, о названіи улицъ, о многихъ извѣстныхъ зданіяхъ, и о томъ, какую жизнь ведутъ здѣсь знашныя люди. Удивленіе мое, когда я слушала, было смѣшано съ какою-то робостію и нешерпвнѣемъ видѣть все поскорѣе; но что значило оно въ сравненіи съ тѣмъ чувствомъ, кошорое овладѣло мною, когда мы проѣзжали разныя улицы, прежде, нежели достигли великолѣпнаго зданія, въ кошоромъ

живеть мой опекунъ; когда я видѣла множество экипажей, спремѣющихся одинъ и другимъ, шолпы женщинъ и мужчинъ, дерзко заглядывающихъ въ нашу карешу: ахъ, тогда съ трудомъ могла я удерживать свои слезы!... Всѣ предметы, встрѣчавшіеся глазамъ моимъ, были для меня шакъ новы!... Беспыдное любопытство незнакомецъ оскорбляло меня. Вѣроятно, удивленіе мое, смѣшанное съ какимъ-то непріятнымъ чувствомъ, ясно изображалось на лицѣ моемъ, ибо я видѣла, что многіе, взглядывая на меня, улыбались, и это самое умножаю мое смущеніе. У градскихъ воровъ повстрѣчалась намъ кареша владѣтельнаго Герцога, опправляющаяся въ увеселительный замокъ: въ ней сидѣла Герцогиня, при видѣ кошой почталіонъ нашъ снялъ шляпу и повернулся въ сторону. Съ восторгомъ разспривала я блестящій экипажъ; въ ту же минушу подумала, что сама въ скоромъ времени буду ѣздить въ немъ, и гошова была сообщила почталіону о радостныхъ моихъ надеждахъ. Въ самую ту минушу прѣехалъ мимо насъ молодой человекъ, верхомъ. Красивый мундиръ его и пріятная наружность заставили меня взглянуть на него. Онъ поклонился мнѣ весьма учтиво. Я приняла въ смущеніе, покраснѣла и немедленно обратилась

лась въ карешу. „Эшо нашъ Герцогъ,“ — сказала почталіонъ. Боже мой! какъ я испугалась!... Чшо подумаешь онъ обо мнѣ? Мнѣ должно было ему поклониться, а я, вмѣсто того отворотилась.

Здѣсь, у опекуна моего, оказываюшь мнѣ много вниманія. Когда я прѣвхала, онъ самъ вышелъ ко мнѣ на встрѣчу: я дрожала и съ удовольствіемъ приняла его руку. Онъ привелъ меня въ мою комнашу. „Ошдохнише, любезная Юлія,“ сказалъ онъ мнѣ ласково: „я сей часъ пришлоу къ вамъ Графиню.“ Онъ ушелъ. Г-жа Нагелинъ намѣревалась шакже удалиться; со слезами просила я ее не оспаляшь меня, но она ошвѣчала, чшо пора уже мнѣ привыкашь обходиться безъ нее, чего шребовало и свѣтское приличіе. Мнѣ казалось, чшо она не очень была довольна пріемомъ, намъ сдѣланнымъ. „Эшо г-жа Нагелинъ,“ сказала я съ ребостію опекуну моему, когда, при встрѣчѣ его со мною, выходила изъ карешы. „Да, я знаю, она ваша надзирашельница,“ и — послѣ шого не сказалъ онъ ей ни слова. Какъ мнѣ жаль, чшо при первомъ шагѣ моемъ сюда, огорчили шакъ мою пріятельницу! — Неужели эшому шакъ бышь должно?

Можешь бышь, свѣшу неизвѣстно дружесство... За всѣмъ пѣмъ, эшо кажешся мнѣ весьма дурнымъ предзнаменованіемъ.

Обращеніе Графини Винфельдъ не очень мнѣ нравишся. Ея холодность... но, можешь бышь я ошибаюсь. Она мнѣ говорила, что часто бываешь больна; я эшому вѣрю, пошому, что лице ея шакъ блѣдно. Г-жа Нагелинъ думаешь, что эша блѣдность происходитъ опъ излишняго упошребленія румянъ, необходимыхъ для придворныхъ дамъ. „Меня ужъ не принудяшь къ эшому“ сказала я ей. Она засмѣялась: „шеперь и не зачѣмъ,“ опвѣчала она: „пошому что цвѣшь лица вашего шакъ еще хорошь; но когда суешливая придворная жизнь испребишь его, шакъ вѣдь должно же будетъ замѣнишь недосшашокъ искусствомъ?“ Боже мой! шакъ эшо-шо называюшь свѣшскими удовольствіями?... Ахъ! какъ справедливо описывалъ ихъ добрый нашъ Пасшоръ!... Такъ, зтѣсь-шо бываюшь недовольны сами собою: уже я на себѣ испышываю. Графиня приказала мнѣ ипши за нею въ госшиную и рекомендовала меня многимъ дамамъ и мужчинамъ, которые гупъ находились; спрахъ и смущеніе связывали мой языкъ; я молчала, и

думаю, что поспуль моя, поклоны и всѣ швдодвиженія должны были казаться неловкими и смѣшными; къ тому же лице мое разгорѣлось и конечно было безобразно: волосы шакъ расшрепались... Разсмахривая красивую прическу дамъ, бывшихъ у Графини, смущеніе мое увеличивалось, а мысль, что это происходитъ, можешь бышь, ошъ гордосши, чрезвычайно меня огорчала. Дай Богъ, чтобы впредь подобныя движенія никогда не возникали въ душѣ моей!...:

Спустя девять дней.

Какіе полезные и пріятныя предметы являющся глазамъ моимъ! Какъ весело смощрѣшь на разныя вещи, изобрѣшенныя умомъ человѣческимъ! Какова же должна бышь премудросшь Всемогущаго, когда и человекъ, швореніе рукъ Его, можешь выдумашъ споль много хорошаго! Великій Боже! даруй, чтобы я никогда не забывала величія Твоего и милосердія!... Но что я говорю? Можно ли позабышь ихъ, когда всѣ предметы, меня окружающіе, безпрещанно возбуждающъ сердце мое къ наслажденію и благодарности?

Вчера я была въ церкви и слушала духовный концертъ. Ахъ! и теперь еще эта музыка раздаётся въ душѣ моей: мнѣ казалось, что я была на небесахъ и видѣла хору Ангеловъ. Тутъ, въ первый разъ видѣла я сшарую Герцогиню и Владѣшельнаго Герцога; въ семь послѣднемъ пошчасъ узнала шого молодого человека, кошораго видѣла у градскихъ ворошъ; вспомнивъ, какъ я шогда ошъ него спряшалась, я покраснѣла, конечно и онъ не позабылъ шого, пошому, что взглянувъ на меня, улыбнулся; пошомъ безпреспанно смошрѣлъ на меня: большіе черные глаза его прекрасны, но мнѣ не нравишся ихъ выраженіе. Графинѣ невозможно было предспавишъ меня Герцогинѣ въ церкви; я шолько поклонилась ей издали. При звукахъ шоржешшвенной музыки, увидѣла я шѣхъ, ошъ кошорыхъ будешъ зависѣшъ моя учашъ: дай Богъ, чтошъ это было хорошимъ предзнаменованіемъ! Какъ распрогало меня чувешво набожнoshi, видѣнное мною на лицахъ всѣхъ придворныхъ! Нельзя было не замѣшишъ вниманія и усердія молящихся. Въ самомъ дѣлѣ, здѣсь люди наиболее должны прибѣгашъ къ помощи Всевышнего; Онъ шолько Одинъ можешъ успокоишъ души ихъ, шмоль часто возмущаемыя мірскимъ шреволненіемъ. Въ деревнѣ, добрые поселеніе,

по бдльней часши твердо уже увѣрены въ милосердіи Божіемъ, и пошому молишва ихъ бываетъ спокойна. Образъ набожности сихъ послѣднихъ прогаешъ мое сердце, но чувство благоговѣнія первыхъ совершенно увлекаешъ и возвышаешъ мою душу. Завтра я буду предспавлена Герцогинѣ: какъ спрашишь меня мысль объ эпоѣ минувъ! Только сего дня Графиня разговаривала со мною о обязанностяхъ Спашсъ - Дамы: она сама исправляла эту должность двадцать лѣтъ. Когда же, назадъ шому нѣсколько мѣсяцевъ, она вышла за Графа, то Герцогиня спросила, нѣтъ ли у него въ родствѣ какой дѣвицы, копорая могла бы засшупишь ея мѣсто; онъ говорилъ обо мнѣ, какъ о дочери его друга, имъ ему ввѣренной, и Герцогиня согласилась взять меня къ себѣ. Такъ - то и всегда бываетъ на землѣ: на мѣсто упадающаго листочка, произрастаетъ другой. Часто случается, что непредвидѣнныя обстоятельство дѣлають положеніе наше совсемъ отличнымъ отъ шого, копорое, по видимому, судьба для насъ назначала. Все происходитъ по изволенію Божію. Надобно, чшобы я попала къ Двору. Ахъ, какъ бы я желала, чшобы часъ предспавленія моего шамъ уже миновался! И одинъ видъ дворца, сего древняго зданія, приводитъ меня въ

ужась. По ушпру, когда мы кашались вѣспѣ съ Графиней и проѣзжали мимо, она указала мнѣ на два небольшія окошка и сказала: „вошь швое будущее жилище, Юлія; оно было и моимъ: дай Богъ, чшобъ ши проводила въ немъ время споль же пріятно, какъ я, и съ шакими же радоспными чувспвами его оставила!“ Мнѣ показалоь, чшо она произнесла эши слова съ какимъ-шо уныніемъ: вдругъ предспавилоь мнѣ, чшо эшо жилище будешъ моею гробницею, и чущь было я не заплакала. Ахъ! зачѣмъ опекуъ мой рекомендовалъ меня Герцогинѣ?..... Я чувспвую себя совершенно неспособною къ придворной жизни.

На другой день моего представленія ко Двору.

Какъ смѣшенъ кажешся мнѣ вчерашній спрахъ мой! Право, я никакъ не вообразала, чшобы все шакъ скоро и хорошо кончилось. — Добрая Герцогиня! какъ она меня обласкала!..... Взоры ея ободрили унылый духъ мой.... я съ нѣжностію поцѣловала ея руку; она посадила меня возлѣ себя на шабурешъ, и спрашивала, какъ проводила я время въ деревнѣ и чѣмъ шамъ занималась. Думаю, чшо мои ошвѣны были со-

вершено прошивны придворному пону. Герцогиня съ Графинею часшо посмашривали другъ на друга; первая улыбалась, но улыбка ея изъясляла добродушіе. Пошомъ повела она меня по комнашамъ и показывала мнѣ разныя харшиллы, спашуи, и фамильные поршрешы. Я видѣла шушь разныя вещи и, между прочимъ, часы съ музыкаю: ахъ! какъ эшо прекрасно! Герцогиня подарила мнѣ маленькую золошую пшичку; когда дошпронешся до пружинки, подъ крыломъ, шо пшичка поешъ, какъ живая. Какъ благодарна я Герцогинѣ за шакой прекрасный подарокъ! Какъ привлекашельно ея обхождение! какъ хороши, какъ пріятны всѣ слова ея! Съ какимъ нѣжнымъ чувствомъ говорила она о сыновьяхъ своихъ, указывая мнѣ на ихъ поршрешы. Младшаго изъ нихъ, Принца Карла, здѣсь нѣтъ; шри года уже, какъ онъ опшправился, съ войскомъ, въ Восшочную Индію. Долго смошрѣла я на его изображение: онъ показался мнѣ шполь же хорошъ, какъ и брашъ его, шолько взоры Принца, одушевленные какою-шо нѣжношцію, дѣлаюмъ его гораздо пріятнѣе; глаза же Герцога изъясляюмъ нѣчшо гордое, мрачное и даже злобное....

Скоро мнѣ можно будешь свободнѣе разсмащривашь фамильные поршрешы и въ картины; чрезъ нѣсколько дней, надобно вступишь въ назначенную мнѣ должность: Герцогиня не намѣрена опсрочивашь долге; правду сказашь, я и сама съ нешерпнѣемъ ожидаю эпой минушы. Какъ непосшоино сердце челоувѣческое! Теперь я чрезмѣрно желаю, чего прежде шакъ спрашилась; однако я чувспвую, что не шщеславие мое, не великолѣпие, видѣнное мною во дворцѣ, вскружили мнѣ голову; нѣшь, добродушие Принцессы, ласковое обхождение ея, увѣренность въ ея покровишельствѣ и сладостная надежда заслужишь ея благоволеніе; вошь что перемѣнило мои мысли! Но — теперь уже я не думаю, чтообъ онѣ могли еще разъ перемѣнишься. Сохрани меня Боже отъ шакго легкомыслія: я довольна насшоащимъ моимъ положеніемъ, и ничего не желаю болѣе.

Спустя нѣсколько дней.

Баронесса Габріель конечно меня спраше: эпо показывашь и лице ея и поступки; однако она всегда хочешь во всемъ равняшься со мною. Если я украшаю волосы мои розовою гирляндой, на другой день Баронесса надѣвашь шочно шакую же; когда

я бѣгу по лѣсницѣ, въ наши комнашы, Баронесса также сѣвшишь, чшобы не ошспашь ошъ меня. Третьяго дня я была очень виноваша передъ нею: я побѣжала нарочно скорѣе обыкновеннаго; она попоропилась, и шакъ запыхалась, взбѣжавши наверхъ крыльца, что не могла произнесши ни слова, и сильно кашляла. Я взглянула и засмѣялась. О! какъ сурово посмошрѣла она шогда на меня, и я замѣчаю, что съ шѣхъ поръ она какъ будшо спарается при всякомъ случаѣ сказашь мнѣ что нибудь непріятное. Ахъ! какъ она досадила мнѣ вчера: Герцогъ пришелъ навѣсшишь машь свою; Герцогиня, чшобы заняшь его, предложила каждому изъ бывшихъ шупъ, взяшь роль какой нибудь особы изъ Ишпоріи, Романа, или изъ театральншй піесы, и въ продолженіе вечера выдерживашь ее: она надѣялась, что шакая забава послужитъ развлеченіемъ для всѣхъ. Никшо не осмѣлился ошказашься ошъ ея предложенія: я шрепешала и не знала, какое лице должна буду взяшь на себя и какъ говоритъ, предспавляя его: мнѣ казалось эшо чрезвычайно спраннымъ. Смущеніе мое спановилось примѣшнымъ; какъ вдругъ Баронесса съ громкимъ сѣвхомъ сказала мнѣ: „что вы шакъ задумались, Графиня? Не вспомнише ли волшеб-

ныя сказки, какія слыхали въ деревнѣ ошъ своихъ нянюшекъ, чшобы выбрашь для себя какую нибудь ролю? . . .“ Эпи слова умножили мое замѣшательство: я покраснѣла; слезы выпунили изъ глазъ моихъ. Въ самую эту минушу Герцогъ вспалъ, подошелъ ко мнѣ и, помнишся, сказалъ слѣдующее: „конечно Графиня Юлія возьмешъ для себя роль Сандрильоны, кошорая, подобно разцвѣпшей розѣ, явилась; зашмила красошою своею спаршихъ сесшеръ и самого Царя засшавила преклонишь предъ собою колѣна.“ Баронесса поблѣднѣла, а я, ободренная шакими словами, осмѣлилась взглянушь на всѣхъ и увидѣла, что Герцогиня, бросивъ сердишый взглядъ на Баронессу, посмошрѣла на меня, но уже не съ обыкновеннымъ добродушіемъ. Не знаю, въ чемъ провинилась я предъ нею . . .

Игра прервалась въ самомъ началѣ, чему я весьма обрадовалась. Герцогъ, казалось, былъ чѣмъ-шо недоволенъ. Герцогиня находилась въ замѣшательствѣ, выдумывала другія забавы, но ни одна не состоялась; наконецъ всѣ рѣшилисъ заняшья музыкаю. Баронесса пѣла, и похвалы громкому ея голосу наградили ее за маленькое недовольствіе, нанесенное ей прежде. Я шак-

же хотѣла сказать ей что нибудь лестное, но никакъ не осмѣлилась.

Добрая моя Г-жа Нагелинь качала головою, когда я рассказывала ей это приключеніе. Взоры ея показывали неудовольствіе. „О, какъ бы я желала,“ сказала она: „чтобъ моя Юлія никогда не возбуждала подобной ревности! Когда мы оскорбляемъ чье нибудь щеславіе, то въ обиженномъ лицѣ дѣлаемъ себѣ непримиримаго и самаго опаснаго врага. Гордосшь, моя милая, наиболее вкрадывается въ сердца женщинъ. Намъ все хочешся, чтобы предпочитали насъ другимъ особамъ нашего пола. Ахъ! Юлія! Юлія! прибавила она, обнимая меня, спарайся охраняшь сердце свое отъ безразсуднаго щеславія!“ — О, конечно я послѣдую этому совѣшу, завтра же пойду къ Баронессѣ, извинюсь передъ нею въ моихъ просшупкахъ; скажу, что еще не привыкла къ обычаямъ свѣшскимъ; буду просишь у нея насшавленій, и если все это не возврашшшь мнѣ ея пріязни, то по крайней мѣрѣ, совѣсшь моя меня успокоишь.

Въ первые дни карнавала.

Когда я, живши еще въ деревнѣ, читывала пестушкѣ описанія различныхъ празднествъ, то всегда думала, что это оди только выдумки Испориковъ и Поэшовъ; а теперь ясно вижу, что заключенія мои были очень несправедливы. Вчера, напримѣръ, въ Оперѣ, я гошова была въришь, что музыка и декорация сушь дѣйшвіе волшебства. Въ воспоргѣ, я не замѣчала даже Герцога, который давно уже былъ въ нашей ложѣ. Вдругъ онъ подошелъ ко мнѣ и сказалъ шихо: „неужели прекрасная Юлія способна заниматьсь только чувстванными-мысленными? Неужели сущешвенныя немогутъ пронуть юнаго сердца?“

Эти слова привели меня въ смущеніе „Милосшивѣйшій государь,“ сказала я ему почшишельно: „я думала, что находясьздесь, должно и заниматьсь только предешавленіемъ оперы?“

— „Конечно,“ возразилъ онъ съ живостію: „если только это удовольствіе вамъ нравишся. Вы спремилшесь къ забавамъ и не хошлше думать о несчастномъ...“ Уже я намѣревалась прервать слова его и сказать, что не понимаю ихъ, какъ вдругъ Герцогиня подозвала меня и велѣла сѣсть позади нея. На вопросы ея, каково казалось мнѣ

новое для глазъ моихъ зрѣлище, я должна была изъяснять чувствуемое мною удовольствіе, и такимъ образомъ избавилась отъ разговора Герцога, который мнѣ очень не нравился. Между тѣмъ, онъ, какъ нарочно, находилъ всегда случай сказать мнѣ что нибудь непріятное. Недавно, въ представленіи Трагедіи Опелло, жалобы несчастной Дездемоны расстрогали меня до слезъ. Герцогъ примѣшивъ, сказалъ мнѣ, какъ будто съ насмѣшкою: „вы жалѣете о той, которой обманчивыя предесни возжгли неугасимый огонь въ сердцѣ несчастнаго? Ахъ! жалѣйте лучше о немъ: пламень спроситъ свидѣешь всѣ чувства его: онъ не можетъ болѣе владѣть собою. — Что значаешь,“ прибавилъ онъ: „женскія слезы въ сравненіи съ внутренними, безмолвными спраданіемъ мужчины? О! будучи на мѣстѣ Венеціанскаго Мавра, я бы, кажешся, былъ раздраженъ еще болѣе, нежели онъ!“

Отъ послѣднихъ словъ его я содрогнулась. Произнося ихъ, онъ смотрѣлъ на меня такъ спрашно, такъ спрашно, какъ будто бы я была Дездемона, а онъ . . . бѣшенный Опелло. Съ шрудомъ могла я послѣ дослушать Трагедію. Зачѣмъ эшотъ дерзкій, гордый человекъ оправляетъ всѣ мои удовольствія? Что значаешь всѣ слова его?

Право, я не понимаю ихъ, а не смѣю просить его объясниться!..“

Дня черезъ два будешь маскарадъ; даю уже говорить о томъ. Мысль объ этой забавѣ спрashiшь меня, а между тѣмъ я шакъ желаю бышь поскорѣе участницею собранія, для кошораго наряжающся въ различные костюмы и надѣвають маски!... Лишь бы полько Герцогъ оставилъ меня въ покоѣ . . .

Сегодня по упру, Баронесса Габриель относилась ко мнѣ со многими вопросами, кошорые показались мнѣ очень спранными. Она говорила чшо-шо о скрышной довѣренности, о подозрительномъ шепшаньѣ, о неумѣспныхъ чувспвахъ, надеждахъ . . . упоминала о Герцогѣ и усспремляла на меня глаза съ особеннымъ вниманіемъ. Боже! Тебѣ извѣспно, какъ спаракуюсь я избѣгаю и присупспвія его и разговоровъ! Научи меня послушашъ такъ, чшобы никакое несправедливое подозрѣніе не могло очеркшть меня!... Неужели они не замѣчаютъ, чшо Герцогъ, видя, сколь мало извѣспно мнѣ свѣшское обращеніе, спарается нарочно прыводшть меня въ замѣшательство . . . Удивляюсь, какъ можешъ это забавляшъ его?...

Послѣ маскарада.

Гдѣ была я вчера? . . . Какія пространныя и богашоубранныя залы! . . . Какое множество людей собиралось въ одно мѣсто! Чшо за странныя одѣянiя! У меня и теперь еще шакъ кружишся голова . . . Герцогинѣ кошѣлось, чшобы я была одѣша Тишанiею, Королевою Индiйскихъ волшебницъ; голову мою украсили брилліаншовой короною, изъ подъ кошорой висѣло длинное флеровое покрывало; плашье мое было свѣшлоголубаго цвѣша, вышитое серебромъ; алмазный поясъ и шакія же серги довершали нарядъ мой. Въ правой рукѣ держала я золотой скипшрѣ, а въ лѣвой букешъ цвѣшовъ съ береговъ Ганга, вмѣспѣ съ пальмовою вѣшвью. Вошъ каковъ былъ мой костюмъ для маскарада! Сердце мое забилося ошъ удовольшвiя, когда, нарядившись, я подошла къ зеркалу. Какъ ни спыдно мнѣ сказашъ, чшо въ эшо время я восхищалась сама собою; какъ ни горько сознавашся въ безразсудномъ щеславiи, но эшо еще не все, въ чемъ должна я обвиняшъ себя предъ совѣшью . . . и шакъ лучше говоришъ прямо, чшо я не помнила себя ошъ радости; какiя-шо шемныя надежды волновали мою душу: я желала скорѣе явишся на балъ. Горничная надѣла мнѣ на лице черную полу-

маску, и я отправилась въ комнашы къ Герцогинѣ.

Она долго смопрѣла на меня, хвалила, и попомъ задумалась: можеть бышь въ шу минушу она вспомнила ошсуществующаго сына... Она вздохнула, и вскорѣ мы поухали.

Какое смѣшеніе различныхъ одеждъ!... Видь нѣкоторыхъ костюмовъ наводилъ на меня страхъ, и я ни на минушу не ошходила ошъ Баронессы Гебриель, которая сѣю прохаживалась по залѣ. Она была одѣва въ черное плашье, на Испанскій манеръ, и эпошь цвѣшь увеличивалъ бѣлизну лица ея.

Одежда Герцога соспоила только изъ Венеціанскаго плаща, надѣпаго сверхъ чернаго плашья; на головѣ у него была маленькая шляпа, съ загнушыми къ верху полями и съ перьями, прикрѣпленными бриллианшовою пряжкою: шакой костюмъ чрезвычайно шелъ къ высокому росту его и гордому виду. Онъ былъ безъ маски. Взоры его смущали меня безпрерывно. „Зачѣмъ желаешь ты, прекрасная Тишанія,“ сказалъ онъ, подходи ко мнѣ: „владычешвовашъ только надѣ духами? Явись очамъ смершныхъ, и они всѣ готовы будущъ шебѣ покориться. Но берегись обманушься въ выборѣ! Волшебницамъ извѣсны сердца человѣческія:

умѣй же опланишь шого, кто болѣе всѣхъ себя любишь.“ Въ продолженіе этой рѣчи, на кошорую опъ замѣшашельства я не могла отвѣчать ни однимъ словомъ, сдѣлаюсь въ залѣ нѣкошорое смяшеніе. Всѣ сѣли къ одной сшоронѣ. Мы съ Баронессою невольно успремались въ сѣдѣ за шолпою любопытныхъ, и вдругъ, кто-шо високаго роста, величешвенной осанки, замаскированный, одѣшый въ костюмъ Индійскаго Брамина, являешся нашимъ взорамъ! Браминъ посмашриваѣ на всѣхъ, и конечно мой нарядъ возбудиѣ въ немъ любопытство. Вѣрояшно, онъ спросиѣ обо мнѣ: я вслушадась, что кто-шо изъ присушешствующихъ сказаѣ ему: „эшо Юлія, Графиня Блейндгеймъ, Сшансъ - дама Ея Высочешства.“ Тогда онъ подошелъ ко мнѣ, подаѣ руку и вѣжливо попросиѣ проводишь его къ Герцогинѣ, кошорая сѣдѣла въ залѣ на возвышенномъ мѣсшѣ. Когда мы подошди къ ней, онъ, почшшштельно поклониѣ, сказаѣ, указываѣ на меня: „эша юная волшебница привела меня изъ знойнаго отечешства моего дышаѣ благорасшвореннымъ воздухомъ вашей спраны: сбрасываю одежу свою и покоряюсь вашимъ законамъ!...“ Браминъ въ самое дѣлѣ сбросиѣ съ себя длинное верхнее одѣяніе, и вдругъ являешся пре-

краснѣйшій Кавалеръ ордена св. Іоанна Іерусалимскаго. Онъ бросаешь на колѣни предъ Герцогинею и восклицаетъ: „машушка, машушка!“ — „Сынъ мой! Карлъ! тебя ли я вижу?“ вскричала Герцогиня, обнимая Принца, ибо это былъ онъ. — „Принцъ Карлъ прѣвхаль! Принцъ возвратился изъ Индіи! вошь что раздавалось во всѣхъ залахъ. „Прелесная волшебница!“ сказала мнѣ пошомъ Герцогиня, обнимая меня — „благодарю тебя! ты привела моего сына!...“ Принцъ также говорилъ мнѣ много лестнаго, и особенно на счетъ нашихъ съ нимъ костюмовъ. „Но гдѣ же брашъ мой,“ спросилъ онъ у машери: „гдѣ Герцогъ?“ Герцогъ находился не далеко и, прислонясь къ колоннѣ, съ досадою смотрѣлъ на насъ. По призыву Герцогини онъ подошелъ; Принцъ Карлъ хотѣлъ было его обнять, но, по видимому, холодные, даже суровые взоры браша смутили его: онъ остановился и поклонясь, сказалъ ему что-то тихимъ голосомъ. „Ты уже прѣвхаль, Карлъ?“ возразилъ Герцогъ съ холодностію, простирая къ нему руку: „право, мы тебя еще не ждали...“ — „Въ нетерпѣніи возвратишься скорѣе въ опечесство и увидѣшь моихъ родныхъ,“ отвѣчалъ Принцъ: „я обогналъ войска наши, кошорья шеперь распущены, и спѣшилъ

сюда: прїѣхавши, я узналъ, что вы и ма-
шущка на балѣ, и вздумалъ сдѣлать вамъ
нечаянностьъ . . . “—, „И нашли здѣсь покрови-
тельствующаго генія,“ возразилъ Герцогъ,
съ яроспїю взглянувъ на меня. Я пререпеша-
ла, и ясно видѣла, что появленіе Принца
для него весьма непрїятно. Какая была при-
чина? Неужели онъ позавидовалъ, что Гер-
цогиня шакъ ласково приняла его, но это
пошому только, что она споль давно не
видалась съ нимъ; а Герцогу конечно уже
извѣстно, что самого его она всегда пред-
почишаетъ Принцу. Что до меня касается,
я не могу понять, отъ чего шакое предпо-
чтеніе? Говорятъ, что Герцогъ лицомъ луч-
ше своего брата; я не нахожу. Въ Карлѣ
пошчасъ видна нѣжность и сердечная доб-
роша, а Герцогъ? . . . О! какіе спрашные у
него глаза! . . .

Принцъ взялъ меня шанцовашъ и про-
силъ бышь къ нему снисходительною въ
семъ случаѣ, говоря, что совсѣмъ почи
забылъ это искусство. Какъ онъ обманыва-
ется! Никого еще не видала я, кто бы
шанцовалъ съ такою прїятностію. Теперь
увѣрилась, что Живописецъ ни сколько не
польсшилъ ему. Когда я шанцовала съ нимъ,
Герцогъ прошелъ мимо меня. „Юлія, не за-
будьте Ошелло,“ сказалъ онъ, съ бѣщен-

спвомъ взглянувъ на меня. Я содрогнулась. Когда Принцъ повелъ меня къ ушну, и сняла съ себя маску, онъ взялъ ее и просилъ подарить ему. „Она будетъ напоминать мнѣ,“ говорилъ онъ: „минушу, въ которую прелестная Типанія привела меня въ объятія матери.“

„Позволите ли вы мнѣ оставить ее у себя?“ повторилъ онъ, смотря на меня съ нѣжностію. Я не могла отказать ему, и онъ съ восхищеніемъ прижималъ ее къ своему сердцу. Теперь мнѣ очень стыдно, что я поступила такъ опрометчиво; совѣсть меня упрекаетъ. Боюсь, не подумалъ ли Принцъ, что его учтивости пріятны были для него самолюбія, но право, не онъ заставилъ меня согласиться на его желаніе. Герцогъ часто говоритъ мнѣ ласкательства, называетъ прелестною Юлію, но это никогда не бываетъ мнѣ пріятно, а Принцъ... За всѣмъ тѣмъ я очень чувствую, что душно сдѣлала, отдавъ ему маску, а какъ одинъ протупокъ всегда почти влечетъ за собой и другой, то при вопросѣ Герцогини, и пришла въ смущеніе, и принуждена была согласиться, что потеряла ее. О! какъ мысль, что я солгала, терзаетъ мою душу!...

Через нѣсколько недѣль.

Давно уже не принималась я за перо, давно уже не ввѣрала бумагъ мыслей моихъ и чувствованій. Да и что могла передать ей? . . . Великій Боже! въ какомъ смященіи душа моя! Все уже для меня кончилось! . . . Спокойствіе мое пошервно невозвратно! . . . Любовь, коюрой одно описаніе приводило прежде меня въ шрепешъ, нынѣ совершенно овладѣла моимъ сердцемъ. Увы! къ кому ее пишу? Къ человѣку, копорому никогда принадлежать не буду: къ сыну моей благодѣшельницы! Сколько горешей причиняешь мнѣ это сознаніе! Ахъ, если бъ я могла опкрышья Герцогиня! Но нѣтъ, не смѣю на то рѣшишья! Развѣ Графиня? Она больна, никого не принимаетъ: только онѣ могли бы спасти меня, но, за какую цѣну! Не видать его болѣе! Какъ шерзаешь мысль сія мое сердце! Г-жѣ Нагелинѣ . . . я знаю, что она будешь сожалѣшья обо мнѣ, осуждашь меня и вмѣшья извиняшь. Но что можешь она для меня сдѣлать? Ахъ, не даромъ замираю сердце мое, когда мы собирались на охоту въ замокъ Шарфштейнъ! Но попомъ я шакъ развеселилась, да и въ самомъ дѣлѣ мнѣ очень пріятно было въ такой ясный день дѣшья въ саняхъ, копорыхъ лошади управлялись рукою Принца

Карла. Не помню, что говорил онъ мнѣ дорогою: нѣжность взоровъ его и самые звуки голоса приводили меня въ замѣшательство. Позади насъ въхала Герцогиня, также въ саняхъ; Герцогъ самъ правилъ. . . .

Завтракъ, пригошьяенный въ замкѣ, соединилъ все общество: Герцогиня вспомнила, сколько пріятныхъ дней провела она душа съ покойнымъ своимъ супругомъ. Эта мысль ее расстрогала. Она указала Герцогу на портретъ отца его, весьма сходный, и на свой собственный: она была написана въ видѣ Діаны. Съ умиленіемъ спросила она его пошомъ, не пора ли и ему ушѣкишь ее и всѣхъ подданныхъ бракомъ съ какойнибудь Принцессою? „Нѣтъ, мапушка,“ возразилъ онъ: „сердце мое опровергаетъ узъ брачныя; въ немъ свирѣпствуетъ пламя Эшны, но. . . . я бы желалъ,“ прибавилъ онъ насмѣшливо: „чтобы Карлъ ушѣкишалъ васъ поскорѣ своею женишьбою“ . . .

Герцогиня посмощрѣла на него горестно. Въ эту минушу взоры Принца повстрѣчались съ моими. Я пренешала. . . Не понимаю, что происходило тогда въ душѣ моей. . . Вдругъ послышался звукъ роговъ; это было знакъ, что охота началась. — Герцогиня и всѣ дамы поспѣшили въ лѣсъ. „Исполнишь ли Юлія шо, что обещала взорами счастли-

ливому Брамину? — сказала тихо Принцъ, помогая мнѣ сѣсть на лошадь. „Непремѣнно!“ — ошвѣчала я, и уже поздно подумала о послѣдствіяхъ, какія могушь произойти отъ этого необдуманнаго слова... Увы! кто знаешь, куда оно можетъ завести меня!... Лишь шолько сѣла я на лошадь, какъ вдругъ подѣхалъ Герцогъ и сказалъ брашу своему, что Герцогиня его ожидаетъ. Онъ удалился, изъясняя мнѣ взорами, какъ не хотѣлось ему меня оставить. Уже я и сама думала присоединиться къ Герцогинѣ, какъ Герцогъ, схвативъ лошадь мою за узду, повлекъ меня въ гуспошу дѣса. Какія ужасныя слова я отъ него слышала!... И шеперь еще, помышляя о нихъ, содрогаюсь... По счастью, охошники подѣхали къ дѣсу. „у Графини взбѣсилась лошадь,“ сказалъ онъ имъ, она испугалась, надобно опвесити ее въ карету;“ и съ сими словами поскакалъ впередъ. Ахъ, я въ самомъ дѣлѣ была въ ужасномъ испугѣ; не помню, что происходило со мною послѣ и какъ очутилась я въ каретѣ возлѣ Герцогини. По ея словамъ, нѣсколько часовъ была я безъ чувствъ, и она думала, что я въ самомъ дѣлѣ испугалась бѣшенства лошади. Какъ можно мнѣ было вывести ее изъ заблужденія? сказать, что Герцогъ, любимый изъ сыновей ея... Нѣтъ,

нѣшь, онъ не любишь меня; чувствуя, въ которыхъ изъяснилася онъ мнѣ въ дѣсу, совсѣмъ не сходны съ шѣмъ, какое пишася мы съ Принцемъ... Добрый, чувствительный Карлъ! и ошъ себя должно скривашь это объясненіе!... Ужели на пуши жизни сей гошоващся мнѣ однимъ мученія?... Дни спокойствія, дни радости и безопасности, куда вы ошъ меня сокрылись?...

Чрезъ полгода.

Когда я перечитываю эти листки и мысленно переношусь къ той счастливой эпохѣ, въ которую они начаты, то всегда думаю, что, все случившееся со мною съ тѣхъ поръ, было — сонъ: сподалько-то перемѣнь произошло въ это время!... Какъ дорого заплакала я за сіи первые, сладостныя движенія моего сердца!... Куда дѣлася краска лица моего, признакъ здоровья и спокойствія душевнаго?... Гдѣ восторгъ, съ которымъ взирала я на свѣтъ и на всѣ его удовольствія?... Теперь являешся онъ глазамъ моимъ въ собственномъ его видѣ... Жертву власки и любви безнадежной, кто поддержишь меня въ моемъ опчаяніи?... Нѣшь у меня ни родственниковъ, ни друзей... Та, которая прежде, по видимому,

мнѣ доброжелательствовала, нынѣ обходящ-
 ся со мною шакъ холодно... Чѣмъ все это
 кончится и что будешь со мною?... Тщеш-
 но Герцогъ спарается сокрывашъ пламень,
 его пожирающій, и вмѣстѣ свою ярость: и
 взоры и слова ево безпрестанно ему измѣ-
 няющъ; мой Карль не можешь побѣдишь
 ревности... Соспрананіе и гордосшь борюш-
 ся въ сердцѣ Герцогини: она уже сказала
 мнѣ чрезъ Графиню Винфельдъ, чшобы я на-
 блюдала лучше за своими поступками, или
 бы опасалась ея гнѣва и опрѣшенія ошъ
 должности... Я уже просила о позволеніи
 удалишся на нѣсколько мѣсяцевъ ошъ Дво-
 ра, и получила въ ошвѣпъ, что о шомъ по-
 думающъ. Однако ни опекунь мой, ни его
 супруга, ни сама Г-жа Нагелинь, не одо-
 бряющъ моего намѣренія: они полагающъ,
 что это всего болѣе можешь обезславить
 меня. Сама же Герцогиня, опасаясь Герцога,
 не рѣшишся изгнать меня ошсюда. Ахъ,
 когда она не смѣешь поступать прошивъ
 его воли, то какъ же мнѣ не спрашишся
 его бѣшенства!... Мой Карль! я препещу,
 чшобъ и ты не сдѣлался жертвою онаго...
 О, я очень вижу, что ты и самъ съ шру-
 домъ можешь удерживашъ непріязненное къ
 нему чувство... Если бъ ты зналъ, ка-
 кое предложеніе осмѣлился сдѣлать онъ шой,

кошорая гордишься швоею любовію, и кошорая его презираешь; ахъ, я не знаю, на что бы ты тогда не рѣшился! . . . Дай Богъ, чшобъ эшо навсегда ошчалось шебъ неизвѣснымъ, чшобъ горесшныя предчувствія мои никогда не сбылися, и чшобъ ты во вѣкъ не сомнѣвался въ любви моей и вѣрности! . . .

Какъ? Неужели въ самомъ дѣлѣ совершилось шо, что казалось мнѣ шоль невозможнымъ? . . . Любовь шребовала ошъ не-на шакого доказательсшва, любовь засшавила рѣшишься! . . . Но неужели я въ самомъ дѣлѣ шеперь супруга безцѣннаго моего Карла? . . . Безнадежная спрасшъ моя неужели сдѣлалась нынѣ священною, примною обязанностію моею? . . . Такъ, вчера мы шайно обвѣнчались за городомъ, въ церкви Св. Маріи. . . . Добрая моя Г-жа Негелинъ была шому свидѣтельницею. Черезъ двѣ недѣли мы ошправимся въ Индію, и тогдашо я буду совершенно счастлива, буду съ нимъ неразлучна! . . . А ты, о нѣжный другъ мой! конечно не спанешь сожалѣшь о почесшяхъ, шобю оспавляемыхъ: Юлія швоя будешь съ шобю! . . . Все, что до сихъ поръ намъ угрожало. . . . Я не могу про-

должашь... Герцогиня меня спрашиваетъ... она одна.... Чшо это значить?.... Неужели она узнала?... Боже! подкрѣпи меня!.....

Герцогинѣ ни о чемъ еще не извѣстно; а я, увы! могла ли опшкрышь ей?.... Какъ распрогали меня ея слезы!.... Она шакъ добра и великодушна, а я, сколь я виновна передъ нею!.... Она посадила меня возлѣ себя. — „Юлія,“ сказала она мнѣ съ нѣжноспію: „милое дитя, возврати душѣ моеей спокойствіе, кошорымъ наслаждалась она до сего времени!.... По неопытности швоеей, шы невольнo сдѣлалась причиною моего несчастія. Невинность швоя можешъ погубить и саму себя. Сынъ мой Карль оказываешъ къ тебѣ привязанность; шы вѣришь, и думаешъ, чшо онъ любитъ тебѣ опшъ всего сердца; шакъ знай же, чшо если бы любовь его была истинна, онъ никакъ не рѣшился бы внушить тебѣ чувствo, кошорое ни до чего, кромѣ стыда и раскаянія, довести тебѣ не можешъ!.... Прежде я спрашивалась, чшобы опшчить, какое всегда оказывалъ тебѣ Герцогъ, не засшавило тебѣ возгордиться и не сдѣлало тебѣ навѣкъ несчастливой; но шеперь вижу, чшо для невиннаго сердца швоего любовь гораздо опаснѣе, шщеславія: подумай, любезная Юлія,

какъ можешь унизишь себя спросишь, копорую питаюшь къ тебѣ мои сыновья!.... Они гоповы возненавидѣшь другъ друга, и сердце мое содрогаешся опъ сей мысли. Юлія, дочь моя, я во всемъ полагаюсь на швое благоразуміе, на швою добродѣшель, и — наконецъ, на швою ко мнѣ привязанность!... Неуже ли я обманушь въ тебѣ?..." — Я бросилась къ ногамъ ея: признаніе гошова было излешѣшь изъ успъ моихъ, но, могла ли я рѣшишься на шо безъ согласія Карла?... — Эша мысль меня осшановила.... — Сердце мое шерзалось!.... Герцогиня подняла меня; въ молчаніи цѣловала я руки ея и обливалась слезами. „Слезы швои меня успокоиваюшь, милая Юлія, продолжала она, спупай въ свою комнашу; не разспроивай себя и подумай о томъ, чшо я тебѣ говорила: шы можешь возвращишь мнѣ сыновей моихъ!“... Съ шрудомъ дошла я до своей комнашы.... — Совѣшь шерзала мою душу.... О! какъ я виновна!... Я приняла руку, кошорая никогда не должна была принадлежашъ мнѣ!... Я обманула слезами и молчаніемъ шу, кошорая во мнѣ уверена. Она называла меня своею дочерью?... О, для чего не могу, хоши однажды, назвашъ се священнымъ именемъ машери, прежде, нежели неизмѣримосшь Океана разлучишь

нась!... Но доспойна ли шого ша, кошорая лмнаешъ ее на вѣки сына?... Уже я вижу, чувствую ея негодованіе, можешъ бышь проклятіе ея послѣдуешъ за мною... Какъ шагнешь сердце мое шайна, кошорую должна я скрывать!... О! если бы шощъ, кошораго почти не смѣю называть супругомъ моимъ, находился въ сію минушу со мною!... Его присущствіе конечно бы уменьшило грусть мою... Но, я уже нѣсколько дней его не вижу... Правда, передъ глазами моими его поршрешъ... Прежде, одинъ взглядъ на него вливалъ ошраду и ушвшеніе въ мое сердце, а шеперь изображение Карла умножаешъ горестъ мою и вмѣстѣ желаніе увидѣшь его скорѣе... Я просила Гирцогиню о дозволеніи не ходишь къ ней ввечеру... Она согласилась; нѣшъ, нѣшъ, я никакъ не могу видѣшь Карла и скрывать свои чувства... Можешъ бышь, онъ... Такъ, я слышу шумъ, кто-то идешь по лѣшницѣ... Это Карлъ! это Карлъ!...

Черезъ два часа.

Боже мой! Не Карлъ приходилъ сюда, а брашъ его, Герцогъ! Какъ онъ осмѣлился!... Увидя его, я вскрикнула опъ удивленія, и не могла сойти съ мѣста.

„Конечно вы меня не ожидали,“ сказалъ онъ мнѣ обыкновеннымъ своимъ, насмѣшли-

вымъ пономъ: „Нужды нѣтъ; мнѣ надобно поговорить съ вами: Юлія, согласна ли вы меня выслушать?“

Я дрожала, и не въ состояніи быи произнести ни слова.

„Вы нездоровы“ — продолжалъ онъ съ видомъ участія и взявъ охладѣвшую руку мою: „Нѣтъ, вы не можете теперь опшчашь мнѣ. О васъ самихъ, о вашемъ счастьи, хотѣлъ было я говорить съ вами: обшчайше выслушаеть меня, когда вамъ будешь лучше: можете ли вы дать мнѣ въ помощь обшчаніе?“ — Знакомъ головы измыла я согласіе: мнѣ хотѣлось только, чтобы онъ скорѣе оставилъ меня. . . . И онъ, онъ одинъ могъ бы еще поправить. . . . Но нѣтъ, я ничего не могу ожидать отъ сего человека. . . . Онъ власполюбивъ, злобенъ. . . Уходя изъ моей комнаты, онъ взглянулъ на столъ, увидѣлъ портретъ Карла, который смаралась я отъ него скрышь, и — покраснѣвъ отъ гнѣва, „вашъ къ оспориваеть у васъ ваше сердце! . . .“ вскричалъ онъ съ прощію: „Но не думайте, Юлія, чтобы удалясь отсюда, я оставилъ васъ съ моимъ соперникомъ. Мнѣ очень пріятно имѣть портретъ любезнаго моего брата; и беру его съ собою.“ И — въ мигъ исчезъ онъ изъ глазъ моихъ. — Увы! зачѣмъ онъ покинулъ

у меня драгоценное изображение? ... Что намърень съ нимъ сдѣлашь? ... Карлъ! любезный Карлъ! что будешь съ нами? ... Сей часъ написала я къ нему о всемъ случившемся; о томъ, что видѣлась съ матерью его, и о посвщеніи Герцога: хочу, чтобы все было ему извѣстно; теперь я не могу ничего скрывать отъ него; заклинала его поспѣшишь нашимъ отъѣздомъ и какъ можно удаляшь отъ непріятностей съ брашомъ. Для чего ему досадовашь на чувство, которое никогда не было разделяемо? Добрая г-жа Нагелинь общала дожидаться, когда Карлъ пойдетъ изъ дворца, и вручишь ему мое письмо. Дай Богъ, чтобы оно предупредило несчастіе, котораго я сколько спашусь!

На другой день.

Гдѣ мечшы объ отъѣздѣ, о счастіи? ... Все кончилось! ... Насъ разлучили на вѣки! ... Г-жа Нагелинь ждала до полуночи. Всѣ уже удалились изъ дворца; Принцъ осматривался еще у своего брата; какъ вдругъ онъ выходитъ въ сопровожденіи чиновника гвардіи и многихъ вооруженныхъ жандармовъ; Нагелинь видѣла, какъ мой Карлъ безъ всякаго сопротивленія сѣлъ въ карету, которая отправилась въ Шарфштейнъ, туда, гдѣ получилъ онъ отъ меня признаніе въ люб-

ви... О Карль! возможно ли, чшобъ ты могъ въ ней сомнѣваться!... Говорить, чшо вчера ввечеру онъ пришелъ въ шаку запаальчивосшь, чшо обнажилъ шпагу свою прошиву Герцога. Злополучный Карль! конечно ты узналъ, чшо онъ давно уже старается лишить тебя сердца, обладаніе котораго цѣнилъ ты столь дорого!... Слышно, чшо онъ сошелъ съ ума, и чшо давно уже примѣшны были въ немъ признаки помѣшательства. Боже! вошь какъ называшь истинную любовь!... Но, какая мнѣ нужда до этихъ слуховъ?... Ахъ! если бь онъ шолько былъ со мною!...

Чрезъ нѣсколько дней.

Какъ могу изъяснить шо, чшо чувствовала, и чшо теперь чувствую!... Боже милосердый! какая участь ожидала меня! а теперь!... Буду все описывать: можешь бышь, нѣкогда шпроки сіи, орошаемы твоими слезами, дойдушь до моего Карла...

Г-жи Нагелинь нѣшь дома; она старается развѣдать чшо нибудь о несчастномъ пѣвникѣ; узнашь, не можно ли съ нимъ увидѣшься: ахъ, по крайней мѣрь, если бь я могла увѣришь его въ постоянствѣ чувствъ моихъ!... Съ какимъ неперывнѣемъ

я жду ея возвращенія! . . . Я одна, совершенно одна, всѣ меня убѣгаюшь . . . Герцогиня не допускаешъ меня къ себѣ; можешъ бышь она сокрушается о злополучномъ сынѣ . . . Опекуна моего нѣшъ въ городѣ, жена его нездорова: на что мнѣ рѣшишь въ горестномъ положеніи моемъ? . . . Если бѣ Герцогъ . . . Можешъ бышь онъ бы смягчился, когда бы узналъ, что лишилъ меня супруга: для чего ему пишашъ спросишь безъ надежды? . . . Злосчастная Юлія! у тебя нѣшъ иной надежды, какъ на жесточайшаго врага своего! . . . Что я вижу? . . . Это самъ онъ! . . . Я шрепещу . . . Великій Боже! укрѣпи меня Твоею силою! . . .

Вечеру.

Нѣшъ никакой надежды! Неуже ли я существую? . . . Такъ, я еще дышу — для горести. Онъ былъ здѣсь; какъ могъ онъ сносить взоры шой, кошорую, судя по словамъ его, шакъ любилъ, и между шѣмъ дѣлаешъ споль несчастною? . . . Я очень ждала съ нимъ увидѣшься и ожидала шого, но при всемъ шомъ видъ его привелъ меня въ шрепещъ . . .

„Не проклинаете ли вы меня, Юлія?“, спросилъ онъ съ необыкновенною нѣжно-

спію. Я не могла говорити и въ молчаніи просперла къ нему руки.

„Несчастливая!“ продолжалъ онъ свирѣпо: — „что ты съ нами сдѣлала?“ Онъ замолчалъ и посмопрѣлъ на меня съ яростію. „Однако“ — прибавилъ онъ, какъ бы въ борьбѣ съ самимъ собою: „я могу просиши, ежели вы рѣшишесь раскаяшсь и забышь все прошедшее.“ Онъ хотѣлъ взять мою руку, я опняла ее и гошова была его оставишь. „Юлія,“ продолжалъ онъ: „не забудьше, что кромѣ меня, вамъ не на кого надѣяшсь: я одинъ могу возвращишь вамъ счастье, которое вы опвергнули. Послушайше: Карлъ ни для кого уже шеперь не существуеш; онъ потерялъ разсудокъ и лишень свободы: вы никогда уже съ нимъ не увидишесь. Къ чему послужишь для васъ хранишь къ нему чувшва нѣжности? Когда еще при шомъ всѣ гошovy за нихъ презирашь васъ, оставишь... Но все еще можеш поправишься, ежели вы...“

— „Ежели вы будеш великодушны, милосшивѣйшій государь,“ вскричала я, упавъ къ ногамъ его: „ахъ! возвращише мнѣ его, соединише насъ, дозволише намъ удалишь опсюда и вкушаш счастье въ странѣ чуждой!...“ Онъ горько улыбулся, поднялъ меня и посадилъ въ кресла. „Юлія,“ ска-

заль онъ мнѣ пошомъ: „я люблю васъ, обо-
жаю, и хочу спасши. Опкажишесь опъ люб-
ви къ бѣшеному, кошорый самъ опвергаешъ
васъ. Обѣщайте соединитесь со мною, и, я
гошовъ презрѣшь всѣми предразсудками мо-
его званія. Машъ моя назовешъ васъ до-
черью, народъ *Государынею*, а я обожаемою
супругою! Теперь, Юлія, судите, умѣю ли
я любить и достоинъ ли сердца, кошорое
хощите вы опдашь безумцу, способному къ
величайшимъ пресшупленіямъ—кошорый . . .“

— „Замолчише,“ вскричала я, не въ си-
лахъ будучи владѣшь собою: „не говорише
ничего болѣе о шомъ, кому, у подножія ад-
шаря, я поклялась въ любви, вѣрности и
почщеніи! . . . Я не вѣрю словамъ вашимъ;
но пущъ они и справедливы, Карль, су-
пругъ мой, шѣмъ не менѣе будешъ мнѣ лю-
безень. — Я гошова раздѣляшь съ нимъ не-
волю, и опвергаю предложеніе ваше! . . .“

„Юлія,“ прервалъ съ яростию Герцогъ:
„если это правда, если рука швоя уже оп-
дана, шо — шы погибла! . . . Но все еще мо-
жешъ, ежели рѣшишьсь, бышь счастлив-
вою! . . .“ Я запрешала. Онъ посмошрѣвъ
на меня презришельно и поспѣшно удалился
изъ комнаты. Я оспалась одна, бросилась
на колѣна и умоляла Всевышнее Сущешво,
ушишишь водненіе моего сердца, и не оспа-

вишь безпомощнаго Карла. Послѣ молиши
я сдѣлалась спокойнѣе.

Г-жа Нагелинъ возвратилась. Она ни-
чего не могла узнать. Маршень, камерди-
неръ Принца, покушался было его увидѣть,
но въ Шарфшнейнъ никого не пускають.
Вѣрный служитель спрячалъ у себя разныя
вещи, принадлежація несчастному Карлу,
въ ожиданіи случая доставить ихъ ему; въ
помощь числѣ Флейшу его и полумаску, пер-
вый задокъ моей нѣжности, которая всегда
лежала на его сплнкѣ. Онъ взялъ также
къ себѣ Поллукса, любимую собаку Принца.
Злополучный супругъ! всѣ средства къ раз-
свѣнію у тебя опинаны... Увы, своя Юлія
не услышитъ уже звуковъ гармоніи, кото-
рая споль часто пѣвнела слухъ ея! Ахъ,
я почти принуждена желать, чтобы съ по-
шереею разсудка, онъ позабылъ и все про-
шедшее! Такія воспоминанія могутъ еще
болѣе его распронивать. Опекунъ мой при-
вчалъ. Онъ присылалъ ко мнѣ сказать, что
завтра увидишься со мною. Ахъ, какъ боюсь
я и вмѣстѣ желаю того! Зачѣмъ, зачѣмъ
призвалъ онъ меня ко Двору?.....

На другой день.

Онъ былъ у меня; я ничего опъ него не скрыла; ему извѣстно шеперь о шайномъ бракѣ моемъ; я пересказала даже и послѣдній разговоръ мой съ Герцогомъ. Добрый Генераль сожалѣеть обо мнѣ и, зная бѣшеный нравъ Герцога, спрашиваетъ послѣдствій и за меня и за себя самого. Я не могу оспаваться здѣсь долѣе. Должна ѣхать. Опекунъ мой желаетъ, чшобъ я удалилась въ Англію, и шолько на семь условій общаетъ пребышь навсегда другомъ моимъ и покровителемъ. Онъ будетъ дославлять мнѣ проценты съ денегъ, кошорыя оспаются у него; самъ проводитъ меня до корабля, на кошоромъ удаюсь я изъ опечества и опъ себя, возлюбленный Карль мой! Ужасная мысль! я ѣду, не зная, увижусь ли еще съ нимъ въ сей жизни!...

Герцогиня прислала мнѣ увольненіе съ Баронессою Габріель, и не изъявляетъ желанія простишься со мною. Какъ несносно было для меня посвященіе гордой Баронессы и всѣ насмѣшки ея!... Она упрекала меня, чшо я, опвѣстивуя спрасши Герцога, спаралась между шѣмъ понравиться и Принцу.... О, Карль! неужели и тебя увѣрили въ вшомъ?... Я не могла ничего опвѣчать ей. Молчаніе мое ее оскорбило: уходя, она

сказала, что оно служишь доказательством предосудительныхъ поступковъ моихъ... Такъ, я виновна; но зачѣмъ подозрѣвашъ меня въ оказаніи взаимности къ чувствамъ Герцога?... Неужели и ты, мой Карль, могъ шому повѣришь!...

*Въ домѣ Графа Винфельда,
моего опекуна.*

Я оставила дворець. О если бы я никогда въ него не вступала! За нѣсколько минушь до моего отъѣзда, я получила письмо отъ Герцога. Что могла отпѣвать на такія унижительныя для меня предложенія? Онъ не вѣришь, чтобы Карль былъ въ самомъ дѣлѣ супругъ мой: такой бракъ, пишешь онъ, не можешь бышь признанъ законами; онъ снова убѣждаетъ меня, но уже не къ браку, а чтобы я согласилась остаться при Дворѣ подъ его покровительствомъ, общая возвращишь мнѣ благоволеніе Герцогини и проч. и проч. Низкій человекъ! какъ пріятно мнѣ отъ себя удалишься!... Опекунъ мой спрашиваетъ всего и съ непереносимымъ ожиданьемъ минушы, въ которую я поѣду. Я отправляюсь въ сію же ночь. Графиня изъявляетъ мнѣ дружество, сосраданіе... О, сколь нужно для меня это посла-

нее чувство!... Я удаляюсь отсюда и — увы, не имѣю и поршреша любезнаго Карла!... Жестокий Герцогъ всего лишилъ меня. Безцѣнный супругъ! швое изображение вѣчно сохранился въ моемъ сердцѣ!...

Прости, любезное отечество!... не могу сожалѣть о себѣ... Скоро, скоро позабудешь всѣ несчастную и виновную Юлію... Виновную, но и наказанную споль жестоко!... Боже! прости меня!... Спасишель мой! Ты правосуденъ, но вмѣстѣ и милосердъ; Ты лишилъ меня блага, кошорымъ, можешь бышь, я хошѣла обладашь безъ Твоего соизволенія; я покоряюсь десницѣ Твоей: успокой же сердце мое и не лиши меня Твоей помощи!...

Прости, милый, злополучный супругъ мой! Ахъ, я чувствую, сколь хипро запусанъ шы въ сѣши обмана, и не могу обвиняшь себя въ несправедливости! Помышляя, до какого пресшупленія доведя себя злоба ихъ, я должна сожалѣть о себѣ еще болѣе, нежели о себѣ самой. Опекунь мой общаешь непременно досшавишь къ себѣ сія лиспочки; погда, шы узнаешь испину; погда не будешь болѣе презирашь Юлію, возвратишь ей любовь, сердце и — погдашо, соединимся мы новыми узами!... Только съ сею надеждою могу я еще сносишь бремя

жизни и разлуку съ тобою... Ахъ, Карль! шеперь пушь нашъ будешь продолжителнѣе, нежели какъ мы предполагали; но, — рано или поздно, мы достигнемъ берега: смерть соединишь насъ, и мы будемъ неразлучны!... Вошь мой надежды, вошь мое утѣшеніе!... Еще нѣсколько минушь и — я поѣду. — Проси, Карль, проси счастье, кошораго. . . .

(Окончаніе впрѣдъ.)

II.

К Р И Т И К А

Нѣсколько замѣчаній на статью Гевгена о Рамайянь и переводъ оной, помѣщенный въ 4 Но Московскаго Вѣстника.

Весьма порадовались мы, увидѣвъ въ Русскомъ Журналѣ переводъ Рамайяны и, почтѣе сказашь, содержанія оной, помѣщенный въ ученомъ сочиненіи Геерена. Невходъ въ разсмашириваніе, какъ важна Поэма сія въ отношеніи къ Литтературѣ и Мифологіи Индійской, что весьма ясно и подробно изложилъ А. В. Шлегель въ проспектѣ о семъ

швореніи, приложенномъ къ повременному изданію его: *Индійская бібліотека*, мы сдѣлаемъ только нѣсколько бѣглыхъ замѣчаній на счетъ труда самого Геерена и его Русскаго Переводчика. Мы рѣшились это сдѣлать не съ тѣмъ намѣреніемъ, чшобы выставить себя за знапока въ Индійской Литтературѣ, напрошивъ шого охотно сознаемся, чшо языкъ Санскрипскій намъ совершенно незнакомъ и ни мало не приписываемъ себѣ шого, чшо будетъ сказано нами. Источники, откуда мы заимствовали, какъ и въ прежней спашѣ нашей, будутъ со всею точностію выставлены и здѣсь, — мы выбирали шѣ только, коихъ достоинство и вѣрность признаны ученымъ свѣтомъ. Желаетъ, чшобы сія спашейка послужила къ пользѣ Науки, а не къ бранчивой и бездоказательной крипикѣ, кошорой превосходный образчикъ помѣщенъ въ 24 No Московскаго Телеграфа прошедшаго года, на спашью, за нашею подписью, напечатанную въ Сынѣ Опечества.

Гееренъ, въ предисловіи своемъ къ прешнему ошдѣленію объ Индійцахъ, (1), сознается, чшо онъ, при обзорѣ сего края, и его

(1) См. *Ideen über die Politik, den Verkehr und den Handel* и проч. *Erster Theil, dritte Abtheilung.*

литературныхъ богашествъ, руководствован-
 ся пособіями, изданными на языкахъ Европей-
 скихъ, кошорыя у него и исчислены. Со-
 держаніе Рамайяны заимствовано имъ изъ
 Англійскаго перевода въ прозѣ Гг. Карей и
 Маршмана. Имѣя нѣкошорыя изъ книгъ, слу-
 жившихъ исшочникомъ Г. Геерену, мы неразъ
 удивлялись шочности, съ каковою онъ пере-
 даетъ намъ своихъ руководшелей; и коли
 сего Англійскаго перевода въ рукахъ нашихъ
 и нѣшь; но мы вправѣ заключишь, что пе-
 реводъ его и въ семь случаевъ ешь самый
 близкій и вѣрный; а пошому и неправи-
 лности, кошорыя мы изрѣдка въ ономъ встрѣ-
 чаемъ, преимущественно въ именахъ соб-
 ственныхъ, относяшся не къ нему, а къ его
 подлиннику. Всякій, кто шолько изучаетъ
 какую либо иносшранную Литературу, въ
 особенноти народовъ Восшочныхъ, знаетъ,
 какая важноти заключаешся въ правиль-
 номъ выговорѣ именъ собственныхъ, и какъ
 желашельно, чшобы сіи имена, бывши от-
 нажды правильно введены, сдѣлались въ
 шакомъ видѣ общепопребишельными. Се
 наиболѣе нужно въ Литературу Индішской,
 кошорая не шолько сливаешся, но даже
 имѣешъ въ основѣ свою Миеологию, по испан-
 нѣ испалинскую. Еще и поимѣя сія Ли-
 шература осшашется почти неразработана-

ною, — и не удивительно! Кроме трудности самого языка, кошорый изучають небольшое число любителей, — многих оспанавливалъ недоспашокъ въ учебныхъ пособияхъ, начавшихъ появляться въ Европѣ весьма недавно, — большая часть въ первыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія; наконецъ оспадленность самого края, ибо немногіе имѣли случай бытъ въ Индіи, и хотя Европа уже давно была съ нею ознакомлена по сношеніямъ шорговли, но долго никому не входило въ голову, чшобы страна, населенная народомъ извѣженнымъ и по наружности слабоумнымъ, могла заключать въ себѣ сокровища познаній, во многихъ оспрасляхъ неопцененныхъ. Первую часть шаковаго ошкрытія приписываютъ В. Джонесу, неушомимымъ и просвѣщеннымъ шрудомъ кошораго обязанности мы весьма многимъ по сей часши. Саконшалà, Гишопадеза, Законы Ману и другіе его переводы съ языка Санскришскаго, вѣдшсь съ прекрасными переводами съ языковъ Арабскаго, Персидскаго и Турецкаго, пріобрѣли ему всегдашнее право на признательность нашу (*).

(*) Сей знаменитый Ориеншалистъ, не знаемъ, по какой причинѣ, навлекъ на себя гнѣвъ Г. Издашеля Моск. Телеграфа. Онъ даже сердшлся, когда на сего

Тѣ же причины, кои замедляли успѣхи въ Липерашуръ Индійской, необходимо должны были оспанавливатьъ особь и въ изысканіяхъ относительно Миеологіи, Исторіи и Археологіи сего народа, сшоль шѣсно съ нею связанныхъ. Сверхъ того первыя свѣдѣнія, въ послѣдствіи намъ сообщенныя, были такъ шемны, такъ нешочны и сбивчивы, что чшпашель, незнающій языка Саукрипскаго, невольно долженъ былъ предспавлять себѣ все, до нихъ касающееся, въ особенноти ихъ Миеологію и безъ того уже гигантскую, не иначе, какъ въ видѣ мяса. Развершываемъ, для примѣра, путешествованіе Соннера по Индіи и Кипаю (2). Здѣсь найдемъ мы, спр. 147, что Предвѣчныя прежде всего сошворены Бирма, Бисну и Сеибъ; на спр. 81, Брума, Вишену, Шавень; на спр. 158, Бермаль, Бисну и Сеибъ. Кто бѣ не счелъ боговъ сихъ за совершенно различныхъ между собою. Кто би могъ подумашъ, что Бирма, Брума и Бер-

Писателя ссылающся. Не смѣемъ совѣштовашъ Г. Полевому прочесть его; но не можемъ не подившса, отъ чего произошла у него такая вражда съ Писателемъ, по видимому, ему незнакомый. Удѣ не во наговорамъ ли?

(2) Voyage aux Indes Orientales et à la Chine, par M. Sonnerat. Paris, 1806, T. 2.

наль ешь нѣкшо другой, какъ Брама, чшо Биспну и Вишену — ешь Вишну, вшорое лице Индїйской пройсшвенности, и наконецъ Шивенъ и Сеибъ — Сива, споль много прославляемый во всей Индїи. Если мы находимъ шакое множешво прошиворъчїй въ одной книгѣ, шо какъ должны были разнипсья между собою мнѣнїя двухъ или нѣсколькихъ Писашелей! Въ послѣдствїи, когда ученые Европейцы, занимавшїеся Санскрипскою Липеращурою, сами замѣшили шакую спранную необходимость, и увидѣли изъ несчастнаго примѣра Вильфорда (3), съ какою ошорожноспїю должны они впередъ принимашь свѣдѣнїя, сообщаемыя имъ Браминами или правильнѣе Браманами (4), когда они усмошрѣли, сколь слабы и незначительны будущъ ихъ усилїя, если не будущъ руководшвуемы свѣшомъ здравой кришки, шога и шруды ихъ приняли видъ болѣе правильный, шемноша и сбивчивоспъ

(3) Любопытные могутъ чпшашь подробно о семъ случаѣ въ Jahrbücher für wissenschaftliche Kritik. Januar. 1827.

(4) Слово Браминъ есть испорченное, и безъ.со. шнїнїя впервые было въ шакомъ видѣ введено Французскими Миссіонерами. Писашь должно Браманъ. См. примѣчанїе на сіе слово: A. W. Schlegel's Indische Biblioth. T. 1.

начала мало по малу разъясняются, уступая мѣсто ясному и почному изложенію предметовъ и понятій, и въ семь отношеніи многіе Писатели Англійскіе, въ особености Кольбрукъ, Вильсонъ, Нѣмецкіе Шлегель, Козегаршень, Боппъ, Французскіе Шези, Ланглесъ и другіе, преимущественно заслуживають нашу благодарность.

Но какое же произношеніе будетъ самое вѣрное? На чемъ можно основаться и чѣмъ доказать, что оно должно бытъ писано такъ, а не иначе, когда намъ неизвѣстенъ языкъ Санскрипскій? — Въшъ вопросы, кошорые можешь сдѣлашь всякій. — Въ вшомъ случаѣ, какъ мы сказали выше, долженъ насъ руководствовашъ примѣръ достовѣрнаго Писателя. Козегаршень, въ переводѣ своемъ съ подлинника на Нѣмецкій языкъ Индійскаго Стихотворенія Нага, составляющаго эпизодъ знаменишой Магабарашы, указываетъ на способъ, какимъ образомъ сіе исполнишь. Самъ онъ въ предисловіи къ сей книгѣ говоритъ, что, въ произношеніи имени, онъ слѣдовала неспорченному выговору Бенгальскому, но первоначальному, чисному выговору, кошорый приняли Вилькинсъ, Кольбрукъ, Вильсонъ и почти всѣ Англійскіе Филологи. Преобразовавшійся и только въ нѣкошорыхъ

областяхъ употребляемый Бенгальскій выговоръ языка Санскрипскаго, по замѣчанію Кольбука (5), совсѣмъ неизвѣстенъ въ Южной Индіи. Онъ перемѣняетъ, напр. крашкое Санскрипское *a* на *o* и *y*, совершенно отбрасываетъ его при концѣ словъ; измѣняетъ *e* на *ш*; такимъ же образомъ поступаетъ онъ въ именахъ и словахъ Арабскихъ и Персидскихъ. Отъ этого Санскрипскія имена: Магабараша, Дасараша, на Бенгальскомъ выговорѣ сшановяшся: Могабарошъ (Магабарашъ), Дошорошъ (Душа-Руша); равномѣрно и Арабскія имена: Ахмедъ, Могаммедъ — Ухмудъ, Могуммудъ. Сіе испорченное произношеніе, какъ замѣчаешь далѣе Козегаршенъ, введено Англичанами; ибо они первоначально изучались въ Бенгалѣ, а пошому необходимо заняли и выговоръ, въ шомъ краю употребительный. „Желательнo,“ прибавляешь онъ: „чтобы съ распространяющимся знаніемъ языка Санскрипскаго, употреблялись впередъ собственныя имена сего языка въ своей первородной чистотѣ.“

Мы пошому, можешь быть излишне, распространились о сѣмъ предметѣ, что въ этомъ заключается главная ошибка Гее-

(5) Asiatic Researches. 8. London. 1806—1818. Vol. 7. f. 224, 228.

рена — ошибка, въ копорую, какъ мы сказали выше, вовлекъ его шексшъ, копорую онъ слѣдовалъ. Почти всѣ имена, встрѣчающіяся въ его опривкѣ о Рамайянь, высшавлены неправильно, и для насъ Русскихъ, начинающихъ шолько знакомишься съ снмъ богашымъ доспояннємъ народа, намъ совершенно чуждаго, но любопышнаго, шакая неправильность весьма важна, и должна бышь ошпановлена при самомъ началѣ. Выпишемъ имена снмъ въ шомъ видѣ, въ какомъ они помѣщены у Геерена, и предложимъ настоящую форму каждаго. Мы будемъ высшавляшь ихъ въ шомъ порядкѣ, въ каковомъ оныя намъ встрѣчающя въ Русскомъ переводѣ.

Спр. 304. *Рамайянь и Магабаратъ*, писашъ должно: Рамайяна и Магабараша, см. Vorrede zur Nala, aus dem Sanskrit übersetzt von Kosegarten.

Тамъ же: Маркандай-Пурана — Маркандей-Пурана (6). Книги, извѣсныя подъ названнємъ Пуранъ, сущъ содержання историко-миеологическаго. Ихъ числомъ осмнадцашъ (7). Пурана значншь Исторн, сказанн (8).

(6) См. Langlès Catalogue des Manuscrits Sanscrits.

(7) Journal Asiat. T. 7, p. 194.

(8) Asiat. Res. Vol. 8.

Стр. 305. *Равуна Князь Ракшусовъ*,
 пишашь должно: *Равана Князь Ракшасовъ*.
Ракшасами называюшся злые духи, которые
 спараюшся всячески вредишь людямъ, въ
 особенноти мѣшашь имъ во время жертво-
 приношеній (9).

Стр. 306. *Уядгя*, чип. Айодія (Ayodhya);
 шакъ называешся городъ, лежащій въ спра-
 нѣ Козала, на берегу рѣки Сарайу (Sarayu),
 построенный первымъ Царемъ людей — Ману.
 Онъ имѣлъ, какъ сказываюшъ, сорокъ Ан-
 глійскихъ миль въ окружности, естъ одинъ
 изъ знаменишѣйшихъ городовъ, упоминае-
 мыхъ въ древней Исторіи Индійцевъ, и безъ
 всякаго сомнѣнія былъ столицей древнѣй-
 шаго Индійскаго царства. Нынѣ онъ зовеш-
 ся Уде или Ауде (Oude). Развалины сего го-
 рода, находящіяся вблизи Фицабада или Фе-
 нсь-Абада, столицы Могоммеданскихъ вла-
 дѣльцевъ, подтверждаютъ преданіе о его
 бывшемъ величій (10).

Тамъ же. Душа-Рута — пишашь дол-
 жно *Дасараша*. См. прим. на *Рамайянь* и
Магабаратъ.

(9) Works of Will. Jones. London 1807. См. Me-
 nu cap. 3 u. 11.

(10) См. Indische Bibl. von A. W. Schlegel. T. 1.
 в Sakontala übers. v. Forster.

Тамъ же. Мену — Ману. См. прик. на слово Уадгія.

Стр. 308. Ужвamedу — Асвamedа (11). Переводчикъ неясно представилъ это мѣсто; читая Русскій переводъ, подумаешь, что жершва приносилъя какому-то Ужвamedу, между шѣмъ, какъ это есть собственное названіе жершвы, ш. е. приношеніе коня. Она иначе называется Гаямеда, Ваджмеда, есть величайшая и самая пышная изъ всѣхъ жершвъ, и совершалась только одними Царями въ случаяхъ важныхъ, съ необыкновенными издержками. Приготовляемый для сего жершвоприношенія конь долженъ былъ бытъ, за нѣсколько дней до онаго, выпущенъ на волю, и потомъ снова бытъ найденъ. Полное описаніе сего обряда, находящееся въ началѣ Рамайяны, можешь подать намъ средство къ сравненію онаго съ такимъ же приношеніемъ на жершву коня въ Скандинавіи (12).

Тамъ же. Дочь Царя Шанты, должно писать Сапта. См. примѣчаніе на слово Рамайяны. Кроме того мы находимъ здѣсь ошибку въ переводѣ: не Царь назывался

(11) Description de l'Assua-Meda ou le grand sacrifice du cheval, par l'Abbé Dubois. Paris. 1825.

(12) Schlegel's Indische Biblioth. T. 1.

Шанша или Санша, а дочь его, ибо имя Царя есть Дасараша, котораго, какъ мы замѣтили выше, Гееренъ неправильно называетъ Душа-Руша.

Тамъ же: вызвать *Ришию Шрингу*; не Ришию, а *Риши*; это слово означаетъ свящой, равно какъ *Муни* — мудрецъ. Такія высокія проименованія обыкновенно давались шѣмъ людямъ, которые, уклоняясь отъ шума свѣта, уединялись во глубину лѣсовъ, и тамъ проводили жизнь согласно съ предписаніями Мену, совершая благочестивые обряды, подвергая себя строгому покаянію и въ безмолвномъ созерцаніи. Отъ сего происходящее имя ихъ *Ванапраста* — жилище лѣса; а при возрастающей власти надъ самими собою: *Саньяси*, *Брамчарья* и *Йоги*. Въ новѣйшія времена, *Гозейны* представляютъ родъ людей, нѣсколько сходныхъ съ ними, но весьма во многомъ уже измѣнившійся (13). Касательно имени Шринги, мы ничего не могли найти: должно полагать, что это есть испорченное отъ Сринга; но мы за сіе не ручаемся.

Тамъ же: супругъ *Жанты*, вм. Санпы. Опечатка Геерена ввела въ ошибку Перевод-

(13) Nala übers. v. Kosegarten. в Journal Asiat. t. 7, p. 48.

чика; въ первомъ случаѣ онъ перевелъ слово сіе Шанша, а во второмъ Жанша. Что жъ касается до примѣчанія его, что дошось естъ распеніе священное на Воспокъ, но и этого мы не можемъ сказать утвердительно. Не во всемъ Воспокъ, гдѣ оно ошчасши служишь прелесною аллегорією несчастнаго любовника (14), (хотя въ Коранъ и упоминается сіе имя, но шамъ подъ дошосомъ, какъ замѣчаетъ Джелаледдинъ, понимаешь не цвѣшокъ, а дерево *набкъ*, сохраняющее всегдашнюю зелень) (15), но преимущественно въ Индіи цвѣшокъ сей играеть весьма важную роль. *Брама* имѣеть очи дошоса. *Вишну* весьма часно изображается сплящимъ на Океанъ. Голова его покоишся на развернувшемся дошосѣ; онъ поддерживаемъ извивающимися кольцами змѣи, коей головы образують надъ нимъ родъ бадахи-на (16). — Знамя, блистающее на Вадшай-липи, небесныхъ черпогахъ Индры, имѣеть голубой цвѣшь, подобный дошосу — голу-

(14) См. *Les oiseaux et les fleurs*. Trad. par Garcin de Tassy. f. 19.

(15) См. *Le Coran trad. par Savary* T. 2. Ch. LIII l'Etoile.

(16) См. *Indische Biblioth.*

бая шросшь, украшенная злaшомъ (17). Но высчишываешь всѣ мѣсца, гдѣ цвѣшокъ сей упоминается, было бы и долго и бесполезно.

Спр. Зог. *Туда стекаются дѣвы и тѣ мудрецы небесные.* Здѣсь въ переводѣ опечашка; должно писашь *Девы*, что значишь *боги*; что жъ касается до мудрецовъ небесныхъ, то едва ли это не опечашка у Геерена; ибо въ Индійскихъ вымыслахъ находимъ только чепыре рода священныхъ или *Риши*, которыхъ постепенное повышение есть слѣдующее: *Радшарши* — священные племени Царскаго, *Магарши* — великіе священные, *Брамарши* — изъ касты Брамановъ, и *Деварши* — священные, богамъ подобные или божественные. Здѣсь скорѣе, полагаемъ мы, можно читашь *Wesen*, а не *Weisen* — существа небесныя, каковы суть: 1) *Гандгарфы* — пѣвцы и пѣвицы небесныя или духи звуковъ, воспѣвающіе свои пѣснопѣнія въ міръ Индры (18); 2) *Апсарасы* — небесныя шанцовщицы, коихъ числомъ шесть милліоновъ. Прелестныя дѣвы; но не принявъ очищеній, предписанныхъ закономъ, пребывающъ незамужними. Онѣ возникли изъ млечнаго моря (kchira

(17) Ardschuna's Reise zu Indra's Himmel übers. von Bopp.

(18) Res. v. 1. в Journal Asiat. t. 7.

zamoutra) (19), въ шо время, какъ боги взбашывали оное, чшобы получишь Амришу или нишье безсмертія. Главнѣйшія между ними Урвази, Рамба, Менаки и другія (20). 3) *Якша* или полубоги, обещающіе въ горахъ, и пламенѣющіе любовью къ Апсарасамъ. Знаменишый Калидасъ основалъ на семъ мнѣѣ свое прекрасное стихошвореніе *Мега-Душа* или *облаковѣшникъ* (21). Сія-шо шри рода небесныхъ существъ, съ многими другими, коихъ мы шеперь не припомнимъ, обыкновенно препяшшвуютъ при совершеніи жершвоприношенія, ибо они повинующся *Индръ*, для кощораго всякой ус-

(19) См. Exposé de quelques-uns des principaux articles de la théogonie des Brahmes par l'Abbé Dubois.

(20) См. Vorr. Ardschuna's Himmelfreise. Ges. II, гдѣ овъ, исчисляя ихъ, заключаетъ:

Diese und andre noch tanzten , Nymphen mit holden Lächeln dort,
 Welche der Sidha's Herz fesseln, Lotos-ähnlich von Augen all,
 Mit starken Hüften, voll Liebreitz, und mit schwellenden Brüsten auch,
 Durch verstohlenen Blick, Tändeln, fesselnd Sinn, und Verstand und Herz.

(21) The Mega Duta or cloud Messenger transl. by Wilson.

пѣхъ людей въ благочеспивыхъ начинаніяхъ
губеленъ (22).

Тамъ ж:

отъ Кушуліи должно писать *Каусалии*.

Лукшумунз — — — — *Лакшамана*.

Шутругна — — — — *Сашругна*.

Бурута — — — — *Бараша* (23).

Всѣ имена сіи находяпся въ ошривкѣ
Рамайяны, переведенномъ Козегаршеномъ.
Онъ изображаетъ бракосочетаніе чешырехъ
сыновей Царя Дасарапшы. Сей обрядъ доволь-
но люболышень; но весь приводитъ его бу-
дешъ слишкомъ длинно. Мы постараемся
передать только то, что касается до Ра-
мы, сохраняя размѣръ перевода; но прежде
почитаемъ нужнымъ замѣшшиъ: самое важ-
нѣйшее въ семъ шоржесствѣ у Индійцевъ за-
ключается въ томъ, что женихъ беретъ
руку невѣсшы, и обходитъ съ нею вокругъ
священнаго огня: опъ сего и самое слово
паниграганамъ — взятіе руки, означаетъ
бракосочетаніе. Здѣсь говорится про Царя
Джанаку:

(22) См. Journal. Asiat. v. 1. l'Ermitage de Kan-
don, par Chezy.

(23) См. примѣч. на слово *Рамайяны*.

И когда онъ ввелъ Зишу, изукрашенну пышной одеждою,
 Предъ огнемъ велѣлъ спашь онъ ей, напрошивъ сына
 Рагу прекраснаго,
 Тушъ сказалъ Царь Джанаба, Каусалимъ къ сыну любезному,
 Къ лопосо-окому Рамъ, алшаря на востокъ спящему:
 Эшо дщерь моя Зиша, швоей доблестимъ нынѣ сопушница,
 Возьми жъ руку ея шы своею рукою, о Рагу сынъ!
 Она сердцемъ вѣрна, за шобою какъ шѣнь будешь слѣдовашъ.
 Царь сказалъ и бросишъ ихъ водою, освященною Маншрою.
 „Славно! славно!“ взгремѣло изъ устъ и боговъ и божественныхъ,
 Звукъ раздався лишавръ; дождь цвѣшовъ съ сводовъ неба посыпался,
 Когда Зишу вручилъ онъ, чрезъ Маншру водою освященную.

Стр. 311. Вишва-митра чит. должно: Висва-мишра (24).

Тамъ же: Вушиста, вм. Васишша. Бригу, Апри и Васишша суть знаменитѣйшіе мудрецы древней Индіи. Они причисляются къ десяти праотцамъ рода человѣческаго (25).

(24) См. Works of W. Jones. Menu c. 10. v. 108.

(25) Works of W. Jones. См. Menu. c. 10 v. 108.

Стр. 312: съ горы *Гималая*. У Геерена гора сія пишешся *Гиммалайя*. Наспоящее названіе сей горы естъ *Гимаванъ* (Himavan — снѣжная, зимняя, Hima естъ Греческое *χεῖμα*, Лашинское *hiems*). Новѣйшіе Писатели весьма часто называютъ гору сію, образующую сѣверную границу Индіи, *Гималайя* (жилище или мѣсто снѣга) (26).

Стр. 313, Юнука вм. Джанака (27).

Стр. 314, Умила вм. Урмила (28).

Стр. 318, островъ Ланка: это одно изъ прозваній острова, называемаго по-Санскришски *Sinhala Dwīpa* (островъ людей, подобныхъ львамъ). Джонсъ полагаешъ, что сей островъ естъ нынѣшній Цейланъ (29).

Стр. 319. Одинъ изъ великихъ Муниевъ — не лучше ли Муни? См. примѣч. на слово Риши.

Вошъ нѣкошорыя изъ неправильностей въ именахъ, усмошрѣнныя нами у Геерена. Имѣя въ виду единспвенно пользу Науки, мы весьма будемъ благодарны шѣмъ, кто дополнишъ наши замѣчанія; будемъ призна-

(26) Indische Biblioth. T. I. и Langlès Analyse des Mémoires contenus dans le XIV vol. des Asiat. Resear. p. 30.

(27 и 28) Nala übers. von Kosegarten.

(29) Sacontala übers. v. Forster.

пелъны и тогда даже, если кто намъ покажетъ наше, можешъ бытъ въ иныхъ случаяхъ, ошибочное мнѣніе. Теперь скажемъ несколько словъ на счетъ Русскаго перевода. Слогъ онаго довольно чистъ и ясенъ; но не вездѣ такъ почтенъ, какъ мы бы желали при спашь шакого рода.

Напр. на *стр.* 305, переведено: „можешъ обзрѣшь и все цѣлое: сначала (передъ пятымъ опдѣленіемъ) помѣщено содержаніе Поэмы“ и проч. Въ подлинникъ совершенно другая мысль; тамъ сказано, что эта Поэма начинается съ пятаго опдѣленія, и что первыхъ чешырехъ опдѣленій недостаешъ, а только приложено ихъ содержаніе.

Тамъ же. „Но всякая Поэма спановишся аллегорическою не сполько ошъ предмета, сколько ошъ описанія.“ — Здѣсь *Behandlung* скорѣе можно перевести исполненіе.

На стр. 306. „Рама оспашешся побдишелемъ, низлагаешъ Равуну и возвращаешся на свои небеса“ и проч.“ У Геерена сказано на свое небо. Только Индра, одинъ изъ числа осьми міродержашелей и повелитель низшихъ боговъ, имѣешъ при себѣ, что свидѣшешьшвуешъ сѣдующій спихъ, замшвованный нами изъ небеснаго пуш-

шествовія Арджуны, гдѣ являешся посоль
опъ Индры къ прелестной Урвази, говоря:
Vom Beherrscher des Drei-Himmels, der deiner Huld
sich freuet stets (30).

На стр. 304. „Въ Уядгивъ не было често-
любца.“ Мы полагаемъ что это опечашка
вмѣсто сребролюбца — *Geizhals*.

На стр. 308 сдѣланъ пропускъ: гово-
рился о жертвоприношеніи коня, что оно
споль многошрудно, что пребуешъ много-
лѣтнихъ пригошовленій. — Каждая мелочь,
касающаяся до древностей и въ особенно-
сти до чудесной Мифологіи Индійцевъ, за-
служиваешъ вниманіе. Надобно было переве-
сти: по предписаніямъ *Састрасъ* споль мно-
госложное, что пребуешъ многолѣтнихъ
пригошовленій.“ — *Састрасами* называеш-
ся собраніе замѣчаній и комменсарій, сдѣ-
ланныхъ Индійскими мудрецами на книгу
Мену (31).

Стр. 310. „Сія обезьяны сушь шакже
высшаго происхожденія, существа между
звѣрями.“ Полагаемъ, что и это опечашка,
вмѣсто: божества между звѣрями.

(30) См. Ardschuna's Reise zu Indra's Himmel von
Vopp. 4 Ges.

(31) См. Heeren Ideen über die Politik. 1. Th.
136 S.

Тамъ же. „Тогда къ Царю *Душъ-Рупъ*, приходишь мудрецъ поколѣнія Царскаго, очисшившій себя посшомъ долговременнымъ, возвышенный до спешени свашаго и Брамина.“ — Здѣсь будешь ксшаши замѣшишь ошибку Г-на Переводчика, каковую встрѣчаемъ въ спашьѣ его нѣсколько разъ: име на собшвенныя, сосшавленныя изъ двухъ словъ, склоняющя шолько въ послѣднемъ, а первое осшается безъ перемѣны. Правило сіе принято почти во всѣхъ языкахъ просвѣщенныхъ народовъ; да и пришомъ, ужеи будешь яснѣе, если мы скажемъ Душъ-Рупъ нежели Душа-Рупъ, или правильнѣе, Дасарапъ? Эшо не шолько не поясняешь, но еще болѣе измѣняешь имя, кошорое надобно старашься передавашь какъ можно ближе къ его первоначальной формѣ (*).

Въ приведенномъ нами мѣстѣ у Герера сказано, что сей мудрецъ былъ Вмсва-яштра. Въ переводѣ мы онаго не видимъ; но главная погрѣшность заключаешя здѣсь прошивъ духовныхъ поняшій Индійцевъ. Че-

(*) Вошъ, наприм. у Г-на Издашеля Моск. Телегр. на эшо ешъ свое особое правописание: Гашищъ пишешъ онъ *Гаафмищъ*; Саади — *Сади*, какъ будшо съ умысла на выворощъ. Ошдаемъ полную справедливостъ его энциклопедическимъ познаниямъ!

ловѣкъ обыкновенный (но только причисленный къ одной изъ шрехъ первыхъ кашпъ, ибо четвертая, къ коей принадлежатъ Судрасы или земледѣльцы, лишена сего преимущества), посредствомъ спорога покаянія, чрезъ воздержаніе ошъ всѣхъ мірскихъ удовольствій, и самооприцанія, можешь и при жизни переродиться — сдѣлаешься святымъ Браманою, наконецъ похитишь власъ у самого Индры. Укажу на одинъ примѣръ пущыника Канду (32).“ Здѣсь надобно было перевести: чрезъ покаяніе возвысившійся до степени Брамина, и проч.

На стр. 311. „Онъ приходишь къ Царю Душъ-Рушъ просишь у него сына Рамы.“ — Кто не подумаетъ, что здѣсь дѣло идетъ о внука Царя Душа-Рушы или Десарашы, между шѣмъ какъ у Герена сказано: сына Раму.

На стр. 317. „Брама присылаетъ тысячу дѣвъ пляшущихъ.“ Также не совсемъ вѣрно. Брама присылаетъ тысячу убранныхъ дѣвъ и шанцовщицъ. — Кто не узнаетъ въ сихъ дѣвахъ и шанцовщицахъ Гандгарфъ и Апсарасъ, населяющихъ небо Индры?

Желаемъ, чтобъ Г-нъ Переводчикъ воспользовался нашими замѣчаніями при своемъ

(32) Journal. Asiat. t. 1.

переводъ Магабарашы, который онъ общаешь сообщись намъ; ибо и прекрасный переводъ, при недоспашкѣ въ почности, весьма много шеряешь. Мы бы желали также имѣшь, прежде Магабарашы, хотя маленькій взглядъ на Мнѳологию Индййцевъ, пошому, что имена: Брама, Вишну, и другія, которые еще гораздо чаще будутъ встрѣчаться въ Магабарашѣ, не будучи объяснены, много опнимають интереса у Поэмы.

Читая также, наприм. на стр. 314, что Висва-мишра, изъ касты Кешри, заслужилъ бышь принятымъ какъ святой въ касту Браминовъ, мы никакъ не можемъ догадаться, въ чемъ заключается это повышение, между шѣмъ какъ раздѣленіе на касты весьма важно въ Индййской Исторіи. Сочиненіе Робертсона: *Disquisition on India* могло бы доставить для сего прекрасные материалы, и вполне удовлетворить любопытство читателя.

Делибюрадеръ ()*.

(*) Поразсмошрѣвъ спашейку нашу, мы увидѣли, что въ ней, по большей части дѣло идетъ объ именахъ, а такъ какъ и наше собственное имя

III.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

І О В Ъ.

Свободное преложение (*).

I.

Господь вѣщала *клеветнику*:
 „Ты видѣлъ ли мое шворенье:
 Мои громады вышнихъ звѣздъ,
 Мои негаснуція солнцы?...
 Прощель ли землю? зрѣлъ ли шы,
 Какъ люди, слабыя созданья,
 Творяшь разумныя дѣла:
 Ты видѣлъ ли, какъ рабъ мой *Iovъ* —
 Покорный, вѣрный Богу рабъ
 Живешь правдиво, безъ коварства,

обратило на себя ученое вниманіе Г-на Издашеля Моск. Телеграфа (см. 24 Но 1826 года); но мы почитаемъ себя обязанными посвящать ему слѣдующія строки: что наше имя, *Дембюрадеръ*, не благозвучно, этому виною языкъ Персидскій, ошразившійся *Татарскимъ* въ ухахъ Г-на Издашеля. Оно состоишь изъ двухъ Персидскихъ словъ: *دل* и *بین ادر*, первое означаетъ: сердце, душа; второе — брань. См. Richardson's Dictionary Persian, Arabic and English. Oxford. MDCCLXXVII.

(*) При семъ преложеніи, Славянскій текстъ Библіи смѣчепъ съ текстами на ивостранныхъ языкахъ.

И, ненавидя зло и грѣхъ,
 Меня, какъ сына, душою любишь? —
 „Я видѣлъ, Господи! его“ —
 Творцу губитель ошвѣчаешь:
 „Но онъ меня не удивилъ:
 И мудрено ль ему быть вѣрнымъ,
 Когда, Всещедрый, на него
 Дождишь Ты лучшими дарами?
 Пустыни дальнія шумяшь
 Его богатыми сподами:
 На нивахъ прибыль, въ домъ ширь;
 Семья цвѣшешь, за пиромъ пиръ,
 Сыны другъ къ другу вѣдая въ гости:
 И самъ онъ здравъ и у него
 Ошъ счастья шучиѣюшъ кощи....
 Дозволь мнѣ, Боже, испышашъ
 Тобой хвалимаго: я знаю —
 Снъ жильцы Твоей земли,
 Адама грѣшнаго пошомъи,
 Лукавяшъ всѣ передъ Тобой:
 Они смиренны и покорны,
 Пока дождишь на нихъ добро;
 Но суешны въ своихъ желаньяхъ
 И горды грѣшники снъ!
 Они смиряются и славяшъ
 Тебя, доколь Ты нуженъ имъ;
 Но ихъ шерѣнье — паутина!
 И упованье на Тебя
 Пришворство жалкое; — пусть гланешъ
 Въ лице имъ смерть или бѣда,
 Тогда увидишь ихъ смашенье
 И дѣшскій страхъ... шакъ всѣ они,
 Таковъ и вѣрный рабъ Твой *Ювъ*...“

Но Богъ въцалъ *клеветнику* :
 „Я позволяю испытанье....
 Иди, при Ангелахъ моихъ :
 Они свидѣтелями будутъ ,
 Свирѣпствуй, истощай всю злость
 На все, что моему рабу
 Я далъ въ земное наслажденье;
 Но не коснись его души
 И сохрани его мнѣ шѣло
 И духъ его не огорчай!...“

II.

Цирюють Іова сыны,
 У брата старшаго веселье;
 И счастливъ Патриархъ съдой
 Живою вѣрой, упованьемъ.
 Вдругъ вѣспникъ: „Гибель и бѣда!
 Твои воны паслися мирно,
 Мы ликовали, какъ всегда,
 Вдругъ шуча пыльная намчалась
 И пыль еще не улеглась —
 А нашихъ паствъ не стало болѣ:
 Разбойники чужихъ долинъ
 На кущи съ воплемъ насккали,
 Все порубили, похватали,
 И я передъ шобой — одинъ!“ —
 Еще не кончилъ эшопъ рѣчи,
 И новый вѣспникъ: „Господивъ!
 Гроза и гибель.... Было шихо
 И шисячи твоихъ овецъ
 Паслись въ раздолияхъ пустыни,
 Вдругъ смерклося — ичашся облака,
 Гусшашся, рдѣюшь, раскалились,

И вошь. . . . о чудо! . . . огонь дождемъ
 Посыпалъ на овецъ, на пажышь:
 Горишь руно, запылся лугъ,
 Пылаеть ближняя дуброга;
 И наши бѣдныя стада
 Напрасно мечущся въ пошоби;
 Вездѣ огонь и зной — и все,
 Что зеленѣло, что дышало,
 Все добычью пожара сжало
 И я свидѣтель бѣдъ — одинъ!“ —
 Лишь кончилъ сей, вдругъ *новый*: „Гибель!
 Халдеевъ ратныхъ при шолпы,
 Какъ при весенніе пошока,
 Вломились въ пастырскій нашъ станъ
 И шабуны швоихъ верблюдовъ
 Угнали въ пѣнь — я лишь одинъ!..“
 Не кончилъ эшошь — *новый* вѣспникъ:
 „О горе! горе! семь сыновъ
 И дочери швои младыя
 Семейный ошправляли пиръ;
 И при сестры цвѣли, какъ пальмы;
 И, какъ пустынные орлы,
 Твои сыны, легки и здравы,
 Вкушали сладкіе плоды,
 Млеко и сошь — и въ аромашахъ
 Топили юныя власы
 И, подъ напѣвъ и муссику,
 При звукъ виночерпныхъ чашъ,
 Носились гости въ легкихъ пляскахъ,
 Какъ въпръ пустынный по цвѣшамъ. . . .
 Вдругъ буря звыва. . . . вихоръ звѣльный,
 Какъ коршунъ, съ размаху, на пищцъ
 Напалъ, ударилъ въ домъ веселья

И съ корнемъ вырвалъ домъ, шпакнулъ
 И смьялъ и раздавилъ — и страшно
 Обезобразилъ всѣхъ!.. Теперь
 Одни раздавленные шрупы
 Дымящся въ собственной крови :
 Твоихъ дѣтей не сшало боль ,
 И , въспникъ гора , я одинъ !“
 Тупъ Ювъ всшаль , безъ слезъ , но скорбный ,
 И вошь свои одежды самъ
 Онъ раздираетъ.... и , повом
 Сорвавъ съ главы безвласой , палъ
 И поклонился передъ Богомъ... .
 И , по молчаньи , возопилъ :
 „Нагой , изъ матерняго чрева
 Пришелъ я , Господи , на свѣшъ ,
 Нагимъ и возвращусь я въ землю.
 Опець! Ты много даль мнѣ — и
 Свои дары берешь обратно !
 Такъ шы благоволилъ , мой Богъ :
 Блажу Твою свяшую волю !
 О , будь благословень! я Твой!
 Твори , что хочешь надо мною!“
 Такъ спарець скорбный вопіалъ ,
 Но не ропшалъ на Промысль Вышній.

III.

Господь въщаль клеветнику :
 „Что жъ испышалъ ли человекъ
 И видѣлъ ли шеперь , каковъ
 Мой рабъ , мой вѣрный , брощій Ювъ?
 Онъ правомъ проситъ и чиститъ души ,
 Не шерпитъ зла , боится Бога ,
 И въ грѣшномъ мирѣ , онъ умѣлъ ,

Спасши, сберечь невинность сердца,
 Почто жъ ты гнусной клеветой
 Меня подвигъ къ жестокой мѣрѣ,
 Сстраданьемъ крошешь исиышаешь? —
 „Что за страданье, Боже правый?
 Ты ошнчалъ только шо, что далъ;
 А человекъ лубавъ и любилъ
 Въ себѣ себя: за я свое
 Онъ промѣняешь все и даже...
 Но повели мнѣ разъ еще
 Ошвѣдашь вѣры и шерпѣнья
 Тобой хвалимага раба!
 Дозволь кошей его коснуться!
 Лишь крѣпкія Твоей руки
 Съ него сними на часъ защиту:
 Тогда увидишь Самъ!“... „Иди!
 Иди!“ въщаль ему Всевышній:
 „Я предаю его шебѣ,
 Терзай на немъ земное шѣло,
 Но не коснись его души!“

IV.

Въ пустынь видѣнь люднй градъ;
 Тамъ дѣвешя мѣна и купля;
 Шумишь на шоржащѣ полпа.
 Вошь длинной шеей помаваетъ
 Верблюдь — живой корабль пустынь,
 И роешь землю конь игривый
 Подъ спашнымъ смуглымъ вздокомъ,
 И съ перелешнымъ въшеркомъ
 Играють кошмы черной гривы;
 Надулись ноздри и въ очахъ
 Горишь какой-шо дикій пламень.

И шупъ же смирная спомъ
 Ословъ навьюченныхъ спанца.
 Бляшають шкани песпротой;
 Купцы ихъ цѣнность выхваляють
 И вѣшь тонкій аромашъ
 Ошь мурры, масшикъ и алоя,
 И все шумишь, вездѣ расчешъ;
 Градъ полонъ жизни... Надъ пустыней
 Взошло ужъ солнце высоко,
 И шѣнь уже у корня пальмы.
 Бѣжишь и спадо и пасшухъ
 Укрышься въ доль за сѣнью кедровъ.
 Но кто, страдалецъ, въ шяжкій зной
 На кучѣ гноя исчезаетъ?
 Кого, безшѣннаго, паляшь
 Лучи пустыннаго свѣшила?
 Надъ бѣмъ жужжишь сей зыбкій рои
 До крови жадныхъ насткомыхъ?
 Какъ онъ ужасно искаженъ:
 Глаза запухли, спручь и раны
 Одѣли шѣло, какъ кора.
 И весь онъ, какъ подъ пепломъ бѣлымъ,
 Лежишь въ проказѣ... Кто сей мужъ?
 Кто эшошь человекъ? сей нищій?
 Никшо о немъ не поболитъ,
 Никшо! — Онъ выброшенъ изъ града
 И въ шяжкомъ недугъ своемъ
 Поверженъ, какъ мершвецъ безгробный:
 И шо былъ Ювь!.. онъ молчалъ.
 Но вошь пришла къ нему супруга,
 Не съ шѣмъ, чшобъ въ сладоспныхъ слезахъ
 Излишь полъ-сердца надъ спрадальцемъ;
 Нѣшь! изъ ея холодныхъ усть

Лепишь упрекъ: почто, безмолвный,
 Напрасно землю шагнешь?
 Молишь, вопи, чшобъ Богъ швой слышалъ,
 Чшо ты, полусогнившій прупъ,
 Желаетъ смерти, смерти просишь.“
 Сстрадаецъ, съ мукою, привсталъ,
 Возрълъ на небо и, въ отвѣтъ ей:
 „Ты говоришь мнѣ, какъ одна
 Изъ женъ безумныхъ. . . . Можно ль Бога
 Тревожишь праздною мольбой
 И малодушнымъ, дѣтскимъ воплемъ?
 Я Божій весъ! и жизнь моя
 Въ Его рукъ. Моя супруга!
 Не самъ ли Богъ насъ надѣлялъ
 Такъ щедро лучшими дарами?
 Когда жъ благое ошъ Него
 Мы принимали съ услажденьемъ,
 То примемъ и сосудъ скорбей
 И выпьемъ все съ покорнымъ сердцемъ.“

V.

Семь знойныхъ опшпытали дней,
 Семь разъ серебряныя звѣзды
 Являлись радосшью очей
 На черномъ Аравійскомъ небѣ,
 Съ шѣхъ поръ, какъ *трое* изъ друзей
 Пришли объ Ювѣ провѣдать,
 И были шѣ друзья — Цари
 Или властители — и первый
Элиафазъ былъ Ѳеманишъ;
Валдадъ, властитель изъ Савхен,
 И шретшй былъ завѣшный другъ
Софиръ — и шо былъ Царь Минейскій.

И скорбь уста мнѣ заперла :
 Не смѣли утѣшать страдальца ;
 И чѣмъ утѣшишь ? Чшо сказать ?
 Но растерзавъ свои одежды ,
 Насыпавъ пепель на главы ,
 Семь дней и семь ночей сидѣли
 При дружнемъ ложѣ на землѣ .

VI.

Воззрѣвъ страдалецъ на друзей
 Возспалъ, и вешіа одежды
 Оправиль... Но, себя спрашась,
 Поникъ головой на перси. Тяжко
 Вдыхалъ скорбящій, и онъ былъ,
 Какъ кедръ, надломленный грозюю,
 Ни мершвымъ, ни живымъ. — Но вдругъ,
 Ошдавшись ропоту, онъ громко
 Осиплымъ гласомъ возопилъ:
 Погибни день, когда изъ чрева
 Я вышелъ въ сей злосчастный свѣшъ!
 „Погибни ночь, когда сказали :
 „Се, въ чревѣ зачатъ человекъ!“
 И я записанъ въ книгу жизни!...
 Угасни въ вѣчности сей день !
 И ночь, изъ времени, исчезни !
 О, выкинь, Господи! сей день
 Изъ лѣтъ, изъ круга годовато !
 И въ той ночи, да не горяшь
 Ушѣха взоровъ звѣзды неба;
 Не будь у той ночи утра!
 Не убирай ее, младая,
 Своими розами — заря!...
 Зачѣмъ шощъ день, зачѣмъ съ той ночью

Мнѣ дали сей увидѣшь свѣтъ?
 Зачѣмъ я не родился мертвымъ?
 Зачѣмъ не умеръ я — родясь?
 Почшо ты на свои колѣни,
 Меня, о машерь! приняла?
 Почшо меня пинали перси?
 Меня бь закинуть, чшобъ пропалъ
 Я въ пеленахъ, еще безъ смысла!
 Теперь давно бь уже я спалъ
 Спокойнымъ сномъ въ глубокомъ лонѣ
 На общемъ сходбищѣ — въ землѣ!
 Тамъ всѣ равны: рабы и Князи;
 Богачъ бокъ о бокъ съ нищимъ легъ;
 Для всѣхъ одинъ счастливый ошдыхъ
 Подъ хладнымъ черепомъ земли;
 А здѣсь, а въ сей палищей жизни,
 Въ сей бездорожной шемношъ,
 Мы шолько бродимъ какъ слѣпые...
 Зачѣмъ ты свѣщишь, Божій день!
 Чшобъ намъ показывашь, какъ люди,
 Страдаютъ, плачутъ и грустятъ!...
 А я, я мученикъ безвинный,
 Рыбаю громче гладныхъ львовъ
 И, какъ пошокъ на днѣ кремнистомъ,
 Въ моей груди кипитъ шоска:
 Онъ шяжкою налегъ горою
 На перси мнѣ, холодный страхъ:
 Я объятъ имъ, чего боялся
 Увы! со мною все сбылось!
 Но развѣ я ропшалъ досель,
 Подъ шяжкимъ нашискомъ скорбей?
 Не сохранялъ ли я молчанья,
 Когда мой недугъ прогрызалъ

Ошашки гибнущаго шѣла
И видѣлъ кости я свои!
Но былъ спокоенъ я, доколѣ
Меня проникнулъ Божій гнѣвъ!»

VII.

Тогда Эліафазъ Ѡеманскій,
Въ ошвѣтъ на ропошную рѣчь:
„Сказашъ ли мнѣ, но я боюся,
Что горькому себѣ, горька
Покажешся бесѣда правды;
Но можно ль чувство удержашъ?
Оно кипитъ и проситъ слова —
И я скажу: ты былъ мудрецъ;
Бывало, помнишь, ты совѣшомъ
Соединялъ сердца людей;
Ты шашкимъ въ мысляхъ былъ опорой,
Скользящихъ словомъ укрѣпляя;
Но самого едва коснулась
Бѣда пролешная першомъ,
Ты и разслабъ! и палъ какъ мершвыи!
И хошь привстанешъ, но за шѣмъ,
Чшобъ жребій смершнаго злорѣчишъ!
Гдѣ жъ страхъ Господній? Гдѣ шощъ духъ,
Который радуешся скорбью,
Расшешъ въ шерпѣни и — булашъ,
Въ огнѣ спраданья закаленный,
Идешъ на муки, какъ на пиръ?...
Господь правдивъ! Когда карашъ,
То Онъ карашъ за грѣхи;
Всесиленъ Богъ: одно дхновенье
Изъ ушъ Его, какъ хрупкій листъ,
Съ земли смешашъ нечесшивыхъ....

Звенѣлъ гласъ львиный по зарямъ,
 И шигра ревъ смущалъ пустыню;
 Но шопъ и онѣй — мершвецы!
 Ихъ семьи сгибли, въ ихъ вершеняхъ
 Засѣли сумракъ съ пустошой!...
 И я однажды, въ шайнѣ ночи,
 Послышалъ нѣкакій глаголь;
 Онъ, мнѣ казалось, какъ уградкой,
 По слуху моему скользнулъ,
 Но сердце глубоко прорѣзалъ.
 И было шо въ шакой ужъ часъ,
 Когда дневное все стихаетъ
 И сходятъ съ страха съ шишиной;
 Меня вдругъ обнялъ ужасъ. Спранно
 Мое всѣ кости задраслись
 И побѣжалъ по жиламъ холодъ:
 Когда жъ духъ ночи проходилъ,
 Во мнѣ все сжалось... волосъ дыбомъ!...
 И что-то спалъ передо мной,
 Незримъ, безличенъ, безшѣлесенъ,
 Но мнѣ, онъ какъ-то видѣнъ былъ
 И гласъ его ко мнѣ повѣялъ,
 Какъ изъ могилы шонкій хладъ:
 „Уже ли можно челоуѣку
 Предъ Богомъ справедливымъ бытъ?
 И можно ли, чтобы творенье
 Явилось чище, чѣмъ Творецъ?
 И близкіе къ Нему не чисты!
 И въ свѣшлыхъ Ангелахъ своихъ
 Нашелъ Онъ пашна! что же люди,
 Сбудельныхъ храмишъ сихъ жильцы?
 Они — приросшіе къ земному —

Обезображены грѣхомъ,
 Какъ шкань, изъѣденная молью!...“

(*Продолженіе имѣетъ быть.*)

Федоръ Глинка.

1827 г. Марта 21.

г. Петрозаводскъ.

IV.

СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИЯ И ПОЛИТИКА.

Историческое и политическое обзорное происшествіе 1826 года.

(*Продолженіе.*)

Прошкшій годъ былъ для Порты Опшоманской роковымъ годомъ и еще рѣшительнѣе будетъ слѣдующій, въ которомъ должны оказаться плоды стараній, приложенныхъ въ шеченіе прошедшихъ лѣтъ. Новый 1826 годъ озарилъ Констаншинополь ужаснымъ пламенемъ: въ ночи съ 3 на 4 Января, свирѣпшвовалъ въ предмѣстіи Галашъ пожаръ, коего добычею сдѣлались 1000 лавокъ и 1500

домовъ; причиненный оными уроны цѣнились въ 25 милліоновъ піаспровъ. Султанъ Магмудъ полагалъ въ семь году, что наступила благопріятная минуша для приведенія въ дѣйство уже за 18 лѣтъ приугошовленнаго проекта преобразования войскъ по-Европейски, и уничтоженія Янычаръ, спранныхъ для Турецкаго престола. Слѣдствіемъ того было ужасное возмущеніе сихъ послѣднихъ, возгорѣвшееся 15 Іюня; они требовали головъ Великаго Визиря, Аги-Паши и Муштія, копораго, вмѣстѣ съ Рейсь-Эфендіемъ, почитали главными виновниками новаго устройства въ войскъ. Султанъ Магмудъ оказалъ въ семь случаевъ великую рѣшимельность и неуспрашимость: онъ вошелъ въ сераль, и лично предводительствуя Топчи-ми или аршилдерисшами, приказалъ вышавишь Санджакъ-Шерифъ или знамя Пророка, и созвалъ Улемъ и толпу народную къ защитѣ онаго. Вослѣдовало ужасное кровопролитіе на Эшмейданской площади; нѣсколько тысячъ Янычаръ погибли или въ мѣстѣ сраженія, или въ казармахъ своихъ, гдѣ искали убѣжища, и сдѣлались жертвою пламени; большая же часть оныхъ лишилась жизни въ казняхъ, продолжавшихся дено и ношно, всенародно и втайнѣ. Янычары были ошмѣнены на вѣки; ихъ котламъ

разбиты и имя ихъ проклято Муѣшіемъ. Говоряшь, что въ сей кровавый день сгорѣло нѣсколько тысячъ Янычаръ и всего съ обѣихъ сторонъ погибло болѣе 10,000 человекъ. Безпрерывныя казни еще значительныо умножили сіе число; также сосланы были изъ Константинополя въ заточеніе болѣе 20,000 человекъ, которые находились въ связяхъ съ Янычарами, такъ, что народонаселеніе столицы въ семь году, включая опустошенія, произведенныя моровою язвою и нѣсколькими большими пожарами, должно было значительныо уменьшиться. Съ боязнію ожидали извѣстій изъ Азіи, какъ шаманніе многочисленныя и сильныя Янычары примушь сію вѣсть, однако не смотря на многія изъявленія неудовольствія, нигдѣ не произошло важнаго мятежа. Между тѣмъ Султанъ безпрестанно обучалъ и умножалъ новую свою милицію, кошою онъ начальствовалъ лично, и неусыпно продолжалъ приводить въ дѣйство начатое предпріятіе. Сначала онъ выманилъ опасныхъ Ямаковъ, помогавшихъ ему дѣйствовать противъ Янычаръ, разными обѣщаніями изъ ихъ Босфорскихъ замковъ; потомъ уничтожилъ сословіе Боспанджіевъ, ввелъ спрожайшія полицейскія мѣры противу дерзкихъ рвачей, приказалъ запретить большую часть 40,000 кофейныхъ до-

мовъ внутри и около Конспаншинополи, запретилъ брадобръямъ угощать кофеемъ и пабакомъ, а съ другой стороны повелѣлъ опшкрышь пишейные дома, и всѣ сѣи учрежденія, прошивныя законамъ и обычаямъ Му-сульманъ, освяшишь рѣшеніемъ Муѣшій, что Сулшанъ естъ Намѣстникъ Пророка, коему подобаешъ слѣпо повиновашься, даже если бы онъ повелѣлъ сжечь Коранъ. Продажею вина, и всякими другими способами Сулшанъ старался скопляшь деньги. Всеобщее уни-ніе народа при видѣ сихъ мѣръ, ежедневныхъ казней и убійствъ, къ чему еще присовоку-пился несперпимый зной и моровая язва, посшепенно возрасшало, и скрышое недо-вольствіе наконецъ обнаружилось въ спраш-номъ пожарѣ, кошорый 31 Августа, въ шощь самый день, когда хощѣли внести въ Сераль знамя Пророка, опяшь преврашилъ въ пещель осьмую долю города, около 6000 домовъ, и въ семь числѣ множество дворцевъ и сокровищъ богашьхъ вельможъ. Греки не могли бы съ бѣльшимъ оспервененіемъ свирѣпшво-вашъ прошиву вражеской споллицы, какъ не-исповспшвовали Турки прошиву главнаго своего города. Въ продолженіе пожара, Сулшанъ военною силою обуздывалъ недоволь-ныхъ, и 2 Сеншября, знамя Магомеша об-

рашно перенесено было въ Сераль. Снова умножились спрогїя мѣры и казни, и снова всдыхнулъ пожаръ 11 Октября: оный попушенъ мяшежъ кровію возмушиселей, и въ шоже время опкрышъ заговоръ, пуспившій множесство опраслей. Ужасно было положеніе споліцы въ концѣ Октября, когда пожары, язва и казни были ежедневнымъ зрѣлищемъ, и въ каждую минушу ожидали начашїя новой борьбы. При сихъ обспояпельспвахъ и совершенномъ недоспашкѣ въ деньгахъ, Порпта не можешъ сильно веспи войну въ Греціи, шѣмъ болѣе, чшо и Египешъ, съ помощію коего она воевала въ печеніе двухъ послѣднихъ лѣшъ, вскорѣ переспанешъ снабжашъ ее войсками и денежными лособїями, и попому вѣрояшно безъ большихъ запрудненїй согласиспся на шребованїя великихъ Европейскихъ Державъ. Опказываясь опъ всякаго прїобрѣшенїя, онѣ соединенными силами сдѣлали сильное предспавленіе Порпшѣ, и шребующъ, чшобы она прекрашила бесполезное кровопролишїе и даровала Греціи права, подобныя шѣмъ, коими пользуются Молдавія и Вазахїя, по кошорымъ она будешъ управляема Начальникомъ, подобнымъ Господарямъ, и соспояшъ подъ верховнымъ управленїемъ Порпшы и подъ защпшою великихъ

Державъ. Если Порша не согласишся на ихъ требованія, шо Державы, кошорыхъ флотилии расположены въ Архипелагъ, спанушъ препяшспвовашь высадкъ новыхъ экспедицій на берега Греціи. — Сверхъ того, Англія потребуешъ вознагражденій за взятіе или разореніе Англійской собственности на островъ Хиосъ и въ другихъ мѣстахъ.

Греки, увѣдомленные о намѣреніяхъ великихъ Державъ, съ радостнымъ довѣріемъ встрѣтили наступающій годъ. Въ семь году они также отличились въ различныхъ морскихъ сраженіяхъ, и преимущественно геройскою защитою Миссолонги оказались достойными великихъ предковъ и даруемыхъ имъ нынѣ правъ, кошорыя безъ сомнѣнія не только приведуть ихъ нѣкогда къ независимости, но и сдѣлають ихъ достойными оной. Въ то же время они предспавили и новые примѣры коренные пороки своего внутренняго несогласія, безъ коего древняя Греція не шакъ легко потеряла бы, а новая давно уже пріобрѣла бы свою независимость.

Въ концѣ 1825 года, Турція обратила всѣ усилія свои на ограду Греческой свободы, крѣпость Миссолонги, кошорая тогда уже прешерпѣла 4 осады и болѣе 70 приступовъ, и къ кошорой 25 Ноября прибыла

Капипанъ-Паша съ 31 Турецкимъ, 5 Алжирскими, 4 Трипольскими, 27 Европейскими, 26 Александрійскими кораблями и 10 брандерами, всего съ 133 судами. Въ то же время два Полномочные высокаго званія, Неджибъ-Эфенди и Гусни-Бей отправлены были для вступленія съ Греками въ переговоры, копорые однако же остались безъ успѣха, хошя положеніе послѣднихъ подавало поводъ къ важнымъ опасеніямъ, пошому, что почти весь Пелопоннесъ былъ завоеванъ войсками Ибрагима, и только еще Коринѣ, Навплія, Малвазія и Майнскія горы находились въ рукахъ Грековъ, копорые здѣсь могли пославить одни легкіе отряды, и опасались нападенія на Идру и Спецію. Съ другой стороны, Греки, подъ начальствомъ Гуры, приобрѣли при Салонѣ нѣсколько выгодъ, копорыя ослабили предпріятія Турокъ прошивъ Миссолонги. Также и Міаули одержалъ 8 Января побѣду при мысѣ Папъ 76 кораблями прошиву 98, въ числѣ коихъ было 2 линійные и 14 фрегатовъ; онъ лишился 4, Турки 18 кораблей, и послѣдніе спаслись подъ Лепаншскія баштарем. Повторенные приступы Решидъ-Паши къ Миссолонги, изъ коихъ вшорой, сдванъ въ концѣ Декабря пшнадцатипшесычнымъ корпусомъ, были опражены. Колокошрони, на-

именованный Генералиссимусомъ, взявъ Триполищу приспуюмъ, и при опыта Ибрагима Паши подвинушься впередъ, были щещны. Греческое Правительство шакже не осшавалось въ бездѣйствіи: оно издало пошановленія о продажѣ національныхъ имуществъ, привело въ порядокъ Юстицію, учредило мирные, провинціальные и апелляціонные Суды и Верховное Судилище въ Навплии. По взятіи, 3 Февраля, шрехъ Турецкихъ военныхъ и одиннадцати шранспоршныхъ судовъ, удалось Міаули досшавишь нѣсколько припасовъ въ крѣпость Миссолонги, кошорая уже 10 мѣсяцевъ была осаждаема съ моря и съ суши, и прошивъ коей Ибрагимъ-Паша, наименованный Главнокомандующимъ вмѣсто Решиды, и Папрасскимъ Комендантомъ вмѣсто Юссуза, направилъ всѣ силы свои. Тогда возгорѣлась война съ большею жестокостію. 21 Января, Гура съ 9000 Грековъ сразился съ Египетскимъ войскомъ въ 15,000 человекъ подъ начальствомъ, Ибрагима; въ семь кровопролитномъ бою, Магомешане (вѣроятно не преувеличеннымъ извѣстіямъ), лишились ошъ 6 до 7000 человекъ, а Греки 2500 человекъ. Палатка и сераль Ибрагима были завоеваны, и Маринскій монастырь съ 1700 Турокъ взлешѣлъ на воздухъ. 27 Января Гре-

ческій флотъ вступилъ въ сраженіе съ Ту-
 рецкимъ, и послѣдній, въ безпорядкѣ обра-
 щился въ бѣгство, чему виновникомъ былъ
 Капишанъ-Бей, котораго немедленно смѣни-
 ли; однако же флотъ вскорѣ потерялъ еще
 другое сраженіе подѣ начальствомъ самого
 Капишанъ-Паши. Сіе не препятствовало
 Ибрагиму, сосредоточившему войска свои,
 пѣсье осадилъ Миссолонги и учинилъ при
 новые приступа, 28 Февраля, 1 и 2 Марша,
 въ кошорыхъ Турки и Египтяне потеряли
 500 человекъ, а Греки завоевали вѣшнія
 ихъ бапшарен. Между тѣмъ, увеличивался
 недоставокъ въ съвѣсныхъ и боевыхъ при-
 пасахъ въ Миссолонги, и когда Ибрагиму
 удалось, послѣ ошчаяннаго сопротивленія,
 овладѣть ошровомъ Василаді, а вскорѣ
 пошомъ 13 Марша џ ошровомъ Анашоліко,
 шо безъ вѣшней помощи не было спасенія
 для города, все болѣе и болѣе сшѣсняемаго.
 Не смотря на шо, геройскій гарнизонъ ош-
 разилъ еще два приступа, 23 Марша и 6
 Апрелья; и когда уже нельзя было болѣе по-
 мышлять о защищеніи, и прехдневный го-
 лодъ ужасно измучилъ ихъ, шогда оба на-
 чальника, Ношо Боццари и Киццо Тца-
 велла, рѣшились ошавить городъ, и, въ со-
 провожденіи женъ своихъ, неожиданно про-
 бишься ночью сквозь Турецкій лагерь. По-

слѣдняя защита города предоспавлена была спарцамъ и раненымъ, копорые, въ минушу крайности, должны были поднять порохомъ на воздухъ Миссолонгскія развалины. 22 Апрѣля въ 8 часовъ вечера, распворились вороша священнаго для Греціи города. Но къ величайшему удивленію, гошовившійся выйши гарнизонъ увидѣлъ непріащелей, расположенныхъ въ боевомъ порядкѣ. Сей видъ не уштрашилъ Грековъ: они бросились на шшыки и башпарей Египтянъ, и послѣ ужаснаго кровопролишія, въ копоромъ пало множесство героевъ и бѣлая часть женъ и дѣшей ихъ, они сломали всѣ ряды непріащелей, спаслися въ горы, опдохнули часа два, и опправились въ числѣ 1800 человекъ въ Салону, опкуда переведены были въ Навплию. 23 Апрѣля Турки вошли въ Миссолонги, покинушій защитниками; но и здѣсь должны были на жизнь и смерть срашиться съ опшавшимися, копорые наконецъ, посредствомъ проведенныхъ по различнымъ направленіямъ минъ, подняли себя на воздухъ вмѣшпѣ со многими входившими въ городъ Турками. Въ сей день и въ предшсшвовавшую ему ночь, Турки лишились еще 5000 человекъ, и въ рукахъ ихъ опшалась громада пепла, копорая болве прославляеш

геройство Эллиновъ, чѣмъ блистательнѣйшій побѣдный памятникъ.

Греческое Народное Собраніе въ Піадѣ, на мѣсто смѣненнаго стараго Правительсва, избрало два Временныя Правленія, Исполнительную Депутацію и Законодательное сословіе Народнаго Собранія, которыя 29 Апрѣля имѣли торжественный въѣздъ въ Навплию. — Колокотрони былъ утверждёнъ въ качествѣ Главнокомандующаго, а Маврокордато удаленъ. Народное Собраніе рѣшилось просить Англійскаго Посланника, чтобы онъ примирилъ оное съ Поршою, подъ условіемъ признанія Греціи, и шакъ какъ Дмипрій Ипсилаппи изъявилъ свое несогласіе на сіе посредничество, по его объявили неспособнымъ ни къ какому почешному званію. — Идра была позорищемъ великихъ безпокойствъ: тамъ прошлой народъ прошивился опъезду богашыхъ жишелей. — Вся надежда Грековъ обращена была на экспедицію Лорда Кокрена, написавшаго вызовъ на брань къ Вице-Королю Египетскому; къ нему должнышвовали присоединиться экспедиція Американскихъ военныхъ кораблей и 2000 человекъ вспомогательнаго войска подъ начальствомъ Генерала Ладлемана. Вся вспомогательная сила должна была состояшь изъ разныхъ Ан-

гійскихъ большихъ пароходовъ съ Перкинсовскими 68 фуншовыми пушками, нѣсколькихъ небольшихъ военныхъ кораблей, 4 Американскихъ пароходовъ и 2 Американскихъ фрегатовъ о 64 пушкахъ, кошорые, вмѣстѣ съ 30 Эллинскими бригами и множествомъ мелкихъ военныхъ кораблей и брандеровъ, сославили бы флотъ, ошъ кошораго, по мужеству и искусству Греческихъ, Англійскихъ и Американскихъ мореходцевъ, подъ начальствомъ Адмирала, каковъ Кокренъ, можно было ожидать удивительнѣйшихъ послѣдствій. — Однако же сія надежда все еще не исполнилась. Правда, что Лордъ Кокренъ уже 12 Мая отправился изъ Фальмуша, но все еще не прибылъ въ Грецію, и въ концѣ года находился въ Марсели. При построении Англійскихъ пароходовъ, сдѣланы были шакія важныя ошибки, что надобно было значительно исправить или даже совершенно перестроить ихъ; одинъ пароходъ *Картерил* (Постоянство) прибылъ въ Навплію и купленъ Греческимъ Правительствомъ, однако же постройка и прочія нынѣ продолжается съ бѣльшою поспѣшностію. Въ Нью-Йоркѣ изготовлено было прекрасное 74 пушечное военное судно и пошвилось къ отплытію; и если война не

прекращенія, но Лордъ Кокренъ, который уже теперь служилъ спрашилщемъ для Турокъ и Египтянъ, безъ сомнѣнiя вскорѣ появившя въ Архипелагъ и приметъ начальство надъ Эллинскимъ флотомъ; но вѣроятно, что Англійскіе Министры уведомили его о намѣреніи великихъ Державъ предупредить дальнѣйшую вражду, и эшимъ легко объясняешя его бездѣйствіе. Въ слѣдствіе жалобъ, принесенныхъ многими Европейскими Державами, а болѣе всѣхъ Австрією, на увеличивающіеся морскіе разбои, которые конечно по болѣеи часпи производимы были подъ Греческимъ флагомъ Славонцами, Киликіянами и другими прибрежными жителями Средиземнаго моря, Народное Собраніе, для прекращенія оныхъ, издало прокламацію. Также объявило оно, и вѣроятно зашѣмъ, чтобы не показашъ разногласія съ правилами Европейскихъ Державъ, ходатайствующихъ въ пользу Греціи, готовность свою къ принятію со временемъ Монархическаго образа правленія. По завоеваніи Миссолонги, Ибрагимъ-Паша, коего войско весьма уменьшилось, пробылъ нѣсколько времени въ бездѣйствіи, и попомъ обратилъ свои нападенія прошиву храбрыхъ Майноповъ, никогда еще непобѣжденныхъ и

защищаемыхъ своими горами, попомковъ древнихъ Спаршанцевъ, но прижды былъ имъ опраженъ съ большою потерею. Въ то же время Сераскирь Решидъ - Паша двинулся съ 10,000 человекъ войска къ Аѳинамъ; тамошняя крѣпость защищена была храбрымъ Гурую. Здѣсь Французскій Полковникъ Фавье далъ ему нѣсколько сраженій, въ коихъ войска, обученныя Европейской шакшикѣ, весьма опличились ошъ необразованнымъ войскамъ Греческихъ. Гура былъ убитъ во время вылазки изъ Аѳинской крѣпости, и храбрый Гризиопи заступилъ его мѣсто. Между швѣмъ удалось подкрѣпить Аѳинскій гарнизонъ, и предположено до крайности защищать Акрополисъ, а если оный не можеть болѣе держаться, взорвать его на воздухъ. — Каратассо опустошалъ островъ Эвбею или Негропонсъ, куда уже передъ швѣмъ Фавье предпринималъ экспедицію, что бы швѣмъ принудить Омера - Пашу, вмѣстѣ съ Решидомъ упѣснявшаго Аѳины, возвратиться въ Пашалыкъ свой. Въ Кандіи шакже продолжались сраженія съ непокоренными еще Горцами. Трижды Капишанъ - Паша пышался сдѣлать высадку на островъ Самось, и прижды, прешерилъ поражение ошъ Адмирала Сахшури; въ одномъ изъ смѣ

сраженій, мужественный Канари тяжело раненъ. Такъ и въ семь году Турецкій флотъ долженъ былъ возвратиться въ Дарданеллы, не покоривъ ни одного острова. Онъ готовился къ новому походу, равно какъ и Египетскій, который долженъ былъ доставить Ибрагиму подкрѣпленіе войскомъ и разными припасами, въ коихъ онъ имѣеть крайнюю нужду; за первымъ наблюдаетъ Сахшурі, за вторымъ Коландруццо, а между тѣмъ можешь прибыть по крайней мѣрѣ часть Кокреновой экспедиціи, если, какъ выше сказано, великія Европейскія Державы не предупредятъ всякаго дальнѣйшаго предпріятія противу Греціи. — Нынѣ, по достовернѣйшимъ извѣстіямъ, живущъ въ Моревъ 700,000, въ Сѣверной Греціи 800,000, въ Архипелагѣ 300,000 душъ. Государственный доходъ Греціи простирается до 8,500,000 франковъ; Государственный долгъ въ 1825 г. составлялъ 25 милліоновъ франковъ. — 30 Мая умеръ знаменитый Германъ, Архіепископъ Папрасскій, который въ Апрель 1821 года подавъ первый знакъ къ восстанію, продолжающемуся нынѣ уже шестой годъ. — Междоусобные раздоры вспыхнули снова съ такою силою, что въ концѣ Октября, въ самой столицѣ, Навпліи, замокъ Паламиди,

заняшый Суліошами , кошорые въ городѣ играюшъ ролю господь , и укрѣпленіе Бурци при вѣздѣ въ гавань , сѣдалище членовъ Правленія , переспрѣвливались между собомъ. Аѣинскія древности , преимущественно изящное произведеніе Парѣенона , весьма пошернѣли ошъ бомбардировки; однако же говорашъ , что Сераскирь , въ сраженіи 3 Октябрю , былъ совершенно разбишъ и преслѣдуемъ на 7 миль ошъ Аѣинь. — Въ Констаншинополь все еще продолжается сословіе безначалія; считаюшъ , что съ 23 Октябрю до половины Ноябрю , казнено около 6000 человекъ , не включая нѣсколькихъ тысячъ ушопленныхъ.

(Продолженіе впередъ.)

СОВРЕМЕННАЯ РУССКАЯ БИБЛІОГРАФІЯ.

Н О В Ы Я К Н И Г И .

1 8 2 7 .

Политическая Экономія.

15. Une nation doit-elle être exclusivement agricole? Par N. Demidoff, Conseilier d'Etat actuel etc. etc. (*Долженъ ли какой либо народъ исключительно заниматься земледѣліемъ?* (Соч. Н. Демидова, Двѣдцѣти. Спаш. Совѣщ. и пр. и пр.) С. П. б. 1827 года. Въ шипогр. Депарш. Народнаго Просвѣщенія, 34 стр. въ 8. (См. No 34 Сѣв. Пчелы.)

Изъщная Словесность.

16. Пиндаръ , переведенный съ Греческаго языка Ивановъ Мартыновымъ , съ примѣчаніями Переводчика. Часть I. С. П. б. 1827. въ шип. Депарш. Народн. Просвѣщенія. 285 стр. въ 8.
(Благодаря прудамъ Г. Маршынова , мы коро будемъ имѣть полное собраніе Грече-

скихъ Классиковъ, копорые уцвѣли отъ
 шлѣна вѣковъ и отъ книжнаго пожара Але-
 ксандрійскаго. Переводъ Пиндара соста-
 вляешъ 21 часть сего собранія. Трудъ по-
 хвальный и полезный, ибо сѣмь, незнающие
 Греческаго языка знакомятся съ лучшими
 произведеніями Поэтовъ; Орашоровъ и Бы-
 пописашелей древней Эллады; а учащіеся
 языку сему, находяшъ вѣрное пособіе къ ура-
 зумвлю мѣспъ зашрѣ шельныхъ, что еще
 болѣе облегчаешся при іаніями, коими по-
 чщенный Прелагашешъ обогатилъ свои пе-
 реводы.)

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА.

1827. № VIII.

I.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

А Р Е С Т А Н Т Ъ.

(*Окончаніе.*)

Ю л и я к ъ Ф е л и к с у .

Тутъ было еще нѣсколько спрокъ , но я не могъ разобрать ихъ ; онѣ сперты слезами . И эти слезы служантъ ошпечашкомъ чувствованій сердца нѣжнаго , чистаго.... Ахъ , Феликсъ ! по прочтеніи сего журнала , мысли мои о свѣтѣ и людяхъ совершенно перемѣнились !... Я въ шакомъ смяшеніи... не знаю , какъ явишься къ Принцу... Боже мой ! что шакое значишь жизнь наша , какъ не беспрешанное , горешное бореніе съ заблужденіями , просшупками и раскаяніемъ ?..

Какъ ошець мой былъ опекуномъ Юліи , шо я увѣренъ шеперь , что прекрасная и несчастливая шешушка , кошорая часто пишвала къ мапушкѣ и за кошорую мапушка засшавляла меня молишься , должна бытъ не иная кто , какъ Графиня Юлія . Ахъ ! Фе-

ликсъ , если бѣ шы могъ понять , что такое еще я предполагаю!.. Сердце мое такъ полно... Я шеряюсь въ догадкахъ и заключеніяхъ... О другъ мой! ежели бы предчувствія мои меня не обманули!...

На другой день.

Было уже поздно, когда Принцъ прислалъ за мною. Я нашель его сидящаго на софѣ. У ногъ его, по обыкновенію, лежала вѣрная собака. Когда я вошелъ, онъ устремилъ на меня взоры свои, какъ будто бы желая узнать изъ глазъ моихъ, какое впечатлѣніе произвело во мнѣ чтеніе журнала Юліи, и по видимому, онъ скоро угадалъ движеніе моего сердца. „Садись, милый Юліи,“ сказалъ онъ пошомъ: „я долженъ многое рассказать тебѣ.“ Я сѣлъ возлѣ него. Онъ задумался: казалось, ему очень горько было приводить себя на память все прошедшее. Наконецъ, послѣ нѣкотораго молчанія, онъ склонилъ голову на грудь мою и началъ говорить слѣдующее:

„Не знаю, до какой степени можно иногда вѣрнѣе могуществу злаго духа; но, нельзя опровергать истины, что иногда, какая-то непобѣдимая сила можешь влечь насъ ко злу. Кажется, что злобный гений роется

землю подъ ногами нашими и — мы попадаемъ въ бездну. Чшо было бы съ нами, если бы милосердая десница Предвѣчнаго не управляла врагами нашими шакъ, чшо они спановяшся орудіемъ къ собсшвенному нашему избавленію?..“ Принць замолчалъ, взялъ мою руку и, прижимая ее къ груди своей, продолжалъ: „я былъ ошъ природы крошкаго и нѣжнаго характера; но, долговременное пребываніе мое въ спранѣ, гдѣ я совсѣмъ почши не видалъ женцинь, непрерывныя заплшія военными дѣлами, и собсшвенныя усилія мои содѣлали на вѣкъ, какъ я думалъ, сердце мое неприсшупнымъ любви: возвращаясь въ ошечество, я зналъ ее шолько по названію, но, при первомъ взорѣ на Юлію, сердце мое не могло прошивосшоплшь силъ ея: я покорился и — вмѣшшь съ шѣмъ лишилъ спокойствія шу, кошорой, до шого времени, могущество спрасши совершенно было еще неизвѣстно. Юлія меня любила, и сердце мое, увѣренное въ нѣжныхъ ея чувсшвахъ, не должно было бы пишашь никакихъ подозрѣній; однако я былъ чрезвычайно ревнивъ: самая невинность ея, ошкровенность и совершенное незнаніе обычаевъ свѣшскихъ, наиболѣе возбуждали во мнѣ эшу гибельную спрасшь. Сообщники Герцога спарались умножашь ее во мнѣ;

злобная, завидливая Баронесса Габріель не-примѣнно раздувала пламя ревности въ моемъ возмущенномъ воображеніи; даже и машущка моя, обманувшись ложными догадками, внушеніями окружающихъ ее, и самымъ участіемъ своимъ въ положеніи Юліи, думала, что есть какое нибудь шайное сплосненіе между Герцогомъ и ея молодою Шпансь-Дамою, и что будто Юлія только пошому и казалась внимательною къ моей нѣво-спи, чтобы удобнѣе скрывать существен-ную страсть свою. Долгое время боролся я съ этою мыслию; часно Юлія успоко-вала меня однимъ словомъ, и съ каждымъ днемъ, я привязывался къ ней болѣе. Чтобы бышь совершенно удосповѣреннымъ въ ис-пинѣ чувствъ ея, я предложилъ ей соеди-ниться со мною шайнымъ бракомъ: она со-гласилась. Это меня совершенно успокою: я блаженствовалъ; но векоръ злобный гений, меня преслѣдовавшій, возбудилъ во мнѣ по-дозрѣніе и къ тому, что она рѣшилась такъ скоро на дѣло, о кошоромъ надлежало бы хоть нѣсколько ей подумашь. Спрашивая любовь моя къ женѣ дѣлала меня ревнивымъ до бѣшенства; сердце мое терзалось сомнѣ-ніемъ; и часно впадалъ въ ужасную задум-чивость, надъ кошорою братья мой всегда мзѣвался съ жесточайшею злобою. Мы

очень рѣдко видались съ Юлією на единъ : разъ ввечеру я узналъ отъ Баронессы Габріель, что Герцогиня призывала ее къ себѣ, и что послѣ продолжительнаго разговора, Юлія вышла отъ нее, рыдая. „Графиня нездорова, прибавила она, мы сегодня ее не увидимъ.“ Слова ея повергли меня въ смущеніе; уже покушался я немедленно итти къ Юліи, но мапущка, подозвавъ меня къ себѣ, какъ будто нарочно удерживала разговоромъ, и мученіе мое было неизъяснимо. Но какъ описашъ шебѣ мое чувствіе, когда Баронесса, подойдя ко мнѣ, сказала въ полголоса : „успокойшесь, Ваше Высочество; Графиня конечно лучше, она приняла Герцога; онъ и шеперь у ней.“ Съ ужасомъ посмотрилъ я вокругъ себя: Герцога въ самомъ дѣлѣ не было въ залѣ. Пламя ревностимъ сѣдало мое сердце; я былъ внѣ себя, молчалъ и закрывъ лице руками, предавался ужаснѣйшимъ мыслямъ, и даже совсѣмъ не примѣчалъ, что происходило вокругъ меня. Герцогъ возвратился; мапущка удалилась, а послѣ того и все общество разсѣялось. Почувствовавъ наконецъ, что въ залѣ сдѣлалось тихо, я взглянулъ: одинъ только братъ мой оставался со мною.

„Карль,“ сказалъ онъ мнѣ съ обыкновенною своею холодностію: „пора уже кон-

чипь всю эту комедію. Безразсудная спрасси скоро сведешь себя съ ума: мы спремимисъ къ одному предмету и почши уже спали ненавидѣшь другъ друга, и за чпо жь? За гордую, вѣшреную кокетку, кошорой хошлось шолько, я думаю, выйши за кошораго нибудь изъ насъ!... Теперь моя опасность миновалась; умѣй и шы послѣдовашь моему примѣру: люби, будь счастливъ, наслаждайся и — ничего даље! Прекрасная Юлія исполнила всѣ мои желанія; право я уже гошовъ уступитъ ее тебѣ: и въ доказательство истины словъ моихъ, отдаю тебѣ швой поршрешъ, кошорый получилъ ошъ нея въ замѣнъ моего собственнаго.“ Съ этими словами онъ подалъ мнѣ поршрешъ. Ошъ природы я не слишкомъ былъ склоненъ къ гнѣву, и во всю жизнь мою не испышывалъ шакого бѣшенства, въ какое повергли меня его слова. Кровь закипѣла въ жилахъ моихъ: я вскочилъ, шопшала ногами поршрешъ свой и обнаживъ шпагу, бросился на Герцога. Съ холодностію отдазилъ онъ оружіе, управляемое дрожащею ошъ гнѣва рукою. — „Опомнись, братель! чпо шы дѣлаешь?“ сказалъ онъ, и — услышавъ это названіе, я безъ чувствъ упалъ къ ногамъ его. Когда пришелъ я въ себя, никого не было со мною въ комнашъ; дверь заперта была двойнымъ

замкомъ. Не могу объяснить тебѣ, въ какомъ положеніи я тогда находился: оно походило на безчувственность. Вскорѣ ударило 12 часовъ; я услышалъ стукъ кареты, остановившейся у подъезда. Вдругъ отворяются двери; входитъ военный чиновникъ и подаетъ мнѣ прочитанное повелѣніе Герцога, чтобы я немедленно ѣхалъ въ замокъ Шарфштейнъ. Я повиновался, почти не понимая, чего отъ меня требуютъ: душевное спрдааніе мое дѣлало меня ко всему равнодушнымъ. Я потерялъ уваженіе ко всемъ людямъ вообще: мое бѣшенство, и всѣ тѣ, которые умѣли во мнѣ возбудить его, были тому причиною. Въмѣстѣ съ тѣмъ я презиралъ самого себя и даже Юлію, которую любилъ такъ спрашно. Нечувствительныо ослабѣли во мнѣ и моральныя и физическія силы: жизнь моя, въ это время, не могла называться существованіемъ. По ненависти моей къ людямъ, лишеніе свободы казалось мнѣ благодѣніемъ: нѣсколько лѣтъ провелъ я въ такомъ состояніи. Но то, которое за нимъ послѣдовало, было еще ужаснѣе: съ возвращеніемъ здоровья, несчастіе мое сдѣлалось для меня ошущительнымъ: ненависть къ брашу, равно какъ и ко всему тому, что было причиною нашей ссоры, умножилась въ сердцѣ моемъ въ шм-

сячу крашъ боѣе прежняго. Безпрещанно помышлялъ я, какъ бы освободиться изъ неволи и опмстить Юди. Всякое средство къ доспигенію сихъ желаній казало мнѣ позволительнымъ; я гошовъ былъ рѣшиться на все; мысли мои несказанно меня шерзали: ни днемъ, ни ночью, не имѣлъ я покою. Мученіе мое усиливалося, и наконецъ, природа ослабѣла. Я сдѣлался очень боленъ; думаю, что смотришель сообщилъ о томъ Герцогу: ко мнѣ явился Докшоръ. Я не хошѣлъ принимать никакихъ лекарствъ и спрашился, чшобы, вмѣсто нихъ, не дали мнѣ яду. Не смотря на заключеніе, жизнь была мнѣ драгоцѣнна; я упѣшалъ себя надеждою, что учасъ моя со временемъ переѣнишя. Она въ самомъ дѣлѣ переѣнилась, и эша переѣтна была гораздо прочнѣе для будущаго, нежели ша, какую произвела бы свобода. Болѣзнь моя миновалась; но выздоровленіе было продолжительно, и въ это время удобнѣе мнѣ было разсуждать о непріязненныхъ чувстввахъ, кошорымъ предавалась душа моя. Я помышлялъ о братѣ моемъ, о пресшупномъ моемъ покушеніи на жизнь его, и часто благословлялъ Всевышняго, Копораго милосердая десница подержала меня на краю бездны; сердце мое смягчалось ошъ раскаянія; я примирился со

всѣми, даже и съ Юлією. Воспоминаніе о ней, вмѣсто того, чѣобы приводилъ меня въ бѣшенство, какъ то было прежде, сдѣлалось для меня пріятнымъ; я покорился участи своей, какъ наказанію, справедливо мною понесенному. Вскорѣ я почувствовала, что спокойствіе спановилось не чуждо душѣ моей, и чѣобы не потерять его, я старался удалять отъ себя воспоминаніе о прошедшемъ, которое казалось мнѣ ужаснѣйшимъ сномъ.

Тогда попросилъ я смотрителя замка достать мнѣ, для развлечения, какое нибудь живописное; мнѣ принесли сего попугая. Лишь только посадили его въ клітку, онъ закричалъ: *прости, прости, прощай, прощай!* чѣо вы уже слышали: Я еще и до сихъ поръ не знаю, кто и съ какимъ намѣреніемъ выучилъ его говорить эти слова; но мнѣ казалось, что сама виновная и раскаявающаяся Юлія умоляла меня ими о снисхожденіи и прощаніи со мною навѣки. Слыша крикъ попугая, я всегда былъ распроганъ, какъ бы ея голосомъ, копорой и безъ того ошзывался безпрестанно въ моемъ сердцѣ. Тогда же вспомнилъ я о флейшѣ, звуки копорой приводили нѣкогда въ умиленіе мою возлюбленную, и потребовалъ ея. Къ величайшему удивленію моему, вмѣстѣ съ флейшою

я получилъ почти и всѣ вещи, остававшіяся въ моемъ кабинетѣ; въ помѣ числѣ всѣ свои бумаги, ноши и самую маску, которая живо напомнила мнѣ минушу, когда Юлія, въ одеждѣ царицы волшебниковъ, какъ благодѣшельный геній, явилась очамъ моимъ! Съ восторгомъ разложилъ я все въ моей комнатѣ. — Черезъ нѣсколько дней увидѣлъ я у себя и вѣрнаго Поллукса. Ласки его и радости, имъ изъясляемая, чрезвычайно меня распроголи. Въ нѣ минушы мнѣ казалось, будто слышу шайный голосъ, взывающій ко мнѣ изъ глубины сердца: когда Богъ одарилъ и живошныхъ такими нѣжными чувствами, по какъ можно сомнѣваться, чтобы люди, существа разумныя, не питали въ себѣ любви и дружбы, врожденныхъ имъ и гошоващихъ для нихъ, если бы не препяшествовали спраспи, предвкушеніе шого блаженства, какого ожидаемъ въ вѣчноши? Увѣрся, что любовь еспѣ даръ небесъ, кошорый уничтожитъ могушь шолько пороки, я снова обрѣлъ ее въ сердцѣ моемъ вѣспѣ съ добродѣшелью. — Уже я былъ свободень ошѣ всѣхъ заблужденій, ошѣ всего, шакъ сказать, чувственнаго. Мнѣ казалось, что Юлія, загладивъ прошедшія слабости свои, могла принадлежатъ мнѣ въ вѣчноши; мысль сія украсала для меня уединеніе. Съ

пѣхъ поръ я сдѣлался совершенно убѣжденнымъ въ истинѣ религіи и благодарилъ Бога за Его ко мнѣ милосердіе; желаніе возвратиться въ свѣтъ уменьшалось во мнѣ постепенно.

Тутъ братъ мой прислалъ сюда себя; не знаю, съ чего онъ взялъ, будто я ищу средствъ получить свободу: онъ удвоилъ спрашу. Не правда ли, что опредѣленіе меня къ надзору за мною, есть также дѣло милосердія Божія? Твой отецъ былъ родственникомъ и опекуномъ Юліи; швое имя, швое лице пробудило въ душѣ моей тысячу воспоминаній; мнѣ хошѣлось о многомъ говорить съ тобою, но опасаясь ввѣришься незнакомцу, присланному сюда моимъ братомъ, я старался превозмочь эшо желаніе, и однако чувство, сильнѣйшее самаго благоразумія, влекло меня къ тебѣ непонятною силою; скоро я замѣнилъ, что оно было взаимно, и радостно предался ему. Небо опредѣлило, чтобы чрезъ себя я былъ выведенъ изъ заблужденія и убѣдился въ невинности безцѣнной моей супруги!... Теперь скажи, не извѣстно ли тебѣ что нибудь объ эшой несчастной? жива ли она, гдѣ находишься, и не можешь ли ты ее увидѣшь? Ошъ швоего ошвѣша зависишь мое благополучіе: ахъ! не медли, говори, жива ли

Юлія?... Не скривай опъ меня ничего, юный другъ мой! Неизвѣспноспъ объ ея учаспи неспказанно шерзаетъ мое сердце!...“ Онъ приспально спохрълъ на меня....

Чшо могъ я сказашъ ему?... Однѣ догадки, предположенія, и ничего болѣе. Однако я сообщилъ ему все, чшо пришло мнѣ на мысль: о несчастной шешушкѣ моей, жившей въ Англии, о креспъянкѣ съ игрушками, и о савной дамѣ, видѣнной мною въ сосѣдспвѣ. Вечеромъ, весьма уже поздно, разговоръ нашъ прерванъ былъ Леонардомъ, придворнымъ Докшоромъ, копорый не бывалъ здѣсь уже нѣсколькo лѣшъ.

„Не вы ли, Юлія, послазали за нимъ? сказалъ Принцъ: „Кажешся, я васъ просилъ..“

— „Нѣшъ, я не смѣлъ васъ ослушашся.“

„Такъ вѣрно братъ мой доставляетъ мнѣ удовольспвіе видѣшь васъ, любезный Докшоръ,“ сказалъ Принцъ, обращаясь къ Леонарду и дружески подавая ему руку. Докшоръ оцѣпенѣлъ. Увидя Принца въ положеніи, копорое не показывало ни малѣшого распрошсхва ума, онъ чрезвычайно изумился.

„Чшо за чудо!...“ вскричалъ наконецъ Докшоръ, саясь возлѣ Принца и взявъ его за руку: „опъ чего произошла въ васъ, Принцъ, шакая перемѣна? Пульсъ вашъ бѣешся, какъ

у самаго здороваго молодаго челоуѣка; нѣтъ
впрочемъ внушрняго жара...“

Принцъ улыбался: „Избавьте же меня,
любезный Докшоръ, оиъ эпой юности; въ
ней опасны заблужденія; дайше мнѣ шакое
лекаршво, оиъ котораго бы кровь не слиш-
комъ усшремлялась къ сердцу, пошому что
нынѣ мое сердце ищешъ шолько спокойшвія.“
Вскорѣ Докшоръ всшалъ и началъ раскла-
нивалъсь съ Принцемъ. Послѣдній удержи-
валъ его ночевать, или хотя посидѣть еще
немного; но Леонардъ никакъ не соглашал-
ся. — „Я не могу,“ говорилъ оиъ: „оспавалъ-
ся долѣ; меня ждушъ при Дворѣ; здоровье
Герцога весьма разспроилось со времени ма-
скарада, бывшаго во дворцѣ Вашего Высо-
чества. Съ шѣхъ поръ,“ прибавилъ оиъ, об-
рашаясь ко мнѣ: „какъ ему привидѣлся из-
вѣспный вамъ сонъ. Мнѣ кажется, что вы
были для Принца самымъ лучшимъ Докшо-
ромъ; я бы желалъ, чтообъ и мои попеченія
о Герцогѣ имѣли шаковой же успѣхъ. Про-
щайше, прощайше, не удерживайше меня;
больная пріятельница ожидаешъ меня къ себѣ;
я не хочу оставлять ее долѣ въ неизвѣсп-
ности; она живетъ въ шакомъ уединеніи...“

— „А, шакъ вы посѣщили меня мимо-
вдомъ и намѣрены пусшиться далѣ? ...“
сказалъ Принцъ. „Прощайте, Ваше Высоче-

спиво,“ ошвѣчалъ Докшоръ: „въ самомъ дѣлѣ Герцогъ не посылалъ меня къ вамъ; мнѣ самому захошѣлось узнать, каково здоровье ваше, довольны ли вы новымъ смошришелемъ; и я очень радъ, видя, что у васъ все какъ нельзя лучше... Не скрою ошъ васъ, что ѣхавши сюда, я имѣлъ въ виду и другое... Мнѣ нужно бытъ не подалеку ошсуда,“ прибавилъ онъ, значительна посмашривая на Принца.

— „Не здѣсь ли въ сосѣдствѣ живешь ваша больная пріятельница?“ спросилъ съ удивленіемъ Принцъ.

„Точно такъ,“ ошвѣчалъ Докшоръ: „несчастливая слѣпа, но все еще очень хороша собою: по словамъ ея, звуки флейшы вашей сославляютъ все ея наслажденіе...“

Принцъ измѣнился въ лицѣ и горестно смошрѣлъ на Докшора.

Леонардъ продолжалъ: „она говоритъ, что эта музыка, напоминая ей прошедшее счастье, какъ бы обращаетъ его въ пріятную существенность; но какъ уже нѣсколько времени флейша ваша молчитъ, то бѣдняжка сдѣлалась больна, и очень опасно. Живущая съ нею старушка, которая лѣбишь ее съ величайшею нѣжностію, рассказавъ мнѣ все это, убѣдила меня посѣтить несчастную. „Не можете ли вы,“ говоритъ

она пришомъ: „сказашь ей, ошъ чего не слышно болѣ звуковъ флейшы Шарфшшейнскаго арестанша: если эшо продолжись, ей не прожить долго . . . Признаюсь, Принць, я за шѣмъ шолько и завѣхаль къ вамъ, чшобъ увѣдомишь ее объ испинной причинѣ вашего молчанія.“

— „Кшо она шакова?“ возразилъ Принць, „Она Англичанка,“ ошвѣчалъ Докшоръ. „Много уже лѣшь прошло, какъ она купила замокъ, копорый находишь ошсюда на чешвершь мили, поселилась въ немъ и никуда не вызжаешъ. Ее зовушь Мисприсъ Дамби; я думаю, чшо она вдова. Назадъ шому нѣсколько лѣшь, меня позвали къ ней для леченія глазной боли; но было уже поздно, я не могъ помочь: она ослабнла, и по видимо-му ошъ часпыхъ слезъ. Она шиха, любезна въ обращеніи и съ удивительнымъ шервнѣемъ сносишь свое положеніе. Вошь все, чшо я могу сказашь о ней, и хошя называю ее своею пріятельницею, но право, въ шочности ничего объ ней не знаю: она очень мало говоришь со мною въ ошношеніи къ самой себѣ; просила шолько никому не говоришь о ней, и даже не бышь у нее до шѣхъ поръ, пока сама не пришлешъ за мною.“

Принць былъ въ чрезвычайномъ волненіи. „Эшо она! эшо она!“ вскричалъ онъ, об-

ливаясь слезами и приложивъ руку мою къ груди своей, которая сильно подымалась: „сердце мое говоритъ мнѣ, что это Юлія!... Юлія, любезный Юлія, ради Бога, веди меня къ ней, мнѣ должно ее увидѣть!... Г. Леонардъ! возьмише меня съ собою!...“

— „Невозможно, милоспивый государь; жалѣю, что долженъ вамъ опказать, но право, я не смѣю... Да и эштошь молодой человекъ, кошорому вы ввѣрены, подвергнулся бы гнѣву вашего брата.... Но нельзя ли вамъ увидѣть ее изъ окошка?... Нѣтъ ли ее, по обыкновенію, на эшихъ горахъ?....“

Принцъ схватилъ флейшу, и подбѣжавъ къ окну, поспѣшно открылъ его. Небо было безоблачно и луна освѣщала горы. „Точно, вошь она,“ вскричалъ Докшоръ, подойдя къ окошку: „она, она, я узнаю ее по былой плащью, вонъ прошивъ насъ, смотрите, смотрите!... Ахъ! она ждѣтъ музыки, кошорая ее оживляетъ....“ Принцъ устал на колѣни у окошка, нѣсколько разъ прикладывая флейшу къ устамъ своимъ, и сильное движеніе занимало у него духъ и флейша производила только несносные звуки. Я не могъ сносить долѣ эшого гашельнаго зрѣлища; „побудьше здѣсь моего возвращенія,“ сказалъ я шихо Леонарду

ду, пожавъ ему руку, и выбѣжалъ изъ комнаты. По знаку, мною поданному, мощь былъ поднять; я направилъ путь свой на горы, и вмигъ очутился предъ несчастною. Она сидѣла обращаясь лицомъ къ замку и по видимому, съ восторгомъ внимала звукамъ флейшы, копорыхъ споль давно уже не слышала. — Юный проводникъ ея находился въ нѣкоторомъ разстояніи. — „Юлія,“ вскричала я: „Графиня Блендгеймъ!...“

— „Боже! кто зовешь меня?“ сказала она въ испугъ и хотѣла вскочить съ мѣста, но едва поднялась, какъ зашаталась и гошова была упасть. Я поддержалъ ее; потомъ, обхвативъ ее руками, поспѣшилъ сойти съ горы съ эшимъ бременемъ, копорое, по чувствамъ, возновавшимъ мою душу, казалось мнѣ весьма легкимъ... „Спупай за нами,“ закричалъ я проводнику ея, горько плакавшему: „спупай, ты не будешь въ томъ раскаяваться.“ Онъ повиновался, и дорогою упрашивалъ меня, не дѣлашь зла доброй госпожѣ и самому ему. Уже мы приблизились къ Шарфштейну, Юлія была почти безъ чувствъ. Я опасался внести ее въ шакомъ положеніи къ Принцу и хотѣлъ было итти прежде въ свою комнату; какъ вдругъ на подъемномъ мосту, вижу Принца, поддерживаемаго Леонардомъ: онъ былъ едвали не

шакъ же слабъ, какъ и Юлія. Съ помощію телескопа, доставленнаго ему съ другими его вещами, онъ видѣлъ, какъ взошелъ я на гору и какъ попомъ понесъ Юлію. Принцъ пошчасъ бросился къ намъ на встрѣчу, но внутреннее движеніе заставило его остановиться. „Это она! это она!“ вскричалъ я, приблизясь къ Принцу.

На груди любезнаго, въ его объятіяхъ, Юлія пришла въ чувства. Нѣжные звуки его голоса, когда онъ съ любовью произносилъ ея имя, замѣнили для нея недоспашокъ зрѣнія. Феликсъ, любезный Феликсъ! какъ могу описатьъ тебѣ это зрѣлище!... Любовники, супруги, помившіеся сколько лѣтъ въ разлукѣ, наконецъ соединились!... „Карлъ, любезный Карлъ мой!“ вопль все, что повсюду Юлія.

Въ молчаніи смотрѣлъ на нее Принцъ „Милая, несчастная супруга моя!“ сказалъ онъ наконецъ: „сколько ты страдала!... Эти глаза...“ онъ покрывалъ ихъ поцѣлуями. „Ахъ! я былъ причиною слезъ твоихъ: можешь ли ты просипишь меня?...“

— „Нѣжный другъ,“ ошвѣщствовала она, улыбаясь: „милосердый Богъ не погасилъ въ сердцахъ нашихъ чувствъ нѣжности взаимной: ахъ, теперь прошедшее несчастье мое кажется мнѣ только сновидѣніемъ!... Такъ,

Карль, я спяла, но вижу тебя, и все таким же, как видѣла въ первый разъ моей жизни!...“

Теперь, Феликсъ, нѣсколько словъ о собственномъ моемъ счастьи. Предчувствіе меня не обмануло: священные узы соединяють меня съ ними!... Я сынъ ихъ, плодъ ихъ любви и шайнаго брака. Принцъ представилъ меня супругъ своей, какъ сына опекуна ея, Генерала Винфельда, присланнаго Герцогомъ для надзора за нимъ, и сдѣлавшагося орудіемъ ихъ соединенія. „Сынъ моего опекуна!“ вскричала Юлія, съ трудомъ переводя дыханіе: „ахъ, Карль! Это нашъ сынъ!... Юлій! Юлій! ты здѣсь!... Я совершенно счастлива!...“

— „Сердце меня не обмануло“ сказала мой родитель, обнимая насъ обоихъ. О, Феликсъ! какъ изъяснишь тебѣ то, что я тогда чувствовала!... Ахъ, человекъ еще и на земли можешь вкушать райское блаженство!...

Машушка объяснила намъ, что еще оставалось для насъ неизвѣстнымъ. Открывши опекуну своему шайный бракъ ея съ Принцемъ Карломъ, она не скрыла отъ него и своего положенія, заклиная не оставить ее безъ помощи. Генераль ужаснулся,

шоронилъ ее опъвздою, и взяла съ нее кляшву хранишь о помъ шайну.

Въ Англіи, въ одной опдаленной деревнѣ, подъ именемъ Мисприсъ Данби, разлученной съ мужемъ, находящимся въ морской службѣ, мапушка произвела меня на свѣш. Мнѣ было окозо двухъ лѣшъ, когда Графъ Винфельдъ назначенъ былъ опъ Двора Посланникомъ въ Неаполь: онъ написалъ къ мапушкѣ о желаніи свосмъ взятьъ меня къ себѣ для воспитанія, пока еще не могъ я запомнишь мѣста своего рожденія. Я заивался слезами, когда нѣжная, добрая мать моя рассказывала мнѣ, какъ горько ей было со мною распашься; но собственная польза моя и ея кляшва прребовали опъ нея сей жершвы. Она ввѣрила меня бывшей съ нею въ Англіи пріятельницѣ своей, Г-жѣ Нагелинъ, которая привезла меня къ Графу, а пошомъ поѣхала обратно къ любезной своей подругѣ съ тѣмъ, чшобы уже никогда не оставляшь ее. Всѣ считали меня сыномъ Графа Винфельда; съ нимъ возвратился я на его родину. Изъ Неаполя вызвали его для принятія начальшва надъ войсками, но случаю войны, и шупъ вскорѣ постигла его смерть на полѣ сраженія. Вдова его обращалась съ мною съ шюю же нѣжностію, какъ и при жизни его; она переписывалась

съ машушкою, и ее - шо, какъ я и угады-
валъ, называла Графиня моею пешушкою.

Осправляясь съ Принцессою въ Англію, она меня осшавила, какъ я уже тебѣ писалъ, у Священника; она видѣлась съ машушкою, уснокоила ее на счешъ меня и засшавила ее возобновишь обѣщаніе, сохраняшь все впо-
вшайнѣ до самой смерти Герцога. Между шѣмъ, когда умерла Графиня, Юлія, не въ сосшояніи будучи сносишь долѣе разлуку со мною и съ несчастнымъ супругомъ своимъ и не имѣя при шомъ средствъ получаешь о насъ извѣстія, рѣшилась возвратишься въ свое опечешство. Горешъ пережѣвила чер-
шны лица ея, и она надѣялась, что ее никшо не узнаешь; къ шому же она вознамѣрилась проводишь дни свои въ совершенномъ уеди-
неніи. Маршень, камердинеръ Принца, былъ единшвеннымъ ея повѣреннымъ. По ея же-
ланію, онъ купилъ для нея замокъ, въ кошо-
ромъ жила она до сего времени, и гдѣ ушѣ-
шали ее шолько звуки флейшы. — Сей ин-
струментъ доставленъ былъ Принцу вѣр-
нымъ Маршенемъ, шакже какъ собака его и попугай, выкормленный самою Юлією. Еще прежде, нежели поселилась она въ раз-
валившемся зданіи, ея желаніе увидѣшь меня усилилось до шакой степени, что она не могла превозмочь его, и явилась къ намъ

въ деревню въ видѣ продавицы игрушекъ, что тебѣ уже извѣстно. Слущая много времени, Герцогъ, починая меня сыномъ умершаго Генерала, велѣлъ помѣститься въ военное училище и опредѣлилъ пошомъ въ гвардію. И шакъ, Феликсъ, чрезъ неизъяснимые пути Провидѣнія, я сдѣлался спражемъ моего опца и пошомъ орудіемъ соединенія его съ супругою. Кшо, послѣ сего, осмылился сомнѣваться въ милосердіи Божіемъ? . . .

Теперь, милый другъ, ты спросишь меня, что изъ всего этого послѣдуетъ, и что должно произойти опъ сего непредвидѣннаго приключенія? Думаю, что ничего; мы только просимъ небо, чтобы оно дозволило намъ долѣе наслаждаться насюящимъ нашимъ благополучіемъ. Мы всѣ прижились съ судьбою: башюшка, нашедши супругу и сына, починаясь себя совершенно счастливымъ, и не жаеетъ свободы, копорую не иначе получишь можешь, какъ разлучившись снова съ Юліею, или подвергнувъ ее опасности и безпокоиству путешествія; при слабомъ здоровь, ей нуженъ покой, копорымъ гораздо удобнѣ можешь наслаждаться она въ своей жилищѣ, нежели въ городѣ; къ тому жъ Принцъ ни за что не согласился, чтобы и обвиненъ былъ въ томъ, что забылъ долѣ-

нось свою и споспѣшествовала бѣгству арестанта, порученнаго моему надзору. А самъ я, имѣя такихъ родителей, ничего болѣе не желаю, какъ только проводить съ ними всѣ дни жизни моей, утѣшая ихъ любовію моею и ласками. Докторъ Леонардъ, будучи свидѣтелемъ всего происшедшаго, общалъ Принцу умолчать о томъ предъ Герцогомъ, успокоить его, и стараніемъ своимъ продолжитъ пребываніе мое въ Шарфштейнѣ. Одинъ только смогъ бы измѣнить намъ, но я вознамѣрился не выпускать его изъ виду; онъ будетъ имѣть все, исключая свободы, кошорою и безъ того не могъ пользоваться, находясь здѣсь; да правду скажешь, онъ и заслуживаетъ наказаніе, за сѣрое обхожденіе съ башюшкою. И такъ все идетъ у насъ по прежнему: Юлія слыветъ пуспынницею въ развалинахъ, Принцъ Государственнѣмъ арестантомъ въ Шарфштейнѣ, а я, — я посредникъ между ими, геній, ихъ соединяющій! Добродушный нѣмой, совершенно намъ преданный, засыпаетъ иногда мое мѣсто, и водитъ машушку на горы, или въ компанію ея супруга. О Феликсъ! что могу еще сказать тебѣ? . . . Развѣ то, что нынѣ удовольствія свѣтскія ничего уже для меня не значатъ. Не могу изъяснить тебѣ чувствъ

моихъ , но желалъ бы , чтобы ты могъ понимать все то , что я ощущаю!....

Спустя нѣсколько времени.

Небо не всегда бываетъ безоблачно; жизнь человѣческая не можешь продолжаться безъ неудовольствій. . . . Коварный смогришель ускользнулъ изъ подъ спражи: онъ обманулъ бдительность нашу и умѣлъ воспользоваться выходомъ , ему только известнымъ: пусть, имъ избранный, намъ совершенно неизвѣстенъ : изъ побѣга его могушь произойти для насъ ужасныя послѣдствія.. Безъ сомнѣнiя , онъ донесеть Герцогу обо всемъ , что случилось , и обвинишь меня въ глазахъ его ; я долженъ ожидать того , и — уже приготовился!.... У меня одна надежда : рассказать все самой Герцогинѣ ; правда , она опасается Герцога , но — она же любила только сына своего Карла , и конечно обрадуешь отъ всего сердца , узнавъ , что онъ находишься въ здоровомъ разсудкѣ и украшенъ добродѣтелями еще болѣе , чѣмъ прежде. Но допуская ли меня съ нею мѣдвѣсья?.... Если бы я могъ бытъ увѣренъ , что только самъ спрадась буду , но — нѣтъ неизвѣстно , какая участь ихъ ожидаетъ!.... Нашъ, нѣтъ, не хочу думать и беспокоить

ся о будущемъ: шолько Всемогущій можешь мнѣ управляшь..... Боже! соедини насъ скорѣе шамъ, если люди еще разлучашъ насъ здѣсь!... Прости, Феликсъ, я ошиправляю къ тебѣ эштъ спроки съ челоувкомъ, совершенно мнѣ преданнымъ.

Ф е л и к с ь к ь Ю л и ю .

Изъ столицы.

Спѣшу увѣдомишь тебя, любезный другъ, чрезъ швоего же посланнаго, о происшествіи, кошорое безъ сомнѣнія будетъ тебѣ пріятно, и конечно вскорѣ сдѣлается извѣстнымъ и повсюду. Докшоръ Леонардъ былъ у меня и сообщилъ мнѣ о шомъ, прося, чшобы я тебя приготошилъ. Юлій! Небеса мспяшь за угнешенную невинность!... Герцогъ сошелъ съ ума!...

Онъ былъ нездоровъ, какъ говорилъ Леонардъ, съ самага шого времени, когда у него сдѣлалась лихорадка при возвращеніи изъ маскарада, и когда онъ послалъ тебя къ Принцу для лучшаго за нимъ надзора. Съ шѣхъ поръ лице его доказывало, чшобы какой-шо ужасъ владѣешь его душою; онъ сдѣлался еще задумчивѣе и безпокойнѣе прежняго, часшо приходилъ въ яросшь и, по бдальшей

часши, бывалъ одинъ въ своемъ кабинетѣ. Назадъ тому съ недѣлю, онъ заснулъ въ креслахъ, запретивъ окружающимъ его входить, пока онъ не позвонитъ; почему, даже и въ сумерки, никто изъ людей не смѣлъ податься къ нему свѣчь.

Во время его сна, какой-то человекъ высокаго роста, блѣдный и худощавый, въ свромъ плащъ, вбѣжалъ во дворецъ по заднему крыльцу, мимо часовыхъ, кошорые, въ шемношъ, приняли его за самого Герцога, и прокравшись чрезъ шайную дверь въ спальню его, прошелъ опшуда въ кабинетъ. Туш Герцогъ пробуждается, видитъ незнакомца и принимаетъ за своего брата, который вѣроятно, представлялся ему во снѣ. „Это онъ! это онъ!“ вскричалъ Герцогъ: „онъ пришелъ опмститъ за себя: онъ убьетъ меня! Помогите! помогите!“ Смошршель замка (шы конечно догадываешься, что это былъ онъ) слышитъ успокоитъ его, называя себя по имени и объясняя все, что случилось въ Шарфшшейнѣ; спрахъ Герцога умножается: „не ушелъ ли онъ? не здѣсь ли Несчастный! зачѣмъ шы оспавилъ его?“ восклицаешь онъ. Оцъпенѣвший шарикъ приходитъ и самъ опъ сихъ словъ въ чрезвычайный ужасъ, шеряетъ рассудокъ и страшный хохотъ ихъ обонхъ, сопровожд-

емый судорогами, оканчивается сіе ужасное зрѣлище.

Камердинеръ слышалъ все это изъ ближней комнашы. Испугавшись, онъ не осмѣлился итти въ кабинетъ одинъ, а позвалъ нѣсколькихъ людей, пославъ одного изъ нихъ къ Доктору; когда явился и сей, они всѣ вмѣстѣ, со свѣчами, вошли къ Герцогу. Леонардъ былъ весьма встревоженъ сослоянiемъ, въ кошоромъ нашель и его и смолрипедя зámка; всѣ средспва, имъ упошребленныя къ приведенiю ихъ въ разсудокъ, оспались щещсны; бѣшенспво ихъ возобновлялось каждую минушу, и наконецъ, они оба, упошрившись, впали въ нѣкошорый родъ усыпле-нiя. Леонардъ не оспавлялъ ихъ; онъ надѣялся, что сей сонъ будетъ имъ полезенъ, но надежда его не исполнилась; по пробужденiи, бѣшенспво ихъ возобновилось съ новою силою, и ясно доказывало неизлечимое сумасшество.

Доктора долго скрывали о шомъ ошъ Герцогини, но наконецъ принуждены были объявить ей, въ какомъ положенiи Герцогъ. „Великій Боже!“ вскричала она: „теперь онъ шаковъ же, какъ и Карлъ!“ Леонардъ поспѣшилъ сказать ей, что Принцъ находишся въ совершенномъ разсудкѣ, и что онъ никогда и не шерялъ его. Съ шрудомъ могла

она шому повѣришь. Прежде, Герцогиня часто изъясляла желаніе его увидѣшь, но Герцогъ всегда увѣрлялъ ее, что Принцъ, въ безуміи, не узнаешъ ее, и что сама она не въ состояніи будешъ перенести такого зрѣлица, и пошому желаніе ея осшавалось безъ исполненія. Слова Доктора послужили ей нѣкопорымъ ушѣщеніемъ. Положеніе сшаршаго ея сына ясно показывало ей наказаніе, посланное ему самимъ небожь за угнешеніе браша. Теперь ожидайте къ себѣ Герцогиню; она неперпѣливо желаетъ увидѣшь сего сшрадальца и по возможности наградишь за все преперпѣнное: ты долженъ пригошовишь къ шому Принца.

Но, Юлій, не его шолько одного желаетъ видѣшь Герцогиня; Леонардъ предложилъ ей прочишашъ журналъ, кошорый ты прислалъ ко мнѣ; она знаетъ, что найдешъ въ Шарфшшейнѣ невѣспку, лишившуюся зрѣнія опъ слезъ горести и любви, что найдешъ шамъ и внука; она эшо знаетъ, и — забывая все прошедшее, спѣшишь прижашъ васъ къ материнскому сердцу.

Теперь всѣмъ уже извѣспно, что сумасшесшвіе Принца Карла было ложное. Верховный Совѣшь избралъ его для управленія Государшвомъ въ продолженіе болѣзни Герцога, и вскорѣ опправишь Депушашовъ въ

замокъ Шарфштейнъ : предупреди о томъ Принца , и скажи ему , что всѣ его подданные сердечно ему преданы .

Герцогъ находящійся все въ одномъ положеніи , и никого не узнаешь ; для него гоповлять во дворцѣ особенныя комнаты , гдѣ помѣспятъ и смошришеля .

О Юлій ! можешь ли человекъ проникать въ судьбы Всевышняго и въ горешныхъ случаяхъ жизни сей говоришь : „все ужѣ для меня кончилось ! Я не имѣю болѣе никакой надежды !...“ Безумный ! зачѣмъ приходишь ты въ отчаяніе ?... Десница Божія и самое зло можешь обратишь для себя во благо !... — Прощай , Юлій ! мы скоро увидимся : надѣюсь , что сынъ моего Государя ; пребудешь навсегда другомъ Феликсу .

З а к л ю ч е н і е .

Герцогиня съ воспоргомъ спѣшила въ Шарфштейнъ . Она прѣехала и нашла сына своего вмѣстѣ съ Юлією . Сія послѣдняя хотѣла бросишься къ ногамъ ея : „ты должна бышь у моего сердца , дочь моя ,“ сказала Герцогиня , обнимая ее : „для чего не могу возвращишь тебѣ зрѣнія , какъ возвращаю мою изъносшь !...“ — „Милая машушка !“

возразила Юлія: „не лишите сего чувства моего сына, и — для меня ничего не нужно болѣе!“ Между тѣмъ Карль подвелъ Юлію къ Герцогинѣ: „ему,“ сказала онъ: „по соизволенію небесъ, мы обязаны нашимъ благополучіемъ.“ — „Я это знаю,“ отвѣчала Герцогиня: „и вмѣстѣ съ любовью пишу къ нему сердечную благодарность!...“

На другой день явились Гбсударственныя Депутаты. Карль обѣщавъ своей мшери не опказываться опъ почестей, къ копорымъ призывало его Провидѣніе. Хотя и было ему очень шрудно, даже непріятно, возвращаться въ свѣтъ, но онъ чувствовалъ, что долженъ повиноваться судьбамъ Вышняго и нещись облагъ народа, ему ввряемаго. Вмѣстѣ съ своею машерью онъ возвратился въ столицу, гдѣ былъ принятъ со всѣми знаками живѣйшей радости.

Никшо не могъ убѣдить Юлію переселиться шуда же. Ей казалось, что небо, лишивъ ее зрѣнія, шребовало опъ нее, что бы она проводила оспальные дни жизни своей въ уединеніи: она прожила еще 15 лѣтъ среди горъ и лѣсовъ: любовь и дружба ушладали ея существованіе. Супругъ ея, сынъ и свекровь часто посѣщали ея, удивлялись ея набожностію, шерпѣнію и съ каждаю свиданіемъ любили ея болѣе. Иногда звуки

Флейшы, раздающейся въ Шарфшшейнѣ, возвѣщали ей о прїѣздѣ любезнаго, и сердце ея билось сильнѣе обыкновеннаго. Карль сохранялъ къ ней всегда равную нѣжностъ: часпо, изъ разговоровъ ея онъ почерпалъ силу и швердосшь, споль нужныя для его званія, и Юлія, лишенная зрѣнія, поддерживала его на пущи, ведущемъ къ небесамъ.

Юлій, добродѣтелями своими, прїобрѣлъ всеобщую любовь и вмѣстѣ сожалѣніе, что законы не позволяли ему наследовашь родительскаго шрона. Герцогъ умеръ въ сумасшесшвіи. Когда скончалась и Герцогиня, то Принцъ Карль не могъ болѣе противостояшъ желанію раздѣляшъ уединеніе Юліи; владѣнія его должны были, послѣ его смерши, присоединишья къ Имперіи; онъ уступилъ ихъ еще при жизни своей, съ договоромъ, чшобы сынъ его, именуемый Графомъ Бленгеймъ, управлялъ дѣлами въ званіи Генераль-Губернашора. Юлій исправлялъ должностъ свою примѣрно и оплчилъ себя какъ въ дѣлахъ гражданскихъ, шакъ и на войнѣ; всѣ любили и уважали его, какъ бы владѣшельнаго Герцога, а при помѣ онъ былъ свободенъ въ выборѣ сердца. Женясь на сесшрѣ друга своего Феликса, въ союзѣ съ нею былъ онъ совершенно счасшливъ. Можно угадашъ, чшо вѣрный Марпенъ и

нѣмой служивель замка Шаронштейна получили доспойную награду за преданность ихъ и усердіе.

Е. М. ва.

II.

ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ.

БИТВА АРКОЛЬСКАЯ.

Фельдмаршалъ Альвинци вступаетъ въ Италію съ шрешемъ аріею. Хорошее состояніе Французскихъ войскъ; общее мнѣніе всѣхъ народовъ Италіи желаетъ имъ успѣха. — Сраженіе при Бреншъ (5 Ноября); Вобуа въ безпорядкѣ оставляетъ Тироль. — Ропоть и различныя чувствованія, поселившіяся между Французскими солдатами. — Ночныя походы арміи на Ронко; армія переправляется тамъ чрезъ Адижъ по мосту, построенному на плашкоутахъ (14 Ноября); она вступаетъ съ побѣдою въ Верону, Венеціанскими ворахами, на правомъ берегу рѣки (18 Ноября).

§ 1.

Въ слѣдъ за всѣми курьерами, привозившими въ Вѣну извѣстія объ успѣхахъ Эрц-Герцога Карла, являлись курьеры оны Вурмзера, сообщавшіе извѣстія только объ уронахъ. Дворъ провелъ весь Сенябрь мѣсяцъ въ сихъ переходахъ оны радости къ печали. Удовольствіе, которое чувствовали оны оны побѣдъ, слабо вознаграждало его

за уныніе, поселяемое потерями. Германія была спасена, но Италія потеряна; войско, охранявшее сію границу, исчезло. Многочисленный его штабъ, преславный Полководецъ и нѣкошорые ошпашки, шѣмъ шолько спаслись, что заперлись въ Маншу, кошорая, бывъ доведена до крайности, нуждаясь въ всемъ и спавъ добычею осеннихъ лихорадокъ, въ скоромъ времени должна была ошворить свои вороша побѣдителю. Императорскій Надворный Совѣтъ почувствоваль необходимость чрезвычайныхъ усилій; собралъ двѣ арміи, одну въ Фріуль, а другую въ Тироль, вручилъ начальство надъ оными Фельдмаршалу Альвинци и предписалъ ему ишши на защиту Маншуй и на освобожденіе Вурмзера.

§ 2.

Невыгодное положеніе армій Самбро-Маасской и Рейнской долженствовало векоръ бытъ почувствовано въ Италіи. Если бь объ сіи арміи не удерживались на правомъ берегу Рейна, то необходимость пребывала, что бь онѣ послали значительные отряды для усиленія арміи Италійской. Директорія много обѣщала, и мало исполняла; однако жь она отправила двѣнадцать баталіоновъ, взявшихъ ошъ Вандейской арміи, ко-

шорме и прибыли въ Миланъ, въ шесте Сеншября и Окшября мѣсяцевъ; нарочно, во время похода, ихъ раздѣлили на двѣдцать колоннъ. Всѣ были въ шомъ мнѣнїи, что каждая изъ сихъ колоннъ состояла изъ цѣлаго и весьма комплекшнаго полка, что было бы очень значительнымъ вспоможеніемъ. Правда, что солдапу Французскому не было нужды въ сей увѣренности: онъ былъ полонъ довѣрїя къ своему Полководцу и къ собственному превосходству; ему хорошо плашили, его хорошо одѣвали и кормили; артиллерїя была хороша и многочисленна; конница имѣла отличныхъ лошадей. Народы Испанїи съ участіемъ смотрѣли на успѣхи арміи Французской: ихъ выгоды, ихъ независимость была связана съ оными; они споль же были убѣждены въ превосходствѣ Французскихъ войскъ надъ Нѣмецкими, какъ и въ превосходствѣ ихъ вождя, побѣдителя Больё и Вурмзера, надъ Фельдмаршаломъ Альвинци. Съ Іюля мѣсяца шого года, мнѣніе весьма уже перемѣнилось. Тогда, при вѣсти о прибытіи Вурмзера, вся Испанїя ждала отъ него побѣды; теперь же никто не сомнѣвался, что побѣды будутъ на сторонѣ арміи Французской. Общій духъ народовъ, обитающихъ за рѣкою По, какъ шо, Болонцевъ, Моденцевъ и Реджійцевъ, былъ

паковъ, что они сами собою могли опротивить войско Папы, если бы оно вспушило въ ихъ земли, и шѣмъ выполнило свои угрозы.

§ 3.

Въ началѣ Октября, Фельдмаршалъ Альвинци былъ еще съ своею арміею при Изонцо; но въ концѣ того жъ мѣсяца, онъ перенесъ главную свою квартиру въ Конеліано, за Пиаву; Массена, стоя въ Бассано, наблюдалъ за его движеніями. Давыдовичъ собралъ въ Тироль 18-ши тысячный корпусъ, включая въ то число Тирольскую милицію. Дивизионный Генералъ Вобуа прикрывалъ Треншо, занимая Лависъ 12-ши тысячнымъ своимъ корпусомъ. Дивизія Ожеро, кавалерійскій резервъ и главная квартира Французской арміи были въ Веронѣ. Намѣреніе Альвинци было соединиться въ Веронѣ съ Давыдовичемъ, а опшолъ ишши на Маншуу. Ноября 1-го, онъ навелъ два моста на Пиаву и съ тремя колоннами взялъ направленіе на Бреншу. Массена, угрожая ему апшакою, принудилъ его распянуть всю свою армію, и когда узналъ, что она соспала болѣе нежели изъ 40,000 человекъ, то снялъ свой лагерь въ Бассано, перешелъ черезъ Бреншу и приблизился къ Виченцѣ; Наполеонъ пришелъ сюда также съ дивизіей Ожеро и своимъ резервомъ, а 6-го числа на разсвѣтъ,

пошелъ дасть сраженіе Альвинци, который следовалъ за движеніемъ Массены. Альвинци перевелъ главную свою кварширу въ Фонше-Ниву; авангардъ его, подъ командою Генерала Липшая, спалъ на правомъ берегу Бреншы въ Карминьяно, впереди лѣваго крыла, коимъ начальствовалъ Генераль Провера. Правое крыло его арміи, подъ командою Кваздановича, спояло въ позиціи между Бассано и Виченцою. Генераль Мипровски командовалъ обсервационнымъ корпусомъ въ шѣснинахъ Бреншскихъ, а Генераль Гогенцоллернъ резервомъ. Массена пошелъ въ атаку на самомъ разсвѣтѣ, и послѣ нѣсколькихъ часовъ битвы, прогналъ авангардъ, Кваздановича, Липшая и дивизию Провера на лѣвый берегъ Бреншы, убивъ и взявъ въ плѣнъ много людей. Наполеонъ, съ дивизіей Ожеро, пошелъ на Кваздановича, выгналъ его изъ Ленове и опшиснулъ до Бассано. Было чешыре часа по полудни; важѣйшее намѣреніе Наполеона было перейши черезъ мостъ и въ пошъ же самый день занять городъ; но когда подошълъ Гогенцоллернъ, то Наполеонъ велѣлъ резервной своей бригадѣ ишши на подкрѣпленіе ашпаки моста. Башальонъ изъ 900 Кроашовъ, бывъ опрѣзанъ, бросился въ деревню на большой дорогѣ; какъ скоро передовая колонна резерва

показалась и хопъла пройши чрезъ селеніе, по ея приняла сильнымъ огнемъ; надобно было подвесити гаубицы. Деревня была взята, Кроашы испреблены; но это опинало два часа, и когда резервъ прибылъ къ мосту, ночь уже наступила; должно было опложишь до слѣдовавшаго дня заняше моста.

Вобуа получилъ повелѣніе ашшаковать непріятельскія позиціи на правомъ берегу Лависа. Перваго Ноября онъ ашшакował позиціи Сан-Микеле и Согонцано. Непрѣшель былъ силенъ и защищался съ великою неуспрашимостію. Успѣхъ Вобуа былъ неполонъ и покушеніе его въ слѣдующій день не было счастливѣе; наконецъ, бывъ самъ ашшакованъ, онъ былъ выпѣсненъ изъ позиціи своей при Лависѣ и принужденъ осшавишь Треншо. Собравъ свое войско, занялъ онъ позицію въ Каміано; но Лаудонъ, искуснымъ маневромъ на правомъ берегу Адига, съ своими Тирольцами опбилъ его опъ берега и занялъ Номи и Торболу. Его намѣреніе, кажется, было ищи на Монпелальдо и Риволи. У Вобуа не осшавалось ни человекъ на правомъ берегу, и онъ ничѣмъ бы не могъ воспрошивишь сему маневру, кошорый, если бъ былъ выполненъ непріятелемъ, по подвергнулъ бы великой опасности корпусъ Вобуа и всю армію. Извѣ-

стія о семь прибыли во Французскую главную кварширу въ два часа по полуночи. Нѣчего было медлить: должно было какъ можно скорѣе бѣжать къ Веронѣ, споль сильно угрожаемой, оставивъ прежнее предположеніе и всѣ мысли о диверсіи. Сіе прежнее предположеніе Главнокомандующаго было то, чшобы, опшолкнувъ Альвинци за Піаву, пробраться въ шѣснины Бреншкія и опрѣзать Давыдовича. Полковникъ Виньоля, человекъ весьма надежный, опсправленъ былъ въ Верону, чшобы собрать тамъ всѣ войска, кошорыя найдешь, и ийти на Коронну и Риволи. Онъ нашель тамъ одинъ башальонъ 40 полка, шолько что пришедшій изъ Ванден, успрашилъ онымъ первымъ непріятельскихъ спрѣлковъ, кошорые пѣявились на Короннѣ. На другой день, Жуберъ прибыль въ сію важную позицію съ 4ю легкою бригадою; шогда нѣчего уже было болѣе бояшья. Въ это же время, Вобуа навель мосты на Адижѣ, снова перешель на правый берегъ и заняль съ сильнымъ опрядомъ позицію при Короннѣ и Риволи.

Французская армія, во весь день 7 Ноября, шла опъ города Виченцы, кошорый, бывъ свидѣтелемъ одержанной ею побѣды, не могъ себѣ изьяснить сего опспунашельнаго движенія, Альвинци, съ своей споро-

ны, началъ опшшупашъ въ шри часа упра, чшобы перейши чрезъ Піаву; но вскорѣ оны извѣстился чрезъ свою легкую кавалерію объ опшшупленіи Французскихъ войскъ, возвратился на Бреншу и на другой же день перешель сію рѣку, дабы савдовашъ за движеніями свѣго непріятеля. Наполеонъ при- скакаль къ дивизіи Вобуа, велѣль ей со- браться на дощинѣ Риволійской и сказалъ: „Солдашы, я не доволенъ вами; вы не дока- „зали мнѣ ни дисциплины своей, ни швер- „досши, ни храбросши; ни на какой пози- „ціи нельзя было васъ собрашъ; вы преда- „лись пуштому спраху. Вы дали выгнашъ „себя изъ шакихъ позицій, гдѣ гореть хра- „брецовъ остановила бы цѣлую армію. Сол- „дашы 39 и 85-го полковъ, вы не Французы! „Генераль Начальникъ Главнаго Шшаба, ве- „лише написашъ на ихъ знаменахъ: *Они уже „не годятся быть въ Италійской арміи!*“ Сія рѣчь, произнесенная спрогимъ голосомъ, испоргла слезы изъ глазъ сихъ спарыхъ воиновъ; законы дисциплины не власпны были сдержашъ ихъ гореспныхъ восклицаній; многіе гренадеры, имѣвшіе знаки опшшчія на оружіи, вскричали: „Генераль! насъ „обнесли передъ вами; посшавъше насъ въ „авангардъ, и увидише, досшойны ли 39 и „85 полки бышъ въ Ишалійской арміи.“

Произведя такимъ образомъ желаемое дѣйствіе, онъ сказалъ имъ нѣсколько словъ въ утѣшеніе. Оба сіи полка, чрезъ нѣсколько дней попомъ, покрыли себя славой.

§ 4.

Не взирая на неудачи, копоры Альвици прешерпѣлъ на Бреншъ, его дѣйствія были увѣнчаны блистательнѣйшимъ успѣхомъ. Онъ овладѣлъ всѣмъ Тиродемъ и спраною между Бреншою и Аджемъ. Но ему оставалось еще самое шрудное: перейши силою Адижъ въ виду Французской арміи и соединишься съ Давыдовичемъ, пройди по шрупамъ храбрыхъ воиновъ, посшавленныхъ на пуши къ Веронъ. Большая дорога изъ Вероны въ Виченцу лежишь на при мли вдоль по Адигу, до Вилла-Новы, ошкуда перпендикулярно сворачиваетъ влѣво и идетъ прямо къ Виченцъ. Въ Вилла-Новъ, небольшая рѣчка Альпонъ перерѣзываетъ ее и прошекая чрезъ Аркоде, впадаетъ въ Адижъ близъ Альбаредо; влѣво ошъ Вилла-Новы находящяся возвышенности, извѣстныя подъ названіемъ позиціи Кальдіеро; занявъ ихъ, можно прикрышь Верону и бышь въ готовности къ нападенію въ шылъ на непріятеля, маневрирующаго внизъ по Адигу. Когда защита Моншебальдо была обезпечена и пол-

ки Вобуа снова ободрились, но Наполеонъ рѣшился занять Кальдіеро, какъ мѣсто, дающее болѣе выгоды въ дѣйствіяхъ оборонительныхъ и болѣе силы его положенію. Ноября 11, въ два часа по полудни, армія перешла мосты Веронскіе; бригада Вердье, бывъ впереди, опрокинула авангардъ непріятельскій, захватила въ павъ нѣсколько сотъ человекъ и къ ночи заняла позицію у подошвы Кальдіеро. Огни биваковъ, донесеніе вѣрныхъ людей и показанія воспноплѣнныхъ не оставляли ни малѣйшаго сомнѣнія на счетъ намѣреній Альвинци: онъ рѣшался выдержать битву и спать твердою ногою въ сихъ превосходныхъ позиціяхъ, примкнувъ лѣвымъ крыломъ своей арміи къ болошамъ Аркольскимъ, а правымъ къ горѣ Оливешто и деревнѣ Колоньоль. Сія позиція хороша въ двойномъ смыслѣ — и при нападеніи, и при оборонѣ. Онъ прикрылъ себя нѣсколькими шанцами и грозными башшарями. Съ разсвѣтомъ дня, Французы разсмотрѣли непріятельскую боевую линію: лѣвое крыло ея было неопразимо, правое, казалось, слабо было прикрыто. Чтобы воспользоваться сею ошибкою, Массенъ велѣно было итти съ своею дивизіею занять одинъ холмъ, который выходилъ изъ праваго крыла непріятельскаго и кошораго Австрійцы заняли

не догадались. Бригадный Генераль Лоне (Lanau) неуспрашимо взощель на сіе возвышеніе съ опрядомъ спрѣлковъ; но слишкомъ высшупивъ впередъ, онъ не могъ бышь во время подкрѣплень дивизіею, кошорая, взощедъ на вершину, задержана была рвомъ. Лоне былъ сбиль и взиль въ пѣль. Непрїашель, узнавъ свою ошибку, шощъ же часъ поправиль свою позицію; невозможно уже было ашшаковать его съ надеждою успѣха. Между шѣмъ переспрѣлка завязалась по всей линіи и продолжалась во весь шощъ день. Дождь лиль ручьями; земля шакъ ошъ него расшворилась, чшо Французская аршиллерія не могла сдѣлать никакого движенія, шощда, какъ аршиллерія Авспрїйцевъ, биль въ позиціи и выгодно поставлена, производила свое дѣйсвіе. Непрїашель многократно покушался самъ ашшаковать, но биль сильно опражаемъ. Обѣ арміи провели ночь на бивакахъ, каждая въ своей позиціи. Дождь шель во всю ночь и шакъ силенъ, чшо на другой день по ушру, главнокомандующій Французскихъ войскъ призналъ за лучшее возвращишь въ свой лагерь предъ Верономъ. Уронъ въ семь дѣль, съ обѣихъ споромъ биль равный; непрїашель, по праву, приписывалъ себѣ побѣду; аванпосты его приблизилсь къ Сан-Микеле, и положеніе

Французовъ сдѣлалось испинно кришчешкимъ.

§ 5.

Вобуа прешерпѣлъ важныя пошери; у него оснавалось шолько 8,000 человекъ. Обв другія дивизіи, храбро дравшіяся на Бреншъ, послѣ неудачной своей попышки на Кальдіеро, имѣли не болѣе 13,000 человекъ подъ ружьемъ. Мысль о силѣ непріятельской, была въ головѣ у каждаго. Солданы Вобуа, въ оправданіе своего ошсшупленія, говорили, что они дрались одинъ на шроихъ. Непріятель, конечно, былъ шакже съ пошереку; но онъ былъ сильнѣе числомъ и захвашилъ землю на большое разшояніе. Онъ высчишывалъ въ свою выгоду малое число Французовъ, и пошому не сомнѣвался болѣе, что освободишь Маншуу и завоюешь Ишалію. Въ радости своей, онъ съ намѣреніемъ явно собиралъ и спроилъ множешво лѣшницъ, грозя, что возьмешъ Верону присшупомъ. Гарнизонъ Маншуи пробудился ошъ усыпленія: онъ дѣлалъ часшныя вылазки, безпрешанно шревожилъ осаждавшихъ, кошорыхъ едва было ошъ 8 до 9,000, для содержанія въ осадѣ 25-ши шысячнаго гарнизона, въ кошоромъ, правда, ошъ 10-ши до 12-ши шысячъ было больныхъ. Французы не были уже въ сосшолніи нигдѣ вести войны нашупа-

пельной; съ одной стороны они были удерживаемы позиціею Кальдіеро, съ другой тѣсинами Тирольскими. Но если бы даже позиціи непріятеля позволяли дѣлать прошивъ него покушенія, шо превосходное число его было очень извѣстно; должно было ему предоставишь самому на что нибудь рѣшиться, и шепрѣваино ждашь, что онъ предпримешь. Погода была самая дурная: всѣ движенія дѣлались по колено въ грязи. Бишвы при Кальдіеро и въ Тироль, весьма ослабили духъ Французскаго солдата: онъ все еще чувствовалъ превосходство свое въ равномъ числѣ, но ни какъ не надѣялся, что можешь бороться съ числомъ шоль превосходнымъ. Многіе изъ сихъ храбрыхъ воиновъ были ранены по два и по три раза, современи вступленія ихъ въ Италію. Къ сему присовокупилось неудовольшвіе. „Мы не можемъ одни дѣлать дѣло за всѣхъ,“ говорили они: „Армія Альвинци, стоящая здѣсь, ешь ша самая, передъ кошорою арміи „Рейнская и Самбро-Маасская опшшупили; „а онъ обв сидашь шеперь безъ дѣла; почему же мы шолько за нихъ работаемъ? Если „насъ разобьюшь, шо мы, какъ бѣглецы, „бросимся на Альпы безъ всякой чести; „если же, напрошивъ, мы побѣдимъ, шо къ „чему послужишь эша новая побѣда? Про-

„пивъ насъ выславяпть и другую армію,
 „шакою жъ какъ Альвинціева; шакъ какъ и
 „самъ Альвинци слѣдовалъ за Вурмзеромъ,
 „какъ и Вурмзеръ слѣдовалъ за Больё; а въ
 „эшой неравной борьбѣ, всё шаки мы же
 „будемъ задавлены.“ Наполеонъ опивѣчалъ:
 „Намъ остаеися сдѣлать еще одно усиліе —
 „и вся Италія наша. Неприсяель конечно
 „многочисленнѣе насъ, но половина его войскъ
 „сосшавлена изъ новобранцевъ; разъ его
 „побьемъ — Маншуа падеть; мы всѣмъ овла-
 „дѣемъ и пруды наши кончашся; ибо не
 „только Италія, но и общій миръ — въ
 „Маншуѣ. Вы хопише ипши на Альпы:
 „эшого вамъ нельзя сдѣлать; съ пущыхъ
 „и холодныхъ биваковъ шамошнихъ голыхъ
 „ушесовъ, вы могли завоевать прелестныя
 „долины Ломбардіи; но съ веселыхъ и цвѣ-
 „щущихъ биваковъ Италіи, вамъ нельзя уже
 „возвратишься на снѣга. Къ намъ подошло
 „подкрѣпленіе, другія въ дорогѣ; шѣ, копо-
 „рые не хопянтъ бишся, пущь не ищутъ
 „больше вздорныхъ предлоговъ: разбейте
 „Альвинци, и я вамъ опивѣчаю за будущее.“
 Сіи слова, повшоренныя всѣми людьми истинно-
 храбрыми, пробудили опвагу въ сердцахъ
 и мгновенно поселили совсѣмъ инныя чув-
 ешвованія. За минушу предъ симъ, армія,
 въ уныліи, хопѣла опшшупантъ; шеперь же

въ упоеніи, просилась итти впередъ. „Ита-
 „лійскимъ ли солдатамъ шерпѣливо сносишь
 „оскорбленія и вызовы эпихъ невольниковъ.“
 Когда же узнали въ Брешии, Бергамѣ, Ми-
 ланѣ, Кремонѣ, Лоди, Павии и Болоньи, что
 армія прешерпѣла пошерю, то раненые и
 больные вышли изъ госпиталей еще не со-
 всѣмъ выздоравливъ, чтобы занять мѣста
 свои въ спрою; раны многихъ изъ сихъ
 храбрыхъ воиновъ еще почилы кровью. Тро-
 гательное сіе зрѣище наполняло душу уни-
 леніемъ.

§ 6.

Наконецъ, 14-го Ноября къ ночи, ла-
 геръ Веронскій спалъ подъ ружье. Три ко-
 лонны выступили въ походъ въ величайшемъ
 молчаніи, прошли городъ, перешли Адигъ
 према мостами и поспроились на правомъ
 берегу. Часъ выступленія, направленіе, при-
 нятое какъ бы для рещирады, безмолвіе,
 хранимое войскомъ, привыкшимъ всегда во-
 вѣщашь, когда идешь на бой, положеніе
 дѣлъ — словомъ, все показывало, что Фра-
 цузы опшсупающъ. Сей первый шагъ въ
 опшсупленію по необходимости влекъ и
 собою снятіе осады Маншун и предвѣщанъ
 пошерю Италіи. Тѣ изъ жипелей, которые
 полагали въ успѣхахъ Французовъ надежду
 будущей, лучшей участи, съ безпокойствомъ

и сжатымъ сердцемъ слѣдовали за движеніями сей арміи, уносившей съ собою все ихъ надежды. Однако жъ армія, вмѣсто того, чтобы взять дорогу на Пескіеру, вдругъ поворопила влѣво, пошла вдоль по Адигу и до разсвѣта прибыла въ Ронко; Андрессі уже оканчивалъ наводимый тамо мѣстъ. Съ первыми лучами солнца, она съ удивленіемъ увидѣла, что однимъ поворотомъ влѣво, она была уже на другомъ берегу. Тогда офицеры и солдаты, которые во время преслѣдованія Вурмзера, проходили сими мѣстами, — начали опгадывать намѣреніе своего Полководца: онъ хочеть обойти Кальдіеро, котораго не могъ взять съ фронша; не могли съ 13,000 человекъ сражаться въ открытомъ полѣ противъ 40,000, онъ переносить свое поле битвы на дороги, окруженныя проспранными болошами, гдѣ число ничего не можеть сдѣлать, но храбросшь передовыхъ колоннъ рѣшилъ все. Надежда побѣды прояснила тогда души всѣхъ воиновъ, каждый обвцался превзойти себя въ содѣйствіи споль превосходному и смѣлому плану. Кильмень оспавался въ Веронъ съ 1,500 челов. разныхъ полковъ, заперъ ворота и строго запрешилъ всякія сообщенія вѣшнія; непріятель вовсе не зналъ о семъ движеніи. Мѣстъ въ Ронко наведенъ былъ

на правомъ берегу Альпона, почти на четверть Фр. мили отъ его устья: это было предметомъ кришикъ для воиновъ, не столь искусныхъ. Дѣйствительно, если бы мостъ былъ построенъ на лѣвомъ берегу, прошивъ Альбаредо, то 1) армія увидѣла бы передъ собою проспанную равнину, чего начальникъ ея хотѣлъ избѣгнуть; 2) Альвинци, занимавшій высоты Кальдіеро, могъ бы, пославъ отряды войскъ на правый берегъ Альпона, прикрыть маршъ колонны, которую бы отрядилъ къ Веронѣ; онъ бы занялъ село сей городъ, слабо защищенный, и соединился бы съ Тирольскою арміею; дивизія Риволійская, попавшись между двухъ огней, принуждена бѣ была отступать къ Пескьерѣ, и цѣлая армія находилась бы въ великой опасности, тогда, какъ наведши мостъ на правомъ берегу Альпона, Французы приобрѣщали неоцѣненные выгоды: 1) что завлекли непріятеля на ширі дороги, лежащія въ обширномъ болотѣ; 2) что могли бытъ въ сношеніи съ Вероною, посредствомъ долины, пролегающей вверхъ по Адигу чрезъ деревни Порчиль и Гамбіоне, гдѣ была главная квартира Фельдмаршала Альвинци, такъ, что непріятель не могъ бы занять никакой позиціи, ниже прикрытъ какою либо естественною преградю движеніе войскъ,

которыя бы послали ашшаковать Верону. Сія ашшак спановилась чрезъ сіе вовсе невозможною, пошому что вся Французская армія напала бы съ пылу на ашшакующихъ, тогда какъ городскія стѣны удержали бы ихъ съ фронша. Три дороги сходящяся у моста въ Ронко: первая, лѣвая, идешь на Верону вверхъ по Адигу, чрезъ деревни Біонде и Порчиля, гдѣ выходишь на равнину; вторая, средняя, ведешь въ Вилла-Нову и проходишь чрезъ деревню Арколе; здѣсь встрѣчаешся на Альпонѣ небольшой каменный мостъ; прешья дорога пролегаетъ внизъ по Адигу, и ведешь въ Альбаредо. Отъ Ронко до Порчиля разстоянія 3,600 сажений, отъ Порчиля до Кальдіеро 2000, а отъ Кальдіеро до Вероны 3 Франц. мили (*). Отъ Ронко до Арколе, 2,200 сажений; отъ Аркольскаго моста до Вилла-Новы 3000; отъ Ронко до устья рѣки Альпона 100 сажений, а отсюда до Альбаредо 600 сажений.

§ 7.

Три колонны пошли по симъ прешьямъ дорогамъ: лѣвая вверхъ по Адигу до конца болоша, къ деревнѣ Порчилю, отсюда ей видны были колокольни Веронскія; тогда

(*) Около 13 верстѣ. *Прим. Перев.*

уже непріятелю невозможно было итти из сей городъ. Средняя колонна пошла къ Арколе, куда спрѣлки Французскіе пробрались до самаго моста, не бывъ замѣчены; два баталіона Кроашовъ съ двумя пушками, сподяли шамъ на бивакахъ, охраняя шылъ арміи и наблюдая за опрядами, кошорые гарнизонъ въ Ленъга могъ бы выслать въ поле, ибо крѣпость сія была опшуда шолько въ прехъ Фр. миляхъ на право. Мѣста между Арколе и Аджемъ не были оберегаемы; Альвинци удовольствовался шолько шѣмъ, что велѣлъ шамъ разѣзжашъ гусарскимъ папрулямъ, кошорые по при раза въ день проѣзжали по плошинамъ, лежащимъ на болшъ при берегахъ Аджа. По дорогъ изъ Ронко въ Арколе встрѣчается Альпонъ, на 1200 саженой опъ мѣста; опшуда она идетъ на 10,000 саженой вверхъ по правому берегу сего малаго ручья до каменнаго моста, кошорымъ перпендикулярно поворачивашъ на право, въ самую деревню Арколе. Кроашы сподяли на бивакахъ, правымъ крыломъ примкнувъ къ деревнѣ, а лѣвымъ къ усню; передъ глазами у нихъ была плошина, опъ кошорой опдѣлены они были шолько ручьемъ; начавъ спрѣляшъ, они приняли съ слага колонну, кошорой голова была уже почти въ Арколе; она поспѣшно подалась изъ

задь до шого мѣста , гдѣ плошина не вы-
даешъ уже фланга лѣвому берегу. Ожеро ,
раздраженный симъ попяшнымъ движеніемъ
своего авангарда , бросился на мостъ съ дву-
мя башальонами гренадеровъ ; но бывъ при-
няшъ сильною ружейною спрѣльбою съ флан-
га , опшшупилъ къ своей дивизіи . Альвинци ,
бывъ извѣщенъ о сей ашшакъ , сначала ея
не понялъ ; однако жъ , на разсвѣшъ , съ ближ-
нихъ колоколенъ могъ видѣшъ движеніе Фран-
цузовъ . Разосланные для рекогносцированія
его гусары , были приняшы ружейными вы-
спрѣдами на всѣхъ плошинахъ и преслѣдо-
ваны конницею ; шогда для него ясно было ,
чшо Французы перешли чрезъ Адижъ и на-
ходились у него въ шылу . Ему казалось без-
разсудшвомъ подумашъ , чшобъ можно было
шакимъ образомъ пущишъ цѣлую армію въ
непроходимыя болоша ; онъ думалъ , чшо эшо
были легкія войска , зашедшія съ сей споро-
ны , чшобы его шревожишъ и прикрывъ на-
стоящую ашшаку , которая опшроешся по
дорогъ Веронской . Однако же , когда разо-
сланныя имъ рекогносцировки допесли ему ,
чшо около Вероны все было шихо , шо онъ
счелъ за нужное выгнашъ изъ болошъ сіи
легкія войска ; онъ опшрядилъ одну дивизію
на линію Аркольскую , подъ командою Ми-
шпровскаго , а другую на лѣвую плошину ,

ночь начальствомъ Проверы. Около девяти часовъ утра, онъ жарко пошелъ въ ашпакъ; Массена, которому ввѣрена была лѣвая половина, допустивъ непріятеля вспушить на нее, побѣжалъ на него скорымъ шагомъ, врѣзался, побилъ у него много людей и взял много въ плѣнъ. То же было и на Аркольской плашинѣ: какъ скоро непріятель прошелъ за поворотъ оной, Ожеро бросился на него также скорымъ шагомъ, смѣлъ его, захвашилъ военнопленныхъ и пушки; боюно было покрыто шрунами. Занятіе Арколе сдѣлалось непременно нужнымъ: ибо онъ шолъ, выступивъ въ тылу непріятеля, можно было занять мостъ въ Вилла-Новъ, на Альпони, чрезъ который осмѣивался ему единственныи путь къ отступленію, и шать можно бы было утвердиться прежде, нежели оный былъ бы запертъ; но Арколе держалась противъ многихъ ашпакъ. Наполеонъ захошѣлъ лично извѣдать последнее усиліе: схвашилъ знамя, взбѣжалъ на мостъ и оспавилъ его шать; колонна, которой онъ командовалъ, взошла уже на половину моста, когда фланговый огонь и приближеніе свѣжей непріятельской дивизіи погнѣмали сей ашпакъ; передовые гренадеры, оспавленные хвостомъ колонны, пріоспановились; но бывъ увлечены бѣгущими, не хотѣли

разснхашься съ своимъ Генераломъ: схватили его за руки, за плашье и пошацили сквозь дымъ, по шрупамъ и раненымъ; его сполкнули въ болошо, гдѣ онъ увязъ до поясицы и былъ среди непріашелей: гренадеры увидѣли своего Генерала въ опасности, вскрикнули: „солдаты! впередъ, на защиту Генерала!“ — и вмигъ сіи храбрые люди бросились бѣгомъ на непріашеля, ошпи-снули его за мостъ — и Наполеонъ былъ спасень. День сей былъ ознаменованъ жершвами воинской доблести. Ланнь прискакалъ изъ Милана, раненый при Говерноло и еще спраждушій ошъ раны; онъ спалъ между непріашелемъ и Наполеономъ, прикрылъ его своимъ шѣломъ, получилъ шри раны, и все не хошѣлъ его ошавишь. Мвиронъ, Адьюшаншъ Главнокомандующаго, былъ убишь, заслоня собою своего Генерала. Смершь геройская и умилишельная! Белльяръ и Виньоль были ранены, когда снова повели войска впередъ. Храбрый Генераль Роберь былъ убишь: эшо былъ воинъ, закаленный въ бояхъ. Генераль Гьё (Guieux) переправился въ Альбаредо чрезъ Адижъ съ своею бригадою на шромъ. Арколе была взята съ другой шпоры; въ эшо время, Альвинци, извѣспясь о насшощемъ видѣ дѣль, понялъ всю опасность своего подоженія; онъ поспѣшно

оставилъ Кальдіеро, снялъ свои башшарек и опослалъ за мостъ всѣ свои парки и резервы. Французы, съ вершины колокольни въ Ронко, печально смотрѣли, какъ сія добыча ошъ нихъ уходила; и уже при видѣ суешливыхъ движеній непріяшеля можно было судишь о всей обширности и слѣдствіяхъ намѣренія Наполеонова. Всякъ видѣлъ, что могло произойти ошъ столь глубокаго и смѣлаго соображенія. Непріяшельская армія, шоропливымъ своимъ уходомъ, избѣгала конечнаго истребленія; уже къ четверемъ часамъ утра, Генераль Гѣ могъ идти въ Арколе лѣвымъ берегомъ Альпона; деревня была взята безъ выстрѣла: но тогда въ ней почти уже не было нужды; это дѣло опоздало шестью часами; непріяшель занялъ уже свою естественную позицію; Арколе была уже не что иное, какъ средній постъ между фроншами обвихъ армій, тогда какъ ушромъ въ день битвы, деревня сія была въ шылу непріяшеля. Со всѣмъ шѣмъ, важныя послѣдствія увѣнчали день сей: Кальдіеро была очищена, Верона была внѣ опасности, двѣ дивизіи Альвинціевой арміи были разбины съ значительною потерей; многочисленныя колонны военнопленныхъ и множество профеевъ побѣды прошли сквозь лагерь и наполнили восшоргомъ солдашъ и

офицеровъ ; каждый снова получилъ увѣренность и чувство побѣды.

§ 8.

Между тѣмъ Давыдовичъ съ Тирольскимъ корпусомъ напалъ на Корону и занялъ ее ; онъ споялъ въ Риволи. Вобуа споялъ на высотахъ Бассолино ; Кильмень, избавленный отъ всякихъ опасеній съ лѣваго берега очищеніемъ Кальдіеро , обращалъ свое вниманіе на сѣвны Веронскія и на правый берегъ ; но если бы Давыдовичъ пошелъ на Вобуа и принудилъ его броситься къ Маншуу, то снялъ бы блокаду сего города и ошрѣзалъ репирату главной кварширѣ и всей арміи, находившихся въ Ронко. Отъ Риволи до Маншуи 13 Франц. миль , отъ Ронко десять , весьма худыми дорогами ; должно было на разсвѣтѣ спастъ въ такомъ положеніи , откуда бы можно было подкрѣпить Вобуа , прикрывашъ осаду Маншуи и сношенія арміи, и разбить Давыдовича , копорый въ теченіе дня подвинулся впередъ. Для успѣха въ семъ намѣреніи , нужно было расчесать часы. Главнокомандующій , находясь въ неизвѣстности о томъ , что происходило днемъ , могъ предполагашъ и предполагашъ , что все шло худо со стороны Вобуа , что сей послѣдній былъ вышѣсненъ и споялъ между Ровербеллоу и Касшель-Но-

во. По сему Главнокомандующій вывелъ войска изъ Аркоде, спившей сполько крови, перешель съ армією на правый берегъ Аджда, а на лѣвомъ оставилъ сполько бригаду съ нѣсколькими пушками, и велѣлъ, чтиоби солдаты ужинали въ семь положеніи. Въ случаѣ, когда бы непріятель пошелъ на Риволи, должно было снятъ мостъ на Аджѣ, скрыться отъ Альвинци и подоспѣть во время на помощь Вобуа. Наполеонъ оставилъ въ Аркоде разведенные на бивакахъ огни и велѣлъ пикетамъ безпрестанно подкладывать въ нихъ дровъ, дабы Альвинци ничего не замѣнили. Въ чешыре часа утра, армія спала подъ ружье; но въ шу же минушу прискакалъ офицеръ отъ Вобуа и донесъ, что сей Генераль въ шессть часовъ вечера былъ еще въ своей позиціи на высотахъ Бассодино, и что Давыдовичъ не шрется съ мѣста. Сей Генераль командовалъ прежде корпусомъ въ арміи Вурмзера; онъ помнилъ данный ему урокъ, и не хотѣлъ пустишься на удачу. Однако жъ Альвинци, извѣстиясь окодо шрехъ часовъ утра обшщшупательномъ маршѣ Французовъ, велѣлъ замѣнить Аркоде и Порчиль, а дель отшправилъ дѣв колонны на двѣ площадки. Начадась перешрѣлка въ двухъ сплахъ саженьяхъ отъ моста въ Ронко; Французы пе-

решли мостъ въ ашшаку, напали на непріятеля, вѣзались въ него и гнали до конца болоша, кошорое наполнились шрупами Австрійцевъ; знамена, пушки и военнопленные были трофеями сего дня, въ кошорый двѣ свѣжія Австрійскія дивизіи были разбишы. Подъ вечеръ, Главнокомандующій, по шѣмъ же самымъ причинамъ и соображеніямъ, какъ и наканунѣ, сдѣлалъ шаковое же движеніе: совокупилъ всѣ свои войска на правомъ берегу Адижа, на лѣвомъ же оставилъ только авангардъ.

§. 9.

Альвинци, введенный въ обманъ шпиономъ, увѣрившимъ его, будто бы Французы шли къ Маншу и оставили одинъ авангардъ въ Ронко, снялся съ лагеря еще до разсвѣта. Въ пять часовъ утра, во Французской главной кварширѣ узнали, что Давыдовичъ не дѣлалъ никакого движенія, и что Вобуа былъ въ той же позиціи. Армія снова перешла за мостъ; головы колоннъ обѣихъ армій встрѣтились на половинѣ площади; битва была упорна, нервшима нѣсколько минутъ; 75й полкъ былъ разорванъ; пули долетали даже на мостъ. Главнокомандующій велѣлъ 32 полку залечь въ небольшомъ ивовомъ лѣску, вдоль по площади, и у самаго края моста; полкъ сей во-время вспалъ на

ноги, пусшилъ огонь, пошелъ въ шпыки и опрокинулъ въ болошо сжашую во всю ея длину колонну, состоявшую изъ 3,000 Кроашовъ; они всѣ шамъ погибли. Массена, на лѣвомъ крылѣ, шерпѣлъ неудачи; но онъ пошелъ впереди своего войска, вошкнувъ свою шляпу на шпагу вмѣсто знамя, и производилъ ужасное кровопролитіе въ дивизіи, прошивъ него посшавленной. Послѣ полудня, Главнокомандующій разсудилъ, что настало время кончить дѣло, ибо, если бѣ Вобуа былъ разбишъ въ эпошъ же день Давыдовичемъ, то онъ принужденъ бы былъ въ слѣдующую же ночь ишши на помощь къ нему и къ Маншу. Тогда Альвинци шошчасъ бы пошелъ на Верону и похишилъ бы славу и послѣдствія побѣды; всѣ выгоды, прибрѣтенныя въ шри дня, были бы ушрачены; шогда какъ если бы Наполеонъ прогналъ Авспрійцевъ за Вилла-Нову, то могъ бы ишши на помощь къ Вобуа чрезъ Верону. Онъ велѣлъ сдѣлать вѣрный счетъ военноплѣнныхъ, исчислилъ потери непріятеля и удосшовѣрился, что сей послѣдній уменьшился въ эши шри дня болѣе нежели 25,000 человекъ, и что ошныи наличныя его силы въ сраженіи будутъ малымъ чѣмъ болѣе шреша прошивъ Французовъ. Онъ велѣлъ выйши изъ болошъ и ашшаковать непріа-

шла на равнину. Трехдневныя сіи происшествія такъ измѣнили мысли обѣихъ армій, что побѣда была почти вѣрною. Армія перешла мостъ, наведенный на ущельѣ Альпона; Эллио, Адъютантъ Главнокомандующаго, имѣлъ порученіе послроить другой, и былъ убитъ. Въ два часа по полудни, Французская армія была въ боевомъ порядкѣ, лѣвымъ крыломъ въ Арколе, а правымъ по направленію къ Порто-Леньяго; передъ нею стоялъ непріятель, примыкая правымъ крыломъ къ Альпону, лѣвымъ къ болошамъ; онъ совершенно заступалъ дорогу въ Виченцу. Генераль-Адъютантъ Лорсе (Lorset) вышелъ изъ Леньяго съ 6 или 700 человекъ пѣхоты, четырьмя пушками и 200 ч. конницы, чтобы обойти болоша, въ копорыя непріятель упирался лѣвымъ крыломъ своимъ. Около трехъ часовъ, въ то время, когда опрядъ сей пошелъ впередъ, когда завязалась сильная перепалка по всей линіи и стрѣлки вступили въ бой, эскадронный командиръ Геркюль (Hercule) получилъ приказъ ийти, съ 25 *вожатыми* (*) и 4 шрубачами, сквозь

(*) У всякаго Главнокомандующаго или Начальника корпуса во Франціи, сверхъ Штаба изъ Офицеровъ, были солдаты-Кавалеристы, отъ 50 человекъ до двухъ эскадроновъ. Ихъ называли *вожатыми* (guides): они были одѣты иногда какъ гусары, ино-

проснники, и напасшь на край лѣваго крыла непріятельскаго, шогда, какъ гарнизонъ Леньяго начнешь спрѣлать въ него съ шилу. Сей офицеръ выполнилъ это движеніе весьма хорошо и много способствовалъ успѣху битвы: линія была разорвана, непріятель началъ опшсупашь; Фельдмаршалъ Альвинци построилъ ошь 6 до 7,000 человекъ въ нѣсколько колоннъ *уступами* (à échelons) въ шылу своей арміи, дабы штъ обезпечить артиллерійскіе паркы и свое опшсупленіе; въ дѣлѣ у него было не болѣе людей, какъ и во Французской арміи; во весь вечеръ его провожалъ съ битвою, при чемъ онъ много пошерялъ военноплѣнными. Французская армія провела ночь въ своей позиціи. Не взирая на шридневныя побѣды, для Генераловъ и высшихъ чиновъ оставалось загадкою: какой приказъ Главнокомандующій опшдасшь къ завшрешнему дню? Вся думали, что онъ, удовольшвовавшись опшдленіемъ непріятеля, не пущишся на равнины Виченшинскія и возвращишся въ Верону лѣвымъ берегомъ Адрижа, чтошбъ опшшолъ ишши на Давыдовича и заняшь Кальдіеро, какъ сіе было первою цѣлію его маневра. Но не-

гда какъ конные егеря (*chasseurs à cheval*); они оберегали главную кварширу. *Прим. Изд.*

пріятель сколько пошерялъ въ сіи дни и людей и бодрости, что его уже не къ чему было бояться на ровномъ мѣстѣ. Съ насшупленіемъ дня узнали, что онъ ошсшупилъ къ Виченцѣ; армія погналась за нимъ, но, дошедъ до Вилла-Новы, одна конница продолжала его преслѣдовашь, пѣхоша же остановилась для сожданія донесеній о томъ, какъ держался арріергардъ арміи. Главнокомандующій вошелъ въ монастырь Санъ-Бонифачіо; церковь онаго занята была подъ лазаретъ; ошъ 4 до 500 раненыхъ были въ ней, шакъ сказашь, навадены, большая часть изъ нихъ уже померли, ошъ чего зданіе было наподнено мершвеннымъ зловоніемъ. Главнокомандующій съ ужасомъ ошсшупилъ назадъ, какъ вдругъ услышалъ, что его зовушь по имени. Два несчастные солдата шрое сушокъ лежали между мершвыми, безъ пици, безъ перевязки; они уже ошчаявались о себѣ, когда снова призваны были къ жизни возрвніемъ своего Генерала; шушь имъ оказали всякую помощь. Узнавъ, что непріятель, въ величайшемъ безпорядкѣ, нигдѣ не ошавался, и что арріергардъ его былъ уже за Моншебелло, Бонапарше поворошилъ ваво, на Верону, дабы напасшь на Тирольскую армію. Обвздные пашрули поймали ошцера Главнаго Шшаба, посланнаго къ

Альвинци опъ Давыдовича: онъ ѣхалъ съ горь, и думалъ, что находишься между своими войсками. Изъ найденныхъ при немъ депешъ узнали, что непріятельскія войска уже при дня не имѣли между собою сношеній, и что Давыдовичъ ничего не зналъ о происходившемъ. Альвинци потерялъ въ три дня при Арколе, 18,000 человекъ, въ томъ числѣ 6,000 военноплѣнными, 4 знамени и 18 пушекъ.

§. 10.

Армія Французская вошла побѣдоносною обратню въ Верону, Венеціанскими ворошамн, чрезъ три дня послѣ шайнаго своего опшолѣ выхода ворошамн Миланскими. Трудно изобразить удивленіе жителей; даже самыя явныя враги не могли подавить своего удивленія, и вмѣстѣ съ преданными Французской сторонѣ поздравляли побѣдителей. Но армія не остановилась въ городѣ: она перешла чрезъ Адигъ, пошла на Давыдовича, который 17 числа наступилъ на Бассолино и прогналъ Вобуа къ Касшелъ-Ново. Массена пошелъ на Касшелъ-Ново, соединился съ Вобуа и напалъ на Риволи. Ожеро пошелъ лѣвымъ берегомъ Адига, на Дольче, взялъ 1500 человекъ, два запасныя мосша, 9 пушекъ и знашную часть обоза:

ны не безъ урона. Армія болѣе прежняго имѣла нужду въ опѣдахъ: безразсудно было бы вести ее въ Тиролю и расшлянуть до Треншо. Должно было думатьъ, что Маншуа опворитъ свои вороша побѣдителямъ прежде, чѣмъ Австрійскій Генераль успеетъ набрать новую армію: гарнизонъ сей крѣпости былъ доведенъ до половинной порціи; много изъ него бѣжало, госпитали были набишы больными; все возвѣщало близкую сдачу. Смертнность была тамъ чрезвычайно велика, болѣзни каждый день похищали больше людей, нежели сколько нужно было для одержанія важной побѣды.

Съ Фр.

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

ПИСЬМА НА КАВКАЗЪ,
О ЛИТЕРАТУРЪ, НАУКАХЪ И ИСКУСТВАХЪ.

Письмо третье.

Въ послѣднемъ письмѣ моемъ, я слишкомъ распространился о Московскомъ Телеграфѣ, и думаю, что ты, читая длинное мое посланіе, не разъ прошептала любимую свою Французскую пословицу: *Le jeu ne valait pas la chandelle*. Согласенъ; однако жъ, въ обмѣнъ на Французскую свою пословицу, позволь припомнить тебѣ афоризмъ Лашинскій: *difficile est veritatem non dicere*. Впрочемъ, даю тебѣ слово, что не буду тебя снова вводить въ подобное искушеніе, и съ возможною краткостью буду тебѣ говорить объ остальныхъ Журналахъ.

Новости Литературы, издававшіяся Г. Воейковымъ, были и въ 1826 году такими же, какъ и въ предшествовавшемъ: большую часть прозы составляли въ нихъ малые переводы съ иностранныхъ языковъ. Сказавъ только: *малые*, я надѣюсь, что выразился слишкомъ умеренно. Нѣкто, подписывавшійся въ *Новостяхъ* Г. Воейкова,

личнымъ мѣстоименіемъ я, перекладывала Поэмы Байрона съ превосходныхъ стиховъ на такую прозу, которая, сказано Русскою поговоркою, въ душу нейдетъ. Переводы нѣкоторыхъ Французскихъ и Нѣмецкихъ Поэтовъ были не лучше, и печатались, можно сказать, безъ оглядки. Такъ напр. въ одной изъ нихъ находишь: „звѣзды блиспали на голубомъ сводѣ, какъ блеспки на черномъ плащѣ вдовы Сивильской (вдовушки).“ Стихи въ этихъ Новостяхъ были несравненно лучше прозы: здѣсь встрѣчались стихотворенія Пушкина, Баратынского, О. Глинки и другихъ отличныхъ Поэтовъ. За то рѣдко что изъ нихъ можно было назвать *новостью*: большая часть была перепечатана изъ печатныхъ книгъ, а нѣкоторые и *третьимъ тисненіемъ*. Въ числѣ такихъ новостей, Г. Издашеля заново помѣстилъ (въ Юньской книжкѣ Н. Л.) собственное свое посланіе къ Жуковскому, писанное въ 1813 году, посланіе, для котораго слишкомъ бы довольно было и одного изданія.

Всего любопытнѣе въ Новостяхъ Литературы славя Г. Издашеля, подъ заглавіемъ: *Екатеринославъ*; она перешла изъ 1825 года въ 1826-й, и не кончилась еще въ семь послѣднемъ; почему должно надѣяться,

что Г. Издатель ошпечашаетъ ее въпорочно въ нынѣшнемъ своемъ Журналѣ, *Славянникъ*. Начало сей спашьи заключаешъ въ себѣ ичшо похожее на пушешествіе, ш. е. поверхносшныя описанія и ш. п.; это бы все ичшего; всякій пушешешвенникъ смопритъ на предметы съ своей шочки зрѣнія, съ своей *высоты*. Но Сочинишезю показалошъ, что спашья его слишжомъ корошка, и пошому, за недосшашжомъ собешвеннаго запаша, онъ разсудилъ за благо доподошнить ее чужимъ. Привязка его къ нынѣшней временной ошопѣ до изслѣдованій историческихъ, весьма замысловаша: онъ говоритъ, что шеперь „нашпояшельно шребуошъ ошъ пушешешешвенника познаній въ древношпахъ, рошзиска о развалинахъ, курганахъ, городешпахъ; спашишпическихъ шаблицъ, ландешкаршъ, видовъ; что онъ обязанъ ошпритъ „ишъсколькo древнихъ монешъ, испошковашъ „надгробныя надписи, обьяснитъ происхожденеіе языка, сходштво его съ Санскритшскимъ, или по крайней мѣрѣ, съ Финикійшскимъ, изложитъ свое мнѣніе о переселеніи „народовъ вообще, и о жишеляхъ странъ, „имъ описываемой, въ особенносши; предешспавишъ ишъсколькo проешшовъ объ улучешеніи рукомесла, шорговли и промышленосши. . . . Постараюшъ (продолашъ

„Г. В.), сколько умью, угодишь вкусу моихъ
 „современниковъ; вызову изъ могилъ свя-
 „щенные шѣни Геродоша и Неспора, Ко-
 „спаншина Багрянороднаго и Спрабона;
 „выпишу краснорѣчивыя спраницы изъ Ис-
 „поріи Карамзина, ученые наблюденія изъ
 „пушешествій Палласа, Гюльденшшета,
 „Зуева; приведу въ свидѣтели испины со-
 „бышій, мною изложенныхъ, Боплана, Лер-
 „берга, Полунина...“ Кшо жъ эти жесто-
 кіе современники, которые перебующъ опъ
 Г. В. такой компилляціи? Не лучше ли бы-
 имъ самимъ перечисашъ все это, нежели
 засшавишъ его рышья въ книгахъ? — Какъ
 бы шо ни было, но онъ выполнилъ требо-
 ваніе современниковъ и началъ свои испо-
 рическіе *розыски* почши пакже, какъ *maître*
l'Intimé (*) свою судную рѣчь:

Avant la naissance du monde.

Дамскій Журналъ, издав. Княземъ Ша-
 ликовымъ, по моему мнѣнію, не заслужи-
 ваешъ шѣхъ жестокихъ нападокъ, какіе на
 него дѣланы были въ одномъ Журналѣ. У
 насъ часто ополчающся прошивъ какого-ли-
 бо сочиненія или періодическаго изданія, не
 сдѣлавъ сначала самому себѣ весьма еше-

..(*) Въ Расиновой Комедіи: *Les Plaideurs*.

ственнаго вопроса: какая цѣль Сочинителя или Издашеля? Примѣняя сей вопросъ къ Дамскому Журналу, можно опшвѣчать, не запинаясь: чшо главная цѣль сего изданія — извѣстія о новыхъ модахъ (съ рисунками самыхъ модъ), а вшорая по ней — досшавишь чшпашельницамъ своимъ легкое и пріятное чшеніе. Можешъ бышь, по мнѣнію спрогихъ кришниковъ, Издашель и не совсѣмъ достигъ сей послѣдней цѣли; но шущъ опять должно судишь и осуждашь по сравненію. Просматривая однородныя съ симъ изданія Французскія: *Le Journal des modes*, *le Petit Courrier des Dames* Парижскія, и *Le Journal des Dames*, издаваемый въ Фракеуршѣ, вижу, чшо они наполняются шакими спашьями, кошорыя ничѣмъ не лучше помѣщаемыхъ въ Московскомъ *Дамскомъ Журналь*. Чшо же касается до главной цѣли — модъ, шо можно рѣшишельно сказашь, чшо въ Дамскомъ Журналь извѣстія о нихъ переводяшся на Русскій языкъ гораздо лучше и вразумишельнѣе, а картинки лучше бываюшъ выгравированы и раскрашены, нежели въ Московскомъ Телеграфѣ. По крайней мѣрѣ, здѣсь не встрѣчаешъ шакихъ зашѣйливыхъ диковинокъ, какъ напр. *Грипусье* и ш. п.

Вошь вся моя правда о Журналахъ за 1826 годъ. Теперь, знаю, ты попотребуешь ошь меня полнаго извѣстія о книгахъ, вышедшихъ въ шомъ же году; помню и неоднократныя твои словесныя и письменныя требованія, чшобъ извѣстія мои были представляемы въ нѣкошоромъ систематическомъ порядкѣ, дабы, какъ говоришь ты, съ перваго взгляда видѣшь успѣхи наши въ Словесности и въ разныхъ отрасляхъ знаній человеческихъ. Гошовъ по возможности исполнишь твое желаніе; но скажу тебѣ напередъ: не ожидай ни полнаго исчисленія, ни полнаго ошчета обо всѣхъ книгахъ, вышедшихъ съ 1-го Января 1826 по 1-е Января 1827 года. Я буду говорить тебѣ шолько о шомъ, чшо почему либо ошалось въ моей памяти. Начну съ Липерашуры.

Ты вѣрно замѣнилъ, чшо въ обыкновенномъ порядкѣ и ходѣ вещей, всегда бываюшь или случайныя или преднамѣренныя чершы, явшвенно опличающія одну эпоху ошь другой. Сии опличительныя чершы равно свойственны и міру физическому, и міру нравшвенному, и ими - шо и можно и должно означашь эпохи, для различенія ихъ въ ряду временъ. Примѣняя эшо правило къ нашей Липерашурѣ, я назову минувшій годъ — годомъ собранія хорошихъ сочиненій;

ибо, принимая въ уваженіе ежегодную скудосшь нашего книжнаго запаса, онъ былъ относительно богатъ шаковыми изданіями. Ты самъ можешь это видѣшь изъ слѣдующаго исчисленія. Въ печеніе 1826 года, вышли въ свѣсь: *Стихотвореніе Александра Пушкина*, — *Басни Крылова*, въ 7-ми книгахъ, — *Апологи въ четверостишіяхъ, И. Д.*, — *Сочиненія въ прозѣ Жуковскаго*, изданіе второе, дополненное всѣмъ шѣмъ, что было Сочинишемъ помѣщено въ Альманахахъ съ 1823 по 1826 годъ, — *Сочиненія Александра Измайлова*, въ прозѣ и стихахъ *Басни и Сказки*, его же, — *Опыты Священной Поэзіи и Опыты Аллегорій, Ф. Глинки*. Въ Москвѣ вышла 6-я часть *Трудовъ Общества Любителей Россійской Словесности*, составлявшася при шамошнемъ Университетѣ. Въ отдѣленіи прозы: шамъ ешь спашьи, весьма заслуживающія вниманіе. Прибавимъ ко всѣмъ симъ собраніямъ, хоша по заглавію — *Собраніе Новыхъ Русскихъ Стихотвореній и Собраніе нов. Русскихъ сочиненій и переводовъ въ прозѣ, вышедшихъ въ свѣтъ съ 1821 по 1823 годъ и служащихъ дополненіемъ къ Образцовымъ*. Ты давно уже знаешь эти *Образцовыя*, знаешь и то, что смѣшливый Собирашель хошъ предшавишь чашашеламъ своимъ об-

разцы всего въ Русской Литературѣ: и хорошаго, и средственнаго, и дурнаго. Тѣмъ же правиломъ руководствовался онъ и въ сихъ двухъ томахъ своего Собранія, особливо въ части стихотворной. Издатели Съверной Пчелы замѣтили очень забавный его анахронизмъ въ выборѣ спашей прозаическихъ, а именно: что онъ принималъ 1770 и 1772 годы за 1821 и 1823; ибо ограничь въ заглавіи сими двумя послѣдними годами, помѣспилъ въ самой книгѣ спашьи, появившіяся въ двухъ первыхъ. Съ удовольствіемъ назову шебъ *Досуги Сельскаго Жителя*, крестьянина Ѳ. Слѣпушкина, стихотворенія, въ которыхъ проспой сынъ природы, пріятными и плавными стихами передалъ намъ впечатлѣнія и чувствованія сельской жизни, однообразной и скудной для равнодушнаго жителя споліць, разнообразной и обильной для Поэта и наблюдателя нравовъ.

Изъ отдѣльныхъ стихотворныхъ произведеній, въ прошломъ году появилось также нѣсколько прекрасныхъ. Пушкинъ напечаталъ 2 главу *Евгенія Онѣгина*, и, скажу шебъ опкровенно, эша вшорая глава нравилась мнѣ болѣе первой, хотя въ ней и менѣе движенія, менѣе картинъ разнообразныхъ. За шо въ ней самая вѣрная, жи-

вая картина, закоснѣлыхъ сельскихъ помещиковъ, съ ихъ предрасудками и шѣсными поняшїями, съ ихъ пересудами и жирными объдами. — Барашынский издалъ небольшую *Поэму: Эда*, въ кошорой ешь весьма хорошія каршныя Финляндіи; вмѣстѣ съ нею, перепечашалъ онъ свои *Пиры*, о конхъ нѣчего напоминашъ шебъ: я не забылъ, что пы многія мѣста изъ нихъ знаешь наизустъ, и что нѣкошорые стихи, какъ напр.

„Какъ не любишь родной Москвы?

„И гуль пошѣи колокольной,

швердишь за пословицу. — Жандръ напечаталъ свое подражаніе Шиллеровой *Семель*; пы помнишь, думаю, опрывки изъ нея, напечатанные лѣтъ за десяшь предъ сїмъ, кажешся, въ *Сынъ Ошечесшва*? Тамъ было много сильныхъ и прекрасныхъ стиховъ; въ цѣломъ ихъ, разумѣшся, и шого болѣе. *Козловъ* издалъ *Абидосскую Невѣсту*, кошорую можно также назвашъ подражаніемъ: красошы Бейроновы часпо замѣнены другими; но сїи послѣднїя часпо имѣюшь дошпоишшво изобрѣшенїя. Желашельно, что въ у насъ почаще *хоть подражали* Бейроку такимъ образомъ. — Для чего, послѣ всѣхъ ошличныхъ произведенїй, долженъ я, въ силу даннаго шебъ слова, упомянушь о какой-шо стихошворной *Нинѣ* и объ *Ужас*

ныхъ гостяхъ, въ кошорыхъ нѣтъ ни занимательнаго вымысла, ни сносныхъ стиховъ, ни чистоты языка?

(Окончаніе въ слѣд. книжкѣ.)

IV.

С Л О В Е С Н О С Т Ь.

Бесѣда у Вальтера Скотта.

(Изъ Путешествія Пикко (*).

. . . . I would rather take my wine
With you than aught (save Scott) in your proud city.
Lord Byron, Don Juan.

Ни съ хмѣль (кромя Скопша) не выпилъ бы
я стаканъ вина шакъ охотню, какъ съ вами.

Не многіе Поэты, при жизни своей, наслаждались народною любовью въ такой степени, какъ Сиръ Вальшеръ Скопшъ! въ Шотландіи, во всякомъ домѣ найдешь, если не всѣ его творенія, то по крайней мѣрѣ

(*) Въ одномъ изъ нашихъ Журналовъ былъ прежде напечатанъ небольшой отрывокъ изъ этого письма, заимствованный изъ иностранныхъ периодическихкихъ изданій: теперь предлагаемъ оное вполне.
Изд.

нѣкошорья ихъ часши; имя его, всѣми знаемое, приобщается ко всему, что въ Эдинбургѣ есть національнаго; не смотря на это, за недоспашкомъ соперниковъ, у него есть завистники и хулишела. Виги упрекають его, одни въ томъ, что онъ одѣланъ поэтическимъ цвѣтомъ Сшуаршовъ; другіе въ томъ, что всѣ заключенія его клонящя въ пользу нынѣшняго Правительства; жаркіе и мрачные Пресбишеріе не спавяшъ ему въ пресшупленіе то, что онъ оклеветалъ основашелей ихъ Церкви. Здѣсь, Скопшъ слыветъ анги-либеральнымъ приверженцемъ Миниспровъ; шамъ человекомъ невѣрующимъ; ушверждають, что если бы *смотръ* (Review) не зависѣлъ ошъ его книгопродавца Констабля, то Эдинбургскіе Аристархи были бы сшроже въ своихъ критикахъ, и не столько распочительны въ похвалахъ этому человеку, который снова поставилъ Шотландію на спенень народовъ, непрестанно занимая Европу изображеніемъ *Шотландіи независимой*. Въ самомъ дѣлѣ, и Поэмы и Романы его суть не что иное, какъ пѣшическія неодобренія акта *соединенія*, а эта лещъ пріятнѣе всѣхъ прочихъ ласкаетъ народную гордость; мудро ли же, что благодарный народъ любилъ славу Скопша, какъ свою собшвен-

будь публичною мѣстою, вокругъ него поднимается одобришельный гдворъ, и не разъ единодушныя рукоплесканія привѣщивовали въ Театрѣ Пѣвца Шотландіи. Похвалы сего рода должны заглушить въ его ухахъ жужжаніе нѣсколькихъ полипическихъ и липерашурныхъ насѣкомыхъ. Хваляшь или браняшь его, но ни чье имя не произносишь такъ часто въ Шотландіи, и его прежде всѣхъ, желаюшь видѣшь иностранцы.

Если бы меня не увѣрили, что Сиръ Вальшеръ Скопшъ также замѣчашелень по своей обходительности, какъ и по дарованіямъ, то я не знаю, какъ бы превозмогъ врожденную свою заспѣчивость и осмѣлился прийти къ нему. Я думалъ, правда, что имѣю нѣкошорыя права на его вниманіе, и что между нами существуетъ уже родъ *умственного* сношенія; но эти-то самыя права и лишали меня по временамъ смѣлости. Мнѣ приходила на умъ Испаліанская пословица: *traduttore traditore*. Не дерзко ли было съ моей стороны заставить говорить въ прозѣ *Марліона* и *Госпожу Озера*? Могла ли мнѣ служить *рекомендательнымъ письмомъ* эта проза, набросанная наскоро въ минушы крашкаго досуга? — Другаго, впрочемъ, у меня и не было: я повѣрилъ



моимъ пріишелямъ, копорые говорили, что и этого довольно. Наконецъ я рѣшился: ибо уѣхашь, не выдавъ Вальшера Скопша... куда же бы годилось мое пушешествіе? Ученый и любезный Профессоръ Томсонъ звалъ меня къ себѣ завтракашъ въ десяшь часовъ упра. Въ девашъ я пуспился по великолѣпнымъ прошуарамъ улицы Георгія, ограничивающейся съ одной спороны красвою колонною Лорда Мельвилля, а съ другой церковью Св. Георгія, копорая бы могла бышь болѣе вѣрнымъ подражаніемъ церкви Ап. Павла въ Лондонѣ. Недалеко ошь сего храма, улица замка (Castle-street) пересѣкаетъ улицу Георгія; на лѣво величешвенно возвышаешся старая цишадель, кошорую въ Эдинбургѣ глазъ встрѣчаешъ часшо, а на право язляешся море, коего зыбкаяз лазурь поражаешъ взоры во многихъ часшахъ города, не смошря на шо, что дома всякій день спановяшся между старымъ городомъ и берегомъ. Въ этой-шо чрезвычайно живописной улицѣ (Castle-street) живешъ Вальшеръ Скопшъ. Не безъ смущенія взошелъ я на лѣспницу и дернулъ за шнурокъ звонка, чипая на мѣди молодшка имя и званіе Повша: Сиръ Вальшеръ Скопшъ, *Баронетъ*. — Ошворяюшъ... Сиръ Вальшеръ Скопшъ дома.

Я бы могъ, по примѣру Триспрама-Шанди, остано­вить васъ въ корридорѣ, чшобы дать вамъ время разсмошрѣшь чшшошу покоевъ, голубую съ желшымъ ливрею напудренныхъ лакеевъ — признакъ досташочнаго сосшоянiя; но я все эшо замѣшилъ уже послѣ, и въ кабинетѣ, въ кошорый ввели меня, увидѣлъ шолько человекъ, сидящаго у коншорки въ упреннемъ редингошѣ. То былъ Вальшеръ Скошшъ; онъ всшалъ, подошелъ ко мнѣ и съ непринужденною прiятностiю взялъ и развернулъ записку, кошорую я ему подалъ, записку, въ кошорой прiятель его, книгопродавецъ Ленгъ, писалъ въ шести строкъхъ, чшо молодой Французскiй Докшоръ (свѣдуешъ мое имя) желаетъ съ нимъ познакомшться и предшавшть ему экземпляръ нѣкошорыхъ Поэмъ его, имъ переведенныхъ. Вы догадываетесь, чшо какъ ни мало надобно времени на прочшенiе шакой записки, но я все успѣлъ разсмошрѣшь между шѣмъ чершы и всѣ движенiя фшзiономiи Вальшера Скошша. Ошъ шого ли, чшо я вообразилъ, будшо мое приношенiе ему прiятно, или ошъ шого, чшо въ первый разъ, когда я его всшрѣшилъ, усшалось ошъ ходьбы, пошъ и пылъ понзмѣнили чершы его, шолько въ эшопъ разъ показалоь мнѣ, чшо голова его дѣшшвшпельно

имѣеть по величественное спокойствіе, кошорому удивляемся мы въ бюсье его, работы Шанпри, и когда онъ съ учивою улыбкою попросилъ меня съсье, въ этой улыбкѣ дѣйствительное было нѣчто привлекательное. — „Я вижу, сударь, что я вамъ нѣсколько обязанъ: я за честь почишалъ бышь извѣстнымъ во Франціи.“

— „Вась шамъ знаюшь, любяшь и уважають,“ ошвѣчалъ я: „но пошому, что ваши сочиненія чипають и на природномъ вашемъ языкѣ. Слабый переводъ мой помогъ, можешь бышь, нѣкошорымъ чипашеламъ поняшь, другихъ заставилъ угадашь васъ; но онъ васъ недостоинъ; однако жъ, если бы вамъ угодно было приняшь его ошь меня, въ знакъ глубочайшаго уваженія, то я бы за счастье почель представилъ вамъ его.“

Сиръ В. С. „Много благодарень вамъ: что будешь шакже пріятно женѣ моей. Позвольше познакомить васъ съ нею; надѣюсь, что вы останешесь съ нами позашпракашь.“

— „Извинише, я ошозванъ къ Проессору Томсону.“

Сиръ В. С. „Такъ я надѣюсь, что вы къ намъ въ другой разъ пожалуете, и тогда

будеть наша очередь? Долго ли вы думаете
пробыть въ Шотландіи?“

— „Полтора или два мѣсяца. Одно изъ
желаній моихъ уже исполнилось, я видѣлъ
your own romantic town (*) и ея Поэма, но
мнѣ хотѣлось бы также осмотрѣть мѣста,
кошорья воспѣлъ онъ:

*From lone Glenartney's hazel shade
E'en to the path of Beatha.*

Сиръ В. С. „Вы уже знаете имена на-
шего опечесства?“

— „Европа выучила ихъ въ *Госпожѣ
Озера*. Мнѣ хочется осмотрѣть всѣ мѣста,
описанныя въ этой Поэмѣ; но я бы вамъ
очень благодаренъ былъ, если бы вамъ угод-
но было научить меня.“

Тутъ Вальшеръ Скопшъ въ немногихъ
словахъ описалъ всѣ лучшіе виды въ Граф-
ствѣ Пертскомъ. Вошелъ человекъ, и онъ,
прося меня подождать, вышелъ минушь на
пять. Я воспользовался этимъ временемъ,
чтобы оглядѣть убранство кабинета, и дол-
го смотрѣлъ на *черепъ*, лежавшій на ками-
нѣ. Я не могъ сначала угадать, настоящій
ли это черепъ, или модель, прекрасно сдѣ-
ланная: какъ Апашомисль, я хотѣлъ раз-

(*) Стихъ изъ *Маріона*: вашу романтическую
весь....

смодрѣшь его ближе, но В. С. вошелъ и замѣшивъ еще нѣкое выраженіе моего любобышества, первый началъ говорить:

„Эта модель головы Роберта Брюса, одного изъ героевъ Шотландіи.“ И при сихъ словахъ, сказанныхъ иностранцу, въ глазахъ В. С. блеснула искра энтузіазма; по крайней мѣрѣ мнѣ такъ показалось. Онъ продолжалъ:

„Имя Брюса, имя Валласа производящъ у насъ дѣйствіе волшебное: они полу-боги нашихъ героическихъ временъ; независимая Шотландія гордится ихъ памятью. Они герои не только людей просвѣщенныхъ, но и народа. Баллады составляютъ большую часть Шотландской Лишерашуры, а въ вѣснихъ Балладахъ воспѣваютъ Брюса и Валласа. Робертъ Борнсъ, Поэтъ-простомудръ, также воспѣвалъ Валласа и Брюса въ концѣ прошедшаго вѣка. Вы не можете вообразить, какъ мы шоржесивовали, когда нѣсколько лѣтъ назадъ нашли могилу и кости Брюса; этому открытію обязаны мы *слѣпкомъ*. Это случилось въ 1818 году, когда въ Думферлинѣ рыли рвы для фундамента новой церкви. Острыми коглы, кошорой положеніе совершенно соотвѣтствовало описанію шаринныхъ нашихъ лѣтописцевъ, Барбура и Фордюна. Гробъ былъ

обить желѣзными обручами, кошорья ржавчина совсѣмъ почти съѣла; въ свинць во многихъ мѣстахъ были дыры. Нашли часник ошова чловѣка въ шесть фушовъ два дюйма вышиною...“

— „Роспѣ героевъ Гомеровыхъ!...“

Сирь Вальшеръ Скопшъ улыбнолся, слыша эшо замѣчаніе и продолжалъ:

„Тѣло было обернушо камкою чрезвычайно спонкою и запжанною съ золопомъ, кошорой еще ошасешся нѣсколько доскушковъ. На головѣ были признаки чего-шо, вѣроятно короны; въ свинцовомъ гробѣ былъ еще дубовый, а въ немъ уже лежало шѣло, но дерево было почти все изъѣдено червями; изъ него вынули нѣсколько гвоздей; кругомъ шамъ и сямъ нашли куски мрамора, вѣроятно ошашки памяшника. Я, какъ и многіе другіе, ходилъ на поклоненіе эшому гробу. Всякій смолрѣлъ съ почщеніемъ на благородные ошанки Короля Роберта Брюса.“

— „Вы уже шогда издали *Лорда острова* (*).“

В. С. „Да, эша Поэма вышла въ 1813 году.“

(*) Поэма, въ кошорой Робертъ Брюсъ играешъ главную роль.

— „Эта Поэма почти болѣе всего меня занимала; описаніе Гебридскихъ острововъ — картина дикая, но высокая.“

В. С. — „Въ изображеніи историческѣхъ происшествій мнѣ много помогъ старинный Поэтъ Бербуръ.“

— „Вы обновили героическія лѣтописи вашей опчины; вы возвратили гербу попомковъ вашихъ випязей весь блескъ, которымъ сіялъ онъ въ вѣка рыцарства. Жаловались на ваше молчаніе. Вашъ драматическій абрисъ *Галдоне Гилль* (*), также твореніе, исполненное народности; мы бы хотѣли, чшобъ оно было длиннѣе. Надѣюсь, что вы не отказались еще отъ Поэмъ?

В. С. — „Не знаю. Я ужъ и то къ много издалъ.“

— „Мы любимъ также и *вашу прозу*.“ Я коснулся чувствительной струны; но я далъ себѣ слово не говорить о Романахъ, чшобы не сдѣлаться нескромнымъ. Я пошчасъ прибавилъ: — „Я было думалъ перевести вашу *Жизнь Свифта*; я увѣренъ, что она понравится во Франціи.“

В. С. — „Я думаю, что вамъ бы лучше перевести сначала *Жизнь Драйдена*;

(*) Онъ тогда только что вышелъ.

эпошъ предметъ можешъ быць пріяннымъ для большаго числа чипашелей.“

— „Я знаю и ее, и чипаль съ удовольствіемъ и пользою. Въ эпошъ сочиненіи заключается лишерашурная исторія чешверши вѣка. Получилъ книгу, я раскрылъ оглавленіе и увидѣлъ имя Мольера; я шопчасъ ошыскалъ мѣсто, въ кошоромъ вы ошдаеше полную справедливосць его генію.“

В. С. — „Мольерь и Драйденъ оба подражали Плавшору *Амфитріону*. Драйдену было выгоднѣе: онъ подражалъ и Плавшу и Мольеру. Сказашъ мимоходомъ, Лапинскій Поэшъ менѣе всѣхъ соблюдаетъ единство мѣста. Въ Лапинской піесѣ Геркулесъ родится: Мольерь и Драйденъ шолько пригошовили его рожденіе за девашъ мѣсяцевъ.“

— „Наши Французскіе Ариспархи почишають Плавша варваромъ. Боало на него намѣкаешъ эшимъ стихомъ:

Le latin dans les mots brave l'honnêteté.

В. С. — „Драйденъ шакже ея не уважаетъ: въ одномъ мѣстѣ, говоря о Французской щекотливости, онъ приводитъ слова Моншаня (*) но Драйденъ и его со-

(*) Nous ne sommes que cérémonie; la cérémonie nous emporte et laisse la substance des choses.

временники были ужь слишком неразборчивы. Въ его время нашъ Театръ долженъ былъ бы успыдисься благоприличія Театра Французскаго. Амфипріонъ Мольера образецъ истинно забавнаго. Драйденъ грубъ и низокъ, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ Мольеръ оспроумень. Мольеръ рѣшился только вымолвить слово двусмысленное, а Драйденъ выскажеть все прямо.“

— „У Драйдена много Поэзіи въ роут Юпитера.“

В. С. — „Да, онъ обогатилъ своего Амфипріона побочною инпригою, кошорую бы Мольеръ охотно призналъ своею, инпригою между Меркуріемъ и Федрою, жемою Созія. Но онъ признаеть Мольера своимъ учипелемъ.“

— „Онъ былъ не шакъ справедливъ къ Расину, и вы почти соглашаешесь съ его

Nous avons appris aux dames à rougir, oyant seulement nommer ce quelles craignent aucunement à faire. Nous n'osons appeller à droit nos membres et ne craignons pas de les employes à toutes sortes de débauches, etc.“ Мы до крайности церемонны; думаемъ только о наружности и забываемъ сущность вещей. Мы научили дамъ краснѣть, когда только говорашъ о томъ, чего онѣ совсѣмъ не бояшся дѣлать. Мы не смѣемъ называть членовъ нашихъ по имени, а не спрашивая упошребляшъ ихъ на всѣ роды развраша и пр.“

миѣніемъ, когда онъ смѣется надъ излишнею совѣспливостію *Господина Ипполита* (*), копорый не смѣешь обвинишь своей ма-
чихи (**).“

В. С. — „Я не сказалъ своего миѣнія объ эпомъ мѣспѣ; я только назвалъ положеніе Ипполита въ эпомъ случаѣ скользкимъ, затруднительнымъ (knotty), но написалъ стихи Расина, чшобы чипашели могли судишь сами.“

— „Но въ другомъ мѣспѣ, смѣшное хвасповство *Драйденовыхъ* героевъ вы приписываете тому, чшо онъ подражалъ Французскимъ Трагедіямъ.

В. С. — „Римованныя Трагедіи или героическія піесы *Драйдена*, выходцы съ Театра Французскаго. Во Франціи *Лудовика XIV*, какой-шо пышный церемоніаль,

(*) Выраженіе *Драйдена*.

(**) А В І С Т Е.

..... Pourquoi? par quel caprice
Laissez vous le champ libre à votre accusatrice?
Eclaircissez Thésée.

Н И Р Р О Л И Т Е.

Hé! que n'ai-je point dit?
Ai-je dû mettre au jour l'opprobre de son lit? etc.

вопреки общимъ нравамъ народа, овладѣть Театромъ; Поэты заботились не о томъ, чтобы заславить героевъ своихъ говоривъ напурально, а о томъ, чтобы не нарушилъ закона церемоннаго благоприличія, налагаемаго присуществіемъ *Великаго Монарха*. Чувствованіями занимствовались у Сюдери и Ла-Кальпренеда. Разговоръ сообразовался съ придворнымъ эпикетомъ. Великій даръ Корнеля и Расина исправилъ множеству недѣлосшей въ этой системѣ; но планъ былъ ложный, и къ несчастію, ихъ стихи причли Французовъ къ слогу, кошорый бы безъ нихъ впалъ въ презрѣніе. . . .“

— „У насъ, во Франціи, есть, какъ и у Англичанъ, свои липерашурные предрасудки; однако жъ мы всякій день болѣе и болѣе уступаемъ новымъ идеямъ. Въ отношеніи къ нововведеніямъ Искусство Драматическое опспало; но оно сдѣлалось со временемъ уступки. . . . Въ нашей Словесности произошелъ переворотъ важный; въ этому много споспѣшествовали; но и у насъ въ Липерашурѣ есть также великій человекъ, кошорый теперь въ Лондонѣ.“

В. С. „Виконтъ де Шашобрианъ?“

— „Онъ представилъ и Франціи липерашурной.“

Мнѣ бы хотѣлось, чтобы В. С. прибавилъ что нибудь къ имени знаменитѣйшаго изъ нашихъ Писателей; но это имя послужило ему только переходомъ къ другому: къ имени женщины, которую въ Англіи болѣе знаюшь и болѣе хваляшь, пошому что мнѣнія ея и въ Полюшкѣ и въ Литературѣ, ближе къ мнѣніямъ Англичанъ. Онъ сказалъ мнѣ:

„Здѣсь Баронъ Смаль; онъ мнѣ сдѣлалъ честь своимъ посвященіемъ. Вы его знаете?“

— „Видывалъ иногда у Г. Гизо, одного изъ самыхъ глубокихъ нашихъ публицистовъ и человека весьма знающаго въ новѣйшихъ Литературахъ.“

В. С. „А знали ли вы Госпожу Смаль?“

— „Я былъ еще очень молодъ, когда ее видѣлъ въ обществѣ; но около нее было множество народа: я слышалъ и понималъ развѣ только двѣ ея фразы.“

В. С. „Говоряшь, что она была удивительна въ разговорахъ, удивительнѣе, нежели въ швореніяхъ, хотя она часто думаешь и пишешь, какъ мужчина.“

— „Я много слышался объ очаровательности ея импровизацій у Г-жи Гизо.“

В. С. „Она владычествовала въ литературномъ мѣрѣ. Сынъ ея кажется мнѣ человекомъ примѣчательнымъ: онъ, какъ ино-

странецъ, говоритъ по-Англійски съ нѣкоторымъ совершенствомъ. Не было ли дочери у Г-жи Спаль?«

— „Была — и женщина очень умная; она вышла замужъ за Герцога Бролио (Broglio), одного изъ начальниковъ нашей оппозиціи въ Палатѣ Перовъ.“

В. С. „Подписка сильно занимаетъ васъ во Франціи, и она присвоиваетъ себя всѣхъ вашихъ людей съ дарованіемъ.“

— „Она отвлекаетъ нѣкоторыхъ изъ нихъ отъ Словесности, собственно такъ называемой, но за то направляетъ мысли къ цѣли болѣе важной и благородной. Вы вѣдь вѣдвали въ Парижъ?“

В. С. „Вѣдвалъ въ 1815 году; но я мало видѣлъ Францію. Въ то время всякій иностранецъ долженъ былъ казаться ей непріятелемъ: семейства запирались у себя дома. Я въ Парижѣ жилъ больше съ Англичанами и Нѣмцами, нежели съ Французами.“

— „Думаете ли вы съѣздишь къ намъ опять?“

В. С. „Не надѣюсь.“

— „Въ то время не было и сѣча чело-
вѣкъ, которыхъ бы извѣстно было ваше
имя; теперь его также знаютъ и любятъ,
какъ имена лучшихъ нашихъ Авторовъ.“

Вась бы приняли съ удовольствіемъ и удивленіемъ.“

Сирь В. С. скромно улыбнулся. Я прибавилъ :

„Намъ мало вашихъ *Писемъ Павла*. Впрочемъ безприсраспные Французы почишають замѣчанія ваши довольно безприсраспными; но намъ бы хошѣлось, чшобы вы насъ знали и думали о насъ лучше.“

Мнѣ часто случалось слышать, чшо *Письма Павла* соч. Вадъпера Скопша, называють сборищемъ клеветъ на Францію. Нѣкоторыя Журнады оцѣнили ихъ такимъ образомъ, и многіе люди удовольствовались эшимъ гошовымъ мнѣніемъ, не прочишавъ ихъ сами. Не говорю, чшобы это сочиненіе было правдиво во всѣхъ своихъ подробностяхъ: видѣвъ многое поверхностно, Авторъ часто судилъ ошибочно; поживъ у насъ не долго, онъ шакже не могъ отбросить нѣкоторыхъ предразсудковъ *Англичанина* и *тори*. Но онъ ошдаешь справедливосшь многимъ Французскимъ добродѣтелямъ, между шѣмъ, какъ большое число его соотечественниковъ совсѣмъ не признаешь ихъ въ насъ. Англійскіе путешественники въ эшомъ опношеніи насъ не избаловали, и, по сравненію съ другими, Павелъ еще довольно уважаетъ насъ. *Письма Павла*

часто смѣшивали съ *Повѣдкою въ Парижъ въ 1815 году* соч. какого-то Джона Скопша, безстыднаго клеветника, кошорый въ послѣдствіи былъ убитъ на дуэли, поссорившись съ Г. Локкаромъ, зятемъ В. Скопша.

Возвращаюсь къ *нашему разговору*.

Сиръ Вальшёръ повторишь мнѣ, что онъ не надѣется бышь скоро во Франціи;— шушь онъ сдѣлалъ нѣсколько учивыхъ вопросовъ, относившихся до меня. — Я ушелъ отъ него и отправился къ Профессору Томсону.

Приводя сей разговоръ и слѣдующіе, я долженъ откровенно признаться, что пользуюсь моими записками, писанными въ шопъ же самый день, и болѣе убавляю, нежели прибавляю. Но вообще сообразовался я съ извѣстными, печатными мнѣніями В. Скопша, чшобы не ошибиться и не приписать ему словъ, кошорыхъ бы онъ никогда не сказалъ. Когда слишкомъ сокращенныя записки мои неполны, я ихъ осшавляю, чшобы бышь правдивымъ. Бышь можешъ, чшо я, неизмѣняя смысла фразы, иногда ее округивалъ, для того, чшобы замѣнить выраженіе при разговорѣ, кошорое можно иногда передать чшашащеламъ не иначе, какъ лишнимъ эпипешомъ или вшорю, изъяснительною фразою.

Р. С. Прибавлю здѣсь еще, что Френологическія Шотландскія Общества много занимались головою Роберта Брюса (*). Г. Вильямъ Скопшъ напечаталъ въ актахъ (Transactions) одного изъ сихъ Обществъ записку объ отношеніяхъ, существующихъ между характеромъ знаменитаго Короля Брюса и развитіемъ его мозговыхъ органовъ. Онъ нашелъ всѣ шишки, объясняющія и жизнь и каждое изъ дѣяній его.

Вошь Ода, сочиненная, въ порывѣ энтузіазма Рюбершомъ Борнсомъ, въ воспоминаіе сраженія при Боннокбургѣ. Ода сія сдѣлалась народною пѣснею.

Брюсъ говоришь въ ней рѣчь своему войску.

Scots wha hae with Wallace bled etc.

— „Шотландцы, проливавшіе кровь свою съ Валласомъ — Шотландцы, которыхъ Брюсъ часто водилъ или на кровавый опдыхъ, или на славную побѣду; привѣщившую васъ, Шотландцы!

„Наспалъ день, наспалъ часъ! смогрише — шѣсняшъ первые ряды непріятелей, близящся воины Эдуардовы. — Эдуардъ, цѣпи и рабство!

(*) Докторъ Шпурцгеймъ и его система въ большой модѣ въ Шотландіи.

„Кшо измѣнишь чести? Кшо ляжеть въ гробъ робкаго? Кшо захочеть бышь невольникомъ? Измѣнники, робкіе, обратишь и бѣгише!

„Вы, обнажающіе мечъ свободы за Царя и Шотландію, бейтесь свободные, или свободные гибните. — Впередъ, за мной, Каледоняне!

„Злочасстіями и скорбію пригнѣсныхъ, цѣпями дѣшей вашихъ — клянишь пролишь кровь свою до капли. — Но дѣши ваши будутъ будутъ независимы.

„Понизыше надменнаго похишиши; свобода будетъ наградою каждаго удара. — Впередъ! Побѣда или смерть!“

Вы догадаешесь, что быспроша стихосложенія увеличиваетъ дѣйствіе сей пѣсни.

Пер. — иъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

I.

М И Н У Т А В Д О Х Н О В Е Н І Я .

Весна, весна! суровыхъ дней
 Съ лица земли слезъли непогоды....
 Уже я зрю: цвѣшь радужный лучей
 Выячаешь чудный ликъ природы!
 Одълась лакомъ гладь луговъ,
 Бѣжишь ручей волной сребристой,
 Благоухаешь воздухъ чистый
 И въ шипинѣ цвѣщающихъ дубровъ
 Пѣвецъ зашолкалъ голосистый!

У Невскихъ поселясь береговъ,
 Влущу ль опять небесную любовь,
 И наслажусь ли я гармоніей созданья?
 Лельѣй, ласкай, мечша очарованья,
 Счастливица вновь!

И я горю, въ прекрасный мигъ забвенья,
 Тобой, души восторгъ божественный, святой!
 Твоей волшебной красошой
 Одушевленъ даръ пылкій пѣснопѣнья!

Наспровъ звонкую свирѣль —
 Уединенія въ тиши благословенной —
 Пою, пою, — и сладостная прель
 Какъ нектаръ, какъ огонь любви священный
 Возносишь духъ Поэта умиденный!

Николай Лутковскій.

Э Л Е Г И Я.

Души возвышеннаго чувства,
 Любви въ то время я не зналъ,
 Когда, впервые, безъ искуства
 Владѣшь цѣвницей начиналъ.
 Невинныхъ сердца впечатлѣній
 И дѣтскихъ игръ и наслажденій
 Мнѣ сладокъ первый былъ напитокъ;
 Но непонятны были встрѣчи,
 Ни ласки милая, ни рѣчи
 Богошворимыхъ мнѣ дѣвъ.

Николай Лутковскій.

VI.

СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИЯ И ПОЛИТИКА.

Историческое и политическое обзорное происшествіе 1826 года.

(*Продолженіе.*)

Британская Монархія, какъ мы уже
 сказали, шолько по географическому по-
 ложенію своему можешь бышь причислена къ
 Европѣ, но по внѣшнимъ отношеніямъ, про-
 сшранству владѣній и морской силѣ, при-

надлежишь, ко всѣмъ часямъ свѣша, и по-
тому мы изъ оной соспавляемъ переходъ
къ другимъ главнымъ часямъ нашего шара. —
Крипическое положеніе торговыхъ и де-
нежныхъ оборотовъ, слѣдствіе безмѣрныхъ
спекуляцій, о коихъ мы упомянули въ обо-
зрѣніи прошедшаго года, продолжалось еще
и въ началѣ нынѣшняго года, и имѣло весь-
ма вредное и опасное вліяніе на фабричные
округи; въ самомъ бѣдственномъ состояніи
находились рабочники на шелковыхъ фа-
брикахъ. — Въ продолженіе сихъ крипиче-
скихъ обшояшельствъ опкрышы были 3
Февраля засѣданія Парламенша. Въ рѣчи Ко-
роля упомянушо было о господствующемъ
недоспашкѣ въ деньгахъ, происшедшемъ не
опъ внутреннихъ и не опъ внѣшнихъ по-
липическихъ причинъ, и поданъ былъ со-
вѣшь поставишь вѣрнѣйшее основаніе для
коммерческихъ средствъ Государства. Ка-
сашельно внѣшнихъ сношеній сказано „чшо
Король посшоянно и неупомимо спараеш-
ся примиряшь *противоборствующія другу
другу выгоды*, и какъ въ Сшаромъ, шакъ и
въ Новомъ Свѣшѣ, преклоняшь къ миру и
держашься онаго.“ Еще было говорено въ
сей рѣчи о признаніи Поршугалією незави-
симости Бразиліи, о торговыхъ условіяхъ
съ Францією и Ганзейскими городами, о дру-

жественномъ и торговомъ договорѣ съ Колумбійскою Республікою, о надеждѣ вскорѣ пріобрѣсти оружіемъ славный миръ въ Остъ-Индіи, также изъявлено было желаніе объ улучшеніи состоянія Ирландіи, въ которой торговля и ремесла оказываютъ успѣхи, и объявлено, что Государственный доходъ совершенно отвѣтствовалъ ожиданіямъ. Въ Верхней Палатѣ Лордъ Кингъ пошчасъ потребовалъ пересмотра законовъ о хлѣбѣ, но Графъ Ливерпуль, признавъ достаточность оныхъ вообще, сказалъ, что при нынѣшнихъ обстоятельствѣхъ конечно ни одинъ Министръ въ настоящее засѣданіе не будетъ требовать онаго. Онъ напомнилъ о предсказанныхъ имъ въ прошедшее засѣданіе слѣдствіяхъ излишнихъ спекуляцій, и предложилъ, какъ главное средство къ предупреженію на будущее время подобныхъ бѣдствій, вмѣсто мелкихъ ассигнацій, пустить въ ходъ звонкую монету, и согласился съ Англійскимъ Банкомъ объ ограниченіи въ которыхъ изъ его привилегій. То же самое говорили и Министры Каннингъ и Гускисонъ. Канцлеръ Казначейства сдѣлалъ предложеніе, чтобы Нижняя Палата занялась мѣрами въ отношеніи къ Банкамъ и банковымъ ассигнаціямъ, и чтобы обращеніе ассигнацій менѣе пшенично-фушоваго достоинства

продолжалось не долге 5 Февраля 1829 года. По двухдневномъ продолжительномъ и сильномъ преніи прошиву оппозиціи, въ кошоромъ Гг. Пиль, Каннингъ и даже Броутгамъ говорили въ пользу рѣшенія Миниспрровъ, сіи послѣдніе наконецъ одержали верхъ. Въ Верхней Палатѣ поднесъ Графъ Ливерпуль билль, кошорымъ грамоша привилегій Англійскаго Банка была измѣнена въ нѣкошорыхъ спашьяхъ. Также удалось Миниспрамъ, послѣ долгихъ переговоровъ, убѣдись Банкъ въ выдачу въ заемъ 4 милліоновъ фуншовъ подъ залогъ шоваровъ. Пошомъ Г. Барингъ объявилъ, что онъ съ удовольствіемъ замѣчаетъ, что въ слѣдствіе доспохвального поступка Англійскаго Банка, довѣріе и сбытъ возстановились въ шорговль, а Г. Пирсъ прибавилъ, что никшо изъ купечества, къ чему онаго, не пребуешь опъ Банка болѣе шого, сколько ему необходимо нужно. Такимъ образомъ и сіе великое бѣдствіе подало Англійскому духу общественной пользы, основанію величія Британніи, случай показаться во всемъ своемъ блескѣ. Спошь же челоувколюбиво и благоразумно, было единадушное рѣшеніе Парламента на предложеніе Миниспра Колоній, чтобы законно улущишь судьбу невольниковъ. 13 Марша, Канцлеръ Казначейства предложилъ Нижней Палатѣ

финансовый отчетъ, кошорый былъ удовлетворительнѣе, нежели какъ шого можно было надѣяться. Весь годовою доходъ простирался до 57,043,000 ф. ст., расходъ же только до 56,328,421 ф. ст.; при семъ Министръ замѣнилъ, что въ теченіе семи лѣтъ, онъ предлагалъ уменьшенія податей, кошорыя составляютъ около 8 милліоновъ ф. ст. — Рѣчь и отчетъ его были приняты съ громкимъ рукоплесканіемъ. Г. Пилъ предложилъ исправить Уголовный Уставъ, преимущественно относительно къ наказанію воровства, ибо онъ утверждалъ, что нынѣ существующія 98 часто противорѣчащихъ одно другому постановленій, кошорыя должны бытъ замѣнены однимъ общимъ и яснымъ закономъ. Г. Гускисонъ, въ превосходной и сильной рѣчи, распространился на отчетъ вредныхъ дѣйствій системы запретительной, кошорая, безъ выгоды для Правительства, питаетъ безнравственность, обманъ и клеветнопредупрежденіе, и объявилъ, что онъ твердо намѣренъ не оставлять принятой нынѣ системы. Англійскіе Министры опложили важнѣйшіе вопросы, конхъ удовлетворительное рѣшеніе означши уже прежде щещно было испытано, опчасши было невозможно, опчасши же было еще слишкомъ рано, какъ

напр. уравненіе правъ Ирландіи, биль о хлѣбѣ и ш. п., до сѣдующаго Парламентскаго собранія, въ кошоройъ они ожидали, что фабриканшы и купечество, и вообще шорговая и демократиическая сшихія получишь болѣе вѣсу, чѣмъ въ послѣднемъ, гдѣ, не смолря на великодушный образъ мыслей Миниспровъ, земледѣльческая и аристократиическая имѣли сильный перевѣсъ. Пошомушо Маркизь Ландсоунъ, Лордъ Грей, и Сиръ Франсисъ Бордешъ ошсовѣтовали Ирландскимъ Кашоликамъ подавашъ въ сіе засѣданіе прошеніе объ уравненіи правъ. Оспановка фабрикъ и происшедшая опъ шого праздношь и мяшежныя волненія 100,000 работниковъ, въ большихъ мануфакшурныхъ округахъ, кошорые могли бышь укрощены полько съ помощію военной силы и не безъ кровопролишія, побудили Г. Каннинга уже 1-го Мая учинишь предложеніе, чшобы позволено было продавашъ для внушренняго упошребленія иностранныя лѣбъ, находящійся нынѣ въ Королевскихъ магазинахъ; оное и было немедленно принято. Но большаго шруда спояло ему досшавишь благосклонный приѣмъ вшорому продолженію своему, чшобы Минисшрамъ, по окончаніи засѣданія, довѣрено было на собшвенную ошвѣшшвенношь, дозволяшь ввозъ нужнаго количества хлѣба.

Однако же Министры успѣли до того, чѣмъ предославлено было на совѣсшь, позво-
дишь ввезши до 500.000 чешвершей хлѣба,
плаши, въ случаѣ нужды, пошлины по 12
шиллинговъ съ чешверши, полагая срокомъ
ввозу два мѣсяца. — 31 Мая, Парламентъ
былъ закрытъ Королевскою Коммисією,
кошорая объявила, чшо нынѣшній Парла-
ментъ распущенъ и долженъ бытъ созвать
новый, къ кошорому немедленно и начались
выборы.

Король и знаменишій Министръ его,
Каннингъ, въ шеченіе сего года спрадами
опасными болѣзненными припадками. Зде-
ровье Герцога Йоркскаго подавало поводъ къ
сильнѣйшимъ опасеніямъ. Герцогъ Кларак-
скій также не очень здоровъ. Наслѣдіе пре-
шшла нѣкогда перейдесть къ Принцессѣ Але-
ксандрѣ Викшоринѣ Кеншской, род. 24 Мая
1819 года, кошорой нынѣ 7 лѣтъ онъ роду.
Выборы новаго Парламента вообще произ-
ведены были къ удовольствію Министровъ;
щещно пресловушыя Коббешъ и Гуинъ
искали голосовъ. Такъ какъ 'шорговые обо-
рошы все еще не приходили въ лучшее со-
стояніе, фабрики все еще находились въ
бездѣйствіи и жашва была не обмѣна,
по 1 Сентября положено было опкрышь
новымъ засѣданіемъ Парламента, и позво-

лишь ввозъ различнаго жита за 40 дней до
открытія Парламенша. Съ тѣхъ поръ сно-
ва увеличилась дѣятельность на фабрикахъ.
21 Ноября Король лично открылъ новый
Парламеншъ и объявилъ въ рѣчи своей,
что Парламеншъ созданъ преимущественно
для того, чтобы позволить необходимый
ввозъ нѣкоторыхъ родовъ жита. 24 Ноября,
Г. Гускисонъ требовалъ двухъ рѣшеній:
первое относилось къ снятію съ Минист-
ровъ отвѣтственности въ томъ, что они
самовольно поступили на основаніи поста-
новленія Совѣща отъ 1 Сенября; второе
касалось позволенія ввозить иностраннѣй
хлѣбъ съ плашою означенной въ вышепомя-
нутомъ постановленіи пошлины. Оба пред-
ложенія были приняты, послѣднее съ назна-
ченіемъ срока 15 Февраля. Послѣ Нового
года, Парламеншъ пространнѣе займется за-
конами о хлѣбѣ.

И въ семь году Великобританія при-
нимала живое участіе въ великихъ полипиче-
скихъ сношеніяхъ въ Европѣ и внѣ оной.
Особенно важно было вышепомянутое пу-
шешествіе Герцога Веллингтона въ Пешер-
бургъ, за которымъ Герцогъ Девонширскій
послѣдовалъ въ качествѣ Чрезвычайнаго По-
сла на Коронацію въ Москву. Пешешествіе
Министра Каннинга въ Парижъ, 15 Сеня-

бря, о которомъ составляли столько предположеній, относилось частію къ Греческимъ, частію къ Португальскимъ дѣламъ, на которыя Англійское Минисстерство оказало рѣшительное вліяніе. Съ Соединенными Штатами Сѣверной Америки Англія, какъ мы о томъ скажемъ ниже, имѣла переговоры о весьма важныхъ предметахъ, которые легко могли бы подать поводъ къ разрыву дружественныхъ связей. Она соснояла также въ тѣсныхъ связяхъ съ Юго-Американскими Штатами; торговой договоръ съ Бразиліею не могъ бытъ утверждёнъ, и тщетно спаралась Англія примирить Бразилію съ Соединенными Штатами Ла-Платы. Въ Гаити отправлены были Консулы, а Г. Доукинсъ Посланникомъ на Конгрессъ Панамскій. — Война съ Бирманами, какъ мы даѣе упомянемъ, была счастливо окончена. Въ Адмиралтействѣ господствовала великая дѣятельность: въ началѣ года посланы были 96 военныхъ кораблей, въ числѣ коихъ 15 трехпалубныхъ. Рѣшено было отправить Капитана Парри съ новою экспедиціею для непосредственнаго приближенія къ сѣверному полюсу, и преимущественно для осмотра восточнаго берега Шпицбергена. Капитанъ Франклинъ отправляется на открытія ошъ рѣки Макензи. Майоръ Ле-

енгъ дваааъ важныя опкрытія во внушренности Африки; новая экспедиція, подъ начальствомъ Капитана Кинга, отправилась въ Южное море, преимущественно для обозрѣнія южнаго мыса Америки. — Испольское предпріятіе усшроепія подводнаго пути подъ Темзою благополучно подвигалось впередъ, и должно бытъ окончено въ печеніе двухъ лѣтъ. Парламентъ ушвердилъ построеніе чугуинной дороги между Ливерпулемъ и Манчестеромъ. Опышты надъ Перкинсовымъ паровымъ орудіемъ были учинены въ присушствіи Герцога Веллингтона, и удались сверхъ ожиданія. — Безпрерывно умножается народонаселеніе необъятнаго Лондона, въ копоромъ, въ 1826 году, счишалось 21,026 умершихъ и 25,634 родившихся.
(*Окончаніе впередъ.*)

VII.

СОВРЕМЕННАЯ РУССКАЯ БИБЛІОГРАФІЯ.

Н О В Ы Я К Н И Г И.

1 8 2 7.

С л о в е с н о с т ь .

Альманахи на 1827 годъ.

17. *Съверные цѣбты на 1827 годъ. Изда ны Барономъ Дельингомъ. С. П. б., въ*

ниногр. Депарш. Народн. Просвѣщенія,
1827., 348 стр. въ 16 долю листа.

(Альманахъ сей уже прешій годъ появ-
ляется въ свѣтъ, и заслужилъ въ полной
мѣрѣ одобреніе всѣхъ любителей легкаго и
пріятнаго чтенія. Въ нынѣшнемъ году, мо-
жетъ смело сказаны, что онъ есть *первый*
по богатству, разнообразію и достоинству
сташей, его составляющихъ, особливо въ
оцѣненіи стиховъ, равно какъ и по кра-
сотѣ изданія. Всѣхъ, помѣщенныхъ въ немъ
стишей, 59; изъ нихъ 10 прозаическихъ и
49 стихотворныхъ. Одно могли бы мы за-
мѣнить почтительно его собирателю: то,
что онъ прозу оцѣнилъ опъ стиховъ. Въ
Альманахѣ, какъ въ Англійскихъ садахъ,
все должно бѣшь нечаянноштію, чшобы чи-
татель всрѣчалъ, не ожидая, прозу или
стихи, *только* или сташью нравственную,
опредѣлъ въ Поэмъ или пѣсенку, и все
сіе въ *композиціи* пріятномъ безпорядкѣ,
въ *какомъ* при наружномъ описушеніи вся-
кой *стиши*, должна соблюдаться главная
цѣль *альманаха* — разнообразіе. Но видя
для *опредѣленія* въ Альманахѣ, читатель из-
вестно *не* знаетъ, что здѣсь искашь дол-
жно *или* и *стихи* стиховъ. Намъ кажется
сіе *не* *хорошо* *этого* изданія сіе снѣженіе
пре *бѣше*. Кромѣ заглавной

виньешки, въ семь году къ *Съвернымъ Цвѣтамъ* приложены слѣдующія каршинки: портретъ Г. *Варника*, выгравированный Г. Гаршманомъ въ уменьшенномъ видѣ съ того, который имъ самимъ написанъ; *видъ крѣпости Св. Ангела въ Римѣ* писанный съ натуры Г. *Щедринымъ*, а съ его каршинны срисованный Г. *Лангеромъ* и выгравированный Г. *Ческимъ*; и каршинка, представляющая *Рыбаковъ*, къ Идилліи Г. Гивдича, рисованная Г. *Воробьевымъ* и гравированная Г. *Галактіоновымъ*).

18. *Литературный Музеумъ на 1827 годъ Владиміра Измайлова. Изданіе А. Ширлева.* М. въ типогр. С. Селивановскаго, 1827. 320 стр. въ 16 д. съ листкомъ нотъ.

(Многіе изъ читающихъ нашихъ соотечественниковъ изъявляли сожалѣніе о томъ, что въ Альманахахъ Русскихъ перестали печашась отчеты о пекущей Словесности нашей за предшествовавшіе годы. Г. Измайловъ пополнилъ сей недостатокъ: въ началъ своего Альманаха, помѣстивъ оны *Обозрѣніе 1826 года*, въ которомъ перечисляетъ все, вышедшее въ печать за прошлый годъ и заслуживающее вниманія. Сужденія его изложены въ духъ безпристрастной

шиногр. Депарш. Народн. Просвѣщенія,
1827., 348 стр. въ 16 долю листа.

(Альманахъ сей уже прешій годъ появляеся въ свѣсъ , и заслужилъ въ полной мѣрѣ одобреніе всѣхъ любителей легкаго и пріятнаго чшенія. Въ нынѣшнемъ году, можемъ смѣло сказашь, что онъ естъ *первый* по богатству, разнообразію и доспоинству спашей, его составляющихъ , особливо въ опдѣленіи стиховъ , равно какъ и по красотѣ изданія. Всѣхъ , помѣщенныхъ въ немъ спашей , 59; изъ нихъ 10 прозаическихъ и 49 стихотворныхъ. Одно могли бы мы замѣшнпшъ почтенному его собирашелю: шо, что онъ прозу опдѣлилъ опъ стиховъ. Въ Альманахъ , какъ въ Англійскихъ садахъ , все должно бытъ нечаянноспію , чшобы чшпашель вспрѣчалъ , не ожидая , прозу или стихи , повѣспъ или спашью нравспвенную , опрывокъ изъ Поэмы или пѣсенку , и все сіе въ нѣкошоромъ пріятномъ безпорядкѣ , въ коемъ , при наружномъ опсущспвіи всякой системы , должна соблюдашья главная цѣль Альманаховъ — разнообразіе. Но видя два опдѣленія въ Альманахъ , чшпашель напередъ уже знаешъ , что здѣсь искашъ должно прозы , а шамъ стиховъ. Намъ каженся , что и для самаго изданія сіе смѣшеніе прозы и стиховъ удобнѣе. Кромъ заглавной

виньешки, въ семь году къ *Съвернымъ Цвѣтмъ* приложены слѣдующія картинки: портретъ Г. *Варника*, выгравированный Г. Гарпманомъ въ уменьшенномъ видѣ съ того, копорый имъ самимъ написанъ; *видъ крѣпости Св. Ангела въ Римѣ* писанный съ натуры Г. *Щедринымъ*, а съ его картины срисованный Г. *Лангеромъ* и выгравированный Г. *Ческимъ*; и картинка, представляющая *Рыбаковъ*, къ Идилліи Г. Гивдича, рисованная Г. *Воробьевымъ* и гравированная Г. *Галактионовымъ*).

18. *Литературный Музеумъ на 1827 годъ*
Владимира Измайлова. Изданіе А.
Ширлева. М. въ типогр. С. Селивановскаго, 1827. 320 стр. въ 16 д. съ
листочкомъ пошъ.

(Многіе изъ читающихъ нашихъ соотечественниковъ изъявляли сожалѣніе о томъ, что въ Альманахахъ Русскихъ перестали печататься отчеты о текущей Словесности нашей за предшествовавшіе годы. Г. Измайловъ пополнилъ сей недостатокъ: въ началъ своего Альманаха, помѣстивъ оны *Обозрѣніе 1826 года*, въ которомъ печатается все, вышедшее въ печать за прошлый годъ и заслуживающее вниманія. Сужденія его изложены въ духъ безпристрастной

и благомыслящей критики. — Всѣхъ прозаическихъ спашей въ *Литературномъ Музеумѣ* помѣщено 9, въ числѣ коихъ два ошрывка, изъ *Карамзина*; прочія сочин. *В. Измайлова*, *Ө. Глинки*, *В. Пушкина*, *Кн. Вяземскаго*, *Иванчина-Писарева* и *Сомова*; стихотвореній 27, соч. *И. И. Д.*, *А. Пушкина*, *Жуковскаго*, *Гнѣдича*, *В. Измайлова*, *В. Пушкина*, *Боратынскаго*, *Кн. Вяземскаго*, *Ө. Глинки*, *М. Дмитриева*, *Д. Глѣбова*, *Раича*, *Иванчина-Писарева*, *Г-жи Готовцевой* и *Филимонова*. Изъ кошорья сочиненія въ прозѣ и стихахъ даюшь сему *Альманаху* достоинство хорошей и пріятной книги и мѣсто между лучшими *Альманахами* сего года.)

Конецъ сто двѣнадцатой части.

О Г Л А В Л Е Н І Е

СТО ДВНАДЦАТОЙ ЧАСТИ.

	Стран.
I. Изящная Словесность.	
1. Густавъ Ваза, (Обонч.)	3
2. Свѣшь Гарема	27
3. Арестаншъ	105
	(Прод.) . . 213
	(Обонч.) . 309
II. Военное Искусство.	
Исторія Армилерія, (Прод)	60
III. Военная История.	
Битва Аркольская	340
IV. Отечественная Словесность.	
Письма на Кавказъ, (Прод)	372
V. Словесность.	
Бесѣда у Вальшера Скошша	381
VI. Стихотворенія.	
1. Цвѣтш	98
2. Старой кокешѣ	99
3. Новый Нарциссъ	100
4. Подражаніе 113 Псалму	198
5. Ювъ	279
6. Минуша вдохновенія	401
7. Элегія	402

VII. КРИТИКА.

1. Замѣчаніе на книгу: Военное Красноутѣе 73
(Окзпч.) . 155
2. Апши-Журналистика 174
3. На статью Геерса о Рахайяль . . . 255

VIII. СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИЯ И ПОЛИТИКА.

- Обозрѣніе промшешствій 1826 года . . . 92
(Прод.) . 201
(Прод.) . . 231
(Прод.) . . 402

IX. СОВРЕМЕННАЯ РУССКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ 100

210
307
411.



